Б47 2/133.
2

133

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА ИМ. М.В. ФРУНЗЕ

в

А. СВЕЧИН

Ю

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

ТОМ ВТОРОЙ

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Б47 2/133

Б4

СССР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА ИМЕНИ М. В. ФРУНЗЕ

А. СВЕЧИН

Сю

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

ТОМ ВТОРОЙ

С 36 СХЕМАМИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 4858
27/III 1928 г.
БИБЛИОТЕКА.

Главлит № А — 2199. Гиз. № 23629. Тираж 4000 экз.

Типография Госиздата „Красный пролетарий“. Москва, Пименовская, 16.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие ко второму тому 7

Глава I. Восточная война 1853—56 гг.

Россия в середине XIX века. Николаевская армия: комплектование, командный состав, генеральный штаб, организация и мобилизация, военная промышленность, вооружение, тактика. Ограниченные цели Восточной войны. Наши противники; английская армия. Морские силы. Дунайская кампания 1853—54 г.г.; Паскевич и осада Силистрии. Перевозка союзных войск в Галиполи. Первые промежуточные цели. Высадка в Крыму. Организация союзного командования. Сражение на р. Альме. Устройство союзников на Херсонесском плато. Материальные средства Севастополя. Неуспех ускоренной атаки. Наступательные действия русских. Материальное состязание. Сообщения. Постепенная атака. Сокрушение и измор в дискуссии между союзниками. Керченская экспедиция. Агония Севастополя. Конец войны. Финансовые итоги. Санитарные итоги. Общие замечания. Литература . . . . 11—76

Глава II. Итальянская война 1859 года

Ограниченные цели войны. Театр войны. Сардинская армия. Австрийская армия. Мобилизация и сосредоточение австрийцев. Французская армия. Мобилизация и сосредоточение французов. Вооружение. Устройство обоза. Маджентская операция. Сольферино. Толкование опыта войны во Франции и Австрии. Литература . . . . 77—122

Глава III. Очерк гражданской войны в Соединенных штатах

Соединенные штаты в середине XIX века. Демократы и республиканцы. Политические условия войны. Юг как театр войны. Начало гражданской войны. Вооруженные силы Юга. Вооруженные силы Севера. Хроника первых лет военных действий на Виргинском театре. Гетисбургская операция. Общие замечания. Литература . . . . 123—167

Стр.

Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии

Стремление к национальному объединению. Установление общей воинской повинности. Ландвер. Военная реформа 1860 г. Командный состав. Генеральный штаб. Шарнгорст и кружок реформы. Устройство генерального штаба Грольманом. Расширение круга деятельности при Мольтке. Мобилизация. Судьбы военной теории в Пруссии. Прусские уставы 1811 и 1847 г.г. Огневая тактика. Клаузевиц: политика и война, моральный элемент, сокрушение и измор, оборона и наступление, реализм, значение теории. Литература . . . . 168—234

Глава V. Война за гегемонию в Германии 1866 г.

Подготовка Бисмарком войны 1866 г. Мобилизация. Австрийская политика. Оперативное развертывание. „Гнусная крайность сосредоточения“. Директивы. Устройство тыла прусских армий. Кенигрецкая операция. Конец войны 1866 г. Действия по внутренним линиям. Итоги. Литература . . . . 235—272

Глава VI. Франко-германская война 1870—1871 гг.

Политическая обстановка к началу войны. Вооруженные силы Франции. Планы войны. Немецкий тыл. Тактика. Атака IX корпуса 18 августа 1870 г. Атака 1 гвардейской дивизии на Сен-Прива. Седанская операция. Вторая часть войны; политическая обстановка. Вооруженные силы республики. Блокада Парижа. Стационарность германских сил. Итоги. Литература . . . . 273—336

Глава VII. Русско-турецкая война 1877—78 г.

Милютинские реформы. Военные округа. Воинская повинность. Офицерский состав. Высший комсостав и генеральный штаб. Перевооружение. Мобилизация. Тактика. Политическая обстановка. Турецкая армия. План Обручева. Устройство тыла русской армии. Переправа через Дунай. Попытка сокрушения. Первая и вторая атаки Плевны. Переход к обороне. Третья Плевна. Атака Скобелева. Плевненский кризис. Блокада Плевны. Переход через Балканы. Марш к Адрианополю. Перемирие и Сан-Стефанский мир. Ход военных действий на Кавказском фронте. Общие замечания. Литература . . . . 337—411

Стр.

Глава VIII. Англо-бурская война 1899—1902 гг.

Англия и Бурские республики. Театр войны. Вооруженные силы буров. Английская армия. Наступление буров. Действия лорда Буллера. Реорганизация Робертса. Паадербергская операция. Паадербергский бой. Капитуляция Кронье. Бескровное маневрирование. Партизанская война. Общие замечания. Литература . . . . 412—448

Глава IX. Русско-японская война 1904—05 гг.

Политическая подготовка войны. Русская армия в начале XX столетия. Система Обручева. Дальний Восток. Сибирская железная дорога. Морские силы России. Вооруженные силы Японии. Театр войны. Русский план войны. Укомплектование. Японский план войны. Русский тыл. Японский тыл. Борьба за Порт-Артур. Ляоянская операция. Операция на р. Шахэ. Мукденская операция. Литература 449—523

Глава X. XX век

Эпоха Мольтке и эпоха империализма. Германская армия. Французская армия. Русская армия. Новые материальные факторы. Железные дороги. Паровой флот. Средства связи. Новая экономика. Перманентность мобилизации. Культурная эволюция. Рост обозов. Механическая тяга. Новое оружие; средства дальнего боя. Средства ближнего боя. Авиация. Долговременные укрепления. Оперативное искусство. Оборона и наступление. Ударная и огневая тактика 524

Указатель имен собственных 585

Предметный указатель 610

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

В первом томе мы охватили эволюцию военного искусства на протяжении двух тысячелетий, до начала XIX века включительно; наше изложение носило схематический характер; мы останавливали внимание читателя только на отдельных моментах, избирая каждый раз только одно важнейшее государство, в котором условия эпохи сказывались наиболее характерным образом. Этот метод, несмотря на чрезвычайную сжатость изложения, позволял нам достаточно ярко очертить тесную связь, существовавшую между военным делом и той ступенью экономического, социального и культурного развития, на которую поднималась или опускалась жизнь государства.

В первом издании нашего труда мы также схематически очерчивали и эволюцию военного искусства XIX и начала XX века; эта заключительная часть нашего труда представляла как бы ряд исторических введений к различным военным дисциплинам; в отдельных главах мы следили за различными ростками, пробегая эволюцию важнейших областей—стратегии, оперативного искусства, тактики, организации, техники. Основной исторический материал давала нам Пруссия эпохи Мольтке. Красочное, популярное изложенис и его интерес, естественно, вытекали из этого метода изложения эволюции военного искусства в новейшее время. Но оно представляло и ряд серьезных минусов [1]: отрыв от конкретной исторической почвы, недостаточная научность, несколько идеализированное освещение хода военной эволюции в Пруссии, недостаточное внимание к вопросам устройства тыла во время ведения военных действий, что вытекало совершенно естественно из того обстоятельства, что это устройство не представлялось сильной стороной Пруссии, являвшейся единственным образцом. Главнейшим недостатком, на наш взгляд, было отсутствие подчеркнутости сложности и многогранности эволюции военного искусства, резких отступлений в различных государствах от общей схемы его развития, вынужденных своеобразием политических и экономических условий. В общем, в первом издании мы освещали эволюцию военного искусства в важнейший период—от эпохи промышленного капитала к эпохе империализма—слишком популярно, и могли быть виновниками несколько легкомысленного воззрения на некоторые вопросы военного искусства у отдельных наших читателей.

---

[1] Мы отметили их уже в послесловии к I изданию, т. III, стр 196.

Мы ставим себе теперь целью дать читателю не только общее введение ко всем дисциплинам военного искусства, но и развернуть перед ним богатый конкретный исторический материал, углубить понимание важнейших вопросов военного искусства, дать более серьезную установку для изучения стратегии, оперативного искусства, тактики и организации. Мы отказываемся от прежнего построения нашего труда по отдельным вопросам, и переходим к изучению ряда важнейших войн, каждая из коих является комплексом, охватывающим все военное искусство в целом на определенной ступени его развития.

Каждый крупный сдвиг в жизни человечества открывает перед ним новые точки зрения, с которых усматривается новый вид на прошлое. Некоторые вопросы, интересовавшие наших предшественников, оказываются вне всякой связи с теми областями, на которых сосредоточивается наше внимание, и потому утрачивают для нас всякую притягательность; но другие вопросы, мимо которых историки ушедших уже от жизни поколений проходили совершенно равнодушно, оказываются в ближайшем отношении к решению наших злободневных задач. Не только новое углубление в архивные источники, но и новое понимание действительности, вызванное обогащением каждого поколения пережитым им, заставляет пересматривать оценки и выводы, заключающиеся даже в лучших, классических исторических трудах прошлого. В военном искусстве мы ушли теперь настолько далеко от мышления русской армии конца XIX столетия, что полученные Красной армией в наследство военно-исторические труды трудно читаемы; их выводы стоят в полном противоречии с тем, что мы знаем и чему учимся; это в лучшем случае материал, подлежащий тщательнейшей переработке. Каждое поколение требует, чтобы вся история, начиная с истории древнейших народов, была переписана заново. Частицу этой работы, совершенно игнорируемой в настоящее время, и представляет настоящий труд.

Из восьми новейших войн, излагаемых здесь, три войны вела царская Россия. Восточная война познакомит нас с дореформенной николаевской армией, блеснувшей под Севастополем своей стойкостью, но еще пропитанной мышлением и техникой Наполеоновской эпохи, и устаревшей, как устарела и отстала от времени крепостническая Россия середины XIX века. Восточная война совершенно неожиданно получила позиционный характер, что позволило с необычайной мощью вторгнуться в военное искусство XIX века новой технике: паровому флоту, нарезному оружию, тяжелой артиллерии, телеграфу и т. д. Война протекла в русле стратегии измора. Затем, Русско-турецкая война 1877—78 гг., дающая яркую картину похода на Константинополь, отражавшая и неполноту милютинской реформы, и жалкое состояние нашей оперативной мысли с ее архисокрушительными тенденциями. Наконец, Русско-японская война, любопытное введение к Мировой войне, приложение европейских оперативных идей к обстановке колониального театра войны, подчеркивающее и крупные организационные достижения русской армии и повторение ряда ошибок Восточной и Турецкой войн.

Эти три войны и подготовка к ним позволяют нам достаточно подробно проследить за судьбами новейшей эволюции военного искусства в России. Но изучение последней отнюдь нами не обособляется от мировой эволюции. Мы не только не замыкаем нашего труда национальными рамками, но стремимся выйти и из пределов европейской военной истории, давая очерк трех войн, имевших место в Америке—гражданская война в Соединенных Штатах 1861—1865 гг., в Африке—Англо-бурская война, и в Азии—Русско-японская. Военное искусство в типично-европейской обстановке середины XIX века нами исследуется на войне 1859 г., в которой железные дороги впервые играли крупную роль, и на классических походах Мольтке 1866 и 1870 годов. Кроме России, мы достаточно последовательно следили за эволюцией военного искусства во Франции и особенно в Пруссии, и эпизодически—в Англии и Австрии.

Мы стремились излагать факты в уже подытоженном виде. На Марсовом поле в Ленинграде стоит памятник

Суворову, в образе римского воина, с мечом и щитом. Это олицетворение того исторического материала, над которым приходится работать историку военного искусства. Надо выбросить из имеющегося материала и римский шлем и римский плащ, когда они попадают в несоответственную эпоху, не повредить приэтом подлинных черт закутанного в маскарадный убор Александра Васильевича Суворова и создать научный факт. Эту тяжелую черновую работу мы оставили за рамками этого труда, который бы иначе безмерно разбух; она имеет только методический интерес.

Мы проследили последовательно изменения в образе ведения войны с древнейших времен до XX века, сделав краткий обзор и последних десятилетий; мы подчеркивали каждый раз влияние, которое общие условия эпохи оказывали на военное искусство. История военного искусства наилучшим образом меблирует головы, посвящающие себя военному мышлению. Мы надеемся, что и деятели, работавшие десятки лет в военной области, найдут в настоящем труде и новые факты, и новые оценки и сопоставления. Мы не будем сожалеть о затраченном нами длительном, упорном труде, и не будем считать его неблагодарным, если нам удалось создать достаточную историческую опору для нового поколения читателей, приступающего к серьезной военной работе.

Настоящие страницы впитали много усилий автора. Читатель, который уделит им достаточное внимание, найдет в них не только рассуждения о прошлом, но и оперативное завещание автора на будущее.

1 авг. 1927 г. *А. Свечин.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Восточная война 1853—56 гг.

Россия в середине XIX века. — Николаевская армия; — комплектование, командный состав, генеральный штаб, организация и мобилизация, военная промышленность, вооружение, тактика. — Ограниченные цели Восточной войны.—Наши противники; морские силы.— Дунайская кампания 1853—54 гг.; Паскевич и осада Силистрии. — Перевозка союзных войск в Галиполи. — Первые промежуточные цели. — Высадка в Крыму. — Организация союзного командования.— Сражение на р. Альме. — Устройство союзников на Херсонесском плато. — Материальные средства Севастополя. — Неуспех ускоренной атаки. — Наступательные действия русских. — Материальное состязание. Сообщения. — Постепенная атака. — Сокрушение и измор в дискуссии между союзниками. — Керченская экспедиция. — Агония Севастополя. — Конец войны. — Финансовые итоги. — Санитарные итоги. — Общие замечания. — Литература.

Россия в середине XIX века. Большая часть Западной Европы в борьбе с Наполеоном I была вынуждена усвоить завоевания французской буржуазной революции; феодальные пережитки в значительной степени оказались на Западе уничтоженными. Россия начала XIX века выдержала находившиеся на излете удары Наполеона и вышла победительницей. Победы в Отечественной войне, увенчавшиеся занятием Парижа в 1814 году, явились прежде всего торжеством феодального строя России, стабилизировали власть верхов дворянства и преградили дорогу реформам. Старый порядок в России, отразивший натиск французской революции и наполеоновской эпопеи, оказался в силах подавить и революционное движение изнутри; русский либерализм, представленный декабристами, потерпел полное поражение. Россия Николая I составила оплот европейской реакции. Последним выступлением России в роли европейского жандарма явилось содействие Австрии в 1849 г. в вооруженном подавлении венгерской революции.

Блеск внешних дипломатических успехов России таил под собой глухую ненависть широких кругов населения

Европы к реакционным проявлениям русского самодержавия; да и европейские правительства тяготились гегемонией России; даже наиболее обязанные Николаю I Пруссия и Австрия готовы были огрызнуться против русской опеки.

Экономическими успехами мы похвастаться не могли. Каменный уголь еще не явился в России на смену рабского труда. Крепостной строй отношений, с его расточительным использованием человеческого труда, подавлением критики и гласности, судебным и административным произволом, не позволял России поспевать за общим развитием мировой экономики. Роль России в мировой торговле упала за первые пятьдесят лет XIX века с 3½% до 1%.

Благодаря дешевому крепостному труду на наших заводах и фабриках, в XVIII веке в нашем экспорте изделия промышленности занимали крупное место, до 20% всей его ценности. К середине XIX столетия стоимость изделий в нашем вывозе представляет не свыше 3%. Втечение XVIII века Россия занимала первое в мире место по чугуну. Но уже в 1770 году был открыт способ выплавки чугуна на каменном угле. Втечение первой половины XIX века, оставаясь на древесном угле, мы расширяли наше производство чугуна, сравнительно с цифрами 1800 года, ежегодно в среднем на 0,8%, а Англия—на 50%; естественно, что последняя, значительно уступавшая нам раньше, теперь обогнала нас в 14 раз. Мы являлись в XVIII веке мировым поставщиком материи для парусов; каменный уголь бил нас и на этом фронте, сокращая потребность в парусах с переходом к паровому флоту. Американский хлопок вытеснял наш лен; все предпочитали дешевый ситец грубому русскому полотну, и вывоз последнего за 50 лет сократился на 43%; соответственно пал и вывоз пеньки. Новые технические изобретения и возможности обращались против нас.

Не только крестьяне, но и помещики в огромной степени жили продуктами натурального хозяйства. Товарное производство было крайне ограничено. Емкость внутренних рынков была очень скромна. Обеспеченная таможенным барьером, работавшая на внутренний рынок промышленность делала некоторые успехи—преимущественно количественные, а не качественные, так как дешевизна рабочих рук, на дешевом хлебе, задерживала переход к более рациональным формам производства.

От разорения Наполеоновских войн Россия поправлялась медленно. Еще в тридцатых годах Смоленск стоял в развалинах. Железнодорожное строительство развивалось крайне слабо; кроме недостаточного развития промышленности и торговли, в этом повинно и министерство путей сообщения, занявшее враждебную проведению железных дорог позицию [1].

До 1834 г. телеграфа в России не было. Затем был устроен оптический телеграф Кронштадт—Петербург и Варшава—Петербург. К проведению первого электрического телеграфа было приступлено только в 1853 году, почти с началом Восточной войны.

Николаевская армия. Наполеоновские войны потребовали в общей сложности от русского крестьянства двух миллионов рекрут—четвертую часть его мужской рабочей силы.

Войны, которые затем вела Россия, требовали от нее лишь частичного напряжения сил. Крупнейшие из них—борьба с турками в 1828—29 гг. и борьба с поляками в 1831 г.; первая потребовала развертывания 200 тыс. человек, вторая—170 тыс.; в обоих случаях эти цифры были достигнуты не сразу, что вызвало некоторые заминки в ходе военных действий.

Русский государственный бюджет давал хронический дефицит. Приступ в сороковых годах к вывозу хлеба в Англию позволил ему вырасти за десятилетие перед Восточной войной на 40%, что, однако, дефицита не устранило. Военный бюджет продолжал колебаться около одной и той же цифры—70 млн. В списках же армии состояло в среднем 1 230 000 человек и свыше 100 тыс. лошадей (не считая лошадей казачьих частей). На каждого солдата армии, считая все расходы по управлению и снабжению военного министерства, приходилось около 57 рублей в год [2]. Николаевская армия превосходила Красную армию по численности в 2 раза, а бюджет ее был меньше в 9 раз. И при низкой технике, и при дешевых ценах на хлеб того времени это был нищенский бюджет. Если коекак удавалось сводить концы с концами, то лишь потому, что армия Николая I жила отчасти натуральным хозяйством; на населении лежала квартирная повинность, подводная повинность, повинность отопления и освещения воинских квартир и зданий, повинность отвода пастбищ и лагерных помещений; расходы по призыву ложились на общины, поставлявшие рекрутов; фабрики и заводы военного ведомства пользовались крепостным трудом; конница довольствовалась военными поселениями; иногда обыватели, по которым были расквартированы войска, выражали желание дарить солдатам продовольствие, и тогда казенный провиант шел на усиление хозяйственных сумм части; имелись доходы с казачьих земель и военных поселений и т. д. Укрепления Малахова кургана, составлявшего часть Севастопольской крепости, были возведены за счет севастопольского купечества...

---

[1] К началу Восточной войны имелось всего 980 верст железных дорог, в том числе Царскосельская, Николаевская (Петербург—Москва) и Варшаво-венская; линия Петербург—Варшава находилась в постройке. Весь юг России не имел ни одной железной дороги.

[2] По вычислениям Бобрикова-Обручева, основанным на обширном архивном статистическом материале, расходы военного министерства на одного солдата в сороковых годах были даже меньше и колебались от 48 р. 38 к. до 53 р. 72 к. в год.

Однако, в XIX веке эти натуральные доходы военного ведомства постепенно умалялись. Если раньше транспорт военному ведомству ничего не стоил, то затем была введена оплата крестьянской подводы 10 коп. в сутки, а в 1851 г. введена контромарка, ценой в 75 коп. за одноконную подводу. Попытка Аракчеева, путем организации в широком размере военных поселений, перевести армию на натуральное хозяйство и использовать ее, как трудовую силу, шла вразрез с развитием капиталистической экономики и не удалась в корне. Военные поселения обанкротились во всех отношениях; в момент польского революционного движения в 1831 г. в них вспыхнул «холерный» бунт, после чего идея обратить солдата на время мира в землепашца отпала, и поселенные солдаты обратились в простых крестьян; военное ведомство являлось их помещиком, и обязывало поселенцев продовольствовать квартировавшие в военных поселениях войска.

Учитывая все плюсы натурального хозяйства, мы все же должны признать материальное обеспечение николаевской армии нищенским; особенно следует иметь в виду, что за счет этого жалкого военного бюджета воздвигались большие казармы, вооружались огромные крепости, и в мирное время уже накапливались потребные для сокрушительного удара громоздкие запасы военного снабжения, так как на мобилизацию военной промышленности, работавшей крепостным трудом, рассчитывать было невозможно.

Комплектование. Привилегированные сословия и некоторые национальности, освобожденные от рекрутской повинности, составляли свыше 20% населения. Для некоторых других национальностей (напр. башкирской) военная повинность была заменена особым денежным налогом. В годы мира набор рекрут достигал, в среднем, 80 тыс. человек. Возраст рекрут должен был быть между 21 и 30 годами. Из семи крестьян, достигавших призывного возраста, на военную службу, в среднем, попадал один; так как срок военной службы достигал 25 лет, то одна седьмая мужского крестьянского населения безвозвратно пропадала для мирного труда и гражданской жизни. Остальные $^6/_7$ не получали никакой военной подготовки. Целый ряд случайных причин делали рекрутскую повинность весьма неравномерной. В то время, когда одни губернии сдавали с 1 000 душ 26 рекрут, другие губернии сдавали только 7. Чтобы реже беспокоить население глубоко волновавшими его рекрутскими наборами, Россия была разделена на восточную и западную половины, поставлявшие, чередуясь, всю годовую потребность в рекрутах. Не личный, а общинный характер рекрутской повинности влиял на ухудшение качеств набора. Громадное большинство рекрут было неграмотное [1].

Набор рекрут происходил в устрашающей обстановке и сопровождался злоупотреблениями. Принятым рекрутам, для затруднения побега, брились лбы или затылки, как каторжникам; на каждого взятого рекрута брался еще один подставной, т. е. заместитель на случай побега рекрута или браковки его военным начальством; рекруты и подставные отправлялись с таким же конвоем, как арестанты. Принятие на военную службу освобождало рекрута от крепостной зависимости помещику; но он только менял хозяина и становился со всем своим потомством собственностью военного ведомства. Состоя на военной службе, он мог жениться и военное ведомство даже поощряло солдатские браки, так как сыновья от этих батраков—кантонисты [2]—являлись достоянием военного ведомства. Только один из сыновей солдата, убитого или искалеченного на войне, освобождался от зависимости военному ведомству; в эпоху Восточной войны военное ведомство имело до 378 тыс. кантонистов; из них 36 тыс. находились в различных военных школах, подготавливавших квалифицированных работников—фельдшеров, коновалов, музыкантов, оружейников, пиротехников, топографов, военно-судебных чиновников, десятников, писарей, телеграфистов; главная масса кантонистов сосредоточивалась в военных поселениях; до 10% всего набора покрывалось этой солдатской кастой.

---

[1] Статистика грамотности рекрут дает данные только с 1862 г., когда грамотных оказалось 8,68%; в украинских губерниях-только 3%.

[2] Слово кантонист ведет свое происхождение от прусского кантон-регламента XVIII столетия; смысл его—военнообязанный.

Несмотря на то, что рекрутская повинность охватывала только беднейшие податные классы населения, ввиду ее тяжести, до 15% рекрут откупалось от воинской повинности путем выставления заместителей или покупки рекрутских квитанций; цена такой квитанции была довольно значительна [1]; заместители—выбившиеся из колеи люди или старые бесприютные солдаты, уволенные в бессрочный отпуск, ухудшали комплектование и затрудняли накопление обученного запаса.

В 1834 г. решено было принять меры к накоплению в населении запаса военно-обученных, для чего увольнять солдат после 20 (впоследствии 15 и даже 13) лет в бессрочный отпуск. Сверх того, для сбережения средств военного ведомства, в подражание прусским фрейвахтерам XVIII века, были установлены временные, годовые отпуска, в которые военное ведомство, в зависимости от наличности войск, могло увольнять солдат, прослуживших 8 лет на действительной службе. Результат этих мероприятий, однако, оказался ничтожным: к началу Восточной войны военное ведомство располагало обученным запасом только в 212 тыс. человек, большинство коих, по возрасту и здоровью, едва ли было пригодно для войны. Основная причина неуспешности накопления запаса заключалась в отвратительном санитарном состоянии армии; при приеме рекрут главное внимание обращалось не на здоровье, а на рост рекрута (не ниже 2 арш. 3¾ вершк.); на службе солдат получал явно недостаточное продовольствие: мясо полагалось не всем нижним чинам (напр. денщики его вовсе не получали), и только по расчету ¼ фунта два раза в неделю; чай и сахар вовсе не выдавались; отпускаемый провиант не всегда доходил до солдата; при довольствии—даровом—от местных жителей оно становилось вообще произвольным; одежда солдата была совершенно нерациональной [1]; медицинская часть находилась в отвратительном состоянии; строевые занятия были изнурительны, особенно в столицах, которые давали наибольшую смертность. В результате, средняя смертность с 1826 г. до 1858 г. превышала 4% в год. Если мы выбросим ужасный холерный год 1831 г., когда мы в боях с поляками потеряли 7122 убитыми, а численность нашей армии понизилась на 96 тыс., главным образом от холеры, смертность 1855 года—разгара Восточной войны, когда от болезней умерло 95 тыс., и все другие годы войн, то все же средняя смертность в мирные годы будет равняться 3,5% [2]. Две трети призываемых рекрут умирали на службе. Если мы прибавим к этому 0,6% годовой потери от дезертирства, и досрочную инвалидность части солдат, то окажется, что армия требовала каждый год пополнения свыше 10% своего состава; фактически, николаевский солдат служил 10 лет, после которых уходил не в запас, а в тираж погашения. В николаевской армии не было ни того сдерживающего начала, которое вносит в вербованные армии дороговизна вербовки, ни того бережливого отношения к солдату, которое является естественным следствием общей, распространяющейся на все классы воинской повинности; в результате «здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке, насилу щей пустых дадут»...

---

[1] В 1869 г. рекрутская квитанция расценивалась в 570 рублей. В большинстве случаев от поставки рекрут откупалось мещанское или крепостное общество в целом. В зажиточной Московской губернии число заместителей доходило до 40% набора.

Отсутствие каких-либо импульсов, тяжелая, скучная, бесконечная в своем однообразии караульная служба, изнуряющее топтание на месте строевых учений, при плохой пище и одежде, создавали физически слабую армию. На калишских маневрах 1839 г., произведенных совместно с пруссаками, среди старослужащих наших полков появились отсталые, тогда как прусская молодежь двухлетней службы держалась еще бодро. В 1854 г., при первом столкновении союзников с русской армией, французов поразили бледные лица русских солдат. Служба мирного времени русского солдата являлась каторгой, поскольку в глухой провинции не отдалялась от военных требований и не приближалась к нормальному существованию крепостного дворового. Война русского солдата не пугала и казалась ему освобождением от ужасов мирного нищенского прозябания.

---

[1] Одежда и снаряжение удовлетворяли только требованиям парада. Карман на мундире и брюках не допускался, так как различно набитый мог бы портить вид солдатского строя. Трубку, махорку, мыло, щетку и прочее солдат набивал в кивер и все это водружал на голову; вес кивера с нагрузкой доходил до 3,5 килограмма. В 1831 г. втечение зимнего похода офицерам и солдатам было строжайше запрещено ношение полушубков.

[2] Для сравнения укажем на смертность германской армии перед Мировой войной — 0,2% или максимум 0,3% в год. В середине XIX столетия смертность прусской армии уже не достигала 1%.

Командный состав. Тяжесть подневольной солдатской жизни во многом зависит от качеств командного состава; эта зависимость была особенно велика при крепостном строе николаевской России. Мы можем, как на подтверждение этой зависимости, указать на то обстоятельство, что в местных войсках, где состояла худшая часть офицеров, процент солдатского дезертирства приблизительно в 8 раз превосходил дезертирство из полевых частей. Правда, в местные войска, объединенные при Николае I в «корпус внутренней стражи», назначались и худшие элементы набора.

Громадную смертность и тяжелые условия солдатской жизни в эпоху Николая I надо отчасти отнести на счет резко ухудшившегося корпуса офицеров. В конце XVIII века офицерский корпус представлял образованнейшую часть русского общества, цвет русского дворянства; отношения офицеров и солдат суворовской армии были проникнуты демократизмом, заботливым отношением к солдату, стремлением офицера привлечь к себе солдата. Это являлось возможным, когда помещичий класс находился в расцвете своих сил, когда пугачевское революционное движение не внесло еще ни малейшего раскола в его ряды. Иначе складывалась обстановка после французской революции, идеи которой захватили лучшую, образованную часть господствующего класса. Восстание декабристов явилось поражением военного либерализма и знаменовало окончательное изгнание интеллигенции из армии, начатое еще Аракчеевым. Потемкин, со своими демократическими реформами, представлял реакцию на пугачевщину, Аракчеев—реакцию на Робеспьера; совершенно различный ход этих реакций объясняется именно различной позицией дворянства к этим революционным движениям; в первом случае на него можно было вполне положиться, во втором—надо было подтянуть, чтобы сохранить существующий крепостнический строй. Было сделано наблюдение, что образованный русский человек чрезвычайно легко поддается влиянию радикальных политических теорий. Отсюда на военной службе начали отдавать решительное предпочтение немцам: в 1862 году подпоручиков немцев было всего 5,84%, а генералов—27,8%; таким образом, немец, как политически более надежный элемент, продвигался по службе в пять раз успешнее, чем русский; это продвижение, в зависимости от принадлежности к немецкой национальности, являлось более успешным, чем от получения военного образования; получивших военное образование подпоручиков было 25%, а генералов 49,8%. Эта карьера, которую немцы делали, опираясь на свою реакционную твердость, явилась одной из основных причин, развивших в русском народе и особенно в русской армии чувства вражды и ненависти к немцам, впрочем не слишком глубокие.

В условиях борьбы царской власти с оппозиционными настроениями образованного слоя русской буржуазии, русский офицер, чтобы выдвинуться вверх по иерархической лестнице командования, должен был не только не кичиться своей образованностью, но свидетельствовать, что он совершенно равнодушен к вопросам, концентрирующим на себе внимание русского общества, и ничем другим, кроме мелочей военной службы, не интересуется. Денис Давыдов дает такую характеристику новых течений в офицерском корпусе: «Глубокое изучение ремешков, правил вытягивания носков, равнения шеренг, выделывания ружейных приемов, коими щеголяют все наши фронтовые генералы и офицеры, признающие устав верхом непогрешимости, служит для них источником высших поэтических наслаждений. Поэтому и ряды армии постепенно пополняются лишь грубыми невеждами, с радостью посвящающими всю свою жизнь на изучение мелочей военного устава; лишь это знание может дать полное право на командование различными частями войск».

В условиях реакции, новый командный состав мог поддерживать дисциплину в рядах армии не суворовским братским отношением к солдату, а лишь постоянной муштровкой, суровой взыскательностью, внешними, формальными мерами. Таким же тяжелым взысканиям за свои проступки подвергались и офицеры; это уже не были гордые представители дворянского класса, как в XVIII столетии, а только военные карьеристы, чиновники; в царствование Николая I до 1000 офицеров было разжаловано в солдаты.

Русская интеллигенция окончательно повернулась спиной к армии; эта позиция, сохраненная в ряде поколений, до Русско-японской войны включительно, стала для нее чрезвычайно характерной. Армия на этом разрыве проиграла столько же, сколько и интеллигенция.

Находиться под началом грубых, невежественных генералов и полковых командиров никому неприятно. Русская армия стала терпеть недостаток в офицерах, так как помещичий класс и образованная буржуазия уклонялись от военной службы. Основная масса—70% николаевских офицеров—образовывалась за счет беднейшей и получившей лишь начатки образования части сыновей дворян и разночинцев; они поступали в армию вольноопределяющимися и через несколько лет производились в офицеры без экзаменов. Сыновья офицеров, воспитывавшиеся в пятиклассных кадетских корпусах, научный уровень которых также упал в сравнении с XVIII веком, составляли лучшую часть офицерского корпуса и служили преимущественно или в гвардии или в специальных родах войск; число их достигало лишь 20% всего офицерского корпуса; до 10% офицерского состава приходилось пополнять производством унтер-офицеров, поступавших на военную службу кантонистами или по набору. Сыновья офицера из кантонистов, родившиеся до его производства в офицеры, за исключением одного, оставались париями-кантонистами. Семья офицера из кантонистов оставалась, таким образом, на полукрепостном состоянии, что свидетельствует о крайне скромном уважении к офицерскому званию.

Офицерский корпус расслоился на белую и черную кость. Произведенные из кантонистов неполноправные офицеры дрожали за свою участь и опасались катастрофы за любую мелочь, не понравившуюся на смотру; они были также несчастны, как солдаты, отличались жестоким обращением с подчиненными, и часто наживались за их счет. И несмотря на всю эту неразборчивость в пополнении командного состава, последнего не хватало: в начале царствования Николая I на 1 000 солдат приходилось 30 офицеров, а к концу на то же количество солдат приходилось только 20 офицеров. Малая успешность пополнения командного состава объясняется и тем, что офицеры, в среднем, служили, как и николаевские солдаты, только десять лет; наиболее пригодный элемент командного состава, найдя возможность устроиться вне армии, уходил в отставку.

Если масса николаевских офицеров деклассировалась, то самые верхи армии, военные министры Чернышев и Долгорукий, командующие армиями Паскевич, Горчаков и Меньшиков, командующий на Кавказе Воронцов, представляли верхи титулованной аристократии, получившие европейское образование, ведшие служебную переписку на французском языке, изучавшие стратегию по трудам Жомини. Эти верхи решительно оторвались от армии; светлейший князь Меньшиков, остроумнейший человек, никогда не мог принудить себя сказать несколько слов перед солдатским строем; в противоположность Суворову, новое высшее командование ничего общего с солдатской массой не имело, тяготилось нашей отсталостью от Западной Европы и было проникнуто глубочайшим пессимизмом. Для всего высшего комсостава характерным является скептицизм по отношению к России, полное неверие в силы русской государственности. Морально он уже являлся разбитым до столкновения с Западной Европой, и потому неспособен был использовать и имевшиеся налицо силы и средства.

Генеральный штаб. В 1832 году, по идеям Жомини, была учреждена Военная Академия, с несравненно большими задачами и более широкой программой, чем существовавшие в то время высшие военные школы за границей. Академия имела две цели: 1) подготовка офицеров для службы в генеральном штабе и 2) распространение военных познаний в армии. Однако, несмотря на известную покладливость Жомини, он не был допущен к руководству Военной Академией. Первым ее начальником был назначен генерал Сухозанет, основным лозунгом которого было положение: «без науки побеждать можно, без дисциплины—никогда»; Сухозанет установил в Академии жестокий режим. Так как феодализм упорно отстаивал свою монополию на высшее командование, и в армии ставка на образованных генералов была исключена, то вторая часть задачи Военной Академии—распространение в армии военного образования—отпала. В 1855 году, в год смерти Николая I, в разгар Восточной войны, это создавшееся положение было лишь запротоколено переименованием Военной Академии в Николаевскую академию генерального штаба. Последняя не должна была заботиться об уровне военных познаний в армии, а лишь поставлять ученых секретарей малограмотным генералам.

Таким образом, генеральный штаб не мог помочь высшему командованию выбраться из его затруднений; он был засажен за канцелярскую работу, лишен инициативы, не имел нужного авторитета. Штабная служба была плохо организована. Главнокомандующий в Крыму Меньшиков принципиально обходился вовсе без штаба, обдумывая в тайне свои намерения, и имея при себе лишь одного полковника для рассылки отдаваемых распоряжений.

Организация и мобилизация. Наличный состав армии достигал миллиона нижних чинов. Между тем, крупных организованных единиц было чрезвычайно мало; армия насчитывала всего 29 пехотных дивизий, лишь немного больше того, что могли мобилизовать европейские государства, содержавшие в мирное время на действительной службе в 5 раз меньшее количество едоков. Собственно регулярная армия насчитывала 690 тыс.; 220 тыс. представлял Корпус внутренней стражи; местные интересы обслуживались войсками с чисто крепостной расточительностью людского материала; по своей подготовке и составу части внутренней стражи представляли моральных и физических инвалидов, отбросы рекрутских наборов, и ни малейшего боевого значения иметь не могли. На действительной службе в мирное время находилось 90 тыс. казаков.

Иррегулярные части, по штатам военного времени, должны были представлять 245 тыс. человек и 180 тыс. коней; фактически в Восточную войну они были мобилизованы в гораздо большем составе и представляли массу в 407 тыс. человек и 369 тыс. коней. Возможности дальнейшего роста их имелись налицо. При таком изобилии легкой иррегулярной конницы, мы содержали еще свыше 80 тыс. регулярной кавалерии. Впрочем, количество регулярной кавалерии шло беспрерывно на убыль, не только в процентном отношении к пехоте, но и абсолютно: начало николаевского царствования—20 кавалерийских дивизий, эпоха Восточной войны—14 кав. дивизий; после демобилизации были сокращены еще 4 кав. дивизии.

Артиллерия была многочисленна; артиллерийские бригады, имевшиеся по числу пехотных дивизий, состояли из 4 батарей, по 12 орудий в каждой; в соответствии с обычаями, установившимися при Наполеоне, в каждой батарее имелись и пушки и гаубицы (единороги).

Управление характеризовалось централизацией решения всех вопросов в Военном министерстве, на котором лежало непосредственное контролирование войск и военных учреждений.

Войска были сведены в 8 пехотных корпусов—по 3 пехотных дивизии, 3 арт. бригады, 1 кав. див., 1 конно-артиллерийская бригада, 1 саперный батальон; кроме того, имелись 2 кав. корпуса и Отдельный кавказский корпус.

Мобилизация, вызванная революцией 1848 года, указала на необходимость создания запасных частей; вследствие недостатка обученного запаса, приходилось увеличивать армию за счет набора рекрут, обучение которых с выступлением в поход действующих частей должно было вестись в особых частях. Однако резкой грани функций запасных и резервных частей проведено не было, и запасные части перерождались во второочередные дивизии.

Основным недостатком этого военного устройства являлась медленность мобилизации и роста вооруженных сил в случае войны. За исключением Отдельного кавказского корпуса, связанного долголетней борьбой на Кавказе, и Гвардейского и Гренадерского корпусов, расходование коих на полях сражений являлось крайне нежелательным по соображениям внутренней политики, оставалось только 6 пехотных корпусов, что было очевидно недостаточным для обороны западной границы и побережья Балтийского и Черного морей. Приходилось делать новые наборы и приступать к формированию новых батальонов в существующих полках. В Восточную войну появились 5-е, 6-е, 7-е, 8-е, в иных полках даже 9-е и 10-е батальоны, которые сводились во вновь импровизируемые соединения; точно так же росла и артиллерия. Эти новые формирования, образуемые из новобранцев, требовали для своего устройства много времени; вследствие отсутствия кадров, в особенности командного состава, боевые достоинства их были не высоки.

Таким образом, на случай осложнений, приходилось приступать к мобилизации еще за долго до наступления дипломатического кризиса. Так, Россия затратила значительные суммы на мобилизацию 1848—49 гг. и мобилизацию 1863 года; в последнем случае, далее враждебного тона французских и английских дипломатов дело не пошло. В Восточную войну нам приходилось иметь дело с десантом, достигавшим только 200 тыс.; однако ввиду общего обострения отношений и враждебной позиции Австрии, на всякий случай пришлось прибегнуть к общей мобилизации;

за время войны были призваны срочно и бессрочно отпускные—212 тыс., были произведены 7 наборов рекрут, давших в общей сложности 812 888 человек, созвано ополчение—свыше 430 тыс.; к концу войны имелось 337 дружин и 6 конных полков ополчения, общей численностью 370 тыс.; вместе с иррегулярными войсками, доведенными до 407 тыс., общая численность армии достигла двух с половиной миллионов. Мирная организация повсюду раздробилась и смешалась; одни части вливались на пополнение других, другие входили в сборные армии, корпуса, дивизии, третьи играли роль запасных частей; под Севастополем отмечается наибольшее организационное многообразие и вступление ополченских частей в бой. Очевидно, это громадное напряжение совершенно не отвечало скромной цели—содержания в Крыму 200 тыс. действующей армии. Россия перемобилизовалась, и вытекавшее из перемобилизации истощение русской экономики явилось одной из главных причин, заставившей нас признать борьбу проигранной. Такое излишнее заблаговременное напряжение сил, однако, являлось прямым следствием медленности мобилизации.

Военная промышленность. Наша военная промышленность работала крепостным трудом; паровых машин не было; имелись только конные приводы; на многих военных заводах работали и водяные двигатели, преимущественно еще на плотинах, сооруженных при Петре Великом. Крепостное хозяйство, с его ничтожной товарностью, обусловливало малую емкость рынков, что чрезвычайно затрудняло во время войны массовую заготовку снабжения для армии.

Достаточно ясно характеризует условия снабжения армии военный министр князь Долгорукий [1] в письме от 23/XII—1854 г. князю Горчакову: «Конечно, можно возложить на себя и своих сотрудников ответственность за такую неуспешность, но когда отсутствие мощной промышленности, большие расстояния и плохие условия транспорта выдвигают вам всяческие затруднения на каждом вашем шагу,—поневоле начнешь признавать, что эта ответственность становится пустым словом. Таково наше положение. Чтобы производить порох, нужно увеличить заводы; а вы не находите нужных для устройства их материалов; вы хотите раздобыть селитру, а имеется только количество, которое требовалось в мирное время. Вы хотите сшить мундирную одежду—нет рабочих. Вы хотите продвинуть ваши грузы—нет подрядчиков для перевозки, нет обоза; вы хотите фабриковать ружья точного боя—а вам поставляют ружья, которые ничего не стоят или очень посредственны. Борьба со всеми этими препятствиями идет по возможности, мы бодримся, но надо признать, что наше дорогое отечество еще совсем не вышло из детского возраста. Даже сапоги, даже полотно, все это поставляется вам лишь ценой самых больших усилий, и почти всегда не во-время и неудовлетворительного качества...»

---

[1] Это письмо характеризует не только русскую промышленность, но и скептицизм высших руководителей армии. Позиционная борьба под Севастополем потребовала такого напряжения материальных средств и военной промышленности, что и Франция и Англия оказались полубанкротами.

Вооружение. В 1845 году армия была перевооружена пистонным ружьем. Так как уже с тридцатых годов в иностранных государствах происходили опыты с нарезным оружием, то в 1843 году и мы выбрали образец штуцера—нарезного, заряжаемого с дула ружья, для вооружения части пехотинцев. Наш штуцер—бельгийского производства—являлся по своим баллистическим достоинствам лучшим образцом нарезного оружия, в особенности после введения пули Минье, но был очень короток; стрельба второй шеренги в сомкнутом строю из него была поэтому невозможна; штык к нему требовался очень длинный и тяжелый; при стрельбе его надо было отмыкать. В силу этих тактических недостатков «лютихские» штуцера распространялись в русской армии медленно. Ими было вооружено к началу Восточной войны только 5% пехоты—по одному стрелковому батальону на корпус и по 6 отборных стрелков на роту. Но так как и в иностранных армиях нарезное оружие было распространено очень мало, то с этим мирились. Когда началась война, Бельгия прекратила нам поставку штуцеров, а наши враги начали массовое перевооружение пехоты; если под Севастополем у нас сказался недостаток хороших штуцеров, то это непосредственно вытекало из нашей отсталой военной промышленности и демонстрировало невыгоды зависимости от иностранцев. У нас не хватало не только штуцеров, но и пистонных гладких ружей: последних имелось только 790 тыс., и при широком размахе новых формирований пришлось вооружать их кремневыми ружьями образца, оставшегося от наполеоновской эпохи, с полной зависимостью стрельбы из них от состояния погоды.

Вооруженным штуцерами стрелкам у нас придавалось крупное значение; тогда как из гладких ружей ежегодно проходился курс стрельбы всего в 10 выстрелов, на обучение штуцерных отпускалось ежегодно по 120 патронов. Превосходство штуцеров заключалось в том, что тогда как гладкоствольное ружье давало меткий выстрел на дистанцию не свыше 300 шагов, штуцер стрелял метко на 800 шагов; на этом расстоянии он еще давал по сомкнутому строю 20% попадания; рамки же досягаемости пехотного огня увеличивались с 600 на 1200 шагов.

Меткий огонь пехоты на 800 шагов позволял ей успешно бороться с артиллерией. Полевая артиллерия в Восточную войну оставалась еще у всех воюющих гладкостенной; главным решающим снарядом, по традиции наполеоновской эпохи, у нее оставалась картечь. Но в наполеоновскую эпоху батареи могли с дистанции 600—700 шагов, без помехи, сметать пехоту картечью; теперь на дистанциях картечного выстрела батареи несли сильные потери от ружейного огня. В силу этого обстоятельства, середина XIX века явилась эпохой временного упадка значения полевой артиллерии. Этот упадок тактического значения полевой артиллерии был особенно невыгоден русской армии, располагавшей прекрасной по составу и многочисленной полевой артиллерией.

Позиционный характер борьбы за Севастополь исключил возможность использования нашей многочисленной конницы, что представляло для нас также крупную невыгоду.

Тактика. Уставы русской армии были не плохи. Пехотный устав 1848 года сохранял еще, правда, устаревшее построение сомкнутого строя в 3 шеренги [1]; но тогда как в эпоху Наполеона батальон еще являлся не подлежащей дроблению тактической единицей, наш устав уже, по примеру пруссаков, давал форму построения батальона поротно; маленькие гибкие ротные колонны могли гораздо лучше, конечно, применяться к местности и не представляли столь громоздкой цели, как собранный вместе батальон. Бой в стрелковых цепях далеко не игнорировался уставом: помимо штуцерных, в каждой роте подготовлялось 48 лучших стрелков, как «застрельщики» для действий в стрелковой цепи. Считаясь со слабым общим и тактическим развитием начальников, устав проходил им на помощь, давая 4 образца нормального боевого порядка дивизии. Эти образцы варьировали в зависимости от того, на двух или на трех участках артиллерия занимала позицию, один или два полка сохранялись в дивизионном резерве. В общем, построение дивизии представляло квадрат в 1 000 шагов по фронту и столько же в глубину. Каждый из полков боевой части строился по-батальонно, на 200 шагов интервалов и дистанций. Часть артиллерии удерживалась в резерве. Половина орудий в 200—300 стрелков представляли нормально огневую силу дивизии.

---

[1] От которого мы частично отказывались еще при Потемкине.

Беда заключалась не в тех или иных недостатках устава, а в том толковании, которое он получал в армии. Гольштейн-Готорпская династия принесла в Россию влюбленность в парад: Павел I, Александр I, Николай I, Александр II не обладали талантами и закалом военных вождей, но глубоко ценили и понимали искусство парада. После большого парада в Вознесенске Николай I писал императрице: «С тех пор, как в России существуют регулярные войска и, полагаю, с тех пор, как вообще существуют в мире солдаты, никогда не было видано что-нибудь более прекрасное, совершенное, могучее. Весь смотр прошел в удивительном порядке и законченности... Все иностранцы не знают, что и сказать—это был действительно идеал...»

Эти парадные тенденции, могущественно поддерживаемые царской властью, находили благодарную почву в реакционном высшем командном составе. Меньков рассказывает о немце, корпусном командире, который связывал успех парадов с надлежащей пригонкой киверов к солдатским головам; поэтому он требовал изучения ротными командирами антропологии, так как начальник, не сведующий в круглых и удлиненных формах человеческого черепа, не сумеет надлежащим образом пригнать кивера и провалится на параде. Фельдмаршал Паскевич, «слава и история царя царствующего», в молодости, под впечатлением борьбы с Наполеоном, обнаруживал здравые взгляды и жестоко критиковал Барклая де Толли за склонность к педантической муштре: «Что сказать нам генералам дивизий, когда фельдмаршал свою высокую фигуру нагибает до земли, чтобы равнять носки гренадер. И какую потом глупость нельзя ожидать от армейского майора?» Однако, николаевский режим переработал на свой лад и Паскевича; последний стал уделять исключительное внимание церемониальному маршу, и с театра войны писал государю, как хорошо тот или иной полк маршировал мимо него.

Удивительно ли, что при ничтожных средствах для обучения, при отсутствии казарм, хороших стрельбищ, учебников, внимания к тактической подготовке, малограмотном командном составе, все усилия сосредоточились на парадной стороне военного дела? Некоторые полки, великолепно проходившие церемониальным маршем, только прибыв на театр войны, за несколько дней до боя, впервые начинали обучаться высылке стрелковых цепей... Сам Николай I требовал, чтобы стрелковые цепи на полях сражений находили себе широкое применение. Однако при реакционности высшего командного состава, при недоверии каждого начальника к своим подчиненным,—скептицизме сверху и пассивности снизу,—добиться расчленения боевых порядков, действий врассыпную, было невозможно. Искусство командования понималось у нас, как искусство сохранения солдат в своих руках—и это было только продолжающейся в тактику политикой.

В армии устраивались маневры, но они, по образцу, даваемому Красносельским лагерным сбором, обращались в то же парадирование. Вместо соображения с местностью, нормальные боевые порядки строились по линейным. К батареям, действовавшим в интервале между полками дивизии, предъявлялось требование—не занимать позиции на продолжении пехотного строя, чтобы не мешать равнению первой линии пехоты дивизии. Стрелковые цепи равнялись и шли в ногу. Преподавание тактики в Военной Академии тесно сливалось с «опытом» Красносельского лагеря, и проповедывало стройные внешние формы, ничего общего с боем не имевшие.

Убогая тактика отвечала убогим представлениям высшего командного состава. Генерал Панютин, вождь русского авангарда в 1849 г., на вопрос, чем он объясняет ряд своих успехов над венгерской революцией, отвечал: «Неуклонным применением первого нормального боевого порядка во всех случаях!»

Втечение Восточной войны главнокомандующего армией князя Горчакова обвиняли за вмешательство в круг ведения подчиненных; но последнее становилось необходимым: «Недостаток в способных людях приводит меня прямо в безумие. Без приказания ни один из моих подчиненных не двинет и мизинцем». Действительно, инициативы искать в николаевской армии не приходилось. Тот же Горчаков, в письме к Меньшикову от 5/XII 1854 г., давал следующую характеристику

стику: «В последний раз вы мне писали, что генерал Липранди всегда и всюду на своем пути видит затруднения. Правда, он совсем не русский человек. Но что такое наши генералы: призовите одного из них и решительно прикажите ему штурмовать небо; он ответит «слушаю», передаст этот приказ своим подчиненным, сам уляжется в постель, а войска не овладеют и кротовой норкой. Но если вы спросите его мнение о способе выполнения марша в 15 верст в дождливую погоду, то он вам представит тысячу соображений, чтобы доказать невозможность столь сверхчеловеческого усилия. Имеется только один способ притти с ними к какому-либо результату: спросить их мнения, выслушать все идиотские затруднения, которые они вам доложат, объяснить им, каким путем их можно и должно преодолеть и, объяснив им все с большим терпением, отдать приказ, не допускающий прекословия. Я думаю, что если вы будете действовать таким путем с Липранди, это будет человек, который лучше других сделает дело. Понятно, что при этом случае вы ему скажите, что задача, которую вы ставите ему, имеет самое важное значение, и что только он один, по своему уму и энергии, годится для того, чтобы разрешить ее...» [1]

Ограниченные цели Восточной войны. Завоевание Кавказа Россией в 1853 г. не было еще закончено; борьба с Шамилем приковывала до 60 тыс. русских войск; однако, искусная линия национальной и классовой политики, взятая русскими с 1847 г. на Кавказе, уже подрывала единство и силу сопротивления горцев.

Кажущаяся покорность Европы обусловила постановку Николаем I вопроса о разделе наследства «больного человека»; больным признавался турецкий государственный организм; естественая или насильственная смерть его ожидалась в ближайшее время. Еще за полтора десятилетия до Восточной войны началась подготовка к захвату десантом Константинополя. Черноморский флот энергично развивался; туда направлялись лучшие адмиралы, на него не жалели средств. В последний момент, однако, прорыв русской эскадры через Босфор был признан неосуществимым, и энергичное дипломатическое наступление русских завершилось решением оккупировать дунайские княжества—Молдавию и Валахию, находившиеся в вассальных отношениях к Турции и представлявшие крупную экономическую ценность.

---

[1] Генерал Липранди был образованным и способным человеком. Скептицизм Горчакова по отношению к своим помощникам исключал для него возможность одержать на войне какие-либо успехи.

Дунайские княжества представляли плодородную страну, являвшуюся в середине XIX века самым серьезным конкурентом России в мировых поставках пшеницы. Чтобы успокоить возбуждение европейских государств, было дано обещание, что русские войска не перейдут Дуная, а флот не предпримет враждебных действий против турецкой территории.

Турция, чувствуя на своей стороне поддержку европейских государств, отклонила посредничество, 15 октября 1853 года завязала на Дунае военные действия и отправила в Черное море под конвоем своей эскадры транспорт оружия для снабжения кавказских горцев. Английская и французская эскадры стянулись к Босфору.

Русская эскадра адмирала Нахимова 30 ноября 1853 г. атаковала на Синопском рейде турецкую эскадру, конвоировавшую перевозку оружия к кавказским берегам, и уничтожила ее. Это был тяжелый удар по престижу Англии, которая создавала турецкий флот своими инструкторами; соперничество Англии с Россией, явившееся в результате низложения гегемонии Наполеона, и обостренное усвоенной Россией покровительственной таможенной политикой и начавшимся проникновением русских на средний Восток, вскрылось. Англия получила возможность опереться на союзника на континенте Европы и решила вступить в войну; конкретной целью ее явилось ослабление России и уничтожение русского Черноморского флота, представлявшего нависшую над Турцией угрозу.

Союзником Англии явилась Франция Наполеона III, для которого представился удобный случай разложить господствовавший над Европой политический союз России, Австрии и Пруссии. Немецкие, в особенности австрийские интересы заключались в сохранении свободы судоходства на Дунае, и Австрия не могла согласиться на нашу оккупацию его нижнего течения. Наполеон III мог рассчитывать на ее дипломатическую и даже вооруженную поддержку. Для Наполеона III Восточная война имела и династический интерес; выступая на защиту интересов Европы против русского самодержавия, Наполеон III рассчитывал нажить внутренний и внешний авторитет, примирить общественное мнение с декабрьским государственным переворотом 1850 г., сделавшим его властелином Франции. Прибыв к Севастополю, командующий французской армией маршал Сент-Арно, один из виднейших деятелей декабрьского государственного переворота, рассчитывал: «через 10 дней ключи от Севастополя будут в руках императора... теперь империя утверждена, и здесь ее крестины».

Австрия летом 1854 года мобилизовалась против России; австрийское правительство тяготилось опекой России; единственно русская помощь позволила Австрии справиться с венгерской революцией в 1849 г.; это умаляло великодержавное положение последней. Пользуясь трудным для России положением, Австрия стремилась обособиться от нее, преградить России путь расширения на Балканы, заставить Россию уйти из дунайских княжеств. Воинственность реакционной Австрии умерялась стесненным положением финансов, неблагосклонностью к Австрии немецкого общественного мнения и опасением национально-революционных движений среди славян и венгров. Мы переоценивали австрийскую опасность...

Пруссия была недовольна тем, что николаевская Россия, поддерживавшая старый порядок в Европе, помешала ее первым попыткам объединить германские земли, заставив в 1849 г. очистить Шлезвиг-Гольштейн, а в 1850 г.— воспрепятствовав Пруссии атаковать Австрию, в целях объединения Германии.

Нам, по выражению Погодина, предстояло пожать «горчайшие плоды русской политики за последнее пятидесятилетие». Против крепостнической, самодержавной России выступали не только армии и эскадры, но и легион европейского общественного мнения. К нападавшим присоединилась даже маленькая Сардиния, ядро будущей Италии. Ее искусный дипломат, Кавур, отдав Англии на прокат 15-тыс. сардинскую армию, сумел выдвинуться из наемников в союзники.

Однако Восточная война не затрагивала жизненные интересы ни одного из воюющих государств. Все государства выдвигали для войны с Россией только ограниченные, скромные цели. Попытка сокрушения никого не прельщала. Россия перешла к обороне и преследовала только негативные цели. Отсутствие у России непосредственной сухопутной границы с Францией и Англией, отдаление последних способствовало сужению целей войны.

Ограниченные цели войны заставили воюющих очень осторожно прибегать к использованию политического оружия. Россия дала 300 тыс. рублей на поддержку греческой партии войны против Турции; агитация в Греции развилась столь успешно, что потребовалась высадка французского десанта, чтобы успокоить воинственность греков. Подкуп русскими курдских вождей ослабил попытки турок перейти в наступление на Кавказском фронте. В Черногории работали русские агенты и русское золото. Болгары бойкотировали снабжение англо-французов в период их сосредоточения у Варны и удачно сожгли накопленные в Варне запасы союзников, правда, вместе с городом. Но Россия не рискнула обратиться с общим призывом к славянству, с лозунгом восстания сербов и болгар против турок, чехов и других славян—против Австрии. Мечты Погодина о таком политическом переходе в наступление были признаны «поэзией». Действительно, попытка взрыва Австрии бросила бы всех германских националистов в лагерь наших врагов; притом революционные призывы достаточно странно звучали бы в устах русского правительства того времени. Однако, если бы объем войны расширился, Николай I был готов «отпустить на волю» поляков, чтобы создать серьезнейший национально-революционный костер для Австрии и Прусиси.

Втечение самой осады Севастополя русское командование стремилось поселить рознь между французами и англичанами. С этой целью нами устраивались торжественные похороны павших при отбитой атаке зуавов, говорились комплименты по адресу французов, устраивались частые перемирия на французском участке фронта под предлогом уборки тел убитых, втечение коих на глазах англичан происходили братания между русскими и французскими офицерами и солдатами. Но в результате мы лишь обострили отношения командующего французской армией Канробера с англичанами; последние заподозрили Францию в стремлении заключить сепаратный мир.

В ту эпоху война между Францией и Россией еще не была связана с выездом русских из Парижа. Салон русской княгини Ливен в Париже продолжал играть крупную роль; около него объединялись дружественные России круги. Весной 1855 г. Наполеон III почти был готов заключить мир с Россией; но он находился во власти военных кругов, находивших необходимым дать французской армии удовлетворение ввиде взятия осажденного Севастополя.

Наполеон III хотел было выдвинуть на очередь польскую проблему, что могло углубить войну и сделать ее угрожающей существенным интересам царской России.

Заветной мечтой французской политики всегда являлось—провести через Германию французскую армию на помощь полякам; попутно можно было бы решить в пользу французов и спор о Рейне. Опираясь на сторонников демократических и революционных идей, Наполеон III стремился к этой цели, которая создала бы во Франции прочный фундамент под его династией. Теперь французы стремятся к тому же, но ссылаются уже не на революционные лозунги, а на параграф 16 устава Лиги наций.

Но английская дипломатия этому энергично воспротивилась: попытка революционизировать поляков совершенно не понравилась бы ни Пруссии, ни Австрии, и могла привести к священному союзу в новом издании. Значительную опасность для России мог бы представить финляндский театр военных действий, при условии восстания финнов и выступления Швеции. Но последняя вступила в коалицию против России только к шапочному разбору; шведы были враждебны, но боялись воевать против России, раз эта война не ставила себе целью полное сокрушение русского могущества, а английские эскадры, бороздившие Балтийское море в 1854-55 гг., вместо установления дружеских связей с финнами, бомбардировали беззащитное финские прибрежные города и топили финские лайбы.

Союзники возлагали большие надежды на мусульманское движение кавказских горцев; около союзных штабов вертелось много людей в черкесках; но верные пути агитации союзникам не дались; далеко не дружное выступление горцев-мусульман было отбито русскими; в то же время опасность погрома, создавшаяся для не-мусульманского населения Закавказья, позволила усилить русский кавказский корпус местными ополчениями [1].

Экономическое оружие в этой войне с ограниченной целью также нашло лишь скромное применение.

---

[1] Мелочность политических выпадов в этой войне может характеризоваться попыткой английского посланника, оставшейся неуспешной, заставить константинопольского патриарха объявить русскую церковь впавшей в ересь.

Блокада с моря России могла принести экономике последней значительный удар, так как русская торговля через сухопутную границу, при отсутствии железных дорог, имела слабое развитие. Но основным покупателем русского хлеба и сырья являлась сама Англия; годы войны были неурожайными в западной Европе; дунайские княжества—конкурент России—временно выбыли из числа мировых поставщиков. Блокада России, в этих условиях, являлась и блокадой самой Англии. Последняя вначале пошла на видимость блокады, допустив морскую торговлю России под нейтральным флагом. На Черном море происходил странный торговый оборот: нейтральные суда вывозили русский хлеб из Азовского моря, хлеб продавался в Константинополе и шел на снабжение союзных армий, осаждавших Севастополь. Только в 1855 году враждебные России влияния заставили английское правительство, против его воли, установить действительную блокаду русских портов. Однако сало, конопля, лен, льняное семя направлялись из России в Пруссию и из последней, по полуторной цене, попадали в Англию. Увеличение стоимости фрахта, ввиду резкого недостатка продовольствия и сырья в Англии, ложилось преимущественно на английского потребителя, а барыши доставались немецким, а не английским купцам.

Русский хлеб сухопутной перевозки не выдерживал; цены на него к концу 1855 г. резко упали, и это явилось одной из серьезных причин потери популярности войны среди помещичьего класса.

На вооруженном фронте ограниченные цели войны должны были бы заставить отдавать полное предпочтение узким, чисто географическим объектам действий перед стремлением уничтожить живую силу врага. Естественно создавались рамки для применения стратегии измора, а не стратегии сокрушения. Севастополь, база русского черноморского флота, настолько привлекал внимание союзников, что последние простояли полтора года в полупереходе от русской полевой армии, и, хотя количественное соотношение было большей частью благоприятным для союзников, они ни разу не сделали попытки атаковать русских вне крепости. Однако французы и русские, воспитанные в духе стратегии сокрушения, не понимали вовсе требований, вытекавших из войны, сложившейся на измор, и около этого непонимания складывалась драма высшего командования в эту войну.

Наши противники. Мы оставляем подробную характеристику французской армии до главы о кампании 1859 г. и турецкой—до главы о Русско-турецкой войне. Французская армия, мало приспособленная к требованиям большой европейской войны, была весьма пригодна для посылки сильных отрядов в дальние экспедиции; всего втечение полутора лет из Франции на войну было отправлено 310 тыс. войск. Французы посылали на войну с нами свои лучшие части, хорошо обстреленные в алжирских походах, и при отправлении перевооружали большую их часть посредственным образцом штуцера. Во время самой войны они создали сильную осадную артиллерию, заново изготовив ее. Тактика французов характеризовалась слабой работой полевой артиллерии, устаревшими и не сохранившими руководящего значения уставами, энергичным огневым боем густых цепей, стремительными штыковыми ударами батальонных колонн, слабым управлением сверху и выросшей в малой войне инициативой, частным почином снизу. Бой велся хаотически, но очень энергично.

Турция была в силах выставить в Европе и Азии до 118 тыс. регулярных войск и до 200 тыс. не устроенных и не снабженных иррегулярных частей. Слабой частью турецкой армии являлась ненадежность ее материального базиса, бедность турецкого государства; сильной ее частью в Восточной войне являлось наличие в ее рядах революционной эмиграции, значительно повышавшей ее боеспособность. Множество энергичных польских и венгерских офицеров, вынужденных эмигрировать в 1849 г., предложило туркам свои услуги, чтобы сражаться против России. Во главе европейской армии турок стоял Омер-паша (бывший австрийский офицер Михаил Матос), недюжинный полководец. Самый талантливый венгерский революционный генерал, Клапка, едва не был назначен командующим турецкой малоазиатской армией [1].

Английская армия. Армия Англии, самой передовой страны в экономическом отношении, являлась наиболее отсталой. Консерватизм английской армии представлял совер·

---

[1] Арелан-паша — граф Быстроновский; Искандер - бей — граф Ильинский; Куршид - паша — генерал Гюйон; Бейрам - паша — англичанин Кмети; Вильямс, Бем находились в турецких рядах. Некоторые турецкие штабы, особенно в Малой Азии, напоминали эмигрантские кафе.

шенно исключительное для Европы явление и напоминал застывшие формы древне-египетской культуры. Мы находим в английской армии XIX века такие порядки, которые на континенте Европы исчезли уже в начале XVIII века: так, командир английского полка являлся подрядчиком-монополистом, снабжавшим свой полк мундирной одеждой, а извлекаемые отсюда барыши составляли важнейшую сумму в получаемом им вознаграждении; ротами и полками офицеры торговали, что бы обеспечить себя при выходе в отставку, как в эпоху Лувуа, и надо было купить себе полк, а не быть назначенным командиром полка по выбору или за отличие.

Английская постоянная армия достигала 142 тыс. и пополнялась вербовкой; из нее 50 тыс. было приковано к Индии, а остальные большей частью были рассеяны по всему земному шару. Имелось до 60 тыс. милиции, которая в случае войны могла сменить постоянную армию в Англии и ближайших гарнизонах. Численность английской армии в Крыму не удалось увеличить свыше 30 тыс., хотя всего втечение войны в Крым было высажено до 100 тыс. солдат; в составе английской армии находилось до 10 тыс. в навербованных из иностранцев—немцев и швейцарцев—полках. Кроме того, на английском содержании находилось до 15 тыс. плохих сардинских войск и несколько тысяч турок, пригодных лишь для второстепенных оборонительных задач.

Англичане в точности держались линейной тактики XVIII века; вооружение было хорошее; впрочем, получивший командование в Крыму лорд Раглан упорно противился перевооружению пехоты нарезным ружьем, которое удалось осуществить лишь с началом войны, и одна из английских дивизий оказалась в Крыму с гладкими ружьями; английская тяжелая артиллерия отличалась меткостью своего огня. Все же в Крыму англичанам при наступлении ни разу не удалось добиться ни одного успеха.

Английские офицеры вне строя избегали какого-либо общения с солдатами и военным искусством не интересовались. Жестокая дисциплина, с частым применением порки солдат «кошками», представлявшими британский семихвостный кнут, в отличие от однохвостного русско-татарского, обеспечивала стойкость английского солдата под огнем, но не давала ему наступательного импульса, не заинтересовывала его в успехе операции, не могла отучить его спать в траншейном охранении и вызывала сильное дезертирство; перебежчики с английского фронта являлись к русским ежедневно [1].

Снабжение английской армии находилось в отвратительном положении, и ставило английского солдата под Севастополем в ужасные условия существования; немногочисленная английская армия насчитывала в Крыму 19 тыс. умерших от болезней; временами до 40% имевшихся солдат переполняли госпитали. Жестокое пьянство, представлявшее единственное развлечение солдат и офицеров, только частично объясняет печальное санитарное состояние английской армии. Основная причина заключалась в плохой деятельности интендантства; несмотря на огромные средства в распоряжении английских интендантов, на возможность распространить свои закупки на важнейшие мировые рынки, на наличие огромного флота для транспортирования снабжения в Крым, заготовка и транспорт снабжения налаживались с большим трудом; не было порядка и организации, не было умения предвидеть требования армии, все запаздывало, теплая одежда доставлялась только к весне.

Английский тыл не мог удовлетворительно работать и потому, что английская армия блистала полным отсутствием организованного военного обоза. В этом отношении англичане не вышли еще из эпохи XVII века. Они жалели расходовать дорогой вербованный человеческий материал на должности конюхов и нестроевых. В эпоху наполеоновских войн английская армия Велингтона была высажена в Испанию без единой повозки; благодаря сочувствию испанцев, Велингтону удалось сформировать на месте, в Испании, удовлетворительный обоз из испанских подвод и испанских конюхов. Поэтому и лорду Раглану было отказано в снабжении его обозом при отправлении в Крым. При высадке в Евпатории англичанам удалось реквизировать 300 арб, с воловьей запряжкой и татарами-погонщиками. При отсутствии кузнецов, починочных мастерских, какого-либо снабжения, какой-либо организации и распорядка, этот обывательский обоз скоро развалился. В дальнейшем, англичане нанимали у себя на родине и в Турции значительное количество рабочих и конюхов, покупали повозки и животных, и все это отправляли в Балаклаву. Но тыл оставался неорганизованным, вольнонаемные тыловики, не получая снабжения, умирали или лишались работоспособности, подводы ломались и выбрасывались, некормленные животные гибли. Английская армия оказалась не в силах обеспечивать свое довольствие в 12—15 *км* от Балаклавы. Ни к какому маневру она не была способна. Только после взятия Севастополя английское командование пришло к мысли о необходимости военной организации обоза и командировало с этой целью из строя тысячу унтер-офицеров и солдат.

---

[1] Обычай брить усы и бороду в английской армии явился одним из средств борьбы с дезертирством в мирное время. Вербованный солдат, отпускавший растительность на своем лице, являлся подозрительным в отношении дезертирства: сбрив усы и бороду после бегства из части, дезертир затруднял опознание себя. Военное министерство очень интересовалось, бреются ли под Севастополем английские солдаты, и настаивало, чтобы главнокомандующий вернул в Англию выбритую армию.

Безобразному состоянию английской армии вполне отвечало безобразное состояние центральной военной власти. Тогда как английский флот являлся парламентским флотом, английская армия, вплоть до реформы Гладстона в 1872 году, являлась наполовину королевским, наполовину парламентским учреждением. Парламент являлся для армии мачехой; в зависящем от него министерстве колоний сосредоточивалось право давать армии оперативные приказы; первый лорд казначейства обеспечивал продовольствие войск и предоставлял армии транспорт; статс-секретарь министерства колоний ведал денежными ассигновками на армию и, таким образом, сосредоточивал у себя значительную часть военного бюджета. Вне парламентского министерства находились главнокомандующий и генерал-фельдцехмейстер. Главнокомандующий представлял королевскую власть, и хотя его назначение утверждалось парламентом, но в дальнейшим он являлся лицом несменяемым; в его руках находились инспекция пехоты и кавалерии, вопросы поддержания дисциплины, производство и назначение офицеров. Артиллерия, инженерная часть и заготовка части оружия для пехоты и кавалерии находились в руках генерал-фельдцехмейстера. Многие отдельные военные вопросы находились в ведении различных других министерств и учреждений. Таким образом проведение войсками любой операции находилось в зависимости от многих министров, чиновников и учреждений. В этих условиях нелегко было противопоставить армию парламенту, но и нелегко было ввести в армию какое-либо нововведение и вообще использовать армию для какой-либо цели. Создание централизованного военного управления, появление в английском парламенте военного министра, каким во Франции был уже Лувуа, явилось уже в результате расследования снабженческой катастрофы англичан под Севастополем.

Как можно объяснить такое отсталое состояние военного искусства в такой экономически передовой стране, как Англия? Объяснение лежит в особых политических условиях Англии. Ламанш, обеспечивая Англию от вторжения сухопутных армий континента, вырывал ее из напряженной конкуренции в военном деле, которая обусловливала поступательное развитие военного искусства в других европейских государствах. Англия имела возможность сосредоточить свои силы на других, более благодарных для нее задачах. Английский парламент втечение XVIII века систематически препятствовал строительству английских сухопутных вооруженных сил, которые, со времени Карла I, всегда казались угрозой политическому господству парламента. Англичане считали более выгодным, в случае нужды, нанимать немецкие, иногда (1799 г.) даже русские полки, чем создавать свои собственные; династическая уния с Ганновером позволяла использовать последний для вербовки ганноверских полков; после Кромвеля и его армии, иностранные полки представлялись английскому парламенту менее способными к вмешательству во внутреннюю политику, чем свои собственные.

Но в XVIII веке вербованная английская армия все же имела вид лишь несколько отсталой. Характер ископаемой она получила в первую половину XIX века, когда на посту главнокомандующего, до своей смерти в 1852 г., находился Велингтон, а английская буржуазия ощутила натиск чартизма. Велингтон сопротивлялся всяким реформам, держался, как победитель Наполеона I, и отстаивал линейную тактику и распорядки XVIII века, восторжествовавшие под Ватерлоо над вышедшим из французской революции военным искусством. А буржуазия испытывала необходимость опереться на армию, чтобы дать отпор рабочему движению, и отнюдь не пыталась посягать на дисциплину и реакционный дух, царивший в ней. Формы XVIII века казались особенно надежными для противоставления армии внутреннему врагу. Поэтому либеральные буржуа в парламенте не посягали на остатки королевской компетенции: парламент не брал умышленно полную власть над армией, чтобы можно было подбирать офицеров-реакционеров и пороть солдат от имени короля. Начало острых международных столкновений, положенное Восточной войной, заставили и англичан покончить со старыми порядками в армии. Однако островное положение Англии обусловливало меньшее ее военное напряжение, и она лишь плелась в хвосте европейских армий. Общая воинская повинность была в ней установлена лишь на годы разгара мировой войны.

В Англии военной цензуры не было; но если раньше об этом не приходилось жалеть, так как известия с театра войны попадали с большим запозданием, то после проложения телеграфного кабеля из Варны в Балаклаву в английских газетах можно было найти самые свежие данные о положении дел в английской армии в Крыму и ожесточенную критику всей военной организации. Эта гласность явилась могучим двигателем английской военной реформы 1855 г., но крайне осложнила положение английского командования и чрезвычайно облегчила работу русской разведки: статьи Таймса передавались по телеграфу через Берлин—Варшаву в Петербург. Печать еще не учла требования, выливавшиеся из нарождения телеграфа.

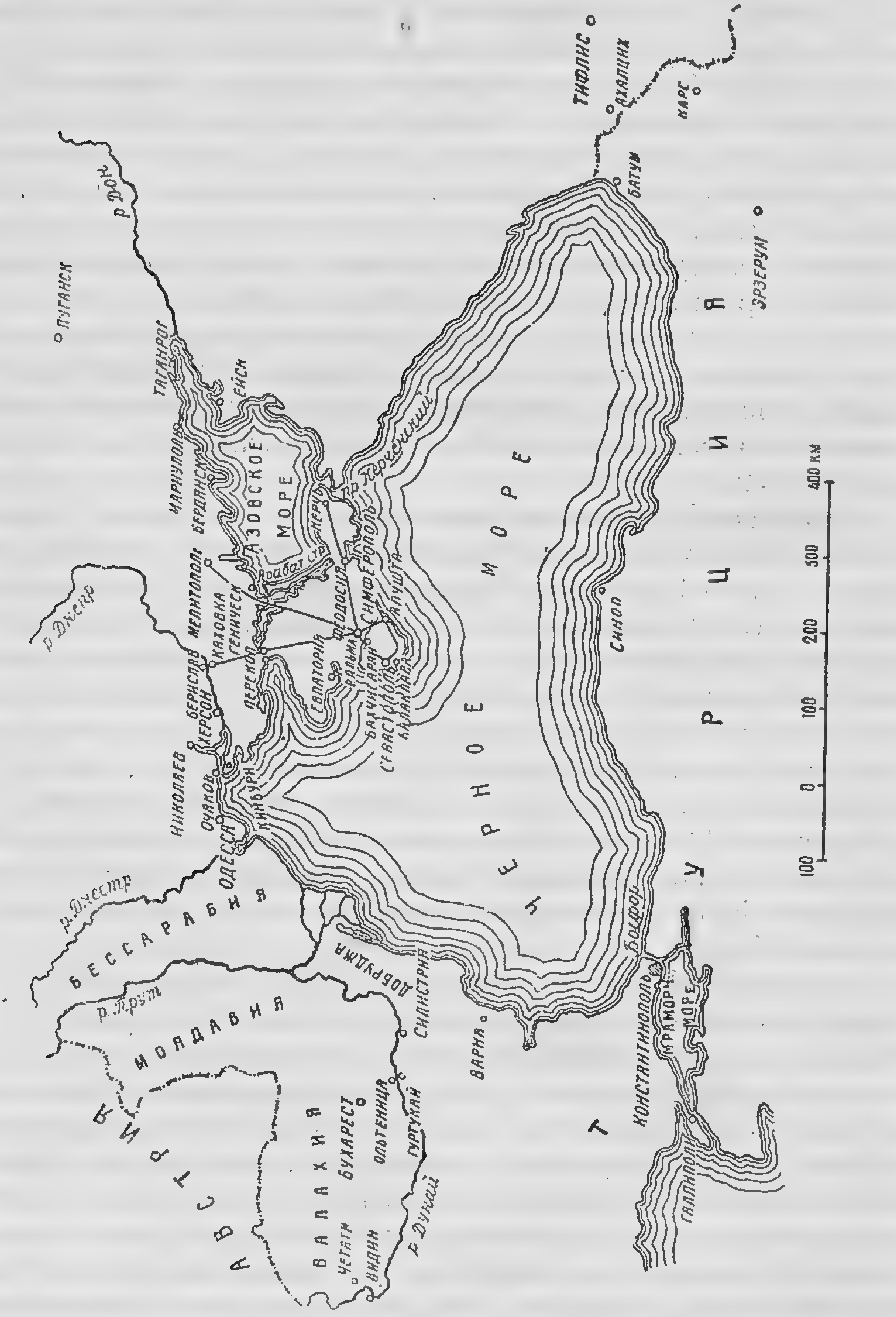
Морские силы. Россия создала к половине XIX столетия многочисленный парусный флот. Численность наших морских команд достигала 80 тыс. и значительно превышала мирную численность моряков военного флота Англии и Франции, взятых вместе. При морском бюджете около 18 миллионов рублей мы делали большие успехи в постройке деревянных парусных кораблей, особенно в Черном море. Севастополь располагал замечательными для своей эпохи сухими доками. Судостроение на Черном море велось много лучше и дешевле, чем на Балтийском; на черноморскую эскадру расходовались главные средства; во главе ее стояли лучшие адмиралы—Лазарев и Корнилов; черноморский флот круглый год нес тяжелую крейсерскую службу у кавказских берегов и являлся хорошо тренированным. Главные силы русского флота находились в Черном море.

Наше крепостное хозяйство приспособилось к конкуренции с Англией на море; в моральном отношении русские команды были несравненно выше вербованных английских. Английский флот в первой половине XIX века в численном отношении развивался слабо, но находился в порядке. Новости техники усваивались, впрочем, французским флотом скорее, чем английским, и французские моряки являлись по своему составу более надежными, чем экипажи английских кораблей.

Переворот в военно-морской технике середины XIX столетия, вызванный введением во флотах винтовых двигателей, конечно, пошел целиком в пользу государств, стоявших впереди в промышленном отношении, и сделал для нас всякую борьбу за господство на море невозможной. Винтовые механизмы в России не выделывались, выписка их из-за границы обходилась дорого и не обеспечивала потребностей флота, опытных русских машинистов в природе не было. В этих условиях столкновение наших эскадр с англо-французскими могло привести лишь к поражению; поэтому русский флот в Восточную войну от боя уклонился. Черноморская эскадра, ограничившись уничтожением под Синопом турецких фрегатов, скрылась в Севастополе. Базы нашего флота—Севастополь и Кронштадт—оказались достаточно сильными, чтобы союзные эскадры отказались от их атаки.

Дунайская кампания 1853—54 г. К оккупации дунайских княжеств было приступлено 21 июня 1863 года, 80 тыс. армией князя Горчакова. Турки начали в октябре враждебные действия; силы турок на Дунае достигли 90 тыс., наполовину второлинейных войск (редиф) без обозов, с плохим снабжением. Объявление Турцией войны побудило усилить русские войска на Дунае до 180 тыс.—одной четверти всей русской полевой армии. Остальные три четверти распределились так: 207 тыс. охраняли столицу и балтийское побережье, 140 тыс.—были развернуты в Польше против Австрии, обнаруживавшей враждебные намерения, 83 тыс. охраняли Крым и побережье Черного моря, 100 тыс. удерживали Кавказ.

Первый период кампании на Дунае, до вступления в войну Англии и Франции (начало марта 1854 года), характеризуется обязательством русских не переходить через Дунай и невозможностью для турок предпринять какие-либо крупные наступательные попытки. Наши войска приняли, однако, сосредоточенную группировку, как будто задача заключалась в том, чтобы отбить наступление через Дунай крупных сил. В действительности же дело заключалось исключительно в том, чтобы не потерпеть мелких неудач, которые могли бы быть раздуты турками и враждебной нам европейской печатью, чтобы подорвать престиж русских войск и облегчить партиям войны во Франции и Англии увлечь эти государства на открытый разрыв с Россией. Пользуясь тем, что русские были связаны обязательством не переходить Дунай, и, следовательно, турки за Дунаем находились в полной безопасности, Омер-паша сосредоточил свои силы в двух группах—у Видина и Туртукая—и совершил две удачные вылазки на левый берег Дуная: первая—это переправа турок у Ольтеницы, отражение первого


р. Дон
Луганск
Таганрог
Ейск
Мариуполь
Бердянск
Азовское море
Мелитополь
Каховка
Геническ
р. Днепр
Берислав
Херсон
Николаев
Очаков
Одесса
Кинбурн
Перекоп
Арабат стр.
Керчь
пр. Керченский
Феодосия
Симферополь
Алушта
Евпатория
Альма
Бахчисарай
Севастополь
Балаклава
р. Днестр
Бессарабия
р. Прут
Молдавия
Австрия
Валахия
Бухарест
Ольтеница
Туртукай
Четати
Видин
р. Дунай
Добруджа
Силистрия
Варна
Черное море
Босфор
Константинополь
Мрамор. море
Галлиполи
Синоп
Турция
Эрзерум
Батум
Карс
Ахалцих
Тифлис
100 0 100 200 300 400 км

Черт. 1. Черноморский театр войны.

русского натиска и затем добровольный уход турок за Дунай; вторая—безнаказанная атака турок на русский полк, квартировавший в селе Четатти. Эти ничтожные булавочные уколы позволили кричать о турецких победах, о том, что русская армия совсем не так страшна, как рисуют ее воспоминания о наполеоновских походах, и в результате получили крупное реальное значение.

Паскевич и осада Силистрии. Второй период Дунайской кампании начался 23—25 марта весьма успешной переправой русской армии через нижний Дунай, в Добруджу. Быстрое развитие активных действий, разгром вдвое слабейших сил турок, овладение Балканами, угроза Константинополю могли бы заставить умолкнуть враждебные нам течения в Австрии и внушить почтение к русской армии. На беду русских, главнокомандующим был назначен князь Паскевич, величайший военный авторитет в глазах Николая I. Паскевич, поклонник церемониального марша, эгоистический генерал, опасавшийся ставить на карту свою раздутую репутацию, купленную не слишком трудными победами над персами, поляками, венгерцами, импонировал своими стратегическими идеями, лежавшими в русле сокрушения: 1) всегда держать силы сосредоточенными, жертвуя второстепенными интересами; 2) уделять величайшее внимание правильному снабжению армии. Паскевич оценивал Австрию, как нашего важнейшего врага; таран, по его мнению, следовало нацелить на Карпаты, а не на Балканы; турки являлись второстепенным врагом, которому следовало уделять минимум сил и внимания; развертывание русской армии на Дунае, тылом к Австрии, представлялось ему, как капитальная ошибка. Надо было уходить, как можно скорее, из дунайских княжеств за р. Прут. Николай I не разделял этой панической оценки политического положения; он ожидал, что победа над турками заставит Австрию прекратить бряцание оружием.

Основная ошибка мышления Паскевича заключалась в недооценке реальных военных событий, признаваемых им за второстепенные, в пользу главного театра, лишь туманно намечавшегося в будущем. Даже в момент осады Севастополя Паскевич противился всеми силами отправке подкреплений на этот второстепенный театр, чтобы не ослабить себя на жизненном направлении против главного возможного врага—Австрии. Но так как последний враг так и не выступил, и Восточная война сложилась только в плоскости измора, в борьбе не на жизненных направлениях, а на второстепенных театрах, то идеология сокрушения, представленная Паскевичем, вела лишь к увеличению числа бездействующих русских войск за счет действующих, к понижению энергии наших усилий и к повышению расходов войны.

Повинуясь формальному приказу императора Николая, Паскевич, медленно подвигаясь, приступил 17 мая к осаде Силистрии—старой турецкой крепости, с вынесенными на 1½—2 версты временными укреплениями. Паскевич опасался, что англичане и французы, начавшие собираться в Варне, вместе с турками атакуют его. Конечно, живая сила неприятеля интересовала печального стратега сокрушения гораздо больше, чем непосредственный географический объект—Силистрия. Поэтому Паскевич не обложил последнюю крепость, а стал рядом с ней, выделил ничтожные силы для самой осторожной постепенной атаки слабого земляного форта Араб-табия, а главные силы держал сосредоточенно на предмостной позиции у Дуная и энергично укреплял ее, готовясь к бою с неприятелем, который вовсе не собирался показываться. Более формального выполнения директивы царя—атаковать Силистрию—трудно было придумать. Один из военных инженеров, руководивший осадными работами, прославившийся впоследствии под Севастополем—Тотлебен—подслушал солдатский разговор, так пояснявший непонятные армии распоряжения Паскевича: «За что мы здесь деремся», спрашивает один служивый другого. «Какой ты дурак,—последовал ответ,—паша хочет сдать Силистрию, а фельдмаршал не хочет ее взять» [1].

Критическое отношение к распоряжениям Паскевича вылилось в импровизацию, в ночь на 29 мая, штурма Араб-табия. После отбитой вылазки турок, Араб-табия смолк и казался совершенно очищенным гарнизоном. Гвардейские офицеры—Костанда, граф Орлов, князь Щербатов— находившиеся при генерале Сельване, командующем войсками, ведшими осадные работы, сговорились и подбили его—двинуться немедленно и захватить турецкий форт. В первом часу ночи двинулись три батальона; в 50 шагах от форта наши барабаны ударили бой к атаке и разбудили спящих турок. Все же удалось перебраться через ров, глубиной в 12 фут, с крутыми откосами, взобраться на бруствер; началась штыковая свалка. Форт был уже почти в наших руках, когда генерал Сельван был убит, а заместитель его, генерал Веселицкий, человек робкий перед неприятелем и еще больше перед начальством, испугавшись ответственности перед Паскевичем за проявление инициативы, приказал ударить отбой. Войска отступили с потерей в 939 человек.

---

[1] Н. Шильдер. Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Том I, стр. 187.

В дальнейшем, так как было разрешено при осаде применять только лопаты, то эти «практические саперные работы» ознаменовались лишь несколькими удачными минными взрывами частей укрепления, классическим переходом через ров летучей сапой и т. д. Чувствуя свое ложное положение, Паскевич сказался контуженным, уехал из армии, и 21 июня приказал снять осаду. К 26 июня русские ушли за Дунай. В глазах всего мира неспособность русских справиться с ничтожными укреплениями Силистрии рассматривалась, как высокое торжество турок и глубокое падение наших военных достоинств. Через месяц, отбив попытки турок на Дунае, русская армия, ввиду сосредоточившихся на границе австрийцев, начала отступление из княжеств, закончившееся к 16 сентября.

Уход русских войск с Дуная надвинул опасность на Севастополь; вся Дунайская кампания являлась следствием ошибочной оценки политического положения и представляет нагромождение ошибок. Однако, переход России к оборонительной войне являлся политической необходимостью; несмотря на все уродства командования Паскевича, его решение приступить к отходу,—сначала за Дунай, затем за р. Прут,—следует приветствовать. Оно было тем труднее, что русское общество, далекое от трезвой оценки обстановки, не понимало его [1].

Перевозка союзных войск в Галиполи. Вопрос о вооруженной поддержке Турции встал перед Францией и Англией еще летом 1853 года. 3 января 1854 года союзные эскадры вошли в Черное море и вынудили русский флот укрыться в Севастополе. В начале февраля русские послы покинули Лондон и Париж. Но только с отпуском 7 марта кредитов на войну началась во Франции мобилизационная работа. Первоначально намечалась отправка в Турцию 6 тыс. французов и 3 тыс. англичан; не совсем понятным являлось, что с такими силами можно было предпринять против России; затем французы повысили свою долю до 3 дивизий; в конечном счете наметилась переброска 40 тыс. французов и 30 тыс. англичан.

---

[1] Характерным для русских настроений является письмо Аксакова к Погодину от 26/14 февраля 1854 г.: „Политические дела меня с ума сводят. Никакое благоразумие не помогает, оскорбляется народная гордость и возмущает душу. Я думал, что Закревский (моск. ген.-губернатор)—русский человек, а слышу — и он за оборонительную войну“.

Никаких мобилизационных соображений во Франции не разрабатывалось. Начальник департамента личного состава полковник Трошю, ввиду очевидной неминуемости войны, предложил начальникам других отделов военного министерства собраться у него, и в частном порядке, втайне от начальства, обсудить заранее соображения о том, что делать, если от императора придет неожиданный приказ— отправить в Турцию две-три дивизии. Ввиду молчания сверху, подчиненные, сохраняя видимость импровизации, готовили сюрприз, чтобы отличиться. Заговор отчасти удался, и Наполеон III получил впечатление всемогущества импровизации.

19 марта, через 12 дней после официального приступа к подготовке экспедиции, тысяча французских солдат и штаб десанта уже отплыли из Марселя на 3 пароходах в Галиполи. Но если с мобилизацией сравнительно небольших сил десантного корпуса Франция, с крайним напряжением, кое как справилась, то перевозка была организована отвратительно. Никакого учета судов, пригодных для перевозки войск, французское морское министерство не вело; а на него выпала задача морской перевозки, и отдельные части, предназначенные в состав десанта, хаотично прибывали в Марсель для дальнейшей отправки. Морское министерство фрахтовало любые суда; судовладельцы, привлеченные заработком, чинили совершенно негодные, предназначенные на слом суда, и предлагали свои услуги правительству; матросов не хватало; порядка отправки выработано не было; грузили в первую очередь наиболее назойливые части; пехоту решили перевозить преимущественно на пароходах, а артиллерию, обоз и запасы—отправлять на парусных судах. Парусники оплачивались посуточно, а не за рейс, встречали противные ветра и отстаивались в различных портах Сирии, Египта, Греции. В конце мая, через два месяца после начала перевозок, в Галиполи не было еще ни одной боеспособной части, а только обрывки десанта. Штаб последнего посылал военные суда во все порты восточной части

Средиземного моря подгонять парусников к цели их плавания.

Такая неупорядоченная переброска десанта представляла плохое начало войны; она осталась безнаказанной только потому, что Турция представляла превосходную промежуточную базу, где десант мог организоваться и получить снабжение из турецких источников.

Первые промежуточные цели. Галипольский полуостров был избран пунктом высадки по предложению англичан. Утверждение на нем союзников являлось их первой целью войны [1]. Союзники не понимали, что мобилизация австрийской армии в тылу русских озабочивает последних больше, чем англо-французский десант; союзники ожидали, что русские, после переправы через Дунай, разгромят турок и двинуться на Константинополь.

Но так как русские не продвигались от Дуная, то сосредоточение союзников у Галиполи теряло всякое значение. 11 июня было решено перебросить союзную армию из Галиполи в Варну, откуда она могла бы непосредственно поддержать оборону турками Дуная. Это явилось второй целью союзников. Большая часть пехоты перевозилась морем; кавалерия и часть артиллерии направлялись сухим путем через Андрианополь. С 27 июня союзники начали сосредоточиваться в Варне; но в этот день русские, сняв осаду Силистрии, отступили за Дунай; только небольшие силы оставались еще в Добрудже. 19 июля французы, собрав свои силы, решили предпринять экспедицию в Добруджу, чтобы установить, наконец, соприкосновение с русскими. Движение началось 21 июля; три участвовавших дивизии возвратились из нее 4—18 августа. Так как с 27 июля русские уходили уже за р. Прут, то лишь передовые части французов имели ничтожную стычку с казаками. Во французских войсках, участвовавших в этой экспедиции, вспыхнула сильная холерная эпидемия. Заболело свыше 8 тыс., умерло свыше 5 тыс. 10 августа в Варне разразился огромный пожар, вызванный поджогом сочувствовавших нам болгар и греков, который уничтожил массу заготовленного союзниками снабжения. Сосредоточение у Варны оказалось также ударом по пустому месту.

---

[1] В случае захвата русскими Константинополя англичане предполагали создать в Дарданелах второй Гибралтар.

Высадка в Крыму. Уход русских можно было предвидеть уже в половине июля. Действия в Молдавии и Бессарабии совместно с австрийцами и турками представляли цель, совершенно не интересовавшую Англию, и трудно достижимую по отсутствию достаточных обозов. Англия стремилась, прежде всего, к утверждению своего могущества на море и к нанесению ущерба морской силе России. Базой последней на Черном море являлся Севастополь. Идея высадки в Крыму и захвата Севастополя, мелькавшая с начала войны, начала оформляться 18 июля; 8 августа решение было принято окончательно.

Только 7 сентября английская, французская, и турецкая эскадры смогли отплыть в Крым. Союзный десант состоял из 23 тыс. французов, 7 тыс. турок, 27 тыс. англичан. По недостатку транспорта, в Варне осталась одна французская пехотная дивизия, которая могла быть перевезена только во вторую очередь, и одна кав. дивизия. Турецкая дивизия была включена в состав десанта преимущественно по политическим соображениям. Основную массу населения Крыма в 1854 г. составляли 257 тыс. татар-мусульман, в глазах которых турки представляли известный религиозный и политический авторитет. И действительно, во время пребывания союзников в Крыму, до 30 тыс. татар перешло на их сторону, что облегчило продовольствие, разведку и дало союзникам рабочую силу для тыловых работ. Кроме того турки при союзниках предназначались на роль белых негров и были поделены между англичанами и французами. Особенно плохо пришлось английским туркам, которых хозяева не кормили, и которые скоро вымерли.

Французские войска перевозились на 55 военных и 17 коммерческих судах; турецкая дивизия—на 9 турецких линейных кораблях; английские войска—на 150 транспортах; на английской эскадре, состоявшей из 10 линейных кораблей и 15 фрегатов, десанта не было, чтобы не связывать ее боевой деятельности. Тщательно были подготовлены средства для перевозки десанта на берег, и войска были обучены погрузке и выгрузке с судов. Осадная французская артиллерия не успела собраться к началу Крымской экспедиции: имелось только 24 орудия из предназначавшихся 56; пришлось позаимствовать у турок 41 тяжелое орудие. Так как намечалась ускоренная атака Севастополя, то союзники везли с собой и осадное инженерное имущество; так, французы погрузили с собой 8 тыс. туров и 16 тыс. фашин, имели в запасе 20 тыс. штук рабочего инструмента и 100 тыс. земляных мешков.

Наполеон III и командующий французской армией Сент-Арно предлагали высадить союзные армии у Феодосии, где имелась хорошая гавань, и двинуть их оттуда к Симферополю. Русская армия была бы вынуждена дать сражение, отойдя не далее Симферополя. Победа у Симферополя отдавала союзникам весь Крым, и заставила бы русских эвакуировать Севастополь без боя. Но это овладение Крымом в стиле сокрушения совершенно не улыбалось англичанам; Раглан вовсе не имел обоза, был очень мало уверен в способности английской армии к маневру и наотрез отказался углубиться на сушу. По настоянию англичан, удар десанта нацеливался не на полевую русскую армию и сообщения Севастополя, а непосредственно на Севастополь; армии союзников не должны были удаляться от побережья.

Высадка состоялась на пляже недалеко от Евпатории; 12 и 13 сентября ей мешало волнение; 14 сентября большая часть пехоты и полевой артиллерии были высажены, но дальнейшее течение высадки задержалось вновь волнением; особенно задержались англичане, которые смогли окончательно изготовиться на берегу только на 5-й день высадки, вечером 18 сентября.

Появление неприятельского флота из 256 судов было обнаружено русскими уже 11 сентября. Несмотря на то, что в августе вся заграничная пресса была полна статьями о предстоящей атаке Севастополя, численность наших войск в Крыму была доведена только до 50 тыс., так как, по взглядам стратегии сокрушения, этот второстепенный театр не должен был усиливаться в ущерб главному—на австро-русской границе: 38 тыс. Меньшикова были разбросаны по всему Крыму, за исключением его восточной оконечности, где у Керчи, для обороны входа в Азовское море, было собрано 12 тыс. Хомутова. Меньшиков не решился активно препятствовать высадке союзников, что было связано с подставлением русских войск, на плоском евпаторийском берегу, под огонь могущественной судовой артиллерии; он спешно начал сосредоточивать войска на высокое плато левого берега р. Альмы, чтобы преградить союзникам путь к Севастополю. Некоторые русские части прошли в трое суток до 150 километров.

Организация союзного командования. Наполеон III предложил, чтобы в день боя на море командование объединялось английским адмиралом, а на суше—командующим французской армией. Но Англия отказалась от каких либо соглашений; Англия, Франция, Турция оставались формально свободными в своих решениях; даже английский адмирал не был подчинен английскому командующему армией. Англия ссылалась на формальные основания—невозможность для нее, по конституционным соображениям, подчинить английских солдат иноземным начальникам. Все решения общего порядка должны были приниматься после совещания самостоятельных представителей армии и флота Англии, Франции и Турции, поскольку на совещании удавалось согласовать их стремления [1].

Отсюда, конечно, вытекали крупные военные невыгоды. Но Англия шла на них сознательно; опираясь на свои преимущества политического и экономического порядка, на богатство своего транспорта, Англия рассчитывала, что она сумеет диктовать свою волю союзникам; ценой огромных трений ей действительно удалось подчинить себе действия не толькой бедной Турции, но и сделать призрачной свободу французского командования.

Больше всех от отсутствия соглашения о командовании пострадала политически слабейшая Турция. Ее главнокомандующий, Омер-паша, ясно понимал невозможность для Турции преследовать в Крыму какие-либо реальные выгоды, и печальную роль турецких войск при обслуживании англичан и французов. С уходом русских с Дуная у турок оставалось соприкосновение с русскими только на Кавказе. Только на Кавказском фронте турки могли отстаивать свои интересы. Поэтому Омер-паша согласился выделить в Крым лишь одну турецкую дивизию. Критическое положение, в котором оказались союзники на следующую зиму перед Севастополем, заставило их настоять на сосредоточении в январе 1855 года в Крыму 45 тыс. турецких войск. Омер-паша разрешил это позаимствование под условием, что турок не будут привлекать к осадным работам. В мае 1855 г. русские на кавказском фронте перешли в наступление и грозили Карсу и Эрзеруму. Омер-паша настаивал на отправке турецких войск из Крыма для защиты турецкой территории. Но англичане, которым турецкие дивизии были нужны для охраны Евпатории, Балаклавы, Керчи, употребили могучие средства финансового давления на турецкое правительство, отказали туркам в транспортных средствах и удержали турок в Крыму, несмотря на их самые горячие протесты.

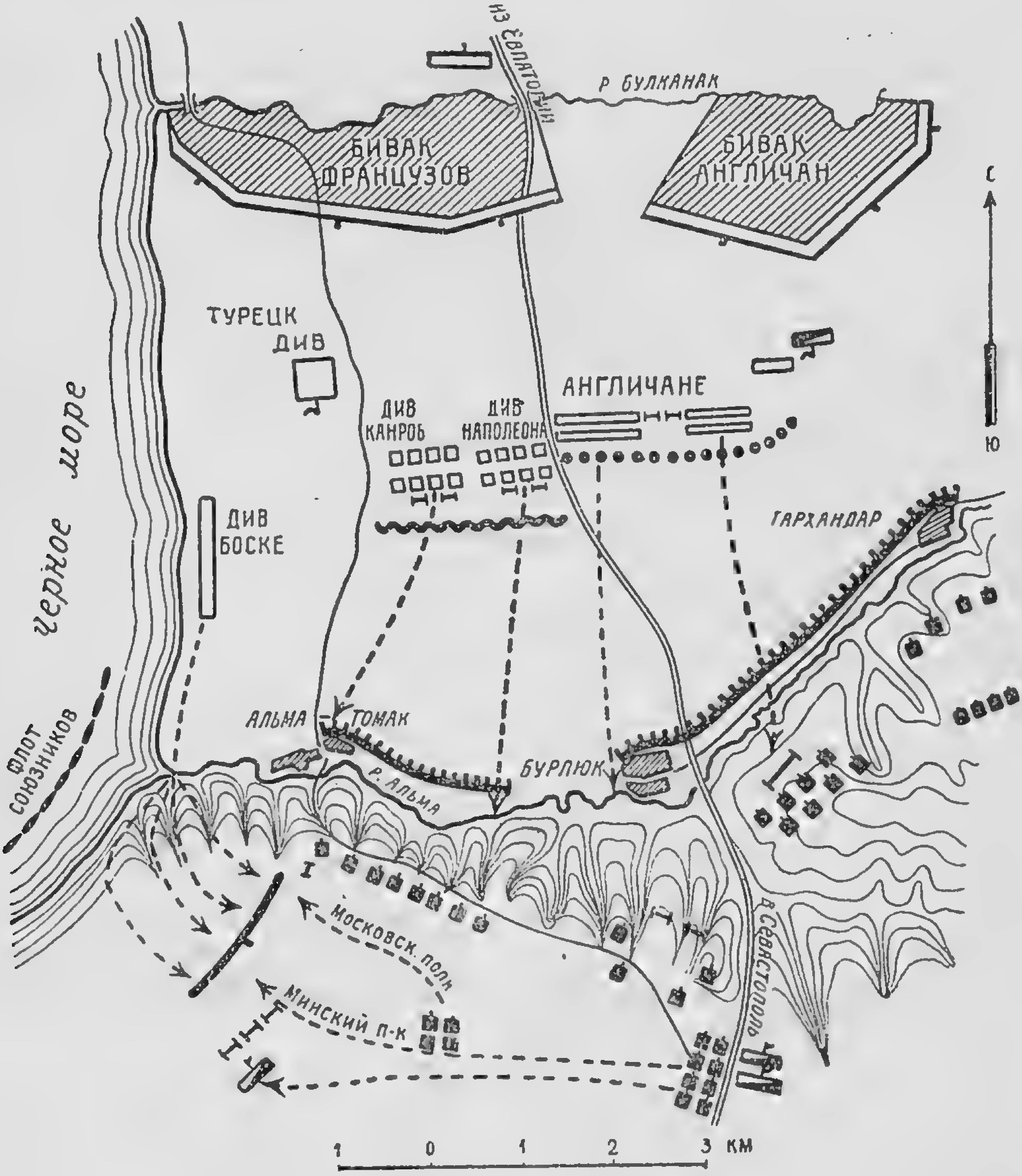
---

[1] В начале Мировой войны армия Френча, действовавшая бок о бок с французами, была поставлена в столь же несвязанное положение; только грозные события второй половины Мировой войны заставили Англию пойти на формальное объединение командования на вооруженном и экономическом фронтах.

Сражение на р. Альме. Ввиду большой боеспособности французских войск, англичане при высадке предоставили французам правый, более опасный, как ближайший к Севастополю, участок высадки, а сами выбрались на берег на левом, более удаленном, участке. Затем союзники зашли, для движения к Севастополю вдоль побережья, левым плечом вперед. Французы оказались рядом с морем, прикрытыми судовой артиллерией; англичане—на открытом левом фланге; это отвечало тому обстоятельству, что англичане имели конницу, а французы—нет. В таком порядке союзники подошли к р. Альме; утром 20 сентября, разделенные этой маленькой речкой, стояли 33 тыс. русских с 96 оруд. против 55 тыс. англо-французов, со 120 оруд., не считая могучей артиллерии союзного флота. Небольшие силы русских растянулись вдоль Альмы на 8 километров, причем нижнее течение Альмы, наиболее трудно доступное, на протяжении 3 километров вовсе занято не было. Превосходство в коннице было у русских; союзники не имели транспорта, который позволил бы им оторваться от моря и преследовать русских; союзники могли рассчитывать уничтожить русскую армию, только охватывая ее своим левым флангом и прижимая к морю; этому благоприятствовало исходное положение англичан, протягивавшееся на запад далее русского правого фланга.

Но условия союзного командования заставляли отказываться от всяких сложных планов; англичане не только не пытались охватить правый фланг русских, но сжались к центру; с трудом можно было достигнуть объединения во времени наступления англичан, систематически опаздывавших, и французов. Лучшие боевые качества французов, двойной перевес сил (40 французских и турецких батальонов против 21 русск. батальона) и поддержка судовой артиллерии естественно предопределили перенос центра тяжести активных действий против левого фланга русских. Союзники отжимали русских от моря вместо того, чтобы опрокидывать их в море.

Русские успешно отбили все фронтальные атаки англичан, несмотря на перевес их сил (26 англ. батальон. против 21 русских); английское наступление представляло удивительное для XIX века зрелище развернутого строя, протяжением в 3 *км*, медленно подвигавшегося вперед, с останов-


из Евпатории
р БУЛКАНАК
БИВАК ФРАНЦУЗОВ
БИВАК АНГЛИЧАН
С
Ю
ТУРЕЦК ДИВ
ДИВ КАНРОБ
ДИВ НАПОЛЕОНА
АНГЛИЧАНЕ
ДИВ БОСКЕ
Черное море
ГАРХАНДАР
АЛЬМА
ТОМАК
р. АЛЬМА
БУРЛЮК
ФЛОТ СОЮЗНИКОВ
Московск. полк
Минский п-к
в Севастополь
1 0 1 2 3 КМ

Черт. 2. Сражение на р. Альме 20/IX 1854 г.

ками под русской картечью для выравнивания линии. Но французская дивизия Боске охватила нас со стороны моря и, поддержанная огнем мелких судов, вскарабкалась на обрывавшиеся к морю высоты; неудача русских контратак, которые велись в густых построениях, против французов, вынудила князя Меньшикова к отступлению. Стройность и дисциплина русских произвели на французов такое впечатление, что они не только не думали о преследовании, но забыли подать помощь англичанам, против которых русское правое крыло успешно держалось еще свыше часа после того, как сражение на левом крыле было проиграно. Отступление русских, довольно поспешное, прикрывалось стройно отходившим арьергардом и конницей. Союзники оставались на р. Альме втечение трех суток. Потери русских—5 700 чел.—превосходили потери союзников—4 300 чел. [1]. Мы платились за густоту построений и за недостаточное развитие боя в стрелковых цепях.

Устройство союзников на Херсонесском плато. В сражении под Альмой, почти против двойных сил, Меньшиков выполнил по отношению к Севастополю тот тяжелый долг, который Кутузов выполнил под Бородиным по отношению к Москве. После этого сражения Меньшиков сначала отвел свою армию к Севастополю; последнему теперь угрожала атака союзников с сухого пути, на Северную сторону его приморских укреплений, в связи с возможным прорывом флота союзников во внутренность обширной Севастопольской бухты. Таковы были, действительно, намерения союзников. Чтобы воспрепятствовать совместным действиям неприятельских сухопутных и морских сил, Меньшиков приказал заградить вход в бухту затоплением 5 кораблей и 2 фрегатов, из более старых судов Черноморского флота. Прорыв неприятельской эскадры в бухту через это заграждение, под перекрестным огнем батарей Северной и Южной стороны, имевших возможность давать до 300 выстрелов в минуту, затруднялся в большой степени.

Единственной целью союзников в Крыму являлась наша морская база—Севастополь; поэтому и задачей русских являлось сосредоточение всех усилий на защите этого географического пункта. Однако Меньшиков заботился преимущественно о том, чтобы его живая сила—армия—не оказалась заблокированной в Севастополе, и сохранила свои сообщения с Россией. Решение Меньшикова было бы правильным, если бы неприятель сколько-нибудь был способен преследовать цели сокрушения. Меньшиков, оставив в Севастополе 6 резервн. батальонов, 24 сентября двинулся из Севастополя в направлении на Бахчисарай. Русская полевая армия должна была содействовать обороне Севастополя лишь косвенно, путем нажима на фланги и тыл союзников.

---

[1] На сознание русских долго действовало то обстоятельство, что наши боевые потери оказывались много большими потерь неприятеля. Дело в том, что союзники фальсифицировали данные о потерях, преуменьшая их. Англичане показывают под Альмой всего 2000 убитых и раненых. Между тем, только в Константинополь было эвакуировано после Альмы 2000 раненых англичан.

План атаки союзников на Северное укрепление имел в виду прорыв флота в бухту; узнав о заграждении входа в бухту, союзники решили атаковать Севастополь с южной стороны, обеспеченной с сухого пути лишь слабо обозначенным остовом крепостной ограды. Для этого им предстояло обойти Севастопольскую бухту через Мекензиевы высоты. Это движение перекрещивало дорогу, по которой отступала армия Меньщикова, и союзники даже надвинулись на последние повозки его обоза. В голове движения шли англичане, так как армия союзников, первоначально нацеленная на Северное укрепление, для своего обходного движения должна была повернуть влево. Англичане достигли 26 сентября Балаклавы, и заняли этот порт для нужд снабжения английской армии. Французы, не допущенные в Балаклаву, должны были искать другую бухту для питания своей армии; они выбрали Камышевую бухту, оказавшуюся прекрасной по своим достоинствам. Выбор этих баз снабжения обусловил и необходимость для французов занять на Херсонесском плато, для атаки Севастополя, левый участок, уступив правый англичанам, дабы избежать перекрещивания путей снабжения. Англичане, смотревшие на Балаклавский порт, как на свою добычу, вместе с тем естественно, в придачу, получили и самую трудную атаку и почетное место на открытом фланге осады, что, впрочем, отнюдь не входило в их расчеты.

Материальные средства Севастополя. Положение плохо укрепленного Севастополя, с ничтожным сухопутным гарнизоном, имело свои выигрышные стороны. В Севастополе, кроме 8 тыс. преимущественно резервных войск, находилось 18 тыс. прекрасных моряков, в большинстве хорошо обученных стрельбе из тяжелых орудий, с отборным командным составом; 3 тыс. остались на судах, а остальные сразу были взяты для сухопутной обороны. В Севастополе имелось до 5 тыс. орудий, значительной частью тяжелых калибров; к ним имелось почти 800 тыс. снарядов и 65 тыс. пудов пороха. Имелся семимесячный запас продовольствия для эскадры, большой морской госпиталь, богатые технические средства порта. Уже через неделю, к 1 октября, гарнизон был усилен 3 полками; затем начался беспрерывный поток подкреплений в Севастополь, пути сообщения коего с Россией не были преграждены. В этих условиях нужно было лишь организационное руководство, которое бы помогло развертыванию богатых артиллерийских средств Севастополя. Таким организатором обороны явился инженер Тотлебен; важнейшая заслуга последнего заключалась в беспрерывном вооружении новых батарей на сухопутной линии обороны; всего здесь перебывало до 2500 орудий, наиболее тяжелых из обширного имевшегося запаса.

Линия сухопутной обороны протягивалась почти на 8 километров, и образовывалась так называемыми бастионами, носившими с левой руки к правой номера 1—8; между бастионами 2 и 3 находилась командующая городом и рейдом высота—Малахов курган, названная, по имени убитого здесь доблестного вождя черноморского флота, Корниловским бастионом; бастионы выдавались лишь в слабой степени, и оборона имела, в общем, слабо изогнутый, линейный характер. Южная бухта делила внутренность крепости на две части: западную—Городскую, и восточную—Корабельную. В руках начальника инженеров Севастопольской крепости, ген. Павловского, развитие сухопутных укреплений втечение первого года войны подвигалось черепашьим шагом[1]. Профиль укреплений была слабой; большинство бастионов имели законченными лишь горжевые казармы; соединялись они слабой каменной стеной, приспособленной к обороне.

Недостатком начертания являлось недостаточное удаление укреплений от города и порта. Командующие высоты, на удалении 1 километра, оставались не занятыми. Глубина позиции была недостаточна; стрелковая позиция и артиллерийская совмещались на одной линии, что должно было поставить пехоту под расстрел во время артиллерийского боя. Укрытий для гарнизона было недостаточно.

---

[1] Типичный бюрократ царствования Николая I, Павловский остался таким же и перед непосредственной угрозой Севастополю. Меньшиков приказал Павловскому заготовить шанцевый инструмент, чтобы войска и население могли связать севастопольские укрепления в одну сплошную боеспособную позицию. Павловский 6 сентября (нов. ст.) рапортовал: так как сумма на заготовку инструмента весьма значительна, то по статье 505 части IV книги I Св. воен. пост. следует произвести торги, а по смыслу ст. 505 той же части и книги вызов к торгам должен быть сделан не раньше, как за полтора месяца до производства торгов; а посему как же быть?

Тотлебен, сосредоточивший в своих руках руководство оборонительными работами, не проявил инициативы в изменении начертания фронта. Вместо того, чтобы сразу занять высоты перед Малаховым курганом, он сначала развивал тыловые позиции и приспособлял улицы города к обороне; свою ошибку Тотлебен начал исправлять лишь весной 1855 года когда было уже поздно [1]. Тактическое несовершенство севастопольских позиций сказалось уже в первый день бомбардировки, когда наша артиллери на 2 выстрела англо-французов отвечала 5 выстрелами, а потери наши оказались в 1 100 человек против 344 союзников. Оборона Севастополя основывалась сразу же на щедром расходовании живой силы.

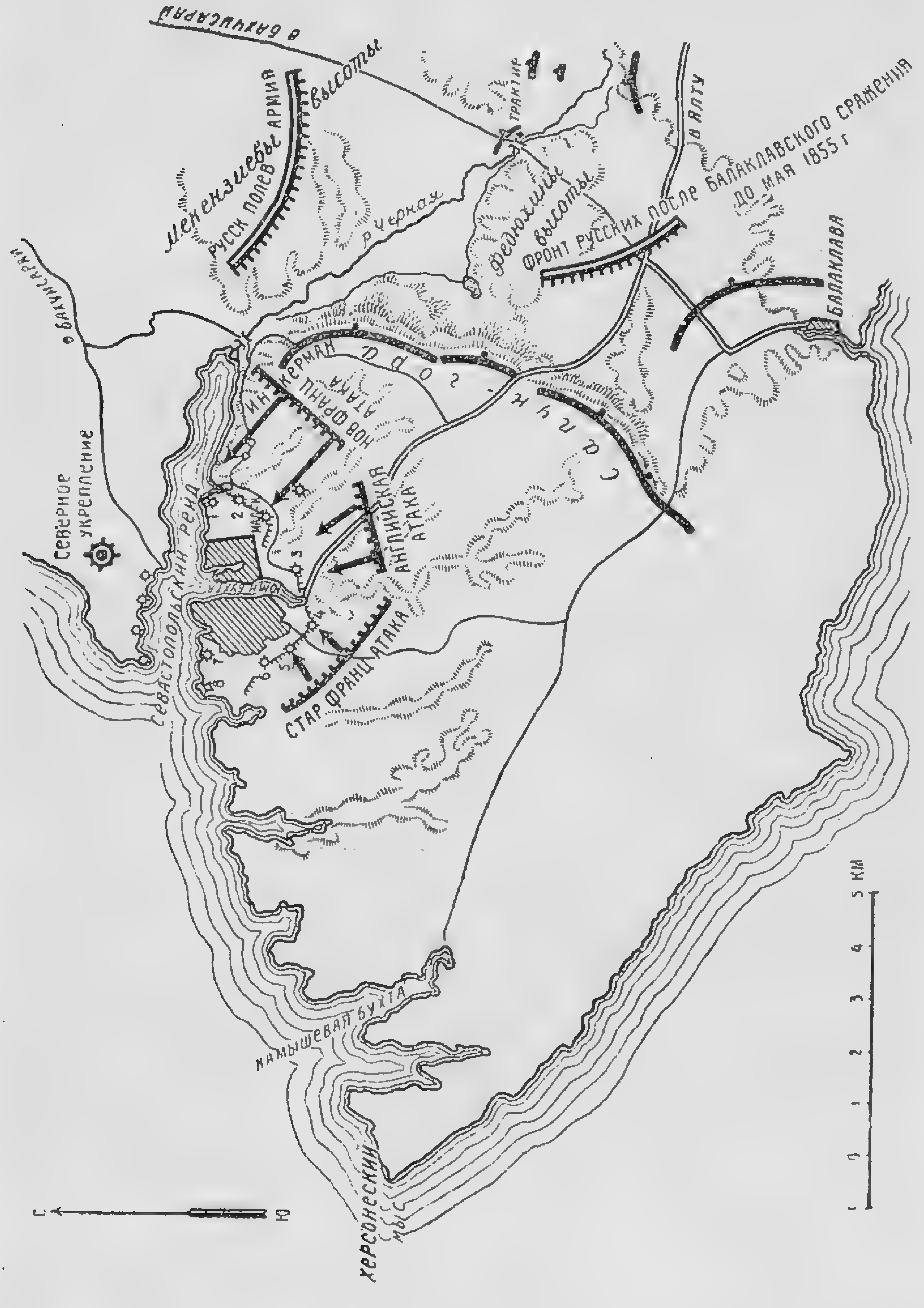
Неуспех ускоренной атаки. Талантливый, но легкомысленный вождь французов, Сент-Арно, имел в виду штурмовать Севастополь, не ожидая выгрузки с кораблей тяжелой артиллерии. Но он умер сейчас же по прибытии союзников на Херсонесское плато. Его преемник, Канробер, не рискнул атаковать Севастополь без осадной артиллерии. 9 октября союзники начали возводить позицию, прикрывающую вооружение осадных батарей, которые были готовы к открытию огня только через 8 дней. 126 тяжелым орудиям союзников Севастополь мог противопоставить 118 тяжелых орудий, не считая 223 противоштурмовых пушек.

17 октября начался артиллерийский бой; одновременно флот начал обстрел береговых укреплений. Главные усилия союзников направлялись на центр сухопутной обороны, с уклоном на Городскую сторону: французы готовились штурмовать бастион № 4, англичане—бастион № 3. Результаты артиллерийского боя, однако, оказались в нашу пользу; на береговом фронте 250 русских орудий, действовавшие из каменных казематов, оказались сильнее 1 000 орудий одного борта деревянных судов. 16 тыс. русских снарядов перебили 510 моряков и нанесли многим судам тяжелые повреждения, а 30 тыс. снарядов, выпущенные флотом, выбили только 138 береговых артиллеристов. На сухопутьи наши моряки поддерживали такой же быстрый огонь, к

---

[1] Конечно, Тотлебен являлся толковым инженером, упорядочивавшим усилия по обороне Севастополя. Но репутация его была явно раздута усилиями немецких феодальных кругов. Тотлебен происходил из мелкой прибалтийской немецкой буржуазии; заслуги его должны были спасти положение десятков реакционных немецких генералов, против которых росло возмущение русского общества.

которому они готовились в морском бою на короткой дистанции: всего за день они выпустили почти по 170


в Бахчисарай
Мекензиевы высоты
Русск полев армия
Трактир
р Черная
Федюхины высоты
в Ялту
Фронт русских после Балаклавского сражения до мая 1855 г
Балаклава
в Бахчисарай
Северное укрепление
Севастопольский рейд
Инкерман
Нов франц атака
Английская атака
Стар франц атака
Южная бухта
Сапун гора
Камышевая бухта
Херсонесский мыс
1
2
3
4
5
5 км
С
Ю

Черт. 3. Осада Севастополя.

выстрелов на орудие; французские батареи, позиции коих были выдвинуты на 450 саж. и поражались перекрестным огнем, попытались соперничать с нами в быстроте огня и выпустили утром приблизительно по 80 снарядов на орудие; но после полудня французские батареи, подавленные нашим огнем, замолчали. Позиция англичан была дальше (600 сажен) и не столь скученная, как французская; орудия были лучше и частью уже придавали вращение снаряду; стреляли англичане не торопясь (67 выстрелов за день) и нанесли большие потери бастиону № 3. Однако полная неудача у флота и французов заставила их отказаться от немедленного штурма.

Наступательные действия русских. Артиллерийский бой продолжался затем несколько дней; однако за ночь все повреждения чинились, на смену одного подбитого русского орудия являлось два новых. Союзники еще не откладывали мысли о штурме, выдвигали вперед свои параллели, но инициатива перешла к русским. Подошедшие подкрепления к началу ноября довели силы русских в окрестностях Севастополя до 90 тыс против 70 тыс. союзников.

Уже 25 октября ген. Липранди произвел демонстративный нажим на турецкие части, оставленные для обороны Балаклавы; часть турецкой позиции и 11 орудий были захвачены, английская кавалерия, направленная в контратаку, расстреляна. С точки зрения сокрушения этот успех не парализовал невыгод раскрытия перед союзниками опасности их расположения. Союзники начали усиленно укреплять свой фланг и тыл, создавая настоящую контр-валационную линию, которая бы прикрывала все Херсонесское плато и Балаклаву. Но с точки зрения измора были достигнуты огромные результаты: в этом бою мы перехватили шоссейное сообщение Балаклавы с расположением англичан; втечение всей зимы 1854—55 гг. и следующей весны англичанам пришлось доставлять на позиции все снабжение из Балаклавы по скверному проселку, с бездонной грязью, крутыми подъемами; на этом проселке погибли все лошади английской артиллерии и все их попытки образовать обоз; создалось положение, при котором английская армия умирала от голода и холода в 12 *км* от переполненной запасами Балаклавы.

На 5 ноября была намечена решительная атака русских против открытого английского фланга: русским надо было подняться и развернуться на Инкерманских высотах. Войскам приходилось выполнить ночные движения на очень пересеченной местности. Всего для производства главного удара было назначено 36 тыс. Колонны разновременно вступали в бой и отражались союзниками, развернувшими 23 тыс. Для этого сражения очень характерна громадная убыль высшего командного состава: у атакованных англичан было убито 2 генерала и ранено 7; у русских—1 генерал убит, 5 ранено. Эта убыль вождей русских колонн гибельно влияла на стройность действий. Колонна Соймонова, за смертью своего доблестного начальника, ушла сразу же с поля сражения. Мы уже начинали торжествовать над англичанами, когда прибыла помощь со стороны французов, доставившая изнемогавшим англичанам победу. Потери русских были огромны—11 800 человек, 33% участвовавших в бою войск; они почти вдвое превышали потери союзников—6 200 человек.

Инкерманская неудача подорвала доверие русских войск к высшему командному составу, и остановила наступательные действия русских как раз в момент, представлявшийся наиболее выгодным, чтобы выбросить неприятеля из Крыма, когда на союзников сразу обрушилась грязь, холода, болезни, плохое снабжение, бури на Черном море, отсутствие пополнений и подкреплений. Но она совершенно истощила английскую армию, которая после этого сражения вообще утратила боеспособность. У союзников после этого сражения не осталось ни энергии, ни решимости для штурма Севастополя. Предстояла зимовка, отстаивание в трудных условиях захваченного положения на Херсонесском плато. Решительные действия откладывались. Разочарование союзников видно из того, что герцог Кембриджский и принц Наполеон, английский и французский начальники дивизий, члены царствующих династий, отправившиеся в поход за легкими лаврами, сконфузились и покинули Крым. Обе стороны находились в подавленном настроении.

Ускоренная атака Севастополя решительно не удалась. Важнейшими причинами являлись отказ от маневра на Симферополь, отсутствие ясного плана действий, что привело к тому, что весна и лето 1854 года были союзниками потеряны, десант в Крыму был начат лишь осенью; артиллерия, особенно французская, и сухопутные транспортные средства оказались недостаточными.

Материальное состязание. Раз мы упорствовали в сохранении сосредоточения наших главных и лучших сил против Австрии и не могли втечение зимы развить в Крыму решительного натиска для изгнания союзного десанта, то вопрос борьбы за географический пункт должен был решится тем, какая сторона лучше воспользуется зимним перерывом для того, чтобы ввести большие материальные средства в предстоявшую кампанию 1855 года. Мощная промышленность союзников превосходила наш Луганский завод, поставлявший в Севастополь орудия и снаряды, и Шостенский завод, вырабатывавший порох. Блокада затрудняла доставку в Россию селитры; увеличение мирного производства пороха встречало неодолимые затруднения. На усиление имевшихся в Севастополе 65 тыс. пуд. пороха мелкими порциями было доставлено втечение осады 200 тыс. пуд.— приблизительно втрое больше всего нормального годового производства пороха для армии в России; острота положения с порохом доходила до необходимости разряжать ружейные патроны и брать из них порох для пушек; повидимому, нам удалось тайно купить немного пороха в Пруссии. Тогда как союзники перешли на 52% к стрельбе разрывными бомбами, у нас продолжали преобладать сплошные ядра. Союзники, уже по опыту первого артиллерийского боя под Севастополем, изготовили за зиму 1854—55 гг. новые осадные орудия, мы же оставались с нашими севастопольскими запасами. Количество тяжелых нарезных орудий, много превосходивших по меткости гладкие, быстро росло у союзников. Калибр орудий союзников увеличивался. Особенно действительными оказались новые тяжелые французские мортиры и гаубицы, навесный огонь коих производил в русских рядах наибольшие опустошения.

Однако и союзники должны были делать между отдельными бомбардировками многомесячные перерывы, так как быстрое изготовление снарядов в таком количестве, которое еще не требовалось ни в одну из предшествовавших войн, встречало и у них большие затруднения, а изготовление орудий по новым образцам систематически запаздывало. Военная промышленность и на Западе находилась еще в пеленках [1].

---

[1] В 1855 г. англичанин Дундональд сделал предложение овладеть Малаховым курганом посредством газовой атаки парами серы; огромный костер — до 2 тысяч тонн угля и сухое дерево и солома, чтобы его разжечь; на этом костре при благоприятном направлении сжигается 400—500 тонн серы; когда серные пары заставят русских покинуть участок фронта, он занимается союзниками, а чтобы огонь с соседних участков русского фронта не мешал, они маскируются дымовой завесой, образуемой сожжением 2000 тонн смолистого угля и

Вследствие невозможности расходовать порох свыше 2 000—2 500 пудов в сутки, русские не могли использовать превосходства в числе орудий. Пришлось установить голодные нормы огня—по 10—15 выстрелов в день на орудие; самые действительные, крупные калибры—36-фунт. пушка и 2-пуд. мортира—терпели недостаток в снарядах. Количество тяжелых орудий (до 10-дюймового калибра включительно) на сухопутном фронте Севастополя к концу осады было доведено до 586. Мастерские Севастополя исправили 1 210 лафетов и изготовили 179 лафетов. К концу осады число тяжелых орудий союзников было доведено до 638 и превосходило Севастопольскую артиллерию и по числу. В дни затишья мы поддерживали энергичный огонь по осадным работам, но в боевые дни союзники давали в 2-3 раза большее число выстрелов. Всего за осаду на 1 356 000 орудийных выстрелов союзников русские успели ответить 1 207 000 выстрелов; в ружейном огне еще большее преимущество находилось у союзников, хотя мы сильно увеличили количество штуцеров [1]; на 28,5 миллионов расстрелянных союзниками патронов приходится 16,5 миллионов израсходованных русскими патронов. Орудий у обороны было подбито 900, у осады—609.

Сообщения. В этом соревновании техники и материальных средств решающее слово принадлежало превосходству морского транспорта союзников над гужевым—русской армии. Одних артиллерийских грузов французы доставили к Севастополю 3 700 000 пудов и инженерных—860 000 пуд. Всего союзники доставили 8-9 миллионов пудов артиллерийских и инженерных грузов, не считая огромных запасов продовольствия. И эта доставка, за несколько тысяч верст по морю, была для англичан несравненно проще и удобнее, чем доставка на последние 12 километров от Балаклавы на позиции; англичане задержались с постройкой железной дороги узкой колеи на этом протяжении. Постройка, с

---

2 000 бочек дегтя. Если бы позиционная борьба затянулась, мы бы встретили уже в середине XIX века начатки химической борьбы.

[1] И гладкие ружья работали под Севастополем вполне успешно, так как мы выдвигали стрелковые окопы далеко перед фронтом крепостной позиции; наше стрелки состязались с французами и англичанами в этой позиционной борьбе на расстояниях в 200—300 шагов, иногда всего на 40 шагов; на этих близких дистанциях большая скорострельность гладких ружей почти уровновешивала превосходство нарезных в меткости.

укладкой рельс всего на 24 *км* потребовала 7 месяцев, и была готова только к конечной части осады, лишь после вмешательства парламента и передачи постройки подрядчику. Это была первая постройка железной дороги во время войны; пустяшная по современному масштабу постройка маленькой узкоколейки оказалась в середине XIX века не по плечу английскому военному ведомству. Вплоть до лета 1855 года у англичан за отсутствием обоза было много хлопот по доставке на этом коротком протяжении тяжелых осадных грузов.

У русских сообщения от Севастополя шли на Симферополь и далее расходились: 1) через Перекоп к Каховке [1]—пункту на Днепре, где последний ближе всего приближается к Перекопу; 2) на Чонгарский полуостров; 3) к Азовскому морю—к Арабату—пункту у основания Арабатской стрелки, или по последней до Геническа, или к Керчи. На сообщениях работало свыше 130 тыс. подвод. Грунтовые дороги в распутицу портились так, что скорость движения транспортов катастрофически падала—до 5 *км* в сутки. Фуража не хватало, в особенности пока не догадались удалить из Крыма массу бесполезной конницы и лишних запряжек. Значительную помощь оказывал морской транспорт по Азовскому морю, позволявший использовать богатые ресурсы его берегов и Дона.

Тыловая служба в столь недостаточной степени была охвачена и упорядочена штабами и интендантством, что приходилось беспрестанно направлять в тыл толкачей, чтобы продвинуть недостающее снабжение. В случае срочной потребности, снабжение сдавалось посылками, адресованными в Севастополь, в гражданские почтовые учреждения. По почте направлялось госпитальное имущество, в котором чувствовалась острая необходимость; с приближением холодов по почте интендантство выслало для гарнизона Севастополя 30 тысяч полушубков. Почта была мало приспособлена к переброске таких массовых грузов, но до Каховки она успешно проталкивала снабженческие посылки. От Каховки до Севастополя оставалось еще 290 километров; здесь транспортные средства почтового ведомства были совершенно перегружены; получался затор. Первые полушубки прибыли в Севастополь в конце ноября, последние—к концу зимы. Войска, вместо теплой одежды, получили разрешение не сдавать рогож от сухарных кулей; защитники Севастополя кутались в рогожи.

---

[1] Каховка играла крупную роль и в 1920 году в борьбе с Врангелем.

Впрочем, с зимней одеждой у англичан дело обстояло еще хуже. Англичане высадились в Крыму в летнем снаряжении. 14 ноября в Черном море разразилась ужасная буря, от которой пострадало 55 судов союзников. В том числе ураган потопил в Балаклавском порту 11 английских транспортов и повредил 7. На потопленных судах находилась теплая одежда для английской армии и фураж для обозных животных. На замену погибших английская армия получила шерстяные и меховые вещи только в конце февраля. В связи с плохим продовольствием, отсутствие теплой одежды произвело опустошение в рядах английской армии, которая за зиму 1854—55 гг. положительно вымерла. Один английский батальон мог выйти на смотр лишь в составе 8 человек. Только в начале 1855 г. в английском парламенте была разоблачена катастрофа со снабжением, вытекавшая из неспособности военной администрации. Были отпущены громадные средства; английские солдаты, привыкшие жить на всем готовом, были выведены из жалкого беспомощного положения; была доставлена рабочая сила, построены роскошные бараки и конюшни, организована впервые пересылка солдатам большего числа подарков, собранных общественными организациями на родине. Качество пайка было сильно повышено; в него были включены, например, апельсины в значительном количестве, как противоцынготное средство. От ужасной зимы английская армия, однако, оправиться уже не успела.

Трудности русской армии вытекали из условий гужевого транспорта. Выхода из них следовало бы искать в замощении или шоссировании важнейших путей, или в прокладке участка железной дороги; но на такие капитальные меры не пошли. Мы, впрочем, проложили 4-ю грунтовую дорогу, насыпав огромную гать через Сиваш по середине между Перекопом и Чонгарским полуостровом. Вследствие топливных затруднений и слабой распорядительности, хлебопечение в Крыму организовать не удалось. Вместо муки подвозились ржаные сухари, плесневевшие втечение длительной перевозки. «Тюря» из вскипяченых в котлах сухарей составляла основное довольствие защитников Севастополя. Удалось организовать выдачу большого количества хрена, который спасал солдат от цынги.

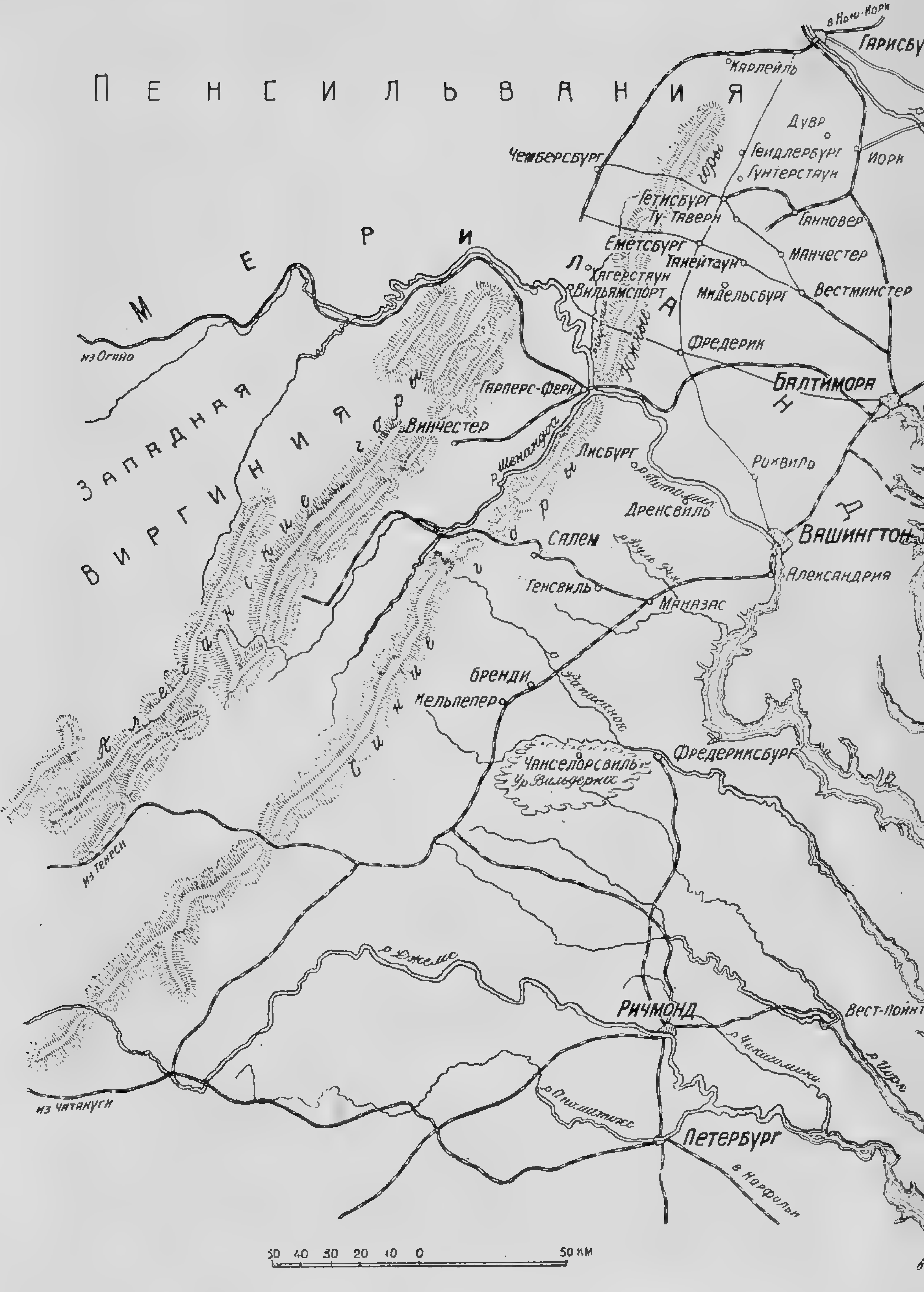
Необходимость проталкивать большие грузы к Севастополю привела к повышению стоимости гужевого транспорта. Лошади и волы падали от бескормицы. Цена перевозки дошла до 1-2 коп. с пуда-версты; таким образом, транспорт, расходы на который представляют одну из важнейших слагаемых стоимости войны, обходился нам в 50 раз дороже, чем он стоил бы при наличии железной дороги.

Постепенная атака. Отказавшись от немедленного штурма и ожидая подкреплений для начала кампании весной 1855 года, союзники, чтобы сохранить за собой наступательную позицию, перешли к постепенной атаке. Французы очень скоро пододвинулась на 200 шагов к 4-му бастиону. Здесь они остановились; грунт представлял чрезвычайные удобства для минной войны, образуя прослойку глины между двумя каменистыми пластами; в этой прослойке можно было вести галереи без укрепления их деревянными рамами. Французы затеяли минную борьбу, как дилетанты, и позволили опытным русским саперам (сам Тотлебен был артист-минер) одержать целый ряд успехов, преимущественно спортивного характера. Одновременно добровольцы обеих сторон вели между позициями по ночам ожесточенную малую войну.

Для более успешного ведения работ французы сформировали рабочие батальоны (всего до 5 тыс. человек), что представлялось несомненно более правильным, чем выписка англичанами гражданских рабочих.

Приближение французов к 4-му бастиону не давало оснований для перехода к решительным действиям; англичане вперед не продвигались, так как английская армия, несмотря на присылаемые пополнения, частью вымерла и эвакуировалась, частью дезертировала; в строю оставалось всего 8 тыс., на которых ложилась непосильная работа.

В январе положение англичан, бравших до того на себя половину задач под Севастополем, стало настолько трудно, что они сообщили французам, что не только не могут продвигаться вперед, но не могут и охранять занимаемое расположение, и просили французов сменить их части на правом фланге, против Малахова кургана. Одновременно было решено распространить фронт атаки и на Малахов курган, как на важнейшую командующую часть крепостной позиции. «Старая» атака на Городскую сторону была почти заброшена, центр тяжести перенесся на «новую» атаку французов—против Корабельной стороны.


в Нью-Йорк
Гарисбу
Пенсильвания
Карлейль
Дувр
Чемберсбург
Гейдлербург
Иорк
Гунтерстаун
Гетисбург
Ту-Таверн
Ганновер
Мериланд
Еметсбург
Тянейтаун
Манчестер
Хагерстаун
Вильямспорт
Мидельсбург
Вестминстер
Южные горы
Фредерик
из Огайо
Гарперс-Ферн
Балтимора
Западная Виргиния
Алеганские горы
Винчестер
р. Шенандоа
Лисбург
р. Потомак
Роквиль
Дренсвиль
Салем
р. Буль Рен
Вашингтон
Синие горы
Генсвиль
Манасас
Александрия
Бренди
Мельпепер
р. Рапаганок
Фредериксбург
Чанселорсвиль
Ур. Вильдернес
из Тенеси
р. Джемс
Ричмонд
Вест-Пойнт
р. Чикагомини
р. Иорк
р. Апиматокс
Петербург
в Норфольк
из Чатануги
50 40 30 20 10 0 50 км

Черт. 8. Виргинский театр войны 1861—1865 гг.

13 февраля французы начали работы на новом направлении; только теперь Тотлебен, тративший до того времени рабочую силу на укрепление тыловых позиций в самом городе, отдал себе отчет в значении командующих точек перед Малаховым курганом; с 21 февраля мы приступили к выносу на них линии обороны. Здесь были устроены редуты Волынский, Селенгинский и Камчатский. Эти работы, начатые на 2 месяца раньше, принесли бы обороне огромную пользу. Теперь же они запоздали и принесли только вред. На глазах приближающегося противника, под сильным огнем, прочно укрепиться нам не удалось; созданные укрепления, по захвате их французами, лишь ускорили их приближение к главной позиции.

Сокрушение и измор в дискуссии между союзниками. 19 мая Канробера на посту командующего французской армией сменил генерал Пелисье. Канробер был вынужден уйти вследствие разногласия с англичанами. Телеграфный кабель, проложенный от Варны к Балаклаве, связывал теперь союзное командование в Крыму с их столицами. Силы союзников выросли до 185 тыс. бойцов против 100 тыс. русских, имевшихся как в гарнизоне, так и в стоявшей на Мекензиевых высотах полевой армии. Наполеон III находил, что в этих условиях незачем терять время и средства на осаду Севастополя, сохранявшего свободные сообщения. Вместо материального сражения, борьбы за географический пункт, надлежит обратиться к рецепту стратегии сокрушения, атаковать русскую живую силу—полевую армию, уничтожить или отбросить эти 50—60 тыс., перерезать сообщения Севастополя; можно было быть убежденным, что Севастополь, потерявший сообщения и соприкосновение с полевой армией, не продержится и втечение недели. Иначе же осада Севастополя может превратиться в многолетнюю, воскресит в наши времена Троянскую войну. Наполеон III намечал оставить под Севастополем слабые силы; главные силы французов перебросить в Алушту и оттуда ударить ими вдоль шоссе на Симферополь; англичане должны были вести вспомогательное наступление в охват Мекензиевых высот, занятых русскими, с востока. Этот сокрушительный маневр должен был сразу покончить с сопротивлением Севастополя. Только переход к маневру, по мнению Наполеона III, Ниэля и Канробера позволял использовать перевес сил союзников—190 тыс. против 120 тыс. русских. Исходя из необходимости предварительно покончить с русской полевой армией, Наполеон III крайне не сочувствовал всяким энергичным действиям непосредственно против Севастопольского фронта, и категорически воспрещал развитие каких-либо второстепенных операций. Наполеон III давал свои директивы по телеграфу, и для наблюдения за выполнением их прислал в Крым своего генерал-адъютанта, военного инженера Ниэля...

Англичане рассуждали иначе. Перевес материальных сил союзников под Севастополем уже ярко чувствовался. Войска обжились, осмотрелись, обстроились. Дело было налажено. Всякое углубление внутрь полуострова, атака неведомых позиций, маневрирование при отсутствии кавалерии и обозов, являлось авантюрой. Превосходство сообщений союзников давало себя знать, но лишь до тех пор, пока союзники не удалялись от морского берега. Надо было лишь еще более ухудшить условия сообщений русских, а для этого овладеть Керченским проливом, ворваться в Азовское море, уничтожить склады на его берегах, что приведет к тому, что русские утратят важную артерию снабжения. Экспедиция в Азовское море поощрит и кавказских горцев к более энергичным действиям.

Таким образом, как Наполеон III, так и англичане направляли свои планы против русских сообщений; но Наполеон III хотел провести удар на сообщения сокрушительно, в стиле своего дяди, а англичане—в стиле нажима XVIII века, в духе измора; Наполеон III стремился разгромить русскую армию и взять в плен гарнизон Севастополя; англичане же стремились настолько ухудшить условия существования русских в окрестностях Севастополя, чтобы русские их добровольно покинули, или по крайней мере, ослабили в них свои силы.

Материальное превосходство союзников было уже засвидетельствовано бомбардировкой 9—19 апреля. На 165 тыс. орудийных выстрелов русские ответили только 89 тыс.; потери русских достигали 6 130 против 1 850 союзников. Однако геройские моряки продолжали держаться у орудий, разрушения исправлялись. Вследствие этого, а также отрицательного взгляда Наполеона III на фронтальный штурм Севастополя, Канробер, несмотря на полууспех бомбардировки, на штурм не согласился. Англичане же усердно настаивали на штурме, вся тяжесть которого должна была пасть на французов, так как английские окопы находились еще на таком удалении, что английские войска могли бы только обозначить свое участие в штурме.

Керченская экспедиция. Канробер, отменивший по приказу Наполеона III Керченскую экспедицию, был вынужден саботажем англичан подать в отставку. Его преемник, Пелисье, решил держаться английской ориентации, хотя бы это привело к расхождению с директивами Наполеона III. Через два дня после вступления в командование Пелисье, союзники погрузили 18 тыс. войска на суда и направили их к Керчи.

Русское командование рассуждало, как и Наполеон III, только в пределах логики сокрушения: Керчь—это только географический пункт, содействующий снабжению Севастополя; дробление сил крайне нежелательно. Наша разведка во-время уведомила об организации и отплытии экспедиции. В районе Керчи находился отряд генерала Врангеля, силой почти в 9 тыс. человек; можно было бы во-время его поддержать. Но Горчаков, сменивший в Крыму Меньшикова, был далек от того, что бы ослаблять свое бездействовавшее ядро; он доносил военному министру после потери нами Азовского моря: «послать подкрепления войскам восточной части Крыма значило действовать в смысле неприятеля, стремившегося различного рода демонстрациями и второстепенными действиями принудить нас к раздроблению сил, чтобы получить возможность решительным ударом овладеть Севастополем, а потом и всем Крымом». Не только не думая усилять Врангеля, Горчаков заботился о том, чтобы последний ни в коем случае не допустил себя отрезать от главных сил: «конечно, с силами, которыми вы располагаете, нельзя будет противиться высадке. Необходимо только стараться не потерять внутренней линии со мной».

При такой выдержке сокрушительной стратегии со стороны русских, участь «второстепенной» Керчи, 100 мин, бонов, заграждений из 40 затопленных судов, устроенных в Керченском проливе, и 62 тяжелых орудий, обстреливавших пролив, была решена.

24 мая пролив и Керчь были захвачены; втечение следующих 12 дней союзники уничтожили до 500 русских торговых судов, укрывшихся в Азовском море, бомбардировали и сожгли запасы в Бердянске, Геническе, Таганроге, Ейске, Мариуполе. Всего мы потеряли запасы продовольствия на стотысячную армию, на срок четырех месяцев; небольшая часть этих запасов досталась союзникам. Наши войска в

Крыму с этого момента были обречены на сокращенный, голодный паек...

Агония Севастополя. Вторым предприятием Пелисье, 7 июня, был штурм передовой позиции (Камчатского люнета, Волынского и Селенгинского редута), закончившейся успешно, с потерей до 6 тыс. с каждой стороны. Горчаков почти сознательно отказался от расходования резервов на передовые позиции Севастополя, и уступил как эту передовую позицию, так и кладбище (потери с обеих сторон по 4 тыс.) перед правым флангом крепостной позиции. Между тем, если бы он затянул борьбу на этих пунктах, Пелисье, которым был очень недоволен Наполеон III, был бы сменен, и в рядах союзников началось бы разложение. Уступчивость же Горчакова, вытекавшая из его пессимистического настроения, усилила позицию Пелисье. Горчаков жалел расходовать войска на защиту географических пунктов и берег их для решительного полевого боя, что при сложившихся условиях войны было неправильно.

Ободренный успехом, Пелисье решился на общий штурм Севастополя: после однодневной жестокой бомбардировки, вырвавшей из состава гарнизона 4 тыс., в ночь на 18 июня союзники, весьма недружно, бросились на штурм, который был отбит с большими потерями [1].

Превосходство неприятеля в огне становилось настолько чувствительным, мы несли столь огромные потери, что самым благоразумным решением с нашей стороны было бы — очистить Южную сторону Севастополя, где приходившие части толклись, как в ступке, и уничтожались. После потери передовой позиции Горчаков готов был эвакуировать Севастополь; но после отбитого штурма провести такое решение было невозможно; отбитый штурм позволил правительству и русскому обществу выдвинуть требование—защищать Севастополь до конца.

---

[1] Потери русских — 1500, союзников — свыше 10 тыс. Пелисье, штурмовавший крепость вопреки приказа Наполеона III — атаковать полевую армию, — едва не был отставлен. Он скрыл потери, показав только 5 100 человек. 3 генерала было убито, 5 генералов ранено. На 249 раненых офицеров показано только 1 769 раненых солдат; на 1 убитого офицера приходилось 40 убитых солдат, почему же на на 1 раненого офицера только 7 раненых солдат? Вообще надо иметь в виду стремление русских начальников — преувеличивать потери, чтобы таким образом подчеркнуть доблесть их частей. и стремление французского командования не показывать легко раненых солдат, что бы не набросить тень на свое тактическое искусство.

На донесения Горчакова о нашей беспомощности в разыгрывавшемся материальном состязании, из Петербурга был прислан генерал Вревский с директивой—настоять на переходе в наступление полевой армии против Балаклавы, на тылы союзников, чтобы попытаться решительным ударом заставить союзников снять осаду. Горчаков ясно понимал всю несбыточность этих чаяний; помимо 50 тыс. гарнизона Севастополя, он располагал всего 70-тыс. армией, а союзники имели до 200 тыс., располагались на чрезвычайно сильных от природы позициях, основательно укрепленных. Горчаков решил, для удовлетворения воинственных петроградских кругов, произвести 16 августа демонстративное наступление на Черной речке. Удалось сосредоточить до 58 тыс., в том числе свыше 10 тыс. бесполезной по обстоятельствам конницы. При несовершенстве методов управления, правая колонна Реада перешла в решительное наступление на Федюхины высоты и произвела ряд отдельных ударов. Русские были отброшены за Черную речку, союзники не преследовали.

Потери русских, приэтом жесте отчаяния, превышали 8 тыс., потери союзников—около 2 тыс... Эта победа укрепила положение Пелисье, находившегося накануне отставки, и позволила последнему, вопреки Наполеону III, сделать новое усилие для непосредственного захвата Севастополя. На следующий же день после сражения на Черной речке, 17 августа, загремела последняя бомбардировка, продолжавшаяся три недели, до полудня 8 сентября, когда был произведен общий штурм. Втечение этого артиллерийского боя мы понесли потери впятеро большие, чем союзники (20 200 русских на 3 815 союзников). Продолжать борьбу в таких условиях являлось крайне невыгодным. Впрочем, союзники ко дню штурма израсходовали весь свой наличный боевой комплект, и в случае неудачи штурма должны были бы выжидать значительное время, пока неразвитая военная промышленность того времени выработает им новые сотни тысяч снарядов. Шанс затянуть осаду на вторую зиму, которая могла бы стать роковой для союзников, безусловно имелся. Но нервы русского командования, подорванные пессимизмом, не выдержали. С 1 сентября была начата эвакуация наиболее ценного имущества на Северную сторону; через широкую бухту был наведен мост на плотах. Новые батареи не вооружались, подбитые орудия не заменялись, инженерные работы почти не велись, даже разрушения исправлялись лишь отчасти. Из 18 тыс. матросов, являвшихся основой обороны и геройски обслуживавших артиллерию крепости, оставалось не свыше 4 тыс. Храбрый морской командный состав уже почти не существовал; Корнилов, Нахимов, Истомин, Юрковский и ряд других блестящих моряков, руководивших обороной с первых дней, были убиты.

И все же, при последнем штурме 8 сентября, упорные атаки на 2-й, 3-й и 4-й бастионы были начисто отбиты; только дивизия Мак-Магона, имевшая за собой крупные резервы, смогла овладеть и удержать за собой Малахов курган.

Несмотря на то, что траншеи французов находились только в 40 шагах от Малахова кургана, здесь не была закончена подготовка к минным взрывам, внутренность укрепления не была приспособлена к последовательной обороне, а горжа его представляла грозную позицию против русских контр-атак. Французам удалось их отразить. Во время штурма и контр-атак мы потеряли 13 тыс., против 10 тыс. потерь союзников; итого за период с 16 августа по 8 сентября наши потери достигли 41 тыс.

Потеря Малахова кургана дала основание Горчакову покончить с колебаниями и привести в исполнение решение очистить Южную сторону Севастополя. Все, что было можно, было взорвано; Севастополь обратился в руины; 10-го союзники вступили во владение ими, но предпочли оставить войска на старых местах; 12 сентября русские затопили последние остатки Черноморского флота.

Конец войны. Наполеон III рисовал себе, за взятием Севастополя, развитие операций — захват всего Крыма, овладение Николаевым с его судостроительными верфями и т. д. Но русские расположились в 1 километре от Севастополя, на Северной стороне, а Пелисье признал невозможным тронуться с места. В конце концов парижские руководящие круги должны были согласиться с ним, что «Фабий Кунктатор более на месте в Крыму, чем Кондэ», что «est modus in rebus» [1], что Пелисье, не двигаясь с места, перебил более русских, чем это, может быть, удалось бы при опасном маневре против русской живой силы. «Что нам завоевывать в России? Степи?» спрашивал Пелисье. Он согласился предпринять лишь небольшую экспедицию для захвата архаической крепостцы Кинбурн, расположенной в устьи Днепра. 17 октября эта крепостца, после бомбардировки, в которой впервые в истории участвовали три французских броненосных судна—батареи, сдалась. 26 октября союзники прекратили стрельбу по русским через севастопольский рейд, хотя перемирие официально было установлено только через 4 месяца.

---

[1] Т-е. к каждому делу должен быт свой особый подход.

Финансовые итоги. Несмотря на огромный дефицит в русском бюджете, Канкриновский рубль упал втечение Восточной войны только до 93 коп. Эта сравнительная устойчивость валюты доказывает, что Россия в Восточной войне далеко еще не дошла до материального истощения. Однако нельзя отрицать справедливости замечания Обручева, что Россия в Восточную войну перемобилизовалась. Количество войск, выставленных на Южном театре, на Кавказском фронте, на Балтийском побережье, не превосходило 669 тыс. с 1 297 орудиями, а мобилизованы были вчетверо большие силы. Если бы мы придавали меньшее значение угрозам Австрии, тяготы истощения не сказались бы в такой степени.

Денежные расходы на войну составили: для Франции—1 600 миллионов франков, для Англии—1 855 миллионов франков; Австрии мобилизация и развертывание двух армий и оккупация дунайских княжеств обошлись даже дороже, чем последующие ее войны 1859 и 1866 гг.—1 150 млн. франков. Если прибавить еще расходы Турции, то для союзников сумма расходов превысит 5 миллиардов франков.

Русскому казначейству война обошлась в 3 200 млн. франков. Но к этому надо прибавить огромные жертвы населения натурой—по наборам, постою, поставке подвод, реквизированным запасам. Вероятно, общий подсчет дал бы также расход, превышающий 5 миллиардов франков. Тогда как Англия и Франция легко несли свою долю денежных жертв, для крепостной экономики России это было огромное бремя.

Санитарные итоги. В Крыму раненых и убитых союзников было значительно меньше, чем русских. В эту войну, однако, основные потери наносились еще не столько оружием, как болезнями. Санитарное положение у союзников было ужасно; тиф[1] и холера не прекращались. Только за февраль и март 1856 г., когда шла уже эвакуация союзных армий, в Крыму умерло 10 тыс. союзников от тифа. Из 95 тыс. умерших французов только $^1/_9$ была убита в бою; у англичан это отношение равнялось $^1/_8$. Общие потери союзников умершими достигали 155 тыс.

В русской армии уже в мирное время царила такая смертность, что условия войны не слишком существенно могли ее увеличить. Николаевский солдат, поскольку выдерживал мирный режим, был не слишком восприимчив к заболеваниям на войне. Наша статистика, не слишком достоверная, отмечает только за 1855 год превышение смертности над нормальной на 51 тыс.; остальные годы войны она не выходила из нормальных пределов—40—50 тысяч в год. Убитыми мы потеряли почти 32 тыс. Сами по себе санитарные итоги, несмотря на недостаток госпиталей, на их нищенское оборудование и на голодный расчет врачей—по 1 на 300 больных—были не угрожающими. Но они фиксировали внимание русского общества на ужасное санитарное состояние, в котором находилась русская армия в мирное время, и с этого момента начинается энергичная борьба за ее оздоровление.

Общие замечания. Из сделанного очерка можно усмотреть полное несходство Восточной войны с обликом наполеоновских войн. Мы видели, как правила стратегии сокрушения, извлеченные из последних, довлели над идеологией руководителей войны, и значительно затрудняли русским путь к успеху. У союзников практический смысл англичан поборол попытки Наполеона III следовать заветам его великого дяди и направил их в русло борьбы за географический пункт, борьбы на измор. Правильное решение стратегических вопросов в Восточную войну являлось во многом прямо противоположным выводам формальной логики из наполеоновских походов. Давление на Керчь, дабы ухудшить сообщение русских, не взять русскую армию в плен, а посадить ее на половинный паек, это операция, вполне разумная и в то же время целиком отвечающая идеям XVIII века, стратегии Бюлова.

Русское стремление к сосредоточению, к постановке вопроса об уничтожении живой силы, как решающего участь войны, игнорирование географических интересов и слепое следование стратегическим заветам Жомини себя не оправдало. Еще Клаузевиц подчеркивал, что если наступающая сторона будет задаваться второстепенной географической целью, то обороняющая исполнит свой долг, лишь сосредоточивая на защите ее всю свою энергию, а отнюдь не концентрируя свое внимание на обеспечении жизненных интересов государства, которым никто не угрожает. Опыт Восточной войны резко оттеняет эту диалектику стратегии. Осада Севастополя, важнейшее военное событие на пороге новейшей истории, открывает перед нами картину грандиозного материального сражения, и во многих своих чертах является прообразом еще более крупных материальных соревнований на фронтах Мировой войны.

---

[1] У союзников в этой позиционной войне не было ни бань ни прачечных; можно предполагать, какое царство вшей представляли их солдаты в окопах

Позиционный характер борьбы за Севастополь ослабил невыгоды, проистекавшие из низкого уровня тактической подготовки русской армии, и выдвинул на первый план материальные факторы.

Было бы ошибкой приписывать наши неудачи в Восточную войну недостаточному вниманию, уделявшемуся перед войной материальной подготовке. Феодальная Россия, несмотря на свой нищенский военный бюджет, накопила запасы вооружения, которые по качеству и по количеству оказались бы достаточными для энергичного краткого столкновения, в стиле походов Наполеона и Мольтке. Но при затянувшейся борьбе и ее позиционном характере центр тяжести был перенесен с довоенной подготовки на работу во время войны. Наши противники успели перевооружиться во время войны, и новые образцы их оружия, особенно артиллерийского, оказались, конечно, лучшими. Слабость государственного организма и военной системы России сказались именно в затруднительности импровизировать творческую работу во время самой войны; нам не удалось полностью ни создание новых войсковых частей, ни даже пополнение их, ни разрешение проблем транспорта, вооружения и снабжения. Решение участи севастопольского фронта зависело от базиса и сообщений с ним. Конные приводы Шостенского порохового завода конкурировали с паровыми машинами заводов Франции и Англии. Полторы сотни тысяч русских телег силились организовать на несколько сот верст, по грунтовым путям, подвоз, который соперничал бы с сотнями пароходов, доставлявших быстро и дешево союзникам снабжение морем.

Если бы подвоз противников базировался только на парусном флоте, мы бы, несомненно взяли верх, так как зимой плавание парусных судов по Черному морю возможно только эпизодически. Если результат этого состязания затянулся, то лишь вследствие огромных запасов материальной части, накопленных Россией до войны в Севастополе, и поразительной организационной неурядицы союзников. Но огромное значение в наших неудачах имело и неверие аристократических вождей русской армии в ее силы, в силы русского государства. Эти вожди сильнее других ощущали культурную, политическую и экономическую отсталость России, недооценивали наши усилия, не замечали развала в неприятельском лагере, вносили сомнения в руководство войсками, пролагали дорогу пораженческим настроениям общества. Грехи русской политики мирного времени вызывали у командования своего рода угрызения совести, которые всегда будут обессиливать реакционных вождей в борьбе с более прогрессивной, представляющей передовой отряд человеческого развития страной.

Мы видели развал английской армии; явления развала замечались и во французской армии—например, французам пришлось отозвать из Крыма достойного, но строгого генерала Форей, против которого солдатская масса выдвинула нелепое обвинение в изменнических сношениях с русскими. Дисциплина шаталась и среди французских солдат и среди французских генералов. Но английские и французские политики имели под собой гораздо более широкий и устойчивый базис, чем русское самодержавие, и сумели добиться победы, хотя и условной.

Старый порядок феодальной России в значительной степени держался в том военном престиже непобедимости, который он сохранял с эпохи разгрома Наполеона. Поражения Восточной войны открыли путь буржуазным реформам Александра II. Крепкая, недостаточно оцененная дисциплина русской армии позволила претерпеть все неудачи Восточной войны без больших потрясений для государства; старый порядок разваливался еще преимущественно только в сознании верхов. После Восточной войны возможны были еще различные направления во внутренней политике. Окончательно на путь отмены крепостного права Россия стала после поражения в 1859 г. другого реакционного европейского государства—Австрии, и торжества над ним национально-революционных идей.

ЛИТЕРАТУРА.

1) **Camille Rousset.** Histoire de la guerre de Crimée. 2 тома. Париж. 3-е издание 1894 года. Наиболее известный, популярный труд знаменитого французского историка.

2) **Н. Шильдер.** Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. 2 тома. Петербург 1885—86 гг. Несмотря на совершенно не беспристрастный тон оценки Тотлебена, обращающий биографию в панегирик, автор местами проявляет себя как крупный историк. Мы только у него нашли цитированное нами письмо Долгорукого об экономическом положении России.

3) **А. М. Зайончковский.** Восточная война 1853—1855 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. I, т. II, ч. 1 и 2; 2 тома приложений; 1 атлас. Петербург 1908—1913 гг. Автор свою широко задуманную историю успел довести лишь до конца Дунайской кампании. Наибольший интерес представляют приложения, содержащие много неизданных дипломатических и военных документов; напр., записки Жомини о русском развертывании.

4) Под редакцией **Тотлебена.** Описание обороны Севастополя. 3 тома. Петербург 1863—1872 гг. Монументальное издание, включающее технические подробности, снабженное прекрасными планами; авторы его, однако, не располагая еще архивными данными по переписке царя и военного министра с главнокомандующим в Крыму, попытались довольно неудачно выйти за пределы технического описания обороны и дать очерк общего хода военных действий.

5) **Богданович.** Восточная война 1853—56 гг. Петербург 1876—77 гг. Труд устарел, но охватывает всю войну и содержит интересные данные. Несомненно, выше по научности патриотически-популярного трехтомного сочинения **Дубровина.** История Крымской войны. Петербург 1900 г.

6) **Kinglake.** The Invasion of the Crimea (1868). Любопытный, многотомный труд, рисующий события с английской точки зрения. Имеется и во французском переводе. Автор — маленький Тьер, воспевающий лорда Раглана и его сподвижников.

7) **J. Revol.** Le vice des coalitions. Paris 1923. Автор, после Мировой войны, в которой на французском фронте происходили многочисленные трения между английским и французским командованием и лишь в марте 1918 г. было достигнуто объединение военного руководства, заинтересовался теми трениями, которые происходили в Крыму при отсутствии единства командования, но очертил их недостаточно глубоко.

8) **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Сочинения, т. X и XI, под редакцией **Д. Рязанова;** изд. института К. Маркса и Ф. Энгельса. Указанные тома содержат большое количество статей эпохи Восточной войны, освещающих не только политическую сторону войны, но дающих и ряд ценных военных суждений, например, об особенностях английской армии и ее управления, об оценке общей обстановки в отдельные моменты войны. Нужно, однако, иметь в виду, что в 1853—55 гг. статьи Энгельса преследовали особые цели, и что углубление Энгельса и Маркса в военные вопросы еще не достигло полной силы. Только спустя 2 года Энгельс ознакомился с Клаузевицем.

9) **М. Н. Покровский.** Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Москва. 1923 г. Очень интересная работа, дающая политическую рамку для изучения военного искусства в России в XIX столетии. Автор уделил большое внимание Восточной войне; глава о завоевании Кавказа представляет большой интерес.

10) **Trochu.** Oeuvres posthumes. Очень любопытные и глубокие мысли одного из лучших офицеров штаба французского десанта.

11) Записки **Петра Кононовича Менькова.** Петербург 1898 г. 3 тома. Прекрасная характеристика русской армии и генерального штаба середины XIX века, и работы русской армии на Дунае и в Крыму. Глубокая ненависть к немцам на высших командных постах русской армии.

12) Военно-статистический сборник. Выпуск IV. Россия. Под редакцией **Обручева.** Петербург 1871 г. Лучшая статистическая работа по России середины XIX века, дающая динамику развития русской экономики и русских вооруженных сил. Статистическая база, подведенная умнейшим сотрудником Милютина под его реформы.

13) **Hans Delbrück.** Geschichte der Kriegskunst. V Teil. Fortgesetzt von **Emil Daniels.** 1 Buch. Эмиль Даниельс, в первой книге 5-го тома истории военного искусства, которым он продолжает труд Дельбрюка, анализирует на 178 страницах борьбу за Севастополь. Относительно действий русских в его работу вкралось много погрешностей. Труд очень интересен, но ни по характеру, ни по качеству не напоминает творчество Дельбрюка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Итальянская война 1859 года.

Ограниченные цели войны.— Театр войны.— Сардинская армия.— Австрийская армия.— Мобилизация и сосредоточение австрийцев.— Французская армия.— Мобилизация и сосредоточение французов.— Вооружение.—Устройство обоза.— Маджентская операция.— Сольферино.—Толкование опыта войны во Франции и Австрии.—Литература.

Ограниченные цели войны. В условиях нового времени Австрия оказалась вынужденной отказаться от политики «выгодных браков»; во время Восточной войны Австрия заняла враждебную России позицию и тем окончательно порвала с династическими традициями своей политики. Это государство старого порядка, с разноплеменным населением, ослабляемое изнутри национальным венгерским движением, оказалось преградой как итальянскому, так и германскому стремлению к национальному объединению. Неприязненные отношения к России обусловили политическую изоляцию Австрии среди европейских государств. Кроме того, Россия и Франция начали растить грозное для австрийской государственности велико-сербское (юго-славское) движение. Наполеон III с 1857 г. начал строить из дунайских княжеств королевство Румынию; эта часть его «латинской» политики была также обращена острием против Австрии, подготавливая претендента на Семиградие.

В Италии Австрия владела Ломбардо-Венецианским королевством; кроме того, с Австрией династически были связаны герцогства Моденна, Парма и Тоскана, и австрийские гарнизоны обеспечивали от национально-революционного движения северную часть папских владений.

Реставрация, наступившая в Италии после низложения Наполеона, сохранила значительную часть социальных завоеваний французской революции—кодекс Наполеона, обложение дворянских имений, частичную конфискацию церковных земель; но все политические завоевания были уничтожены; полицейский, цензурный и церковный нажимы были восстановлены с неслыханной строгостью. Между социальным базисом и политической надстройкой образовался разрыв, болезненность которого особенно чувствовалась вследствие интервенции иноземцев в пользу устаревшего политического устройства. Австрия не преследовала невозможной цели онемечить свои итальянские владения, но выдвинула, как принцип своей итальянской политики, начало интервенции для борьбы за сохранение существующего строя. В этих условиях в Италии, вплоть до занятия Рима в 1870 году, почти закончившего процесс ее объединения, развивалось мощное национально-революционное движение.

Ряд неудачных попыток добиться объединения Италии путем заговоров и восстаний подчеркнул итальянским патриотам необходимость сплотиться около единственного национального государства, королевства Сардинии, располагавшего небольшой армией. Сардиния, государство с 5 миллионами населения, уже в 1849 году неудачно пыталась вытеснить Австрию из пределов итальянских земель; разбитая генералом Радецким, Сардиния готовилась к новой войне и искала себе могущественного союзника. Руководящему ее политику Кавуру удалось в 1858 году заключить наступательный союз с Францией.

Наполеон III, вступая в войну, стремился, опираясь на революционное начало самоопределения народов, прорвать постановления Венского конгресса и разрушить созданный им политический строй Европы. Наполеон III мечтал впоследствии выступить объединителем и Польши, и даже революционной Германии, с вознаграждением за свои услуги границей по Рейну, что упрочило бы положение его династии во Франции. За помощь в приобретении Ломбардии и Венецианской области, Сардиния должна была уступить Франции две пограничные области—Савойю и Ниццу. В интересы Наполеона III отнюдь не входило наносить Австрии смертельный удар; слишком большое ущербление Австрии позволило бы Пруссии объединить под своей гегемонией центральную Европу, чего французская политика должна была избегать всеми силами. Угроза революционным движением народов австрийской монархии, взрывом ее изнутри, должна была связать Австрию по рукам и ногам в предстоящей борьбе и не позволить ей развернуть всех своих сил. Но осуществление этой угрозы являлось нежелательным и по соображениям внутренней политики: и так, революционные круги всего мира и рабочий класс Франции приветствовали эту войну, начатую под революционными лозунгами, а католические круги и высший командный состав французской армии, мнением коего Наполеон III особенно дрожал, морщились и сдержанно относились к этой войне за объединение Италии.

Наполеон III, начиная эту войну, выступил как боец за всеобщее голосование, за демократические начала государственности, за национальное самоопределение и сразу стал как бы коронованным главой международного революционного движения. У его политики появилось много преданных союзников во всех странах Европы[1]. Английские либералы и радикалы сумели добиться назначения новых выборов, свалили дружественное Австрии консервативное министерство и готовы были обеспечить тыл Наполеона III со стороны Пруссии. Против последней Наполеон III оставил в Эльзас-Лотарингии половину (худшую) французских войск под командой генерала Пелисье. Пруссия чувствовала себя скованной сочувствием демократических кругов Германии национально-объединительной задаче, поставленной Наполеоном III, и тянула переговоры с Австрией об оказании ей помощи. Начатая ею в момент Сольферино мобилизация остановилась вследствие прихода к власти в Англии либералов, с Пальмерстоном во главе, союзником Наполеона III по Восточной войне. Бисмарк, бывший тогда прусским послом в Петербурге, считал момент совершенно неподходящих для войны Пруссии против Франции. Россия, в отместку Австрии за ее поведение в Восточной войне, заключила тайное соглашение с Наполеоном III и препятствовала Австрии и Пруссии оголить от войск их восточные провинции.

Австрия и хотела и боялась помощи, которую ей могла оказать Пруссия. Расплачиваться за эту помощь пришлось бы уступкой Пруссии руководящего положения в Германском союзе, которое Австрия ценила дороже тех своих итальянских владений, из-за которых шла война с Наполеоном III. На всякий случай Австрия долго задерживала отправку в Италию трех корпусов, которые она была обязана, в случае вступления в войну с Францией Германского союза, выставить на Рейне. Таким образом, вместо помощи со стороны Пруссии и Германского союза, получилась только чреватая последствиями задержка австрийского сосредоточения в Италии. Против натиска революционных лозунгов Наполеона III в австрийском манифесте значилось громко звучащее утверждение, что провидение уже часто пользовалось мечом Австрии, когда тень революции пыталась распространиться по земле. Но задача эта, судя по войнам Австрии, являлась весьма неблагодарной: она оставалась без друзей и союзников, и ее борцы ежеминутно должны были оглядываться назад, опасаясь удара в спину, опасаясь своих подданных итальянской, венгерской, сербской национальности, опасаясь немецкого пролетариата Вены. Пока эта революция в тылу не вспыхнула, война не затрагивала жизненных интересов Австрии, и ей приходилось также бороться лишь за ограниченные цели.

---

[1] Наполеон III до 1863 г., когда начало сказываться его болезненное состояние, являлся одним из искуснейших политиков, насквозь пропитанным идеями современности. Частично его можно рассматривать и как родоначальника фашизма. Основная мысль его политики: „правительство может безнаказанно топтать законы и даже свободу; но оно будет недолговечным, если не возьмет на себя представительства великих интересов цивилизации; отсутствие этого представительства и явится причиной его смерти; ее зовут судьбой, когда не хотят отдать себе в ней отчета“.

Эта война с ограниченной целью, сводившаяся к борьбе за пограничные провинции, не могла, однако, развиваться медленными приемами XVIII века: угроза вмешательства других государств заставляла воюющих стремиться к скорейшей развязке. Австрии было важно поскорее закончить войну вследствие ее тяжелого экономического положения; она еще не оправилась от больших затрат на мобилизацию армии и оккупацию Дунайских княжеств в течение Восточной войны. Война продолжалась только 10 недель.

Театр войны. Театр войны — бассейн р. По — представляет плодороднейшую и богатейшую местность Европы. Уже в эпоху Наполеона I этот театр своими средствами довольствовал значительные армии.

Втечение XIX века культура его далеко шагнула в сторону ее интенсификации. Низменности Ломбардии были пересечены густой сетью каналов и канав и обращены в рисовые поля; склоны возвышенностей были усеяны виноградниками и садами; каждое поле было обсажено тутовыми деревьями. Обзор лишь в редких случаях превышал 300 шагов. Даже пехота могла двигаться вне дорог лишь с трудом, а кавалерия и артиллерия встречали почти непреодолимые трудности.

В войне 1859 года впервые сказался новый фактор в ведении военных действий—железные дороги [1]. В половине XIX столетия железнодорожное строительство развивалось в Европе полным ходом; однако мощность железнодорожного транспорта была еще невелика, и железные дороги Италии еще не только не были связаны с железными дорогами Австрии и Франции, но и не слились в одну общую сеть. К постройке туннелей через Альпы еще не приступали; крайняя станция пьемонтских железных дорог, Суза, отделялась от связанной с Францией савойской узкоколейки тремя большими переходами, с тяжелым перевалом через Мон-Сенис, а от французской широкой колеи у Гренобля—четырьмя переходами с перевалом через Мон-Женевр. Основная австрийская магистраль к Триесту отделялась от ломбардо-венецианских железных дорог разрывом в три перехода, между станциями Набрезина и Казарса; этот разрыв объяснялся, с одной стороны, недостаточным вниманием австрийского генерального штаба к вопросам железнодорожного строительства, а с другой стороны—происками Франции, облегчавшимися тем обстоятельством, что собственником австрийских железных дорог являлся французский капитал, возражавший против расходов на большие мосты через р.р. Тальяменто и Изонцо. На тирольском направлении имелся Бреннерский перевал, представлявший разрыв в 4 перехода между Инсбруком и Боценом; при этом к Инсбруку по рельсовому пути можно было попасть из Австрии лишь кружным путем через Саксонию и Баварию, а новый участок Верона—Боцен допускал работу лишь тремя парами поездов. В самом Милане имелся разрыв: его железнодорожные станции, принимавшие поезда с запада и востока, не были связаны между собой передаточной веткой.

Водные пути дополняли железнодорожное сообщение. Господство на море французского флота предоставляло в распоряжение Наполеона III короткий морской путь из Марселя и Тулона в Геную, гавань Пьемонта, и Ливорно, гавань Тосканы. Но австрийцам, ввиду появления французских военных судов в Адриатическом море, пришлось с началом войны отказаться от морских перевозок между Триестом и Венецией, восполнявших в мирное время разрыв в рельсовых путях. Река По, связанная с несколькими судоходными каналами и притоками, представляла прекрасный речной путь, прорезавший Ломбардию.

---

[1] Железные дороги использовались раньше лишь эпизодически. Так, в 1849 г. русская дивизия Панютина (13 тыс.) была переброшена по железной дороге из русской Польши в Вену для создания прочного ядра Дунайской армии австрийцев, действовавшей против венгров.

Австрийские крепости Павия и Пьяченца запирали плавание по р. По; знаменитый четырехугольник австрийских крепостей—Мантуя, Пескьера, Верона, Леньяго—заграждал узкое пространство между оз. Гарда и р. По. Важнейшими крепостями Сардинии, долженствовавшими обеспечить фланги оперативного развертывания сардинской армии за реками По и Танаро, являлись Александрия и Казале.

Богатство театра войны, ограниченный размер действующих армий, обилие магазинов в крепостях и крупных городах, и в особенности переоценка железных дорог, привели обе враждующие стороны к решению—ограничить до крайней степени колесный обоз. К чему пользоваться для снабжения грунтовыми дорогами, когда техника выдвинула могучие рельсовые пути? Недостаточно было учтено, что железные дороги пересекали многочисленные притоки р. По, и разрушенные железнодорожные мосты могли надолго задержать восстановление движения. И недостаточно было учтено, что политические цели, выдвинутые войной, крайне затрудняли использование местных средств. Франция и Сардиния, выступавшие как освободительницы от австрийского ига, не могли допустить производства реквизиций у итальянского населения; расчет на восстание последнего против австрийцев играл крупную роль. Что касается до австрийской армии, то последняя находилась под угрозой общего восстания в Ломбардии и Венеции, и должна была отказаться от всего, что раздражало местное население; австрийцы допускали производство реквизиций лишь в тылу, путем совместных действий военной и гражданской администрации.

Австрия могла опираться лишь на сочувствие духовенства и католически настроенной части населения Ломбардии; большинство господствующих классов и особенно рабочий класс обнаруживали активную враждебность. В начале войны австрийское командование для борьбы с революционным движением в тылу армии выделило сильную дивизию Урбапа; она не была приурочена к каким-либо стоянкам, а долженствовала немедленно появляться в каждом районе, где вспыхнут открытые выступления населения, и беспощадно их ликвидировать [1].

Сардинская армия. Маленькое государство, поставившее себе целью подготовку к войне с Австрией, должно было обратиться к кратким срокам службы, чтобы использовать большую часть своего населения. Срок действительной службы был ограничен 2-мя годами, пребывания в резерве— 6 годами. Однако, при отсутствии промышленности и бедности государства, Сардиния не смогла накопить достаточного резерва, и была вынуждена ограничиться мобилизацией 62-тыс. армии, сгруппированной в 5 действующих дивизий. Вся внутренняя служба и охрана крепостей легла на ополчение (национальную гвардию), собранное в составе 26 тысяч; действующая армия в полном составе смогла быстро развернуться в двух переходах от австрийской границы, на сильном речном фронте между крепостями Александрия и Казале. К регулярной сардинской армии присоединился вождь национально-революционного движения— Гарибальди, с тремя полками совершенно недисциплинированных добровольцев. Отряд Гарибальди предназначался для того, чтобы пройти в тыл австрийцев и поднять там восстание.

Несмотря на высокое воодушевление и хорошее вооружение сардинской армии, вследствие краткости и недостаточности обучения, значительного количества резервистов в ротах, постоянных склок в высшем командном составе и отсутствия традиций, боеспособность сардинской армии была невысока; сардинские войска решительно уступали по качеству австрийским.

Австрийская армия. Пестрота национального состава монархии Габсбургов препятствовала выдвижению национального начала в организации армии. Религиозная основа также не годилась для армии католической Австрии, так как она подчеркнула бы трещину между Австрией и протестантской Германией, отрезала бы путь для комплектования командного состава дворянством мелких германских государств и придала бы армии менее немецкий характер, если в гражданской администрации Австрии, в суде или школе, до 1868 года, лицо некатолического вероисповедания не могло занимать самой скромной должности, то в армии для него были открыты высшие командные посты. Коренная реформа армии встречала сопротивление в феодально-аристократическом строе государства, в котором власть принадлежала 600 фамилиям земельных магнатов. Поэтому австрийская армия до 1868 года сохраняла ту интернациональную окраску, религиозную и национальную терпимость, которые были заложены ее основателем—Валленштейном. Сила этой старой династической армии покоилась на традициях и корпоративном духе частей и на крепкой дисциплине, с жестокими взысканиями за все проступки.

---

[1] Отношение к населению характеризуется прокламацией к жителям Вероны генерала Урбана, назначенного к концу войны комендантом этой крепости: „дабы жители могли знать, с кем им придется иметь дело, я заявляю, что мне, как честному австрийцу, каждый может доверять, а я никому из вас не верю“.

В австрийской армии сохранился дух XVII века, несмотря на то, что комплектование армии производилось уже не вербовкой, а по воинской повинности. Последняя была далеко не всеобщей. Высшее образование, многие профессии, простой взнос в казначейство 1 200 гульденов освобождали от военной службы. Комплектование преимущественно отсталым, невежественным крестьянством благоприятствовало сохранению в армии старого порядка. Но уже революция 1848 г. нанесла основам существования старой австрийской армии тяжелый удар. Пробужденные национальные стремления венгерцев оказались сильнее династических и корпоративных традиций. При помощи русских войск, венгерское движение было временно подавлено; начались жестокие репрессии, преимущественно по отношению к личному составу тех 21 батальонов и 10 гусарских полков, которые перешли на сторону восставших венгров. 50 тыс. венгерских гонведов, капитулировавших в 1849 г. при Вилагоше, были прямо зачислены в ряды австрийской армии, подобно тому, как поступал с пленными Фридрих Великий в Семилетнюю войну; но в условиях XIX века было невозможно заставить венгерцев хорошо сражаться за враждебную им государственность, и венгерские укомплектования являлись язвой, разъедавшей австрийскую армию. Неудачи I корпуса графа Клам-Галасса отчасти объясняются большим количеством венгерцев в его составе.

В условиях войны 1859 г. ненадежными являлись и полки, укомплектованные итальянцами. Было принято решение оставить их в Венгрии и на русской границе. Было сделано исключение для одного итальянского полка (Сигизмунда), квартировавшего в Вене, солдаты которого единодушно просили отправить их сражаться; но первое же столкновение, при Мадженте, эти солдаты итальянского происхождения использовали, чтобы перебежать на сторону неприятеля... Не хорошо были настроены и пользовавшиеся до того в Австрии лучшей репутацией хорваты (сербы-католики); одну хорватскую дивизию II корпуса пришлось расформировать после неустойки ее под Маджентой. Ненадежными в австрийской армии считались и резервисты, как люди, имевшие большее политическое развитие, чем молодняк-новобранцы. Поэтому в Австрии стремились пополнять полевые части в возможной степени новобранцами, а резервистов по возможности держать в тыловых гарнизонах, что едва ли являлось мудрой мерой.

Из 300 тыс. молодых людей, достигавших призывного возраста, ежегодно в армию поступало около 85 тыс. Срок службы был установлен законом в 8 лет действительной службы и 2 года в резерве. Кроме того, имелось 50 тыс. человек «граничар», своего рода австрийских казаков. Эти цифры позволили австрийской дипломатии грозить 800-тыс. армией. Фактически по финансовым условиям, срок действительной службы в мирное время сокращался на много; после Восточной войны в мирное время имелись налицо люди не восьми, а только трех призывов. Австрия была не в силах мобилизовать свыше 320 тыс. действующих войск, так как, за отсутствием ополчения и при наличии брожения во многих областях, приходилось оставлять значительное количество солдат для охраны внутреннего порядка.

В мирное время имелось 12 корпусов, сведенных в 4 армии: 1) Венско-Богемская; 2) Итальянская; 3) Венгерская; 4) Галицийская. Корпус состоял из двух пехотных дивизий, каждая силой в 2 или 3 бригады. Бригады в военное время состояла из 5 батальонов и, обычно, 1 батареи. Лучшие войска входили в состав второй (Итальянской) армии.

Тактика австрийской армии характеризовалась построениями, близкими к строю поротно. В батальоне было 6 рот; каждые две роты представляли дивизион, численность которого в 1859 г. колебалась от 200 до 250 бойцов. Батальон строился подивизионно—дивизион от дивизиона не ближе 54 шагов. Австрийский строй подивизионно являлся шагом вперед, по сравнению с построением французского компактного батальона. Однако характер местности, исключавший огонь на средние и большие дистанции, не позволил австрийцам оценить те выгоды, которые давал строй подивизионно для применения к местности. Построение, раздробленное на меньшие части, представляет значительные плюсы, но лишь при условии, что во главе каждой части будут поставлены начальники, которые в решительную минуту, по своей инициативе, поведут свои части в дело. У австрийцев же во главе дивизионов не было проникнутых стремлением к инициативе офицеров. Недостаток инициативы и тактической подготовки и реакционный пессимизм приводили к неверию в успешность действий отдельных дивизионов и к стремлению фактически держать батальоны сосредоточенными. Устав обогнал фактическое развитие армии, что вызвало после войны жестокую тактическую реакцию.

Австрийская артиллерия действовала преимущественно позводно, чтобы использовать для обстрела редкие прогалины вдоль дорог на закрытой и пересеченой Ломбардской равнине.

Очень слабым был состав высших начальников. Продвижение на высшие должности талантливых людей, как Радецкий или хотя бы Бенедек, являлось исключением. Австрийские магнаты считали высшие посты в армии своими по праву. Австрийским императором приходилось терпеть явно неспособных феодалов на ответственнейших постах. При назначении Радецкого начальником генерального штаба император Франц заявил ему: «Ваш характер является мне порукой, что умышленных глупостей вы делать не будете; а что касается до обыкновенных глупостей, то к ним я уже привык».

Мобилизация и сосредоточение австрийцев. С 1 января 1859 г. неизбежность столкновения с Францией и Сардинией была ясна для Австрии. Последняя стремилась раздавить силы сардинцев прежде, чем Франция изготовится оказать им помощь. Поэтому объявление войны исходило от Австрии. Военные действия начались 29 апреля. Оправдание австрийской политики заключалось бы в одержании немедленного успеха над сардинской армией; однако, этому воспрепятствовали задержки в мобилизации и сосредоточении.

Итальянская армия насчитывала 3 корпуса (V, VII, VIII). В январе 1859 г. она была усилена III корпусом (из Вены). Мобилизация этих 4 корпусов официально была объявлена

1 марта. Участки комплектования полков итальянской армии были расположены не в Ломбардии, а в противоположном конце государства, чтобы обеспечить ее политическую надежность. При мобилизации пехотный полк, численностью в 2450 человек мирного состава, приходилось развертывать в бригаду пятитысячного состава, плюс «четвертый» батальон, предназначавшийся выполнять функции запасных, крепостных, этапных частей; всего полку следовало добавить 3500 человек. Сбор этих резервистов с обширной территории Австрии затянулся. В апреле к мобилизационным перевозкам резервистов присоединилась перевозка по сосредоточению в Ломбардию II корпуса. Всего, таким образом, Австрия собрала к началу войны в действующей армии 5 корпусов. Генерал Гиулай, командующий армией, считал необходимым для быстрого развития наступления располагать 9 корпусами, т. е. приблизительно всеми силами Австрии, остававшимися после обеспечения границы с Россией и внутреннего порядка в Венгрии. Однако, выполнение его желания было задержано, ввиду надежды Австрии на открытие кампании на Рейне Германским союзом и необходимости располагать не менее чем 3 корпусами, чтобы возглавить эту кампанию.

Но и 5 корпусов действующей армии находились далеко не в полном составе. К 1 мая, на 3-й день войны и на 62-й день мобилизации, последняя далеко не была закончена: в действующей армии вместо 145 тыс. имелось налицо только 107 тыс.; в дивизии Урбана (для борьбы с революцией)—вместо 14 тыс., только 11 тыс.; в крепостях и тыловых частях—вместо 68 тыс., только 32 тыс. Итого, за два месяца, мобилизационной работы штаты военного времени оказались в общем заполненными только на 65%; боевой элемент 5 корпусов, насчитывавших в мирное время 82 тыс., вырос только на 30%, вместо предусмотренного штатами увеличения на 77%.

Особенно плохо было с лошадьми, которых приходилось пополнять покупкой. Кавалерия лошадей при мобилизации почти не получала и, за выделением негодных к походу лошадей, сократилась против состава мирного времени—эскадроны, в среднем, до 110 коней. Всех купленных упряжных лошадей отдали в артиллерию, но удалось запрячь только 44 батареи, вместо полагавшихся 70 батарей. Для обоза лошадей вовсе не осталось, и для удовлетворения важнейших нужд пришлось реквизировать подводы у местного населения; частью они оказались очень мало соответствующими военным требованиям двухколесными арбами с воловьей запряжкой.

Такова была мобилизационная готовность австрийской армии, на которую ложилась ответственная задача—молниеносного разгрома сардинской армии, пока не успеет подойти французская помощь. Люди, лошади, повозки, материальная часть в Австрии имелись, но не могли быть продвинуты на театр военных действий. Мобилизация затянулась на всю войну, продолжавшуюся 70 дней. Но, так как перевозкам по сосредоточению втечение всей войны отдавалось преимущество перед мобилизационными, то части войск оказались недомобилизованными до самого конца. Батальоны выступали с некомплектом в 25%, и численность их и в дальнейшем никогда не превосходила 800 человек. В решающий момент войны, в сражении под Сольферино 24 июня, австрийцы двинули в бой 7 корпусов, численностью в 147 тыс. вместо 250 тыс., долженствовавших быть при полном комплекте. Фактически в этой войне австрийская армия оказалась на $^1/_3$ слабее установленных норм.

Втечение самой войны Австрия приступила к формированию 4 новых корпусов; но организация этого нового эшелона напряжения сил государства подвигалась медленно и на ходе войны не смогла сказаться.

Французская армия. При реставрации Бурбонов после поражения Наполеона I под Ватерлоо, вся наполеоновская армия была распущена; 18 400 офицеров были уволены в отставку. Первые годы Бурбоны существовали под охраной иностранных штыков; новая армия нарождалась с трудом; первоначально она состояла из 12 тыс. швейцарских наемников и немногих французских частей. В 1824 г. армия начала расти за счет призывов; срок службы был установлен в 8 лет. Посторонним наблюдателям бросалась в глаза полная негодность, неопытность и непопулярность среди солдат молодых дворян-офицеров, совершенно не умевших поддерживать дисциплину. Вопрос о выдвижении решался в зависимости от аристократических связей офицера, а не его пригодности. Военная служба стала во французском народе крайне непопулярной. Закон предоставлял каждому призванному выставлять за себя заместителя; в Париже народились большие конторы, которые поставляли этих заместителей; откуп от военной службы при помощи этой торговли людьми обходился от 4 до 6 тыс. франков.

Июльская монархия восстановила трехцветные знамена революции, ликвидировала швейцарские полки, установила национальную гвардию. Ряд выдающихся деятелей—генерал Моран, философ Виктор Кузен, герцог Орлеанский—настаивали на введении во Франции личной, всеобщей воинской повинности, с краткими сроками службы. Но цензовая монархия, переживавшая период обострения социальных вопросов, не могла пойти на создание вооруженного народа. В противовес требованиям стать в военном строительстве на путь подражания Пруссии, был выдвинут культ Наполеона I, и подчеркивалось его предпочтение надежным старым ветеранам, совершившим чудеса в бою. Франция осталась при семилетнем сроке службы. Годовой призыв достигал 80 тыс. из 200 тыс., достигавших призывного возраста; при этом из призыва три четверти получали ускоренное обучение и через несколько месяцев увольнялись в запас. Армия насчитывала свыше 200 тыс. солдат долгих сроков службы; плохо обученный, ненадежный запас теоретически должен был доставить 300 тысяч.

Эта организация получила опору в особенностях колониальных войн, которые нельзя вести войсками, собранными по общей воинской повинности. Главнейшее воздействие на французскую армию оказало завоевание Алжира, начатое в 1830 г., и потребовавшее 27 лет непрерывных походов. Число действовавших в Алжире войск достигало порой 100 тыс. человек. Война в Алжире во многом напоминает одновременную ей борьбу русских на Кавказе. Но тогда как кавказская школа обучения и воспитания войск являлась в русской армии только местным явлением, и авторитет ее никогда не был достаточно значителен, чтобы побороть в основном ядре русской армии плац-парадные тенденции, во Франции алжирская военная школа стала главенствующей.

Малая война характеризуется фанатичностью врага, атмосферой постоянной опасности, воспитанием самодеятельности у младших начальников, большим опытом в ведении мелких операций. Войска обстреливаются и получают известный закал. Французская пехота научилась ценить рассыпной строй, который почти сошел на-нет к концу наполеоновских походов, научилась ценить ружейный огонь, в котором преимущественно и выражалось сопротивление неприятеля, и научилась сама им широко пользоваться, а также применяться к местности. Постоянные успехи над нестойким неприятелем воспитали у французов, в связи с их национальными данными, бурный порыв при атаке; но одновременно школа малой войны извращала перспективу большой войны и порождала опасные уклоны. Серьезно страдала дисциплина; воспитывалась мораль ландскнехтов, выражающаяся прежде всего в неуважении к имуществу мирного населения. Привыкшие уничтожать поселки арабов, что являлось одним из существенных приемов алжирской войны, французы на Балканах в 1854 г. сумели восстановить против себя болгар, а после взятия Керчи в 1855 г., устроили самый дикий варварский погром этого города. Войска привыкали к действиям в отделе от соседей, становились на ночлег только биваком, снабжались исключительно из магазинов. Разведка велась лишь особыми, сформированными из туземцев частями; сами же войска в отношении разведки становились беспомощными. Тактика складывалась под влиянием отсутствия у неприятеля артиллерии, что позволяло сократить и свою артиллерию и ограничиваться постановкой ей самых простых задач. Пехота держалась за своими цепями очень сомкнуто, ввиду отсутствия у неприятеля дальнобойного оружия, и недостаточно оценивала охваты.

Герои малой войны продвигались на высшие должности, на них падало руководство в большой европейской войне, к которому они оказались впоследствии мало подготовленными. Впрочем, в первую часть царствования Наполеона III высший французский командный состав резко превосходил бездарных аристократических вождей австрийской армии: французские генералы пробились на свои посты своими силами, вкусили политики, были крещены в буре революций и переворотов, умели поддерживать связь с солдатской массой и представляли заметные индивидуальности.

Слабую поддержку высшему командованию давал французский генеральный штаб. Создатель его, маршал Сен-Сир, стремился в своем законе 1818 г. о службе генерального штаба положить конец злоупотреблениям протекционизма, которые разлагали наполеоновские штабы и которые, с реставрацией, могли наполнить штабы придворными креатурами. Вместо адъютантов «равно храбрых и элегантных» нужно было выдвинуть офицеров со специальной подготовкой. Корпус генерального штаба получил совершенно закрытый характер и комплектовался прикладной школой генерального штаба, куда зачислялись, прямо со школьной скамьи, первые ученики Сен-Сирской школы и трое лучших учеников Политехнической школы. Выдержав экзамен после двухлетнего курса, слушатель прикладной школы на всю жизнь становился офицером генерального штаба; служба прерывалась отбыванием цензов в различных родах войск, иногда только на бумаге. Благодаря продвижению строго по своей особой линии, протекционизм в генеральном штабе был исключен, но цеховой характер, отчужденность от армии были резко подчеркнуты в генеральном штабе, и его представители не имели авторитета ни у начальников, ни у войск, и сами решительно отставали от требований современной войны. Отсутствие полевых поездок, незнание театра вероятнейших военных действий, отсутствие организованной работы над мобилизацией и планом войны, отвратительная постановка разведывательной службы, инертность, жестокий канцеляризм—особенно характерны для французского генерального штаба до войны 1870 г.

Наполеон III, добившись переворотом власти, отнюдь не пытался покуситься на переделку армии в вооруженный народ. Он сохранил существующие организационные основы, принял ряд мер, обеспечивавших ему преданность армии—повышение жалованья, большие пенсии, обеспечение гражданскими должностями покидающих армию, создание императорской гвардии, императорские орлы на знаменах, уничтожение торговли людьми: на деньги, вносимые желающими откупиться от военной службы, само правительство нанимало заместителей, в виде остающихся на сверхсрочную службу унтер-офицеров и солдат. Из организационного творчества Наполеона III надо отметить создание им военных округов: Франция была поделена на 7 маршалатов; каждый маршал командовал всеми войсками и военными учреждениями в пределах своего округа. Создание военных округов относится к 1858 году, когда на Наполеона III произвел покушение Орсини; Наполеон III, задумавшись над возможностью нового покушения или революции в Париже, захотел децентрализовать военное управление, чтобы создать в провинции центры, достаточно мощные для организации похода на Париж и спасения династии. Корпусов в мирное время не было; в случае необходимости они надергивались из наиболее подходящих частей различных маршалатов; такая организация была очень удобна для небольших заморских походов, но жестоко отомстила за себя в 1870 году.

Французские уставы являлись новыми изданиями уставов 1790 г., которые были освящены победами Наполеона I, одержанными, однако, не благодаря этим уставам, с их линейными тенденциями, а вопреки им. Нововведением являлся двухшереножный строй. Но уставы и теперь продолжали в весьма малой степени обусловливать тактическую подготовку французских войск. Армия руководствовалась по преимуществу алжирским опытом.

Мобизизация и сосредоточение французов. Наполеон III стремился поддержать как можно скорее сардинцев, чтобы не дать австрийцам покончить с ними до прибытия французских войск на театр войны. Однако для успеха на выборах в Англии друзей Наполеона III—либералов и радикалов, имевшего огромное значение для обеспечения тыла Франции в предстоявшей войне, необходимо было свалить одиозность начала военных приготовлений и объявления войны на Австрию. Поэтому никакой материальной подготовки к войне не велось и даже не имелось никакого мобилизационного плана. Для борьбы в Италии предназначалась половина французской армии; другая половина должна была оставаться для охраны Франции со стороны Рейна, где можно было ждать выступления германского союза и в особенности Пруссии. Однако Наполеон III не выделил для формирования армии, предназначавшейся для итальянской кампании, половины маршалатов; наоборот, он решил выбрать из всей французской армии лучшие полки и наиболее способных генералов, имевших уже боевой опыт.

Мирная организация представляла в 1859 г., как и в 1854 г., только обширное депо, из которого черпались силы и средства для импровизации дивизий и корпусов. Так как лучшие французские войска находились в Алжире, то уже в феврале 1859 года началась перевозка из Алжира 19 пехотных полков, со сменой их более слабыми из Франции; из них для похода были сформированы 4 дивизии; 8 других дивизий, образованные из различных полков, также начали постепенно сосредоточиваться на юго-востоке Франции. Все части оставались в мирном составе, лишь для пополнения конского состава кавалерии и артиллерии было закуплено 25 тыс. лошадей. Это был почти единственный чрезвычайный расход; интендантство не выпекало сухарей, в пограничной крепости Бриансоне не было ни одного патрона, ничего не было сделано для организации быстрого перехода через Альпы. В конце марта во всех пехотных полках были сформированы четвертые батальоны (кадры для обучения новобранцев и запасных). Артиллерия находилась в стадии ожидания новой материальной части для перевооружения, и оставалась в местах постоянных стоянок.

21 апреля, при получении известия о намерении Австрии предъявить Сардинии ультиматум, все отпускные были вызваны в свои части, а 24 апреля, в момент предъявления Сардинии ультиматума, было объявлено о формировании действующей армии, и пять французских корпусов получили предписание немедленно следовать, в наличном составе, без артиллерии, палаток, обозов, в Пьемонт. Офицеры, коим положено быть в походе верхом, двинулись на театр военных действий, не успев приобрести верховых лошадей. 1 мая последовал призыв 140 тыс. новобранцев, и был выпущен заем в 500 миллионов франков; еще один корпус принца Наполеона был назначен для оккупации Тосканы и поддержки национальной революции южнее р. По.

В эти шесть корпусов входило 198 батальонов и 20 кав. полков; но так как численность батальонов, в их мирном составе, не превосходила 500 человек, а кав. полков (4 эскадрона)—450 коней, то общий состав не достигал 100 тыс. Половина корпусов была трехдивизионного состава, половина—двухдивизионного состава. Боевой состав пехотной дивизии—около 6—7 тыс. Сверх того, в состав корпуса входила кав. дивизия или кав. бригада.

III и IV корпуса направлялись в Италию через альпийские перевалы Мон-Сенис и Мон-Женевр. В помощь им удалось мобилизовать только 150 подвод. Солдаты несли на себе продовольствие на 5 дней. Ночевать на высоких горах большей части пришлось под открытым небом. Тем не менее, 29 апреля голова их спустилась к конечной станции пьемонтских дорог—Сузе—и 30 апреля прибыла в Турин. 2 мая в Турине собрался III корпус, а через 5 дней—и IV корпус.

I, II и Гвардейский корпуса направлялись морем в Геную. Переплыть приходилось только небольшой участок—350 километров. 26 апреля в Генуе высаживались уже первые эшелоны I корпуса.

Быстрота, с которой французы появились в Италии, ошеломила не только австрийцев, но и всю Европу; она спасла сардинскую армию от отдельного поражения; но, конечно, подтягивание последующих эшелонов французов заняло еще много времени. Раньше 10 мая едва ли они были способны оказать сардинцам существенную помощь. Артиллерия гвардейского корпуса 9 мая еще только собиралась отправляться из Парижа. Армейская артиллерия сформировалась только в июне. Укомплектование, следовавшее им по мобилизации, французские полки получили окончательно лишь к заключению мира.

В данном случае французам, благодаря бездействию австрийцев, удалось постепенно разобраться в создавшемся хаосе неподготовленного сосредоточения немобилизованных частей. Но сосредоточения 1854 и 1859 гг., счастливо сошедшие с рук, явились печальной школой для 1870 г.

Французская армия постепенно сгруппировалась на правом крыле сардинской армии.

Вооружение. Наполеон III, лично работавший над артиллерийскими вопросами, выступил уже в 1852 году с идеей перевооружения артиллерии одним универсальным образцом орудия. Он продолжал работу Грибоваля и Наполеона I над упрощением и введением единообразия в материальную часть артиллерии. Недостатком артиллерии середины XIX века являлось унаследованное от XVIII века наличие в одной батарее нескольких—обыкновенно двух—образцов: пушки и гаубицы .В эпоху Наполеона I это объяснялось тем обстоятельством, что разрывными снарядами могли стрелять только гаубицы. Наполеон III нашел техническое решение: была сконструирована короткая 12 фунт. гладкая пушка, которая могла стрелять гранатой и шрапнелью [1]; французские полевые батареи были вооружены единственно этим образцом, что чрезвычайно облегчило управление огнем и питание огнестрельными припасами.

Но под Севастополем, сначала у англичан, появились первые образцы тяжелых пушек, придававшие снарядам вращение. Они начали распространяться и во флоте. Введение нарезов обещало дать и артиллерии такой же огромный выигрыш в дальности и в меткости, который получила пехота при перевооружении штуцерами. Оно задерживалось исключительно консерватизмом артиллеристов: их идеалом являлся выезд на картечь и поражение неприятельской пехоты с дистанции в 600—700 шагов. Введение нарезов значительно ухудшало действие картечи, а покушение на картечь означало для артиллеристов того времени примерно то же, что и покушение на штыки пехоты.

---

[1] Английский полковник Шрапнель еще в 1808 году предложил начинять бомбу пулями и порохом, с дистанционной трубкой для разрыва в воздухе. Первоначально эти снаряды назывались гранатной картечью. Шрапнель образца 1852 года имела три установки: на 600, 800 и 1 000 метров.

Наполеон III сумел преодолеть эти предрассудки. Сардинская армия уже ввела нарезную полевую артиллерию, так как традиции и предрассудки не имели силы в этой молодой армии.

В 1858 г. заканчивались во Франции опыты. Предпочтение, из-за простоты, было отдано образцу Лаита, заряжаемому с дула, перед образцом, заряжаемым с казны, хотя последний обещал дать лучшую меткость. Весной 1859 г. заканчивалось изготовление материальной части четырехфунтовых нарезных пушек (калибра 8,65 *мм*) для 37 шестиорудийных батарей. Дистанция артиллерийского огня увеличивалась почти до 3 километров. Главным снарядом являлась шрапнель, с установкой на 5 дистанций (до 2 200 метров).

Войска получили новую нарезную пушку только на походе; боевые действия начались, а французские артиллеристы только еще учились стрелять и пользоваться прицелом. Пересеченная местность Ломбардии вообще затрудняла использование артиллерии. Только на правом фланге под Сольферино поле сражения открывало достаточный обзор. Здесь французская нарезная артиллерия действовала успешно.

Вооружение французской пехоты оставалось тем же, что и под Севастополем: часть пехоты имела скверные штуцера, а часть сохраняла еще гладкие ружья.

Австрийцы, из опыта Восточной войны, сделали заключение, что важнее всего—дать пехоте превосходное ружье; что же касается до полевой артиллерии, то роль ее очень скромна. Поэтому австрийцы небольшие имевшиеся средства направили на перевооружение пехоты прекрасным образцом нарезного ружья, заряжавшимся с дула, калибром в 13,9 *мм*; уменьшение калибра на 4,6 миллиметра по сравнению с французским штуцером позволило сильно повысить баллистические качества ружья; австрийцы могли вести прицельную стрельбу до 1 200 шагов. На средних и больших дистанциях австрийское ружье сильно превосходило французское.

Перевооружение австрийцев новым ружьем затянулось до последних месяцев перед войной. Значительная часть войсковых частей и все резервисты выступили в поход, не проделав вовсе практических стрельб с новым ружьем. Незнакомство пехоты со своим оружием и закрытый характер местности в Ломбардии не позволили австрийцам полностью использовать выгоды их лучшего ружья. Однако, если потери убитыми и ранеными в боях 1859 г. были одинаковы с обеих сторон, несмотря на постоянные неудачи австрийцев, то этот результат может быть объяснен только техническим превосходством австрийцев, уравнивавшим потери при их тактических неуспехах.

Устройство обозов. Австрийский главнокомандущий Гиулай, имея в виду наступление лишь накоротке, наличие железных дорог, богатство местных средств, находил возможным ограничиться минимальным, но легким обозом. Австрийские войсковые части не имели почти никаких повозок для перевозки продовольствия. Весь запас продовольствия (хлеб и сухари на 4 дня) в частях переносился на плечах солдата. Сверх того, гнался скот по расчету мясных порций на 4 дня, и возился лишь рис или заболточная мука на 2 дня. Солдаты в своем снаряжении не имели индивидуального котелка [1], и поэтому пища могла приготовляться только в возимых больших котлах.

Так как к началу военных действий не удалось запрячь полностью даже батареи, то дивизии и корпуса не получили вовсе запряженного обоза. Приходилось обходиться полковыми повозками. Корпусам было разрешено реквизировать по 600 местных повозок с запряжкой в отведенных им районах. Однако собрать их полностью не удалось. Брали даже арбы (двуколки) с воловьей запряжкой, и все же в некоторых корпусах оказалось гораздо меньше повозок: в VII—311 повозок, в III—53 повозки. Еще хуже было положение I корпуса, который после начала войны перевозился только в составе строевых частей; его обоз из Богемии двигался походным порядком и так до конца военных действий и не прибыл. Лишенный права производства войсковой реквизиции, корпус голодал даже, начав высадку в Мадженте, на удалении в 6 километров от магазина в Абиате-Грассо и в 30 километрах по железной дороге от большого магазина в Милане. Железная дорога целиком использовывалась для оперативных перевозок и не давала поездов под снабжение. Только к моменту Сольферино австрийцы додумались до организации «железнодорожного комитета», имевшего функции, близкие к «транспортному совещанию», и долженствовавшего часть провозоспособности дорог отводить под снабжение.

---

[1] Насколько нецелесообразно было австрийское снаряжение видно из того, что австрийского солдата в знойное итальянское лето заставляли носить на своих плечах суконную парадную форму. Даже император Франц-Иосиф, прибыв к концу войны на театр военных действий, оказался пораженным этим и приказал снять с солдата суконные мундиры и возить их в полковом обозе. Но насколько было бы целесообразнее использовать эти немногие собранные повозки для возки продовольствия, а не парадного одеяния.

Более счастливые корпуса имели корпусный транспорт в 200 повозок; но и в них все запасы были съедены, войска голодали; горячую пищу полагалось выдавать один раз в сутки; однако к приготовлению пищи утром нельзя было приступать, пока не подойдут очередные повозки транспорта; войска запаздывали с выступлением, неприятель их предупреждал; часто приходилось вывертывать котлы с несваренной еще пищей и выступать, оставляя войска без горячей пищи 2—3 суток. При таком недостаточном питании, в австрийской армии распространились болезни. 50 тыс. больных ослабили ряды австрийских войск еще до Сольферино, после 7 недель похода; развившиеся эпидемии свирепствовали и дальше, после перемирия, когда войска начали уже регулярно получать продовольствие [1].

Потери от болезней втрое превышали потери в боях; поэтому, несмотря на направленные укомплектования, домобилизовать войска так и не удалось. Местное население пощадили от войсковых реквизиций, но войска были принесены в жертву. Особенно губило австрийцев полное отсутствие связи между полевым интендантством и оперативной частью. Операторы не интересовались, до реорганизации управления 16 июля, снабжением, а интенданты-заготовители ничего не понимали в операциях [2]. Это объясняется совершенно оторванным от оперативной работы положением австрийских органов снабжения в мирное время.

---

[1] Втечение 6 месяцев демобилизационного периода заболело еще 88 тыс.

[2] Так, при отступлении руководители снабжения ни разу не использовали такого простого приема, как выгрузка продовольствия из обозов на пути отступающих корпусов. Магазины и крепости часто по формальным основаниям отказывали в продовольствии голодающим войскам, следовавшим мимо них. Продовольствие одного корпуса, оказавшееся вследствие изменения маршрута отступления на пути другого корпуса, не передавалось последнему, а везлось к своим и т. д.

Французские корпуса выступили также без обоза. Сардиния обещалась приготовить им на 17 дней продовольствия. Наполеон III двинул из Франции за армией транспортные средства лишь в размере 600 повозок; 200 повозок были сохранены в виде армейских транспортов, остальные розданы корпусам. Пока французы оставались в оборонительном положении, все шло удовлетворительно; в Геную прибывало французское снабжение и развозилось по железной дороге к войскам. Французы избрали для наступления направление вдоль железной дороги. Но мост через р. Сесию был взорван австрийцами, и пришлось доставлять снабжение по колесным путям. Несмотря на использование местных транспортных средств, французская армия с тыла получала при нахождении в районе Милана лишь около 100 подвод снабжения в сутки. На быстрое преследование уходящих австрийцев рассчитывать было тем труднее, что Наполеон III, после неожиданностей Мадженты, решил вести свою армию тесно сосредоточенной, в постоянной готовности к бою, что ограничивало количество доступных для армии местных средств. Используя широко запасы, брошенные австрийцами, организуя местный подвоз по отдельным участкам железных дорог, между разрушенными мостами, искусно пользуясь водными путями, французская армия все же должна была держаться не далее 3—4 переходов от восстановленного участка железной дороги. Несмотря на энергичную работу по восстановлению и на плохое и не полное разрушение австрийцами мостов, общий темп наступления французской армии определился всего в 7,5 километров в сутки. А стреляли тогда мало, и подвоз огнестрельных припасов требовался очень скромный.

Маджентская операция. Австрийская армия к началу войны была собрана на тесных квартирах близ Павии, у самой границы. Тесное предварительное сосредоточение является плохой приметой для энергии последующих действий. 29 апреля Гиулай перешел со своими 5 корпусами в наступление против центра сардинцев. 2 мая он мог бы атаковать сардинцев; но последние находились на сильной позиции за рекой, из Генуи и Турина получались достоверные сведения о прибытии французских масс; в самой австрийской армии живо ощущались дефекты мобилизации и неустройства обозов. Призрак революционного восстания всего итальянского тыла сковывал решимость Гиулая. Особенно опасным казался весь правый берег р. По, откуда шли панические слухи. После двух демонстраций против флангов сардинской армии австрийская армия заняла оборонительное расположение в Ломелине—области Сардинского королевства, лежащий между реками Тичино и Сесия.

Французская армия собиралась на правом фланге сардинцев, южнее реки По. Австрийцы ожидали, что французы будут обходить их расположение по южному берегу р. По. В таком случае французы могли бы опереться на местные средства Пармы и Модены. В соответствии с таким предположением о неприятельских действиях, австрийцы приняли группировку, допускавшую быстрое сосредоточение к укрепленным переправам на р. По, и произвели усиленную рекогносцировку своим V армейским корпусом, которая привела 20 мая к неудачному бою частей этого корпуса с одной французской дивизией (Форей) при Монтебелло. Рекогносцировка, раскрывшая австрийцам сосредоточение здесь значительных сил французов, еще более убедила их в том, что французы будут обходить их левый фланг [1].

Однако такое направление операций заставило бы французов оторваться от железной дороги, с которой они, вследствие слабости колесного обоза, были крепко связаны, и требовало больших понтонных средств, а также осадного парка для овладевания австрийскими крепостями на р. По; а осадный парк прибыл к французам лишь в конце войны. Наполеон III предпочел поэтому обойти австрийцев с севера, вдоль железной дороги Верчели—Маджента—Милан. Обход австрийцев с севера, правда, являлся для французов рискованным маневром, так как при этом им приходилось оголить свои сообщения с Генуей, на которую они базировались.

---

[1] Приводим сотни раз повторенную потом учебниками мысль Мольтке по поводу этой усиленной рекогносцировки: „Так называемые рекогносцировки в ведении войны австрийцами играли во все времена крупную роль. Можно утверждать, что предприятия этого рода могут принести пользу только в том случае, если имеется возможность перейти непосредственно от рекогносцировки к бою. Если рекогносцировка раскрывает невыгодную для нас обстановку, то оказывается невозможным достаточно быстро ее прервать; если же она, напротив, обнаруживает выгодные для нас условия, то последние должны быть сейчас же использованы, так как втечение немногих часов они могут коренным образом измениться.

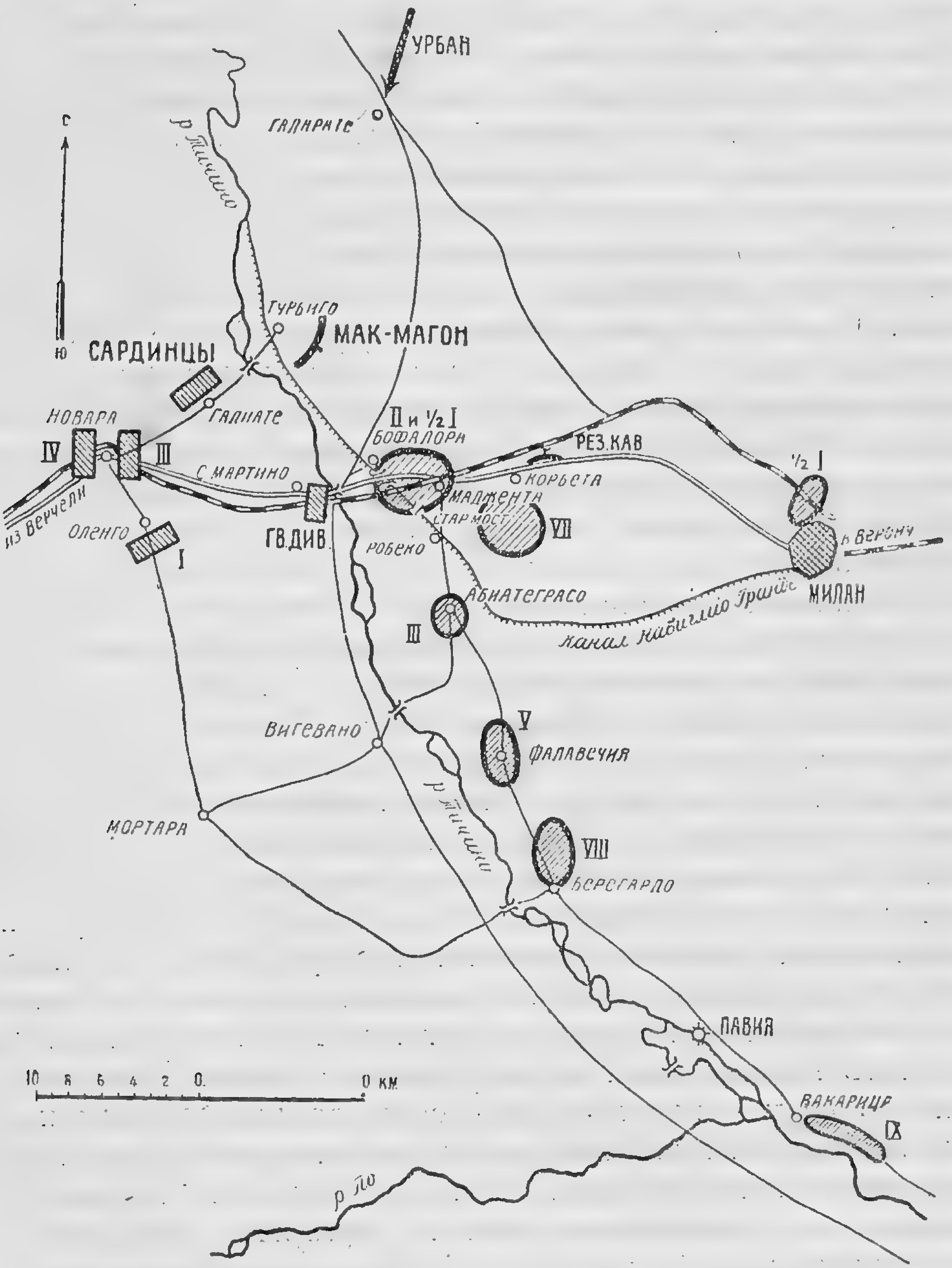
Moltkes Kriegsgeschichtliche Arbeiten, т. III, стр. 64.

27 мая французская армия приступила к фланговому маршу, для перегруппировки с крайнего правого на крайний левый фланг развертывания. В Верчели, при посредстве железной дороги, был заготовлен четырехсуточный запас продовольствия. Сардинская армия прикрывала фланговый марш. III корпус Канробера уже накануне отправил на север свою артиллерию, кавалерию, обозы и верховых лошадей, а пехота на 60-километровом участке Понтекурон—Казале была перевезена по железной дороге. На дивизию давалось по 4 поезда.

Маневр был подготовлен вторжением Гарибальди, который 20 мая двинулся в обход австрийцев с севера, вдоль швейцарской границы. Появление Гарибальди вызвало движение в тылу австрийцев; молва преувеличивала его силы; много добровольцев вливались в ряды Гарибальди, которому удалось прорваться до Комо. Только к 30 мая Урбан собрал все свои силы (11 тыс.) и перешел в наступление против Гарибальди. Последний был оттеснен на высокие горы у самой границы Швейцарии, к северу от Варезе; австрийцы не рискнули последовать за его альпийскими стрелками в эти трущобы, а Гарибальди поостерегся перейти швейцарскую границу и был выручен успехом французов при Мадженте 4 июня.

Сардинская армия, активно прикрывая фланговый марш главных сил французов, переправилась через Сесию и потеснила 30 мая у Палестро австрийскую бригаду. Но австрийский главнокомандующий продолжал быть убежденным, что и Гарибальди, и атаки сардинцев представляют только демонстрацию. Даже неудача 31 мая четырех австрийских бригад, стремившихся произвести «рекогносцировку» у Палестро и натолкнувшихся, кроме всей сардинской армии, и на французов, не раскрыла Гиулаю глаза. Только 1 июня, когда все силы франко-сардинской армии собрались у Новара и Палестро, Гиулай понял, что совершается обход его правого фланга. Ввиду полуторного превосходства противника Гиулай признал попытку атаки сосредоточившихся сил обходящего неприятеля уже запоздалой и приказал армии отойти за пограничную р. Тичино; оттяжка решительного столкновения на несколько дней являлась выгодной для австрийцев и потому, что в Милан начал прибывать I корпус, и потому, что уже сосредоточился на р. По, между Павией и Пьяченцой, IX корпус, что усиливало австрийскую армию на 35%. I корпус получил приказание занять на железной дороге переправу через р. Тичино.

2-го и 3 июня Наполеон III ожидал атаки австрийцев и поэтому очень нерешительно продвигал войска к переправам через р. Тичино на направлении к Турбиго и Мадженте.


УРБАН
ГАЛЛАРАТЕ
С
Ю
р. Тичино
ТУРБИГО
МАК-МАГОН
САРДИНЦЫ
НОВАРА
ГАЛЛИАТЕ
IV
III
С. МАРТИНО
II и ½ I
БОФАЛОРА
РЕЗ.КАВ
½ I
КОРБЕТА
МАДЖЕНТА
СТАР.МОСТ
VII
из Верчели
ОЛЕНГО
I
ГВ.ДИВ
РОБЕКО
АБИАТЕГРАСО
III
канал Навиглио Гранде
в Верону
МИЛАН
ВИГЕВАНО
V
ФАЛАВЕЧИЯ
р. Тичино
МОРТАРА
VIII
БЕРЕГАРДО
ПАВИЯ
ВАКАРИЦА
IX
р. По
10 8 6 4 2 0
0 КМ

Черт. 5. Маджентская операция.

К утру 4 июня австрийцы занимали следующее положение: I корпус, имея на Тичино только одну дивизию, оставил предмостное укрепление у С.-Мартино и отошел за канал Навиглио-Гранде. Другая его дивизия только собиралась в Милане. Через мост у Вигевано отошли за Тичино три корпуса; II корпус достиг Мадженты, III корпус расположился в Абиатеграссо, VII—несколько восточнее промежутка между II и III корпусами. Через мост у Берегардо отошли V и VIII корпуса и протянулись от этой переправы до района Фалавечиа. IX корпус, находившийся на р. По у Пьяченцы и Вакарица, против Страдельской теснины, был задержан слухами о революционных выступлениях и демонстрациями войск, оставленных Наполеоном III на своих сообщениях. Резервная кавалерия армии (17 эскадр.) находилась к востоку от Мадженты, у Корбето. Дивизия Урбана, оставив позади себя Гарибальди, направлялась к Галарате. Войска, совершившие накануне тяжелые переходы в длинных походных колоннах, должны были к 8 часам утра быть готовыми к продолжению движения в северном направлении. Гиулай имел ввиду ликвидировать перешедшую через Тичино у Турбиго группу французов.

Союзники располагались так: II корпус и одна гвардейская дивизия под общей командой Мак-Магона—у Турбиго; другая гвардейская дивизия у С.-Мартино обеспечивала постройку переправ через Тичино. Так как у Мадженты Наполеон III рассчитывал встретить только слабые силы австрийцев, то 4 июня намечалось собрать гвардию у Бофалоры, а II корпус продвинуть к Мадженте. III и IV корпуса ночевали у Новары и должны были продвинуться: III—к С.-Мартино, IV—к Трескате. I корпус, правофланговый, должен был оставаться у Оленго. Сардинские войска собрались, а частью еще подтягивались к Галиате; они образовывали общий резерв и у Турбиго должны были сменить войска Мак-Магона. Таким образом, Наполеон III имел в виду 4 июня собрать свою армию фронтом на юг, по обе стороны р. Тичино. На сообщениях с Генуей были оставлены 1 французская дивизия (из корпуса принца Наполеона) и 1 сардинская дивизия, которые демонстрациями отвлекали от себя внимание IX австрийского корпуса.

Затруднительность кавалерийской разведки оставляла обе стороны в неведении о противнике; обе стороны не рассчитывали раньше 5 июня вступить в серьезный бой с неприятелем; Наполеон III оставался еще в нерешительности, на каком берегу Тичино ему предстоит встретить главные силы неприятеля.

Из создавшегося положения вытекло сражение 4 июня при Мадженте, в котором мы можем рассмотреть некоторые характерные черты встречного сражения. Хотя колонны корпусов были еще не глубоки, но им приходилось следовать одним за другим; особенно глубоко были эшелонированы австрийские корпуса вдоль р. Тичино. Но и III и IV французским корпусам приходилось следовать по одной дороге, притом забитой обозом гвардии и понтонных батальонов. Развертывание обеих сторон происходило крайне медленно, и до глубокого вечера ни одна из них не смогла ввести в бой и половины своих сил. Отсутствие всякого обзора в районе боев крайне затрудняло централизацию управления и открывало широкий простор инициативе частных начальников.

Существенную тактическую роль в этом сражении играл канал Навиглио-Грандо. К западу от Мадженты он представлял выемку, глубиной 10—13 метров, с очень крутыми берегами, местами представлявшими отвесную каменную стенку; глубина воды в канале достигала почти 2 метров, при ширине русла свыше 8 метров; течение было быстрое. Это было почти непроходимое в условиях полевого боя препятствие. Через него имелось 4 моста: у Бофалоры, новый Маджентский мост на шоссе, железнодорожный мост и старый Маджентский мост. Командир I австрийского корпуса, готовясь к наступлению на Турбиго, уже накануне сражения отдал приказ уничтожить все мосты для обеспечения своего фланга. Слабые мосты—у Бофалоры и старый Маджентский—были действительно уничтожены. Что же касается до прочных шоссейного и железнодорожного, то для их взрыва был затребован порох, но приготовления к взрыву не были закончены. Пехота I корпуса расположилась поэтому перед самыми мостами, на высотах, обрывающихся в долину Тичино.

В 8 часов утра гвардейская дивизия Мелинэ, переправившись у С.-Мартино через Тичино, начала движение к Навиглио-Гранде. Несколько пушечных выстрелов австрийцев убедили Наполеона III, что фронтальная атака через канал будет затруднительна, что противник, повидимому, сильнее, чем предполагалось; Наполеон III приостановил движение Мелинэ, выжидая появления Мак-Магона; последнему в Турбиго был послан приказ ускорить наступление.

Мак-Магон выступил в 9 часов утра; часть его сил задерживалась у Турбиго в ожидании сардинцев, которые должны были его поддержать и прикрыть его сообщения у Турбиго со стороны Урбана; а сардинцы, задержанные различными недоразумениями, появились с большим запозданием. Около 12 часов дня головная дивизия Мак-Магона обнаружила против себя сторожевое охранение австрийцев и начала развертываться у Казате; две французские батареи открыли оживленный огонь. Авангардный полк алжирских стрелков, преследуя австрийские заставы, вопреки приказу Мак-Магона, бросился на Бофалору, но был отражен. Мак-Магон приостановил наступление своих войск вплоть до окончания систематического развертывания его трех дивизий и подхода одной сардинской дивизии, что затянулось до 16 час. дня.

Наполеон III, заслышав после полудня пушечные выстрелы Мак-Магона за Бофалорой, приказал гвардейской дивизии Мелине возобновить наступление. Хотя все внимание графа Клам-Галасса, комкора I, объединявшего командование и II корпусом, было обращено не на Мак-Магона, которого ему было поручено атаковать, а на оборону Навиглио-Гранде, все же дивизии Мелине, атаковавшей на широком фронте от Бофалоры до старого Маджентского моста всюду удалось сбить венгров I корпуса, овладеть западным берегом Навиглио-Гранде и перебежать на плечах австрийцев через шоссейный и железнодорожный мосты, занять и приспособить к обороне ближайшие дома; французы начали распространяться и дальше, но в 14 час. 30 мин. дивизия Рейшаха (VII корпуса) стремительным ударом отбросила их к мостам и за канал. Другая дивизия VII корпуса и резервная кавалерия, к востоку от Мадженты, оставались в бездействии втечение всего сражения.

Гиулай не имел оснований рассчитывать на вступление в этот день в бой V и VIII корпусов, которым предстояло еще совершить предварительно переход; тем не менее он не попытался около полудня отвести I, II, VII корпуса из района Мадженты, где им приходилось выдерживать бой хотя и на сильной позиции, но на два фронта. Он обратил внимание на то, что французы, атакующие Навиглио-Гранде, подставляют ему свой правый фланг, и приказал III корпусу, от Робекко, ударить во фланг французам вдоль канала, главным образом, по западному его берегу. III австрийский корпус успешно вступил в бой около 15 час., однако успел развернуть достаточные силы только к 16 часам. Между тем, к С.-Мартино начали подходить части III и IV корпуса. Одна дивизия последнего вклинилась между авангардом III корпуса и его главными силами; голова их поспела как раз во-время, чтобы у старого Мадженського моста встретить фланговый удар австрийцев. Австрийцам удалось было приблизиться к железной дороге, но затем они были оттеснены за старый Мадженский мост. Бой продолжался до ночи с переменным успехом. С 17 ч. 30 мин. начал подходить V австрийский корпус; головные его части успешно вступили в бой.

К 16 часам Мак-Магон изготовился к переходу в наступление. Комкор австрийского II, видя угрожаемое положение австрийской бригады, занимавшей в остром углу фронта Бофалору, начал отводить ее назад. Наступление Мак-Магона встретило слабый и неустроенный фронт австрийцев; к 18 часам они были оттеснены к Мадженте; Мак-Магон медленно наступал на селение с севера и запада, установив, после разрыва связи втечение всего дня, связь с французскими частями, вновь теперь перешедшими через канал. Гиулай хотел отложить решительный бой на завтра и, прибыв в с. Маджента, приказал австрийцам отойти к югу от него. Но прежде чем это приказание могло быть исполнено, Маджента была атакована. 2 часа продолжался упорный бой за обширное селение Маджента, где перемешались две дивизии II австрийского корпуса, по одной I и VII, одна бригада III корпуса. К 20 часам французы утвердились в селении, и бой затих. Свежие австрийские резервы, имевшиеся вне селения, вследствие решения Гиулая, в бой не вступили.

Из общей массы в 160 тыс. солдат, которой к этому времени располагала на театре военных действий каждая из сторон, успело принять в бою участие, примерно, по 60 тыс. Французы потеряли 4 100 убитых и раненых, австрийцы—5 700; но потери австрийцев пленными—главным образом засевшими в домах Мадженты—превышали потери союзников в 7 раз—4 500 и 655. Огромные свежие резервы оставались в наличии у обеих сторон. Гиулай предполагал на другой день возобновить сражение, но войска II и I корпусов временно потеряли всякую боеспособность. I корпус имел слабый состав, всего по 90 человек в ротах, к тому же состоял на одну треть из новобранцев, не успел осмотреться в Италии, прямо из поездов попал в ожесточенный бой и потерпел сильнейшее духовное потрясение.

Часть венгров I корпуса и хорватов II корпуса бросила в Мадженте ружья и, отбившись от своих частей, ушла в Милан. Комкор I Клам-Галасс доносил: «Наступление будет совершенно невыполнимо, оно приведет к полному разрушению армии. Войска находятся в состоянии такого распада, что нельзя собрать ни роты, не говоря уже о батальоне. Потребуется для этого несколько дней... Единственное средство спасти армию—отступить возможно скорее». Этот доклад подорвал доверие Гиулая к своим войскам; на австрийское командование, сверх того, гнетущее впечатление производили агентурные донесения о готовящемся восстании в Милане. Сражение, которое начинают считать проигранным, действительно проиграно. Австрийцы начали отступление к р. Минчио и эвакуировали всю Ломбардию. Французы оставались 5 июня в оборонительном положении и не преследовали. Отсутствие связи [1] с Мак-Магоном втечение сражения и критические минуты на правом фланге гвардейской дивизии Мелине, когда у Наполеона III не было налицо резервов, чтобы парировать нависший удар австрийцев, произвели на вождя французов сильнейшее впечатление. Большие потери французов в командном составе в упорных схватках в сел. Маджента не позволили Мак-Магону сразу же оценить крупный успех, одержанный им. Первые донесения из Мадженты звучали пессимистически. Только к полудню на другой день французы выяснили, что в селении брошено до 15 тыс. австрийских винтовок, и что здесь разбиты два австрийских корпуса.

Маджента начинает особый период военного искусства, когда бои получают преимущественно встречный характер. Всякая теория встречного боя в ту эпоху отсутствовала; последний находился в «диком» состоянии; решение выпадало из рук высшего командования; огромное значение получала инициатива начальников отделных колонн.

Трудное положение, в котором оказалась французская атака на Навиглио-Грандо, во многом зависело от 3½-часового перерыва, который был сделан Мак-Магоном между завязкой боя и решительной атакой. Мак-Магон избегал последовательно вводить в бой подходящие части, и предпочел сначала классически развернуть все свои силы, а затем продвигать их в развернутом боевом порядке, который приходилось часто сворачивать в походные колонны для прохождения преград и вновь развертывать, что крайне задерживало наступление. Он предоставил, таким образом, австрийцам втечение долгого времени сосредоточивать все свои усилия против французов, дебушировавших со стороны С.-Мартино. III и IV французские корпуса, поддерживавшие дивизию Мелине, уже не смогли действовать таким путем и должны были вступать в бой последовательными частями, непосредственно из походной колонны.

---

[1] Это отсутствие связи, неимение Мак-Магоном сведений о том, что происходит в главных силах, так красочно описано лейб-историком Второй империи Базанкуром: „Генерал догадывается об обстановке по интуиции... облака, плывущие над его головой, приносят ему новости“. (Базанкур, т. I, стр. 144).

Численное превосходство, до начала решительной атаки Мак-Магона, находилось на стороне австрийцев. Вместо того, однако, чтобы двинуть все наличные силы немедленно в бой, предоставив роль резервов подтягивающимся далее к полю сражения колоннам, австрийцы сохранили крупные части к востоку от Мадженты для обеспечения сообщений с Миланом (дивизия VII корпуса, резервн. кавал.). Ни вести, ни прервать начавшийся встречный бой австрийское командование не сумело.

Сольферино. Австрийская армия отступила южными путями, через Пичигетоне, за реки Киезу и Минчио. VIII корпус, составляя боковой арьергард, отошел через Лоди. Соприкосновение с французами было утрачено. Последние лишь при Меленьяно не слишком успешно атаковали арьергардную бригаду VIII корпуса. Связанные железной дорогой, союзники медленно наступали сосредоточенной массой по северному направлению, на Милан и Бресчию. Гарибальди, поддержанный одной сардинской дивизией, направился против границ Тироля, севернее озера Гарда. На усиление главных сил французов сейчас же после Мадженты был вызван из Флоренции принц Наполеон с французской и тосканской дивизиями (18 тыс.); другая французская дивизия (Отемара) V корпуса принца Наполеона, обеспечивавшая в момент сражения при Мадженте сообщения главных сил, направлялась на Пьяченцу на соединение с ним. Принц Наполеон лишь 25 июня, на следующий день после Сольферино, достиг своими передовыми частями г. Пармы; но предшествующее ему революционное движение успело охватить весь правый берег р. По; агентурные донесения преувеличивали силы принца Наполеона и говорили о быстром марше его в обход австрийцев с юга.

Австрийские войска, после нескольких колебаний между р. Киезой и Минчио, отошли 21 июня за р. Минчио. Они были усилены X корпусом, XI корпусом, частями VI корпуса. 16 июня Гиулай был смещен [1], и в командование вступил император Франц-Иосиф. Войска были разделены на две армии: первую, из трех корпусов, 67-тыс.—генерала Вимпфена, и вторую, из четырех корпусов, 90-тыс.—генерала Шлика. Вместе с общим артиллерийским резервом численность австрийцев достигала 160 тыс. 78 австрийских батарей были сгруппированы так: арт. резерв 1-й армии—3 батареи, 2-й армии—14 батарей; всего в 1-й армии 29 батарей, во 2-й армии—49 батарей. Вторая армия являлась основной армией, предназначенной для действий в Италии, и, как видно, была гораздо лучше обеспечена, особенно артиллерией, чем первая армия, сформированная дополнительно, развернутая на левом крыле, на равнинной местности и, однако, предназначавшаяся действовать наступательно.

Австрийское командование опасалось движения принца Наполеона из Тосканы к нижнему течению р. По. Чрезвычайно опасным для австрийцев являлось революционное брожение в их тылу, в Венецианской области; вспышка там революции поставила бы их армии на р. Минчио в очень трудное положение. Перед Венецией крейсировали французские военные суда. Поэтому австрийское командование выделило значительные силы для обороны р. По: X корпус—на нижнее течение реки, южнее Леньяго, а II корпус (свернутый в одну дивизию Иелачича)—в район Мантуи. Три полевых батальона и четвертые (запасные) батальоны из Ломбардии образовывали гарнизоны крепостей. Большая часть VI корпуса была задержана для обороны тирольских проходов против Гарибальди.

Отвлечение 40 тыс. полевых войск, допущенное австрийцами, являлось тем более нежелательным, что император Франц-Иосиф пришел к правильному заключению, что только победа в поле над французской армией может позволить ему справиться с революционным движением в его итальянских владениях, что Пруссия окажет лишь корыстную поддержку, за которую придется дорого заплатить, что более 3/4 всех его вооруженных сил уже стянуты в

---

[1] Не желая покидать театра войны, бывший главнокомандующий отправился в полк, где он был шефом, командовать батальоном.

Италию, что нельзя больше оголять от войск Венгрию и русскую границу [1], что финансовое положение Австрии и брожение в глубоком тылу не позволяют затягивать далее войны; что все, одним словом, говорит за то, чтобы поставить решение участи всей войны на карту одного сражения. Австрийцы перешли на сокрушение, но двинули в решительный бой только 147 тыс., тогда как могли бы сосредоточить до 185 тыс. Таким образом, столкновение произошло почти в равных силах с обеих сторон, так как главные силы союзников, наступавшие южнее озера Гарда, насчитывали 100 тыс. французов и 40 тыс. сардинцев (всего 140 тыс.).

Австрийцы предполагали перейти в наступление 24 июня, но так как были получены сведения о том, что союзники перешли некоторыми частями через Киезу, то, чтобы не быть в необходимости брать с боя трудную местность на западном берегу Минчио, движение вперед началось 23 июня. Австрийцы ночевали: 2-я армия—VIII корпус в Поцоленго; V корпус—в Сольферино; I корпус—в Кавриано; VII корпус, в резерве,—около Вольта; 1-я армия—III корпус—в Гвидицоло, IX корпус—в Гвидицоло и Робеко; резервная кавалерия, обычно державшаяся позади, выдвинулась—к Медоле и Кастель Годфредо; XI корпус—в армейском резерве—Кастель Гримальдо и Черлунго. Так как обозы могли подойти только к утру, а войска сидели без продовольствия, то выступление 24 июня было назначено на 9 час. утра, после того как войска получат горячую пищу. Так как у французов накануне была дневка, то немногочисленные австрийские разъезды могли только констатировать, что противник не обнаруживает стремления двигаться вперед, что Лонато и Кастильоне заняты довольно сильными пехотными частями. Австрийское командование предполагало 24 июня одержать верх над передовыми частями французов. Решительное столкновение ожидалось не раньше, чем через день. К решительному моменту австрийцы предполагали подтянуть еще две дивизии: дивизия Иелачича была направлена из Мантуи к Маркариа с тем, чтобы затем следовать к главной армии, если на р. Ольо не будут обнаружены французы; одна из дивизий X корпуса подтягивалась с нижнего течения р. По, но к вечеру 24 июня успела достигнуть только Мантуи.

---

[1] В пути находился еще IV австрийский корпус. Внутри государства находились еще массы кавалерии, являвшиеся бесполезными в Италии. Два из вновь формируемых корпусов охраняли побережье Адриатического моря, куда Наполеон III демонстративно подготовлял десантную экспедицию.

24 июня вторая австрийская армия должна была наступать с целью занятия сильного фронта Лонато-Кастильоне, а первая армия—наступать на Карпенедоло. Армия должна была совершить небольшой переход—от 7 до 12 километров, имея в виду, что конечные пункты придется занимать с боя; 1-я армия на равнине совершала несколько охватывающее движение против союзников, которые в гористом районе пытались бы удержаться против 2-й армии. За исключением VIII корпуса, каждая из армий должна была наступать в одной колонне, силой в три корпуса: порядок следования 2-й армии: V, I, VII корпуса. Порядок следования 1-й армии: III, IX, XI корпуса. Такая группировка, намеченная для марша, объяснялась недоверием новых командармов к способности своих комкоров распорядиться соответственно обстановке и стремлением их сохранить жесткое управление, чтобы воспрепятствовать анархическому развитию боев.

Союзники достигли 22 июня фронта Дезенцано—Кастильоне—Карпенедоло и 23 июня имели дневку. Наполеон III имел сведения о занятии австрийцами позиции за р. Минчио; разведка 23 июня была организована посредством выдвижения отдельных пехотных полков, так как кавалерию берегли для сражения; она выяснила, что Сольферино, Кавриана, Гвидицоло и Медоле заняты сильными отрядами, тысяч по шести, и что на р. Минчио сильное движение [1]. Однако, Наполеон III не мог притти к заключению, что австрийцы собираются брать с бою позиции, добровольно очищенные несколькими днями ранее, и предположил, что австрийцы лишь хотят установить соприкосновение с французами своими передовыми частями. Таким образом, две армии ночевали друг перед другом, не подозревая этого; между II французским корпусом и V австрийским в Сольферино расстояние было всего в 6½ *км*, сторожевые части стояли почти вплотную.

---

[1] Наполеон III придавал огромное значение технике; накануне Сольферино для разведки на левом крыле был использован привязной аэростат воздухоплавателя Годара; последний сообщил, что в районе Поцоленго никого нет, за исключением одиночных людей. Между тем там собирался VIII корпус. Эта неудача воздухоплавания надолго задержала его распространение в армиях.

На 24 июня Наполеон III назначил дальнейшее наступление к р. Минчио. Переходы были назначены не свыше 14 *км.*

Чтобы избегнуть дневного зноя, французы выступили в 3 часа утра. Это привело к тому, что австрийцы были атакованы в пунктах их ночлега. I французский корпус направлялся от Эзента к Сольферино; II корпус—от Кастильоне на Кавриано; IV корпус (с двумя кав. дивиз.)—из Карпенедоло через Медоле в Гвидицоло; III корпус (отдавший свою кав. дивиз. IV корпусу)—уступом за правым крылом, через переправу у Визано на Кастель Годфредо и Медоле. Гвардейский корпус—общий резерв за центром—направлялся из Монтекиаре в Кастильоне. 4 пьемонтские дивизии направлялись на левом фланге различными дорогами, в общем направлении на Поцоленго.

Из указанных решений обеих сторон вытекло сражение при Сольферино. Так как французы выступили очень рано и около 6 час. утра ввязались уже в сильный бой, а австрийцы собирались выступить, накормив солдат горячей пищей, только в 9 час. утра, то инициатива была захвачена французами. Сражение это, однако, не имело характера наступления одной стороны на изготовившегося к обороне противника: австрийцы приняли бой в занимаемом глубоком расположении с целью перехода в наступление после развертывания находившихся позади корпусов; обе стороны развертывались в бой или из походных колонн, или из растянутого вдоль двух основных путей расположения на ночлег; по характеру управления мы должны признать это сражение типичным встречным столкновением; диспозиций для боя с обеих сторон отдано не было.

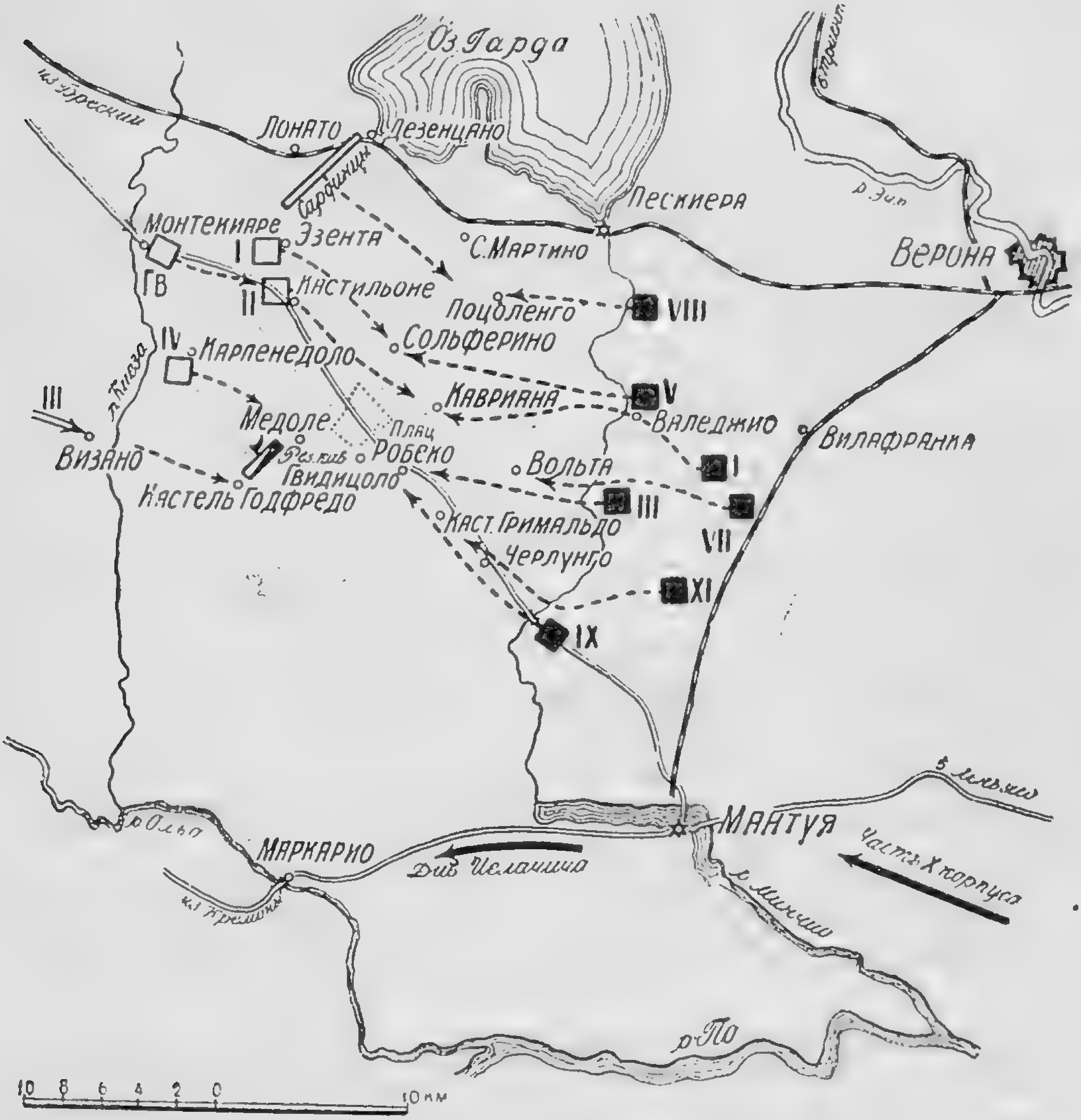
Сражение разбилось на три отдельных очага боев. На северном участке VIII австрийский корпус генерала Бенедека встретил у Поцоленго наступление авангардов двух сардинских дивизий, опрокинул их, двинулся до С.-Мартино и здесь с 9 час. утра до вечера успешно отражал яростные, но разрозненные атаки сардинцев. Одна их дивизия (Фанти), находившаяся в резерве, уклонилась по просьбе Наполеона III на юг, к французам, для содействия им у Сольферино, но с пути была возвращена к Поцоленго. Горная местность препятствовала свертыванию колонн непосредственно на выстрелы; резервная дивизия прибыла к С.-Мартино лишь поздно вечером. Большое удаление от главных сил, на котором наступали слабые (2 батальона, 1 батарея) авангарды сардинских дивизий, и выделение целого ряда разведывательных отрядов содействовали распылению усилий сардинцев. Ожесточенные схватки у С.-Мартино являлись, однако, лишь отдельным эпизодом, не повлиявшим на судьбу сражения.

Второй очаг боев развернулся близ Сольферино. Линия Кастильоне—Сольферино—Вольта делила все поле сражения на две части, совершенно различные по характеру местности. Севернее местность представляла нагромождение крутых холмов; узкие долины чередовались с обрывистыми гребнями, ширина коих по верху измерялась лишь десятками шагов; южнее местность представляла лишенную каких-либо складок равнину. На шоссе Гвидицоло—Кастильоне, приблизительно на линии Медоло и Сольферино, эта равнина представляла совершенно оголенный плац площадью около 7 *кв. км*,—здесь помещался лагерь австрийских войск, обычно квартировавших в Италии. Вдоль края холмов наступал I французский корпус Барагэ д'Илье, который натолкнулся уже около 5 часов утра, в двух километрах от своей стоянки в Кастильоне, на охранение V австрийского корпуса. Австрийцы стянулись к Сольферино, и здесь упорно оборонялись до полудня, имея достаточные силы для защиты весьма стесненных подступов к Сольферино с запада. Развившиеся здесь бои могли бы получить быстрое решение лишь посредством широкого охвата на равнине. Но осторожный Мак-Магон, наступавший южнее Барагэ д'Илье по шоссе, сбив охранение III австрийского корпуса, остановился, не вылезая на оголенный лагерный плац, на одной высоте с I корпусом, приступил к систематическому развертыванию своих войск и обратился к командиру IV французского корпуса генералу Ниэлю с просьбой скорее выдвинуться и обеспечить его справа.

Около 11 часов за правым флангом I французского корпуса начала развертываться гвардия. Находившийся здесь Наполеон III оценивал свое положение на флангах, как не дающее основания рассчитывать на успех, и решил разбить и прорвать австрийский центр. Он нашел в себе решимость во-время израсходовать свой резерв—гвардию. Гвардейский корпус около полудня был двинут в промежуток между I и II корпусами на Сольферино.

V австрийский корпус, оспаривавший каждую пядь территории, был к полудню уже сильно истощен. На помощь ему направлялись слабые части I австрийского корпуса, еще не оправившиеся от поражения у Мадженты, и VII корпус. Одна дивизия последнего первоначально взяла южное направление, была свернута на участок своей армии и опоздала к развязке у Сольферино.

Первыми прибыли к Сольферино части I австрийского корпуса. Вместо того, чтобы помочь V австрийскому корпусу, уже 8 часов находившемуся в сильном бою, развертыванием свежих сил на его флангах и влитием поддержек, австрийцы затеяли смену усталых частей V корпуса и вывод их с боя. Эта смена совпала с решительной атакой I французского корпуса, поддержанного гвардией. Венгерцы I корпуса были сбиты. VII австрийский корпус, к которому котлы и продовольствие были подвезены только в 3 часа утра, до 10 часов задержался, чтобы получить горячую


Оз. Гарда
из Брешии
Лонато
Дезенцано
Сардинцы
Пескиера
Верона
р. Эч
С. Мартино
Монтекиаре
Эзента
I
ГВ
II
Кястильоне
Поццоленго
VIII
Сольферино
IV
Карпенедоло
р. Кьеза
V
Кавриана
Валеджио
III
Медоле
Плац
Вилафранка
Визано
Рез. кав
Робеко
Вольта
I
Гвидицоло
VII
III
Кястель Годфредо
Каст. Гримальдо
Черлунго
XI
IX
р. Ольо
Маркарио
Див. Иеллачича
Мантуя
Часть X корпуса
р. Минчио
из Кремоны
р. По
10 8 6 4 2 0 10 км

Черт. 6. Сражение при Сальферино 24/VI 1859 г.

пищу, прогулялся затем в южном направлении и успел занять лишь к востоку от Сольферино ряд арьергардных позиций. С развитием французской атаки в ней принял выигрышное участие и корпус Мак-Магона.

Император Франц-Иосиф, находившийся близ Кавриана, был подавлен зрелищем отступления частей V и I корпусов; 2-я армия могла еще задерживать продвижение французов, но и в 1-й армии, долженствовавшей наступать, бои складывались не благоприятно; поэтому император приказал начать общее наступление за р. Минчио [1].

На третьем южном очаге боев австрийцы располагали значительным численным превосходством. Наполеон III получил известие (доклад извозчика из Мантуи) о выступлении II австрийского корпуса (дивизия Иелачича) из Мантуи, и ожидал удара с юга [2]. Поэтому он задержал уступом позади левофланговый III корпус Канробера; так как последний передал дивизию своей кавалерии IV корпусу Ниэля, то у него в распоряжении осталось только 12 кавалеристов; поэтому фланговый корпус не мог сам установить призрачность угрозы, о которой сообщал Наполеон III, и лишь далеко после полудня начал поддерживать IV корпус.

Первая задача, выпавшая на IV корпус, заключалась в оттеснении двух австрийских батальонов из Медоле. Находившаяся по соседству резервная австрийская конница вступила в бой, но дальний огонь нарезных французских орудий произвел на кавалерийских начальников такое впечатление, что конница около 6 часов утра начала отход и задержалась около 9 часов утра в Гоито, на р. Минчио, в значительном переходе позади поля сражения [3]. В дальнейшем IV французскому корпусу пришлось выбить из Робекко и оттеснить к Гвидицоло III австрийский корпус. Последний мог быть поддержан IX и XI корпусами, но в австрийской армии проявление частной инициативы не культивировалось; диспозиции для сражения отдано не было, и все выжидали приказаний. Командующий I армией генерал Вимпфен получил только в 10 час., через 5 часов после начала боя, устное приказание Франца Иосифа—выполнить движение армии, указанное накануне, и тем помочь атакованному неприятелем центру. В 12 час. генерал Вимпфен получил письменный приказ, уклонявший направление его движения несколько к северу—вместо Медоле вдоль шоссе на Кастильоне. Это направление приводило 1-ю австрийскую армию к атаке через лагерный плац. Предстояло пройти 2-3 километра по совершенно открытому пространству. Командир IV французского корпуса, инженер и будущий военный министр генерал Ниэль, выставил для обстрела его 42 пушки, и Мак Магон—24 пушки. По поводу наступления через этот лагерный плац Мольтке в своей истории кампании 1859 года замечает, что «для наступления не может быть поставлено более трудной задачи, чем прохождение через чистое ровное пространство».

---

[1] Официальная австрийская история сваливает ответственность за отступление на генерала Вимпфена, командарма 1, который будто бы написал императору в 14 часов донесение о том, что он дважды пытался переходить в наступление и израсходовал свои последние резервы, не имеет сил более удерживаться и уже распорядился об отходе всех своих корпусов.

[2] В действительности дивизия Иелачича встретила фуражировочную партию французов и, приняв ее за голову корпуса принца Наполеона, отошла в Мантую.

[3] Поведение вождей австрийской конницы (особенно генерала Лаунигена) весьма напоминает поведение вождей русской конницы в сражении под Гумбиненом в 1914 г. Однако, есть разница: тогда как Лаунинген был предан суду и, если не расстрелян, то все же приговорен к смертной казни, предательство русских кавалерийских гене-

Организация австрийского наступления в новом указанном направлении затянулась. IV французский корпус после полудня начал получать поддержку от Канробера. Бой получил здесь характер перемежающихся атак с обеих сторон. Австрийская артиллерия действовала изолированными батареями и даже взводами; серьезную артиллерийскую массу можно было бы создать лишь за счет привлечения находившегося поблизости и бездействовавшего артиллерийского резерва 2-й армии; но массирование артиллерии не входило еще в круг тактических идей австрийского командования. Австрийцам удалось достигнуть лишь очень скромных частных успехов. Ниэль удержался в занятом расположении. Так как австрийский центр уже давно находился в полном отступлении, то в 17 часов и Вимпфен отдал приказ об отходе своих войск.

Разразившийся в этот момент дождь прервал бой; французы нигде не преследовали. Под прикрытием арьергарда,

---

ралов осталось безнаказанным. Австрийцы имели некоторое утешение в блестящих действиях конницы полковника Эдельгейма в центре, прорвавшегося через фронт и задержавшего атакой подход французской гвардии.

остававшегося в Гвидицоло до 22 часов, австрийцы спокойно отошли. К утру австрийцы находились уже за р. Минчио, а затем сосредоточились в районе Вероны. Потеря в сражении под Сольферино были: у австрийцев—13 тыс. убитыми и ранеными, 9 тыс. пленными; у союзников—14 тыс. убитыми и ранеными, 3 тыс. пленными. Особенно крупные потери—20% своего состава—понес IV французский корпус, ведший упорный бой с численно превосходной 1-й австрийской армией. Из 78 австрийских батарей только 45 батарей приняли хотя бы небольшое участие в сражении.

Уже из сравнения потерь видно, что австрийские войска дрались с достаточным упорством, и что превосходство австрийского ружья уравновешивало превосходство французских пушек. Это встречное сражение было проиграно австрийцами преимущественно вследствие недостатков управления и вытекавшего из него нагромождения корпусов в глубину. 8 часов V австрийский корпус (всего 13 тыс.) отбивал в центре атаки полуторных сил французов, выигрывая тем драгоценное время для маневра—перехода левого крыла австрийцев в наступление. Но к последнему удалось подойти лишь спустя 9 часов после завязки боев, когда в сущности сражение уже было проиграно. Это опоздание австрийцев естественно вытекало из того, что корпуса, атакованные в первой линии, ограничивались тем, что сдерживали неприятеля своими передовыми частями, а корпуса, находившиеся позади, оставались на месте, ожидая указаний свыше. Верховному же командованию потребовалось 6—7 часов времени, чтобы прибыть на поле сражения, разобраться в обстановке и составить по донесениям о различных схватках в передовых частях представление о начавшемся сражении.

Стремление каждого австрийского начальника возможно дольше удерживать сильный резерв, подготовлять на случай неудачи тыловую позицию, вытекавшее из господствующей пессимистической оценки общего положения, задерживало вступление в бой австрийских масс, что являлось особенно гибельным в условиях встречного боя; боевая часть австрийцев, несмотря на некоторое численное превосходство последних, почти всегда количественно уступала боевой части французов; редкие цепи не позволяли полностью выявить превосходство австрийских ружей. Преувеличенная забота австрийцев о тыле и об обеспечении операции прежде всего отражала их боязнь революции и недостаточную волю к победе, вытекавшую из политического устройства Австрии.

Толкование опыта войны во Франции и Австрии. Через две недели после Сольферино военные действия закончились, так как продолжение их являлось невыгодным как для Франции, так и для Австрии. Любопытно, какое толкование в дальнейшем получил опыт этой кампании у обеих враждующих сторон.

Французские победы в Крыму и Италии явились в результате приложения их «алжирских» тактических методов: целые батальоны развертывались сразу в густую стрелковую цепь и с неподражаемым порывом устремлялись вперед. Отсутствие тактической дисциплины, известная анархия были характерны для ведения французами боя. Атака не могла быть никогда начата слишком рано или ведена слишком быстро. Наполеон III в начале кампании опасался, что скажется превосходство австрийского ружья, если французская пехота не будет стремиться скорее сблизиться с австрийской пехотой на близкие дистанции, и отдал армии приказ, в котором значилось: «новое оружие опасно только в том случае, если вы остаетесь на удалении от него»; этот приказ подлил еще масла в огонь. Основной лозунг боя был: «вперед, вперед». Всякие уставные формы должны были отступать на второй план перед индивидуальным чувством исполнителей.

Тогда как французские приемы вызывали восхищение у других армий, недостаточно с ними знакомых, они возбуждали глубокое сомнение среди французского высшего комсостава. Мы видели, как Мак-Магон в сражении при Мадженте и Сольферино боялся выпустить войска из своих рук, тщательно задерживал вступление в бой своего корпуса и искал в систематическом развертывании, «ученом маневрировании», и нацеливании боевого порядка противоядие анархическим приемам боя. После 1859 года на пост военного министра был призван Ниэль—талантливый военный инженер и неплохой командир корпуса в 1859 г. Ему не удалось добиться значительных результатов в области организационно-мобилизационной, но тактику французской армии он изменил коренным образом, изгнав анархию и установив инженерный распорядок Превосходство противника в чем-либо производит на войска всегда большее впечатление, чем свои собственные достижения. Встретившись в 1859 г. с лучшим австрийским ружьем, французы придали особенно важное значение вооружению пехоты. Ниэль перевооружил французскую армию превосходным ружьем Шаспо, заряжавшимся с казны, но, как техник, переоценил успехи техники и преподал в уставе следующий завет армии: «в настоящее время, при новом оружии, преимущество находится на стороне обороны». В 1868 г. во французской уставной комиссии считалось хорошим тоном видеть в тактике только отрасль искусства фортификации: тактика—это искусство насколько возможно дольше оставаться за закрытием и не подставлять себя под убийственный огонь неприятельских заряжающихся с казны ружей. Сущность тактического решения сводилась к выбору хорошей позиции; значение местности преувеличивалось до крайних пределов. Порыв и инициатива были похоронены, преклонение перед техникой привело к пассивности; понимание маневра утратилось. Борьба с тактической анархией, начатая Ниэлем, дала огромный перегиб в другую сторону.

Австрийская армия реагировала на опыт 1859 года совершенно иначе. Хорошее вооружение австрийской пехоты и начатки огневой тактики в ее уставах не привели к успеху; бурные атаки французов восторжествовали; отсюда в австрийском уставе 1862 года качествам пехотного ружья и огню пехоты придавалось второстепенное значение; центр тяжести переносился с ружья на штыки, воскрешалось положение: пуля—дура, штык—молодец; пехота подготовлялась в духе ударной тактики к атаке батальонными колоннами, следующими в 200—300 шагах за густой стрелковой цепью; так как колонны следовали в атаку безостановочно, то для стрелковой цепи не оставалось почти вовсе времени для подготовки атаки огнем. За это движение вспять от дивизионной к батальонной колонне[1] австрийцам пришлось дорого расплатиться в 1866 году. Артиллерийскому превосходству, которое в 1859 находилось на стороне французов, австрийцы придали большое значение; они перевооружили артиллерию нарезными пушками, заряжающимися с дула, как у победителей французов, и начали обучать свои батареи действовать не отдельными взводами, а массами в десятки и сотни орудий, сосредоточивающими свой огонь для решения одной задачи. В 1866 году австрийцы уже не забывали, как в 1859 году, свои артиллерийские резервы в тылу поля сражения.

---

[1] Любопытно проследить за этим извращением тактической мысли, доходящим до полного ослепления, по австрийским трудам: A. von Molinari. Studien über die Operationen und die Tactique der Franzosen im Flldzug 1859 (Wien—1864) и по изданию 1865 г. распространеннейшего учебника тактики: v. Waldstätten. Taktik.

В организационном отношении бросаются в глаза невыгоды, сложившиеся для австрийцев вследствие разделения их войск в сражении при Сольферино на две армии; в центре, на стыке обеих армий, как раз и состоялся прорыв французов; лишняя инстанция между верховным командованием и корпусами задерживала передачу донесений и приказов; первая армия оставила на стыке открытый участок, не помогла обороне Сольферино и слишком поздно перешла в наступление для поддержки второй армии; VII и XI корпуса—армейские резервы 2-й и 1-й армий—были израсходованы порознь на достижение различных целей, вместо того, чтобы объединиться для нанесения на равнине решительного удара. Все эти замечания Мольтке сделал уже в 1862 году, в своем печатном труде по кампании 1859 года. Верность их неоспорима. Но тогда как Мольтке отсюда сделал вывод о необходимости перехода от приказного к директивному управлению, и сохранил деление прусских войск, действующих на одном театре, на несколько армий, австрийцы приняли его слова за чистую монету [1], признали свой грех против наполеоновского принципа—иметь на одном театре военных действий только одну армию—и в 1866 году объединили под начальством Бенедека на Богемском театре 8 армейских корпусов, сверх того армейский арт. резерв и 4 кав. дивизии; управление такой массой вызвало трения несомненно большие тех, которые были бы вызваны делением ее на две или несколько армий.

Так различно были поняты воюющими новые условия поля сражения, в которых сказывалась новая техника вооружения. И во Франции, и особенно в Австрии, теория не пользовалась в армии большим почетом. Практике, опыту уделялось несравненно большее значение, чем теоретическим рассуждения. Но действительный опыт рождается только при критическом исследовании фактов. Практика, не освещенная критическим исследованием, дает нам лишь внешнее, поверхностное представление о причинах успехов и неудач, и наталкивает порой на чрезвычайно ошибочные выводы. Что же касается до встречного боя, как типичной формы новейших боевых столкновений, которую мы усматриваем теперь в событиях кампании 1859 года, то теоретической мысли потребовалось три десятилетия, чтобы в лице Шлихтинга отметить этот новый этап эволюции тактики и попытаться приспособить к нему уставы и курсы тактики.

---

[1] В действительности Мольтке являлся врагом корпусной организации и ратовал за упразднение корпусов с тем, чтобы некоторое количество дивизий объединялось непосредственно в руках командарма; это давало возможность избежать лишнюю инстанцию; командиры корпусов, имевшиеся в мирное время, должны были при мобилизации остаться в роли начальников территориальных корпусных округов. Прусский король не согласился с мнением Мольтке и оставил корпус, как оперативную единицу.

Кампания 1859 года засвидетельствовала превосходство французского солдата над австрийским. Конечно, для объяснения этого превосходства можно было указать на много различных данных; склонная к реакции военная мысль Европы обратила внимание на то, что тогда как Франция выдерживала 7-летний срок службы, Австрия фактически перед войной сократила действительную службу до 3-х лет. Отсюда, война была воспринята, как победа более долгого срока службы над более коротким. Опыт кампании 1859 г. толкнул и Пруссию на реформу 1860 года и переход от двух- к трехлетнему сроку службы.

Мы обращаем внимание на противоречивость толкования опыта войн Восточной и 1859 г., объясняемую во многом тем, что к уяснению опыта одной войны подходили без учета предшествовавшей эволюции.

ЛИТЕРАТУРА.

1) **Moltkes** Militärische Werke. III. Kriegsgeschichtliche Arbeiten. Dritter Teil. Der Italienische Feldzug des Jahres 1859. Berlin. 1904. Труд Мольтке по истории кампании 1859 года представляет классическое произведение, получившее самое широкое распространение. На русском языке имеется перевод Фельдмана со старого издания. Новое издание в полном собрании военных сочинений Мольтке, проредактированное военно-историческим отделением большого генерального штаба, имеет то преимущество, что сохраняя оригинальный текст второго издания 1863 года, оно в примечаниях отмечает ту массу неточностей, которые не могли не проскочить в работу Мольтке, предшествовавшую опубликованию всех документов и появлению австрийской официальной истории войны. Сравнение текста и примечаний чрезвычайно поучительно для лиц, готовящихся к работе по военной истории. Мольтке и без доступа к архивам воюющих съумел обрисовать важнейшие черты событий; его цифры чрезвычайно точны; очерк мобилизации и развертывания весьма любопытен; вся работа имеет громадное значение для стратегии и тактики, являясь проповедью новых взглядов; недостатки спешно напи-

санной истории Мольтке относятся преимущественно к установлению причинной связи между различными событиями, уловить которую современникам событий очень нелегко.

2) Studien zur Kriegsgeschichte und Taktik. Herausgegeben vom **Grossen Generalstabe.** Band VI. Heeresverpflegung. Berlin. 1913. 6-й том этюдов по военной истории и тактике большого прусского генерального штаба охватывает собой вопросы продовольствия войск в войнах Наполеона, русско-польской 1831 года, в итальянской кампании 1859 года, в богемской кампании 1866 года, во франко-прусской войне 1870—71 годов, в русско-турецкой войне 1877—78 гг., в русско-японской войне 1904—1905 гг.

3) **Hans Delbrück.** Geschichte der Kriegskunst. V Teil. Fortgesetzt von **Emil Daniels.** Zweites Buch. Вторая книжка продолжаемой Даниельсом истории военного искусства Дельбрюка представляет изложение фактической стороны событий войны 1859 г., любопытное по некоторым характеристикам и по внимательному учету влияния политики и в частности революционных течений на ход военных действий.

4) **Анри Дюнан.** Воспоминания о битве при Сольферино. Русский перев. Норман. С.-Петербург. 1904. Эта брошюра содержит воспоминания французского гражданского врача, оказавшегося на поле сражения под Сольферино и наблюдавшего отчаянное положение раненых. Крайне сокращенные тыловые учреждения обеих сторон не располагали ни медицинскими, ни транспортными средствами для оказания им помощи. Анри Дюнан помогал, как доброволец, и указывает, какую огромную роль может сыграть в деле помощи раненым добровольческая организация. Агитация Дюнана привела в 1864 году к заключению Женевской конвенции, которая дала права нейтральным лицам, ухаживающим за ранеными, и к основанию обществ Красного Креста. Русский перевод, вышедший в год русско-японской войны, спустя 40 с лишним лет после появления оригинала, очень плох.

5) **W. von Willisen.** Die Feldzüge der Jahre 1859 u 1866. Leipzig. 1866. Известный стратег, Вилизен, издал, как 4-ю часть своей „Теории большой войны", историю кампании 1859 и 1866 годов. „История" каждой из этих кампаний складывается у Вилизена из двух частей: первая — фактическое изложение событий по опубликованным впоследствии данным; вторая часть — критика событий и выводы — представляет статьи и письма, написанные Вилизеном во время самого хода событий. Такой способ изложения — совпадение замечаний и предположений Вилизена с действительным ходом кампании — должен убедить читателя в истинности положения стратегической теории Вилизена, ложащейся в основу его критики и пророчеств. Метод этот, на наш взгляд, заключает в себе нежелательный элемент хвастовства. Статьи Вилизена являются образцовыми для газетного обозревателя; Вилизену, конечно, нельзя отказать в глубоком понимании военного дела.

6) Официальные истории войны: Австрийского генерального штаба „Der Krieg in Italien 1859" три тома, Вена, 1872—1876 гг.; французского генерального штаба „Campagne de l'empereur Napoléon III en Italie" (Париж, 1860 г.); работа, изданная непосредственно после войны, уступает австрийской в точности. Острая критика

австрийского толкования, в труде **Bartels.** Der Krieg im Iahre 1859. Nach offiziellen Quellen nicht offiziell bearbeitet. Автор, бывший в 1859 году начальником штаба VII австрийского корпуса, лишен, по приговору офицерского суда чести, за смелую, резкую критику офицерского звания. Критика французского ведения войны — у **Alfred Duquet.** La guerre d'Italie и в труде — **Duc d'Almazon.** Campagne de 1859.

7) Лучшая характеристика австрийской армии в труде **Heinrich Friedjung.** Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland 1859 bis 1886. Штутгардт—1896. 2 тома. Образцовый, редко встречающийся военно-исторический труд гражданского историка, брызжущий знанием и талантом. Австрийский генеральный штаб эпохи пятидесятых и шестидесятых годов злобно, но правдиво очерчен в интересных мемуарах: **Wilhelm Ritter Gründorf von Zebegeny.** Memoiren eines österreichischen Generalstäblers. 1913.

Для изучения французской армии особую важность представляют: **Morand.** L'armèe selon la charte (эпоха Бурбонов); **duc d'Aumale.** Les institutions militaires de la France (эпоха июльской монархии); **Trochu.** L'armèe française en 1867 и того же автора Oeuvres posthumes (эпоха второй империи), и общий труд **Thoumas.** Les transformatios de l'armée française. Любопытнейшее значение имеет многотомный труд **Germain Bapst.** Le maréchal Canrobert. Souvenirs d'un siecle, изданный в 1910—1913 г.г. Бапст, французский посол в Копенгагене, по профессии историк, обработал воспоминания Канробера и его бумаги, проверив по всем доступным первоклассному историку материалам, и дополнил их многими фактическими данными. В результате получилась военная история Франции в XIX веке. Очень выпукло изложены войны второй Империи, в которых Канробер принимал самое видное участие, и даны блестящие характеристики французских генералов, в особенности Базена. Труд первоклассный.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Очерк гражданской войны в Соединенных Штатах

Соединенные Штаты в середине XIX века. — Демократы и республиканцы. — Политические условия войны.—Юг как театр войны.—Начало гражданской войны. — Вооруженные силы Юга. — Вооруженные силы Севера. — Хроника первых лет военных действий на Виргинском театре. — Гетисбургская операция.— Общие замечания.— Литература.

Соединенные Штаты в середине XIX века. При наличии огромных пространств свободной, плодородной земли, на которых каждый землепашец мог завести с небольшими издержками свое фермерское хозяйство, в Соединенных Штатах помещичье хозяйство, базирующееся на наемном труде, не имело данных для развития. Поэтому в северных штатах энергично развивалось крестьянское землевладение; промышленность в них группировалась преимущественно в штатах «Новой Англии», лежавших на побережьи Атлантического океана; промышленность работала исключительно на внутренний рынок, на котором путем покровительственных пошлин поддерживался высокий уровень цен, что позволяло уплачивать рабочим высокую заработную плату. Главный контингент рабочих доставляла европейская эмиграция; эмигранты, высадившись на побережьи, работали 2-3 года на фабриках, что было достаточно для накопления необходимых сбережений, и направлялись дальше на запад— основывать собственные фермы.

В наиболее южных штатах—Южной Каролине, Георгии, Алабаме—близкий к тропическому климат крайне затруднял непосредственную работу над землей выходцев из Европы и их потомков. Эти штаты являлись страной крупного землевладения, которое пользовалось трудом негров-рабов. Цена взрослого негра достигала 3-4 тысяч долларов, т. е. почти равнялась современной стоимости полудюжины тракторов; труд негра-раба обходился дорого, и он не окупил бы себя в сеявших злаки северных штатах; но южные штаты являлись мировыми монополистами по хлопку, возделывали сахарный тростник и табак, и эти ценные культуры оправдывали применение дорогого рабского труда. В расположенных несколько севернее штатах Виргинии, Северной Каролине, Тенесси, Кентукки труд белых успешно вытеснял труд негров, но эти штаты во многом сохраняли помещичий характер и разводили негров, как предмет экспорта на южные плантации. Все южные штаты были тесно связаны между собой в политическом и экономическом отношениях: поток европейской эмиграции в них не направлялся, так как условия труда в них были много хуже, чем в северных штатах; южные штаты эксплоатировались промышленностью Севера, сбывавшей в них свою дорогую продукцию; в южных штатах господствовал аристократический, помещичий строй.

Для обеспечения своих интересов южные штаты договорились, что число рабовладельческих штатов будет строго равняться числу свободных, что обеспечивало им половину мандатов в сенат, и что вопрос рабовладения представляет внутреннее дело каждого штата, и отнюдь не входит в компетенцию федеративного законодательства. Однако права каждого класса обеспечиваются только действительным соотношением сил, а не путем конституционного законодательства. А действительное соотношение сил быстро изменилось в пользу Севера: Северная Америка идет раструбом к северу; штаты, лежавшие южнее 36° северной широты, имели к западу несравненно меньше пространства для наращения себя новыми штатами, чем штаты, лежавшие по северную сторону этой границы, между Югом и Севером. Росту южных штатов препятствовала Мексика с ее латинской колонизацией и засушливые пустыни запада, пригодные только для скотоводства. В особенности равновесие нарушалось получаемым Севером потоком европейской эмиграции; за двадцатилетие перед войной эта эмиграция достигла 4 300 000 человек. В результате в момент гражданской войны по северную сторону фронта оказалось 23 миллиона белых, а по южную—только 5 миллионов белых.

Демократы и республиканцы. У власти находилась демократическая партия, ядро которой образовывали плантаторы-рабовладельцы Юга. Они привлекли к себе значительную часть финансистов, промышленников и интеллигенции Севера; за политическую поддержку южане расплачивались с Севером крайне обременительным для Юга согласием на высокие таможенные пошлины, растившие северную промышленность. Политика демократической партии характеризовалась, вопервых, расширительным толкованием свободы каждого штата решать свои дела посвоему и, вовторых, усилиями сохранить равенство между числом рабовладельческих и свободных штатов. С этой целью демократы начали войну с Мексикой, что позволило создать два новых южных шата (Техас и Новую Мексику), произвели рабовладельческий переворот в штате Канзас, нарушили соглашение о 36° северной широты и провозгласили рабовладельческим штат Небраска, лежавший севернее этой условленной границы, пытались оттягать у Испании остров Кубу, чтобы создать новый южный штат, и т. д.

Борьба рабовладельцев за сохранение равновесия толкала их, таким образом, к наступательным действиям во внешней и внутренней политике; однако время работало, очевидно, против Юга и должно было перенести власть на Север. Свободное крестьянство Севера было озлоблено наступательными попытками рабовладельцев и должно было оказать давление в сторону уничтожения рабского труда, конкурировавшего с трудом свободных хлебопашцев; промышленники Севера получали все более широкую политическую базу для захвата сырья Юга и опирающейся на повышение таможенных ставок эксплоатации Юга.

Отсюда у плантаторов Юга созрело решение: расколоть федерацию, в пределах которой политические и экономические интересы Юга приносились в жертву Северу. В своем стремлении образовать конфедерацию, самостоятельное государственное объединение южных штатов, они увлекли демократов-южан; но демократы-северяне, банкиры, промышленники, интеллигенты из старых американских фамилий, не могли последовать в этом решении за своими южными лидерами, так как раскол федерации резко противоречил их интересам и вел к потере обширного и выгодного внутреннего рынка. На президентских выборах 1860 г. демократическая партия раскололась: воинствующие южане собрали 848 тыс. голосов, крупный капитал Севера—1 375 тыс. голосов, промежуточная фракция—591 тыс. голосов. Этот раскол демократов позволил республиканцам, собравшим 1 866 тыс. голосов, провести в президенты своего кандидата—Авраама Линкольна.

Республиканская партия являлась представительницей весьма разнообразных интересов. В нее устремлялись «новые» люди, которым политическая карьера в рядах демократической партии была закрыта. Она искала опоры на Севере, улавливая в свои ряды поток европейской эмиграции, защищая интересы промышленности требованием усиления центральной власти и более тесного объединения федерации и придавала себе характер крестьянской партии, борющейся с помещичьим землевладением.

Политические условия войны. В отколовшихся южных штатах далеко не все разделяли взгляды плантаторов, но последним удалось установить твердую диктатуру, опиравшуюся на «рыцарей золотого круга», предшественников Ку-Кукс-Клана и современных фашистов; лица, заподозренные в равнодушии к политическим целям Юга, попросту убивались по приговору летучего митинга в придорожном кабаке. Гражданин умеренных взглядов мог спасти свою жизнь лишь поступлением добровольцем в армию Юга.

Политическому единству Юга противостояло разномыслие Севера. На конгрессе республиканская партия получила большинство лишь после отъезда депутатов-южан из Вашингтона. В северных штатах аппарат государственного управления, крупные газеты и банки находились в руках демократов. Последние на севере представляли две группы: меньшую часть образовывали «демократы мира», у которых симпатии к Югу брали перевес над интересами Севера; это были явные классовые соумышленники южан, саботировавшие войну, готовившие внутренние восстания, организовывавшие шпионаж в пользу Юга; более многочисленны вначале были «демократы войны», которые придавали первенствующее значение сохранению национального единства, и стремились вести войну, но лишь с ограниченной целью— заставить южан вернуться в лоно общей таможенной границы с Севером. Они резко возражали против всякого расширения целей войны путем вмешательства во внутренние дела южных штатов, в частности в вопрос о рабовладении.

Первые годы войны Линкольн должен был опираться на демократов войны, принять выдвинутую ими ограниченную цель войны, использовать демократов на высших командных постах в армии. Эти годы были затрачены на создание армии, флота и военной промышленности; на фронте удалось достигнуть лишь весьма умеренных успехов. Только постепенно и с трудом Линкольн освобождался от зависимости от демократов.

На третий год войны выяснился весь огромный масштаб напряжения, необходимого для победы над Югом. Приходилось потребовать от широких народных масс тяжелых жертв, чтобы продолжать войну с большим напряжением. Ограниченная цель войны эти массы не интересовала. Линкольн увидел в классовой ненависти крестьян и рабочих Севера крупную силу, единственно способную побороть политическую сплоченность южан, и перевел войну в русло классовой, гражданской борьбы.

Цели войны получили социальный характер: уничтожение господства помещиков, освобождение негров. В начале войны беглые негры, являвшиеся к североамериканским войскам, даже не освобождались, а только задерживались, как «военная контрабанда»: ведь труд негра-раба может быть использован для окопных и тыловых работ. Теперь же негры были признаны Линкольном свободными повсюду, они провоцировались к восстанию и погрому помещичьих имений, из них формировались негритянские дивизии.

Такое изменение ориентировки войны, конечно, было связано с полным разрывом со всеми демократами: теперь они единодушно боролись с Линкольном. Последний стал на путь террора: демократы-генералы были изгнаны из армии, невзирая на их военные заслуги, демократы-сановники—со своих гражданских постов, многие газеты были закрыты, установлена серьезная цензура, десятки тысяч подозрительных,—а подозрительными начинали становиться все, принадлежавшие к господствующим классам,—были заключены в тюрьму. В войска Севера вместо люмпен-пролетариата, вербовавшегося в первые годы войны, постепенно влились более сознательные рабочие и крестьяне. Военные действия получили жестокий, неумолимый характер: сжигались огромные склады хлопка—ценнейшее достояние Юга; в захваченных южных городах население уводилось в концентрационные лагери, общественные здания уничтожались; предпринимались особые операции для уничтожения помещичьих усадеб; вождь конницы северян, Шеридан, предприняв набег по долине реки Шенандоа, подсчитал, что ему удалось сжечь помещичьих усадеб на 37 миллионов долларов. Южане отвечали отчаянной партизанской войной, натравливанием индейцев, которые скальпировали фермеров Севера, взывали к европейским державам об интервенции в целях защиты социального порядка. Их сторонники в Нью-Йорке и других центрах вызывали недовольство войной в широких массах, провоцировали народные бунты, срывали попытки установления на Севере воинской повинности.

Силы Юга в неравной борьбе поддерживались надеждой на интервенцию европейских держав и на победу внутри северных штатов многочисленных демократов над республиканцами на новых президентских выборах 1864 года. Англия и Франция действительно были чрезвычайно заинтересованы в успехе южных штатов, крайне ценных поставщиков сырья; северные штаты стремились не допустить уничтожения своего привилегированного, в сравнении с Англией и Францией, положения на рынках южных штатов. Установленная Севером блокада Юга одновременно являлась и блокадой Англии, фабрики которой останавливались за недостатком хлопка. Но Англия и Франция в первые годы гражданской войны все откладывали свое вооруженное вмешательство в надежде, что южане сумеют сами отстоять свою независимость. Когда же во второй своей половине гражданская война получила резко враждебный классовый характер, вооруженное вмешательство в нее стало крайне затруднительным: северные штаты располагали уже значительными вооруженными силами на суше и на море, борьба с ними затянулась бы на долгое время; в европейском социалистическом движении они располагали могущественным союзником. Рабочие массы Англии, несмотря на обусловленную действиями Севера безработицу, целиком стояли за противодействие всякой попытке своего правительства напасть на северные штаты. Революционные, хотя и мелкобуржуазные, лозунги Линкольна нашли широкий отклик. «Не благоразумие английских правительственных классов, а оппозиция рабочего класса преступному безумию этих высших образованных классов спасла недавно Западную Европу от позора нового крестового похода ради поддержки и развития рабства по ту сторону океана»,—писал Карл Маркс в учредительном манифесте I Интернационала. К этому надо добавить, что Англию и Францию останавливали также глубокие противоречия среди европейских держав. В частности побежденная под Севастополем Россия заняла самостоятельную позицию и ознаменовала ее посылкой, в пику Англии и Франции, эскадры для приветствия северных штатов.

Выборы президента, происходившие в 1864 г. в атмосфере террора, позволили Линкольну собрать в северных штатах небольшой перевес голосов над демократами и оказаться избранным на новое четырехлетие. Дальнейшая борьба южан была лишена всяких шансов на успех, и сопротивление их быстро пошло на убыль. Действия Юга представляют в истории редкий пример войны, доведенной до крайности—полного истощения всех сил и средств.

Юг, как театр войны. Расчет на демократов Севера играл в борьбе южан такую довлеющую роль, что политика Юга должна была всемерно стремиться не облегчать задач, стоявших перед республиканской партией, переходом в наступление. Поэтому в разгоревшейся гражданской войне южане действовали преимущественно оборонительно, и театром военных действий являлась по преимуществу их территория.

Она протягивалась по параллели приблизительно на полторы тысячи километров и на тысячу километров по меридиану. Население достигало до 5-6 человек на кв. километр; таким образом, театр войны уступал в плотности населения, например, Белоруссии в 7-8 раз. Южные штаты представляли в своей средней и восточной части по преимуществу девственный лес, среди которого плантации образовывали только отдельные поляны; обработанная земля на востоке представляла лишь 15%; этот процент понижался к западу до 10%.

Население Юга делилось на три категории: землевладельцев-плантаторов (приблизительно 3%), белых несобственников, представлявших зависимую от первых клиентуру (приблизительно 52%), и негров-рабов (до 45%), непосредственно обрабатывающих землю. Города были ничтожны, за исключением Нового Орлеана, порта в устьи Миссисипи, обслуживавшего внешнюю торговлю и западной части северных штатов, имевшего 169 тыс. жителей; в восьми остальных крупнейших городах насчитывалось всего 219 тыс. населения [1].

95% чугуна выплавлялось в северных штатах и только 5%—в южных. Юг располагал только 24% национального дохода против 76% Севера. Произведения Юга представляли только экспортное сырье—хлопок, сахарный тростник, табак; с установлением блокады это сырье потеряло для Юга всякую ценность. В мирное время земледельческий Юг питался подвозом хлеба с Севера и с началом войны был обречен на голод. Кредит Юга, несмотря на займы, сделанные в Англии и Франции под блокированный хлопок, быстро пал: в то время, как бумажные деньги Севера через 2 года упала в цене на 130%, а через 3 года—на 185%, а затем начали подниматься, бумажные деньги Юга пали в цене через 2 года на 200%, через 3 года—на 3 500%, через 4 года—на 6 000%; после войны они остались неоплаченными; разорение Юга чувствовалось еще к началу XX века.

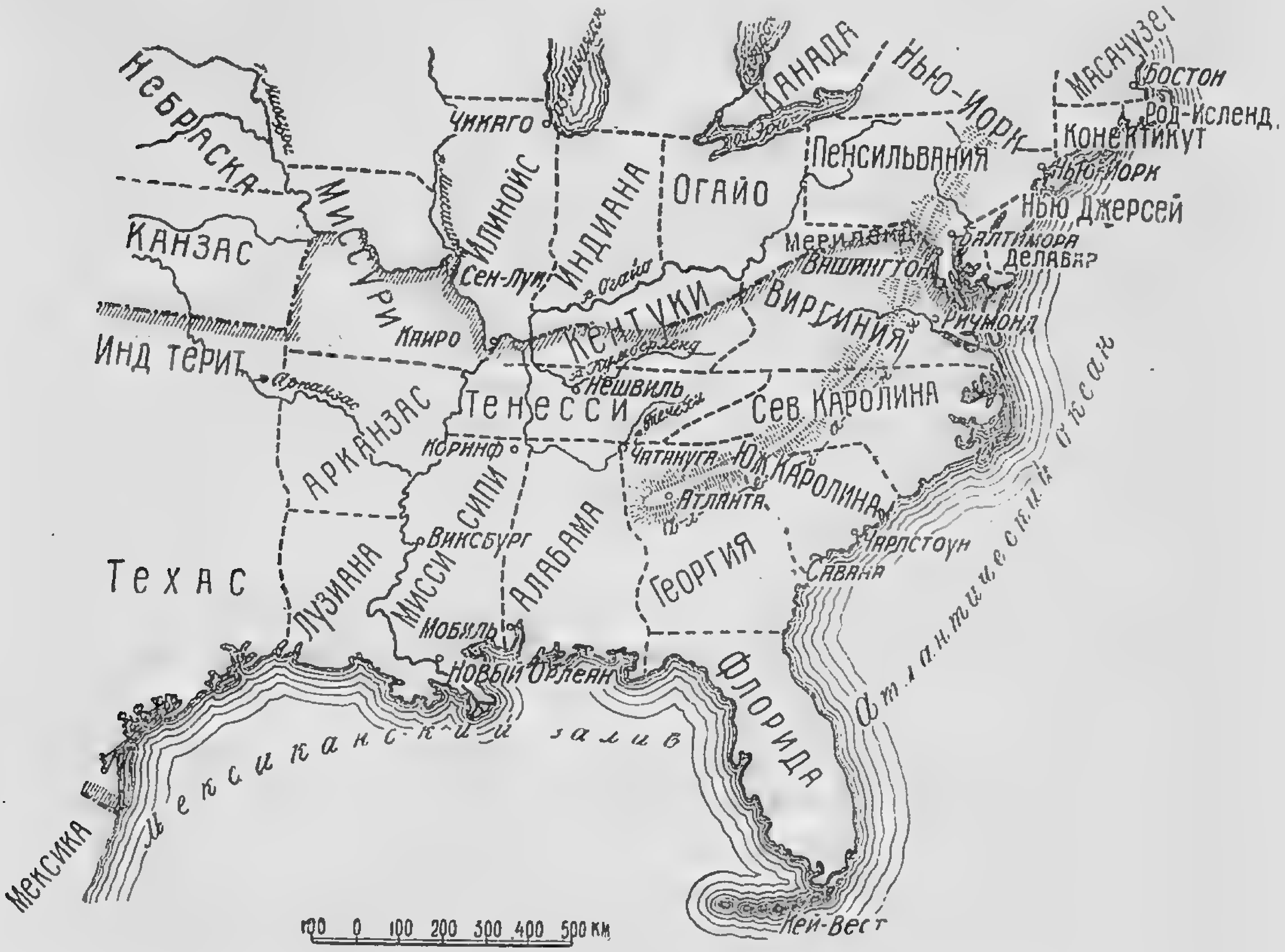
---

[1] Мы не считаем Балтимору (212 тыс.), Сен-Луи (152 тыс.) и Вашингтон (61 тыс.), которые хотя и принадлежали официально к рабовладельческим штатам, но с началом войны оказались за чертой фронта.

Наступательные действия северян в сильной степени задерживались отсутствием местных средств. Населенные пункты представляли, по преимуществу, редкие помещичьи усадьбы. Целые армии должны были довольствоваться 1-2 усадьбами. В этих усадьбах имелись технические культуры, но хлеба и овса не было. Во второй половине войны положение несколько улучшилось, так как под влиянием голода и невозможности реализовать хлопок, южные землевладельцы стали засевать свои поля хлебными злаками.

Снабжение армий приходилось обосновывать почти исключительно на подвозе. Шоссированных дорог не было вовсе. Грунтовые дороги в распутицу делались непроезжими; в сухое время года они допускали движение местных фур с шестерочной запряжкой, поднимавших только 800 килограммов груза. Между тем вербованные войска Севера предъявляли огромные требования к пайку и комфорту. В этих условиях, несмотря на то, что на стотысячную армию формировался значительный обоз—до 28 тысяч упряжных животных,—армии нормально не могли отходить далее 2 переходов от головной станции железной дороги или речной пристани. С течением войны удалось поднять дисциплину, ограничить требования войск, уменьшить роскошный паек в полтора раза, и подвижность армий Севера значительно возросла. Южане, воевавшие все время впроголодь, были всегда способнее к энергичным маневрам.

К началу гражданской войны протяжение железнодорожной сети Соединенных Штатов достигало уже 53 тысяч километров. Так как большая их часть лежала в северных штатах, то на театре войны железнодорожная сеть была примерно вдвое реже, чем теперь в средних европейских областях СССР. Все железные дороги были одноколейными; мосты были исключительно деревянными и легко уничтожались поджогом. Предприимчивые партизаны легко могли разрушать на пустынных участках железные дороги. Но в составе войск Севера имелось много рабочих, знакомых с управлением паровозами, с техникой восстановления пути и простейших мостов; кроме того в эту войну впервые начали формировать особые железнодорожные войска. Весной 1864 г. Шерман, перед движением к Атланте, сформировал 6 строительных отделений (4 620 человек) и 10-тысячный эксплоатационный корпус; непосредственно за армией двигались 100 паровозов и 1 000 вагонов с рельсами и шпалами; эта могучая организация восстанавливала в 4½ суток мосты в 260 метров длиной и 30 метров высотой.


Небраска
Канзас
Инд терит
Техас
Миссури
Чикаго
Илинойс
Индиана
Огайо
Сен-Луи
Каиро
Кентуки
Нешвиль
Тенесси
Коринф
Арканзас
Лузиана
Виксбург
Мисси сипи
Алабама
Мобиль
Новый Орлеан
Чатануга
Атланта
Георгия
Канада
Нью-Йорк
Пенсильвания
Мериленд
Вашингтон
Виргиния
Балтимора
Делавар
Ричмонд
Масачузет
Бостон
Род-Исленд
Конектикут
Нью-Йорк
Нью Джерсей
Сев. Каролина
Юж. Каролина
Чарлстоун
Савана
Флорида
Кей-Вест
Мексика
Мексиканский залив
Атлантический океан
100 0 100 200 300 400 500 км

Черт. 7. Театр гражданской войны 1861—65 гг.

Все же хрупкость железных дорог сказывалась в полной мере и заставляла командующих при малейшей возможности предпочитать им водные коммуникации, открывавшие гораздо более широкие возможности для маневра. Море, находившееся в руках Севера и окружавшее территорию южан с запада и юга, позволяло им выбрасывать в любом пункте десант и обеспечивать его регулярным подвозом. Для Виргинского театра войны особенное значение имел

9*

омывавший его Чизапикский залив, закрытый от ветров, допускавший плавание по нему и речных судов; глубокие устья рек Потомака, Рапаганока, Иорка и Джемса позволяли военным судам флота углубляться на несколько десятков километров внутрь территории Виргинии, снабжать и поддерживать огнем десанты.

Чрезвычайно важное значение имело судоходство по американской Волге—р. Миссисипи, и ее притокам—Огайо, Кумберленд, Тенесси. Импровизация речного военного флота совершается с большой быстротой. Получившая превосходство над неприятелем сторона имеет возможность почти мгновенных перебросок войск на сотни километров, может сократить до крайности войсковые тылы, получает все средства для быстрой подачи тяжелой артиллерии к пунктам, где неприятель пытается организовать позиционную войну. Крупные судоходные притоки позволяют обходить неприятеля с тыла и отхватывать сразу огромные области. Река Миссисипи протекала по территории Юга, от Каиро до Мексиканского залива, на протяжении 1 300 *км*. Для овладения ею северянами на всем этом протяжении совокупными усилиями сухопутной армии, речного флота и морской эскадры адмирала Фарагута потребовалось всего два года.

Бассейн р. Миссисипи отделяется от рек, текущих к Атлантическому океану, цепью Алеганских гор, прорезанных многими удобными проходами. Но движение из бассейна Миссисипи к океану требует отрыва на многие сотни километров от речных путей. В условиях бедности местных средств такой марш представлял почти неодолимые препятствия.

Поэтому северяне, относительно скоро овладевшие бассейном р. Миссисипи, только на 4-й год решились на дальнейшее наступление к Атлантическому океану: Шерман, с указанными выше огромными железнодорожными средствами, пробился на 7 переходов от г. Чатануги на р. Тенесси к г. Атланте. Дальнейшее его движение к берегам Атлантического океана, к г. Саванна, на 500 километров получило уже характер рейда, производимого целой армией, без сохранения связи с тылом. Южная Каролина при этом рейде была разграблена дочиста.

Красной нитью через всю войну проходит зависимость ведения военных действий от водных путей. Эта зависимость раздробила всю территорию южных штатов Алеганским водоразделом на два отдельных театра. Важнейшим являлся Виргинский театр, лежавший между Алеганами и Чизапикским заливом. Здесь лежали столицы—политические центры Севера и Юга—Вашингтон и Ричмонд; расстояние между ними всего 150 *км*, меньшее удаления Твери от Москвы. Четыре года на этом оперативном пятачке протекала упорнейшая борьба главных сил обеих сторон. Другой театр—бассейн р. Миссисипи—представлял арену систематического наступления Севера; обе стороны расценивали его как второстепенный; однако успехи на нем северян оказались решающими для исхода войны.

Третий театр войны—морской; для облегчения блокады северяне захватывали острова близ берегов южных штатов, затопляли суда, наполненные камнем, в выходах из южных портов, чтобы закупорить их, и вели малоуспешные атаки на портовые города Чарлстоун и Мобиль. Важнейшим достижением здесь северян явился прорыв эскадры адмирала Фарагута в реку Миссисипи, захват и погром Нового Орлеана, что подорвало сопротивление южан на миссисипской артерии.

Начало гражданской войны. Выборы Линкольна состоялись 6 ноября 1860 года; вступление же его в должность президента должно было состояться только 4 марта 1861 года. Таким образом с того момента, как разрыв был окончательно решен президентскими выборами, в распоряжении южан оставалось еще 4 месяца, втечение которых высшая власть в федерации фактически находилась в их руках. Это оригинальное положение позволило южанам приступить к подготовке гражданской войны.

Существенным моментом этой подготовки явилась переброска запасов вооружения—между прочим 115 тыс. ружей—из северных штатов в южные. Кроме того часть оружия, признанная якобы негодной, распродавалась на рынках южных штатов. Армия федерации насчитывала всего 17 тыс.; южане могли рассчитывать на значительную часть высших начальников, но солдатская масса была целиком враждебна их попытке отколоться. Поэтому военный министр Флойд вывел большинство гарнизонов из готовившихся восстать южных штатов; в береговых укреплениях оставлены были лишь десятки солдат. Но, чтобы Север не мог получить сразу в свое распоряжение эту готовую силу, значительное количество войск было брошено в пустыни запада, под предлогом экспедиции против индейцев, притом так, что все источники их снабжения находились в Техасе под контролем южан. С началом восстания большинству этих войск, не пожелавшему перейти на сторону Юга, пришлось согласиться на предложение их начальников, поставивших их в невозможность драться—сложить оружие и разойтись.

Флойд озаботился также, чтобы в Вашингтоне, ко времени вступления в должность Линкольна, в его распоряжении не было ни одного солдата. Одновременно южные штаты приступили к усилению своих милиций, имевшихся в каждом штате независимо от федеральных войск.

Характерным для американских милиций были сильные оркестры, множество выборных начальников и отсутствие желающих им подчиняться. Но в южных штатах, постоянно живших под угрозой негритянского восстания, эти милиции были значительно боеспособнее.

20 декабря 1860 г. Южная Каролина первая провозгласила свой выход из федерации. 80 солдат, представлявших всю армию федерации в этом штате, заперлись в форту Семтер, на островке при входе в Чарлстоун. Алабама, Георгия, Флорида, Лузиана, Миссисипи, Техас последовали примеру Южной Каролины в период до 1 февраля 1861 г. Уже 9 января батареи Чарлстоуна открыли огонь по федеральному судну, прибывшему со снабжением для форта Семтер. 8 февраля отделившиеся штаты на съезде в Монгомери провозгласили конституцию конфедерации; 18 февраля Юг уже имел своего президента—Джеферсона Девиса.

Одновременно сторонники Юга произвели энергичные выступления и в других штатах. Даже в Нью-Йорке была сделана неудачная попытка провозгласить его вольной гаванью. Чрезвычайно важна была позиция, которую займут пограничные с Севером южные штаты. Очевидно, на эти штаты в первую очередь должны были выпасть наиболее тяжелые жертвы, так как они неминуемо обращались в арену военных действий. Партизаны южан не останавливались ни перед каким насилием, чтобы вызвать присоединение к Югу этих пограничных штатов. Но доктрина верховной власти каждого штата, провозглашенная Югом, и необходимость учитывать позицию демократов Севера препятствовали южанам внести в эти штаты «контр-революцию извне». Во второй половине мая Северная Каролина и Виргиния присоединилась к конфедерации. Но Мериленд, окружавший Вашингтон, центр политической власти федерации, был потерян, несмотря на то, что на стороне южан были столица Мериленда, Балтимора, так как на поддержку Авраама Линкольна северяне двинули в Мериленд первые готовые полки, а наиболее враждебные южанам северные штаты (Массачузетс) начали готовить таковые с начала января. Не меньшую по важности потерю понесли южане в штате Миссури, главный город которого, Сен-Луи, расположенный ниже слияния Миссисипи и Миссури, был захвачен капитаном регулярной армии Лайоном с пятью сотнями солдат и шестью тысячами немецких эмигрантов-добровольцев, неожиданно напавшим и разоружившим конфедератов. Этот город явился базой северян для постепенного завоевания всего бассейна Миссисипи.

Штат Кентукки объявил свой нейтралитет, и положение его по отношению к враждующим группировкам было настолько важно, что и Север и Юг не решались нарушить его границ. Однако, если влияние гражданской войны в Америке обостряло до крайности классовые взаимоотношения даже в Европе,—как мог сохранить нейтралитет Кентукки, находившийся в центре гражданской войны? Милицию, которую формировал губернатор, сторонники Севера подозревали в симпатиях к южанам. Отсюда—крестьянство Кентукки решило создать собственную самооборону; юнионисты, как назывались сторонники Севера, начали собираться в два лагеря: один—на границах Огайо, откуда они получали вооружение, другой—на востоке штата, являвшийся опорным пунктом для партизан. Такую же мобилизацию своих сил произвели и сецессионисты (сторонники Юга); вскоре партизаны обеих сторон стали разорять фермы и поселки инакомыслящих—и упорнейшая гражданская война загорелась изнутри самого Кентукки.

К началу июня 1861 года стала обозначаться линия фронта между территориями, признававшими правительство Юга и Севера. Политическая оборона Юга привела к потере Мериленда и Миссури—двух важных позиций на западе и востоке. Но, конечно, и за этой линией фронта шли упорные схватки, частью партизанского, частью подпольного характера. Смелые партизаны Юга прорывали линию фронта, чтобы их тайные вербовщики могли сдать им тысячи навербованных в тылу северян-волонтеров. Глухая борьба велась во многих поселках—соседи убивали и поджигали друг друга. Западная Виргиния, неудобная по своему гористому характеру для плантаций, издавна представляла чисто крестьянский край, который не пожелал признать авторитета своего аристократического штата. Генерал Ли, будущий знаменитый главнокомандующий южан, был здесь быстро побежден командовавшим северными милициями Мак-Клеланом,—для южан здесь был, очевидно, «мертвящий центр».

На море положение южан было слабо. 259 офицеров военного флота—из общего числа 556—стало на их сторону, но все матросы были единодушно настроены против рабовладельцев. Комсостав Севера был пополнен 680 офицерами торгового флота. Если южане сохранили несколько единиц флота, то исключительно благодаря тому, что некоторые военные суда, под видом ремонта, были заблаговременно направлены в доки южных портов и их командам не удалось привести их в полную негодность. Север начал войну, имея военный флот в 27 паровых и 35 парусных судов; закончил, имея 680 военных судов, в том числе 70 броненосцев, 138 вновь построенных пароходов, 313 купленных и приспособленных к военным требованиям частных пароходов. Этот могущественный флот не только справлялся с требованиями блокады морских берегов Юга на протяжении 3 950 *км* (1 700 *км*—Атлантическ. океана, 2 250 *км*—Мексиканск. залива), но и являлся серьезным предостережением для попыток со стороны Франции и Англии вмешаться в войну.

Вооруженные силы Юга. За чертой фронта белое население Юга исчислялось в 5 500 тыс. человек. Из них способных носить оружие было не более 690 тыс.; все они и были взяты за время гражданской войны в войска. В течение одного первого года войны 350 тыс. добровольцев поступило в войска, остальные были мобилизованы вскоре посредством установления общей воинской повинности. Дезертирство было крайне затруднено, так как всякий мужчина, еще не одряхлевший, должен был находиться в армии: в тылу его немедленно бы обнаружили и затравили. Свыше 300 тыс. человек одновременно южанам выставить не удавалось. Южные штаты протестовали против тирании федерального правительства, но Джеферсон Девис быстро покончил с попытками отдельных штатов конфедерации вести самостоятельную военную линию и установил на Юге железную диктатуру, поддерживаемую террором плантаторского класса.

В то время, как милиции штатов сохранились по преимуществу для второстепенных оперативных задач, поток добровольцев был направлен на формирование новых частей, получивших характер регулярной армии. Мобилизации распространялись на все возрасты—с 18 до 55 лет; мужчины до 35 лет обязательно направлялись в полевые части. В этих условиях войска Юга вскоре стали достаточно боеспособными. Руководящий плантаторский класс и лица примыкавших к нему интеллигентных профессий заняли в армии командные должности и внесли в управление армии тот авторитет, которым они пользовались в мирное время. Многочисленные офицеры регулярной армии, перешедшие к южанам, подняли войска на необходимую ступень тактической подготовки.

1845—1848 гг. Соединенные Штаты вели войну с Мексикой, потребовавшей 40 тыс. добровольцев на усиление постоянной армии. Эти добровольцы исходили почти целиком из южных штатов, и приобретенные ими 13 лет назад военные навыки очень пригодились Югу в гражданской войне.

Пехота южан, образованная из людей, выросших в лесах, знакомых с употреблением оружия, показала свои высокие качества в лесных боях,—а к ним сводились почти все сражения гражданской войны. Пехота характеризовалась особой бодростью, с которой шла в бой, как на праздник. Атаки ее были необычайно стремительны; в бою решающее значение имел ружейный огонь с самых близких дистанций. Она отличалась подвижностью и совершала целый ряд переходов по 40—60 *км*. Очень плохо обмундированная, часто без сапог, пехота южан была скована крепкой дисциплиной и довольствовалась скудным пайком. Войскам Юга переносить лишения было тем легче, что и в тылу у них царствовал голод,—всем было видно, что все средства идут на войну и войска держатся впроголодь лишь в силу необходимости.

Однако нельзя не обратить внимания на то, что дисциплина в войсках Юга стояла достаточно на высоте лишь до тех пор, пока они оставались на территории Юга, охваченной крепкой диктатурой, где каждый бы непременно донес на обнаруженного им дезертира; когда виргинская армия переходила через реку Потомак на территорию Севера и перед солдатом Юга открывались возможности и пограбить, и дезертировать, дисциплина значительно расшатывалась. Генерал Гиль, лихой ком. корпуса виргинской армии, утверждал, что при первом вторжении ген. Ли сражение на р. Антиетам закончилось бы уничтожением северян, если бы армия оставляла за собой меньшее число мародеров и отсталых.

Конница южан сформировалась очень быстро ввиду наличия в населении неутомимых ездоков, пригодных лошадей, уменья ухаживать за ними. При широком распространении партизан, работавших за свой счет и углублявшихся за неприятельский фронт, иногда на сотни километров, регулярная конница получила наклонность к действиям по разрешению самостоятельных задач. Никакой другой род войск не находится в такой степени в зависимости от сочувствия местного населения, как конница. Работая на территории своих штатов, конница южан имела перед собой как бы раскрытые карты противника и могла уверенно наносить удары в наиболее чувствительные пункты. Но и позади фронта северян имелось много сочувствующих и готовых помочь. Отдельные скауты (разведчики) Стюарта странствовали на несколько переходов позади неприятельского фронта и были почти неуловимы. Из этой осведомленности вырастали решения производить стремительные рейды, втечение коих южане прорывались мимо одного фланга, огибали тыл и уходили, миновав другой фланг противника. В наиболее угрожающие моменты рейда южане ускользали, делая 300 *км* в 4 дня. Конница южан умела мастерски разрушать железные дороги в неприятельском тылу, портить каналы, уничтожать склады, топить пароходы, уводить с собой лошадей и оружие, нападать на мелкие части противника, сеять панику, обманывать неприятеля ложными слухами.

Но конница южан умела работать и в оперативной связи с главными силами. Она мастерски устраивала завесу, скрывавшую маневрирование главных сил, тщательной разведкой обеспечивала уверенное вступление их в бой и принимала участие в самом сражении, развертываясь для боя на фланге и в тылу неприятеля.

Конные атаки (с револьверами в руках, вместо холодного оружия) имели место, но характерным для конницы являлся спешенный бой; редкие цепи спешенных кавалеристов чрезвычайно удачно вели арьергардные бои; атака их опиралась на самую самоотверженную работу конных батарей, выскакивавших на картечь.

Хуже обстояло дело с артиллерией южан. При отсутствии своей военной промышленности материальную часть приходилось получать лишь как военную контрабанду из Европы или захватывать ее с бою у врага. После второго года войны, когда блокада северо-американского флота получила вполне действительный характер, пришлось обходиться преимущественно трофейным вооружением. В искусстве артиллерийской стрельбы и в количестве батарей южане значительно уступали своему противнику; только перенос боев на закрытую лесистую местность позволял генералам Юга существенно смягчать значение артиллерийского перевеса Севера.

Формирование командного состава для южан—партии господствующих классов—не встречало затруднений. В первую очередь широко были использованы все лица, получившие военное образование. Даже епископ Полк, бывший ученик федерального военного училища, взял на себя командование армией на западе, при условии сохранения за ним его епархии. Лучшим тактическим вождем южан был Джаксон, получивший боевое прозвище «Каменная стена» («Стонволь»), в молодости офицер, а затем преподаватель химии. Характерным для него и других лучших вождей Юга был несокрушимый классовый фанатизм, позволявший быстро оправляться от неудач, дерзать на самые смелые маневры, вести до смерти с непоколебимой энергией безнадежную борьбу, сохранять исступленное убеждение в своей правоте. Искуснейшим вождем конницы был Стюарт, кавалерийский офицер 26 лет, с 7-летним стажем малой войны против индейцев, получивший сразу кавалерийский корпус. Главнокомандующим Юга был генерал Ли, выдающийся организатор и оператор, хорошо образованный, пробывший осаду Севастополя в лагере союзников в качестве военного агента; втечение 4 лет он отстаивал Виргинию против двойных сил Севера.

Партизаны Юга были чрезвычайно пестры по своему составу. Кентукиец Морган имел страсть к авантюрам и хорошим лошадям; среди молодежи своего штата пользовался огромным обаянием; направлял действия своих партизан не согласно с личными интересами, а в соответствии с требованиями оперативного положения. Виргинец Мосеби, адвокат, имел корректную, дисциплинированную партию специалистов по атаке сторожевого охранения. Форест, старый торговец невольниками, был настоящим бандитом, звавшим к себе всех, желавших обогатиться, искавших легких успехов; его партия представляла конную пехоту, внезапно появлявшуюся перед поселениями северян и вырезавшую всех; она разрослась до состава двух кавалерийских дивизий.

Еще на четвертый год войны войска Юга сохраняли полную боеспособность, несмотря на понесенные громадные потери в начальниках и бойцах и отсутствие пополнений. Лишь неудачный исход президентских выборов в 1864 г. и очевидная безнадежность дальнейшей борьбы поколебала их сильно поредевшие ряды в последние месяцы войны.

Вооруженные силы Севера. Тогда как определенная классовая диктатура на Юге крайне упрощала строительство вооруженных сил, на Севере втечение всей гражданской войны сказалась борьба крестьян и шедших за ними рабочих с крупным капиталом,—борьба республиканской и демократической партии. Линкольн лишь на третий год войны дал своей политике характер мелкобуржуазной диктатуры; последняя, конечно, уже вследствие отсутствия ясной ориентировки самой мелкой буржуазии, не могла быть достаточно выдержанной.

В числе тех трудностей, которые предстояло преодолеть Северу, первой являлось неправильное представление о размахе предстоявшей борьбы. Много дорогого времени было упущено с самого начала из-за утверждения, что южане не посмеют поднять руку на конституцию федерации. Когда насильственные действия последних стали несомненным фактом, борьба против Юга стала мыслиться, как легкая, короткая военная прогулка. Утверждение, что предстоит длительная трудная борьба, рассматривалось некоторое время, как реклама силы восставших, как измена единству Соединенных Штатов. Как раз те крайне мелкобуржуазные круги, которые должны были явиться важнейшей опорой в борьбе с помещиками Юга, смотрели на преодоление их сопротивления наиболее легкомысленно. Эта политическая ошибка Авраама Линкольна и республиканцев должна была неминуемо повести к столкновению с высшим командованием, которому ставились задачи—покончить с неприятелем одним махом, и которому отказывали в необходимых средствах. Волонтеры мобилизовались сначала на срок всего 3 месяцев. Момент сосредоточения их почти совпадал с моментом конца их службы, и командующему армией, генералу Мак-Дауэлю, пришлось спешно, с недостаточными средствами, броситься в буль-ренскую операцию, чтобы использовать две недели, остававшиеся до срока роспуска навербованных солдат. Этот первый поход в Виргинию необученных солдат, не располагавших и численным перевесом, закончился диким бегством всей армии под защиту укреплений столицы. Значительные выводы, но далеко недостаточные, из этого опыта были сделаны: стали вербовать солдат на два и на три года, позволили генералам заняться обучением и сколачиванием частей, прежде чем их вести на неприятеля. Однако, когда в конце первого года командовавший на западе генерал Шерман, одержавший уже ряд успехов, потребовал 60 тыс. войск, чтобы занять Кентукки, и 200 тыс. чтобы разбить южан на пространстве между Алеганами и р. Миссисипи, голоса разделились: одни считали его сумасшедшим, другие—изменником. Как недостойный, Шерман был отрешен от командования, которое было передано одному из сотрудников Шермана—генералу Гранту. Последний, не пугая, привлек постепенно к борьбе в бассейне Миссисипи гораздо большие силы и средства, чем те, о которых просил «недостойный» Шерман; последний снизился на должность помощника Гранта, и только с назначением последнего на должность общего главнокомандующего вновь занял свое первоначальное место и своими решительными действиями дал победу Северу. Политика создавала обстановку, в которой первые представители высшего командования были обречены на провал, а лавры должны были пожать работники 12-го часа.

Военные действия рисовались политическому руководству Севера как сокрушительный удар, направленный против столицы конфедерации—Ричмонда. В действительности, они сложились ввиде захвата, шаг за шагом, территорий, магистралей, портов Юга, ввиде постепенного ареста всего его населения и уничтожения всех его материальных средств. Американские писатели образно очертили характер войны в виде Анаконда-плана. Анаконда—это удав. Он не наносит своей жертве смертельной раны, укуса, но обвивает ее, ставит в невозможность пошевелить ни одним членом, сжимает все крепче, ломает все кости, нарушает кровообращение и деятельность всех органов—и лишь тогда проглатывает свою изморенную, обессиленную, почти уже конченную жертву. Война, конечно, сложилась на измор; Север расправлялся с Югом не наполеоновскими приемами сокрушения, а методом Анаконда. Однако последнее никем не предвиделось, и строительство вооруженных сил Линкольном все время имело в виду короткий удар, а не долголетнюю борьбу на измор. Только развитие морского флота и удушье Юга блокадой преследовалось Севером планомерно.

Северным штатам, при населении около 23 миллионов, пришлось втечение четырех лет войны поставить под знамена 2 790 000 солдат. Так как часть солдат завербовывалась только на 3—9 месяцев или 1, 2, 3 года и только меньшинство—на всю длительность войны, то в действительности напряжение Севера не достигало 10% его населения; в приведенном числе многие солдаты, вновь вербовавшиеся, очевидно, фигурируют по два или даже три раза. При наличии четырехкратного превосходства в источниках комплектования положение Севера было нелегкое. Сопротивление демократов заставляло Линкольна откладывать введение воинской повинности, а когда он наконец решился на нее, бунты потребовали вскоре сделать шаг назад и признать ее обязательной только для тех штатов, которые не могут при посредстве вербовки справиться с выставлением возложенных на них контингентов.

Милиции Севера, как и на Юге, представляли плохие войска, пригодные—и то отчасти—лишь для защиты местных интересов, для отстаивания своего штата. Регулярные войска, с их жесткой дисциплиной, с трудом могли быть увеличены Севером с 14 до 23 тысяч человек. Желающих завербоваться в них можно было найти лишь очень немного. За 6 месяцев, втечение коих удалось навербовать 600 тыс. в добровольческие части, в регулярную армию поступило только 20 тыс., вместо требовавшихся 25 тыс.

Пришлось формировать новые, со специальной целью сокрушения Юга, части. Когда в зависимости от общего требуемого от Севера контингента—300, 500 тысяч солдат—выяснялось количество полков, которые должен был выставить штат, губернатор штата созывал ряд подходящих влиятельных лиц и обещал им чин полковника, если они в определенный срок смогут навербовать полк. Полки состояли всего из 1 батальона в 10 рот по 100 бойцов.

Командиры полков назначались губернатором, являвшимся и верховной военной властью в своем штате. Офицеры, по букве закона, должны были выбираться солдатами; на практике, лицо, получившие патент на вербовку полка, созывало подходящих лиц и предлагало им навербовать себе роты; уже пустой формальностью являлись выборы вербовщика в ротные командиры. Эти методы приводили к переполнению комсостава совершенно негодными элементами. Вербовавшихся прельщали премии за поступление в войска, которые росли с каждым годом войны, а также возможность устроиться во вновь формируемом полку на командную или административную должность. Когда полк был в полном составе, администрация штата передавала его федеральномуу управлению. Однако в дальнейшем высылка подарков, производство комсостава на место выбывшего или забракованного экзаменационными комиссиями, которые установил Мак-Клелан, призрение инвалидов, помощь семьям—лежали на обязанности штата; каждый штат должен был завести себе свой маленький главный штаб, который следил, хотя и не слишком внимательно, за судьбой разбросанных по различным армиям сформированных им полков.

Важнейшим недостатком этой системы являлась невозможность высылки пополнений. В маршевую команду никого нельзя было завербовать; каждому было выгоднее записаться в новый полк, чем отправляться в старый, где все хорошие места были уже заняты и нехватало лишь только рядовых бойцов с ружьями. Вопрос укомплектования остался для Севера неразрешимым до конца войны. Полк вскоре терял половину своего состава, затем постепенно таял до кучки в несколько десятков человек; когда наступал срок, на который он был навербован, приходилось его распускать—иногда в самый горячий момент операции. Боевой опыт накапливался в высших штабах, а полки почти беспрерывно пребывали в детском возрасте. В то время как на Юге скоро сложились обстрелянные закаленные полки с определенными традициями, Север бедствовал, имея массу полков без пополнения. Различный численный состав полков—многочисленных свеженабранных и вымирающих старых—вынуждал командование Севера к частым переорганизациям, дабы иметь приблизительно равные по боеспособности корпуса и дивизии.

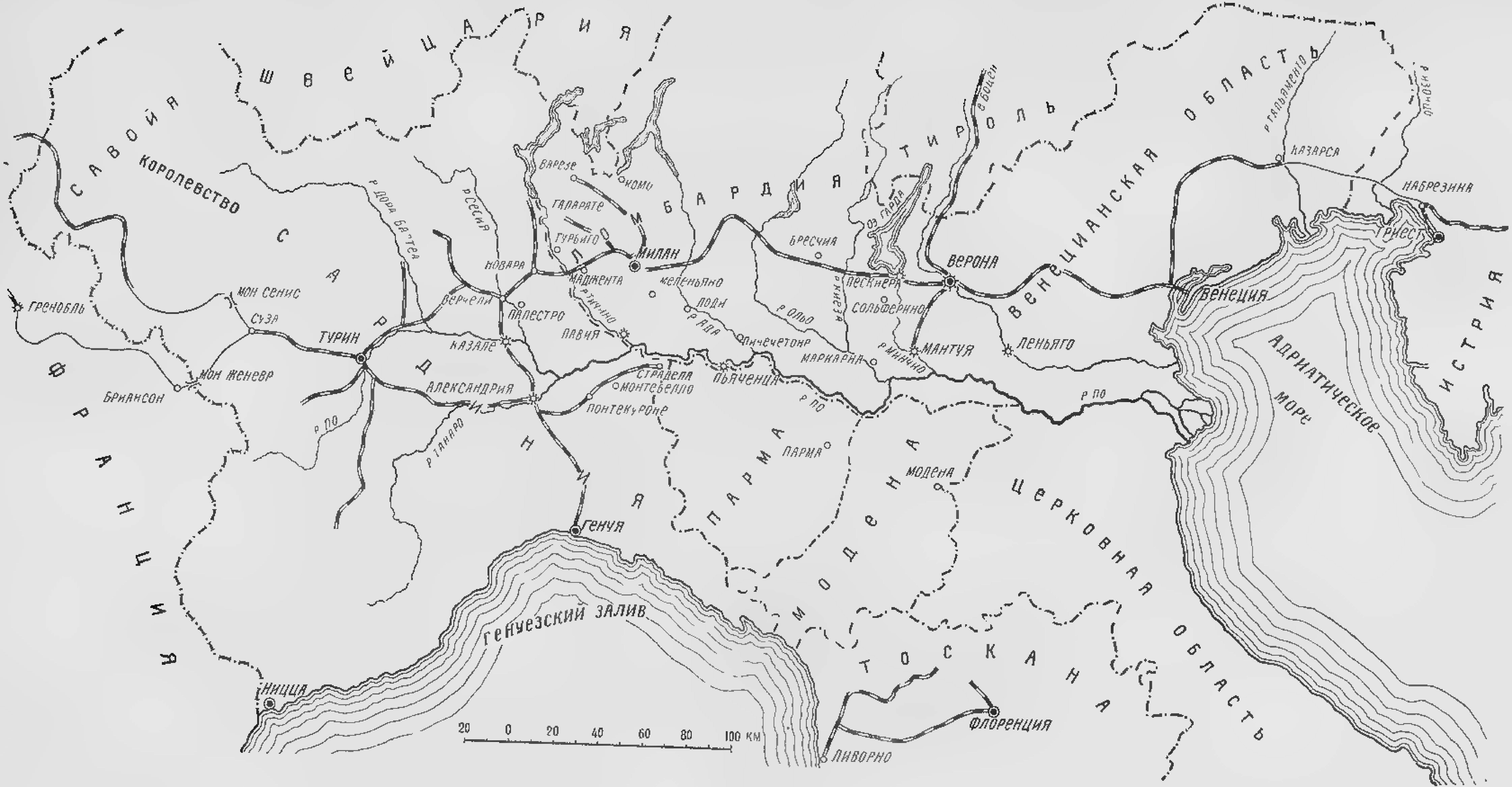
Первый набор—300 тыс. на три месяца—собрал преимущественно безработный люмпен-пролетариат и был значительнее слабее следующих.

С углублением гражданской войны, с уяснением ее классового смысла для крестьян и рабочих качество бойцов значительно повысилось. Этот процесс шел значительно скорее на западе, где крестьянство острее ощущало наступление плантаторов. Крупное место в наборе играли европейские эмигранты: в войсках Севера было до $1/3$ лиц, родившихся в Европе, и свыше $1/10$ лиц, не успевших перейти в американское подданство. Для успешности вербовки среди эмигрантов формировались особые национальные полки.

Хорошую репутацию, правда, не всегда, имели немецкие полки, в которых было много эмигрантов, получивших на родине военную подготовку. Ирландские полки добились даже разрешения сражаться под национальным зеленым знаменем, которое еще не развевалось на родном острове.

Дисциплина налаживалась с трудом. Добровольческие полки вначале отказывались выходить на строевые учения, усматривая в них средство поработить их высшему, заподозренному в контр-революции начальству. Закон не предусматривал дисциплинарных наказаний для комсостава; президент мог отрешить офицера, но не был властен назначить на его место другого; повышения как награды не было. Только генеральскими чинами президент был свободен распоряжаться. Когда, после буль-ренского поражения, на пост главнокомандующего был призван Мак-Клелан, он энергично принялся за сколачивание войск, широко толкуя законы. Так, вместо дисциплинарных взысканий на офицеров, он рекомендовал арестовывать их в порядке предварительного следствия, а затем прерывать таковое, если офицер не протестует против отбытого заключения. Кавалеристы Севера, часто мало знакомые с лошадьми, плохо ухаживали за ними, плохо обращались; убыль конского состава была громадна. В частности, несмотря ни на какие запрещения, по мостовым Вашингтона все время галопировали кавалеристы, разбивая ноги своим невыезженным степным коням. Мак-Клелан покончил с этим, приказав пехотным солдатам и полиции стрелять без предупреждения по каждому скачущему по мостовой всаднику.

Насколько трудно давалась Северу дисциплина видно из того, что в зиму 1862/63 г. свыше 13% всей армии, в том числе 3 000 офицеров, числились в «неразрешенном начальством отпуску», т. е. являлись дезертирами.


Швейцария
Савойя
Королевство
Сардиния
Франция
Ломбардия
Тироль
Венецианская область
Истрия
Парма
Модена
Церковная область
Тоскана
Адриатическое море
Генуэзский залив
Гренобль
Бриансон
Мон Сенис
Суза
Мон Женевр
Турин
р Дора Балтеа
р Сесия
Новара
Верчели
Палестро
Казале
Александрия
р По
р Танаро
Генуя
Ницца
Варезе
Комо
Галарате
Гурьиго
Мадженте
Милан
р Тичино
Павия
Меленьяно
Лоди
р Ада
Пиччетоне
Страделла
Монтебелло
Понтекуроне
Пьяченца
Парма
Брешия
р Ольо
р Кьеза
оз Гарда
Пескиера
Сольферино
Маркарна
р Минчо
Мантуя
Верона
в Боцен
Леньяго
Венеция
р По
Модена
р Тальяменто
Казарса
р Изонцо
Набрезина
Триест
Ливорно
Флоренция
20 0 20 40 60 80 100 км

Черт. 4. Театр войны 1859 г

Глубочайшие затруднения пришлось пережить Северу в организации высшего командования. Мак-Клелан, главнокомандующий Севера, имевший некоторые оперативные и большие организационные достижения, был выдвинут демократами Севера, как их политический лидер, и являлся непосредственным политическим соперником Линкольна. «Демократами войны» были и другие высшие начальники. Соперничество между республиканцами и демократами нарушало хорошие личные отношения и создавало атмосферу, в которой обвинения в измене сыпались, как из рога изобилия. Указание на серьезность военных усилий Юга, требование накопления больших сил для нанесения ему решительного удара, задержка в приступе к операции, унижение к неприятельским войскам, признание их храбрости и человеческое отношение к пленным и к населению захваченной территории, внимание, уделяемое дисциплине и строевому обучению,—все являлось доказательством измены. Линкольн не сумел найти формы сотрудничества между республиканской партией и политически чуждым ей комсоставом. Попытки назначения им левых политических деятелей, не имевших военной подготовки, на высшие командные посты, приводили к унизительным поражениям. По мере уклонение политики республиканцев влево, сотрудничество с демократами становилось совершенно невозможным. Если бы Линкольн не сместил Мак-Клелана в начале одержанного им успеха и не выдвинул бы против него самых тяжелых обвинений, то несомненно популярность последнего настолько увеличилась бы, что на президентских выборах 1864 года Мак-Клелан собрал бы не 45% голосов, как это было в действительности, а большинство, и открытая гражданская война вспыхнула бы в самих штатах Севера [1].

К концу войны Линкольну удалось подобрать если не очень даровитый, то политически надежный комсостав во главе с генералом Грантом, республиканцем, будущим президентом Соединенных штатов, имя которого как президента связывается с резким выступлением Соединенных штатов как империалистической державы и с повальным распространением подкупности среди властей и чиновничества.

---

[1] Мы далеки от того, чтобы обвинять Линкольна за несправедливое отношение к Мак-Клелану; эта несправедливость диктовалось политическими условиями; Мак-Клелан изменником не был, но классовая борьба толкала его на путь контрреволюции.

Имея свободные морские сообщения и могучую промышленность, Север скоро справился с критическим недостатком оружия. В первый же год войны было закуплено 1 276 тыс. ручного оружия, 3 132 пушек, 214 млн. патронов. Частью это было, однако, очень недоброкачественное оружие. Все старое оружие средних и мелких германских государств было продано Северу; за счет последнего центральная Европа в значительной степени перевооружилась.

Война на море и на реках выдвинула бронированные суда, мины, орудия крупного калибра. Значение железных дорог привело к формированию обеими сторонами бронированных поездов. Лучшим родом войск Севера была артиллерия. Позиционная борьба, возникшая на многих участках вследствие недостаточной подвижности армий и слабой ударной силы войск Севера, заставила усовершенствовать нарезную тяжелую артиллерию. Что же касается полевой артиллерии, то преимущественно лесной характер боев заставлял держаться старых, гладких орудий, имевших надежную картечь и удовлетворявших вполне требованиям боя на небольших лесных полянах. Но наравне с гладкими орудиями здесь начали применяться и картечницы, как назывались первые появившиеся крупнокалиберные пулеметы.

Пехота имела средний возраст 25 лет, состояла из здоровых и в большинстве сознательных бойцов. Обучение было неважное. На поле сражения под Гетисбургом, оставшимся за северянами, последние подобрали 24 тыс. ружей, заряжавшихся тогда с дула. 25% ружей оказалось заряженными правильно или незаряженными, 50%—дважды, а 25% заряженными от 3 до 10 и даже до 23 раз. Такое явление объясняется тем, что при наступлении разрешалось приостанавливаться, чтобы опустить в дуло заряд, пыж и пулю; пехотинцы инстинктивно и останавливались, а стрелять забывали, так как для производства выстрела надо было догнать шедших впереди; в результате ружья и набивались. Сначала на переходах было много отсталых, и колонны разваливались на походе; вскоре, однако, отсталые исчезли, так как местные жители, сочувствовавшие Югу, добивали их. Бой велся исключительно в стрелковых цепях, развертывавшихся одна за другой в несколько рядов. При отсутствии сплоченности над слабой дисциплиной господствовало общественное мнение: поскольку боевая обстановка оценивалась благоприятно, наступление шло; если положение представлялось безысходным или даже только невыгодным, крупные части стихийно, бегом, откалывались назад; однако, паника скоро проходила, и через несколько часов бежавшие части готовы были сражаться лучше свежих частей. В пользу северной пехоты говорит то обстоятельство, что чем больше части обстреливались, чем больше несли потерь, тем они все больше выигрывали в боеспособности.

О тактической подготовке пехоты в начале войны можно судить потому, что пехотинцы, поставленные в охранение, требовали, чтобы на пост рядом с часовым ставилась и пушка; командир полка, получивший приказание произвести разведку на переход перед фронтом, потребовал железнодорожный состав, погрузился и отправился; полк напоролся на отряд южан, встретивший поезд пушечными выстрелами; хотя и огорошенные внезапностью, северяне все же выскочили из поезда, постреляли и затем разошлись со столь же добродушным противником.

Конница северян была качественно слабее конницы южан, потребовала больше времени на свое сколачивание и стремилась—современем весьма успешно—подражать южанам.

Оперативное искусство отчасти характеризовалось сознанием известного бессилия атаковать неприятельский фронт и стремлением к энергичным, превосходившим маневренные возможности войск обходам, а отчасти, особенно вначале, сводилось к войне непосредственно вдоль железнодорожных рельс. Первое объясняется отсутствием меры у молодых распорядителей операций, стремлением к эффектному на чертеже маневру, не считающимся с его трудностями; второе—это род эшелонной войны, когда войска, слабо обеспеченные обозом, не хотят расставаться со своими теплушками, а слабое командование не может войска от них оторвать.

Маневрирование северян затруднялось полным отсутствием сколько-нибудь подробных карт территории южных штатов. Приходилось часто довольствоваться расспросами темных, невежественных негров.

В позиционной войне обе стороны показали себя большими мастерами в быстром устройстве укрепленных позиций, тянувшихся на много верст. Типичной формой укреплений был завал из бревен на опушке или среди леса, обсыпанный спереди землей, с искусственными препятствиями в виде засеки; очень скоро на этом длинном окопе начинали вырастать опорные пункты сильной профили.

Несмотря на большие потери северян, выполнявших большей частью роль наступающих, вследствие недостаточного искусства и сплоченности их пехоты атаки на простую линию окопов, занятую одной шеренгой стрелков, почти всегда оказывались отбитыми, хотя бы в них принимали участие и густые массы. Отсюда начала расти легенда о неуязвимости современного фронта, как бы жидок он ни был, и создаваться предпочтение тактическим оборонительным действиям. Опыт гражданской войны в Соединенных Штатах в этом именно смысле и был растолкован во Франции в короткий срок, остававшийся до начала франко-прусской войны.

Хроника первых лет военных действий на Виргинском театре. Мы остановим свое внимание лишь на главном Виргинском театре [1], хотя действия на нем втечение 4 лет войны и не привели к решению, и победа северян сложилась лишь из общего истощения Юга: блокада, голод, истощение всего людского запаса в возрасте от 18 до 55 лет, постепенная утрата всей территории, уничтожение всех материальных средств,—вот путь, на котором Север одержал победу и на котором успехи на второстепенных театрах имели важнейшее значение.

Окончательным сигналом для обострения военных действий явилось взятие южанами форта Семтер 13 апреля 1861 г. Немедленно Линкольн приступил к формированию добровольческой армии; вместо указанных 75 тыс. волонтеров на 3 месяца северные штаты мобилизовали 90 тыс. таковых. В конце июля срок их службы должен был уже кончиться; поэтому во второй половине июля решено было торопиться со вторжением в Виргинию. Север собрал две группы: главную армию Мак-Дауэля в 35 тыс. около Вашингтона и 20 тыс. Петерсона на р. Потомак выше Харперс Ферри.

---

[1] Наш выбор обусловливается наиболее регулярным характером имевших на нем место военных действий, сближающим изучение его с другими кампаниями. Для изучения всего своеобразия гражданской войны было бы весьма поучительно проследить действия в западных районах; мы должны, по недостатку места, воздержаться от этой задачи.

Южане имели против них 23 тыс. Борегара у Маназаса и 8 тыс. Джонстона у Винчестера. В тот момент, 21 июля 1861 г., когда на р. Буль-Рен, близ Маназаса, Мак-Дауэль охватила слева Борегара и ввел в бой все свои силы; на помощь Борегару явился Джонстон. Его отряд перевозился по железной дороге через Генсвиль; часть своевременно присоединилась к главным силам Мак-Дауэля, а последняя бригада, не успев доехать до Маназаса, высадилась в Генсвиле, находившемся уже в тылу охватывавших северян. Началось общее бегство, которое прикрыл один регулярный батальон, входивший в армию северян. Армия северян укрылась под защиту укреплений Вашингтона, на атаку которых южане не решились.

Новый главнокомандующий Мак-Клелан отказался вести какие-либо активные действия вплоть до приведения армии в надлежащий порядок. К весне 1862 г. Мак-Клелан располагал 158 тыс. готовых полевых войск и 55 тыс. войск для обороны укрепленного района Вашингтона; общий списочный состав североамериканских войск возрос до 700 тыс. Республиканцы настойчиво торопили Мак-Клелана переходить к активным действиям; восьмимесячный антракт, затраченный Мак-Клеланом на серьезную организационную и воспитательную работу в армии, казался горячим сторонникам скорейшего подавления Юга преступно-изменическим бездельем перед лицом врага, уступавшего в численности в 2-3 раза.

Особенности Виргинского театра крайне затрудняют непосредственное наступление от р. Потомака, на которой расположен Вашингтон, к р. Джемс, на которой располагалась столица южан—Ричмонд. Путь преграждается рядом сильных речных рубежей—Буль-Рен, Рапаганок с Рапиданом, речками, сливающимися в р. Иорк. Бездорожные лесные пространства стесняют операции. Гряда Синих гор отделяет от района кратчайших путей наступления долину р. Шенандоа, посредством которой южане всегда могли обходить правый фланг северян и выходить на их сообщения. Поэтому Мак-Клелан предложил вместо постепенного фронтального продвижения в Виргинию погрузить его армию на суда на р. Потомак и в Балтиморе и перебросить в район полуострова, образуемого нижними течениями р. Иорк и Джемс, где у северян имелся опорный пункт—ф. Монрое. Морские суда могли подниматься по этим рекам на 40-50 *км*; далее оставалось пройти до неприятельской столицы не больше 2 переходов; таким образом тыл и снабжение были обеспечены.

Линкольн согласился. Втечение трех недель, начиная с 6 апреля 1862 г., к форту Монрое было переброшено 100 тыс. человек; тут, однако, явилось подозрение, не стремится ли Мак-Клелан очистить дорогу в Вашингтон противнику; президент задержал последний сильный корпус в 40 тыс., предназначенный для десанта, на подступах к Вашингтону. Мак-Клелан в дальнейшем получал очень скупо подкрепления, что и определило неуспех его операции. Ему пришлось ввязаться в позиционную борьбу, наступая на узком пространстве между двумя реками; только к концу мая Мак-Клелан пробился к неприятельской столице на удаление небольшого перехода. 2 июня главнокомандующим Юга был назначен ген. Ли, сосредоточивший против Мак-Клелана до 80 тыс., и наступление Мак-Клелана остановилось. В середине июня Стюарт произвел первый свой рейд, проникнув в тесный тыл южан на полуострове. 26 июня Ли перешел в наступление; в семидневных упорнейших боях на р. Чикагомини охваченные Джаксоном и Стюартом с правого фланга и тыла северяне должны были стянуться к левому берегу р. Джемс, несколько ниже впадения в нее р. Апоматокс.

На эту неудачу Линкольн реагировал призывом новых 300 тыс. добровольцев и 300 тыс. милиции. Втечение операции Мак-Клелана Линкольн сформировал новую Виргинскую армию в 60 тыс. под командой генерала Поп, в молодости бывшего военным топографом, крайнего республиканца, храбрейшего человека, но с совершенно фантастическими представлениями о руководстве операциями. После месячного колебания Линкольн приказал Мак-Клелану вновь посадить на суда его 90-тысячную армию и вернуть ее на нижний Потомак. На этом командование Мак-Клелана должно было закончиться. Оперативная идея Мак-Клелана была совершенно правильной; пребывание его закаленных солдат в одном переходе от столицы связывало южан по рукам и ногам; к концу войны Грант также направил главные усилия против Ричмонда со стороны р. Джемс. Но у Мак-Клелана нехватило политического кредита для проведения разумно задуманной операции.

Как только генерал Ли получил известие о предполагаемом уходе десанта, он предоставил ему спокойно отплывать и бросился с 53 тыс. против Попа, несколоченные силы которого были разбросаны между Рапаганоком и Рапиданом. Поп, выжидая прибытия в конце августа войск Мак-Клелана, отошел за Рапаганок, который разлился от дождей и делал расположение Попа с фронта неприступным. Но тот же разлившийся Рапаганок позволил ген. Ли предпринять дерзкий фланговый марш для обхода правого крыла ген. Попа с севера. Во главе обхода направлялся Стюарт, вышедший на железную дорогу в тылу Попа, захвативший у Маназаса огромные склады; за конницей шел корпус Джаксона, делавший переходы не менее 40 *км* в сутки, без обозов, застрявших позади, сначала голодавший, а затем кормившийся за счет складов Попа. Разрушения, произведенные корпусом Джаксона в тылу Попа, были капитальны. Тогда Поп решил броситься всеми силами против Джаксона, находившегося позади него в полутора переходах. Но Джаксон ускользнул из Маназаса на полперехода вверх по р. Буль-Рен, и, когда Поп бросился преследовать его, как незначительную часть, хозяйничавшую в его тылу, он натолкнулся на его войска, занявшие сильную позицию. Во втором сражении у Буль-Рена, 29—30 августа, пока Поп неорганизованно старался сбить Джаксона, подошла другая половина армии Ли—корпус Лонгстрита, внезапно обрушившийся на фланг Попа. Поп был разбит наголову как раз в тот момент, когда начали подходить части войск бывшей армии Мак-Клелана.

Мак-Клелан был вновь восстановлен командующим армией. Во фронтальном сражении на р. Антьетам, 16—17 сентября, ему удалось заставить ген. Ли, перешедшего р. Потомак—границу Виргинии,—вновь уйти на территорию южных штатов. Южане, защищавшие на речке Антьетам род предмостной позиции на Потомаке, потеряли 10 тыс. человек; таковы же были потери северян, но для последних пополнение их было несравненно легче. Чтобы приподнять настроение южан, Стюарт произвел 10—13 октября рейд за р. Потомак; в 4 дня было пройдено 300 *км* отрядом из 1 800 всадников с 4 орудиями; Стюарт, обойдя правый фланг расположения южан, достиг города Чемберсбурга, захватил массу лошадей и 5 тыс. ружей и вернулся, пройдя мимо левого фанга неприятеля, разрушая железные дороги и ускользая от брошенной за ним погони.

В связи с уклоном своей политики влево, Линкольн решил порвать с демократами. 5 ноября популярный в армии Мак-Клелан, готовившийся к серьезному наступлению, был сменен ген. Борнсайдом. Смена командования привела к потере остававшегося удобного времени для активных действий. Борнсайд решил избрать для наступления новое, более восточное направление—от Фредериксбурга на Ричмонд. Сосредоточение северян к нижнему течению Рапаганока потребовало, однако, свыше месяца. Ли успел сильно укрепиться на правом берегу реки; попытки Борнсайда переправиться через реку в лоб 11—13 декабря окончились полной неудачей, с потерей в 12 тыс. человек. После этого поражения Борнсайд 25 января 1863 года был сменен храбрым, но бесталанным генералом Гукером. Высший комсостав был деморализован и плохо слушался Гукера. Имея 124 500 солдат против 62 тыс. Ли, в конце апреля 1863 г. Гукер решил обойти левый фланг стоявших у Фредериксбурга южан через лесной массив Вильдернесс. Операция подготовлялась удачным рейдом конницы северян Стонмана, которому, впрочем, не удалось оттянуть к Ричмонду часть сил генерала Ли. Гукер счастливо перешел Рапаганок и Рапидан несколько выше их слияния и продвинулся в центр лесного массива, к корчме Ченслорсвиль, представлявшей единственное жилище в расположении северян. 1 мая Гукер нерешительно двинулся в трех колоннах на восток, но, встретивши южан, перешел сразу к обороне. В трехдневном бою 2—4 мая Ли, благодаря лучшему знакомству с местностью его армии и большей энергии командования, удалось постепенно окружить с трех сторон у Ченслорсвиля вдвое большие силы северян. Отсутствие у последних кавалерии, не вернувшейся из рейда, было очень чувствительно. 3 корпуса северян были сильно помяты, но другие 3 корпуса почти не вступали в бой. Безнадежное построение армии покоем (лит. П) в дремучем лесу, под концентрическим огнем южан, заставило Гукера держаться пассивно и ждать освобождения от корпуса Седжвика, оставленного у Фредериксбурга. Последнему удалось переправиться через Рапаганок, пройти полпути до Ченслорсвиля; но 4 мая Ли нанес поражение Седжвику, собрав резервы с фронта, действовавшего против Ченслорсвиля. 5 мая Гукеру, с потерей в 17 тыс. человек, удалось уйти за Рапаганок. В этом сражении и южане потеряли свыше 10 тыс., в том числе своего лучшего тактика, генерала Джаксона.

Гетисбургская операция. Ченслорсвильская победа совпала с критическим положением южан, создавшимся во всем бассейне реки Миссисипи, и с подготовкой друзей южан к выступлению во многих штатах Севера. Связанные с этими данными соображения привели генерала Ли, столь искусно ведшего до сих пор оборонительные действия в Виргинии, к решению использовать моральный успех у Ченслорсвиля для решительного, глубокого вторжения на территорию Севера. Ли собрал армию из 3 пехотных корпусов—Лонгстрита, Иуэля, Гиля и кавкорпуса Стюарта—всего 68 тысяч. В начале июня под прикрытием конной завесы началось фланговое движение на запад, поэшелонно; 9 июня конница северян Плизантона, ставшая уже боеспособной, в конном бою с завесой Стюарта у станции Бренди выяснила этот марш южан [1]. Головной корпус южан Иуэля, тем не менее, пройдя в два перехода 78 *км*, неожиданно появился у Винчестера и разбил находившуюся там дивизию северян. Передовая конница (партизанская бригада) южан 16 июня уже захватила Чемберсбург.

Армия южан представляла кишку, протянувшуюся через весь театр. Головной корпус уже перешел авангардом (14 июня) через верхний Потомак, когда корпус Лонгстрита только выступал (15 июня) из Кельпепера, а третий корпус Гиля—из Фредериксбурга. Такая разброска сил вынуждалась необходимостью прикрывать Виргинию до тех пор, пока наступление южан не вызовет паники в Пенсильвании и не оттянет на левый берег Потомака все силы северян.

Армия Гукера насчитывала 90 тыс.; кроме того до 50 тыс. гарнизонов имелось в Вашингтоне и на нижнем течении Шенандоа. У главного города Пенсильвании, Гарисбурга, на реке Сускеганне, собиралась пенсильванская милиция. На армию Гукера угнетающе действовали не только поражения, но и роспуск добровольцев, приобревших наибольший закал, но выслуживших свой срок: в мае уволилось 5 тыс. пехотинцев, в июне, в разгар операции—10 тыс.

Гукер не решился атаковать разбросанную армию южан, не имея сосредоточенными все свои силы; выяснив появление северян к северу от Потомака, он переправил и свою армию через Потомак. К 25 июня северяне сосредоточились в окрестностях Фредерика. Гукер предполагал наступать на запад, на сообщения Ли, устремившегося далее на север, но в самый разгар операции был сменен. Командование перешло к не блестящему по внешности генералу Миду, которого Ли считал, однако, самым серьезным из своих противников.

---

[1] Поле сражения осталось за Стюартом, но для отражения Плизантона он должен был воспользоваться проходившими под прикрытием его завесы частями пехоты, что и осветило обстановку.

Конница Стюарта—5 кавбригад—оставалась пока в Виргинии, продолжая выполнять роль завесы. Искусные действия конницы северян мешали Стюарту выяснить маневр армии северян. Генерал Ли полагал, что Гукер задержится южнее Потомака, и решил продолжать вторжение. Богатая Пенсильвания позволяла ему рассчитывать прожить местными средствами. Корпус Иуэля, находившийся впереди, еще раньше получил приказание овладеть главным городом Пенсильвании, Гарисбургом, прорваться через р. Сускеганну, за которой уже начинались штаты Новой Англии. Взятие столицы Пенсильвании в условиях гражданской войны должно было получить громадное значение; друзья в штате Делавар обещали выступить; грандиозное выступление готовилось в Нью-Иорке, до которого оставался от Гарисбурга только десяток переходов. В связи с необходимостью использовать момент паники и действовать быстро, приходилось пренебречь тем обстоятельством, что главные силы—корпуса Лонгстрита и Гиля—должны были отстать от Иуэля на три перехода, и находиться лишь у Чемберсбурга 27—28 июня, когда Иуэль уже надвинулся к р. Сускеганне.

Основной помехой этой операции являлось отсутствие под рукой конницы. Одна партизанская бригада наступала в голове армии с Иуэлем; другая имевшаяся кавбригада разведывала от Чемберсбурга на запад и имела задачей—собрать реквизициями, впрочем, оплачивавшимися ничего не стоившими бумажными деньгами конфедерации, большой армейский магазин снабжения в Чемберсбурге. Вправо, в сторону неприятельских главных сил, Вашингтона и Балтиморы, разведку вести было нечем.

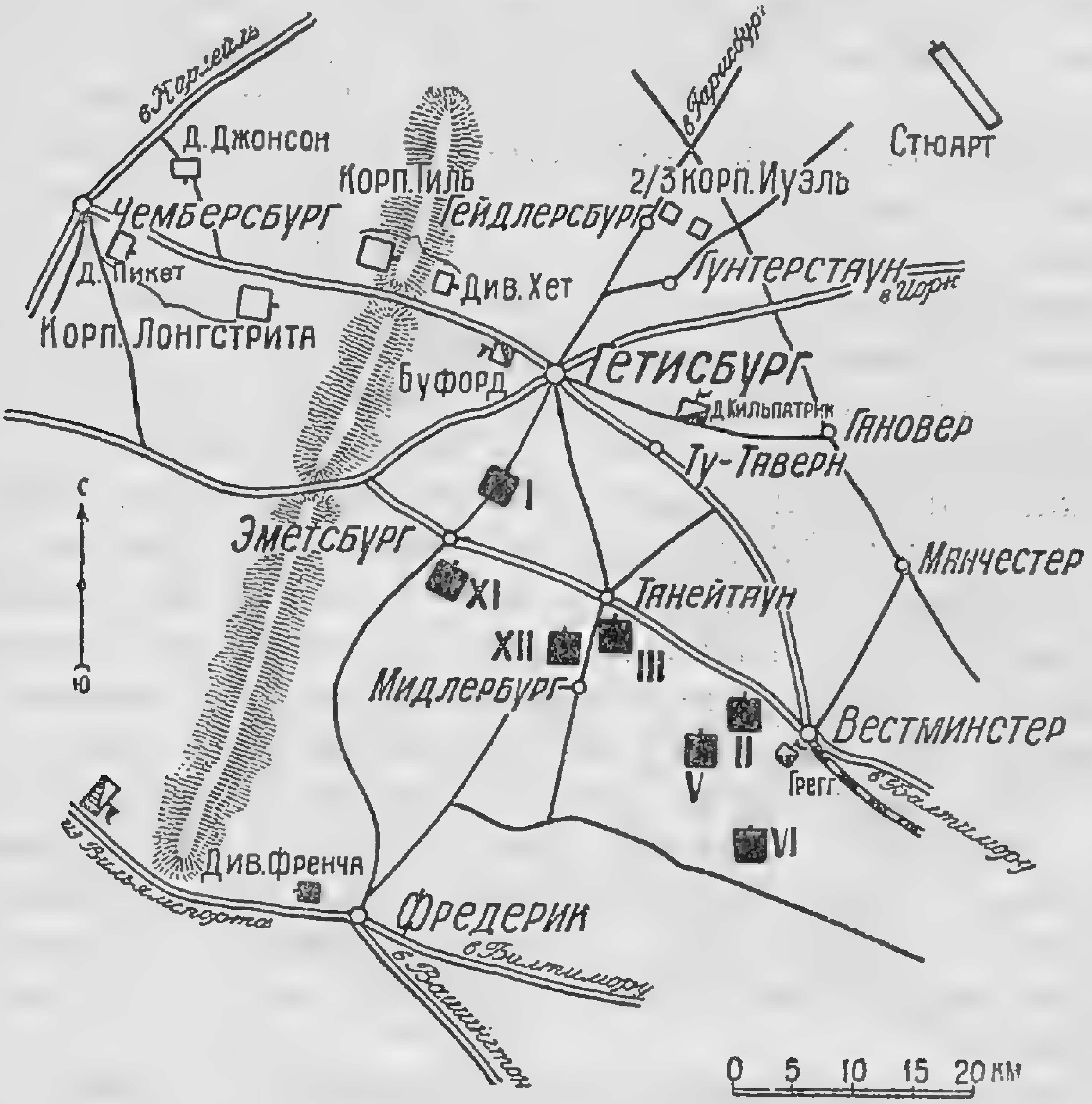
Очевидно, надо было использовать прекрасную конницу Стюарта, остававшуюся еще к востоку от р. Шенандоа. Эта задержка Стюарта произошла отчасти из-за неясно редактированного приказа Ли.

Последний, высоко ценя Стюарта, давал последнему лишь очень широкие директивы. Новые указания Стюарту гласили, что ему надлежит перейти для охраны правого фланга в Иорк; вместе с тем Ли не возражал против предложения Стюарта активными действиями в тыл Гукера задержать его движение на Север; вопрос о пункте переправы Стюарта через Потомак не возбуждался, но, конечно, Ли имел в виду, что Стюарт пройдет к Иорку между его главными силами и неприятелем, разведает и прикроет по пути весь угрожаемый фланг операции. А лихой вождь конницы южан рассчитал, что марш к Иорку можно сочетать с заманчивым рейдом на пространстве между неприятельской армии и Вашингтоном—Балтиморой, с разрушением неприятельских тылов, важных магистралей, с прохождением богатейшего, еще не затронутого военными действиями района.

Это решение вылилось в тем более крупную оперативную ошибку, что вечером 28 июня, на 5 день марша к реке Сускеганне, генерал Ли отказался от намеченной операции ввиду более скромной оценки значения предстоящих в тылу Севера бунтовщических выступлений демократов и выяснившегося ему с большим запозданием сосредоточения главных сил северян к северу от реки Потомака; генерал Ли решил развернуться против живой силы северян у Гетисбурга и заставить их атаковать себя на выгодной позиции. Главным силам из Чемберсбурга и генералу Иуэлю из района Карлейля—Гарисбурга приказано было сосредоточиться к Гетисбургу. Это сосредоточение не было обеспечено разведкой, а оно обещало быть долгим, так как для обоих корпусов Гиля и Лонгстрита, сосредоточенных к востоку от Чемберсбурга и у самого этого города, для движения к Гетисбургу имелась только одна дорога, пересекавшая хребет Южных гор. К шести дивизиям этих двух корпусов прибавилась еще одна из корпуса Иуэля, которую последний отослал из Карлейля назад по западную сторону Южных гор. С другими двумя дивизиями своего корпуса Иуэль двинулся 29 июня прямо с северо-востока; одна дивизия шла на Гейдлербург, другая—на Гунтерстаун.

А Стюарт в ночь на 25 июня сосредоточил у Салема 3 лучших бригады с 6 конными орудиями и выступил в рейд. Другие две бригады конного корпуса получили задачу следовать к главным силам Ли, но также не попали в важнейший район Гетисбурга, а оказались связанными прикрытием сообщений генерала Ли на северном берегу реки Потомака, на которые покушалась дивизия северян из Фредерика. Сам Стюарт, сталкиваясь с хвостами отрядов северян, спешивших на север к Фредерику, подошел на полперехода к Александрии и Вашингтону, сохранив убеждение, что армия северян еще на южном берегу Потомака, и что сейчас же после переправы через реку он сможет войти в связь с армией Ли. В ночь на 28 июня Стюарту удалось переправиться через Потомак, на котором вследствие засушливой погоды открылся глубокий брод против Дренсвиля. На следующее утро, у Роквиля, Стюарт узнал, что между ним и Ли находятся главные силы северян. Стюарт решил продолжать рейд в обход северян с севера. В Вашингтоне, имевшем 30-тысячный гарнизон, распространилась паника. 29 июня Стюарт разрушил в одном переходе к западу от Балтиморы Огайскую железную дорогу, на которой висело снабжение армии Мида; 30 июня у Ганновера, он столкнулся с кавдивизией северян Кильпатрика, которая была выслана Мидом со специальной целью—препятствовать соединению Стюарта с Ли; Стюарт отбросил головную бригаду Кильпатрика, но, имея на исходе боевые припасы, будучи обременен обозом с добычей и пленными, Стюарт не решился развивать бой и двинулся на соединение с южанами, долженствовавшими наступать к р. Сускеганне. После ночного марша, утром 1 июля в Дувре Стюарт нашел следы пребывания корпуса Иуэля, но последний куда-то исчез. Положение Стюарта между неприятелем и непроходимой вброд рекой Сускеганной становилось печальным. Стюарт продолжал движение к Карлейлю, куда прибыл с головной бригадой после полудня, сделав за двое суток, с серьезным боем у Ганновера, свыше 200 *км*. Около Карлейля были следы пребывания южан, но город был забаррикадирован и занят милицией северян. Вследствие изнеможения конского состава, Стюарт здесь остановился и выпустил по городу свои последние снаряды. На утро 2 июля Стюарта разыскал офицер штаба Ли, объяснивший ему, что решительное столкновение у Гетисбурга уже в полном ходу. Стюарт немедленно выступил кратчайшими путями к Гетисбургу и вечером 2 же июля уже пристроился к левому флангу армии Ли и обеспечил его. Однако он не подготовил разведкой развертывание армии и со своей измученной конницей не мог уже действовать в бою с достаточным напряжением сил. Несмотря на громадную смуту, поднятую рейдом в тылу Мида, в окончательном счете этот рейд, оторвавший лучшую конницу от армии в наиболее горячий период операции, надо считать как крупный минус, как одно из важных слагаемых в общей неудаче южан.

Генерал Мид решил отказаться от действий на сообщения Ли, которые намечал его предшественник, и двинулся на север, параллельно движению южан с тем, чтобы оставаться между неприятелем и Балтиморой и Вашингтоном. Марш 29 и 30 июня производился тремя колоннами: левая из I и XI корпусов на Эметсбург, средняя в составе XII и III корпусов на Танейтаун, правая—II, V и VI корпуса—на Вестминстер. Кавалерийская дивизия Буфорда прикрывала армию слева и выдвинулась к Гетисбургу; кавдивизия Грегга прикрывала у Вестминстера правый фланг и тыл армии со стороны Стюарта, а кавдивизия Кильпатрика, в направлении на Ганновер, должна была охотиться за Стюартом и мешать ему пройти на запад, к своим. Кроме того одна пехотная дивизия Френча оставлена была в г. Фредерик, чтобы прикрывать узел путей на Вашингтон и Балтимору.


в Карлейль
Д.Джонсон
Чемберсбург
Д. Пикет
Корп. Лонгстрита
Корп.Тиль
Гейдлерсбург
Див. Хет
Буфорд
в Гарисбург
2/3 корп. Иуэль
Стюарт
Гунтерстаун
в Йорк
Гетисбург
Д.Кильпатрик
Гановер
Ту-Таверн
Манчестер
С
Ю
Эметсбург
I
XI
Танейтаун
XII
III
Мидлербург
Вестминстер
II
V
Грегг
в Балтимору
VI
из Вильямспорта
Див.Френча
Фредерик
в Балтимору
в Вашингтон
0 5 10 15 20 км

Черт. 9. Гетисбургская операция. Положение 30/VI 1863 г.

На 1 июля генерал Мид, получивший сведения об отходе назад корпуса Иуэля и о сосредоточении южан, решил принять группировку, обеспечивавшую ему занятие сильной позиции Манчестер—Мидельсбург, со снабжением по ветке Балтимора—Вестминстер, в том случае, если Ли попытается на него обрушиться; но, не желая сразу принимать вполне пассивное положение, он оставил свои силы (за исключением VI корпуса), разделенными в четыреугольнике площадью 20×25 *км*. I и XI корпуса направлялись в Гетисбург, III корпус из средней колонны—на их место в Эметсбург; эти передовые корпуса должны были наблюдать за проходами Южных гор, которые вели к этим двум пунктам, и обеспечить армии время для спокойного сосредоточения на избраной позиции. XII и II корпуса направлялись к Ту-Таверн, в полупереходе от Гетисбурга. V корпус направлялся в Ганновер, VI—в Манчестер. Такая группировка позволяла без затруднений продолжить марш на север, если бы обстановка изменилась.

Таким образом 1 июля ни северяне, ни южане не предполагали вступать в решительное сражение. Встречное столкновение, однако, должно было иметь место вследствие сближения под углом в 90° сил обеих сторон.

Южане привыкли одерживать успехи на своей территории, где их конница, опираясь на сочувствие и агентов среди местных жителей, раскрывала им полную картину движений и намерений неприятеля. Таланты Ли особенно ярко развертывались приблизительно в такой же обстановке, как и таланты Людендорфа в Восточной Пруссии, когда русский радиотелеграф раскрывал немецким штабам все приказы, отдаваемые русским войскам. Теперь же южанам предстояло в трудных условиях организовать марш, из которого непосредственно могло вылиться решительное столкновение, а Стюарта, который выяснил бы обстановку, не было.

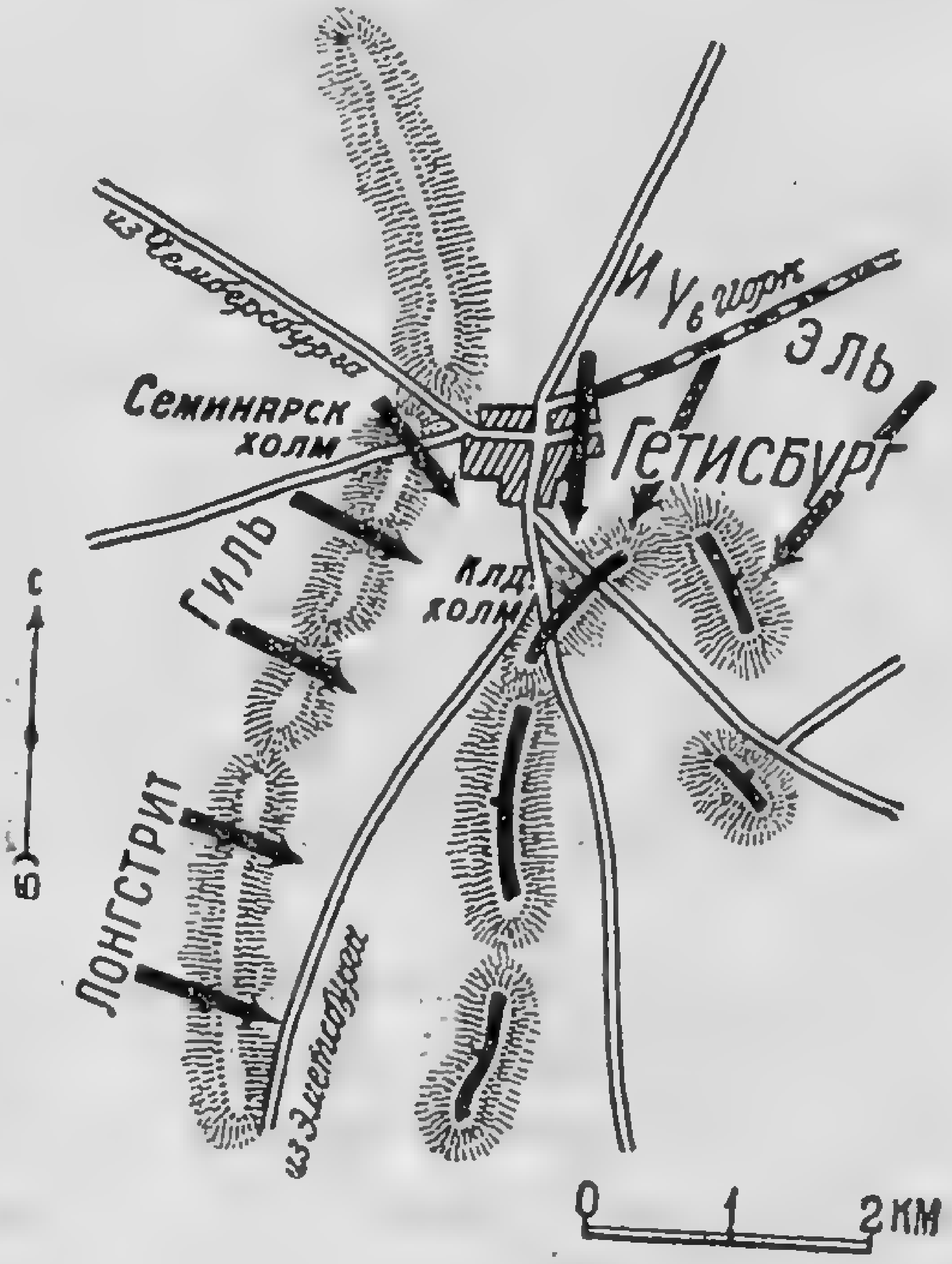
Когда голова корпуса Гиля подходила 30 июня к Гетисбургу, хвостовая дивизия корпуса Лонгстрита—отборная виргинская дивизия Пикета—оставалась еще на квартирах у Чемберсбурга. Ввиду самоснабжения хозяйственные вопросы получали даже в этой обстановке перевес над боевыми; головная дивизия Хета—из корпуса Гиля—двигалась, разделившись побригадно, причем первая бригада имела за собой значительное количество повозок [1]; кавдивизия Буфорда предупредила южан в Гетисбурге. Наличие большого обоза и полная невыясненность, какие силы находятся перед ней, побудили авангардную бригаду Хета отойти, не ввязываясь в бой. Таким образом возможность занять важный узел путей Гетисбурга еще 30 июня осталась южанами неиспользованной.

---

[1] Темные объяснения наличия в авангарде большого обоза сводятся к тому, что в Гетисбурге имелось большое количество сапожного инструмента, в котором нуждались южане, и который намеревались сейчас же реквизировать. Мы предполагаем другие причины, о

Утром 1 июля кавдивизия Буфорда (4000 всадников) знала, что в ее соседстве находятся значительные силы южан. Но так как вскоре должны были подойти два корпуса северян (I и XI), то Буфорд решил удерживать Гетисбург и развернул свою дивизию на подступах к западу со стороны Гетисбурга, на Семинарском холме.

Гиль предполагал утром 1 июля занять Гетисбург одной своей головной дивизией, но Ли, опасавшийся осложнений, приказал ему наступать, имея вместе две дивизии и корпусную артиллерию. Головная дивизия Гиля была остановлена спешенной кавалерией; стала развертываться вторая дивизия. К Буфорду начали подходить на помощь части I армейского корпуса. Гиль, уяснив, что в развертывании он обогнал своего противника, двинул свои две дивизии на штурм и сбросил северян с высот западнее Гетисбурга.



Черт. 10. Сражение под Гетисбургом.

Командир I корпуса был убит в начале боя. Командир XI корпуса, объединивший командование обоими корпусами, оставил I корпус оборонять Гетисбург непосредственно с запада, а свой XI корпус развернул вдоль железной дороги, фронтом на север, откуда, как дала знать разведка, подходили части Иуэля. Третья дивизия XI корпуса была оставлена окапываться на тыловой позиции, на Кладбищенском холме, к югу от Гетисбурга. III корпус из Эметсбурга уведомил, что он по своей инициативе движется на пушечные выстрелы к Гетисбургу. Командир же

которых можно заключить из неоднократных приказов Ли, запрещавших самовольные реквизиции и грабежи, отталкивавшие от южан симпатии населения северных штатов.

XII корпуса, находившегося всего в 8 *км* от поля сражения в Ту-Таверне, на просьбу XI корпуса о помощи сообщил, что без приказа Мида он не двинется. Командующий армией Мид втечение всего первого дня сражения оставался в Танейтауне, в 20 *км* позади, и прибыл только в ночь на второй день.

Генерал Иуэль развернул свои дивизии и артиллерию с севера. Дружная, концентрическая атака 5 дивизий Гиля и особенно Иуэля с запада и севера к 17 часам смела боевой порядок I и XI корпусов; город Гетисбург был захвачен; в нем была взята масса пленных. Но здесь Гиль и Иуэль придержали свои перемешавшиеся войска. Иуэль опасался флангового удара с востока и выжидал, несмотря на приказ Ли—энергично продолжать преследование. В понятиях того времени атака требовала предварительного упорядоченного развертывания в исходном положении. Дорогое время терялось на наведение этого порядка. Получившаяся задержка южан позволила резервной дивизии XI корпуса удержаться на Кладбищенском холме. Около 18 час. начали пристраиваться к ней части III и XII корпусов. Генерал Мид получил от командира II корпуса, выехавшего на поле сражения в качестве стороннего наблюдателя, донесение, что южнее Гетисбурга держаться можно, и отдал общий приказ о сосредоточении к полю сражения, толкнувший и XII корпус вперед.

Вечером к южанам подошли 2 дивизии Лонгстрита, ночью—последняя дивизия Иуэля, совершавшая марш между дивизиями корпуса Лонгстрита. Лонгстрит стал развертываться правее Гиля. Ли принял решение—охватить северян с севера и запада и на 2 июля составил план, по которому Гиль в центре должен был связывать противника, а Иуэль и Лонгстрит с двух сторон, атакуя флангами, развить охват в окружение. Все это требовало сложных перестроений. Лонгстрит, не имея своей лучшей дивизии Пикета, смотрел скептически на наступление 2 июля. Иуэль должен был продвинуть свою вновь прибывшую дивизию Джонсона на крайний левый фланг, чтобы атаковать северян с востока; мешала конница северян, приходилось выжидать, пока прибывший Стюарт покроет левый фланг южан. В результате наступления южан началось только после 15 часов; вялая атака Лонгстрита была отбита, а Иуэлю удалось с помощью дивизии Джонсона сдавить северян с востока. Позиция последних напоминала половину эллипса, обращенную вершиной к северу. Расстояние между фронтами северян, обращенными на запад и восток, не превосходило 2 *км*. Вечером вся армия северян была в сборе, и все корпуса участвовали, хотя бы частично, в бою.

Мид с опаской смотрел на постепенное окружение своих войск южанами; но так как попытка отступления, вероятно, привела бы к катастрофе, к беспорядочному бегству, то он решил продолжать 3 июля сражение, сосредоточив главные силы против угрозы, нависшей на него с востока.

Ли на 3 июля решил использовать невыгодное положение охваченного центра северян, сосредоточить против него подавляющую артиллерию для концентрического обстрела и прорвать его подошедшей дивизией Пикета.

Бои 3 июля свелись к тому, что в 11 часов утра северяне, сосредоточив все усилия, сумели оттеснить несколько к востоку нависшую над ними дивизию Джонсона, и атака Пикета на центр, начавшаяся весьма удачно, была в конечном счете отбита с громадными потерями картечным огнем массы артиллерии северян, в момент артиллерийской подготовки замолкнувшей и даже частично снявшейся с позиции, но вновь выскочившей на картечь в момент штурма.

Артиллерийская подготовка сосредоточенной массы артиллерии южан слишком резко была отделена от пехотной атаки; пехота в решительные минуты осталась без поддержки своей артиллерии; была переоценена действительность артиллерийской подготовки; создалось ложное представление о перевесе над неприятельскими батареями, замолчавшими во время артиллерийской дуэли и вновь ожившими в момент атаки. Установленная еще под Равенной в 1512 г. форма разделения сражения на подготовку и атаку уже не отвечала изменившимся условиям.

Этот неуспех имел решающее значение. Потери каждой из сторон достигали 23 тыс. Но для более слабых численно южан эти потери составили 34% всего состава армии. Последняя уменьшилась до 45 тыс.; только решительная победа над Мидом могла бы открыть путь дальнейшему вторжению в штаты Севера этим слабым силам. А вместо победы третий день сражения под Гетисбургом принес тяжелую тактическую неудачу. Новые 12 тыс. подкреплений, подошедшее к Мецу, еще более нарушали соответствие сил.

Ли решил отступить в Виргинию. Чтобы дать время обозам отойти, 4 июля Ли оставался в занятом расположении. Мид, армия которого была страшно потрясена, также бездействовал. Утром 5 июля позиции южан перед его фронтом оказались пустыми, и лишь Стюарт искусно прикрывал отступление.

Дивизия северян Френча, из Фредерика, успела продвинуться вверх по Потомаку и разрушить в тылу Ли все мосты; Потомак от дождей разлился; все броды закрылись. Только что, 4 июля пал на р. Миссисипи последний оплот южан—Виксбург, в котором Гранту сдались осажденные 30 тыс. южан с 117 орудиями. Весь Север ожидал, что та же участь постигнет и армию Ли. Однако последний успел собрать 7 июля свою армию к Хагерстауну и ожидал падения уровня воды в Потомаке и сбора нового мостового материала. Лишь 13 и 14 июля Ли удалось совершить переправу у Вильямспорта. Мид вел параллельное преследование через Мильдтаун, подошел к Вильямспорту только 12 июля и перешел в решительную атаку 14 июля, когда на предмостной позиции оставались только редкие спешенные стрелки Стюарта, которые счастливо ускользнули. Удалось захватить всего 2 орудия. От дальнейшего вторжения в Виргинию Мида удержали вспыхнувшие на Севере бунты, не только прекратившие приток пополнений к северянам, но вынудившие направить в крупные центры лучшие полевые части. Лишь в октябре Мид смог перейти в наступление и в ноябре форсировал Рапаганок.

Общие замечания. Работа над историей гражданской войны представляет необычайные трудности. Соединенные Штаты отказались после нескольких попыток от издания официальной истории и лишь отпечатали, сведя в систему, весь громадный архивный материал. Нет еще не только исчерпывающей военной, но и политической истории гражданской войны между Севером и Югом.

События гражданской войны в Соединенных штатах отразились на предпочтении, оказанном французами в 1870 г. пассивным оборонительным действиям в бою; Мольтке усвоил из опыта этой войны требование выдвигать кавалерийские дивизии для самостоятельных действий; кавалерийские дивизии и в Европе стали отрываться от пехоты, хотя в 1871 г. прусская кавалерия еще почти не была вооружена ружьями и не годилась для спешенного боя. В скором времени опыт этой дальней и труднопонятной войны был оттеснен из кругозора Европы крупными успехами прусских армий под руководством Мольтке в войнах 1866 и 1870—71 гг.

Только кавалерийские писатели продолжали изучать кавалерийские рейды Стюарта—явление, почти вовсе незнакомое новейшей военной истории Европы до гражданской войны в России 1918—1920 гг. исключительно. Театр войны, условия борьбы, измор, лежавший в основе успеха северян,—все противоречило шаблонам европейского военного мышления. Без внимания к условиям гражданской войны ограничивались указанием на огромные военные затраты Севера втечение четырехлетней войны против 5 миллионов отколовшегося белого населения, не имевшего прочной военной организации. Прямые военные издержки Севера превышали 13 миллиардов франков, т. е. победа Севера над Югом обошлась почти в 7 раз дороже, чем победа Германии над Францией в 1871 г., хотя Франция имела в 7 раз большее население, крупную промышленность, военные традиции и организацию. Отсюда защитники регулярных армий делали выводы, что в своем материальном истощении и в громадных потерях в людях [1] Соединенные Штаты должны видеть расплату за то, что в мирное время они игнорировали военное дело; за то, что военное ведомство в мирное время занимало в Вашингтоне лишь небольшой неказистый домик, тогда как другим министерствам были настроены мраморные дворцы; за то, что численность регулярной армии доходила лишь до 17 тыс. человек. Все эти аргументы довольно сомнительны; наличие большой регулярной армии не спасает от гражданской войны, как мы видели в России в 1917—1920 гг.; быстрейшее завершение гражданской войны в России, по сравнению с Соединенными штатами, мы, конечно, должны отнести главным образом за счет гораздо более глубокого революционно-социального потрясения, чем за счет наличия в России 1917 г. широких военных навыков, хотя и последнее, конечно, имело значение.

Изучение эволюции военного искусства не может в наше время обходить историю гражданских войн. В частности уроки событий 1861—1865 гг. нашли непосредственный отголосок в Европе в 1870—71 гг. в руководстве Гамбеттой и его ближайшими сотрудниками борьбой французских провинций против прусского нашествия. Едва ли, не изучив серьезно гражданскую войну 1861—1865 гг., исследователь может понять вполне историю современной нам русской гражданской войны и справиться с ее исследованием. Аналогии до толкования международного права Линкольном и Лениным, до влияния позиции зарубежного пролетариата, до роли конницы, до рейдов Стюарта, Буденного, Мамонтова, до значения в операциях населенных пунктов (Гарисбург—Львов) напрашиваются сами собой.

---

[1] Только в армиях Севера было убитых 103 тыс. и умерших от болезней 185 тыс., итого смерть унесла у Севера 288 тыс. солдат и офицеров; потери Юга умершими превышают 200 тыс. Число раненых с обеих сторон, вероятно, близко к миллиону.

В кратком приведенном очерке мы уже смогли познакомиться с теми трудностями, которые рабочие и крестьяне Севера—в конечном счете основная опора Линкольна—встретили на пути построения своей армии и в особенности на пути создания высшего командного состава. Отношения между политикой и стратегией в эту войну заслуживали бы отдельные исследования.

При изучении Гетисбургской операции мы видели, какое огромное значение может получить политический центр, вроде Гарисбурга. Это значение, этот расчет на базу впереди приводят к тому, что Ли, игнорируя живую силу неприятеля, намечал сначала одним корпусом Иуэля, затем всей армией выполнение как бы огромного рейда по неприятельской территории и готовился вовсе отказаться от сообщений со своей истощенной базой—Виргинией. В этой важнейшей операции генерал Ли как бы стремился вооруженной рукой внести контр-революцию извне на Север. Но вскоре у него создалось впечатление, что его успехи скорее мешают, чем помогают агитации его друзей-демократов Севера. «Я вижу, что мы никогда не сумеем добиться мира наступательными сражениями; чем больше мы побеждаем, тем сильнее раздуваем мы ненависть в этой гражданской войне; поэтому впредь я ограничусь, по возможности, обороной и буду беречь своих солдат». Так резюмировал Ли политико-стратегический опыт Гетисбурга. В середине операции-рейда он сознал отсутствие под ним политической почвы и хотел перейти к тактической обороне на неприятельской территории; получилось, однако, встречное сражение.

Надо подчеркнуть крупные невыгоды для армий Юга, выливавшиеся из тесного сосредоточения их главных сил около г. Чемберсбурга; это сосредоточение объяснялось привычкой войск бивакировать в Виргинии вследствие ничтожных размеров виргинских поселков, а также желанием дать войскам дневку около магазинов, собранных конницей в Чемберсбурге, откуда войска могли регулярно получать довольствие. За это тесное сосредоточение, в связи с неожиданным изменением дальнейшего движения под прямым углом вправо, пришлось расплатиться маршем 7 дивизий по одной дороге и вытекавшими из него трудностями развертывания. Как это ни удивительно на первый взгляд, но группировка корпуса Иуэля на отлете оказалась в боевом отношении много выгоднее, позволив двум дивизиям последнего простым движением к полю сражения поставить северян в охваченное положение.

Создавшееся в первый день под Гетисбургом положение, после разгрома двух головных корпусов северян, исключало возможность для южан и перехода к обороне, и планомерной подготовки дальнейшего наступления. Надо было ковать железо, пока горячо, и, не заботясь об установлении порядка, о занятии исходного положения, о выжидании других дивизий, подходивших тонкой кишкой, энергично ломить вперед, разбрасывая подходящие корпуса северян и нанося им поражение по частям. Следовало вести атаку без оглядки, вводя немедленно в бой каждую часть, прибывавшую на поле сражения, оставляя задачу резервов на еще тянувшиеся в походном порядке части. Ли тщетно пытался в первый день сражения дать ему такой встречный характер, развивать его непосредственно из походной колонны. Его корпусные командиры были не знакомы с методами ведения встречного боя, они были избалованы успехами, одержанными в Виргинии, когда обстановка была ясна заранее и роли каждого определенно очерчены. Корпусные командиры инстинктивно перевели бой в русло планомерного сражения.

Решительная атака таким образом оттянулась на третий день; северяне, огорошенные первоначальной неудачей, успели подтянуться и устроиться; великолепные качества южан, как индивидуально подготовленных бойцов на пересеченной местности, не могли быть использованы в массовых атаках; получившееся расхождение между пехотной атакой и артиллерийсокй подготовкой представляло очень опасное тактическое явление, за которое русская армия жестоко платилась еще под Плевной в 1877 г. и которое не во всех армиях изжито еще и по сие время, несмотря на постоянное подчеркивание теорией тактики опасности расчленения во времени действий пехоты и артиллерии.

В проигрыше операции лежит крупная часть вины и на Стюарте; его блестящий рейд—типичная партизанщина; успехи Стюарта не окупили отсутствия его вовремя на надлежащем месте, в районе Гетисбурга, где он позволил бы Ли сознательно и в выгоднейших условиях вступить в решительное сражение.

Группировка Мида перед сражением была несравненно выгоднее тесного сосредоточения южан у Чемберсбурга. Но тактическое построение северян тесным эллипсом, их пассивность, разумеется, подчеркивает их меньшую тактическую подготовку, боязнь маневра. При дальности гладких орудий охват северян не получил решительного значения. При нарезных орудиях такое столпление войск на поле сражения привело бы, несомненно, к катастрофе, подобной седанской. С поперечником в два километра, на два фронта драться и под Гетисбургом было крайне трудно, несмотря на удобную цепь холмов, по которой выстроился эллипс северян. Бои в этом положении не могли не привести к сильному потрясению армии Мида, сказавшемуся только в обозначенном преследовании южан.

Литература.

1) **Le Comte de Paris.** Histoire de la guerre civile en Amérique 1874—1883 гг. 6 томов. Перу графа Парижского, главе орлеанской династии, участвовавшему лично в гражданской войне на стороне Севера, принадлежит лучшее, добросовестнейшее исследование военных событий войны. Автор, несмотря на свое явное сочувствие Северу, оценивает весьма объективно и действия южан, хорошо знаком с театром войны, важнейшими руководящими лицами Севера, и основывает свое изложение на многих первоисточниках. Его многотомная история осталась незаконченной; она доведена лишь до конца 1863 г. Первые два тома, с ценным очерком обеих армий и первого года военных действий, имеются в русском переводе. **Гр. Парижский.** История междоусобной американской войны 1860—1865 гг. (перев. Риттера, изд. 1875 г.).

2) **Freihern v. Freytag-Loringhoven.** Studien über Kriegführung auf Grundlage des Nordamerikanischen Sezessionskrieges in Virginien. Berlin. 1901. 3 тома. Этюды Фрейтаг-Лорингофена охватывают критику действий на Виргинском театре и кратко излагают события на других театрах. Имеются любопытные оперативные и тактические оценки и сопоставления с операциями Наполеона и Мольтке.

3) **Сухотин.** Рейды и поиски кавалерии. 1875 г. Автор известен как сторонник стратегического употребления конницы и не-

мало содействовал обращению всей русской кавалерии, до воскрешения Сухомлиновым гусар и улан, в конницу драгунского типа.

4) **War of the Rebeelion.** A compilation of the Official Records of the Union and Confederate Armies. 128 томов. Изданное правительством Соединенных штатов и разосланное важнейшим библиотекам, в том числе и русской военной академии, бесчисленное количество томов, с систематизированными документами северных и южных штатов, ждет многими десятилетиями любознательного исследователя гражданской войны в Америке.

5) Memoires of Heros von Borcke. London. 1866. Мемуары Борка представляют особенный интерес в кавалерийском отношении. Имеются и в немецком переводе Келера: Zwei Jahre im Sattel und am Feinde.

6) **А. Саймонс.** Социальные силы в американской истории. 1925. Вместе с этим переводным трудом, популярная брошюра. **Д. Заславский.** Гражданская война в Соединенных Штатах Сев. Ам., 1926., излагает марксистскую точку зрения. Серьезным исследованием последняя брошюра не является; в ней содержатся многие неточности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прусская армия эпохи объединения Германии

Стремление к национальному объединению. — Установление общей воинской повинности. — Ландвер. — Военная реформа 1860 г. Командный состав. — Генеральный штаб. — Шарнгорст и кружок реформы.— Устройство генерального штаба Грольманом. — Расширение круга деятельности при Мольтке. — Мобилизация. — Судьбы военной теории в Пруссии. — Прусские уставы 1811 и 1847 гг. — Огневая тактика. — Клаузевиц: политика и война, моральный элемент, сокрушение и измор, оборона и наступление, реализм, значение теории.—Литература.

Стремление к национальному объединению. Богатая Англия в первой половине XIX века являлась по устройству своих вооруженных сил наиболее отсталой европейской страной, а бедная, разоренная наполеоновскими войнами Пруссия занимала наиболее передовую позицию. Объяснение этому лежит в резких отличиях политических задач, лежавших перед этими государствами. Английская буржуазия, обеспеченная морями, отделявшими ее от Европы, и еще в большей степени—противоречиями между континентальными государствами, в использовании коих она приобрела огромный навык, нуждалась в армии лишь для поддержания своего колониального владычества, с одной стороны, и для обеспечения своего господства над рабочими массами—с другой. Но борьба с дикарями в колониях и обуздание безоружного народа на родине не являлись задачами, которые могли толкнуть англичан на новое творчество в военном деле.

Полную противоположность представляла небольшая, вся изрезанная границами, чересполосная Пруссия, не обеспеченная какими-либо рубежами от вторжения с запада, юга, востока. Господствующие классы Пруссии еще не имели никаких заморских интересов, но XIX век отчетливо поставил перед ними задачу—объединить в одно мощное государство разрозненные немецкие земли.

С эпохи Тридцатилетней войны Германия находилась в полосе экономического отлива. Голландцы и англичане монополизировали торговлю с востоком Европы и тем окончательно похоринили процветание ганзейских городов. Раздробление Вестфальским миром, балканизированная усилиями Ришелье, Германия не имела возможности выступить конкуренткой западноевропейских приморских держав в борьбе за колонии и океанскую торговлю. Внутри самой Германии бесчисленные перегородки границ, чересполосность владений препятствовали экономическому росту. Вместе с сотнями столиц и резиденций внутри Германии явилась переходящая в распыление децентрализация политической, умственной и экономической жизни. Выросшие повсюду таможенные рогатки раздробляли производство, заставляя его обслуживать микроскопические рынки; когда французские и английские промышленники стали уже фабрикантами, немец продолжал оставаться ремесленником.

Господство Наполеона в Германии ознаменовалось сокрушением и перекройкой многих исторических перегородок; право на самостоятельное существование отдельных германских княжеств, создававшееся на почве исторической давности, было подорвано в сознании широких масс. Наполеон демонстрировал и материальные невыгоды этого раздробления Германии на своего рода политические уделы: один проход армии Наполеона в 1812 г. через Пруссию в Россию обошелся прусскому народному хозяйству в 1 236 млн. франков [1].

В глазах немецкой буржуазии все более крепло убеждение, что причина всех зол, в том числе бедности немцев, лежит в политическом раздроблении Германии. С самого начала XIX века установилась тяга к национальному объединению. Реконструкция старой Германии Венским конгрессом не создала прочной политической постройки; германские феодалы уже на этом конгрессе в 1815 г. предлагали австрийскому императору принять титул германского императора, чтобы помешать немецкой буржуазии, с военным вождем Гнейзенау во главе, насильно провозгласить таковым прусского короля. Только возвращение Наполеона с острова Эльбы и последовавшая политическая реакция помешала началу вооруженной борьбы за германское единство уже в этот момент.

---

[1] Быть может, подсчет прусских экономистов и преувеличен несколько.

С 1834 г., по мысли экономиста Фридриха Листа, Пруссия приступила к устройству таможенного союза, который объединил восемнадцать германских государств и положил начало торговому и промышленному расцвету Германии. Политическое объединение едва не было достигнуто в революцию 1848 г., которую немецкая буржуазия стремилась использовать для поднесения императорской короны прусскому королю. Однако объединение Германии около Пруссии серьезно нарушало политические интересы Австрии, Франции и отчасти России, поскольку и для последней невыгодно было допустить без соответственной компенсации рост силы соседа, и не могло быть достигнуто без вооруженной борьбы. Пруссия на нее не рискнула и в 1850 г. в Ольмюце вынуждена была в унизительной для себя форме отказаться от германской короны.

Наполеон III, начав в 1859 г. войну за объединение Италии, подлил масла в огонь германского объединительного движения.

После Сольферино все политические вопросы в Германии можно было рассматривать лишь под углом их отношения к национальному объединению. Раздробленность Германии, самостоятельность мелких немецких князьков были мыслимы только на основе противоречий между двумя великими немецкими державами. Первым приемом для достижения германского единства являлось удаление из германского союза Австрии. Пруссия добилась этого войной 1866 г.

Только на почве этого стремления к национальному объединению Пруссия смогла в XIX веке найти в себе силы для преодоления вековых предрассудков и для совершения огромного скачка вперед в военном искусстве. Таким скачком явилась всеобщая воинская повинность и начальные формы организации вооруженного народа.

Установление общей воинской повинности. Мысль о том, что армия значительно усилится в количественном и качественном отношении, если круг комплектования ее не будет ограничен одними беднейшими классами населения, а распространится и на господствующие классы, едва ли можно было бы назвать гениальным открытием; но проведение ее в жизнь нарушало весьма существенно привилегии феодальных и буржуазных кругов.

Господствующие классы занимали по отношению к воинской повинности почти столь же отрицательную позицию, как и по отношению к мероприятиям социалистического порядка. Если мы видим после 1870 г. безболезненное установление общей воинской повинности во многих государствах, то только потому, что, после того как прусская буржуазия пошла на эту жертву, она стала необходимой и для буржуазии других государств: без общей воинской повинности отстаивание вооруженной рукой национальных интересов, т. е. интересов господствующих классов, являлось уже невозможным. Исключения представляли Англия и Соединенные Штаты, обеспеченные морями, в которых и до сих пор воинская повинность лежит на плечах беднейших классов, и в которых буржуазия согласна нести бремя военной службы только в момент угрожающих ей кризисов (мировых войн).

Первый раз, в условиях новой европейской истории, общую воинскую повинность удалось осуществить в разгар Французской революции, когда сопротивление феодалов было раздавлено, а буржуазия отстаивала свое дело. Но уже в эпохи Директории буржуазия, введя институт заместителей, сумела откупиться от этого налога крови.

Прусский король Фридрих-Вильгельм II еще в 1792 г. попытался использовать страх своей буржуазии перед революцией для распространения кантональной повинности «на всех верноподданных», но совершенно безуспешно. Особая комиссия, работавшая в Пруссии в 1803 г., также нашла невозможным ввести общую воинскую повинность: по заключению генерала Рюхеля, «государственный строй и военные учреждения тесно связаны; выбросьте одно кольцо, и развалится вся цепь; всеобщая воинскаяя повинность возможна только при реформе всего гражданского строя Пруссии».

Такая реформа наступила после великого потрясения всего государственного организма Пруссии Иенской катастрофой. Французская революция родила патриотизм в современном понимании этого слова и резко обострила национальные противоречия. Чтобы противостоять французам, надо было стать такими же патриотами и так же близко к сердцу принимать национальные интересы. Чтобы дать государственному организму Пруссии возможность противостоять Франции, прусские феодалы должны были допустить проведение Штейном освобождения крестьян от остатков крепостной зависимости и добровольно согласиться на уничтожение ряда феодальных пережитков [1]. Прусские феодалы должны были претерпеть и создание военного министерства генералом Шарнгорстом, предстравителем выходившей на политическую арену буржуазии. В армии были отменены телесные наказания. Наиболее популярный деятель партии реформы Гнейзенау приветствовал эту отмену в горячей статье «Свобода спины». Шарнгорст открыл буржуазии доступ в офицерский корпус, получивший характер всесословного.

Впрочем, в промежуток 1807—1813 гг. пруссаки могли наметить и обдумать многое, но для проведения задуманных военных реформ в жизнь они не располагали необходимой политической самостоятельностью. По условиям Тильзитского мира, Пруссия была вынуждена сократить свою армию с 240 тыс. на 42 тыс., и агенты Наполеона зорко наблюдали, чтобы резервисты не привлекались на учебные сборы, чтобы не создавалось никаких скрытых войсковых организаций. Попытка Шарнгорста обучать военному делу рабочих в крепостях и Штейна—организовать всевобуч—были ликвидированы Наполеоном. Однако Шарнгорсту удалось накопить в населении запас до 70 тыс. обученных резервистов посредством быстрого увольнения в запас солдат, признанных достаточно подготовленными, и замены их новобранцами. Были периоды, когда роты, имевшие мирный состав в 40—60 человек, ежемесячно увольняли в запас по 5 человек.

Если идеи Шарнгорста об организации вооруженного народа удержались, хотя и в искаженном виде втечение долгого периода реакции, то это объясняется в значительной степени традицией войны 1813 г., особенно памятной в сознании пруссаков, как приведшей к освобождению немецких земель от наполеоновского ига.

---

[1] Русский император Александр I заявил в 1812 г., что в крайнем случае он готов отпустить себе бороду и уйти в Сибирь, но не сложит оружия перед Наполеоном. „Отпущенная борода“ понимается нами, как отказ от феодальных привилегий и крестьянская реформа. То, что для русских господствующих классов являлось одной из возможностей при обострении условий борьбы с революционной Францией, для более угрожаемой Пруссии представляло неотложную необходимость. Отсюда Пруссия резко обогнала Россию на протяжении XIX века.

Общий подъем и решительность начатой войны, в которой на карту было поставлено самое существование Пруссии, позволили Шарнгорсту побороть сопротивление консервативных кругов и ввести, как временную меру, общую воинскую повинность, распространявшуюся на все классы населения без изъятия. Так как господствующие классы, несмотря на предшествующие реформы и уничтожение феодальных пережитков, с трудом могли себе представить своих сыновей поставленными в части войск в тех же рядах, в которых стали и крестьяне, только несколько лет перед этим освобожденные от крепостной зависимости,—то, как позолота неприятной для них пилюли, были введены добровольцы-егеря, из которых вылился институт вольноопределяющихся. Всякий состоятельный человек, берущий на себя обязательство обмундировать и содержать себя на свой счет (а в кавалерии—и купить и содержать строевую лошадь), мог отбывать службу вольноопределяющимся. Последним предоставлялись известные служебные льготы; в 1813 г., при наплыве большого их числа, они сводились в особые команды; пригодным из них открывалось быстрое производство в офицеры. В мирное время они были обязаны только однолетней службой. Затем для приема в вольноопределяющиеся был установлен и образовательный ценз.

Ученик и приемник Шарнгорста на посту военного министра, Бойен, исходя из стремления к армии, являющейся воплощением духа и тенденций господствующего класса—буржуазии, неоднократно настаивал на том, чтобы обязать состоятельных и интеллигентных молодых людей поголовной службой однолетними вольноопределяющимися.

Полевая прусская армия в 1813 г. из 12 полков расширилась в 25; мирный ее состав с 42 тыс. увеличился до 142 тыс., впитав 70 тыс. резервистов и 30 тыс. не получивших заблаговременной подготовки. Однако такое расширение постоянной армии все же далеко не позволяло вместить в нее весь тот поток человеческого материала, который закон о всеобщей воинской повинности предоставлял в распоряжение правительства для ведения войны.

Надо было организовать народные силы и вне пределов кадров постоянной армии. Такая организация была создана в виде ландвера. Каждая провинция обязана была призвать мужчин в возрасте от 17 до 40 лет в том количестве, какое она могла снарядить в поход. Ландвер представлял правильно организованную народную милицию, чуждую каких-либо партизанских тенденций и призванную сражаться рядом с полками регулярной армии.

Ландвер был выставлен Пруссией в количестве, почти равном мобилизованной постоянной армии—120 тыс., несмотря на отсутствие какой-либо предварительной подготовки. Он образовал 149 батальонов пехоты и 113 эскадронов кавалерии (к 1815 г.—209 батальонов, 174 эскадрона). Ему пришлось действовать вначале с очень печальными материальными средствами. Суконного обмундирования он не получил, так как постоянная армия поглотила все имевшиеся запасы. Ружья получили только одна-две трети: первая, иногда вторая шеренга ландверных батальонов имела ружья, третья шеренга—исключительно пики. Ландверные эскадроны сабель не имели; вооружение составляли пики, владение которыми доступно лишь опытному всаднику. Без шинелей, в летних рубахах, в тяжелом осеннем походе 1813 г., под проливными холодными дождями (Кацбах) ландвер сильно пострадал и растаял от болезней. Ландверные части, получившие сначала более легкие задачи—блокаду и осаду занятых французами крепостей, постепенно сложились, снарядились, окрепли, втянулись и в 1814 г., а особенно в 1815 г. представляли уже грозную силу. Но и в 1813 г. во время битвы под Лейпцигом, по преданию, в город Лейпциг через Гримовские ворота первым, на глазах регулярной армии, ворвался ландверный батальон.

Сверх ландвера формировался ландштурм, в который зачислялись все мужчины, способные носить оружие и не попавшие в регулярную армию и ландвер. Ландштурм представлял военную организацию народных сил чисто местного характера; уже по отстутствию достаточного снаряжения он не мог выступить в поход вместе с полевыми войсками, но ландштурм мог взять на себя всю тыловую службу и освободить полностью регулярные войска и ландвер для действий против неприятеля. В провинциях, занятых французами, ландштурм должен был представлять подпольную организацию, развивающую партизанскую деятельность.

Когда закончился цикл наполеоновских войн, Пруссия избрала самостоятельный путь в организации вооруженной силы. Этот путь обуславливался, с одной стороны, страшным финансовым и экономическим истощением страны, а с другой—необходимостью располагать в военное время армией, по численности соответствующей положению великой державы.

На Пруссию были устремлены чаяния немцев, жаждавших объединения Германии, что могло быть достигнуто лишь путем кровавой борьбы. Из общего бюджета в 48 млн. талеров Пруссия уделяла на военные расходы половину—24 млн. талеров; до 50-х годов, когда решительно сказалось экономическое возрождение Германии, прусский министр финансов отказывал в увеличении ассигнований на военные расходы. В мирное время под ружьем на свои кредиты военное министерство не могло содержать более 125 тыс. офицеров и солдат, каковое число находилось в вопиющем противоречии с теми задачами, которые выпадали на прусскую армию при столкновении ее, хотя бы с одним из ее могущественных соседей—Австрией, Россией, Францией.

Базируясь на имевшимся уже опыте применения кратких сроков службы и ландвера, Пруссия приступила к такой организации армии, которая позволила бы значительно увеличить ее численность с объявлением войны. Политически избрание Пруссией передового пути строительства вооруженных сил становилось возможным не только потому, что прусская государственность получила громадную опору в том, что Пруссия, в глазах большинства немцев являлась основным орудием для создания единой Германии, но и вследствие той громадной политической работы, которую выполняли в Пруссии школьные учителя, вбивая в головы ученикам целый ряд понятий, обеспечивавших исправное функционирование общей воинской повинности. Введение последней облегчалось и слабостью прусской буржуазии, представлявшей тогда еще передовой класс, и кажущейся прочностью политической власти в руках юнкеров. Революция 1848 г. вызвала в Пруссии реакцию, проявившуюся в военной реформе 1860 г.

Чтобы дать прочные кадры своей армии и обеспечить энергичную подготовку призываемых, остающихся краткое время под знаменами, прусские части получили огромное число сверхсрочных унтер-офицеров и ефрейторов, представлявших одну шестую всего состава армии; число их в ротах достигало 30 человек. При таком богатом сверхсрочном кадре, который вплоть до Мировой войны оставался типичным для прусской армии, нечего было опасаться, что призывы, быстро проходящие через армию, которая становилась для народа военной школой, останутся непереработанными, внесут в казарму свой дух, не усвоят требований военной дисциплины. Экономическая разруха и безработица позволяли, приблизительно за жалованье в 6 рублей в месяц и за обещание мелкой гражданской должности через 12 лет (швейцара, счетчика, журналиста и т. п.), удерживать на сверхурочной службе наиболее ценные элементы из подлежащих очередному увольнению в запас.

В этих условиях пять лет службы в постоянной армии, на которые население было обязано законом о воинской повинности, явилось возможным распределить так: 3 года— на действительной службе, 2 года—в резерве. Однако выяснилось, что при небольшом штате мирного времени войсковых частей образуется недостаточный запас резервистов для пополнения до военного состава при мобилизации. Попытка установления особых «рекрут резерва» окончилась неудачно. Эти рекруты резерва получали в мирное время только четырехмесячную подготовку втечение летнего времени, что давало экономию в казарменных помещениях, отоплении и обмундировании (рекруты ходили в своих штанах); затем рекруты зачислялись на пять лет в резерв. Мобилизация 1830 г. показала, что эти рекруты, находясь в запасе, быстро забывали свою короткую выучку и являлись мало пригодными. Поэтому в 1832 г. [1] явилась альтернатива: или уменьшить число полков и за этот счет увеличить их штат мирного времени или пойти далее по пути уменьшения срока службы и перейти от 3-летнего к 2-летнему. Ветераны партии реформ, Бойен и Грольман, настаивавшие на последнем решении, одержали верх, и в период 1833—1858 гг. в прусской пехоте фактически срок действительной службы был 2 года, а состояния в резерве— 3 года.

Ландвер. Десятимиллионное население давало ежегодный контингент, обязанный общей воинской повинностью, около 80 тыс. Постоянная армия из этого числа поглощала около 30 тыс. и даже после мобилизации по своей численности являлась далеко недостаточной.

Надо было попытаться использовать, дав известное обучение и организацию, хотя часть пятидесятитысячного контингента, ежегодно не попадавшего в постоянную армию. В этом и состояла задача ландвера, сохранившегося в Пруссии, несмотря на глубокую реакцию, установившуюся в Европе.

---

[1] Одновременно для облегчения мобилизации и в николаевской России было принято решение—перейти от 25-летней действительной службы к 15, а затем 13-летней, увольняя солдат на остальные 10—12 лет в бессрочный отпуск.

Ландвер—это форма милиции, осуществленная в XIX веке в масштабе большого государства. К сожалению, объективного к себе отношения ландвер ни с какой стороны не встретил, и вопрос о нем сразу же стал рассматриваться под углом зрения политических страстей. Консерваторов пугало связанное с ландвером вооружение народных масс, которое в их представлении не согласовывалось с охраной интересов господствующих классов. Прусский министр полиции Витгенштейн находил, что «вооружать народ—это значит организовывать сопротивление авторитету власти, разорять финансы, даже наносить удар христианским принципам Священного союза». Командир прусского гвардейского корпуса герцог Мекленбургский видел в ландвере демагогическое учреждение: «лучше ослабить Пруссию, чем старый режим». Лучше уменьшить срок службы в постоянной армии до полутора лет, но уничтожить ландвер. Пусть армия уменьшится до 85 тыс. человек, пусть Пруссия сойдет во второй ранг держав—лишь бы не ландвер. Александр I предупреждал русских генералов, что ему, может быть, придется еще раз спасать прусского короля—на этот раз не от французов, а от своего собственного ландвера. Николай I еще в 1846 г. настойчиво давал прусскому королю дружеский совет—отделаться от своего ландвера. Веллингтон в эпоху Венского конгресса находил, что Пруссия вследствие организации ландвера находится в более анархическом состоянии, чем Франция, так как ни у короля, ни у других нет авторитета. Принц Вильгельм Прусский (будущий германский император) был убежденный враг ландвера: «связь и дисциплина жидки, и непривыкшие к командованию офицеры не могут их укрепить».

Кавалерия ландвера, которая, по мысли Бойена, должна была образоваться из всадников, являвшихся со своими собственными верховыми лошадьми, представляла в строю эскадрона лошадей разных мастей и типов и возбуждала насмешки. Консерватор, известный кавалерийский генерал Марвиц уверял, что он дрожит при одном воспоминании о том, что такое ландверная кавалерия. Дворянство еще удерживавшее свои позиции в офицерском корпусе постоянной армии, признавало корпус офицеров ландвера негодным, так как он проникнут буржуазным духом, и потому не имеет «point d'honneur». Король прусский Фридрих Вильгельм III после неудачных для ландвера маневров 1818 г., на которые он был двинут немедленно после сбора, без предварительных занятий для сколачивания частей, признал его «поэтической идеей», «химерой».

Действительно, прусский ландвер, собранный в начале 1815 г. под Кобленцом под командой Гнейзенау, относился с ненавистью к заседавшему в Вене конгрессу, реставрировавшему раздробление Германии на ряд малых государств. Ландвер целиком разделял идеалы буржуазии, существенно заинтересованной в объединении Германии. Известные теперь данные показывают, что ходившее на конгрессе выражение: «лагерь Валленштейна в Кобленце»—имело основание. Язвительное замечание Меттерниха, что австрийский император может сказать о своей армии, что она приходит в движение и останавливается по его приказу, а прусский король повторить этого не может,—отвечало действительности.

Если для одних готовность ландвера подчиниться директивам, которые от лица нации продиктует буржуазия, являлась пугалом, то для других именно на этом основании ландвер имел все преимущества перед постоянной армией.

Вождь свободомыслящей мелкой буржуазии южной Германии, пользовавшийся огромным авторитетом и популярностью, профессор Фрейбургского университета Карл Ротек выступил с трудом, в котором он превозносил заслуги ландвера в войну 1813 г.; он видел в постоянных частях только забаву для монархов, актеров для парадов и устанавливал для демократии программное требование—добиваться замены постоянных войск милицией [1]. Этому требованию остались верны программы всех левых парламентских партий.

Убежденные защитники ландвера—первый начальник прусского генерального штаба Грольман и «прусский Лафайет»—Бойен [2] вынуждены были в 1819—1821 гг. выйти в отставку, но сам ландвер сохранился.

---

[1] Karl Rottek. Über stehendes Heer und Nationalmiliz. Freiburg. 1816, стр. 140.

[2] Грольман: „Для того чтобы сражаться, нет необходимости принадлежать к особой касте. Эта роковая мысль во многом содействовала падению родины в пропасть; только противоположный принцип может помочь ей выбраться оттуда“ (1809 г.). Бойен: „Осененный

Ландвер был разбит на два призыва. Для включения в состав полевой армии наравне с постоянными войсками предназначался только ландвер первого призыва; он комплектовался молодыми людьми 20—25 лет, не попавшими в постоянную армию, и группою лиц (25—32 года), отбывших срок пребывания в резерве постоянной армии. Ландверист, закончивший пребывание в первом призыве, перечислялся во второй призыв (на 7 лет), задача которого—образование крепостных гарнизонов и тыловая служба. Первый призыв собирался на ученье в назначенные дни с таким расчетом, чтобы ландверист мог ночевать дома и раз в год отбывал учебный сбор продолжительностью от 14 до 28 дней, втечение которого он участвовал на маневрах совместно с постоянной армией. Второй призыв обучался втечение 8 дней в году, одновременно с ним происходила допризывная подготовка 17-20-летних. Это так называемый ландштурм первого призыва, представлявший запас людей для пополнения втечение войны действующей армии. Вопрос о более ранней допризывной военной подготовке юношей (русских «потешных»), по предложению Бойена, неоднократно обсуждался, но в результате был отклонен вследствие постоянных недоразумений между полицией и берлинскими мальчишками.

Демобилизованный в 1815 г. ландвер получил такую организацию: на группу селений (волость), которая должна была выставить ландверную роту первого призыва, устраивался предназначенный для учебных целей склад оружия и снаряжения; его сторожил фельдфебель роты—единственный ее кадровый солдат. По воскресеньям он руководил добровольными упражнениями ландверистов. Эти воскресные упражнения привлекали очень многих и имели шумный успех.

Уезд—в среднем 50—60 тыс. жителей—составлял батальонный ландверный округ [1]. Командир ландверного ба-

---

вечной памятью военный опыт, наше будущее политическое положение, состояние наших финансов, — все это требует определенно и безоговорочно сохранения ландвера".

[1] Стремление уменьшить участие в ландвере беднейших слоев городского населения находило свое выражение в том, что ландверные батальонные участки, включавшие большие города, нарезались значительно шире. Берлин с 180-тысячным населением, вместо того чтобы образовывать самостоятельный ландверный трехбатальонный полк, образовывал только части двух батальонных участков.

тальона нес обязанности председателя уездной по воинской повинности комиссии; врач батальона обязан был подавать числящимся в ландвере медицинскую помощь на дому. В ведении командира батальона находилось его мобилизационное депо, представлявшее склад оружия, обмундирования и снаряжения. В каждом округе имелся инспектор ландвера; батальоны округа сводились в один или несколько полков [1]. В каждой провинции ландвером командовал генерал. Вся организация ландвера была построена на дублировании административных районов военной ячейкой, что должно было обеспечивать ландверу возможную территорриальную спайку.

В основу организации корпуса ландверных офицеров Бойен положил мысль, что вождями народа, когда он берет в свои руки оружие, должны быть те же лица, которые в мирное время являются организаторами и руководителями его труда. В условиях капиталистического строя эта идея приводит к офицеру-буржуа. Особая делегация в каждом уезде выбирала трех кандидатов на очистившуюся вакансию, офицеры батальона останавливались на одном из них, назначение утверждалось королем. Кандидатами являлись прежде всего лица, отбывшие воинскую повинность вольноопределяющимися; по окончании действительной службы они зачислялись не в резерв постоянной армии, а непосредственно в ландвер первого призыва; затем, кандидатами могли быть отставные офицеры, отставные унтер-офицеры, если последние владели хотя бы минимальной недвижимой собственностью, и каждый гражданин, располагающий имуществом, стоимостью не меньше 10 тыс. талеров.

Таким образом, корпус офицеров ландвера представлял как бы цитадель буржуазии. Отношение офицеров к солдату в ландвере было иное, чем в постоянной армии. Обращение к солдату начиналось словами: «молодые товарищи». Ландверные офицеры проходили стаж в постоянных войсках, но Бойен заботился о том, чтобы в них сложился свой дух, чтобы тенденция плацпарадности, царившая в постоянной армии, не распространялась на ландвер. Стремление Бойена создать самостоятельный тип ландверного офицера привело, однако, к розни и враждебному отношению к ландверу со стороны офицеров действительной службы.

---

[1] До ухода Бойена в отставку на каждый из постоянных трехбатальонных полков имелся один четырехбатальонный ландверный полк первого призыва; затем число ландверных батальонов в полку было уменьшено до трех, с тем чтобы не допускать преобладания ландвера. Бойен же имел в виду иметь ландвера вдвое больше, чем постоянных войск.

При мобилизации ландвер вначале должен был образовывать самостоятельные высшие соединения, но с торжеством реакции возобладал принцип перемешивания: мобилизованная бригада образовывалась одним постоянным и одним ландверным полками.

Военная реформа 1860 г. В общем к 1858 г. прусская армия насчитывала в мирное время на действительной службе 130 тыс. человек. При мобилизации она расширялась до 200 тыс. и усиливалась 150 тыс. ландвера первого призыва. 110 тыс. ландвера второго призыва оставались для занятия крепостей и тыловой службы. При солидном обеспечении тыловых потребностей Пруссия имела возможность выставить на угрожаемой границе до 350 тыс. человек.

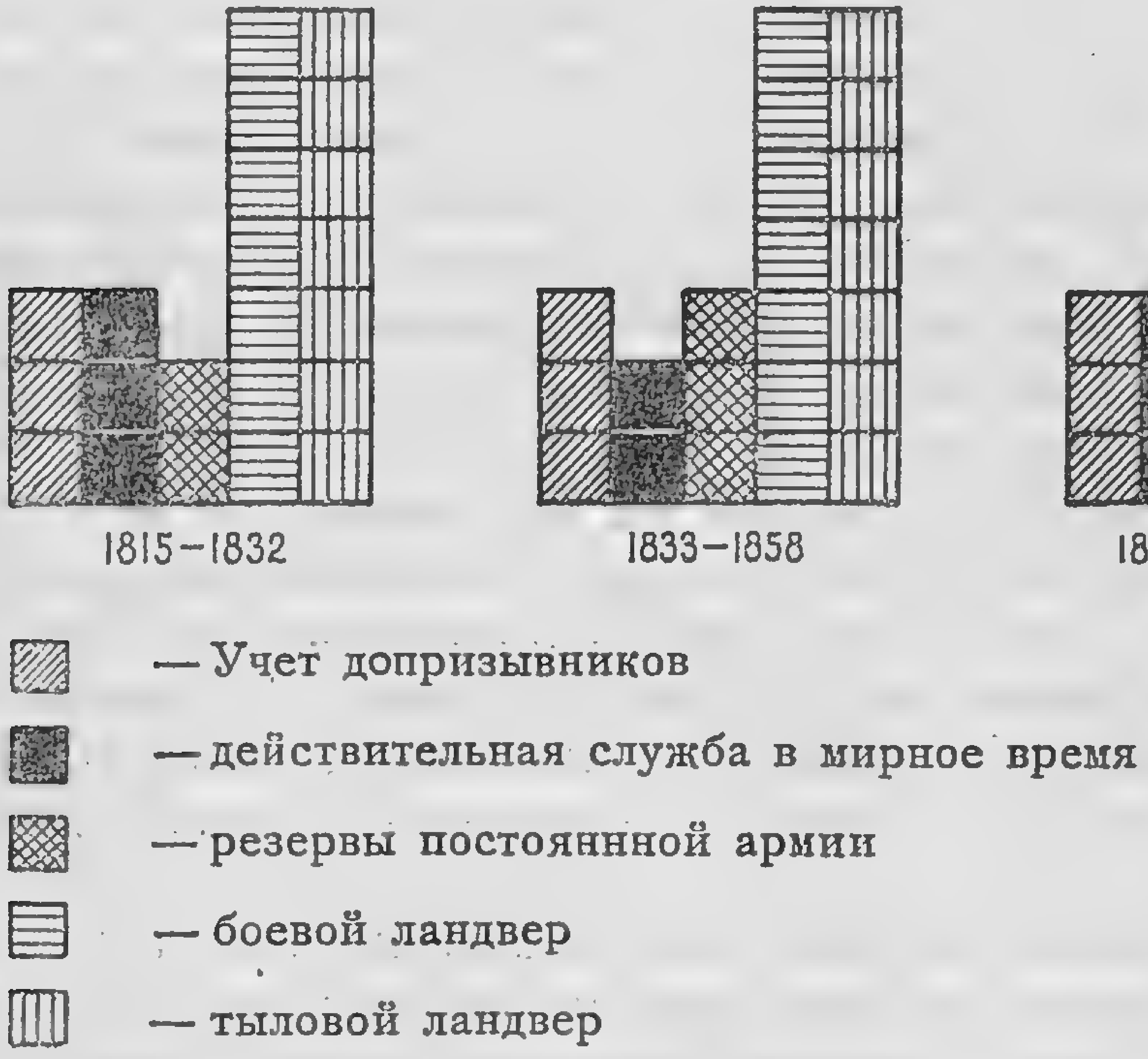
Недостатком этой организации являлось то обстоятельство, что армия перерабатывала в мирное время только 38 тыс. человек из ежегодного призыва; три четверти подраставшего поколения не получало военной подготовки, так как армия не увеличивалась, а население Пруссии с 1815 г. по 1860 г. увеличилось с 10 до 18 млн. Кроме того ландвер, безусловно пригодный для оборонительной войны, казался малонадежным для наступательных походов. Включая в себя преимущественно тридцатилетних отцов семейств, ландвер едва ли был способен к такому же упорному натиску, как состоявшие из молодежи части постоянной армии; сверх того, будучи составлен из политически сознательных элементов, он не представлял в руках правительства такого послушного, слепого орудия, каким являлась постоянная армия.

Организация прусской армии не встречала одобрения у известного своими реакционно-феодальными взглядами принца Вильгельма Прусского. Когда последний в 1857 г. сделался регентом Пруссии вследствие душевной болезни своего брата, короля Фридриха-Вильгельма IV, на очередь был поставлен вопрос о военной реформе. Будущий император германский Вильгельм I не дорожил передовой организацией прусской армии, он не ценил буржуазных элементов в рядах войск: «Мне не нужны в армии ни студенты, ни богатые люди». Он являлся поклонником хорошо вымуштрованных постоянных войск. На него сильное впечатление произвели успехи французских войск в Крыму и Италии. Торжество французов над австрийцами он объяснил как успех армии с долгими сроками действительной службы над армией, наполовину составленной из новобранцев.

Вильгельм совместно со своим военным министром, генералом Рооном, наметил следующие основания военной реформы, получившей окончательное выражение в 1860 г.: увеличение контингента, ежегодно призываемого в ряды армии, на 66% (до 63 тыс.); увеличение срока действительной службы с 2 до 3 лет; эти мероприятия увеличивали мирный состав армии с 130 тыс. до 213 тыс. Общий срок службы в армии и резерве увеличивался с 5 до 7 лет; таким образом, резерв армии, включал четыре возраста и увеличивался более чем на 100 тыс. В миррное время состав армии увеличивался на 49 новых полков; мобилизованный состав постоянной армии увеличивался на 75% (до 350 тыс.); кроме того, образовывались запасные части, 126 тыс. человек, обеспечивавшие пополнение постоянной армии. От ландвера второго призыва Вильгельм отказался вовсе, а ландвер первого призыва был сохранен исключительно для тыловой службы; он потерял два своих младших возраста (25—27-летние), отошедшие в резерв постоянной армии, а равно и комплектование 20-летней молодежью, не попавшей в ряды постоянной армии; ландвер отныне состоял исключительно из пяти возрастов (27—32-летние), выслуживших сроки пребывания в постоянной армии и ее резерве. Смысл реформы заключался в том, что мирный состав армии почти удваивался, военный бюджет увеличивался на 9 млн. талеров, а в военное время государство располагало для активных действий теми же 350 тыс., только целиком постоянных войск, без примеси ландвера.

Общая продолжительность воинской службы в постоянной армии и ландвере уменьшилась с 19 до 12 лет, причем численность вооруженных сил сохранилась на том же уровне посредством увеличения ежегодного контингента. Армия омолаживалась и становилась однотонной, что представляло несомненный выигрыш.

Два пункта этой реформы—увеличение срока действительной службы на 1 год и сведение на-нет ландвера—до крайности задевали интересы либеральной буржуазии, начавшей отчаянную борьбу в ландтаге против предложений Вильгельма; когда новые полки были уже сформированы, ландтаг отказал в кредитах на них и несколько лет подряд отказывался вотировать бюджет. Вильгельм, ставший уже прусским королем, обвинялся в том, что он растит себе армию для забавы и парадов, для того, чтобы опереть на нее свою внутреннюю реакционную политику. Чтобы показать, что армия его создается не только для внутренних удовольствий, Вильгельм, встретивший яркое осуждение и в широких массах народа и даже у своего сына, кронпринца, почти готовый отречься от престола, призвал к руководству политикой Пруссии Бисмарка, издавна пользовавшегося репутацией дипломата, склонного к наступательным действиям и провозглашавшего неизбежной войну с Австрией за гегемонию в германском союзе. Появление этого активного, наступательного политика осмысливало и реформу, приспособлявшую армию к решению наступательных задач. Бисмарк сумел выдержать внутреннюю грозу, причем первые его сильные откровенные политические речи в ландтаге, от которых так и пахло войной, должны были засвидетельствовать буржуазии, что под его политическим руко-



Черт. 11. Воинская повинность в Пруссии.

водством армия не засидится без дела, что вопрос им ставится не об игре в солдатики, а об объединении Германии, достижимом только железом и кровью. Напряженное политическое положение сохранилось в Пруссии до 1866 г., когда победа вышедшей из военной реформы армии примирила с ней буржуазию.

Что военная реформа 1860 г., вместе с которой Вильгельм поставил на карту свою корону и в проведении которой видел главную заслугу своего царствования, действительно усилила Пруссию, мы можем заключить по такому тонкому барометру, каким являются планы кампаний Мольтке. В 1859 г., когда Франция ввязалась в войну с Австрией и лучшую часть своей армии двинула в Ломбардию, пруссаки начали мобилизоваться против Франции. Мольтке, однако, не считал возможным с имевшимися в Пруссии вооруженными силами начать войну сокрушительным ударом—операцией, имевшей целью захват Парижа, и проектировал лишь наступление с ограниченной целью—захвата и утверждения в пограничных французских провинциях, Эльзасе и Лотарингии. Но через четыре года, когда армия по числу не возросла, но вместо ландверных полков в ее составе находились постоянные, мысль Мольтке о решительном наступлении на Париж с самого начала военных действий отливается уже в твердую форму. Прусская армия признавалась достаточно сильной для этой задачи.

Однако в этих планах войны сказывались и личное недоверие Мольтке к ландверу и его переоценка значения постоянной армии. Военная реформа создавала весьма удобное орудие для короткого сокрушительного наступления, но она чрезвычайно недостаточно использовала представляемую прусским населением живую силу для целей войны. В случае затяжной войны, количество возрастов в распоряжении военного ведомства должно было оказаться недостаточным.

Таким образом в победоносных войнах, которые Пруссия вела против Дании (1864 г.), против Австрии (1866 г.) и против Франции (1870/71 г.), участвовал не вооруженный народ, а преимущественно кадровые воинские части с тремя сроками солдат действительной службы и четырьмя сроками призванных резервистов.

Втечение краткой войны с Австрией (от начала военных действий до заключения перемирия—37 дней) Пруссия мобилизовала всего 664 тыс. человек. Война 1870/71 г., продолжавшаяся 226 дней (с первого дня мобилизации до заключения прелиминарного мира), потребовала полного напряжения всех сил германских государств, несмотря на то, что начата она была с двойным численным перевесом германских войск над армией императорской Франции.

Несмотря на блестящие успехи, на пленение под Седаном и Мецом почти всей постоянной армии Франции, несмотря на низкую боеспособность новых французских формирований,—усилия, которые делала Франция по призыву Гамбеты, вызывали у Мольтке серьезные опасения, что имеющеееся количество войск окажется недостаточным для подчинения Франции немецким требованиям.

Среднее число (за 245 дней до провозглашения Парижской коммуны) мобилизованных немцев втечение этой войны достигало 1 254 376 человек. В числе мобилизованных были 440 тыс., получивших обучение уже во времи войны в запасных частях. И все же эти огромные цифры не удовлетворяли требований боявшегося осложнений Мольтке. В декабре 1870 г. происходили резкие столкновения между Мольтке и военным министром Рооном, не считавшим возможным выполнить требования генерального штаба. Действительно, все двенадцать призывных возрастов, находившиеся в распоряжении военного министерства, оказались исчерпанными. Удовлетворить требования Мольтке военный министр мог бы только путем расширения рамок воинской повинности за двенадцать законно обязанных возрастов, каковое крайнее мероприятие, по мнению Роона, не вынуждалось обстановкой на театре военных действий.

Успешное завершение военных действий разрешило кризис между Мольтке и Рооном. Всего северо-германский союз мобилизовал 3,87% своего населения. Этот процент мобилизованных в 1870 г. значительно ниже, чем в войне за освобождение Германии от наполеоновского ига, когда он превышал 5,5%. Значительное влияние на его понижение оказывало недавнее распространение прусского военного устройства на области, присоединенные к Пруссии или вошедшие в сферу ее военного управления только в 1866 г., где общая воинская повинность, по прусским законам, действовала только 3 года, вследствие чего не успел накопиться резерв и ландвер. Старые области Пруссии дали до 4,8% мобилизованных (Бранденбург), новые—1,8% (Ганновер).

Удачная политическая и военная конъюнктура позволила Германской империи родиться и существовать первые 20 лет при неполном использовании сил, заключавшихся в ее населении. Первая сессия рейхстага, состоявшаяся в 1871 г., утвердила распространение на всю империю 12-летнего срока воинской повинности (3—на действительной службе, 4—в резерве, 5—в ландвере). Число новобранцев должно было исчисляться так, чтобы численность постоянной армии в мирное время достигала 1% населения. Вильгельм I не соглашался на установление 2-летней действительной службы, и военное министерство проводило ее контрабандой, добиваясь увеличения обученного запаса посредством увольнения через 2 года половины контингента в бессрочный отпуск.

Во второй половине 80-х годов политическая и военная конъюнктура стала складываться резко менее выгодно для немцев. Общая воинская повинность со времени побед Мольтке перестала быть прусской монополией и была воспринята Францией и Россией. Германии во многом пришлось вернуться к основам военной организации, существовавшей до реформы 1860 г.

Командный состав. Исходя из необходимости иметь в армии, являющейся школой для всего народа, авторитетных офицеров, достаточно образованных, способных в мирное время подойти к обучению и воспитанию каждого новобранца с индивидуальной меркой, а на войне руководствующихся не шаблонами, а пониманием задачи и свободно каждый раз избирающий наиболее соответственные приемы действия, в Германии, особенно, во второй половине столетия, к офицерам были предъявлены высокие требования. Но уже сейчас же после Венского конгресса обращалось строгое внимание на то, чтобы среди прусских офицеров, комплектуемых теперь как из рядов дворянства, так и буржуазии, не устанавливалось никаких классовых оттенков. Весь офицерский корпус в социальном отношении должен был представлять один монолит, без малейших трещин. Еще Шарнгорст начал борьбу за замену ценза рождения образовательным цензом. В социальной иерархии прусский офицер, несмотря на получаемый скромный денежный оклад, занимал высокое положение; социально все офицеры были равны, на развитие между ними товарищества было обращено большое внимание. Особым почетом была окружена строевая служба и штабные работники в мирное время смотрели на строевого офицера скорее снизу вверх, чем наоборот.

Чтобы не устанавливать каких-либо привилегий, всегда губительных для товарищеских отношений, ни образование, ни служба в генеральном штабе, ни служба в гвардии не давали твердых оснований на более быстрое производство. Это вело к тому, что первые 20 лет своей службы прусские офицеры подвигались по служебной лестнице очень медленно, и только в высших чинах карьера их развивалась быстро—и то не путем перескакивания младших через старших сверстников, а путем беспощадного увольнения с действительной службы всех офицеров, не пригодных для занятия подходящей к ним по очереди высшей должности. Это оказалось возможным лишь благодаря установленной удачной системе аттестаций. Таким же путем, с обращением большого внимания на пригодность кандидата к занятию высокого социального положения, с товарищеским наблюдением всех за каждым, пополнялись из вольноопределяющихся и прусские офицеры резерва (запаса).

Высший командный состав прусской армии эпохи Мольтке оставлял желать многого. В значительной степени это были герои борьбы с революцией 1848 г. Генерал Врангель, участвовавший молодым кавалерийским офицером еще в наполеоновских войнах, был призван в 1864 г. на пост главнокомандующего в войне с Данией главным образом за заслуги по разоружению Берлина в 1848 г. Штейнмец, неудачный командарм в 1870 г., неспособный разобраться в директивах Мольтке, начал свое возвышение с энергичной борьбе с революционным настроением своего батальона в 1848 г. Огромное большинство прусских генералов почти не имело никаких представлений о военной истории; если же имелись у них какие-либо сведения о походах Наполеона, то это был лишь балласт, препятствовавший им усваивать новые взгляды на военное искусство, которым учил Мольтке. Если Мольтке удавалось в оперативном руководстве войсками приводить, хотя бы неполностью свою мысль, то этим он обязан, главным образом, прекрасному прусскому генеральному штабу.

Генеральный штаб. Шарнгорст и кружок реформы. Мышление генерального штаба, ведущего чрезвычайно ответственную работу по подготовке к войне и по руководству операциями, должно отличаться необычайной трезвостью, реализмом. Генеральный штаб призван объединять в одно целое разнородные силы и целесообразно направлять их для достижения максимума производительных, полезных усилий; поэтому в нем должен господствовать дух планомерного распорядка. Узкие техники-специалисты старого генерального штаба были далеки от уровня этих требований. Они являлись проводниками догматической мысли XVIII столетия, той геометрически-географической школы в стратегии и тактике, которая исходила из чистого разума и отбрасывала условия данной эпохи и частного случая; схоластические представители старого генерального штаба художественно осмеяны Львом Толстым в «Войне и мире». Массенбах и Пфуль, отчасти Вольцоген—ученые столпы старого прусского генштаба. Мак и Вейротер—австрийцы—представляют печальные исторические образы; они совершенно были неспособны вытеснить феодальную адъютантуру из штабов.

Разрыв с феодализмом и идеологией XVIII века, образование генерального штаба новейшей истории выпало на энергичный кружок реформаторов, собравшихся около Шарнгорста.

Шарнгорст происходил из крестьянской семьи и случайно получил хорошую военную подготовку. С первых же годов службы он выделился своими рефератами и трудами по военным вопросам. Военной печати Шарнгорст придавал большое значение: «Без хорошей военной литературы не может быть ни разумной армии, ни большого развития военных талантов». С 1801 г. Шарнгорст организовал в Берлине значительную аудиторию в виде военно-научного общества, с 1804 г. руководил Берлинской военной академией, включавшей всего 20 слушателей и успевшей к 1806 г., когда она исчезла, дать только один выпуск, но включавший в свой состав таких выдающихся лиц, как Клаузевиц, Бойен, Грольман. Из рядов этого выпуска и бывших членов военно-научного общества (Гнейзенау, Гетцен) и сформировалась партия реформы, когда Шарнгорст оказался призванным для реорганизации прусской армии.

Шарнгорст приступил к работе старыми методами, но не удовлетворился ими и шаг за шагом, из жизненных наблюдений, выработал новое военное мировоззрение. Он схватывал особенности различных эпох, был далек от всякой фантастики, планомерно трудился над переработкой старого в новое. В 1807 г., после иенской катастрофы, Шарнгорст уже твердо вошел в колею исторического мышления XIX века. Поставленный во главе «Военной реорганизационной комиссии», Шарнгорст определял военную реформу, как органический рост, как становление: задача реформаторов—«разрушить старые формы, освободить от оков предрассудков, быть восприемниками при рождении и удалять препятствия свободному росту,—дальше этого круг нашего воздействия не распространяется».

Могущество Наполеона базировалось на том, что он опирался на завоевания революции, а его противник, в частности Пруссия, связывались и обессиливались феодальными пережитками. План войны за освобождение Германии от французского ига, по существу, должен был бы прежде всего заключаться во внутренней реформе, которая покончила бы с крепостным правом, привилегиями дворянства, отменила бы телесные наказания в армии,—иначе нельзя было бы рассчитывать на успешное массовое движение против французов. По этой линии борьбы с пережитками феодализма и направились усилия политического вождя Штейна и военного—Шарнгорста.

Оперативные работники прусских штабов эпохи Иены, так называемая «адъютантура», комплектовались по социальному подбору, из верхов дворянского класса. Вместо социального принципа Шангорст выдвинул требование специального научного и служебного ценза. В ряды генерального штаба был открыт широкий доступ буржуазии. Реформа прошла при ожесточенных схватках с феодальной адъютантурой. В 1807 г., когда Шарнгорст нес обязанности начальника штаба единственно уцелевшего прусского корпуса Лестока, у него в штабе за адъютантским столом был провозглашен тост: «Pereat der Generalstab! Vivat die Adjutantur!». По поводу новых офицеров генерального штаба не-дворян один из виднейших прусских генералов, Иорк, заметил: «Папа Сикст пятый в молодости пас свиней,—теперь в каждом свинопасе хотят видеть гения». Какой степени достигло озлобление юнкерских кругов, можно заключить по следующему замечанию того же Иорка, вызванному отставкой патриота-реформатора Штейна по требованию Наполеона: «Одна безумная башка наконец раздавлена. Надо надеяться, что другая ядовитая гадина[1] околеет от собственного яда».

---

[1] Шарнгорст.

Тат как генеральный штаб возглавлял партию борьбы с французским игом, то реакционеры обвиняли его в том, что он представляет сборище агентов Англии и опасен для существующего строя, особенно в момент, когда «каждый прапорщик хочет перед своим командиром полка играть роль маркиза Поза». Реакционеры, несомненно были правы, указывая на отсутствие чувства феодальной верности, на недостаточную династическую лойяльность нового генерального штаба. Им руководил германский, а не прусский патриотизм. Пруссия, в их глазах, являлась только орудием для освобождения и объединения Германии. Значительная группа офицеров, с Гнейзенау во главе, являлась членами «Тугенбунда», тайного патриотического общества франкмассонского типа. Гнейзенау имел связи в Лондоне, Шарнгорст—в Петербурге, и они ездили за границу с тайными поручениями. В 1809 г. группа прусских офицеров, в том числе будущий начальник департамента генерального штаба Грольман, перешла на австрийскую службу, чтобы драться против Наполеона; когда Австрия заключила мир, Грольман встал в ряды испанских партизан. В том же 1809 г. командир 4-го гусарского полка, полковник Шиль, выведя свой полк из Берлина под видом учения, открыл военные действия против французов, рассчитывая провоцировать войну между Пруссией и Францией. В 1811 г., когда прусский король заключил союз с Наполеоном, английский уполномоченный Омптеда зондировал у Шарнгорста и Гнейзенау, нельзя ли в предстоящей войне Франции с Россией, вопреки воле прусского короля, увлечь прусскую армию на русскую сторону. В 1812 г. целая группа офицеров из кружка реформы демонстративно ушла в отставку, надела русскую форму и сражалась под русскими знаменами против прусских полков; когда армия Наполеона при отступлении погибла, один из них, Клаузевиц, добился того, что прусский корпус под командой непримиримого феодала Иорка совершил измену своему королю во имя германского отечества и перешел на русскую сторону. В 1814 и 1815 гг. на постановления Венского конгресса Гнейзенау предполагал ответить политическим и военным поджогом установленного в Европе мира со всех сторон.

В 1813 г. кружок реформы группировался в штабе силезской армии; его шапронировал старый рубака, популярный генерал Блюхер. В этом штабе заключались мозг и сердце всех усилий восставшей против Наполеона Европы. В самые ожесточенные минуты операций борьба внутри силезской армии между старым и новым, феодалами и генеральным штабом—не затихала [1]. Принятие и проведение в силезской армии смелых решений оказывалось возможным лишь благодаря сплоченной группе единомышленников, сознававших свою революционную роль в создание вооруженной силы, в представительстве интересов германской нации, чувствовавших свою ответственность за успех операций. На этой почве развилась та удивительная самодеятельность, то богатая частная инициатива, которые характеризовали прусский генеральный штаб. Само командование силезской армии представляло невиданное раньше в истории зрелище: полководческая власть разложилась, она представляла дуумвират из командующего армией и его начальника штаба (сначала Шарнгорст, после его смертельного ранения—Гнейзенау), находившихся в счастливом идейном сожительстве.

Устройство генерального штаба Грольманом. При демобилизации 1814 г. в Пруссии штабы корпусов были сохранены, но штаб армии подлежал расформированию. Чтобы иметь ядро для формирование штаба армии в случае войны, штаб силезской армии обратили в «Департамент генерального штаба», предшественник прусского «Большого генерального штаба». Во главе департамента был поставлен

---

[1] Прошение об отставке, поданное командиром одного из корпусов Силезкой армии, Иорком, прусскому королю 25 августа 1813 г., в разгар кацбахской операции: „Я не могу быть полезен вашему величеству на всемилостивейше вверенном мне посту командира 1 корпуса. Может быть, я не обладаю достаточно богатой фантазией, чтобы понять гениальность планов штаба генерал-лейтенанта Блюхера. Но я вижу и убеждаюсь, что марши и контрмарши, продолжающиеся втечение недели с возобновления кампании, привели вверенные мне войска в состояние, не обещающее ничего хорошего в случае энергичного наступления неприятеля... Это счастье, что сосредоточенную здесь армию еще не постигла участь, подобная 1806 г. Поспешность и непоследовательность в операциях, неверная ориентировка, мотание из-за каждой демонстрации неприятеля, притом незнакомство с практическим делом, что для командовании большой армией нужнее высоких замыслов...“ На другой день разгром группы Макдональда (кацбахская победа) явился лучшим ответом на эту оценку работы новых людей и на подкоп против них.

Грольман [1], который и установил основные черты бытия генерального штаба в Пруссии.

Еще Шарнгорст предостерегал от опасности обращения генерального штаба в цех; в этом случае силы, которые должны устранять трения, согласовать все усилия войск, предназначенные быть мотором всего военного механизма, оторвутся от армии. Служба будет нестись чисто механически, искусство станет ремеслом, офицер генерального штаба выродится в узкого специалиста-техника. Шарнгорст указывал и на предостерегающий пример—на цех военных инженеров. В то же время Шарнгорст, большой противник обособления военной касты, не допускал, чтобы офицеры генерального штаба имели какие-либо побочные занятия, за исключением преподавания военных наук. Следуя указаниям Шарнгорста, Грольман придал корпусу офицеров генерального штаба открытый характер. Доклад Грольмана 1814 г. рисует генеральный штаб в мирное время лишь как школу, сквозь которую пропускается значительное число отборных офицеров, которые в случае войны явятся подготовленными для ответственных задач. Генеральный штаб не должен мыслиться отдельно от армии: он дает последней возможно больше офицеров с широким образованием, с знанием тактики всех родов войск, с решительным умом и характером. Никто не должен оставаться в генеральном штабе больше четырех лет подряд. Начальники, правда, любят поседелых в штабах работников, представляющих живой справочник законов и приказов, овладевших в совершенстве бюрократической рутиной. Но с этим надо бороться: за 10—20 лет штабной службы, в вечных поисках законного основания для отдаваемых распоряжений, наилучше развитой мозг обеднеет и потеряет всякую инициативу. Поэтому одна четверть офицеров генерального штаба каждый год должна возвращаться в строй, но не для простого отбывания ценза. Возвращаться в генеральный штаб будут только выдающиеся офицеры, избираемые вновь на старшие должности. Таким образом будет избегнута опасность, что офицер, представляющий звезду второй или третьей величины, преодолевший в молодости академические испытания, тянувший лямку в русле генерального штаба, достигнет должностей, на которых требуются звезды первой величины. При подготовке офицеров генерального штаба не следует увлекаться математикой, которая развивает склонность к формулам и схоластике. Полезнее уже после получения высшего военного образования сознательно прокомандовать ротой, чтобы изучить, как думает солдат, как им надо командовать, что от него можно потребовать.

---

[1] Грольман—убежденный враг военной касты, фанатик идеи ландвера, энергичный член военной секции „Тугенбунда“, автор закона о всесословном корпусе офицеров, единственный член кружка реформ, за которым Клаузевиц признавал дарования истинного полководца.

Подготовка офицера генерального штаба растягивалась на 9 лет: 3 года академии и 6 лет причисления, втечение которых отбывался топографический ценз, выполнялись различные работы при Большом генеральном штабе—составлялись военно-географические описания, разрабатывались особые задачи, зимой и на полевых поездках, отбывался стаж в штабе корпуса и 2 года неслась служба в строю, в родах войск, в коих причисленный еще не служил. Втечение этого времени производился строгий отбор; прием в академию—по строгому конкурсу; оканчивают академию меньше половины принятых, а из причисленных переводится в генеральный штаб не свыше одной трети. После всех этих испытаний служба в генеральномм штабе несется втечение короткого, 3—4-летнего периода, а затем—отчисление в строй и новый отбор для высших должностей генерального штаба.

Отсутствие цехового, замкнутого характера было выдержано и в дальнейшем развитии прусского генерального штаба. Когда нарождались специальности столь сложные, что втечение короткого периода офицер генерального штаба не мог овладеть их техникой, то эти специальности не включались в круг должностей, занимаемых офицерами генерального штаба; так, например, служба по военным сообщениям, требующая глубокого знакомства с железнодорожной техникой, в Германии руководилась не офицерами генерального штаба, а преимущественно офицерами, окончившими академию, но в генеральный штаб не попавшими. Приэтом в прусских штабах офицер генерального штаба был совершенно избавлен от канцелярской работы, от мобилизационных мелочей: вся канцелярия и техника мобилизации лежали на адъютантуре, специалистах бумажного дела. Благодаря этому прусский генеральный штаб мог себя всецело посвятить военному искусству и был втрое малочисленнее, чем русский или французский генеральные штабы. Немногочисленность генерального штаба важна в том отношении, что допускает более строгий отбор и не слишком обездоливает строевой командный состав теми служебными преимуществами, которые всегда и всюду имеет офицер генерального штаба.

Еще в 1802 г. виднейший деятель старого генерального штаба, Массенбах, предложил вменить в обязанность генеральному штабу составление планов кампаний на всех возможных прусских фронтах, при различных политических группировках. Эта мысль была чревата большими возможностями, так как из нее втечение XIX века создалось авторское право генерального штаба на план войны. Массенбах не имел успеха, так как работа генерального штаба про запас, на случай войны, представлялась бесцельной до тех пор, пока политические условия грозящего военного столкновения не определятся окончательно. Грольман в 1814 г. сформировал три основных отделения Большого генерального штаба, каждое из которых специализировалось на изучении французского, австрийского или русского фронта. Эти отделения, если и разрабатывали какие-либо планы кампаний, во всяком случае были далеки от авторитетности, необходимой для проведения их в жизнь. Работа их имела преимущественно подготовительный характер. В случае конкретной угрозы войны, как и в XVIII столетии, намечалось лицо на должность командующего армией, которое со своими ближайшими сотрудниками и разрабатывало подлежащий осуществлению план кампании. Так, в 1830—1831 гг. на должность командующего армией против Франции намечался Гнейзенау, который пригласил начальником своего штаба Клаузевица; авторству Клаузевица принадлежит всего три плана кампаний против Франции—1828, 1830 и 1831 гг. Составитель этих планов, Клаузевиц, в Большом генеральном штабе не служил. Точно так же в 1840 г., когда революционное движение в Париже протекало очень бурно и грозило вызвать европейские осложнения, на пост командующего армией против Франции намечался Грольман, уже 19 лет вышедший из генерального штаба, который и воскресил план кампании, намеченный им и Гнейзенау в эпоху Венского конгресса. Таким образом, до Мольтке компетенция Большого генерального штаба в составлении плана оперативного развертывания и разработке основных идей войны была ничтожна и носила преимущественно характер учебно-подготовительных и статистических работ.

Чтобы питать эту подготовительную работу, Грольман организовал специальную военную агентуру. Первые шесть военных агентов, назначенные Грольманом, получили руководящее для всей деятельности военной агентуры указание—соблюдать абсолютный политический нейтралитет, сосредоточивая все внимание исключительно на военных вопросах. В 1819 г. Грольман, в дополнение к трем основным отделениям, сформировал военно-историческое отделение; Большой генеральный штаб не включал в свои функции разработку уставов, наставлений и инструкций, но в своем военно-историческом отделении получил кафедру, с которой он мог влиять на развитие военной мысли в армии. Руководящее значение военно-историческое отделение получило уже при Мольтке. Одновременно Грольман организовал планомерную картографическую работу—по триангуляции и съемке всей территории государства. За исключением руководителей, офицеры, специализировавшиеся в составе Большого генерального штаба над военно-исторической или картографической работой, не подлежали переводу в генеральный штаб.

Реакция вынудила Грольмана уйти в отставку в 1821 г.; однако удар по начальнику не явился ударом по созданной им организации. Преемником Грольмана был назначен его помощник по топографическому отделу, Мюфлинг. Благожелательное отношение монарха к генеральному штабу с его новым главой, человеком уравновешенным, умеренным и благонадежным, выразилось в том, что генеральный штаб был выделен из состава военного министерства, обратился из департамента в «Большой» генеральный штаб, а начальник генерального штаба получил право непосредственного доклада королю.

Из этого выхода генерального штаба из-под опеки военного министерства и установления его непосредственных сношений с верховной властью часто делают ошибочное заключение о начале новой эры для прусского генерального штаба [1]. Такое мнение глубоко ошибочно. С потерей Грольмана, голос которого веско, самостоятельно, даже тиранически звучал, и через средостение военного министерства, прусскому Большому генеральному штабу был нанесен тяжелый удар; фактически Большой генеральный штаб на 40 лет утратил руководящее значение в вопросах подготовки войны. Право непосредственного доклада королю, распространенное на начальника генерального штаба, принадлежало и всем прусским корпусным командирам,—как в России командующим войсками в округах,—и почти никогда не использовалось по серьезным вопросам. Если бы нашелся такой нетактичный начальник, который, пользуясь своим правом, стал бы обходить военного министра, то он подорвал бы свое положение, а его записки были бы из кабинета монарха переданы на усмотрение того же министра. Чтобы действительно воспользоваться правом этого непосредственного сношения с верховной властью, узурпировать власть в свои руки, для генерального штаба должны были народиться другие предпосылки.

---

[1] Это тем более ошибочно, что идея короля заключалась в нанесении удара созданному Шарнгорстом объединению всех военных вопросов в руках военного министра (само военное министерство в Пруссии—создание Шарнгорста). Стремление прусских королей не упускать из рук власть в армии развивалось в двух направлениях:

Расширение круга деятельности при Мольтке. Реформы Шарнгорста и освободительная война 1813—1815 гг. создали аппарат генерального штаба, но вплоть до 60-х годов этот аппарат давал только работу внутри самого себя, подготовляя высоко квалифицированных оперативных работников. Задача развернуть работу этого аппарата выпала на долю Мольтке (род. 1800 г., ум. 1891 г.). Мольтке 31 год, с 1857 г. по 1888 г., был начальником генерального штаба; последние шесть лет, впрочем, только номинально, так как вследствие его преклонного возраста фактически с 1882 г. руководил генеральным штабом его помощник, граф Вальдерзее. За это время отношение генерального штаба к подготовке к войне радикально изменилось.

28 октября 1857 г. регентство Пруссии взял на себя принц прусский Вильгельм. Пост начальника генерального штаба был вакантен, за смертью генерала фон-Рейера, уже

в совмещении должности дежурного генерал-адъютанта с должностью начальника департамента личного состава, что впоследствии привело к созданию независимого от военного министра военного кабинета императора, ведавшего всеми аттестациями, назначениями и повышениями в армии, и в попытке обратить новый генеральный штаб в оперативный кабинет короля, в „свиту его величества по квартирмейстерской части“. Однако вместо возвращения к феодальному прошлому, это выделение генерального штаба из военного министерства под влиянием условий XIX века облегчило ему движение по новому пути.

втечение трех недель; на второй день своего регентства Вильгельм назначил начальником генерального штаба одного из младших в чине генерал-майоров—Мольтке, военного наставника своего сына.

Мольтке—бедный датский офицер немецкой национальности, перешедший из-за карьерных соображений в прусскую армию. В датском кадетском корпусе Мольтке получил научную подготовку, не превышавшую объема знаний современной школы первой ступени, но ему удалось окончить Берлинскую военную академию, а затем всю жизнь он настойчиво работал над расширением своих филологических, географических и исторических познаний. На 58 году, когда он неожиданно для всех и самого себя оказался начальником генерального штаба, он владел семью языками (немецким, датским, турецким, русским, французским, английским, итальянским) и являлся настоящим ученым историком и географом. Он много путешествовал; в 1835—1840 гг. был командирован в Турцию, работал над усилением обороны проливов, усмирял курдов, исследовал верхнее течение Тигра, до того неизвестное географам, находился в составе турецкой армии, которую разгромил восставший вице-король Египта Мехмед-Али. Состоя при принцах Гогенцоллернской династии, проживал в Риме, объехал все столицы Европы; прекрасно рисовал; собственноручно выполнил первую съемку окрестностей Константинополя; в возрасте 45 лет, не имея в Риме определенных занятий, в должности адъютанта принца Генриха, Мольтке собственноручно сделал съемку 500 квадратных верст окрестностей Рима и нанес на этот план все данные, имеющие интерес в археологическом и художественном отношении. Карта была издана Александром Гумбольдтом.

Служба Мольтке складывалась не по шаблону; она дала ему благодарный материал для сравнений и наблюдений, но, за полным отсутствием строевого ценза, лишала Мольтке надежды на получение должности командира бригады [1]. У него было довольно много литературных и военно-научных трудов, начиная с перевода двенадцатитомного труда Гиббона «История падения римской империи», включая беллетристические безделки и кончая историей Русско-турецкой войны 1828—1829 гг., изданной в 1845 г. Мольтке напечатал под псевдонимом ряд очень серьезных политическо-исторических статей; в 1843 г. он очертил военное значение новых тогда в Европе железных дорог. Но широким военным и общественным кругам он был известен лишь как автор «Писем о состоянии Турции и событиях в ней»— классического описания тех наблюдений, которые Мольтке сделал во время своих турецких странствований. В прусском генеральном штабе назначение Мольтке было встречено как победа кандидатуры придворного танцора. Что в этом наиболее добросовестном кавалере придворных балов скрывались широкий и острый ум, умение руководить, не погрязая в деталях, талант создавать школу, подготавливать учеников, самодеятельность которых не подавлялась бы, а развивалась,—об этом не знали ни армия, ни генеральный штаб; сам же регент Вильгельм придавал ограниченное значение должности начальника генерального штаба и выбирал на нее воспитанного человека с известными задатками к научной работе.

---

[1] Сам Мольтке, сделавший карьеру в должности адъютанта при „высоких особах“, ввел, однако, затем в норму, что адъютантами принцев офицеры генерального штаба быть не могут.

Втечение первых 9 лет, до войны 1866 г., Мольтке не располагал необходимым авторитетом, чтобы выдвинуться на первый план и заставить прислушаться к голосу генерального штаба в вопросах подготовки к войне. Мольтке даже не находился в непосредственной переписке с военным министром, а должен был адресовать бумаги начальнику общего департамента военного министерства. В 1859 г. последний задерживал на 3 месяца без исполнения самые насущные предложения Мольтке, касавшиеся установления связи с министерством торговли, игравшим в Пруссии и роль министерства путей сообщения, для установления провозоспособности прусских железных дорог ввиду надвигающейся мобилизации. Большая военная реформа 1860 г. была проведена энергичным военным министром Рооном без всякого участия Мольтке, не призывавшегося даже к совещанию по реформе. Начальник генерального штаба в 1861 г. не был приглашен для участия в разработке «Наставления для больших маневров», хотя Мольтке напрашивался на это дело, подав королю доклад с изложением своего проекта.

Втечение войны 1864 г. Мольтке занимал попрежнему подчиненное положение, хотя к концу ее ему удалось обратить внимание короля на разумность даваемых им советов. После этой войны он разработал те выводы, которые она давала в тактическом отношении, но, наученный горьким опытом, он уже не представлял их на одобрение королю, а выступил с ними в печати как частное лицо .Даже в таком близко касающемся генерального штаба деле, как в вопросе о постройке новых и усилении существующих крепостей, в эту эпоху авторитет Мольтке стоял ниже авторитета инспектора инженеров и крепостей.

Подготовка к войне 1866 г.—дело рук исключительно военного министра Роона; Мольтке лишь комбинировал до этого времени планы кампаний, исходя из результатов готовой работы по подготовке. Задача начальника генерального штаба заключалась лишь в том, чтобы непрестанно следить за военным положением Европы и в каждую минуту быть готовым представить доклад о шансах войны с тем или другим соседом и о плане кампании, на котором выгоднее всего остановиться. Чтобы быть на высоте этой задачи, начальник генерального штаба всегда должен был быть вполне в курсе внешней политики. Однако с Мольтке еще так мало считались, что министерство иностранных дел его непосредственно не ориентировало; военный министр только в особых случаях пересылал собравшийся у него политический материал, и даже не все донесения военных агентов передавались Мольтке. Последнему приходилось ориентироваться в политических возможностях преимущественно по газетам и другим неофициальным источникам.

В этих условиях Мольтке должен был сосредоточить свое внимание на подготовке небольшой группы офицеров генерального штаба, во главе которых он стоял. Весь генеральный штаб в 1857 г. состоял из 64 офицеров, в том числе 18 образовывали Большой генеральный штаб. Через 10 лет Мольтке выростил его до 119 офицеров, в том числе 48—в Большом генеральном штабе. В работах последнего участвовало кроме того 30 причисленных к генеральному штабу молодых испытуемых офицеров. За первые 13 лет занятия поста начальника генерального штаба Мольтке с большим талантом провел девять полевых поездок и сверх того уделял много времени тактическим задачам. Обыкновенно ими руководили начальники отделений Большого генерального штаба, но в конце года Мольтке сам составлял задание и производил лично в своем кабинете, в присутствии всего Большого генерального штаба, разбор решений.

Но самое горячее внимание Мольтке посвящал работам своего военно-исторического отделения, которое представляло кафедру, с которой Мольтке мог обращаться к более широким кругам командного состава. В 1862 г. военно-историческое отделение издало «Историю итальянского похода 1859 г.». Уже через три года после войны, когда воевавшие государства сами еще в ней не разобрались, когда отсутствовали точные данные и какая-либо архивная разработка, Мольтке выступил с критически написанным историческим трудом. Несмотря на то, что в историческом отделении этот труд подготавливали весьма выдающиеся офицеры генерального штаба, в окончательной редакции почти каждая строчка вылилась из-под пера Мольтке. Начальник генерального штаба желал помощью этого труда ознакомить прусскую армию с новыми явлениями, которые представляет современная война, использовать и дать правильное освещение выводам из кампании 1859 г. В руках Мольтке военно-историческое изложение обратилось в классически ясное обсуждение острых вопросов современной стратегии и тактики, и эта манера исторической критики легла в основание и последующих исторических трудов прусского генерального штаба.

В войну 1866 г. положение Мольтке оказалось выигрышным. Во главе прусской армии стал король, а Мольтке—его начальник штаба в мирное время—явился и начальником штаба во время войны. Еще в момент сражения под Кениггрецем авторитет Мольтке признавался далеко не всеми строевыми начальниками [1]. Но успешный ход кампании

---

[1] Когда Мольтке увидел наступление против центра австрийцев 5-й и 6-й прусских дивизий, двинутых командующим I армией из своего резерва в атаку, то он послал своего ближайшего сотрудника генерального штаба графа Вартенслебена к командовавшему ими генералу Манштейну, чтобы задержать атаку до подхода во фланг австрийцам II армии. Выслушав Вартенслебена, генерал Манштейн ответил: „Ваши соображения, быть может, очень хороши, и я с ними, быть может, вполне согласен, но кто такой, собственно говоря, генерал фон-Мольтке?“ Этим вопросом Манштейн хотел подчернуть то, что хотя Мольтке и является ближайшим советчиком короля, но для него, корпусного командира, не указчик и никакого авторитета он за ним не признает.

Авторитет Мольтке колебался даже среди старших офицеров генерального штаба. Талантливейший начальник штаба II армии, генерал Блументаль, писал через неделю после сражения под Кениггрецем (10 июля) своей жене. „Поход протекает до сих пор для меня очень счастливо; что я предложу, то и делается в действительности. Было-бы не бессмыслицей, если бы я сказал, что являюсь движущим началом военной организации как здесь (2-я армия), так и у генерала необычайно укрепил его положение и позволил Мольтке, начиная с 1867 г., завоевать генеральному штабу то положение, которым он пользовался до Мировой войны включительно. Это положение было завоевано работой по использованию опыта войны.

Немедленно после окончания войны 1866 г. Мольтке поставил ударную задачу—собрать архивные документы, оставленные войной, и приступить к разработке их. Работа имела двойственный характер. Многие влиятельные вожди прусской армии, как, например, командующий 1-й армией принц Фридрих-Карл, выказали большое непонимание тех стратегических требований, которые выдвигал Мольтке. С их авторитетом, влиянием и популярностью генеральному штабу надо было считаться. Мольтке пришлось столкнуться с трудностями совершенно иного порядка, чем те, которые встречались при составлении истории кампании 1859 г., в которой прусская армия не участвовала. По замечанию Мольтке, ему пришлось убедиться, что тем самым лицам, которые делают историю, всего труднее ее писать. Поэтому для составления официальной истории войны 1866 г., предназначавшейся для печати, Мольтке дал директиву: «Правда, только правда, но не вся правда»[1]. История получалась тонко выравненная, просветленная, отстоявшаяся. Все погрешности прусского командования и прусской стратегии, все спорные места были очень искусно затушеваны в этом труде, представляющем скорее шедевр дипломатии, чем научной критики. Как гнал Мольтке работу—видно из того, что история войны 1866 г. на германском театре вышла уже в 1867 г.

Мольтке, который представляет примерно то, что я о нем и думал гениальный человек, не имеющий представления о практической жизни и ничего не понимающий в движении войск. Я домогаюсь видеть его возможно чаще; он не очень любит, когда я говорю, что его приказы невыполнимы, но он всегда изменяет все в точности в соответствии с тем, что я сказал". В этом письме резко критиковались и другие генералы. Письмо было перехвачено австрийскими партизанами и напечатано в австрийских газетах. Блументаль попал в неловкое положение. Пример необходимости быть сдержанным в личной корреспонденции.

[1] Эта директива представляет извращение формулы присяги свидетеля по французскому кодексу: буду показывать „правду, только правду, всю правду"—формулу, которой, по мнению Клаузевица, должен проникнуться каждый военный исследователь. История войны 1870/71 г. имела такой же подчищенный характер, как и войны 1866 г. Только через 30 лет, когда живые участники событий сошли в моги-

Но параллельно с этой работой, в секретном порядке велось и плодотворное научное исследование всех недостатков прусской военной организации и тактики, всех характерных ошибок командования. Обширная группа офицеров генерального штаба, среди коих особенно выделялись Верди дю-Вернуа и граф Вартенслебен, лихорадочно вели эту работу; Мольтке использовал ее, как черновой для себя материал и в 1868 г. составил и представил королю «Мемуар об опыте, вытекающем из рассмотрения кампании 1866 года». Этот мемуар был переработан в 1869 г. и разослан Мольтке всем начальникам, начиная с командира полка и выше, в виде «Инструкции для высших строевых начальников». Генеральный штаб захватил в свои руки с этого момента высший арбитраж в вопросах стратегии и тактики. «Инструкция» была превосходна для своего времени, позволила в 1870 г. использовать на полях сражения кавалерию и артиллерию несравненно целесообразнее, чем это делалось в 1866 г., и когда, через 31 год после своего составления (1900 г.), перестала быть тайной, то оказалась для русской и французской армий огромным шагом вперед по сравнению с господствовавшими в их учебниках воззрениями на военное искусство.

Опираясь на то, что Роон как министр, все время которого поглощалось вопросами текущей жизни, не мог уделять столько времени и внимания изучению и продумыванию опыта войны, как это делалось генеральным штабом, Мольтке выступил, как толкователь опыта войны с вытекающими из него на широком фронте указаниями и требованиями. Мобилизационный план был переработан по указаниям генерального штаба; на седьмой день могла уже начаться массовая перевозка окончивших мобилизацию частей. Железнодорожным вопросам Мольтке всегда придавал огромное значение и немедленно по своем назначении начальником генерального штаба образовал в Большом гене-

---

лу, когда брешь в „престиже“ высокопоставленных участников была пробита частными исследователями, из коих глубже всех стоит Фриц Хениг, прусский генеральный штаб перешел к изданию научных монографий по войне 1870 г. С какими требованиями приходилось считаться Мольтке при составлении истории войны 1866 г. — видно хотя бы из требования командира V корпуса генерала Штейнмеца, „Находского льва“, выделить описание одержанных им трех побед из очерка действий 2-й армии в особую главу. Мольтке на это не пошел и нажил себе врага.

ральном штабе железнодорожную секцию; но это позволило генеральному штабу только теоретически подготовиться к использованию железных дорог. В 1859 г., когда намечалось выступление всех германских государств против Франции, Мольтке, преодолев трения, созданные в военном министерстве, собрал смешанную железнодорожную комиссию из представителей всех немецких государств, железных дорог и генерального штаба. Но на практике почти все оставалось постарому, железнодорожная сеть не рассматривалась как одно целое, каждая дорога была вполне самостоятельна; вследствие незначительных недоделок большие участки могли быть использованы далеко не полностью. В 1866 г. военно-железнодорожное дело в Пруссии еще переживало детские болезни. Теперь, в 4-летний период перед Франко-прусской войной, генеральный штаб перешел от теории к постановке практических заданий, небольшими дополнительными постройками увеличил число линий к французской границе до девяти[1] (в 1859 г. только три сквозные колеи) и повысил пропускную способность двухколейной железной дороги с двенадцати пар поездов в сутки до восемнадцати, одноколейных—с восьми до двенадцати.

В 1866 г. оперативное развертывание 8 корпусов, растянутое вдоль австрийской границы для облегчения работы железных дорог на фронте в 420 верст, потребовало 29 дней. В 1867 г. развертывание против Франции 330 тыс. войск требовало, по исчислениям, 43 дня; на 30-й день на Рейне Северогерманский союз мог сосредоточить только 150 тыс. А через 3 года, в 1870 г., границу Франции перешла масса в 484 тыс., причем эта масса, за исключением 3 задержанных в тылу корпусов, на 19-й день уже окончила сосредоточение и на 20-й день начала наступление. Учитывая те возможности, которые открылись вследствие присоединения к Пруссии южногерманских государств, все же надо признать, что за 3 года срок мобилизации и перевозок в район сосредоточения был сокращен Пруссией вдвое. Это был один из первых результатов захвата верховного авторитета генеральным штабом. Война 1870 г. велась уже по плану, над которым работал и который проводил в жизнь втечение 4 лет прусский генеральный штаб с Мольтке во главе. Такой властный, талантливый, сильный дружбой с Вильгельмом военный министр, как Роон, имевший сверх того прочную опору в Бисмарке, шаг за шагом вынужден был сдавать свои позиции Мольтке.

---

[1] Достаточно было постройки коротких участков, общей сложностью в 140 *км*, чтобы получить две новые сквозные линии к Рейну. Присоединение к Пруссии южногерманских государств дало новые железнодорожные выходы.

Втечение этих 4 лет (1866—1870 гг.) прусское военное устройство было распространено на все государства Северогерманского союза и на вновь присоединенные к Пруссии территории. Вопросы вооружения, образования запасов, постройки крепостей, увеличения штатов войсковых частей, размера призыва в ряды армии, формирования новых частей, поскольку они затрагивали численность и боеспособность действующей армии и влияли на быстроту ее сосредоточения, вошли в сферу компетенции генерального штаба как составные части плана войны.

Если мы остановим свое внимание на той перемене, которая произошла в 1866 г. в положении генерального штаба, то увидим, что оон вырвался на широкий простор из своего оперативного терема и установил свою диктатуру над всей подготовкой к войне. На генеральный штаб пала ответственность за руководящие директивы. Военный министр в Пруссии сохранил всю полноту власти лишь в отношении проведения их в жизнь.

Оценивая блестящие успехи прусского генерального штаба в XIX столетии, надо помнить чрезвычайно выгодную позицию проводника в армии тенденций нового идущего к власти класса—буржуазии, которую занимали Шарнгорст, Гнейзенау, Грольман, и чрезвычайную мощь того германского национального объединительного движения, в русле которого лежат все важнейшие достижения генерального штаба эпохи Мольтке, и которое покрывало все трения и недоразумения, происходившие между генеральным штабом в лице Мольтке и руководителем политики Бисмарком. Опасность выдвижения генеральным штабом самостоятельной политической линии, забвения завета Клаузевица о том, что война—это только продолжение политики, имела место и тогда.

Мобилизация. Успех перехода к кратким срокам службы и организации вооруженного народа требовал, чтобы на подготовку мобилизации было уделено много внимания и сил. Развитие путей сообщения и средств связи значительно обострило значение быстроты мобилизации. Не сразу.

мобилизационные вопросы получили надлежащее разрешение.

Мобилизации Пруссии в 1813 г. предшествовала только идейная подготовка. Самое расширение прусской армии (с 42 тыс. до 300 тыс.) приходилось осуществлять без предварительной организационной подготовки. Надо было импровизировать не только расчеты, но и самих начальников, солдат, вооружение, обмундирование. Отсутствие у Наполеона после отступления из России готовой армии, летнее перемирие 1813 г., энтузиазм немцев, передача всех вопросов формирования ландвера на места—позволили Пруссии преодолеть отсутствие подготовки и получить к осени массы, правда, частью плохо организованные, вооруженные дрекольем, обмундированные по-летнему, частью без шинелей. Эти скромные результаты по созданию вооруженного народа потребовали 7—8 месяцев.

Однако общий успех освободительной войны создал в представлении Бойена убеждение, что мобилизация является ареной проявления свободного творчества; тщательная мирная работа по обдумыванию всех деталей мобилизации является бесполезной и даже вредной, поскольку она в будущем может стеснить творческое вдохновение и народный энтузиазм: на удачной импровизации, на интуиции, на вдохновенном порыве в воспоминаниях участников освободительной войны зиждился весь успех борьбы, и, казалось, им должно быть отведено широкое место и в мобилизационных соображениях. Эти идеи отстаивались Бойеном и во время второго его министерства (1841—1848 гг.).

Однако опыт мобилизаций XIX века нанес сокрушающие удары идее импровизации. В 1818 г. было приступлено к составлению мобилизационного плана, отвечавшего выкристаллизовавшейся после наполеоновских войн новой системе вооруженных сил Пруссии. Первой пробой этого плана явилась частичная мобилизация 1830 г., которая обнаружила ряд нетерпимых явлений: недохваток запасных, вынужденный заем их постоянной армией у ландвера, что лишало последний боеспособности, совершенную непригодность «рекрут резерва» и «рекрут ландвера», недостаточность материальных запасов и т. д.

Но совершенно ясно недопустимость импровизаций выяснилась при мобилизации 1850 г., направленной против Австрии. Железные дороги уже распространялись в Европе, но никаких расчетов на использование их в период мобилизации военное ведомство еще не делало. В один и тот же день был объявлен призыв всех резервистов и ландвера обоих призывов и начата перевозка войсковых частей [1].

На вокзалы слабеньких железных дорог того времени сразу явились многочисленные команды, сотни тысяч запасных, спешные внеочередные грузы артиллерийского и интендантского ведомств. Произошел полный конфуз. Запасные, голодные, толпились неделями перед станционными зданиями, ночуя под открытым небом и энергично проявляя свои чувства к создавшемуся невыносимому положению. Так как пехота и артиллерия находились в периоде перевооружения, то в снабжении их боевыми припасами произошел целый ряд недоразумений. Обмундирования и вооружения для ландвера не хватало, и многие ландверисты оказались с гладкоствольными ружьями, патронами к нарезным ружьям и в штатском платье. Призыв сразу старших возрастов (39-летних), которых нельзя было и использовать целесообразно, поставил их семьи в трудное положение—никаких пособий им предусмотрено не было; пришлось экстренно провести закон, обязывающий местные самоуправления притти им на помощь, с последующим возмещением их расходов из средств государства. Пополнение армии до штатного состава,—операция, требуюшая не свыше недели времени, — в этих условиях затянулось на 6 недель.

В XIX веке человечество привыкло предъявлять к организации и порядку высокие требования; всякая бросающаяся в глаза несообразность, всякая бесцельная растрата сил и времени вызывает утрату доверия, подрывает авторитет. Постепенно преодолеваемое неустройство при мобилизации 1850 г. заставило Пруссию потерять веру в боеспособность своей армии. Неуспешная мобилизация является уже поражением; дело даже не дошло до войны: Пруссия пошла на ольмюцкое унижение перед Австрией. Пруссия много извлекла из этого опыта и прежде всего отбросила совершенно всякую мысль об импровизации. Над подготовкой мобилизации, в особенности по вопросу об использовании железных дорог, проделывается большая внимательная, детальная работа. Все предъявляемые к железным дорогам требования заранее взвешиваются, учитываются, распределяются по дням. В 1857 г. при Большом генеральном штабе, по предложению Мольтке, организуется особая железнодорожная секция. В 1859 г., когда разыгрывались военные действия в Италии, по докладу Мольтке, была организована комиссия для объединения работы сети железных дорог всех германских государств на случай войны с Францией.

---

[1] Около трети прусской армии было занято борьбой с угасавшей уже в Германии революцией и отвлечено в Баден, Люксембург и к Гамбургу.

Прусская мобилизация 1859 г. протекала уже планомерно. Борьба с импровизацией, однако, не затронула принципа широкой децентрализации мобилизационной работы, установленной еще Бойеном; децентрализация важна, чтобы не давать мобилизационной работе застывать в нежизненной бюрократической форме.

Окончательно принцип децентрализации укоренился после опыта 1859 г., когда была установлена основная предпосылка для него—независимое разрешение вопросов мобилизации всякой войсковой части от вопросов перевозок по сосредоточению. Военное министерство установило сроки для мобилизации войск. Этот срок железные дороги использовали для мобилизации по своей части, заключающейся главным образом в усилении паровозами, а если нужно—и личным составом тех линий, на которые выпадала наибольшая нагрузка, и в соответственном сборе и группировке порожняка. Таким образом перевозки по сосредоточению в последующих войнах начинались не с первого дня войны, а по истечении некоторого срока. Сказанное не относится к пограничным корпусам, на которые выпадает роль прикрытия сосредоточения, и у которых задачи по мобилизации и по развертыванию на границе совпадают. В Германии, а после 1870 г. и во Франции, каждый корпусной округ являлся прежде всего территориальным целым, самостоятельно решавшим все мобилизационные вопросы. Военное министерство сохраняло за собой лишь общее руководство и в мирное время пополняло до потребности мобилизации рассредоточенные по корпусным округам склады. Устройство центральных складов для всей армии, как например, постройка в первой половине XIX века гигантского цейхгауза в Вене, не отвечает современным военным требованиям.

Что Пруссия бесповоротно покончила со всяким намеком на импровизацию, видно из мобилизации 1864 г. Против

Дании была двинута лишь небольшая часть прусской армии—всего 3 пехотных дивизии. Реформа 1860 г. увеличила контингент каждого призыва (с 38 тыс. на 63 тыс.), но в 1864 г. только два младших возраста резерва имели полную численность по закону 1860 г., остальные старшие возрасты резерва были слабее, а потому общий запас резервистов был недостаточен для доведения прусских батальонов до штата военного времени (с 538 человек мирного состава до 1 002 человек). В 1864 г. в прусской армии приходилось в резерве на каждый батальон вместо 464 резервистов только 264. Конечно, 3 дивизии можно было бы легко мобилизовать за счет резерва других дивизий, но, чтобы не вносить каких-либо изменений в мобилизационные предположения, чтобы не делать позаимствований резервистов вне своих участков, выступившие против датчан прусские батальоны получили только тех резервистов, которые им действительно причитались, что довело их состав только до 802 человек.

При составлении плана кампании 1866 г. против Австрии Пруссия уже имела огромный выигрыш: мобилизация и перевозка в район сосредоточения могли быть завершены австрийцами в срок не менее 3 месяцев, а пруссаками, благодаря проделанной работе,—только в 25 дней. Мы легко можем усмотреть и влияние условий мобилизации на политику, если обратим внимание на то обстоятельство, что война с Австрией—необходимый акт в процессе создания Пруссией германского единства, который давно являлся затаенной программной мыслью прусской политики—была отнесена как раз на 1866 г., в котором в первый раз увеличение контингента сказалось на всех четырех сроках резерва, и прусские батальоны, без заимствований у ландвера, могли быть планомерно доведены до военного состава в 1 002 человека.

Однако мобилизацию 1866 г. мы можем признать успешной лишь в отношении войсковых учреждений. Армейские тылы еще не были затронуты мобилизационной работой и достаточно неуспешно импровизировались втечение самой войны. Запущенность вопросов тыла до 1866 г. объясняется тем, что генеральный штаб еще не имел достаточного авторитета, чтобы вторгнуться в эту область и приступить к увязке организации тыла с оперативными предположениями, а строевой состав смотрел на тыл с феодальным высокомерием, как на область работы чиновников и интендантов.

Лишь втечение самой войны 1866 г., после Кениггрецской победы, Мольтке приобрел нужный авторитет и приступил к согласованию устройства тыла с оперативными требованиями.

Судьбы военной теории в Пруссии. В XIX веке теория военного искусства решительно отставала от эволюции его на практике. Несоответствие теоретических представлений той новой ступени военного искусства, на которую оно продвинулось, вследствие изменения экономических, политических и технических предпосылок ведения войны, крайне осложняло руководство операциями и боем и временами придавало ему хаотический характер. Корни тех трудностей, которые встречала теория военного искусства, заключались в догматизировании наполеоновского военного искусства. Мышление военных теоретиков, за редким исключением, было чуждо диалектической логике, не отдавало себе отчета в том состоянии перманентной эволюции, в которой находится военное дело, и стремилось разгадать в творчестве Наполеона последнее слово, глубочайшую тайну, высший и вечный закон искусства побеждать. Для военных теоретиков ход истории как будто остановился на Наполеоне, и военная теория перестала понимать изменившуюся действительность. Только выдающийся военный философ Клаузевиц не впал в эту ошибку.

В начале интересующей нас новейшей эпохи влияние наполеоновского военного искусства было не столь заметно, как начиная с 30-х годов, когда плеяда военных теоретиков, с Жомини во главе, приступила к широкой популяризации его начал. Конец наполеоновской эпохи знаменовался торжеством оперативных идей, находившихся в ярком противоречии с характером военного искусства Наполеона. Уже в сражении под Ваграмом победа у Наполеона оспаривалась эрцгерцогом Карлом, сгруппировавшим свои силы не на одном, а на двух направлениях, и пытавшимся смять занимавшего внутреннее положение Наполеона. Основанный на концентрическом наступлении армии союзников Трахтенбергский план привел в 1813 г. Наполеона к Лейпцигской катастрофе. В 1815 г. выход прусской армии во фланг атаковавшей английскую позицию под Ватерлоо армии Наполеона нанес ей полное поражение. Колонны Наполеона еще под Ваграмом одержали умеренный успех, но под Ватерлоо понесли огромные потери и оказались бессильными против линейного порядка Веллингтона. Эти новые данные были все же недостаточно могущественными, чтобы дать толчок развитию военного искусства, хотя на них в значительной степени и можно было бы обосновать главнейшие шаги, которые в области тактики и стратегии военное искусство сделало 50 лет спустя, при Мольтке. Но этих данных было достаточно, чтобы обосновать глубокую реакцию против тактических тенденций Наполеона. У последнего в конце XIX столетия было больше последователей, чем в первые 15 лет после Ватерлоо.

Оставшиеся сподвижники Наполеона критиковали его гораздо свободнее, чем это стало возможным во второй половине XIX века; они резко осуждали применение колонн, в особенности крупных, к которым тяготел Наполеон, и частью даже явно склонялись к линейным формам тактики. А через 50 лет после Ватерлоо весь европейский генералитет оказался в такой степени, принадлежащим к школе Наполеона, что Мольтке, написав две-три статьи теоретического характера, должен был отказаться от попытки дать стройное теоретическое обоснование своего мышления в военном искусстве: выдвижение новой теории требовало сдачи в архив взглядов наполеоновской школы, требовало упорнейшей борьбы, вызвало бы горячие протесты, осложнило бы руководство Мольтке подчиненными, выросшими в преклонении перед наполеоновской догмой. Мольтке поэтому предпочел ограничиться практическими поучениями при разборе тактических задач, полевых поездок, при оценках военно-исторических событий и таким образом готовил себе среди генерального штаба единомышленников. К этому моменту относится расцвет в преподавании военного искусства так называемого прикладного метода, для которого особенно потрудился один из ближайших сотрудников Мольтке и будущий военный министр—Верди-дю-Вернуа. Этот прикладной метод необходимо должен был расцвести в условиях хаотического состояния военной теории: когда все обобщения поставлены под сомнение, остается только воспитывать военное мышление на изучении работы командования в конкретных случаях.

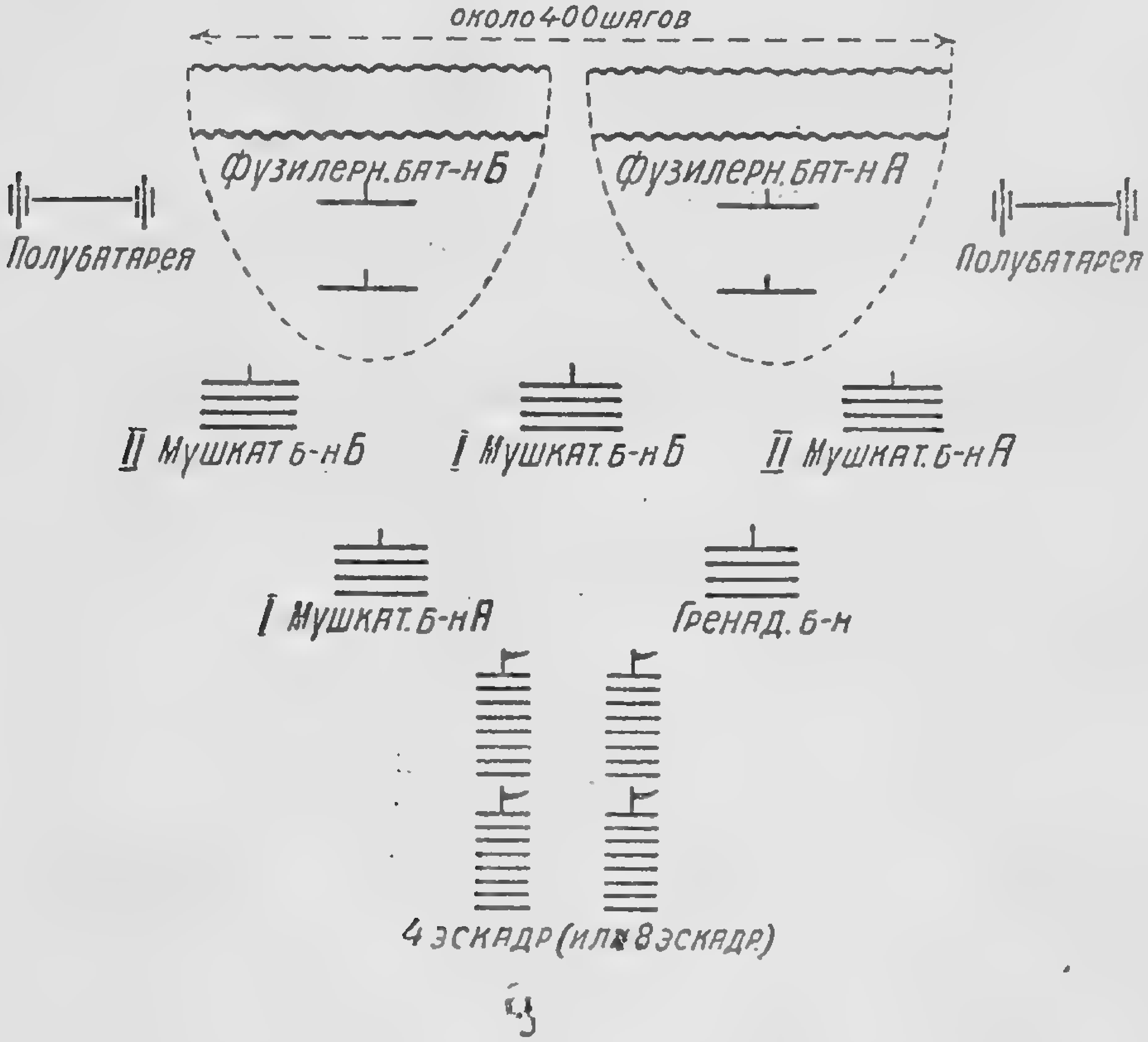
Теоретическая скромность Мольтке сказывается и в «Указаниях высшим строевым начальникам» 1869 г., где он подчеркивает необходимость считаться с эволюцией военного искусства: «Вождение крупных войсковых масс не поддается изучению в мирное время. Приходится ограничиваться исследованием отдельных факторов, так, например, местности и опыта бывших ранее походов. Однако успехи техники, улучшение средств сообщения и связи, новое вооружение, говоря кратко, совершенно изменившаяся обстановка—делают более неприменимыми средства, которые ранее давали победу, и даже правила, установленные величайшими полководцами».

Еще более скромным выступает Мольтке в своем определении, почти юмористическом, стратегии как системы подпорок. Это—насмешливое извинение за отступление от наполеоновских образцов, нежелание вступать в теоретическую дискуссию по поводу нового, созданного им оперативного фасада, анархическое отрицание всяких руководящих основ в стратегии и оперативном искусстве, признание полной свободы за полководческим гением, торжество какого-то среднего пути, продиктованного обстоятельствами. Чтобы избежать конфликта и обезоружить поклонников классического наполеоновского стиля, Мольтке остерегался развернуть в теории свое собственное знамя и не подчеркивал противоречия между своими взглядами на ведение операции и взглядами эпохи Наполеона. Задача—убрать леса и открыть новый теоретический фасад в оперативном искусстве и тактике была разрешена уже впоследствии, на грани XIX и XX столетий учеником Мольтке—Шлихтингом.

Теоретическая мысль Шлихтинга дала как бы второе рождение практике Мольтке. В свете его учения войны 1866 и 1870 гг. приобрели новый облик.

Прусские уставы 1811 и 1847 гг. Последние походы наполеоновской эпохи характеризуются разрастанием прусской армии в вооруженный народ. Внешняя дисциплина прусской армии 1813—1815 гг. оставляла желать многого; войска были оборваны; ландвер понимал дисциплину по-своему; особенно буйный характер имел ландвер рейнских областей, только что включенных в состав прусского государства; это были не королевские полки, а полки, представлявшие требования и чаяния буржуазии; командный состав был недостаточен по числу для разросшейся армии. Резкий перелом наступившей после низложения Наполеона реакции сказался в протесте против этой распущенности и в увлечении требованиями внешней дисциплины, в выработке из войск героев плацпарада. На это толкали и увлечения коронованных победителей Наполеона I. Заслуживает быть отмеченным парад в Париже 1 сентября 1815 г., на котором между прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III и Александром I возник вопрос о том, какая пехота быстрее выполняет перестроения. Спор был решен состязанием; с прусской стороны выступили 2 батальона гвардейского полка, шефом коего был русский император, под командой прусского короля; с русской стороны—2 батальона гвардии, шефом коих был прусский король, под личной командой Александра I. Современники отметили, что Александр I командовал хотя элегантно, но заметно волнуясь и был решительно побит прусским королем, обнаружившим выдающиеся способности парадера: пруссаки успевали закончить перестроение и составить ружья в козла к моменту, когда герои 1812, 1813 и 1814 гг. заканчивали эволюцию. Боевым лозунгом реакции стало—подтянуть полки, усвоившие за долгий ряд походов навыки, не отвечавшие требованиям показного парада. Прусский король полагал, что «однообразие—высшая красота военного» и что «рота, которая может хорошо пройти церемониальным маршем, пойдет хорошо и на неприятеля». По всей Европе прошла полоса аракчеевщины—борьбы за точность формы, преследования в одежде «революционного» кармана, подтягивания и муштры во всех видах. Пехота почти не занималась стрельбой и маневрами на местности, упражняясь беспрерывно в строевом обучении на плацу. Кавалерия работала только в манеже, причем решающее значение при оценке эскадронного командира имела количество жира на телах лошадей. Редкие маневры представляли те же парады на местности, где были заранее условлены, иногда разбиты колышками, все предстоящие эволюции; этот характер зрелищ иногда усугублялся привлечением на помощь военной истории: копировались в юбилейные дни, на маневрах, памятные сражения.

К концу наполеоновской эпохи наиболее передовыми являлись австрийские уставы, изданные эрцгерцогом Карлом. Эти уставы впитали в себя опыт войн революции и Наполеона и в особенности подчеркивали начало перпендикулярных построений в противоположность линейным. Последнее объясняется тем, что каждый полк в Австрии имел свою национальность, свой язык, и надо было тщательно избегать перемешивания полков: ставить полки не один за другим, а рядом, эшелонируя каждый полк надлежащим образом в глубину. Австрийский пехотный устав 1809 г .явился прообразом для прекрасного прусского устава 1811 г., составленного при участии Клаузевица; прусские составители учли короткие сроки обучения прусской армии; все лишнее, необходимое только для парада, но не для боя—было отброшено. «Все сложные и искусственные эволюции, неприменимые перед лицом неприятеля, должны быть изгнаны с учебных плацов»,—требовал устав. Для свертывания в колонны и развертывания устав ограничивался указанием, что каждый офицер должен уметь провести свой взвод по обстоятельствам и поставить его на место. Этот устав, освященный победами 1813—1815 гг., удерживался в эпоху реакции, но так как он не удовлетворял мелочным требованиям единообразия, то каждый начальник издавал к нему дополнения и разъяснения. Тонкий устав оброс толстыми официозными указаниями, энергично содействовавшими тактическому регрессу. Злоупотребления разъяснениями этого устава объясняют, почему в дальнейшем в Пруссии приказ, утверждающий новый устав, каждый раз содержит категорическое воспрещение всем начальникам издавать, помимо военного министерства, какие-либо дополнения и разъяснения к нему.


около 400 шагов
Фузилерн. бат-н Б
Фузилерн. бат-н А
Полубатарея
Полубатарея
II Мушкат. б-н Б
I Мушкат. б-н Б
II Мушкат. б-н А
I Мушкат. б-н А
Гренад. б-н
4 эскадр (или 8 эскадр)

Черт. 12. Нормальный боевой порядок бригады.

Этот устав 1811 г. содержал нормальный боевой порядок для атаки бригады—высшей строевой единицы прусской армии (дивизия впоследствии получилась в Пруссии придачей двух ландверных полков при мобилизации к 2 постоянным полкам мирного времени). В этом боевом порядке 2 пехотных полка занимали 400 шагов по фронту и в глубину, причем строились не линейно, а перпендикулярно, т. е. полки ставились рядом друг с другом и эшелонировались каждый в глубину, а не один полк в затылок другому. Впереди две цепи рассыпанных стрелков образовывались обоими стрелковыми (фузилерными) батальонами каждого из полков, представлявшими отборные части. В пехоте, таким образом, сохранилось деление на легкую и линейную.

Перпендикулярный порядок применялся только в том случае, если оба полка бригады являлись постоянными; если один из них был ландверным, то на маневрах всегда передовую часть боевого порядка представлял постоянный полк, а ландверный полк развертывался позади.

Конечно, указание в уставе нормальных боевых порядков определенного шаблона боевых действий ведет к тому, что войска обращают меньше внимание на приспособление построений к имеющимся подступам, на применение строев к местности и к особенностям данных конкретных условий боя. Вопрос о том, приносят ли нормальные боевые порядки, как равно и другие уставные шаблоны для боя пользу или вред, горячо дебатировался на всем протяжении XIX столетия. Клаузевиц высказывался в их пользу: «Этот боевой порядок установит в армии определенные способы действия, что весьма необходимо и полезно, так как большая часть генералов и офицеров, находящихся во главе небольших частей, не обладает особыми познаниями в тактике, а равно и хорошими военными дарованиями. Следствием принятия боевого порядка явится известный методизм, который заменит искусство там, где его не хватает». Эти соображения Клаузевица являлись верными—но только для уровня подготовки командного состава эпохи начала XIX века.

Прекрасный прусский пехотный устав 1811 г. нисколько не препятствовал лютой тактической реакции и удержался до 1847 г., когда под председательством Вильгельма Прусского (потом Вильгельма I) был разработан новый устав, удержавшийся до 1888 г., так как император относился к своему уставному детищу с трогательным вниманием, и к коренному его пересмотру оказалось возможным приступить лишь после смерти автора. Устав 1847 г. освободил армию от многочисленных наростов на старом уставе, но сам сильно распух вследствие основного стремления—дать на все случаи правила и уставной распорядок, и предпочтения заблаговременно данного и разученного на учебных плацах рецепта свободному решению задачи, представляемой конкретным случаем столкновения с неприятелем. Батальоны обучались наступлению с грациозным варьированием наступательных и оборонительных фланков стрелковой цепи. Основным боевым строем оставался сомкнутый. Однако этот ретроградный устав, учитывая прекрасную подготовку и надежность прусских ротных командиров, вводил и большую новинку—строй поротно, раздробление батальона, представлявшего при современном огне слишком громоздкую единицу, на ряд мелких тактических единиц, что создавало возможность гораздо более гибкого маневрирования в бою.

Впрочем, такая же новинка—строй поротно—содержалась и в русском уставе эпохи Восточной войны, что не помешало русской пехоте маневрировать чрезвычайно неуклюже.

Мы прежде всего должны подчеркнуть относительное значение уставов: реакционное использование передового устава 1811 г. задерживало тактическое развитие армии; другие веяния, при проникнутом консерватизмом уставе 1847 г., толкнули подготовку прусской армии вперед.

Огневая тактика. Прусские короли не меньше русских самодержцев тянули свою армию в сторону плацпарадных требований; русские уставы являлись почти сколками с прусских. Между тем, в тактике прусских и русских войск на полях сражений 50-х, 60-х и 70-х годов мы усматриваем значительную разницу. Руководящим для прусской пехоты оставался тот же идеал ударной тактики-натиска, с холодным оружием, массы, поставленной в жесткие рамки сомкнутого строя, который родился у человечества с первыми фалангообразными построениями; но на практике мы видим в прусской армии существенные от него уклонения.

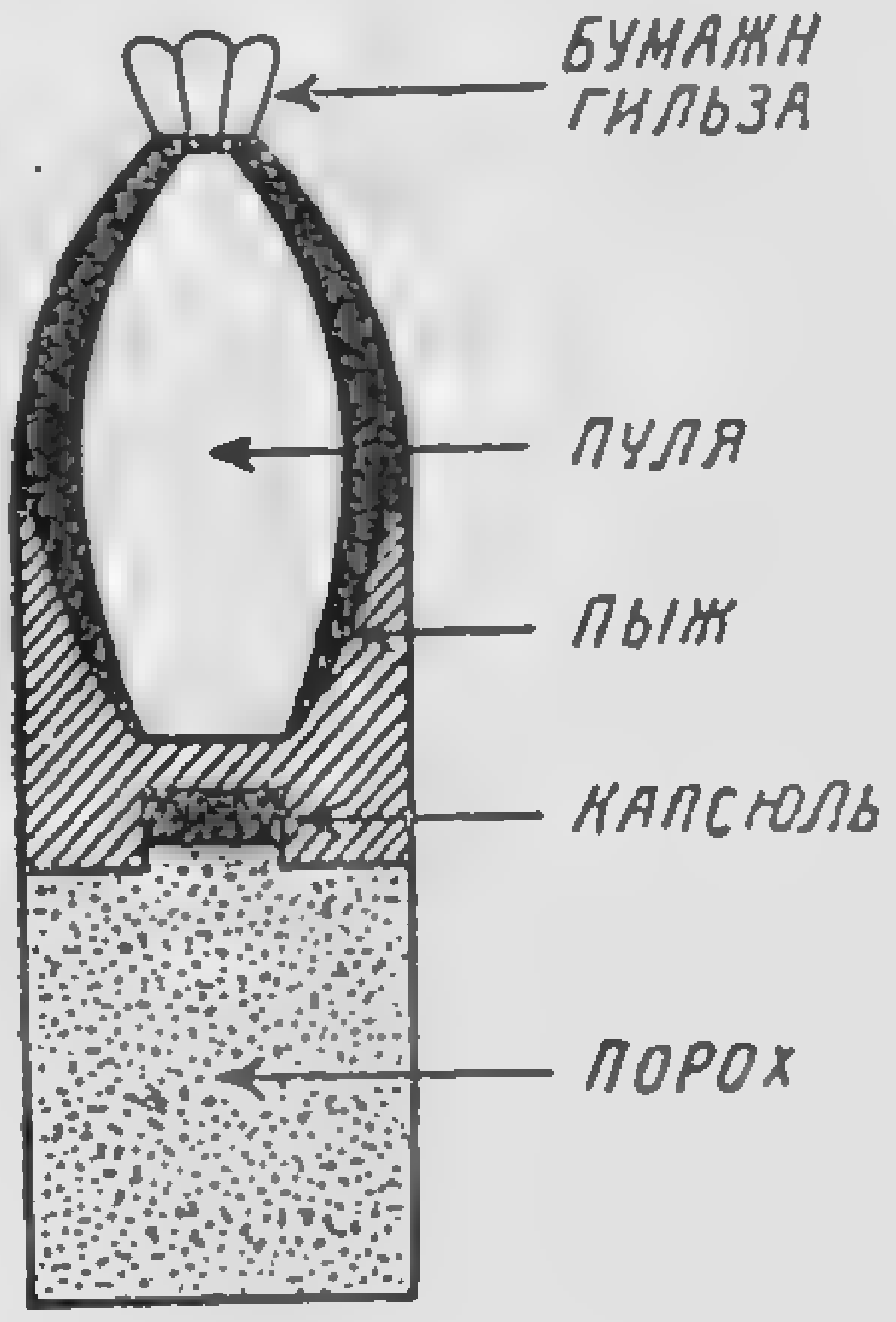
Мольтке чрезвычайно интересовался тактическими проблемами, которые ставило усовершенствование оружия, и понимал, что старые представления о наступательном бое не увязываются с новой действительностью поля сражения.

Но тактическое решение, отвечающее новому оружию, Мольтке найти не мог, тем более, что нельзя было посягать на применение в бою сомкнутых строев по уставу 1847 г., который находился под особенным покровительством Вильгельма I. Встречный бой, имевший уже на практике место, теоретически оставался неосознанным. Мольтке поэтому мог лишь давать войскам советы, трудно применимые на практике: в начале боя держаться обороны, дать противнику разбиться о наш огонь, а затем уже энергично перейти в наступление. Принц Фридрих-Карл так резюмировал указания Мольтке: «Надо начинать сражения как Веллингтон, а оканчивать как Блюхер». Однако эта мысль представляет в значительной степени кабинетное измышление: на поле сражения наше тактическое поведение непроизвольно, а выливается из операции, которую мы ведем. Прусские войска не имели ни разу случая воспользоваться этим советом; переход к обороне при встрече с противником, передача ему инициативы после установления тактического соприкосновения находились бы в вопиющем противоречии с той энергией, проявлением частного почина, наступательным порывом, которые были необходимы при осуществлении сокрушительных планов Мольтке.

Прусская армия обязана, как нам кажется, своими тактическими успехами прежде всего не руководству свыше, а тому комплектованию, которое она получала по всеобщей воинской повинности, и кратким срокам обучения. Двухлетняя служба, постоянный приток новобранцев, наличие в числе последних значительного количества представителей буржуазии и интеллигенции не могли не оказывать умеряющее влияние на увлечение плацпарадными требованиями. Если в армиях других государств, представлявших серую крестьянскую массу, естественно и центр тяжести военного обучения переносился на действия скопом, на господство хорового начала, то в прусской армии, имевшей совершенно отличный солдатский состав, зародилось и развилось уже в 50-х годах индивидуальное обучение бойца.

«Драгоценным сокровищем является великая политическая страсть. Слабые сердца большинства людей открывают для нее лишь немного простора. Блаженно поколение, на которое неизбежной необходимостью возлагается высокая политическая идея, величественная и ясно понятная для всех, ставящая на службу себе все прочие идеи времени. Такой идеей в 1870 г. было единство Германии. Кто ей не служил, тот не жил с германским народом». Таким высоким слогом очерчивает идеалист Трейчке созданное выступившей на политическую арену германской буржуазией тяготение к германскому единству. Оно проникало в середине XIX столетия и всю прусскую армию и заставляло даже реакционеров толковать о том, что «тайна победы—в развитии моральных сил солдата, самостоятельности и инициативы командования, применения духа, а не буквы уставов», что следует «освободить поток военной интеллигенции».

Более просвещенный состав пехоты позволил Пруссии уже в 1841 г. принять на вооружение игольчатое ружье Дрейзе, заряжавшееся с казны. Так как техника того времени еще не разрешила вопроса об удалении после выстрела из ствола металлической гильзы патрона, то последнюю приходилось делать из бумаги, чтобы она сгорала при выстреле; такой бумажный патрон на походе, конечно, требовал чрезвычайно бережного с собой обращения, чтобы не притти в негодность. Капсюль нельзя было укрепить на тонкой бумажной гильзе; его пришлось отнести в середину патрона, где он был утвержден на папковом пыже, отделявшем пулю от пороха. Чтобы воспламенить капсюль, ударник должен был предварительно пробить бумажную гильзу и пройти через весь заряд пороха; поэтому он получал форму длинной тонкой иглы, которая ломалась при малейшей неисправности в ружье или патроне; солдат имел три запасных иглы, и иногда их не хватало для производства нескольких десятков выстрелов.



Черт. 13. Патрон к ружью Дрейзе.

Во время революции 1848 г., когда был разграблен берлинский арсенал, ружья Дрейзе, хранившиеся в секрете, были растащены и стали известны другим европейским государствам. Но ни одно из них не пожелало ввести для своей пехоты игольчатое ружье: оно казалось слишком хрупким для крестьянских рук, требовало слишком деликатного обхождения. Иной состав прусской пехоты и тщательное обучение солдат позволили пруссакам использовать это хрупкое оружие. Преимуществами последнего являлись возможность вести в три раза более частый огонь, чем при заряжении с дула, и в особенности — возможность заряжать ружье в лежачем положении, что для стрелка в цепи представляет огромное значение. В самой Пруссии существовали опасения, не вызовет ли скорострельность нового оружия расстрел всех патронов на дальних дистанциях. Вплоть до 1859 г. игольчатое ружье имелось на вооружении лишь половины прусской пехоты, и только с этого момента началось полное перевооружение всех пехотных частей. В 1866 г. только ландвер имел еще ружья, заряжаемые с дула.

Качества прусского комплектования позволили ввести более усовершенствованное ружье; но раз последнее было введено и прусская пехота в начале 60-х годов являлась монополисткой заряжания с казны,—естественно, уже новое оружие толкало ппруссаков к стремлению возможно полнее выказать свое преимущество и использовать как можно основательнее огонь в бою. На стрелковую подготовку пехоты, естественно, было обращено серьезное внимание. Применение строев поротно и стрельба в бою лежа явились для прусской армии уже не простой формальностью, а приобрели самое существенное значение.

Важнейшее значение придавалось частому огню с ближних дистанций. Считалось установленным, что всякая атака по открытой равнине может быть отбита беглым огнем игольчатых ружей. Отсюда—прусская пехота могла отказываться от сплошных построений и принимать более расчлененный боевой порядок. Нанесение штыкового удара по сравнению с огневым боем отходило на второй план. После 1859 г. у многих прусских начальников наметилась, под впечатлением успешных штыковых атак французов на пересеченной Ломбардской низменности, реакция в сторону ударной тактики, подобно тому, как это имело место и в Австрии. Однако заслугой Мольтке явилось противодействие этому уклону и в его истории кампании 1859 г. и в отдельных тактических выступлениях. Эта реакция оказалась скоро изжитой.

Игольчатое ружье и прусская тактика первое боевое испытание получили в войне Австрии и Пруссии против Дании в 1864 г. Особенно примечательно в огневом отношении маленькое столкновение 3 июля при Лундби. Прусская боковая застава силой в 124 человека неожиданно наткнулась на датчан числом в 180—200 человек. Датчане бросились в атаку, но на дистанции в 250 шагов были остановлены огнем спокойно стрелявших пруссаков. Через несколько минут огневого боя у датчан, имевших заряжаемые с дула ружья, оказалось 22 убитых и 66 раненых, у пруссаков—только 3 раненых. В этом результате сказалось, конечно, не только превосходство прусского вооружения, но и превосходство стрелкового обучения, тактических форм, дисциплины солдат, решимости и искусства командования.

Эта война 1864 г. являлась для уступавшей по числу и качеству датской армии сплошным отступательным маневром. Наряду с пруссаками действовали австрийцы, перешедшие, как мы видели, после кампании 1859 г. к приемам грубой ударной тактики. В этой войне Пруссия и Австрия действовали совместно, прежде чем броситься друг на друга из-за дележа захваченной добычи—Шлезвиг-Гольштейна (повод). Было бы ошибочно думать, что в этом предварительном соревновании пруссаки со своими неосознанными начатками огневой тактики завоевали себе большую славу, чем австрийцы. Последние сразу же и стремительно бросались напролом, пруссаки же часто медлили и осторожно вступали в бой; а так как датчане во всех случаях уходили с поля сражения, то лавры—в особенности в первой операции против укреплений Даненверка—доставались преимущественно австрийцам; пруссаки успели отыграться лишь впоследствии, на штурме дюппельских укреплений. Поверхностным наблюдателям со стороны тактика австрийцев казалась более надежной, решительной и продуктивной. Слабость датчан давала иллюзию превосходства австрийцев над пруссаками. Отсюда мы видим, вопервых, как нужно быть осторожным при производстве тактических оценок, и, вовторых, что борьба со слабым противником, например, русских с турками конца XVIII и начала XIX века, может уклонить тактическое развитие армии на ошибочный путь. Но командовавший австрийцами генерал Габленц ясно видел преимущества тактики и вооружения пруссаков.

Всеобщая воинская повинность открывает армии почти безграничные возможности пополнения и позволяет вести операции, требующие огромного расхода человеческого материала, но в то же время она заставляет дороже ценить этот человеческий материал, включающий в себя и господствующие классы, и осторожнее подходить к выбору тактических методов. Искусство тактики в бою начинает цениться выше простого нахрапа. Мы уже видели советы тактической осторожности, которые давал Мольтке заблаговременно, и вновь встретимся с ними в сражении под С.-Прива. А осторожность и известное уважение к жизни бойцов опять-таки толкают армию в сторону от пережитков ударной тактики, на путь возможно широкого использования оружия и современной техники.

В 60-х годах пруссаки, сохраняя в уставе ударные идеалы, еще только ощупью переходили к огневым приемам боя.

Если, благодаря всеобщей воинской повинности и национальному движению, пруссаки, не воевавшие втечение 50 лет, и обогнали в тактике пехоты французов и австрийцев, имевших свежий и обширный боевой опыт, то в отношении использования конницы и артиллерии они стояли к началу войны 1866 г. позади австрийцев. Последние уже научились выбрасывать кавалерийские дивизии перед фронтом армии и собирать батареи на поле сражения в стопушечные массы для решения крупных боевых задач. А пруссаки еще вели на походе свой кавалерийский корпус в хвосте армии, как конный резерв, силы которого предназначены только для атаки в решительный период сражения и не должны подрываться расходованием энергии на разведку; прусская артиллерия имела уже частью прекрасные, заряжаемые с казны орудия, уже значительно успела в создании и усвоении техники пристрелки, но еще не имела тактического руководства, вступала в бой по частям и часто не могла устоять против технически слабейшей, но действовавшей компактными массами австрийской артиллерии. Тактическая отсталость прусской конницы и артиллерии лишний раз убеждают нас, что успехи прусской пехоты, вынесшей на себе всю тяжесть кампании 1866 г., обязаны своим происхождением отнюдь не каким-либо особо блестящим достижениям высших руководителей прусской армии, а имеют более глубокие корни.

Клаузевиц. Политика и война. Новая эпоха в военном мышлении была создана Клаузевицем. Карл Клаузевиц родился в 1780 г. Он происходил из бедного недворянского рода пасторов и учителей. 12-летним мальчиком Клаузевиц поступил юнкером в пехотный полк; с 13 до 15-летнего возраста Клаузевиц участвовал с полком в походах против Французской революции; затем шесть лет мирной службы в полку были использованы Клаузевицем для самообразования. Клаузевиц поступил в Берлинскую военную академию и через 2 года кончил ее, оцененный Шарнгорстом, как первый в выпуске, удивительно способный к верным, цельным и широким оценкам. По рекомендации Шарнгорста, Клаузевиц был назначен адъютантом к принцу Августу. Основными этапами его дальнейшей жизни были: сражение при Ауэрштедте, пленение французами под Пренцлау, деятельность в комиссии реформ, переход на службу в русскую армию в 1812—1814 гг., возвращение в прусскую армию, должность начальника штаба корпуса Гнейзенау в Кобленце в 1815 г., администрирование военной академии в Берлине в 1818—1830 гг., служба в 1830—1831 гг. в должности начальника штаба Гнейзенау, намеченного командующим армией сначала на французский, затем на польский фронт. В 1831 г. холера унесла сначала Гнейзенау, а затем и Клаузевица.

Важнейшим завоеванием мышления Клаузевица явился диалектический подход к стратегии. Война—это только продолжение политики; стратегия—это только инструмент в руках политика; а последнему инструменты могут понадобиться разные: и тяжелый меч, который можно поднять лишь двумя руками и которым возможно нанести лишь один сокрушающий удар, и тонкая шпага, которой можно чудеснейшим образом фехтовать. Политика указывает цель, для которой ведется война, и тем определяет ее характер. Война, являясь актом насилия, который должен заставить неприятеля подчиниться нашей воле, достигала бы своей цели кратчайшим путем, если бы насилие проявлялось в своей крайней ничем не сдерживаемой форме. Но война представляет не изолированное явление, а вырастает из определенной, вполне конкретной обстановки,—она является продолжением предшествовавших ей политических сношений и протекает в атмосфере таких же сношений с нейтральными странами.

Война по своей напряженности, жестокости, участию в ней широких масс и т. д. может иметь чрезвычайно различный характер—от ведущейся наемниками колониальной экспедиции, напоминающей торговое предприятие, до борьбы на жизнь и смерть класса, отстаивающего свое существование. Самое главное, основное, охватывающее прочие стратегические вопросы решение, которое требуется от руководителей войны в самом начале, это—определение ее характера, который надо угадать из той политической обстановки, которая порождает войну. Работа над определением характера предстоящей войны требует усилий и политика и стратега; в его высшей плоскости военное искусство становится политикой, которая, правда, вместо того чтобы писать дипломатические ноты, дает сражения.

Ошибочно говорят о вредном влиянии политики на руководство военными действиями. Вред причиняет не влияние политики, а ошибочная политика. Правильная политика может только способствовать успеху военных действий. Политическое руководство не должно ограничиваться открытием военных действий, но должно проходить непрерывной нитью через всю войну, политические требования должны быть учитываемы при решении каждого вопроса. Политическую цель необходимо всегда иметь ввиду, однако, руководящее значение политики на войне не должно обращаться в деспотический произвол политики, так как политика, со своей стороны, разумеется, обязана считаться и применяться к природе действующих на войне военных сил и средств.

Отрицая самостоятельное бытие войны, усматривая в ней лишь часть общей политической борьбы, Клаузевиц логически пришел к отрицанию всякой чисто военной точки зрения, к отрицанию существования каких-либо особых общих законов военного искусства. Каждая большая война представляет отдельную эпоху в истории военного искусства. Попытка распространить нормы, господствовавшие в одной войне, на другие войны привела бы к созданию односторонней системы, к догматическому окаменению, к разрыву с требованиями реальной жизни. Предшественники Клаузевица делили проявления военного искусства на хорошие и плохие в зависимости от того, поскольку эти проявления отвечали признаваемым ими вечным принципам военного искусства. Клаузевиц же всюду искал своих, особых предпосылок. Ведение войны до Наполеона не было ни плохим, ни предосудительным, а отвечало характеру своей эпохи, определялось реальными основаниями.

Моральный элемент. Господствовавшая в философии XVIII века механическая точка зрения заставляла избегать упоминания о моральном элементе. Как человек укрывает постыдные части тела, так ученый XVIII века уклонялся от учета такого иррационального элемента, не поддающегося ни мере, ни весу, как человеческое величие и слабость. Как редкое исключение в литературе XVIII века, встречается в «мечтаниях» Морица Саксонского указание на то, что «день на день не приходится, когда дело идет о боеспособности войск».

Клаузевиц чисто коперниковским приемом переносит центр тяжести военного исследования с внешних данных—числа, места, положения, технической организации, механизма движения—на ту область, которую XVIII век умышленно исключал из сферы обсуждения,—на человека и на двигающие им моральные силы. Он противопоставляет их абстрактной книжной мудрости своих предшественников. Уже исследование Тридцатилетней войны приводит Клаузевица к убеждению, что величие лозунгов, за которые идет борьба и верная оценка моральных факторов являются непременным условием высоких проявлений военного искусства всех времен. Никакое искуснейшее использование местности, никакие геометрические построения операционных линий не могут позволить не считаться с моральным элементом. Как значение купца, стоящего во главе дела, измеряется не только его искусством, но и тем кредитом, которым он пользуется, так для всей войны имеет огромное значение авторитет стоящего во главе полководца. Когда в Тридцатилетнюю войну был убит Густав-Адольф, протестантский лагерь потерял этот кредит, и, несмотря на то, что реальные условия остались прежними, вся механика остановилась. Сражение с перевернутым фронтом, позволяющее одним ударом уничтожить все силы неприятельской армии, так же дорого Клаузевицу, как и систематикам. Но тогда как Жомини стремился найти секрет искусства в том, чтобы перерезав операционную линию неприятеля, самому не рисковать, сохраняя свою операционную линию в полной безопасности, что, разумеется, возможно лишь при широком охвате театра войны нашей государственной границей,—Клаузевиц видел в стремлении к сражению с перевернутым фронтом прямое следствие сознания нашего превосходстве, численного и морального. В этом вопросе Клаузевиц относится к риску совершенно отлично от систематиков; решающее значение вместо геометрии он отводит моральным величинам.

Клаузевиц сам пережил бессилие государства старого порядка против моральных сил, выдвинутых Французской революцией, глубоко понял тщетность каких-либо внешних приемов, хитроумных маневров, когда война идет с морально превосходящим врагом. Отсюда весьма скептическое отношение Клаузевица к геометрическим формам маневра; «стратегическим и тактическим дурачествам» Клаузевиц противопоставляет энтузиазм народа, волю и упрямство вождей. Вопрос борьбы с наполеоновской Францией—не в ответном стратегическом маневре, а в подъеме моральных сил, в организации национального, народного движения против революции. Действительно, фанатизм испанцев, порыв русского народа в 1812 г. и национальное германское движение 1813 г. смогли сломить Наполеона. Моральные силы для Клаузевица играют столь решающую роль, что, в противоположность писателям XVIII века, он в основу своего капитального труда «О войне» кладет именно моральный элемент; война рассматривается как борьба за деморализацию противника. В будущем моральные силы должны, по мнению Клаузевица, играть еще большую роль. На место войны, как поединка ремесленников-бреттеров за мелкие династические интересы, выступает борьба за существование между крупными нациями. «Не король воюет с королем, не одна армия—с другой, но один народ против другого». Клаузевиц пророчествует, что ни одна война в будущем не может не оцениваться, ни вестись иначе, как национальная война.

Поражение Пруссии в 1806 г., по Клаузевицу, является естественным следствием многостороннего исторического процесса. Прямой причиной катастрофы было отсутствие гениальности, солидная посредственность во всем, дефицит в моральных импульсах. Смешны люди, рассчитывающие на умеренность победителей. «Как может быть умеренным государство, которое, затрачивая огромные средства, преследует огромные цели, каждое дыхание которого есть насилие. Быть умеренным для него так же неразумно, как и проспать момент». С глубоким пониманием связанности всей исторической жизни Клаузевиц ищет положительный смысл катастрофы. Тяжелый внешний кризис содержит сумму возбудителей для элементов, дремлющих внутри государства. Это—подарок истории. «Мы не должны бояться, что нас совершенно завоюют,—скорее мы должны надеяться на это. Нам надо бояться, что независимость и достоинство государства будут утрачены, а обывательскому благополучию ничто не будет угрожать». Поэтому Клаузевиц радуется проявлениям нажима и угнетения французской политики. Французы забывают мудрый прием политического искусства римлян и вмешиваются в частную жизнь покоренной ими Германии; это открывает обывателям глаза на ничтожность, несамостоятельность их существования как частных лиц, на его полную зависимость от судьбы государственного коллектива. От чужеземного господства нация не может откупиться ни искусством, ни наукой; надо сознать рабство, чтобы найти силы выйти из него, бросившись в дикий элемент борьбы, расплачиваясь тысячами жизней за тысячекратный выигрыш жизни.

Войну с французами Клаузевиц мыслил как ничем не сдерживаемый акт насилия. «Если я должен высказать самую заветную мысль моей души, то я стою за войну без каких-либо ограничений, за самую ужасную войну. Взмахами кнута я привел бы в ярость животное под ярмом и заставил бы его разбить те цепи, в которые оно из страха и трусости позволило себя заковать». Как далеко это от оборонческой позиции военных мыслителей XVIII века, извинявшихся за войну и за существование армии!

Сокрушение и измор. Критическая осмотрительность и историческое чувство такта, понимание особенностей условий частного случая уберегли Клаузевица от догматизирования наполеоновской стратегии. Великие цели, которые ставились наполеоновской стратегией, признавались Клаузевицем «душой войны». Но диалектическое мышление Клаузевица сейчас же усматривало противоречие между величиной успеха и его обеспеченностью. Постановка меньшей цели позволяет сосредоточить более соразмерные с потребностью средства и вернее ее достигнуть. Отсюда идея о наступлении с ограниченной целью, обосновываемая диалектическим противоречием между интенсивным и экстенсивным методами войны. Первый характеризуется быстрым решением, создающимся посредством кровопролитного кризиса; второй метод требует выдержки, основан на выигрыше времени и суммировании мелких успехов. За 3 года до своей смерти Клаузевиц хотел пересмотреть под углом зрения этих двух методов все вопросы военного искусства, трактуемые им в капитальном труде «О войне»; однако эта работа осталась невыполненной, и увлечение наполеоновской стратегией, стремление к единству взглядов, несклонность к диалектике привели редакторов первых изданий его сочинений к тому, что сама оговорка Клаузевица о двойном подходе к вопросам стратегии и о его намерении соответственно все переработать оказалась упущенной.

Насколько сам Клаузевиц не был ослеплен увлечением наполеоновской стратегией, показывают его планы кампаний против Франции в 1830 г., произведение его вполне уже созревшей мысли. Революция 1830 г., перекинувшаяся в Бельгию, вызвавшая восстание в ней и отпадение от Нидерландов, поставила Европу перед острой угрозой войны. Если бы Франция анексировала тяготевшую к ней Бельгию, Пруссия не могла бы медлить с началом военных действий. Гнейзенау, намеченный командующим прусской армией, пригласил Клаузевица быть его начальником штаба. Клаузевиц составил два плана кампаний. Первый, относящийся к началу октября 1830 г., представляет детализирование постановлений Карлсбадского конгресса о совместном действии европейской коалиции в случае новой революционной опасности со стороны Франции. В соответствии с ними Клаузевиц намечает нанесение Франции сокрушительного удара, поход на Париж коалиционных армий из войск английских, нидерландских, прусских, австрийских и Германского союза. Русскую помощь Клаузевиц считает возможным не выжидать, ввиду достаточного перевеса сил для применения наполеоновского метода. Но к зиме 1830—1831 гг. политическая обстановка изменилась в неблагоприятную сторону: смена кабинета в Англии исключила возможность выступления англичан против Франции, Голландия была обессилена отпадением Бельгии, и ее крепости оказались в руках бельгийцев, явных союзников Франции. Революционное движение в Польше и вспышки в Италии приковывали русские и австрийские армии к их собственным пределам. Пруссакам в борьбе с Францией и Бельгией приходилось полагаться только на самих себя. Можно было рассчитывать углубиться во Францию, но с таким ничтожным перевесом в силах, который не позволил бы надеяться на захват Парижа и очищение от французских армий всей территории северной Франции до Луары. В этих условиях Клаузевиц выдвигает ограниченную цель наступления—захват и удержание Бельгии. Клаузевиц обращает внимание на огромные богатства, сосредоточенные на небольшой территории, на возможность опереться на некоторые группы населения, враждебные Франции, и, главное, на то, что Бельгия охвачена Голландией и Германией и, следовательно, захват и включение ее в черту оборонительного фронта против Франции не только не вызовут какой-либо растяжки фронта, но создадут выгодные условия для обороны. Задача прусской армии, ослабленной выделением одного корпуса для обеспечения Познани от революционных посягательств поляков, будет заключаться в том, чтобы вторгнуться в Бельгию, дать сражение тем французским силам, которые в ней, несомненно, окажутся, и затем овладеть бельгийскими крепостями и обеспечить владение этой страной. В то же время слабая армия, которую выставит Австрия и Южная Германия, будет демонстрировать на Рейне.

Этот план является полной противоположностью всех достижений наполеоновской стратегии и в то же время представляет образец строгой соразмерности между целью и средствами. Стратегия ограниченных целей, господствовавшая в XVIII веке, не отжила в современных условиях, как утверждали новорожденные систематики XIX века, а должна быть воскрешаема, когда нет предпосылок того превосходства и перевеса, на которые опирался Наполеон. Этот двойственный, диалектический подход Клаузевица к стратегии долгое время игнорировался даже лицами, признававшими себя его учениками.

Оборона и наступление. Точно так же постоянные возражения вызывала другая капитальная мысль Клаузевица, что оборона является сильнейшей формой ведения войны, но ведущей лишь к достижению отрицательной цели, а наступление—слабейшая форма с положительной целью. Действительно, если бы наступление было легче обороны, то для слабейшей стороны переход к обороне был бы грубой, непростительной ошибкой. Однако изучение истории, очевидно, подтверждает разумность оборонительных действий со стороны слабейшего. Обороняющийся тактически лучше может использовать местность, шире применить фортификационные работы, дать более полное развитие огню. Оборона в стратегии имеет возможность использовать рубежи и глубину театра, что заставляет наступающего тратить силы на закрепление пространства и тратить время на его прохождение, а всякий выигрыш времени—новый плюс для обороны. Обороняющийся жнет и там, где не сеял, так как наступление часто останавливается фальшивыми данными разведки, ложными страхами, инертностью. На помощь обороняющемуся приходят войска второй и третьей очереди—ландвер, ландштурм. С каждым шагом вперед наступление ослабевает. Несмотря на простоту и ясность этой мысли Клаузевица, преклонение перед наступлением во что бы то ни стало, перед захватом инициативы приводило большинство военных писателей перед Мировой войной к заключению, что Клаузевиц в этом вопросе ошибался. Надо иметь в виду, что Клаузевиц под обороной разумеет не пассивное отсиживание, а лишь выжидание первого удара со стороны неприятеля, на который должен последовать возможно сильный рипост, ответный удар обороны. Для Клаузевица оборона—это вторая рука. Необходимость, указанная Клаузевицем, при достаточных силах задаваться положительной целью ясно подчеркивает требование переходить в наступление, как только предшествующие оборонительные действия создадут на нашей стороне перевес сил. Сильный, молниеносный переход от обороны к наступлению—блестящий рипост представляется высшим достижением военного искусства.

Эти не разделенные последователями Клаузевица взгляды на оборону тем примечательнее, что политически Клаузевиц один из первых разорвал с оборонческим мировоззрением XVIII века и подчеркнул прогрессивное значение насилия: политическое содержание новой истории заключается не в поддержании в равновесии европейской системы, что сводится к тому, чтобы душить живые силы, а в мощном развитии находящихся в Европе жизнеспособных единиц, сохранении и повышении индивидуальной энергии.

Реализм. Клаузевиц стремился во что бы то ни стало не порывать в своем теоретическом труде с требованиями жизни, как бы последние ни усложняли его исследование. Большое значение, которое отводит Клаузевиц истории, не затмевает в его глазах понимания ценности настоящего. История существует не для того, чтобы жить реминисценциями о былом величии: «Нация умирает, если начинает питаться воспоминаниями; только нынешним днем может быть доказано ее право на существование». Самый горячий патриотизм не оправдывает вступления на путь утопий. Когда немецкие патриоты обвиняли русских за опоздание на помощь Австрии в 1805 г. и на помощь Пруссии в 1806 г., то Клаузевиц спокойно разъяснял: «Обвинять русских в том, что они запаздывают, все равно что жаловаться на природу за то, что снег идет зимой, когда и без того холодно». Разумен снег зимой, разумно и опоздание русских войск, собираемых с огромной территории, к моменту столкновения французов с немцами.

Клаузевиц проводил резкую границу между решением на карте и осуществлением его в действительности. Замысел, не встречающий возражения на бумаге, в жизни реализуется с затратой огромных усилий на преодоление трений, вызываемых бесконечным количеством мелких, не поддающихся учету обстоятельств и случайностей. На войне приходится действовать в препятствующей проявлению всякой активности среде; с нормальной затратой сил нельзя достигнуть и посредственного уровня. Надо брать выше цели, чтобы получить хотя бы скромные результаты. Непривычная к войне армия должна считаться с большими трениями, как машина, еще не отшлифовавшаяся в процессе работы. О Пруссии 1806 г. Клаузевиц писал: «Слышен шум машины, и никто не спрашивает, дает ли она еще полезную работу». Замечания Клаузевица о трении имеют глубокий смысл; чтобы представить себе реальное полезное усилие, которое может дать армия, мы должны всегда сделать скидку на трение—и скидку, в зависимости от условий, весьма разнообразную. Учет моральных сил и трения резко разнит теорию Клаузевица от теории представителей механических взглядов XVIII века.

Значение теории. Клаузевиц резко очертил границы в военном искусстве, в пределах которых должна оставаться теория. Теория должна установить разумную связь между средствами и целью,—дальнейшее она должна предоставить искусству. «Если знаток дела посвятит половину своей жизни на то, чтобы уяснить трудный вопрос, то, разумеется, он успеет в этом деле больше, чем лицо, желающее в него быстро углубиться. Чтобы каждому не приходилось начинать и разбираться во всем сначала, дело должно быть упорядочено и освещено,—для этого и существует теория. Она должна воспитать мысль будущего вождя, или, вернее, руководить его самообразованием: так мудрый наставник руководит и помогает развиваться мышлению юноши, но не будет всю жизнь вести его на помочах». В характеристике Клаузевицем Вольцогена, адъютантом коего он был в 1812 г., мы встречаем указание на злоупотребление теорией: «Иногда его сильная по природе мысль оказывалась парализованной известной ученостью генерального штаба. Кто хочет работать в атмосфере войны, должен забыть о том, что твердят книги. Книги приносят пользу лишь постольку, поскольку они содействовали образованию и развитию мышления. Кто же будет искать вдохновения не в импульсе, даваемом моментом, а в готовых идеях, не переродившихся в его плоть и кровь, тот увидит свои построения еще прежде, чем они будут завершены, опрокинутыми потоком событий». Стремление проводить в жизнь школьную схему, методический формализм, о котором мечтал XVIII век, по мнению Клаузевица,—большой порок в начальнике.

Тогда как доктринеры склонны придавать теории руководящее значение в практической деятельности, Клаузевиц отводит ей исключительно подготовительную роль, она должна вырабатывать определенное военное мировоззрение. «Ничто так не важно в жизни, как определенное выяснение той точки зрения, с которой весь ход событий должен рассматриваться и обсуждаться, и на которой затем надлежит твердо стоять; ведь только с одной точки зрения можно постигнуть все разнообразие явлений в их единстве, и только единство точки зрения может обеспечить нас от противоречия» [1].

Диалектика Клаузевица, давая разбираемым вопросам разностороннее освещение, настолько удаляется от всяких шаблонов, что как бы оставляет вопрос открытым. Военная теория сведена Клаузевицем к наблюдению и обсуждению—«Betrachtung». В этой незаконченности мыслей Клаузевица, не замыкающей рамок для работы дальнейшего исследователя, не останавливающей практика никакими запретами, граф Шлиффен видел одну из главных заслуг Клаузевица. Систематики же, всегда претендующие на законченность и стройность своего учения [2], усматривают в этом бессилие Клаузевица, труды которого на прямой вопрос практики как бы говорят и «да» и «нет» [3].

Клаузевиц решительно обогнал развитие своей военной аудитории. Его учение оказало самое ничтожное воздействие на практику даже на его родине—Германии, несмотря на огромный авторитет его учения и частое цитирование его трудов. До Мировой войны наличность сочинений Клаузевица являлась для военных всех армий главным образом предлогом для того, чтобы можно было ссылкой на Клаузевица отмахнуться от широких военных вопросов, перестать в них углубляться, сосредоточиться на ремесленной стороне военного дела, сдать философию в архив.

---

[1] Если мы будем подходить к изучению военной теории как к работе, направленной на завоевание этой единой самостоятельной твердой точки зрения, мы должны будем признать за историей военного искусства руководящее значение среди других военных дисциплин. Только существование точки зрения, по замечанию Фейербаха, отличает человека от обезьяны.

[2] С эволюционной точки зрения законченная, стройная система доктринеров, не оставляющая простора для дальнейшего роста и развития мышления, является для свободной мысли орудием пытки: сапог, который жмет, или нога китайской женщины—вот эмблемы изуродованного мышления систематиков.

[3] Клаузевиц, с своей стороны, полагал, что надо безусловно отбрасывать все системы, которые позволяют изготовлять планы войн или кампаний, как пекут блины.

Учение Клаузевица явилось плодом могучего национального устремления немцев, рожденного наполеоновскими походами. Военная теория поднялась на необычайную высоту; теоретик Клаузевиц оказался предшественником практиков Бисмарка и Мольтке. Позднейшим поколениям диалектика Клаузевица оказалась не по плечу, и только катастрофы Мировой войны вновь устремили общее внимание к Клаузевицу.

Литература.

1) **Colmar von der Goltz.** Kriegsgeschichte Deutschlands im XIX Jahrhundert. I часть — Берлин 1910. II часть — 1914 г. Труд является IX томом издания **Paul Schlenkher.** Das XIX Jahrhundert in Deutschlands Entwicklung. Последняя объемистая работа самого маститого немецкого автора „Военная история Германии в XIX веке“, законченная непосредственно перед Мировой войной, значительно слабее работ его молодости. Острые вопросы германской военной истории попросту обходятся фон-дер-Гольцем, что необходимо иметь в виду при пользовании этим трудом.

Того же автора: Das Volk in Waffen. I издание 1883 г. V издание 1899 г., стр. 449. Вооруженный народ (есть русский перевод). Von Rossbach bis Jena und Auerstedt. I изд. также 1883 г. II издание Берлин. 1906 г. (есть русский перевод).

На труды очень тонкого и впечатлительного писателя, каким является фон-дер-Гольц, наложила твердый отпечаток та эпоха реакции и те враждебные новым идеям взгляды, которых держался Вильгельм. Работы его молодости написаны с большим подъемом, с тенденцией свалить тяжесть прусской катастрофы под Иеной на вредное влияние революционных и вообще либеральных идей, развративших прекрасную армию Фридриха Великого.

2) Издание **Pelet Narbonne** (Oldenburg in Gr. без обозначения года, но, повидимому, в первом десятилетии XX века) „Erzieher des Preussischen Heeres“ заключает в себе 12 томов; из них 3 относятся к XVII и XVIII векам (Великий курфюрст, король Фридрих, Вильгельм I и князь Леопольд фон-Ангальт-Дессау, король Фридрих Великий; остальные относятся к XIX веку): т. IV **W. von Voss.** Jork, стр. 97: т. V **Fr. von Lignitz,** Scharnhorst, стр. 100; т. VI **R. Friedrich.** Gneisenau, стр. 132; т. VII **V. der Boeck.** Boyen, стр. 114. т. VIII **R. von Caemmerer,** Clausewitz, стр. 132; т. IX посвящен принцу Фридриху-Карлу, т. X **W. v. Blume.** Moltke, стр. 127 (лучшая биогра-

фия Мольтке), т. XI — XII **Von Blume** „Kaiser Wilhelm der Grosse und Roon“, стр. 295.

К этому изданию привлечены были лучшие военно-исторические силы Германии; эти монографии позволяют углубляться во многие вопросы жизни прусской армии. Но надо помнить, что все издание преследует определенные воспитательные цели, и поэтому острые вопросы или обходятся или излагаются искаженно. Как источник для научной работы, эти труды могут быть использованы только с оглядкой.

3) По вопросу о милиции обширная литература приведена в указателе **В. А. Златолинского.** Библиографический указатель по вопросам строительства вооруженных сил по милиционной системе. Петербург, 1921 г., стр. 78.

4) **F. Meinecke.** Das Leben des General Feldmarschals Herman v. Boyen. Stuttgart. I т. 1896 г.; II т. 1899 г. **Hans Delbrück.** Das Leben des Feldmarschalls Grafen Neithart von Gneisenau (Берлин, II издание, 1908 г.; I издание 1894 г., в 2-х томах. Имеется еще 5-томная биография Гнейзенау, начатая в 1864 г. историком Пертц и законченная Гансом Дельбрюком в 1880 г.). **Droysen.** Das Leben des Feldmarschalls Grafen York v. Wartenburg. Классические труды выдающихся немецких историков, далеко, по своему значению, выходящие за пределы биографии, проливающие новый свет на прусскую армию и на всю эпоху возрождения Пруссии.

5) **Vidal de la Blache.** La Régénération de la Prusse après Jena. Paris. 1910 г., стр. 475. Издание военно-исторического отделения французского генерального штаба, посвященное возрождению прусской военной мощи после Иены. Главное внимание сосредоточено на интереснейшем периоде внутренней работы 1807 — 1812 гг. Талантливое резюме важнейших немецких исторических трудов.

6) **Frhr. von Freytag-Loringhoven.** Krieg und Politik in der Neuzeit. Berlin 1914 г. и того же автора Die Grundbedingungen Kriegerischen Erfolges. Berlin. 1914 г. Бывший руководитель военно-исторического отделения (а еще раньше русский гвардейский офицер) Фрейтаг-Лорингофен с очень широкой точки зрения рассматривает явления военного искусства в различных армиях за последние два века. Политике уделяется значительное внимание. Труды базируются не на самостоятельных изысканиях, а на классических исторических работах.

7) **Max Lehmann.** Scharnhorst. Leipzig. 1886—89 гг. 2 тома. Классическое исследование, восстанавливающее истинный образ Шарнгорста.

8) **E. v. Conrady.** Leben und Werken des Generals der Jnfanterie und Kommandirenden Generals des V Armeekorps Carl v. Grolmann. Berlin. 1894 г. Труд генерала Конради восстанавливает фигуру тиранически настойчивого, упрямого, бессердечного Грольмана, который из принципа не запачкал своих ног вступлением в ненавидимый им Париж ни при взятии его в 1814 г., ни в 1815 г. Труд важен для изучения тех основ, на которых развивался прусский генеральный штаб.

9) **Otto Fürst von Bismark.** Gedanken und Erinnerungen. Берлин. 1898 г., т. I, стр. 376, т. II, стр. 311. Бисмарк в своих мемуарах замечает, что самую тяжелую борьбу на внутреннем фронте ему при-

шлось вести с генеральным штабом, и во многих главах возвращается к характеристике Мольтке и к описанию своих несогласий и столкновений с ним (есть русский перевод, изд. 1923 г. Госиздата).

10) Часть произведений Клаузевица вошла в 10-томное собрание его сочинений: Hinterlassene Werke des Generals Carl v. Clausewitz Krieg und Kriegsführung. Berlin. 1832 — 33 гг. Первые три тома содержат важнейший труд О войне (изд. в невполне удовлетворительном русском переводе Войде). К сожалению, только одна из 126 глав этого труда вполне закончена автором. Многие мысли только намечены, не доведены до полного логического развития. Главы этой книги—только ростки идей, дающие богатые всходы лишь по мере того, как наше мышление поднимается до уровня, достигнутого Клаузевицем 100 лет тому назад. „Начетчики“ Клаузевица могут толковать вкривь и вкось букву его труда, постигнуть смысл коего возможно лишь при изучении его мышления в целом. Важнейшие основы ведения войны — конспект курса, читанного в 1811 г. кронпринцу прусскому, представляет по преимуществу тактический интерес.

Дальнейшее содержание собрания сочинений Клаузевица составляют: Стратегическое освещение нескольких походов Густава-Адольфа, Тюрена,[1] Люксембуга, Собесского, Миниха, Фридриха Великого, герцога Фердинанда Брауншвейгского и другие исторические материалы по стратегии. История кампании 1796 г. в Италии; 1799 г.— в Италии и Швейцарии; кампания 1812 г. в России; война за освобождение Германии в 1813 — 15 гг. В 1886 г., в 10 выпуске Kriegsgeschichtliche Einzelschriften истор. отдел. Больш. ген. штаба издан оставшийся ранее не напечатанным, вследствие резкости оценок, труд Клаузевица: Nachrichten über Preussen in seiner grossen Katastrophe. Часть произведений Клаузевица разбросана по журналам, часть остается не напечатанной в семейном архиве и архиве генерального штаба, по резкости высказанных мнений.

Насколько ценными являются эти остающиеся еще неизвестными мысли Клаузевица, можно заключить по двум письмам Клаузевица, впервые разысканным в 1923 г. и опубликованным в брошюре Клаузевиц Основы стратегического решения. Перев. под редакцией А. Свечина. Москва. 1924 г.

11) **Schwarz.** Leben des Generals Carl von Clausewitz und der Frau Marie v. Clausevitz. 2 тома. Берлин. 1878 г. Много документального материала, никогда в ином месте не опубликованного. Биографический труд, содержащий грубые ошибки.

12) **Hans Rotfels.** Carl von Clausewitz. Politik und Krieg. Berlin. 1920, стр. 324. Очень поучительная идейно-историческая монография представляет дополненную университетскую диссертацию молодого историка, талантливого ученика профессора Мейнеке.

13) **R. von Caemmerer.** Die Entwicklung der strategischen Wissenschaften im XIX Jahrhundert. Berlin. 1904 г., стр. 213. Отдельная глава истории стратегии посвящена изложению и оценке главных завоеваний мысли Клаузевица. Лучший исторический труд по стратегии.

14) **P. Creuzinger.** Hegels Einfluss auf Clausewitz. Berlin. 1911. Крейцингер — автор труда Проблемы войны (3 тома, 1903 — 1910 гг.), в основу которого взято диалектическое противоречие между величием

цели и безопасностью на войне. Доказывает, что Клаузевиц — ученик Гегеля. Доказательства сомнительны.

15) **G. G.** Essais de critiques militaires. Paris. 1890. Знаменитый военный критик буланжистского журнала „La nouvelle Revue“ паралитик капитан Жильбер, основоположник французской доктрины, своей работой о Клаузевице стремился доказать, что этот источник немецкой военной мысли сам черпает свое значение из толкования Наполеона. Отсюда и заключение профессоров Парижской военной академии, собиравшихся у постели Жильбера, что вместо того, чтобы учиться у немца, лучше непосредственно обратиться к Наполеону. Статья Жильбера, который, по выражению Жореса, вновь попытался зажечь в стане французской армии, побежденной в 1870 г., „победные аустерлицкие огни“, заслуживала лучшей участи.

16) **P. Roques.** Le général de Clausewitz. Paris. 1912 г. Профессор немецкой литературы Рок дал проникнутый глубоким пониманием Клаузевица труд о его жизни и его теории войны.

17) **Colonel Camon.** Clausewitz. Paris. 1911 г., стр. 267. Профессор по наполеоновским походам Французской академии, Камон, не понимает Клаузевица, и этот труд в глазах немцев является доказательством того, что Клаузевиц доступен только для немцев и, во всяком случае, непостижим для француза. Представляет интерес сопоставление Камоном изложения наполеоновских походов Клаузевицем с современным освещением тех же операций.

Ф. Меринг. История германской социал-демократии. Перевод Ландау. 2-е изд. 1921—23 гг. 4 тома. Труд Меринга дает интересную картину классовой борьбы в Германии XIX столетия и очень важен для изучения того общего фона, на котором шло строительство вооруженной силы. Взгляд Меринга на прусскую военную реформу 1860 г. (т. II, стр. 287—289) значительно оптимистичнее высказанного нами.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Война за гегемонию в Германии 1866 г.

Подготовка Бисмарком войны 1866 г. — Мобилизация. — Австрийская политика. — Оперативное развертывание. — „Гнусная крайность сосредоточения“. — Директивы. — Устройство тыла прусских армий. — Кениггрецская операция. — Конец войны 1866 г. — Действия по внутренним линиям. — Итоги. — Литература

Подготовка Бисмарком войны 1866 г. Германский союз предоставлял, по конституции 1825 г., полноту всех верховных прав всем входившим в союз государствам. Независимость средних и мелких государств покоилась на соперничестве двух великих держав, входивших в союз, Австрии и Пруссии. Это соперничество являлось преградой германскому объединительному движению. Призванный в 1862 г. встать во главе прусского правительства, Бисмарк являлся убежденным сторонником необходимости войны с Австрией, дабы принудить последнюю выйти из германского союза; только затем явилась бы возможность приступить к перестройке германского союза государств в германское союзное государство под гегемонией Пруссии. В первую очередь, дабы не задевать существенных интересов Франции, Бисмарк намечал лишь объединение Северной Германии. Он не сомневался, что сила германского объединительного движения заставит тяготеть к нему и южные германские государства, но окончательное объединение Германии представляло второй политический этап, достижимый лишь ценой новой войны с Францией.

Совместно с Австрией, Пруссия в 1864 г. завоевала у Дании две области с преимущественно немецким населением—Шлезвиг и Гольштейн. Прусский король стремился увеличить за счет этих завоеванных провинций территорию Пруссии; Австрия не имела возможности, вследствие географического удаления, присоединить часть этих завоеваний к своей территории и настаивала на образовании из них самостоятельного германского государства. Дележ этой добычи и явился непосредственным поводом к войне; он позволил Бисмарку использовать для своей широкой политики и феодальные устремления Пруссии. Прусский король Вильгельм вступил в войну за расширение территории своего королевства, Бисмарк—за объединение Германии.

Россия была занята внутренними реформами, ненавидела Австрию, была обязана Бисмарку за дружественное содействие при подавлении польского восстания 1863 г. Александр II настаивал лишь на том, чтобы при переделе Германии не слишком пострадал его родственник—великий герцог Гессенский, и Бисмарк легко мог дать удовлетворение этой политике родственных чувств.

Англия углубилась также в свои внутренние дела и переживала период пониженного интереса к европейской политике. Значительную опасность представляла Франция, которая могла выступить в момент борьбы Австрии и Пруссии с требованием аннексии немецких земель на Рейне. Но французская армия находилась в запущенном виде и была ослаблена предпринятой Наполеоном III Мексиканской экспедицией. Сам Наполеон III благожелательно относился к германскому объединительному движению и хотел добиться лишь компенсации для Франции в виде аннексии Бельгии. Но Наполеон III уже дряхлел, его политика—политика сохранения связи с основными движениями эпохи, политика развертывания техники, железных дорог и использования всех изобретений (в военном отношении—броненосцы, пулеметы, нарезная артиллерия), политика свободной торговли, устройства всемирных выставок, прорытия Суэцкого канала, опытов социальных реформ (участие рабочих в прибылях, страхование старости посредством инвалидных касс и т. д.)—испытывала уже сильное колебание.

Вторая империя все больше начинала опираться на клерикальную партию; династия, казалось, упрочится во Франции, если, вопервых, завоюет себе симпатии духовенства, а, вовторых, добьется «исправления границы» на Рейне. Борьба двух противоположных направлений при больном Наполеоне III пока взаимно уравновешивалась, и дипломатическому искусству Бисмарка удалось, до самой развязки войны, добиться доброжелательного нейтралитета Франции.

Дружественное посредничество Наполеона III даже позволило Бисмарку весной 1866 г. заключить союзный договор с Италией, жаждавшей присоединить Венецию, оставшуюся в составе Австрии. Этот договор важен был для успокоения прусского короля Вильгельма, опасавшегося вступить в единоборчество с Австрией. Последняя была обречена сражаться на два фронта.

Политическая подготовка войны вне германского союза удалась Бисмарку, таким образом, вполне. Во внутренней политике обстановка складывалась хуже. С момента военной реформы 1860 г. прусское правительство находилось в жестокой ссоре с прусским ландтагом, отказывавшим ежегодно в утверждении бюджета, и руководило государством вопреки желаниям огромного либерального большинства цензового представительства прусской буржуазии. Оппозиция правительству Бисмарка почти доходила до грани революции; правительство имело репутацию отпетых реакционеров; народные массы были далеки от его поддержки. Только редкие, наиболее проницательные представители прусской буржуазии, наблюдая твердую руку Бисмарка в шлезвиг-гольштинском вопросе, начинали понимать, что перед ними как раз тот человек, который способен осуществить объединение Германии и воплотить в жизнь мечту германской буржуазии.

Бисмарк придавал огромное значение подготовке к войне во внутренно-политическом отношении и решил вести войну под широким лозунгом устройства северогерманского союза. Он выдвинул официальную программу такого объединения, с резким ограничением суверенитета отдельных германских государств, с созданием единого общего парламента, избираемого на основе всеобщего голосования и призванного стать противовесом центробежным стремлениям, с объединением всех вооруженных сил союза под руководством Пруссии. Эта программа отбросила на сторону Австрии огромное большинство средних и мелких государств германского союза, самостоятельности коих Бисмарк готовился нанести смертельный удар. В наступающей войне Пруссия должна была встретить лишних 4 корпуса враждебных войск, правда, плохого качества, долго мобилизуемых, не объединенных общим командованием. Но зато война ставилась в плоскость борьбы за великий лозунг, а не братоубийственной бойни за династические интересы—приращение территории Пруссии за счет других членов германского союза. Нужно заметить, что в широких массах имелось такое недоверие к Бисмарку, которого считали представителем интересов реакции, что только постепенно сторонники германского объединения начали сплачиваться около выставленной им программы. Потребовалась победа под Кениггрецем, чтобы буржуазия уверовала в серьезность намерений Бисмарка. Период мобилизации прусской армии протекал еще без всякого воодушевления; особенно неудовлетворительным являлось настроение ландвера.

Вопрос о выходе из германского союза задевал важнейшие интересы Австрийской империи и все исторические традиции ее первенствующего положения среди немецких государств. Бисмарк не стремился к полному уничтожению Австрии, но борьба могла сложиться таким образом, что без полного разгрома Австрии оказалось бы невозможным достигнуть намеченной Бисмарком политической цели войны. Поэтому для войны Бисмарком были выдвинуты лозунги полного сокрушения Австрии. Только сложившаяся обстановка безнадежности войны для Австрии позволила Бисмарку прервать борьбу на полпути и достигнуть поставленной цели, договорившись с еще не вполне разгромленным противником.

Чрезвычайно нелегко одними средствами вооруженного фронта достигнуть полного уничтожения боеспособности неприятельского государства. Поэтому Бисмарк направил свои усилия к тому, чтобы нанести мощный политический удар австрийской государственности изнутри. Средством для этого должно было явиться венгерское национально-революционное движение. В Пруссию был приглашен талантливейший венгерский революционный генерал Клапка и кадры венгерской эмиграции. Все пленные венгерской национальности должны были изолироваться от прочих и назначаться на тяжелые земляные работы; в случае согласия их поступить в легион, который формировали в Силезии офицеры Клапки, они сразу освобождались от каторжных условий существования и получали все блага. Вследствие краткости войны, растянувшейся всего на 6 недель времени, Клапка успел сформировать с затратой 250 тысяч талеров только 1 легион в 3 000 бойцов и за несколько часов до подписания предварительных условий мира успел с ними перейти демаркационную линию, пробыл 5 суток в тылу австрийцев, но, вследствие прекращения военных действий, должен был уйти назад к пруссакам. Одновременно Бисмарк поддерживал деньгами и организацию вооруженного восстания в самой Венгрии. В эмиграции представительство этой организации было возложено на графа Чаки, внутри Венгрии организация руководилась Комароми. Венгрия была разделена на 8 участков, во главе коих стояли начальники повстанческих дивизий; дивизионные округа делились на 2—4-бригадные округа; в каждом населенном пункте имелся командир, тайно вербовавший повстанцев. Труднее всего складывался вопрос об оружии: в разоруженной Венгрии повстанцы располагали только 18 000 ружей, частью неудовлетворительного качества. В случае затяжки войны эта организация дала бы себя знать. Но и теперь, несмотря на примирительное поведение австрийского правительства, венгерские друзья Бисмарка сделали невозможным созыв венгерских депутатов для голосования чрезвычайного набора и дружно помешали произвести таковой в Венгрии; кроме того, они командировали в венгерские полки целый рой пораженческих агитаторов, речи которых имели успех, судя по сдаче без сопротивления целых венгерских батальонов в боях войны 1866 г.

Австрийские писатели приходили в негодование от такого потакания Бисмарком венгерским революционерам: добро бы,—говорили они,—Пруссия терпела поражения и вступала бы в союз с революцией для сохранения своего государственного существования; а то Бисмарк, солидный государственный деятель, с оттенком реакционности и юнкерства, занимается революционным делом—и особенно усердно как раз после победы под Кениггрецем. Мы думаем, однако, что Бисмарк был прав, так как не уничтожение вооруженных сил Австрии, а угроза венгерского восстания в тылу в конечном счете заставили Франца-Иосифа пойти в последнюю минуту на предложенные Бисмарком условия мира; тем самым венгерская политика Бисмарка чувствительно уменьшила издержки борьбы за объединение Германии.

Мобилизация. Нелегко было Бисмарку уговорить прусского короля, чрезвычайно тогда непопулярного, вступить в эту братоубийственную войну. Надо было добиться приступа к мобилизации со стороны Австрии. Ввиду территориальной системы мобилизации Пруссия имела выигрыш в несколько недель в отношении мобилизации по сравнению с Австрией, в которой полки были расположены, по соображениям внутренней политики, возможно далеко от территории комплектующей их национальности[1]. Поэтому

---

[1] Так, полки I корпуса, квартировавшего в Богемии и долженствовавшего выполнять задачу по прикрытию мобилизации всей армии, получали запасных: два полка—из Венецианской области, два полка—из Венгрии, один—из Восточной Галиции; только 4 полка мобилизовались за счет запасных Богемии. Сверх того, в корпусе налицо были в местах своих стоянок только 5 полков. Остальные находились в командировках в политически неспокойных районах империи.

Австрия и при нежелании вступить в войну была вынуждена заблаговременно приступить к мобилизационным мероприятиям.

Для воздействия на Австрию Бисмарк использовал Италию, которая заблаговременно приступила к усилению своей армии, в которой по экономическим соображениям в 1865 г. вовсе не был призван очередной возраст контингента, и к стягиванию войск из южной части полуострова и Сицилии. Вследствие этого 21 апреля 1866 г. Австрия приступила к частичной мобилизации трех корпусов Южной армии. Для того чтобы принудить Австрию к расширению мобилизации, Бисмарк, через берлинского банкира Блейхредера, довел до сведения Австрии набросок плана кампании, сделанный Мольтке втечение зимы 1865/66 г. Мольтке предлагал дать будущей войне ярко наступательный характер, начать военные действия без малейших дипломатических предостережений, использовав полную военную неготовность противников Пруссии. Среди глубокого мира немобилизованные прусские войска должны были ворваться в союзную крепость Майнц и разоружить составляющие ее гарнизон австрийские и союзные войска. Одновременно, в первый же день мобилизации, прусские войска должны были с разных сторон ворваться в Саксонию, захватить врасплох в их казармах немобилизованные саксонские войска и, только покончив с ними, приступить к мобилизации; закончив последнюю, две армии—193 тыс. и 54 тыс.—должны были вторгнуться в Богемию и разгромить австрийскую армию еще прежде, чем она могла бы собраться. Этот набросок совершенно не отвечал политическим условиям 1866 г.: внутреннее положение Пруссии было чрезвычайно сомнительно, коварное внезапное нападение, вопреки всем нормам международного права, могло привести не к мобилизации, а к революции против непопулярного правительства Бисмарка. Последнее должно было подготовлять войну исподволь, свалив инициативу вооружений на Австрию. Для этой-то последней цели мысли наброска Мольтке были чрезвычайно пригодны [1]. Как только слухи о возможном внезапном нападении пруссаков достигли Вены, в первой половине марта в Вене был собран маршальский совет—заседание представителей высшей военной власти в центре, усиленное приглашенными из провинции командирами корпусов и выдающимися генералами. Маршальский совет приступил к обсуждению плана кампании и постановил прежде всего усилить расположенный в Богемии I корпус на 6 700 человек, чтобы довести его до полного мирного состава. Это только и нужно было Бисмарку. Его пресса раздула в огромной степени усиление австрийских войск в Богемии; 28 марта Пруссия приступила к усилению наличного состава батальонов 5 дивизий, расположенных близ саксонской и австрийской границ, с 530 человек на 685 человек. В дальнейшем последовали закупки лошадей для полевой артиллерии. Австрия была вынуждена на новые мероприятия. Чтобы скрыть их, австрийская цензура воспретила газетам печатать какие-либо сведения о передвижения войск или усилении их состава. Бисмарк использовал и это обстоятельство, пригласив прусскую печать помещать проверенные данные об изменениях в дислокации и составе прусских войск и набросив на Австрию тень подготовки втихомолку к войне. 27 апреля Австрия объявила общую мобилизацию. Прусский король все еще сопротивлялся мобилизации прусской армии. Только последовательно, 3, 5 и 12 мая Мольтке и Бисмарк вырвали у него указы по мобилизации, в три приема охватившие всю прусскую армию.

---

[1] Бисмарк сам за обедом посвятил в основную мысль этого плана жену саксонского посланника, чтобы вызвать Саксонию и Австрию на мобилизацию.

Таким образом, Бисмарк предпочел в войну 1866 г. отказаться от тех выгод, которые давала быстрота прусской мобилизации, чтобы не брать на себя одиозности начала войны и не ставить Пруссию в невыгодное политическое положение. Политика подчинила себе стратегию; в начале Мировой войны создалось обратное положение, и прусский генеральный штаб своим внезапным ударом на Льеж постарался использовать в полной мере большую военную готовность Германии в явный ущерб ее политике.

Втечение всей войны пруссаки мобилизовали 664 тыс. человек. Все части постоянной армии получили боевое назначение на фронт; сверх того из 116 батальонов ландвера (по 1 002 человека), образовавшего гарнизон крепостей, 30 батальонов были притянуты для второстепенных активных операций. На каждый полевой трехбатальонный полк был сформирован четвертый запасный батальон в 800 человек, наполовину из рекрут, наполовину из запасных, получивших уже военную подготовку. Всего было сформировано 129 запасных батальонов, из коих 48 батальонов были привлечены к службе на второстепенных театрах. Из ландвера и запасных батальонов, в дополнение к 9 имевшимся армейским корпусам, было сформировано 2 резервных корпуса. Только перемирие воспрепятствовало вступлению их в бой. Таким образом за 334-тысячной полевой армией Пруссии находилось свыше 300 тыс. второлинейных войск.

Австрия благодаря данному ей сроку смогла мобилизовать равную прусской полевую армию; но за ней находились лишь очень слабые второлинейные формирования, отвлеченные к тому же охранением внутренней безопасности. Втечение войны удалось сформировать лишь ничтожное число резервных батальонов, и даже пополнение потерь перволинейных войск задерживалось надолго. Ополчение было необучено и не имело снаряжения, и могло быть использовано лишь в Тироле, против итальянцев. Основные силы Австрии сразу же дебютировали на полях сражений.

Австрийская политика. В Австрии не желали войны, и, как всегда в таких случаях, полагали, что до войны дело не дойдет; Австрия не вела планомерной политической подготовки войны. Вопреки Францу-Иосифу, большинство австрийских генералов было убеждено в превосходстве прусского вооружения и прусских войск. Помощь средних и малых германских государств расценивалась не слишком высоко.

Было ясно, что Австрия не может выдержать войны на два фронта—против Пруссии и Италии. Австрия не была в силах одновременно и сохранять свое положение в германском союзе против Пруссии, и удерживать обладание Венецианской областью против Италии. Наиболее разумно было бы со стороны Австрии согласиться в феврале 1866 г., за 4 месяца до начала войны, на предложение Италии—уступить ей венецианскую область за один миллиард лир. Из гордости австрийское правительство отвергло это предложение и толкнуло тем Италию на союз с Пруссией. Но как только Австрия приступила к мобилизации, она почувствовала, какой грузный балласт для австрийской государственности представляет Венеция. 30 апреля, еще до начала мобилизации Пруссии, Австрия обратилась с просьбой посредничества к Наполеону III, имевшему решающее влияние на итальянское правительство: Австрия согласна отречься от Венеции в пользу Наполеона III с тем, чтобы последний подарил эту область Италии и тем обеспечил бы ее нейтралитет. Наполеон III, однако, держался пассивно, а в Италии страсти разгорались, мобилизация была в полном ходу, армия хотела померяться еще раз с ненавистными австрийцами; правительство побоялось нарушить союзный договор с Пруссией. Предложение Австрии было отклонено. Но Австрия, тем не менее, 12 июня, за несколько дней до начала войны, приняла на себя обязательство перед Францией,—каков ни будет результат войны, передать в конце ее Венецию, через посредство Франции, Италии. Конечно, для Австрии было бы разумнее снизойти до непосредственных переговоров с Италией, или по крайней мере эвакуировать свои итальянские владения до начала военных действий, чем затрачивать 80 тыс. хороших полевых войск и почти такое же количество второлинейных в гарнизонах крепостей на оборону провинции, представлявшей уже отрезанный от государства ломоть. Но все же и шаг, предпринятый Австрией, принес стратегии значительные выгоды. Италия достигла своей конкретной политической цели войны еще до начала военных действий; последние для нее являлись простой формальностью, делом чести, выполнения союзного обязательства. Война поэтому стала для Италии беспредметным занятием.

Италия выставила 165 тыс. полевых войск. Прусский военный уполномоченный, генерал Бернгарди, и прусский посланник уговаривали итальянское командование энергично приступить к операциям: переправить главную массу войск через нижнее течение р. По и выдвинуть ее к Падуе, в глубокий тыл сосредоточенной в четырехугольнике крепостей (Мантуя, Пескьера, Верона, Леньяго) австрийской армии, что привело бы к сражению с перевернутым фронтом; затем начать энергичное наступление во внутренние области Австрии—на Вену; перебросить через Адриатическое море Гарибальди и его волонтеров на поддержку венгерского восстания; принять участие через посредство эмиграции в его организации и таким образом «нанести австрийской державе удар в сердце». Конечно, Италия, интересы коей были обеспечены еще до начала военных действий, была не расположена следовать этим советам, и австрийцы могли бы с самого начала войны ограничиться на итальянском фронте минимумом сил; однако стратегия не использовала в полной мере выгоды политического отступательного маневра Австрии по отношению к Италии.

Для австрийского правительства была также ясна необходимость договориться с венграми для обеспечения спокойствия тыла. Венгров могло бы удовлетворить только дарование полной автономии. Франц-Иосиф встал на этот путь, но не сделал во-время решительного шага. Уступки венграм были начаты с другого конца—с дарования комитатам самоуправления; а последние начали с того, что уволили со службы немецких чиновников, учителей и т. д.; соглашение с венграми было еще не достигнуто, а административный аппарат принуждения венгров был разрушен. Наиболее умеренные и преданные Франц-Иосифу венгерские политики могли в момент войны занять лишь позицию молчаливого нейтралитета.

Единственным достижением австрийской политики явилось привлечение на свою сторону большей части государств германского союза, напуганных программой Бисмарка, лишавшей их суверенитета. Эти немецкие союзники Австрии располагали армией, по штатам военного времени, в 142 тыс. человек. Однако в то время, как Италия, Австрия и Пруссия уже в апреле приступили к вооружениям, войска немецких союзников Австрии оставались в немобилизованном виде. 7 июня прусские войска приступили к изгнанию австрийцев из Гольштейна. 11 июня австрийский посол был отозван из Берлина. Только 14 июня, по требованию Австрии, бундестаг (совет германского союза во Франкфурте на Майне) постановил мобилизовать четыре корпуса—контингент германского союза, выставляемый средними и малыми государствами. Но это решение мобилизоваться было уже принято Пруссией, как объявление войны. Военные действия между мобилизованными пруссаками и немобилизованными союзниками Австрии начались уже на следующий день, 15 июня. Только саксонские войска были заблаговременно приведены в готовность и отошли из Саксонии, куда вторглись пруссаки, в Богемию—навстречу австрийской армии. Самое ценное, что получила Австрия от своих союзников, представлял, таким образом, 23-тысячный саксонский корпус.

Оперативное развертывание. Перед Пруссией лежали задачи вооруженной борьбы на трех немецких театрах и, сверх того, задача охранения рейнских земель от покушений Франции. Последняя задача была доверена целиком дипломатическому искусству Бисмарка; Мольтке не израсходовал на нее ни одного батальона полевых войск.

Главный фронт против Пруссии образовали Австрия и Саксония, выставившие до 260 тыс. войск; здесь, естественно, должна была развернуться основная масса прусских войск. Другой театр представляли Ганновер и Гессен, союзные Австрии государства, вклинившиеся в Северную Германию и вызывавшие чересполосицу владений Пруссии; через эти государства шли пути, соединявшие рейнские владения Пруссии с основным массивом ее территории. Враг на этом театре был слаб качественно и численно—всего 25 тыс., но уничтожение его и устранение связанной с ним чересполосицы имело для Пруссии капитальное значение. Третьим театром являлся южногерманский, на котором можно было ожидать неприятельские силы в составе 94 тыс.; однако эти войска были еще немобилизованы и разбросаны, и энергичных действий их раньше начала июля ожидать было нельзя.

Прусская армия насчитывала 20 пехотных дивизий; по мирной дислокации из них 14 естественно тяготели на главный фронт, а 6—к Рейну и против Ганновера. На главном театре были образованы 1-я армия (6 див.) и 2-я армия (8 див.). Но такое отношение сил между главным и второстепенными театрами не удовлетворяло Мольтке, стремившегося покончить войну сокрушающим ударом, нанесенным Австрии. Он решил временно не оставлять не только против Франции, но и против Южной Германии ни одного прусского солдата. На второстепенные театры он выделил только 3 дивизии—48 тыс.; эти три дивизии должны были немедленно вторгнуться в Ганновер с трех сторон, окружить и обезоружить Ганноверскую 18-тысячную армию, что было вполне по силам пруссакам (качественный перевес при более чем двойном численном превосходстве). Покончив с Ганновером и Гессеном, три прусских дивизии должны были приняться за южногерманские государства. Остальные 3 дивизии с Рейна и Вестфалии Мольтке притянул на главный театр, составив из них Эльбскую армию, подчиненную командарму I.

Два резервных корпуса (из ландверных и запасных частей), долженствовавшие изготовиться в июле, Мольтке предназначал: первый по готовности—на главный театр, для оккупация Богемии в тылу главных сил; второй—против Южной Германии.

Само оперативное развертывание войск на главном театре было произведено Мольтке совершенно отличным от наполеоновских традиций методом. Мольтке принял к учету новый фактор—железные дороги. Жомини, стремясь применить методы Наполеона к изучению способов ведения войны Пруссии против Австрии, приходил к совершенно определенному и ясному заключению, что пруссакам выгоднее всего собрать всю свою армию в наиболее выдвинутом внутрь Австрии углу своей территории—в Верхней Силезии, всего в 10-12 переходах от неприятельской столицы, двинуть совокупно всю массу прусских корпусов по операционной линии на Вену и захватить ее через 2 недели войны. Но Мольтке пришлось считаться с тем обстоятельством, что из внутренних областей Пруссии к австро-саксонской границе вело 5 железнодорожных линий, в том числе в Верхнюю Силезию только одна, с возможностью частичного использования второй линии. Надо было иметь в виду, что сосредоточение в Силезии значительно затянется, и инициатива наступления могла быть предвосхищена Австрией, несмотря на медлительность ее мобилизации и сбора войск. Пруссаки имели возможность покончить с мобилизацией и с развертыванием армий в 25 дней, но для этого надо было высаживать войска на конечных станциях всех 5 железных дорог, шедших к австрийской границе. Получился совершенно несообразный с прежними взглядами фронт развертывания в 420 километров, который и был принят Мольтке. Железнодорожная сеть была проведена без учета военных соображений, и теперь генеральному штабу пришлось только склониться перед существующими материальными условиями.

Широкий фронт стратегического развертывания представляет опасность поражения по частям, которой Наполеон стремился избежать во что бы то ни стало. Поэтому, застав такую разброску сил в начале Регенсбургской операции (1809 г.), Наполеон заставил войска совершать чрезвычайно рискованные марши, чтобы стянуть их к центру, за р. Абенс. Для Мольтке разброска сил не представлялась в такой же степени страшной. Усовершенствованное оружие его времени не давало еще предпосылок для современных многодневных боев, но дальнобойность нарезного оружия уже требовала большего времени на разведку, на развертывание колонн, на сближение с противником.

Если в 1812 году подвиг дивизии Неверовского под Красным заключался в том, что ей удалось просто уйти, столкнувшись с массой неприятельской конницы, то ныне не является необходимым, как сто лет тому назад, держать корпуса локоть к локтю, образовывать оперативную фалангу; поддержка столкнувшихся с неприятелем частей становится возможной с пунктов, все более и более удаленных от места завязки боя.

Но еще существеннее, чем дальнобойное оружие, обеспечивают от поражения по частям изменившиеся условия управления: высота оперативной подготовки частных начальников со времен маршалов Наполеона I поднялась довольно значительно; в их распоряжении находятся офицеры генерального штаба, для повышения квалификации которых не отступают ни перед какими жертвами, и которые во всем войсковом организме являются нервами, проводящими идеи высшего командования; и, наконец, на походе за штабами тянутся телеграфные провода, позволяющие следить за действиями разбросанных на сотни верст корпусов и координировать их с таким же удобством, как если бы они были удалены от полководца на нормальный пробег ординарческого коня. Если бы австрийцы и попытались, с имевшимися налицо силами, броситься на одну из частей растянутого на 420 *км* прусского развертывания, то их встретил бы не безжизненный кордон XVIII века, а упругий, растягивающийся в мешок фронт, где одни корпуса уклоняются от непосредственно направленного на них удара, а другие выходят во фланг и тыл противника и затягивают петлю окружения.

Все историки, стоявшие на точке зрения вечности принципов военного искусства и являвшиеся защитниками наполеоновской догмы, упорно осуждали Мольтке за его развертывание в 1866 году, несмотря на успех, увенчавший действия Мольтке. Это свидетельствует, однако, лишь об ошибочности их точки зрения [1].

Разумность оперативного развертывания Мольтке очерчивается яснее всего при сравнении с австрийским развертыванием, основанном на противоположных воззрениях. Начальник австрийского генерального штаба, барон Геникштейн, богатый светский человек, меньше всего задумывался над вопросами стратегии и оперативного искусства. Эрцгерцог Альбрехт, сын знаменитого соперника Наполеона, эрцгерцога Карла, наиболее видный кандидат из членов династии на командование войсками, поспешил устроиться на спокойный итальянский фронт под тем предлогом, что нельзя ставить репутацию династии под угрозу поражения.

---

[1] Отметим, что сам Жомини, тогда 90-летний старец, отнесся к стратегическим расчетам Мольтке с большим уважением; но вся плеяда французских писателей и такие корифеи, как англичанин Волслей, австриец Кун, русские Леер и Михневич, заняли осуждающую Мольтке позицию. Крисманич, негодный составитель австрийского плана операций, слепо применявший наполеоновские рецепты, был несравненно ближе их мышлению и получил самые одобрительные отзывы; это представляло лишь свидетельство безнадежной отсталости теоретической военной мысли.

На Богемский театр главнокомандующим был выдвинут, против его желания, генерал Бенедек, прекрасный строевой начальник, командовавший в мирное время Итальянской армией, знаток Ломбардии, совершенно не подготовленный к руководству большими массами, незнакомый с условиями австро-прусского фронта; приэтом эрцгерцог Альбрехт не позволил Бенедеку захватить своего начальника штаба, генерала Иона, наиболее способного разбираться в крупных вопросах австрийского офицера генерального штаба [1].

Когда, ввиду угрозы войны, в марте 1866 г. от начальника австрийского генерального штаба, барона Геникштейна, был потребован план операций против Пруссии, то последний предложил составить таковой полковнику Нейберу, профессору стратегии военной академии. Последний заявил, что для этой работы ему нужны данные о мобилизационной готовности австрийской армии. Военное министерство предоставило Нейберу чрезвычайно пессимистическую оценку состояния австрийских войск; только по истечении нескольких месяцев армия могла стать вполне боеспособной. Поэтому Нейбер высказался за то, чтобы перед началом операций австрийская армия была собрана в оборонительном положении близ крепости Ольмюца и вступила в Богемию, угрожаемую пруссаками с двух сторон, лишь после приобретения достаточной боеспособности.

Затем, по протекции эрцгерцога Альбрехта, начальником оперативной канцелярии Богемской армии был назначен предшественник Нейбера по кафедре стратегии, генерал Крисманич. Последний являлся знатоком Семилетней войны и полагал, что через сто лет повторится картина операций Дауна и Ласси против Фридриха Великого. Крисманич редактировал военно-географическое описание Богемии и изучал всевозможные позиции, которые имелись на богемском театре. Крисманич сохранил мысль Нейбера о предварительном сосредоточении австрийцев в укрепленном лагере у Ольмюца, за исключением I богемского корпуса, который оставался в авангарде, в Богемии, чтобы принять на себя отход саксонцев. Все 8 корпусов, 3 кав. дивизии и артиллерийский резерв, предназначенные действовать в Богемии, должны были представлять одну армию. От наступления в Силезию Крисманич отказался, так как на этом направлении он не усматривал выгодных «позиций» для сражения. Не считаясь с железными дорогами, Крисманич ожидал сосредоточения всех сил Пруссии в Силезии и прямого движения их на Вену. Как отдельный вариант, разрабатывалось передвижение австрийской армии по трем дорогам из Ольмюца в район правого берега Эльбы.

---

[1] Многие военные историки считали эрцгерцога Альбрехта гениальным вождем и полагали, что если бы командование на Богемском театре было возложено на него, исход мог бы быть иным. Конечно, это жестокая ошибка. Характер этого полководца, эгоистичный, честолюбивый, завистливый, виден из следующего: по окончании войны он, действуя от имени императора, взял с Бенедека расписку, что последний не будет оправдываться в возводимых на него обвинениях ни при жизни, ни после смерти и не оставит никаких оправдывающих его бумаг. Получив расписку Бенедека, он в инспирированной им статье вылил на Бенедека фонтан помоев. А когда умер генерал Ион, эрцгерцог Альбрехт немедленно арестовал все оставшиеся после него бумаги, которые так и не увидали света: Альбрехт боялся, что из бумаг Иона будет видно, что победа над итальянцами при Кустоце 24 июня 1866 года выиграна не им, Альбрехтом, а фактически распоряжавшимся вместо него Ионом. Не Моцарт, а Сальери!

В Австрии тогда еще издавались секретные карты с подчеркнутыми на них черными полукругами—«позициями». План Крисманича представлял мешанину из воспоминаний о борьбе с Фридрихом Великим, из нескольких принципов наполеоновского военного искусства, нескольких принципов Клаузевица (Австрия преследует негативную политическую цель, почему ей соответственно вести оборонительные действия) и подробной таксации всевозможных оборонительных линий, рубежей и позиций. План его имел внушительный объем, читался с трудом, докладывался Крисманичем необыкновенно самоуверенно; Крисманич импонировал своим оптимизмом и профессорской безапелляционностью суждений. Неудивительно, что мало образованный австрийский генералитет был подавлен уверенностью и ученостью, которые развернул Крисманич—вообще ленивый, поверхностный и ограниченный человек; но для нас тайна, как мог план Крисманича считаться и спустя 40 лет в учебниках стратегии образцовым [1].

Несомненно, если бы австрийцы разделили свои силы на две армии и выбрали для их сосредоточения два различных района, например, Прагу и Ольмюц, они могли бы гораздо лучше использовать железные дороги, скорее закончить развертывание, не подвергали бы войска лишениям и сохранили бы гораздо большую способность к маневру. Но для этого им нужно было сделать в военном искусстве тот шаг вперед, который сделал Мольтке и который еще десятки лет оставался непонятным теоретикам.

---

[1] Стратегия Михневича (изд. 1906 г.), кн. I, стр. 320—322.

„Гнусная крайность сосредоточения“. Разделение сил рекомендовалось во второй половине XIX века и сильно возросшей со времени Наполеона глубиной походных колонн, вследствие увеличения количества артиллерии, парков и обозов; Мольтке обращал на это внимание в печати в 1865 году; ему уже приходилось иметь дело при подходе к полю сражения с вчетверо большими цифрами растяжки походных колонн. Исчезли большаки XVIII столетия, по которым можно было двигаться во взводных колоннах; движение по сторонам дорог затруднялось все чаще встречавшимися заборами и канавами; культура заставляет ныне войска на походе жаться на узком полотне дороги, а число колес в колоннах возросло чрезвычайно. Противник Мольтке, печальный Крисманич, попытавшийся в 1866 г. воскресить наполеоновский способ действий по внутренним линиям и по наполеоновски двинувший армию (6 корпусов) из окрестностей Ольмюца к верхней Эльбе, сосредоточенно, по 3 дорогам, вызвал громадные лишения для войск, так как на одной дороге столпилась 120-верстная кишка из 4 корпусов и двух кавалерийских дивизий; войска шли по богатой Богемии, как в пустыне—даже колодцы по пути оказывались вычерпанными до дна. И когда эти бесконечные походные колонны попали между 1-й и 2-й прусскими армиями, они оказались бессильными использовать свое внутреннее положение, в конечном счете, из-за отсутствия сосредоточения, так как хвосты отстояли очень далеко, на несколько переходов дальше, чем колонны, которые можно было бы направить по соседним дорогам [1].

---

[1] В указаниях для высших строевых начальников 1869 г. Мольтке подчеркивал, что длина походной колонны корпуса с приданными ему обозами достигает 28 километров; на плохой дороге растяжка может увеличить ее вдвое; если отбросить все лишние обозы, то глубина боевой части корпуса все же достигает почти целого перехода—18 километров. Хвост может поддержать голову только через несколько часов. «Поэтому было бы ошибкой полагать, что если все или многое идет по одной дороге, то войска сосредоточены. В глубину проигрывают больше, чем выигрывают на сужении фронта. Две дивизии, которые идут рядом, в 7—10 километрах одна от другой, легче и лучше могут оказать взаимную поддержку, чем если вторая дивизия идет в затылок первой». Как ни проста и понятна эта истина, как и все основы военного искусства, потребовалась длительная работа Мольтке чтобы открыть ее и соответственно переобучить командование.

Мольтке отчетливо чувствовал необходимость пространства для сохранения свободы маневрирования, важность использования возможно большего числа дорог и ввел в военное мышление понятие о «гнусной крайности» (Calamität) сосредоточения, не позволяющего войскам ни свободно продвигаться, ни находить себе крышу для ночлега, лишающего войска правильного подвоза с тыла и в то же время крайне ограничивающего местные средства, могущие быть использованными. Сосредоточившись, нельзя не двигаться, ни жить, можно только драться. Поэтому надо как можно дольше итти врозь и своевременно сосредоточиваться для решения.

Наполеон еще до сражения стремился образовать запас войск, в виде массированного резервного порядка, который в бою начинал расходоваться. Отсюда, при значительных фронтах, затруднения в развитии охвата и естественное тяготение к фронтальному удару-прорыву неприятельского центра. Мольтке в инструкции для высших войсковых начальников 1869 года подчеркивал, что если накануне боя такое сосредоточение будет действительно иметь место, то удар на противника по двум скрещивающимся направлениям, имеющий наибольшие шансы на успех, может быть достигнут только путем нового, требующего времени и труда, опасного флангового марша перед фронтом противника, с целью разделить свои войска на две массы:

«Несравненно выгоднее сложатся обстоятельства, если в день боя войска сконцентрируются на поле сражения с различных исходных пунктов, если операция велась таким образом, что приводит с различных сторон, последним коротким переходом, одновременно и на фронт, и на фланги противника. В этом случае стратегия даст лучшее, что может быть вообще достигнуто, и следствием явятся большие результаты».

Лейт-мотив операционного искусства Мольтке, — это стратегическая подготовка тактического ущемления противника на поле сражения, путем раздельного сохранения двух масс—двух половинок щипцов, которые не должны быть сжаты до тех пор, пока между ними не окажется противник. В 1866 году краткая телеграмма 22 июня, содержавшая приказ о переходе в наступление, гласила:

«Его величество приказывает обеим армиям вторгнуться в Богемию и искать соединения в направлении на Гичин. VI корпус остается у Нейссе».

Эта ориентировка на Гичин двух вторгающихся с разных сторон прусских армий понималась командующими армиями, как требование пробиться во что бы то ни стало друг к другу и стать непосредственно локоть к локтю. Мольтке же вкладывал совершенно иной смысл в понятие «соединиться у Гичина». Если старый принцип военного искусства гласил, что никогда не следует назначать пунктом сосредоточения своих войск место, где неприятель может нас предупредить, то Мольтке, по расчету времени, повидимому, предполагал, что в Гичине, к моменту подхода пруссаков, окажется центр тяжести австрийской армии. «Соединение» прусских армий у Гичина в устах Мольтке означало ущемление между ними у Гичина австрийцев. Поэтому, когда выяснилось, что австрийцы, изменив свои намерения, очистили район Гичина, то воспитанные в наполеоновских идеях командующие армиями стремились продолжать успешный марш навстречу друг другу, чтобы стать непосредственно локоть к локтю, но Мольтке заботился, чтобы у него остались две половинки щипцов, а не наполеоновское шило, и остановил обе группы в 25 *км* фланг от фланга. Мысль Мольтке ориентируется теперь на новое движение к противнику с двух различных сторон, приводящее к сражению при Кениггреце.

Руководящий мотив стратегии Мольтке—выход двух раздельных масс, двигающихся по скрещивающимся направлениям на одно поле сражения—требовал изменения организации управления, покоившегося на наполеоновских методах действия одной массы.

Директивы. Мольтке первый успешно применил деление массы войск, действующих на одном театре, на частные армии. Частная армия, двигающаяся по особому направлению и выполняющая в операции особую роль, должна располагать и достаточной самостоятельностью. С увеличением масс, сохранение наполеоновского принципа централизованного управления приказами представляет значительную опасность. Мольтке заботился о том, чтобы не подавлять самостоятельности армейского командования, а открыть ему все возможности разумно распоряжаться, исходя из быстро меняющейся обстановки. Достаточный простор для работы командования отдельных армий достигался тем, что Мольтке управлял преимущественно не приказами, а директивами, т. е. ограничивался постановкой целей, часто довольно отдаленных. В постановку ближайших задач, вообще в сферу исполнения, Мольтке избегал вмешиваться;

но когда это являлось необходимым для обеспечения взаимодействия двух армий и для устранения трений между ними, Мольтке не останавливался перед тем, чтобы самому регулировать детали. Но, по существу, работа на одном театре войны отдельными армиями, управляемыми директивами, вполне отвечала особенностям оперативного искусства Мольтке.

Устройство тыла прусских армий. По понятиям прусской армии того времени, снабжение войск во время операций составляло дело военного министерства и штабов корпусов. Генеральный штаб не вмешивался в подготовку операции в отношении снабжения, армейское командование им не руководило; заботы о снабжении децентрализировались.

Опыт наполеоновских походов в отношении организации снабжения был радикально забыт. Военные историки XIX века снабжением не интересовались. Оперативное искусство шестидесятых годов было так же далеко в 1866 г. от вопросов устройства тыла, как в 1914 г. от вопросов организации политработы. Полевые интенданты руководились оставшимся в Берлине департаментом военной экономии; только втечение самой войны была осознана невозможность такого положения и начальник этого департамента был обращен в генерал-интенданта ставки.

Повозок для продовольствия в частях войск вовсе не имелось. Каждый корпус располагал 5 продовольственными транспортами по 30 четверочных повозок казенного образца. Сверх того, каждый корпус должен был получить обоз из 400 обывательских повозок, с невоеннослужащими обозными. В целях экономии военное министерство оттягивало формирование этого обывательского обоза до последней возможности. В результате, к началу операций только корпуса 2-й армии успели их получить. Из чрезвычайно трудного положения войска вышли путем реквизиции обывательских подвод. Так как трудно было рассчитывать найти после совершения перехода новые подводы для реквизиции, то однажды взятые подводы обычно не отпускались, а задерживались при войсках. Отсюда различные части оказались совершенно поразному обеспечены обозом. Большинство полков везло солдатские ранцы на подводах. Были полки, нареквизировавшие себе до сотни повозок. Такие реквизиции подвод всегда имеют место, когда войска слишком обделены штатным обозом, и в особенности, если не имеют продовольственных повозок. Никакие приказы не могли убедить войска отказаться от захваченных ими подвод. Так как втечение кампании иногда до 3 корпусов следовали по одной дороге, то с обозами получалось замешательство, в особенности при выдвижении продовольственных транспортов, шедших в хвосте, к головным корпусам; армия вначале предоставляла решение вопросов о движении транспортов на усмотрение корпусных командиров, и только после Кениггреца штабы армий пришли к убеждению о необходимости нормировать и движение тыловых учреждений.

В войну 1866 г. расход огнестрельных припасов был ничтожен; прусская пехота расстреляла всего по 7 патронов на стрелка, артиллерия—по 40 снарядов на орудие. Поэтому никаких осложнений пополнение огнестрельных припасов не вызывало. С продовольствием же пришлось туго.

Район развертывания не был заблаговременно обеспечен продовольственными магазинами. Положение прусского казначейства было нелегкое, и, чтобы уменьшить немедленно подлежащие покрытию издержки, прусский министр финансов настоял на территориальной системе довольствия: каждая провинция должна была заготовить провиант и фураж на четыре недели для мобилизованных в ней людей и лошадей: каждый корпус должен был базироваться непосредственно на свой корпусный округ и выписывать из него все для себя необходимое. Ввиду неудовлетворительности полевых хлебопекарных печей [1], корпуса оставили в мирных гарнизонах хлебопекарные команды и рассчитывали получать по железной дороге свежий хлеб. Таким образом для действовавшего в Богемии рейнского корпуса пруссаков хлеб выпекался в Кельне; только через одни сутки после выпечки хлеб можно было грузить; хлеб и продовольствие в поездах должны были прорваться через враждебный Ганновер, где шли военные действия; поезда с продовольствием и хлебом вынуждены были пропускать внезапные оперативные переброски войск; хлеб годен в пищу только втечение 9 дней после выпечки. Даже высланный из Берлина хлеб обращался в пути в негодность и попадал в войска в зацветшем виде.

---

[1] Даже в 1870 г. имелось только 18 новых железных хлебопекарных печей; остальные были образца семилетней войны. Большинство четверочных конных повозок корпусных продовольственных транспортов являлись ветеранами наполеоновских войн...

Вскоре пришлось ввести поправку: из дальних провинций хлеба, сена, соломы не отправлять, а вести только муку и овес. При всем уродстве этой снабженческой картины и при всей массе наделанных ошибок, метод действия пруссаков свидетельствовал, что при наличии железных дорог нет необходимости в устройстве базы в фридриховском понимании этого слова, т. е. в заблаговременном оборудовании пограничной полосы огромными интендантскими магазинами, рассчитанными на несколько месяцев и прикрытых крепостями. Базой становилась уже вся страна. Оказывалось возможным внезапное развертывание на новом фронте и быстрое развитие операций в непредусмотренном раньше направлении.

Прусские железные дороги были обеспечены органами управления военных сообщений (линейные комиссии); в плане перевозок Мольтке заботливо оставил один поезд графика каждой линии незанятым—под продовольственные потребности. Но так как не было сводки потребностей в армиях, а корпуса и их подрядчики выписывали все положенное—нужное и ненужное, то органы военных сообщений не имели возможности продвинуть войскам то, в чем последние испытывали наибольшую нужду. В частности, театр военных действий оказался очень богат зеленым кормом, и войска всюду отказались брать со станций сено и солому. А последние аккуратно, в полной потребности, высылались провинциями на пограничные станции; пути оказались забитыми вагонами с сеном и соломой, которых никто не хотел выгружать. Это было настоящее бедствие. В начале июля перевозка соломы была воспрещена; в середине июля догадались уменьшить посылку сена до 10% штатной потребности. Но конечные станции разгрузить почти не удалось, так как полевые интенданты, плохо знакомые с вопросами эксплоатации железных дорог, предпочитали оставлять свои запасы на колесах и забивали тем питающие их станции. Колоссальное количество продовольственных припасов и почти весь хлеб испортились в пути или при стоянке на забитых станциях.

Военное министерство имело в виду снабдить продовольственные транспорты корпусов четырехдневным запасом сухарей. Однако не было предусмотрено, чтобы транспорты были в своих гарнизонах уже нагружены продовольствием. Они перевозились в район сосредоточения с пустыми повозками; а доставка к ним сухарей военным министерством, не имевшим их мобилизационного запаса, особыми эшелонами опоздала.

Большим злом являлось употребление транспортов не полностью, а враздробь, с отсылкой на головные станции опустевшей части повозок. Последние блуждали, обозные теряли всякую дисциплину. После сражения под Кениггрецем пустые продовольственные транспорты были наполнены ранеными и отправлены за 60—70 *км* в тыл, на станции Турнау и Рейхенберг. Армии вследствие быстрого дальнейшего наступления не увидели больше этих транспортов вплоть до перемирия.

Только после Кениггрецской победы авторитет Мольтке возрос до того, что он получил возможность вмешаться в снабжение армий. Было создано Богемское генерал-губернаторство; интендантом его было выдвинуто наиболее способное лицо. Это генерал-губернаторство должно было использовать для довольствия армии все богатые средства Богемии. Корпуса потеряли право обращаться с требованиями в военное министерство или в свои округа; все их заявки сосредоточивались у богемского интенданта и удовлетворялись последним в мере возможности.

Едва ли, однако, и Мольтке предвидел с самого начала условия правильной работы снабжения; в противном случае непонятно, почему пруссаки не приняли никаких мер к овладению небольшими слабыми крепостями Кенигштейн и Терезиенштадт, запиравшими водный путь по Эльбе и магистраль Дрезден—Прага, а пользовались лишь единственным железнодорожным изломанным направлением, обходившим австрийские крепости (Герлиц—Турнау—Прага—Пардубиц—Цвитау—Лунденбург), и веткой Турнау—Кенигингоф. Австрийцы лишь слабо и в редких случаях портили железные дороги, так что восстановление их препятствий не встречало. Но прусский I корпус, вопреки приказу ставки, сам разрушил железную дорогу у Прерау настолько основательно, что оказалось невозможным восстановить кружную связь с Силезией через Одерберг.

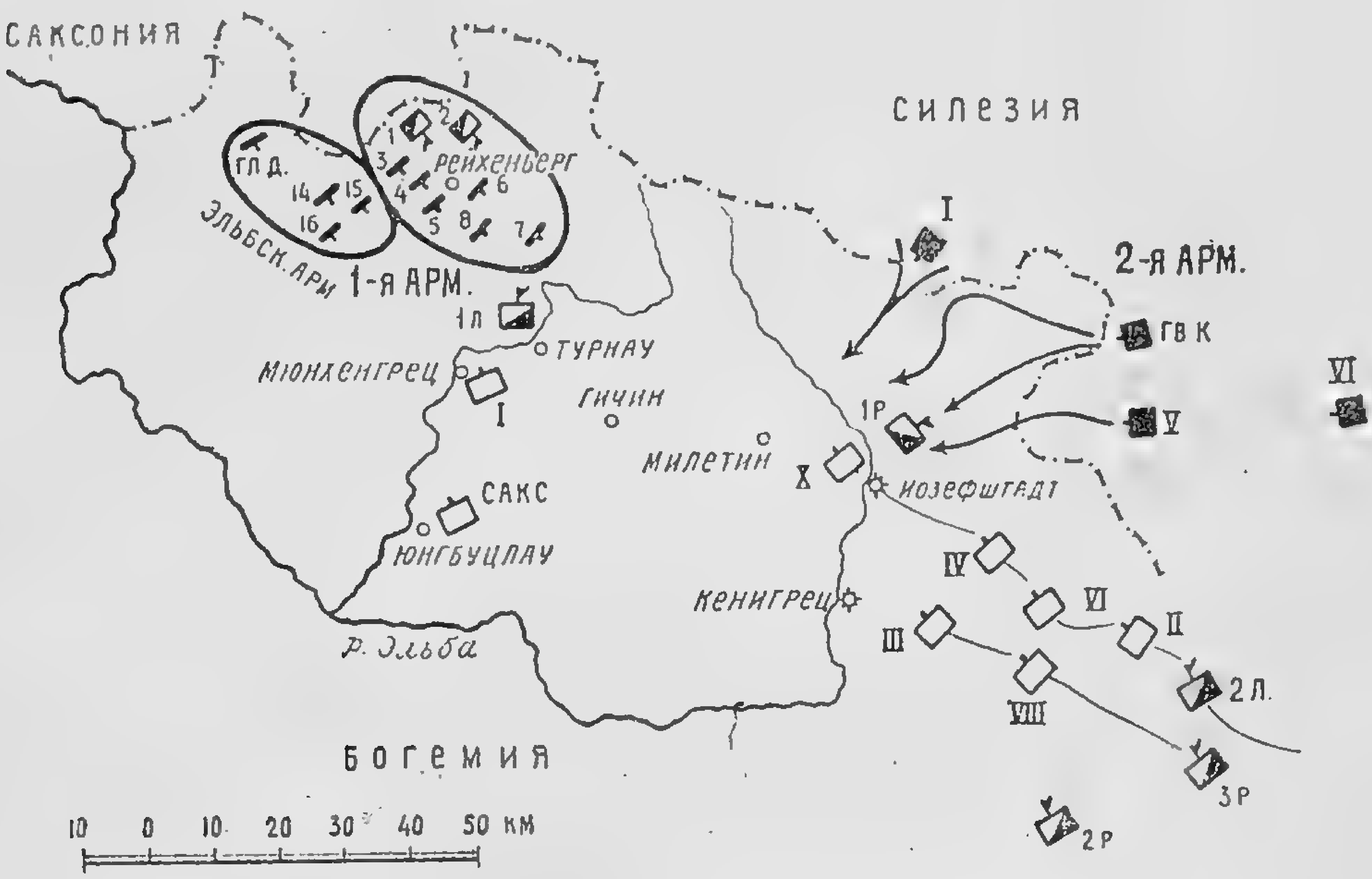
В кампанию 1866 г. войска почти не видели снабжения, подвозимого с тыла. Войска жили преимущественно за счет местных средств, которые использовались реквизициями и посредством массы подрядчиков, кои снабжали войска и в районе развертывания. Использование местных средств затруднялось слабостью органов полевого интендантства. Иногда в дивизии производство реквизиций возлагалось на одного из командиров полков. Солдаты привыкали брать у жителей все, что им нравилось, и дисциплина падала. Высшее командование, при плачевном фактическом состоянии снабжения, теоретически приказывало увеличить в полтора раза суточный паек. Носимый неприкосновенный запас продовольствия был уже съеден на первых переходах через пограничные богемские горы, бедные местными средствами. Когда войска сосредоточивались, они чрезвычайно страдали, и стоял стон о дневках, чтобы подтянуть из тыла транспорты; между тем, выгоднее было бы скорее проходить истощенные и уже объеденные пространства. А принц Фридрих-Карл стремился, в ожидании боя, вести свою 1-ю и Эльбскую армии, всего 9 пех. и 2 кав. дивизии, сосредоточенными на фронте в 20 *км*. Естественно, что ему пришлось на прохождение 70 *км* до Гичина затратить не 4 дня, как рассчитывал Мольтке, а 8 суток, чтобы достигнуть его лишь головой своей армии. В этих условиях прохождение 70 *км* в 8 суток являлось уже форсированным маршем, и силы войск были сильно исчерпаны. Во 2-й армии, наступавшей на относительно широком фронте, и успех движения и сохранение сил войск обстояли лучше. Тяжелым испытанием явилось сосредоточение прусских армий на поле Кениггрецского сражения, где войска простояли двое суток; только немногим частям продовольствие было подвезено; остальные питались лишь жареной кониной,— благо кавалерийские атаки в конце сражения оставили достаточно для жаркого.

За отсутствием повозок для возки мяса пруссаки довольствовались втечение кампании мясом только что убитого скота, недостаточно удобоваримым. Хлеб получался настолько, насколько его можно было выпечь в местных печах из муки, отобранной у населения. В результате вспыхнула холера и начала довольно энергично распространяться в войсках. Естественно, число умерших от болезней (4 200) превысило число убитых (3 473), несмотря на краткость этой войны.

В отношении устройства тыла кампания 1866 г. явилась для пруссаков серьезным уроком, но использовать ее поучения к 1870 г. еще не удалось. В условиях старой русской армии такие беспорядки в снабжении, которые имели место в прусских войсках в 1866 г., вызвали бы резкую критику, общественные иеремиады и обвинения всего корпуса интендантов в воровстве. Успехи же политики Бисмарка, победы Мольтке, дисциплина прусского общества и армии позволили преодолеть хозяйственные неудачи и стать по отношению к ним на деловую точку зрения.

Кениггрецская операция. 22 июля пруссаки начали вторжение в Богемию — с северо-запада — 140 тыс. 1-й и Эльбской армии, под общей командой принца Фридриха-Карла; с востока наступала 2-я армия—125 тыс. кронпринца прусского, начальником штаба коего был генерал Блументаль, способнейший помощник Мольтке; 2-я армия, более угрожаемая, переходила границу на 5 дней позже. Общее направление было дано на Гичин, до которого обеим армиям по богемской территории предстояло пройти по 70 *км*. Мольтке рассчитывал, что принц Фридрих-Карл уже 25 июля достигнет Гичина (70 *км*—4 дня) и окажется в тылу у австрийцев, если те попробуют 27 июля обрушиться на 2-ю армию и помешать выходу ее из проходов пограничных гор. Но так как принц Фридрих-Карл заботился больше о сосредоточении и наступал вслепую, без разведки, сжимая все время в кулак свою армию, то для того, чтобы преодолеть 70 *км*—3 перехода,—ему потребовалось 8 дней; только 29 июля к Гичину подошли две его головные дивизии и, после успешного боя, заняли его. Кавалерийский корпус, приданный армии Фридриха-Карла, шествовал в хвосте глубоко эшелонированного походного порядка армии. Опоздание Фридриха-Карла на 4 суток к Гичину создало кризис на фронте 2-й армии.

Австрийские силы представляли две группы: на р. Изере, против принца Фридриха-Карла, стояло 60 тыс. кронпринца саксонского (саксонский и I австрийские корпуса, 1-я легкая кавалерийская дивизия); главные силы Бенедека—180 тыс.— были сосредоточены у Ольмюца, и 18 июля выступили в направлении на Иозефштадт (140 *км*). Стремление Бенедека заключалось в том, чтобы развернуть свои силы на правом берегу Эльбы, во внутреннем положении между 1-й и 2-й прусскими армиями, запереть горные проходы перед 2-й армией 2 корпусами—60 тыс., а с остальными силами, присоединив у Гичина группу саксонского кронпринца, массой в 180 тыс. обрушиться на 140 тыс. принца Фридриха-Карла. Марш из Ольмюца к верхней Эльбе был организован по трем дорогам. По правой дороге, в общей сложности, двигалось 4 корпуса и 2 кав .дивиз. (X, IV, VI корп.; 1-я рез. кав. див., а затем II корпус и 2-я легк. кав .див., первоначально прикрывавшие марш со стороны Силезии); по средней дороге—2 корпуса (III и VIII) и 1 кав. див. (3 резервн.) и по левой дороге—1 кав. див. (2-я резервн.) и арм. артиллер. резерв (128 пушек). Успех операции зависел от быстроты движения, и Бенедек потребовал крайнего напряжения от войск—дневки были вовсе исключены. Этот сосредоточенный марш Бенедека в 1866 г. очень близок к маршу Наполеона через Франконию в 1806 г., во время Иенской операции. Однако, вследствие громадного увеличения за 60 лет обозов и артиллерии, колонны Бенедека растягивались несравненно больше, чем колонны Наполеона; громадные тягости и лишения выпали в особенности на шедшие в хвосте корпуса. Головы австрийских колонн (X корпус) уже 25 июля, через неделю, продвинулись на высоту Иозефштадта, но хвост отставал еще на 4 перехода.


САКСОНИЯ
СИЛЕЗИЯ
ГЛ. Д.
14
15
16
ЭЛЬБСК. АРМ
1
2
3
4
5
6
7
8
РЕЙХЕНБЕРГ
1-Я АРМ.
1Л
ТУРНАУ
МЮНХЕНГРЕЦ
I
ГИЧИН
МИЛЕТИН
X
1Р
ИОЗЕФШТАДТ
САКС
ЮНГБУЦЛАУ
КЕНИГРЕЦ
Р. Эльба
БОГЕМИЯ
I
2-Я АРМ.
ГВ К
V
VI
IV
VI
II
III
VIII
2Л.
3Р
2Р
10 0 10 20 30 40 50 КМ

Черт. 15. Кениггрецская операция. Положение вечером 25 VI.

Осторожный, медленный марш Фридриха-Карла требовал изменения первоначального плана Бенедека и нанесения первого решительного удара не по 1-й, а по 2-й прусской армии. Однако австрийская армия оказалась для этого недостаточно сосредоточенной.

27 июня против фронта прусской армии вступили в бой только 2 австрийских корпуса (Траутенау и Наход). Сосредоточенный удар не состоялся и в последующие дни [1]. 2-я

---

[1] Выдвигая, как основную причину неуспеха действий Бенедека по внутренним линиям, современную растяжку походных колонн, мы должны, однако, признать, что в данном случае существенное влияние имели и ложно понятые требования политики; тогда как стратегическая обстановка требовала удара по ближайшей и опаснейшей восточ-

прусская армия сумела пережить кризис, вызванный медлительностью наступления Фридриха-Карла. Ряд неуспехов в боях отдельных корпусов выяснил 28 июня Бенедеку, что маневрирование по внутренним линиям не обещает успеха, и он решил сосредоточить свои силы на позиции Иозефштадт—Милетин. Фронт этой позиции очень силен. Противник группировался—2-я армия перед правым крылом, 1-я армия—на продолжении левого (положение армии Самсонова 12/VIII 1914 года). Но Бенедек, со своим наполеоновским миросозерцанием, не ожидал работы неприятельских клещей, а предполагал, что противник воспользуется предоставленной ему возможностью соединить обе свои группы перед австрийским фронтом. Такая мысль, действительно, была у прусских командующих армиями.

Но Мольтке в ночь на 1 июля отдал распоряжение, согласно которому 2-я армия оставалась на месте, а 1-ой указывалось наступать в направлении на Кениггрец. Если на это плато, между Изером и верхней Эльбой, Бенедек явился, чтобы встать между прусскими армиями и бить их порознь, то Мольтке вел сюда войска со стороны Саксонии, Лаузица и Силезии для того, чтобы сосредоточенного неприятеля атаковать с разных сторон.

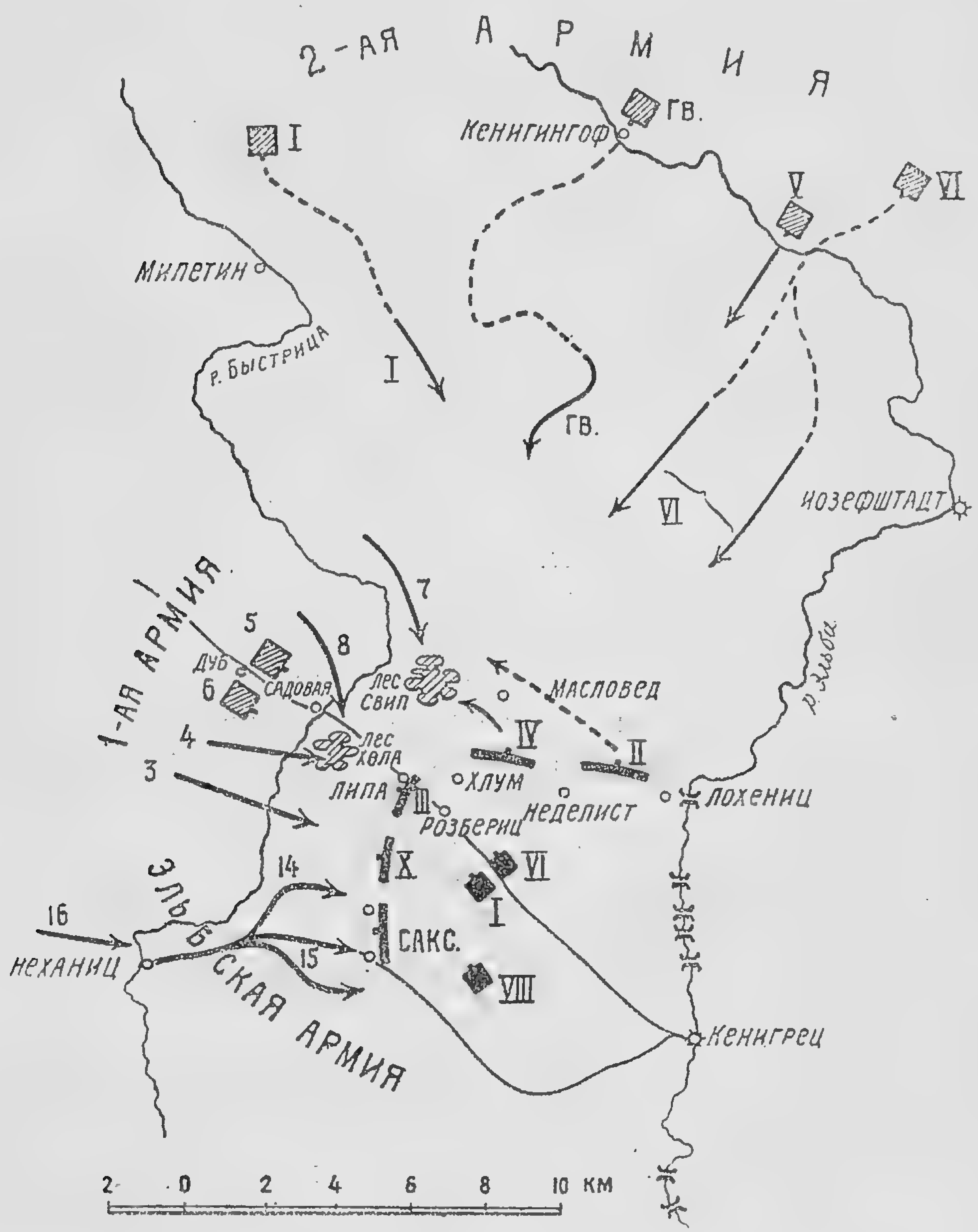
Сражение Иозефштадт—Милетин, однако, не состоялось, так как группа кронпринца саксонского, атакованная у Гичина 29 июня, не смогла отойти к Милетину, где она должна была образовать левое крыло австрийского боевого порядка, а отхлынула в прямом направлении на Кениггрец. Сюда же, в ночь на 1 июля, Бенедек начал отводить свои главные силы; предполагая отступать далее, Бенедек 2 июля дал своей армии дневку и, по приказу императора Франца-Иосифа, задержался здесь, чтобы дать генеральное сражение.

Расположение Бенедека между реками Быстрица и Эльба преследовало идею оборонительного сражения на 2 фронта; 3 корпуса (III, X, Саксонский) стояли против 1-й прусской армии, на гребне высот, обращенных к Быстрице, от села Липа до Нидер-Прим: мосты через Быстрицу были оставлены в целости умышленно; Бенедек рассчитывал, что 1-я армия перейдет эту речку, попадет под огонь сотен ору-

---

ной группе пруссаков, усилия всех политических кругов были направлены на то, чтобы направить острие действий Бенедека на западную группу пруссаков, успех над которой был особенно важен для саксонцев, баварцев и других германских союзников Австрии.

дий, развернутых на гребне высот, истощится и будет добита контр-ударом. Другой фронт, примыкавший к первому под прямым углом, тянулся от Липы до Лохениц, где упирался в Эльбу и был обращен на север против 2-й прусской


2-АЯ АРМИЯ
ГВ.
Кенингингоф
I
V
VI
Милетин
р. Быстрица
I
ГВ.
VI
Иозефштадт
7
8
1-АЯ АРМИЯ
5
6
Дуб
Садовая
Лес Свип
Масловед
IV
II
4
Лес Хола
3
Липа
III
Хлум
Неделист
Лохениц
Розберц
р. Эльба
X
VI
I
14
16
САКС.
15
Неханиц
ЭЛЬБСКАЯ АРМИЯ
VIII
Кенигрец
2 0 2 4 6 8 10 КМ

Черт. 16. Сражение при Кениггреце 3/VII 1866 г.

армии. Его должны были занимать IV и II корпуса, но к утру 3 июля они находились еще несколько впереди, севернее предназначенных для них позиций. За центром Бенедек сосредоточил свой сильный общий резерв—2 корпуса (I и IV) и 3 кав. дивизии. VIII корпус стоял в резерве за левым флангом.

Не имея перед фронтом достаточной кавалерии, пруссаки 1 июля утратили соприкосновение с отступившими австрийцами. Мольтке предполагал, что неприятель ушел за Эльбу и занял сильную позицию между крепостями Иозефштадт и Кениггрец. Предполагая атаковать ее, разделив свои силы по обеим берегам Эльбы, Мольтке сохранил раздельное расположение обеих армий; на предполагавшееся движение второй армии на запад, чтобы примкнуть плечо к плечу к 1-й армии, Мольтке согласия не дал, и 2 июля пруссаки, как и австрийцы, имели общую дневку.

К вечеру 2 июля в штаб 1-й армии явился генерального штаба майор фон-Унгерн, ездивший на рекогносцировку. Ему удалось проскакать через австрийское сторожевое охранение и рассмотреть впереди Кениггреца, между Эльбой и Быстрицей, биваки по крайней мере трех австрийских корпусов. Принц Фридрих-Карл вывел отсюда заключение, что ему на завтра угрожает атака австрийцев, и решил выдвинуться для отражения ее на р. Быстрицу, собрав 3 корпуса в непосредственной близости от шоссейной переправы у с. Садовой, и действуя активно своим правым крылом (Эльбская армия—3 дивизии) на с. Неханиц; он обратился с просьбой о поддержке по крайней мере одним корпусом и об обеспечении левого крыла 1-й армии со стороны крепости Иозефштадта к командующему 2-й армией. Мольтке узнал об этих распоряжениях, когда они были уже отданы. Хотя лично он стремился к более глубокому охвату австрийцев левым берегом Эльбы, но бывшие уже в ходу распоряжения отменить было опасно. Поэтому он добавил лишь к распоряжениям Фридриха-Карла приказание 2-й армии:

«Двинуться всем силам для поддержки 1-й армии против правого фланга ожидаемого неприятельского наступления, и возможно скорее вступить в бой».

Этот приказ, посланный в 12 часов ночи с конным офицером, через 4 часа был доставлен в штаб 2-й армии, а утром посланный вернулся к Мольтке с копией приказа о наступлении по 2-й армии, вытекавшего из его распоряжений.

В 1 час ночи 1-я прусская армия была поднята с биваков и двинулась к р. Быстрице. Наступления австрийцев не обнаруживалось. Фридрих-Карл двинул через реку против фронта австрийцев 4 дивизии, оставив 2 дивизии в резерве у с. Дуб, куда прибыли король Вильгельм и Мольтке.

Сел. Садовая и лес Хола оборонялись австрийцами, как передовые пункты; вынудив неприятеля развернуть значительные силы, австрийцы отошли, а перешедшие здесь Быстрицу 3 прусских дивизии оказались под огнем 160 пушек австрийского центра. 5 часов сорок тысяч пруссаков стояли, не имея возможности сделать ни шагу вперед; хотя потери от артиллерийского огня среди них равнялись только 4% их состава, но в условиях бездействия эти потери оказывали самое гнетущее влияние. Появились кучи беглецов, переходивших назад за Быстрицу; король Вильгельм лично останавливал их и возвращал. Левофланговая дивизия Фридриха-Карла (7-я дивизия ген. Францезского) атаковала такой же передовой пункт австрийцев—лес Свип (Масловедский). Командир IV австрийского корпуса, вместо того, чтобы занять указанный ему для обороны участок, втянул в бой в этом лесу, за передовой пункт, весь свой корпус, и на помощь к нему подошли значительные части II корпуса. Около полудня, совокупными усилиями 50 австрийских батальонов и 120 пушек, 19 батальонов Францезского были приведены в полное расстройство; пруссаки здесь были вынуждены отступать, но австрийский фронт от Хлума до Эльбы, вопреки приказу Бенедека, занят не был.

2-я армия, которую ожидали к 11 часам дня, не показалась [1]; 3 головные дивизии Эльбской армии, направленные на единственную переправу через Быстрицу у Неханиц, защищаемую австрийцами как передовой пункт, с трудом овладели этим селением и немедленно начали развертываться на левом берегу Быстрицы, имея в виду не столько охват австрийцев, как расширение фронта влево, для установления непосредственной связи с 1-й армией. Между тем, положение на фронте 1-й армии становилось трудно выносимым. Принц Фридрих-Карл, не считаясь с масштабом времени сражения, в котором участвует с обеих сторон пол миллиона бойцов, нервничал и около полудня бросил на австрийский неприступный центр 2 дивизии своего резерва. Мольтке успел задержать и отменить эту обреченную на неуспех и ненужную атаку.

---

[1] Приказ о наступлении части 2-й армии получили поздно—в 8-м часу утра, и потому подход их на поле сражения раньше 13 часов не мог состояться. В голове двигались гвард. и VI корпуса, близко за гвардией—I корпус,

В 11 час. 30 мин. Бенедек получил телеграму от коменданта крепости Иозефштадт, гласившую, что мимо крепости, по западному берегу Эльбы, прусский корпус движется на правый фланг австрийской армии. Бенедек выехал на высоты Хлума и, выяснив, что IV и II корпуса, вместо занятия указанного им участка, дерутся за Масловедский лес, приказал им немедленно прекратить бой и занять назначенные позиции. Этот маневр австрийцы выполнить не сумели. Атакованные на фланговом марше, не успев устроиться, они частью ушли за Эльбу (II корпус), частью рассеялись, а венгерские батальоны охотно складывали оружие. Только 120 пушек на позиции Хлум—Неделист затрудняли наступление пруссаков.

Незаметно наступая в высоких хлебах, прусская гвардия около 14 часов стремительно выскочила на австрийские батареи на высотах Хлума и захватила их; половина штаба Бенедека была перебита прежде, чем можно было разобрать, в чем дело. Продолжая наступать, голова гвардии проникла свыше 2 верст в глубину австрийского расположения и к 15 часам захватила сел. Розбериц.

К этому моменту обстановка сложилась не в пользу австрийцев и на левом фланге. Кронпринц саксонский в 13 ч. 30 м. перешел в наступление против прусских частей Эльбской армии, стремившихся охватить его левый фланг. Атака вначале имела успех, но к 14 ч. 30 м. саксонцы были отброшены назад и потеряли Нидер-Прим и Проблус. Наблюдая неуспех и на противоположном крыле австрийской армии, кронпринц саксонский стал медленно отходить к переправам на Эльбе и вышел из района охвата.

Гибель угрожала центру Бенедека, глубоко охваченному с обеих сторон; ему, однако, удалось у сел. Всестар выставить 120 орудий; под прикрытием их огня Бенедек бросил из центра III корпус и из общего резерва VI корпус на растянувшиеся и расползшиеся во время многоверстной атаки части прусской гвардии; прусская гвардия (1-я дивизия) была смята, отброшена к Хлуму, и здесь, на ее зов о помощи, к ней подошли ее резервы, а также шедший за ней I корпус; VI прусский корпус, наступавший ближе к Эльбе и не имевший против себя вовсе противника, вместо того, чтобы продолжать свое глубокое охватывающее движение, также свернул вправо, к Хлуму, на поддержку гвардии. Здесь контратака Бенедека разбилась.

В 15 час. 40 мин. Вильгельм и Мольтке заметили, что в тыл австрийцам, повидимому, проникли части 2-й армии, и отдали приказ о переходе в атаку. Последняя не встретила сопротивления.

Дальнейшие события носят эпизодический характер. Бенедек бросил в отчаянную веерообразную атаку последний резерв—I корпус и 3 кавалерийские дивизии. Ему удалось достигнуть того, что клещи VIII (15-я и 16-я див.) и VI прусских корпусов, находившихся на обоих крайних флангах прусских армий, не могли сомкнуться, пока сквозь узкий промежуток между ними не ускользнул австрийский центр. I австрийский корпус, втечение 20-минутной атаки, потерял третью часть своего состава. Навстречу австрийским эскадронам вынеслись прусские эскадроны, произошли лихие столкновения, больше в пользу австрийской кавалерии—но значение их было нулевое—ружейные пули и снаряды, бороздившие поле сражения, заставляли после схватки и победившую и побежденную конницу разбегаться и прятаться.

Непосредственное преследование было остановлено огнем 170 пушек, расположенных в 4 *км* северо-западнее Кениггреца: таков был арьергард, организованный Бенедеком. К 23 час. все австрийцы успели отойти за Эльбу через кр. Кениггрец и по 6 мостам, наведенным австрийцами выше и ниже крепости.

Потери пруссаков—9 тыс. уб. и ранен.; австрийцев—23 тыс. уб. и ранен., 19 тыс. пленных, 174 пушки.

Размер одержанной победы был уяснен Мольтке только на третий день после сражения; концентрически наступавшие прусские армии перемешались в одну массу; Мольтке не знал, что во 2-й армии оставался свежий V корпус, который можно было бы использовать для преследования; до вечера бушевал огонь австрийской артиллерии, прикрывавшей отступление, а затем р. Эльба, за которую ушли австрийцы, скрыла от пруссаков развал, в котором находилась австрийская армия. Вечером в день сражения Мольтке послал в Берлин телеграмму, в которой сообщал о 20 захваченных орудиях—успех рисовался ему в 9 раз меньше его действительных размеров. Находившийся среди пруссаков русский офицер, М. Драгомиров, заметил, что между пруссаками-победителями находились и такие, которые вечером после сражения спрашивали: «Кто же в результате победил,—мы, или они?»

Таковы трудности учета реальных результатов больших сражений, и подобную же картину неясности мы наблюдали на многих других полях сражений, начиная с Мадженты и кончая Гумбиненом и Пограничным сражением Мировой войны.

Оценивая это сражение, необходимо обратить внимание, что два крайних корпуса, охватившие австрийцев справа и слева, VIII и VI, являлись и крайними, удаленными более чем на 400 *км*, точками прусского оперативного развертывания. План охвата на поле сражения уже заключался в плане оперативного развертывания. Основная заслуга Мольтке в том, что он не убоялся чрезмерной растяжки развертывания, и, вовторых, сумел во время операции побороть центростремительные силы, стремившиеся соединить 1-ю и 2-ю армии и, таким образом, закрыть щипцы в момент, когда они еще не захватывали австрийцев. На самом поле сражения осуществлялась не мысль Мольтке, стремившегося к окружению австрийцев, а несравненно более скромные, оперативно робкие стремления Фридриха-Карла, запросившего локтя соседа немедленно после обнаружения австрийских масс перед его фронтом. Сильное перемешивание частей, выход из боя главных сил австрийцев, неуверенность в результате явились следствием этой боязливости оперативной мысли. Все же удар с двух сторон, по скрещивающимся направлениям, явился, несмотря на предусмотрительность Бенедека, главной предпосылкой одержанной пруссаками победы.

Не менее поучительны действия Бенедека, великолепного командира корпуса, поставленного во главе 8 корпусов, и попробовавшего воскресить через 50 лет наполеоновские методы в стратегии и тактике. Глубина походных колонн, требующая 5 суток, чтобы развернуть 4 корпуса, шествующих один за другим в походной колонне, не позволила повторить в современных условиях наполеоновские действия по внутренним линиям. На самом поле сражения ни тактическая находчивость Бенедека, ни ошибки Фридриха-Карла не позволили Бенедеку использовать в борьбе за победу общий резерв, массированный за центром боевого порядка. Ценою страшных жертв ему удалось лишь облегчить отступление центра. Использовать массу в наполеоновском смысле, для повторения Ваграмского удара, оказалось невозможным в современных условиях, несмотря на блестящую работу австрийской артиллерии. Чтобы бороться за победу, резерв Бенедека должен был бы находиться не внутри полукруга, очерченного фронтом, а вне его — на уступе.

Конец войны 1866 года. Только 7 июля началось дальнейшее энергичное движение пруссаков. Мольтке направил 2-ю армию в заслон против Бенедека, устраивавшего у Ольмюца свою армию, а остальные силы направил прямо к Дунаю, на Вену. Для защиты столицы были переброшены, большей частью по железной дороге, 3 корпуса и кавалерия из армии Бенедека и 2 корпуса с итальянского фронта.

Бенедек с 5 корпусами предполагал оставаться на фланговой позиции у Ольмюца и при случае перейти к активным действиям на фланг и тыл противника. Это решение было бы правильно, если бы Австрия способна была формировать новые войска и упорно противиться натиску пруссаков. Однако новые формирования подвигались малоуспешно, а Венгрия готова была отпасть при вступлении на ее почву прусских армий. По тем самым причинам, по которым Дарий Кодоман не мог применить против Александра Македонского парфяно-скифской стратегии и должен был встретить греков в чистом поле под Гавгамелами, а Артсфельде должен был в 1382 г. бросить фланговую позицию при Уденарде и выйти навстречу французам при Розебеке, и эрцгерцог Альбрехт, вступивший в главнокомандование, должен был отозвать Бенедека к Дунаю. Пробыв 11—14 июля в Ольмюце, Бенедек, согласно полученному приказу, выступил к Дунаю; кратчайшие пути уже оказались перехваченными 2-й прусской армией, и Бенедеку пришлось следовать кружными дорогами.

Вена была прикрыта на левом берегу Дуная сильно укрепленной предмостной позицией, обороняемой полевым корпусом и 400 крепостными орудиями. «Чисто военная точка зрения» в прусской армии, т. е. взгляды высших военных кругов, требовала взятия штурмом предмостной позиции и вступления в Вену; милитаризм желал получить удовлетворение за достигнутые успехи. Но в это время Наполеон III предложил свое посредничество для заключения мира, Бисмарк торговался лишь о подробностях и весьма опасался предъявления Францией требования компенсации на Рейне. Захват Вены, среди этих переговоров, явился бы личным оскорблением для Наполеона III, вызовом по отношению к Франции, немедленно повлек за собой мобилизацию французской армии, влил бы новые силы в сопротивление Франца-Иосифа, крайне затруднил бы впоследствии примирение Австрии с Пруссией, входившее в планы Бисмарка; важнейшие учреждения австрийцев уже были эвакуированы из Вены в Коморн. Захват Вены, парадирование прусских войск по улицам этой старой европейской столицы совершенно были не нужны Бисмарку для достижения его политических целей; Бисмарку удалось свернуть марш пруссаков несколько к востоку, на Пресбург, на путь в Венгрию. Отложение Венгрии знаменовало бы конец империи Габсбургов, и угроза Венгрии заставила Франца-Иосифа стать уступчивее. Что австрийцы расценивали обстановку таким же образом, видно из того, что все прибывшие к Дунаю войска, за исключением выделенного в Вену корпуса, они сосредоточивали к Пресбургу, на защиту пути в Венгрию.

Через один месяц после перехода богемской границы пруссаками, 22 июля был установлен перерыв военных действий—сперва на 5 дней, втечение которых были выработаны предварительные условия мира. Нелегко было Бисмарку уговорить прусского короля отказаться от требования территориального наращения Пруссии за счет Саксонии, Баварии и Австрии, на чем настаивала военная партия, и удовольствоваться аннексиями в Северной Германии. 2 августа было заключено перемирие; Пражский мир, исключивший Австрию из германского союза, был подписан 23 августа и ратифицирован 30 августа. К конечному моменту на Дунае австрийцы располагали 235 тыс. войск против 194 тыс. прусских войск. Если Пруссия так быстро достигла своей политической цели, то это объясняется началом внутреннего разложения Австрии—сомнительным поведением населения Вены и особенно венгерской угрозой, а не только сокрушительным наступлением пруссаков: австрийцы имели еще военные козыри для сражения на Дунае в своих руках.

Действия по внутренним линиям. Концентрический подход к полю сражения—идеал Мольтке—является полной противоположностью наполеоновскому стремлению к действиям по внутренним линиям. Мольтке не отказался, однако, от внутренних линий, но воспринял эту идею в совершенно ином масштабе. Современные действия по внутренним линиям заключаются не в нанесении ряда ударов главными силами отдельным частям неприятеля, окружающим их в одном оперативном районе, а выливаются в форму переброски ударного ядра по железным дорогам с одного театра войны на другой. Над вопросом о современных действиях по внутренним линиям Мольтке пришлось задуматься втечение мирных переговоров с Австрией. В любую минуту можно было ожидать вооруженного вмешательства Франции, и Бисмарк поставил перед Мольтке вопрос: как последний предполагает распорядиться в случае объявления войны Францией?

По расчетам Мольтке, французы могли на 26-й день мобилизации выставить на границе 250-тысячную армию. Но Бисмарк должен добиваться, чтобы разрыв с Францией произошел на почве требования последней рейнских земель. Такое требование сразу примирит Пруссию с южными германскими государствами, только что воевавшими с ней; Пруссия выступит за неотторжимость немецкой земли, и вся Германия последует за ней. Стоящие сейчас на Рейне враждебные группировки—пруссаки и южные германцы—соединятся и через 10 дней после начала французской мобилизации усилятся до 170 тыс. Это будет достаточно сильное прикрытие для последующего развертывания прусской армии.

Нельзя ожидать, чтобы Наполеон III начал операции, не обеспечив себя союзным договором с Австрией, срок перемирия с коей истекал 30 августа. Так как Италия уже оттягивала на себя часть австрийских сил [1], сосредоточенных на Дунае, то австрийцы не могли двинуть против пруссаков больше 150 тыс.

В этих условиях Мольтке отказывался продолжать наступление на Вену, так как операция переправы через Дунай требовала напряжения всех сил Пруссии: если Австрия будет выказывать неуступчивость в переговорах—это будет первый признак тайного соглашения с Францией; надо не усиливать прусские войска в Австрии, а скорее перебрасывать их на Рейн. Для обороны против австрийцев достаточно оставить 4 корпуса—120 тыс. человек, которые могут держаться в районе Праги, базируясь на Дрезден. Остальные 5 корпусов должны быть переброшены на Рейн, для чего в их распоряжении будут три железнодорожные линии. Если перевозка начнется 22 августа, то для этих 5 корпусов—150 тыс.—она будет закончена к 9 сентября, и на Рейне будет собрано 240 тыс. пруссаков, прежде чем закончится французская мобилизация и сосредоточение; за выделением гарнизонов для крепостей, останется для операций в поле 200 тыс. пруссаков, а с южными германцами—300 тыс. человек.

---

[1] Очень шаткое соображение, так как Наполеон III имел такое влияние в Италии, что, выступая против Пруссии, сумел бы добиться ее нейтрализации.

Военно-историческое отделение прусского генерального штаба признавало эти соображения Мольтке гениально смелыми. Нам они кажутся начертанными под влиянием хмеля легких успехов над австрийцами. Мы разделяем скептическое отношение Бисмарка, который содрогнулся от этой перспективы войны на два фронта, оставления позади недобитой Австрии и выступления с половиной сил против Франции. Бисмарк совершенно правильно решил, что задачи политики заключаются в том, чтобы, по возможности, не искушать стратегию такой работой по внутренним линиям в гигантском масштабе, и постарался разумными политическими уступками избежать начертанной Мольтке перспективы. Со всеми ее военными и политическими достоинствами немцы смогли ознакомиться лишь в 1914 году.

Итоги. Короткая война 1866 г. удивительно дешево обошлась воевавшим: Пруссии и Италии—880 млн. франков, Австрии—805 млн. На австро-прусском фронте у пруссаков было 3 473 убитых, 12 675 раненых и 495 пропавших без вести; у австрийцев было 10 404 убитых, 30 300 раненых и 6 200 без вести пропавших; под последними надо понимать или убитых, или дезертиров, так как пленные исключены из подсчета. Тройные потери австрийцев объясняются скорее их ударной тактикой, чем превосходством прусского ружья. Громадный тактический перевес пруссаков, усматриваемый из этого сравнения потерь, чрезвычайно облегчил первые шаги, сделанные Мольтке в эту войну по новому оперативному пути.

Литература.

1) **Heinrich Friedjung.** Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland 1859 bis 1866. 2 тома. Stuttgart. 1897. Почти классический труд. Прекрасное изложение политической стороны войны, ценнейшее исследование военных событий, яркая характеристика воюющих армий.

2) **O. v. Lettow Vorbeck.** Geschichte des Krieges von 1866. 3 тома; 1898—1902 гг. Капитальный труд по войне 1866 г. Оставаться на уровне официальной прусск. истории войны, изданной в Германии в 1867 г. и переведенной Станкевичем в 1872—73 г. на русский язык (5 частей)—это значит пребывать в младенческом возрасте ознакомления с этой войной.

3) **V. Verdy du Vernois.** Im grossen Hauptquartier 1866. Классические мемуары одного из ближайших сотрудников Мольтке, очень острого наблюдателя и выдающегося представителя характерной немецкой военной мысли. Тому же автору принадлежит много работ, в которых соединен прикладной метод с историческим исследованием.

4) **Shlichting.** Moltke und Benedek. Berlin. 1900, стр 154. Шлихтинг, острый диалектик, не мог избрать лучшего примера для

сопоставления на одном театре войны военного искусства Мольтке и наполеоновского, представителем коего являлся Бенедек.

5) **Wilhelm Alter.** Feldzeugmeister Benedek im Feldzug von 1866 (статья в журнале „Deutsche Rundschau", 1911 г. № 4, стр. 61 — 87). Прекрасная характеристика Бенедека. Особенного внимания заслуживает описание внутреннего фронта, на котором Бенедеку пришлось вести, во время похода, борьбу с феодальными настроениями высшего командного состава австрийской армии.

6) **М. Драгомиров.** Очерки австро-прусской войны в 1866 г. Петербург. 1867 г. Драгомиров находился во время войны в прусской ставке; многие наблюдения и характеристики, данные им, представляют и сейчас большой интерес.

7) В России слишком недостаточное внимание было уделено изучению трудов самого Мольтке, заслуживающих, однако, полного внимания. Печатные его сочинения были изданы ввиде восьмитомного издания 1892 — 3 гг. Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General-Feldfmarschals Grafen Helmuth von Moltke. Том VII этого труда содержит очень интересные парламентские речи Мольтке, а том VIII—очень любопытные Письма о событиях и приключениях в Турции с 1835 по 1839 гг., с великолепными картами, представляющими отпечатки съемок, произведенных лично Мольтке (на русском языке имеется сокращенный перевод, изд. 1877 г.), т. II — статьи военного и политического характера, т. III— история войны 1870 г., имеющая ныне значение лишь для того, чтобы отдать себе отчет, как представлялись события Мольтке, и как он хотел их изобразить широким массам. Биография Мольтке и беллетристические произведения — в I томе, IV, V и VI тома — его письма. Гораздо более важное значение, чем собрание его сочинений, имеет издание его официальных работ (Moltke. Militärische Werke) также начатых печататься прусским генеральным штабом после его смерти в 1892 г.; оно распадается на 4 отдела. 1-й отдел — военная корреспонденция (Militärische Korrespondenz), в котором собраны все исходившие от него военные документы. I том (1892 г.) посвящен войне 1864 г., II том (1896 г.) — войне 1866 г., т. III (1896 г.)— войне 1870 г., IV том (1902 г., стр. 224) — 1859 году, когда намечалось выступление Пруссии против Франции; приложение № 1 к этому тому заключает записку Клаузевица о войне с Францией 1830 г.; стр. 124— 175 посвящены прусской мобилизации 1859 г. 2-й отдел охватывает работу Мольтке в должности начальника генерального штаба в мирное время Die Tätigkeit als Chef des Generalstabes der Armee im Frieden; т. I (1892 г.) содержит постановку и разбор тактических задач в период 1858—1882 гг., т. II (1900 г.), содержит тактико-стратегические труда периода 1857—1871 гг. (далее они до мировой войны сохраняли секретный характер): в их числе особенно важен (стр. 67) доклад, относящийся к 1868 г., об опыте австро-прусской войны и (стр. 171 — 215) извлечение из инструкции для высших войсковых начальников; т. III (1906 г.) отчеты о полевых поездках генерального штаба 1858 — 1869 гг. 3-й отдел — военно-исторические работы (Kriegsgeschichtliche Arbeiten); т. I (1893 г.) война с Данией в 1848 — 49 гг. (русский перевод Николаева, 1898 г.); т. II (1899 г.) критические работы по кампаниям 1809, 1859, 1864, 1866 и 1870—71 годов; т. III (1904 г.) Итальянская кампания 1859 г. (многократно переведен на все языки). Отдел 4-й—военное учение Мольтке

(Moltkes Kriegslehren) представляет интересную попытку прусского генерального штаба систематизировать мысли Мольтке, высказанные по какому-либо частному случаю—при разборе военно-исторического эпизода или тактической задачи—в цельное, стройное учение. Сам Мольтке уклонялся от написания теории: она была сшита его последователями из обрывков его мыслей. Т. I (1911 г.)—Оперативная подготовка к сражению, т. II (1911 г.)— Тактическая подготовка к сражению. Оба эти тома переведены на русский язык Потоцким (изд. Гл. упр. Ген. шт., 1913 г.); т. III (1912 г.) — Сражение. Вырванные из конкретных случаев мысли Мольтке в этой мозаичной работе несколько теряют. В русском переводе (Шильдера) существует и военно-исторический труд Мольтке, не вошедший в это собрание, а именно Русско-турецкая война 1828—29 гг.

Труды Мольтке далеко еще не обратились в устаревший исторический памятник; в них еще много очень свежих мыслей; надо надеяться, что ныне в Германии будет издано продолжение указанных серий его работ, охватывающее период его деятельности после 1871 г., которая почиталась еще секретной, и о которой мы имеем лишь крайне общее впечатление по труду Куля о немецком генеральном штабе.

8) **Kriegsgeschichtliche Abteilung I, Grosser Generalstab.** Moltke in der Vorbereitung und Durchführung der Operationen. Kriegsgeschichtliche Einzelschirften, Heft 36, Berlin. Любопытный для уяснения полководческого образа Мольтке труд; далек от диалектического метода; подчеркивает в Мольтке то, что роднит его с Наполеоном, и умалчивает о различиях. Многие факты освещаются противоположным настоящему труду образом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Франко-германская война 1870—1871 гг.

Политическая обстановка к началу войны.—Вооруженные силы Франции. — Планы войны. — Немецкий тыл. — Тактика. — Атака IX корпуса 18 августа 1870 г. — Атака 1-й гвардейской дивизии на Сен-Прива. — Седанская операция.—Вторая часть войны; политическая обстановка.— Вооруженные силы республики. — Блокада Парижа. — Стационарность германских сил. — Итоги. — Литература.

Политическая обстановка к началу войны. В 1869 г. Бисмарк, озабоченный объединением немецких земель в одну империю [1], предложил Баварии и Вюртембергу, двум важнейшим самостоятельным государствам Южной Германии, примкнуть к северогерманскому союзу и провозгласить президента его—прусского короля—германским императором. Бавария, Вюртемберг, Баден, в результате поражения, понесенного ими совместно с Австрией в 1866 г., и тенденции Наполеона III захватить левый берег Рейна, были вынуждены вступить еще осенью 1866 г. в оборонительный союз с Пруссией. Однако Южная Германия, помнившая долгие века самостоятельного экономического и культурного развития, обособленная от Северной Германии политическими и религиозными интересами, не выражала готовности добровольно слиться с протестанско-юнкерской Пруссией. Особенно в Баварии были сильны тенденции сепаратизма; царствующие династии стремились сохранить свою самостоятельность; Бисмарку не удалось соблазнить южногерманскую буржуазию даже заключавшейся в его предложении гарантией помощи Пруссии против всякой вспышки революционного движения. Находившиеся у власти вожди сепаратистов дали Бисмарку отрицательный ответ и вступили в тайные переговоры с французскими политиками об оказании им поддержки в случае перехода Пруссии на путь насилия.

---

[1] Мы оставляем в стороне вопрос, было ли это объединение для воспитанного в феодально-юнкерских понятиях Бисмарка средством или целью.

Мысль принудить южногерманские государства посредством войны соединиться с Пруссией не улыбалась Бисмарку: созданное насилием единство победителей и побежденных не могло быть прочным, да и война сложилась бы в трудных условиях: у Пруссии не было никакой правовой почвы, на помощь южногерманским государствам несомненно пришла бы коалиция из Франции, Австро-Венгрии и, вероятно, Италии. Войны с Францией, во всяком случае, для достижения поставленной Бисмарком цели миновать было нельзя. В этой войне Пруссии гораздо лучше было иметь южногерманские государства на своей стороне, чем на стороне Франции. Успешная война с Францией несомненно должна была вызвать в Германии подъем национальных и шовинистических чувств. В этой атмосфере войны вожди южногерманских сепаратистов должны были потерять под собой почву; действительно, при помощи попавших в руки Бисмарка документов о сношениях их с Францией и подготовке к совместному отпору Бисмарк имел возможность к концу 1870 г. зажать рот своим противникам. Бисмарку была нужна война, но такая война, которую объявила бы Франция, и которая ставила бы Пруссию в положение кажущейся политической обороны; баварцы и вюртембержцы в этих условиях должны были бы выступить против Франции—главной опоры их политической самостоятельности.

Цель, выдвинутая Бисмарком для своей дипломатии, оказалась вполне достижимой вследствие наличия среди находившихся во Франции у власти бонапартистов сильного течения в пользу войны как средства «деривационного» (отклоняющегося); для Франции Наполеона III успехи во внешней войне также должны были бы являться средством побороть внутренние трудности, сломить оппозицию, позволить династии пустить прочные корни в стране. Устремления военной партии во Франции представлялись тем более опасными, что они не опирались на военную подготовку, которая соответствовала бы требованиям европейской войны. С начала шестидесятых годов Наполеон III принялся за строительство колониального могущества Франции. Завоевание Индо-Китая, поддержка Англии во второй ее войне с Китаем (1857—1860 гг.), попытка объединить латинские государства Америки под французской гегемонией, Мексиканская экспедиция, стоившая огромных денег,—все это были попытки установить прочное влияние

Франции на Тихом океане. В интересах своей мировой политики Наполеон III стремился поддерживать хорошие отношения с Бисмарком. Пока в Соединенных Штатах Северной Америки шла гражданская война, фантазия Наполеона III не встречала отпора. Но после успехов Северных штатов, Франции пришлось в 1865 г. ретироваться с позором из Мексики. Масса времени, денег и энергии были затрачены на «тихоокеанскую» и «латинскую» политику бесплодно. Еще несколько десятков лет спустя французская буржуазия относилась скептически к колониальной политике; да и сейчас Франция еще не расположена повторить в Китае свой опыт 1860 г.—военной помощи Англии. Наполеон III начал свою активную политику в 1854 г. вмешательством в пользу Англии в ее вековой тяжбе с Россией. Вторая империя во внешне-политическом отношении выросла на осаде Севастополя. Россия временно отошла на второй план. В шестидесятых годах только Англия и Франция вели политику мирового масштаба. Англия, несмотря на могущественную помощь, получаемую от Франции, с завистью смотрела на ее торговые и заморские успехи, и была не прочь выдать свою конкурентку на растерзание немцев.

Победа пруссаков под Кениггрецем сигнализировала Наполеону III о растущей под боком опасности прусского милитаризма. Наполеону III не удалось компенсировать Францию в какой-либо мере за усиление Пруссии. Началась вялая работа по усилению французской армии и тайная работа самого Наполеона над подготовкой союза с Австро-Венгрией и Италией. Австрийский император и король Италии письменно обещали Наполеону III свою поддержку, но заключение форменных союзных договоров не ладилось. Австрия, начиная с 1867 г., проводила в Галиции политику, направленную против России и рассчитанную на воспитание враждебной России польской и украинской ирреденты. Австрия, выступая против Пруссии, вероятно, столкнулась бы с Россией. Благожелательного отношения России Наполеон III мог бы добиться только согласием на пересмотр Парижского трактата 1856 г., заключавшего оскорбительное для России запрещение содержать военный флот в Черном море; русская дипломатия давала это ясно понять, но Наполеон III отказывался дать свое согласие, боясь раздражить Англию. Австро-Венгрии необходимо было по крайней мере обеспечить свой тыл со стороны Италии. А последняя требовала, как предпосылку подписания ею союзного договора, ликвидацию остатков церковной области, вывода французского гарнизона и занятия Рима; не закончив этим объединения Италии, итальянский король был бессилен помочь Наполеону III,—ему самому грозило бы итальянское национально-революционное движение. А Наполеон III не мог отдать светскую власть папы в жертву итальянцам, так как сильная католическая партия во Франции представляла для него ценнейшую опору. Если принять во внимание, что Австро-Венгрия и Италия под давлением финансовых затруднений сокращали наличный состав своих армий, что массы их населения относились безучастно к франко-прусскому столкновению, что немцы и венгры Австрии были даже враждебны всякому активному выступлению против германского дела в целом,—станет очевидным, что Франция могла только тешить свое воображение расчетом на союзы.

Тогда как во Франции имелось сильное подземное течение в пользу войны, официально во главе ее стояло слабое парламентское правительство Эмиля Оливье, неосведомленное о династических союзных переговорах и стремившееся к миру. Эмиль Оливье смотрел на создание германского единства, как на неизбежность, которую Франция может признать, не теряя своего достоинства и не попадая из-за этого в гибельное положение; все, что будет сделано против Пруссии, облегчит ей задачу, а не преградит ей путь. Момент остановить восхождение Пруссии уже упущен. За несколько месяцев до войны Оливье сократил французский военный бюджет на 13 миллионов франков и уменьшил очередной призыв на 10 тысяч новобранцев.

Обстановка складывалась для Пруссии чрезвычайно выгодно. Нужно было только спровоцировать, дать свободу действий французской военной партии, вложить ей в руки крупные козыри. Последнее было проделано Бисмарком артистически: он тайно выдвинул кандидатуру одного из гогенцолернских принцев на вакантный испанский трон, что привело французов в ярость. Слабый Эмиль Оливье не сумел в этих условиях сохранить мир: прусскому королю было предъявлено требование—не только воспретить гогенцолернскому принцу принять избрание на испанский престол, но и гарантировать, что и в будущем такая кандидатура будет им отклонена. Прусский король, феодал, недовольный Бисмарком, готовившийся дать ему отставку, не интересовавшийся объединением Германии, считавший наследственную королевскую корону Пруссии выше короны германского императора, получил от Франции требования, очень близкие к принесению извинений. Он вежливо отказал французскому послу Бенедети, явившемуся к нему на курот в Эмс, и сообщил об этом Бисмарку. Последний переделал депешу короля для печати таким образом, что французы могли понять, что король выгнал их посла, а немцы, что французский посол оскорбил прусского короля. Эта эмская депеша произвела весь тот эффект, на который рассчитывал Бисмарк. Французское правительство не выполнило своего долга, не сумев ни уклониться от военного удара Пруссии, ни встретить его надлежащим отпором. 16 июля Франция объявила войну Пруссии.

Дипломатии Бисмарка настолько удалось выставить Францию нападающей стороной, что даже генеральный совет Интернационала был введен в обман и признал, что с немецкой стороны война является оборонительной. Громадное большинство молодой германской социал-демократии встало на оборонческую точку зрения и не одобрило поведения Либкнехта и Бебеля, мужественно воздержавшихся от голосования кредитов на войну. Впрочем, голосование социал-демократических депутатов в 1870 г. имело лишь скромное значение, так как Германия 1870 г. являлась еще аграрной, вывозящей хлеб страной, с относительно слабо развитой металлургией (38,8 *кг* чугуна на человека, а в 1900 г.—139,1 *кг* на человека) и слабым развитием капиталов; рабочее движение в Германии было по сравнению с французским еще незначительно.

Бисмарк мог рассчитывать на свою провокацию наверняка, так как фактически власть во Франции принадлежала военной партии, стремление которой к войне совпадало с его собственным. Наполеон III был бессилен отвратить надвигающееся столкновение. Бонапартизм являлся военным захватом власти в момент, когда буржуазия и рабочий класс в напряженной борьбе обессилили и уравновесили друг друга, политически устали и власть валялась на улице. Но за два десятка лет существования Второй империи и буржуазия и рабочий класс отдохнули и вновь выступили на политической арене. Наполеон III, чтобы противодействовать революции слева, к началу 1870 г. решился опереться на буржуазию и установил парламентский режим. Военная партия видела рост революционной оппозиции, и все беды сваливала на неудачи внешней политики, на вынужденную пассивность Франции в 1866 г. Военная партия, которой по существу являлся бонапартизм, могла удержать свою позицию внутри Франции только победами на внешнем фронте. Не готовясь к войне, шли на войну. Особенно велика была неготовность в области внутренней политики. Накануне объявления войны министр Плишон сказал Наполеону III: «Борьба между вашим величеством и прусским королем не равна. Король может быть разбит в нескольких сражениях. А для вашего величества поражение—это революция»[1]. При оппозиционных течениях во французской буржуазии и революционном подъеме рабочего класса ведение войны было политически крайне стеснено, и стратегия была лишена всякой возможности отступательного маневра.

Вооруженные силы Франции. Франция содержала в мирное время до 400 тыс. войск. Основным дефектом французской армии, как и русской эпохи Севастополя, была неспособность к быстрой мобилизации. С объявлением войны постоянные войска должны были выделять кадры для запасных частей и гарнизоны в важнейшие пункты. Численность действующей армии уменьшалась на 35% по сравнению с мирным составом. При семилетнем сроке действительной службы запаса обученных не было, и армия должна была усиливаться за счет рекрут, в мирное время освобожденных от службы и зачисленных почти без всякой подготовки в резерв. Так как буржуазия откупалась от военной службы и на ее деньги нанимались отслужившие солдаты на новый семилетний срок, то солдат сверхсрочной службы было очень много—в 1865 г. их насчитывалось 140 тыс., почти 40% всей армии; частью это были солдаты, остающиеся на третье семилетие—предельный возраст для сверхсрочных солдат был установлен в 47 лет. Это была настоящая армия профессионалов, утратившая связь с народом и являвшаяся твердой опорой военной партии. Успешность прусской мобилизации в 1866 г. показала Франции невозможность оставаться при такой организации. В 1868 г. Ниэль реорганизовал воинскую повинность. Продолжительность действительной службы была установлена в 5 лет; затем солдат уходил в запас и состоял там 4 года .Чтобы увеличить накопление запаса, решено было прекратить оставление на сверхсрочную службу; буржуазия сохранила за собой право откупаться и была свободна в найме заместителей. Одновременно Ниэль провел зачисление на 9 лет в «мобили»—подвижную национальную гвардию всех молодых людей, не попавших на действительную службу. «Мобили»—своего рода французский ландвер—должны были собираться на обучение не свыше 15 дней в году, причем, однако, так, чтобы они могли каждые сутки уходить ночевать домой; вследствие сопротивления военных кругов этому вооружению народа, фактически обучение мобилей не проводилось почти вовсе.

---

[1] Pierre de la Gorce. Histoire du second Empire, т. VIII стр. 286.

Реформа Ниэля могла дать полные результаты только через 9 лет, в 1877 г., когда она позволила бы накопить 4 полных возраста запаса. Вместе с мобилями в распоряжении военного ведомства имелось бы свыше миллиона военнообязанных. Но война вспыхнула в 1870 г., когда запас только что начинал образовываться и достигал лишь 130 тыс.; кроме того, имелось 120 тыс. еле подготовленных мобилей. Эта реформа дала лишь небольшой выигрыш, но зато она лишила армию многих старых солдат; на место идеологии профессиональных бойцов она не внесла в армию буржуазного патриотизма.

Циничное уклонение богатых классов от военной службы (пусть бедные ходят с нищенской сумой! [1]) и недоверие к революционным массам ставили организацию французской армии в безвыходное положение. Чтобы оторвать войска от народа и иметь в них верное орудие подавления бунта, все войсковые части квартировали вдали от районов своего комплектования. Это чрезвычайно затрудняло мобилизацию. Каждый полк имел в районе комплектования свое депо—кадр будущего запасного батальона. При мобилизации запасные должны были явиться сначала в свое депо, там получить одежду и снаряжение, и потом уже следовать командой к своему полку. Этот сложный порядок мобилизации, а также опыт предшествовавших войн объясняют, почему в 1870 г. части французской армии начали перевозки по сосредоточению к границе в первый же день войны в немобилизованном составе: казалось безразличным, где догонят команды пополнения свои полки—на постоянных квартирах или на границе. В действительности создалась трудновообразимая путанница; многие полки оказались вовсе без обоза, корпуса получили свои тыловые учреждения далеко неполностью, весьма значительная часть запасных не разыскала свои полки и блуждала. Часть батальонов была доведена до состава в 800 бойцов, часть же вступила в решительные бои в составе 400 бойцов и почти без запряженных повозок. Франция дорого поплатилась за игнорирование кропотливого мобилизационного искусства.

---

[1] Au pauvre la besace!

Общее количество призываемых при мобилизации, частью необученных, людей должно было довести вооруженные силы Франции до состава в 600 тыс.; но втечение первых трех недель войны на границе удалось развернуть только 250 тыс. обученных солдат; формирование дальнейших 100 тыс. требовало много времени и было не вполне закончено через 7 недель после начала мобилизации, к моменту Седана. Остальное представляли мобили, образовавшие преимущественно гарнизоны крепостей, и запасные части. Соображения о войне французского генерального штаба требовали развертывания на границе 440 тыс. полевых войск. В действительности пришлось начать бои, имея 250 тыс. против 450 тыс. германцев; к моменту Седана французы ввели всего в операции 300 тыс. против возросших до 550 тыс. германцев. Первый, особенно важный период войны, французы были обречены сражаться против почти двойного перевеса сил.

Франция располагала крупными запасами вооружения и снаряжения. Кениггрецкая победа пруссаков позволила провести во Франции чрезвычайный кредит в 280 млн. франков и перевооружить пехоту. Был заготовлен миллион ружей «шаспо», значительно превосходивший по надежности действия и дальности (1 500 *м* вместо 600 *м*) игольчатые ружья Дрейзе, которыми были вооружены пруссаки. Имелось к ним 113 миллионов патрон. Хуже обстояло дело в отношении артиллерии. Имелось в складах до 3 тыс. нарезных бронзовых орудий полевого калибра, заряжаемых с дула и 11 миллионов килограммов пороха. Но прусские орудия Круппа, стальные, заряжаемые с казны, на много превосходили французские в отношении меткости, дальности, скорострельности. Наполеон III стремился к перевооружению артиллерии, но реакционный французский артиллерийский комитет находил, что лучше всего простота и надежность пушки: пушки дальнего боя могут разрываться[1] от больших зарядов, а пушечные замки будут портиться на войне—вещь слишком деликатная и не боевая.

---

[1] Артиллерия сотни лет имела на вооружении бронзовые орудия; бронза—тягучий металл и при слишком сильном действии пороховых газов не разрывается, а раздувается, растягивается. Старые артиллеристы боялись стали, которая гораздо прочнее, но в случае катастрофы разлетается на куски.

Тупого упрямства своих артиллерийских стариков Наполеон III побороть не мог. В декабре 1868 г. Наполеон III поэтому решил обойти цитадель технического регресса—артиллерийский комитет—и заказал изобретателю пулемета (картечницы), подполковнику Реффи, разработать новые образцы орудий. Чтобы можно было быстро перевооружить армию, Наполеон III поставил условием, чтобы новые пушки были бронзовые, так как французские арсеналы были приспособлены для работы над бронзой, а не сталью, и чтобы на заряды шел тот же черный порох, запасы коего имелись. Через 16 месяцев Реффи представил новые дальнобойные, заряжаемые с казны образцы, которые могли соперничать с крупповскими пушками, но война вспыхнула прежде, чем испытания их закончились. Пушками Реффи удалось вооружить лишь часть батарей во вторую половину войны.

Полевая артиллерия французов уступала пруссакам не только качественно, но и количественно. Против 1 344 германских полевых пушек французская армия имела к началу войны лишь 780, организованных в батареи. Между тем в тридцатых годах французская армия насчитывала 1 200 пушек. Уменьшение французской артиллерии произошло отчасти под давлением опыта колониальных войн, в которых артиллерия играла второстепенную роль, отчасти под влиянием режима экономии. Мексиканская экспедиция обошлась Франции свыше 400 млн. франков; правительство не имело мужества признаться в столь большой сумме бесплодных расходов и часть их покрыла урезками военного бюджета, в частности, за счет сокращения числа батарей. Наполеон III попытался возместить недостаточное количество батарей сформированием в полной тайне 24 батарей, каждая по 6 пулеметов Реффи. Огонь пулеметов был действителен только на 1 500 *м*; пулеметы не могли состязаться с германской артиллерией, организация их в батареи была явно ошибочна. Хотя в целом ряде боев французские пулеметы работали успешно, все же после войны 1870 г. они на 28 лет исчезают из вооружения полевых армий: нельзя уменьшать число орудий в пользу пулеметов, таков вывод войны 1870 г. Впоследствии они возродились сначала в колониальных войнах, но уже как оружие пехоты, а не артиллерии.

Количество заготовленного снаряжения было значительно; так, в складах имелось 2 миллиона пар обуви. Но это снаряжение, несмотря на организацию маршалатов, не было рассредоточено по округам, а хранилось в больших централизованных складах на учете военного министерства. Вопросы распределения снаряжения при мобилизации обдуманы не были—в противном случае оно было бы рассредоточено. Имелось два громадных склада обоза, где повозки хранились со снятыми колесами; этим складам было нужно несколько месяцев, чтобы раздать свое содержание. Естественно, при поспешной мобилизации и сосредоточении к границе, войска остались без многих нужных им предметов, и на военное министерство посыпались жалобы, что оно не смогло заготовить самых простейших и нужных войскам предметов. В особенности задерживалось формирование корпусных тылов.

На море Франция имела сильный флот. Но так как у Германии того времени никакого флота не было, если не считать несколько мелких судов, то французский флот был обречен на бездействие. Он прикрывал морские пути во французские порты, на которые, впрочем, никто не покушался. Мысль о десанте на берега Германии, имевшем целью вовлечь Данию в войну, скоро пришлось оставить, так как все свободные войска были прикованы к фронту. Богатые материальные средства флота частью удалось использовать для усиления вооружения Парижа; моряки на сухопутьи—в гарнизоне Парижа и в командном составе провинциальных армий в революционный период войны—сыграли заметную роль.

Планы войны. Французский план войны базировался на целом ряде фантастических данных: на том, что удастся втечение 2 недель собрать на границе 250—300-тысячную армию, перейти с нею в наступление, форсировать средний Рейн, добиться откола Южной Германии от северогерманского союза, провоцировать этим успехом выступление Австро-Венгрии и помощь Италии, и затем начать концентрическое наступление к Берлину, поддержанное и датскими войсками совместно с французским десантом. Нельзя сказать, что расчет на союзников и на откол Южной Германии не имел под собой никакой почвы: в случае начала победного шествия французов, они бы, несомненно, нашли союзников вне и внутри Германии. Достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что оба баварских корпуса в первые дни войны не столько сражались, как присутствовали на полях сражений, в особенности они отличились ничегонеделанием 6 августа под Вертом; только постепенно, с течением войны, баварцы начали принимать действительное участие в военных действиях, понимая втайне, что их усилия ведут непосредственно к утрате Баварией самостоятельности. Но чтобы использовать все силы Европы, готовые свалить бисмарковскую Пруссию, надо было одержать первые успехи. Через 2 недели, когда французские войска должны были переходить уже в наступление, на границе имелось только 140 тыс. войск, притом не получивших еще своих тылов и потому не оперативноспособных. За отсутствием возможности выполнить первый шаг, весь французский план рушился.

Вначале предполагалось выставить на границе две армии: армию Базена в Лотарингии, впереди Меца, армию Мак-Магона в Эльзасе, и собирать третью резервную армию Конробера в Шалоне; все корпуса должны были быть в трехдивизионном составе. Но затем, в момент мобилизации было принято решение: в Париже должна была остаться энергичная императрица Евгения в роли регентши; Наполеон III должен был оставить Париж и непосредственно командовать войсками, объединявшимися в одну Рейнскую армию; три маршала в утешение получали в командование корпуса четырехдивизионного состава, а другие генералы—только трех- или двухдивизионного состава. Это решение потребовало полной перетасовки дивизий по корпусам и всего высшего комсостава и сверх того вовсе не учитывало болезненного состояния Наполеона III, мешавшего ему фактически руководить военными действиями; политика стремилась использовать бонапартистские традиции—впечатление отъезда императора в армию—и открыть простор диктатуре императрицы, возглавлявшей партию войны.

Прусский план войны заслуживает более внимательного рассмотрения. В 1859 г., когда престиж Франции стоял высоко, а прусская армия, до реформы 1860 г., чувствовала себя неуверенно, Мольтке исходил из осторожных предположений; вместе с контингентами Южной Германии он мог собрать на французской границе 400 тыс. войск, но уступающих в боеспособности меньшим силам французов. Поэтому Мольтке выдвигал ограниченную цель—захвата Эльзаса и Лотарингии и временного затем перехода к обороне. Мольтке допускал, что успехи, одержанные пруссаками в пограничных провинциях, подкосят Вторую империю и вызовут революцию; но операция на Париж рисовалась Мольтке очень трудной и хлопотливой; к ней он предполагал перейти лишь при благоприятных условиях, как ко второму этапу, начатому не от Рейна, а от р. Мозель. Мольтке в

1859 г. стоял, таким образом, как и Клаузевиц при неблагоприятных условиях 1831 г., за наступление лишь с ограниченной целью. Но с начала шестидесятых годов, как только прусская армия выросла количественно и качественно, а Франция увлеклась колониальными предприятиями, тихоокеанской политикой и ослабела на континенте, Мольтке, подсчитывая перевес находившихся в его распоряжении сил, сейчас же переходит к идеям сокрушения.

Мольтке составлял план войны не только для одного северогерманского союза, все вооруженные силы коего непосредственно подчинялись прусскому королю, но и для союзных государств южной Германии; Мольтке очень скептически смотрел на военную помощь, которую может оказать независимый в своих решениях попутчик на войне; поэтому он добился, что оборонительный союз с южногерманскими государствами включил полное подчинение прусскому королю с самого начала войны южногерманских контингентов; взамен Мольтке обязывался не делать никаких различий в защите прусских или союзных территориальных интересов. Помимо этого Мольтке озаботился, чтобы южногерманские контингенты не оставались бы на правом берегу верхнего Рейна для фронтальной обороны своей территории, что изолировало бы южных германцев от пруссаков, собиравшихся на левом берегу Рейна. Чтобы взять союзников крепко в руки, Мольтке не остановился перед тем, чтобы скучить все развертывание на узком пространстве левого берега Рейна.

Мольтке должен был считаться с возможностью выступления Австрии на помощь Франции. На всякий случай Мольтке не включал поэтому в первый эшелон оперативного развертывания три прусских корпуса; к перевозке их намечалось приступить во вторую очередь, после того как выяснится нейтралитет Австрии, и железные дороги освободятся от перевозки всех прочих корпусов. Австрия не была способна к такой быстрой мобилизации как Франция. Поэтому, если бы между ними была заключена военная конвенция, Австрия оказалась бы вынужденной первой начать приготовления к войне. Мольтке требовал немедленно начать войну против Франции, как только признаки этого будут замечены, 400 тыс. немцев должны скоро сломить сопротивление 250 тыс. французов. Австрийцы в это время должны будут оставить сильный заслон в Галиции против русских и заслон на р. Инн против Баварии. Не скоро австрийцы изготовятся перейти прусскую границу. За это время в Лотарингии произойдут уже решительные столкновения немцев с французами; победа пруссаков может заставить Австрию вложить в ножны меч, уже наполовину обнаженный. Но если австрийцы вступят в войну и смогут оттеснить три прусских корпуса и даже займут Берлин, война еще не проиграна: надо заключить легкий мир с разбитой Францией и перебросить прусскую армию вниз по Дунаю; баварцы на Инне образуют прикрытие, которое обеспечит эту переброску. Решительное наступление вниз по Дунаю на Вену сразу ликвидирует все успехи австрийцев в прусских провинциях. Таким образом в случае борьбы против коалиции Мольтке накануне 1870 г. предполагал действовать по внутренним линиям между двумя различными театрами войны.

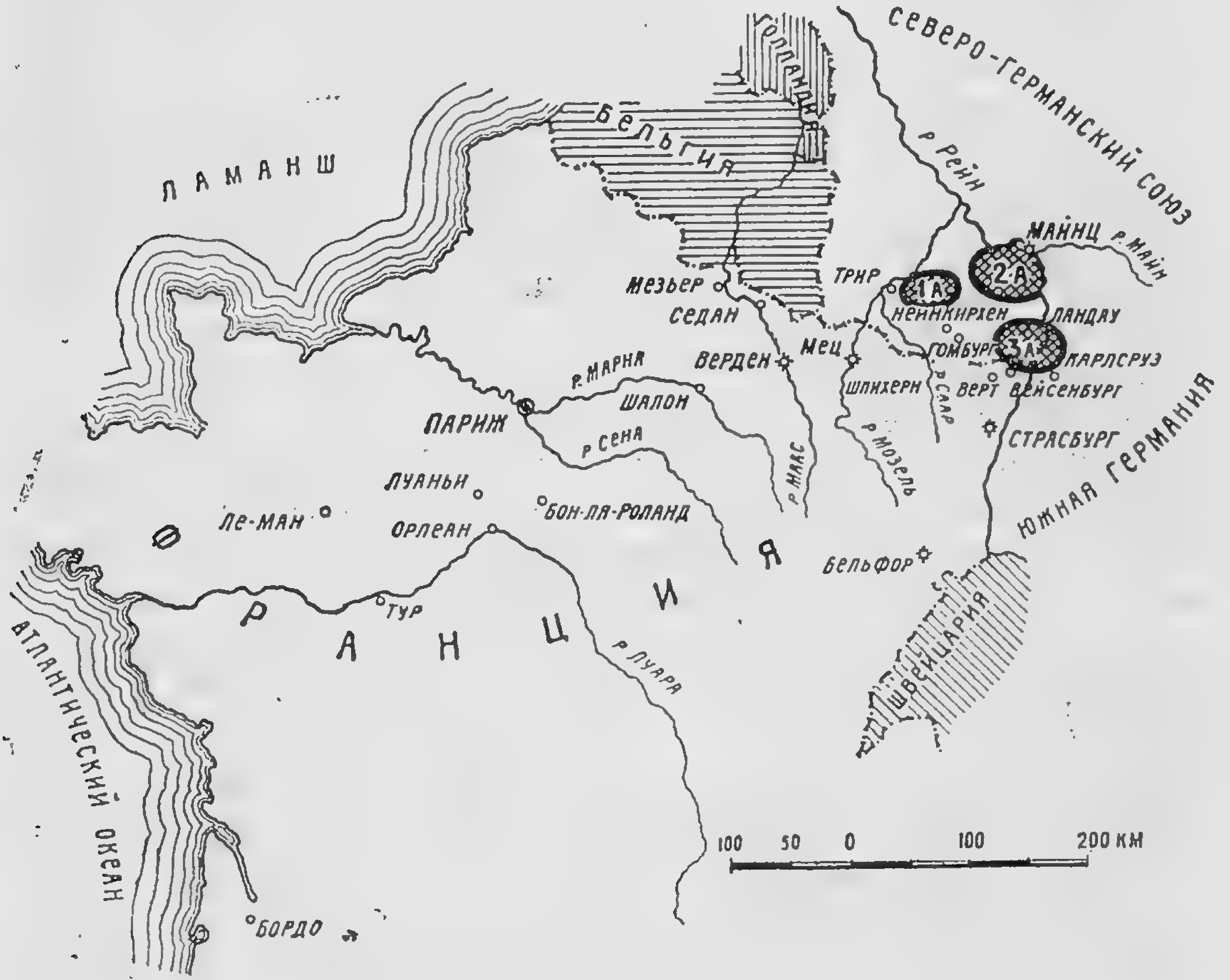
Отказ выделить «обсервационную» армию для охраны границы с государством, нейтралитет коего ненадежен, характерен для стратегии Мольтке, по крайней мере в ее блестящую эпоху сокрушения: Мольтке устремляет все силы против врага, уже обнажившего оружие, не стесняется добиваться двойного перевеса сил на театре реальных военных действий за счет полного оголения прочих границ; железные дороги, открывая возможности быстрой переброски и действий по внутренним линиям между различными театрами, позволяют ему обходиться без выделения «обсервационных», т. е. не действующих, только наблюдающих сил, и достигать на войне сразу же максимума стратегического напряжения государства.

Мольтке не только верно определил количество французских войск, с которыми немцам пришлось встретиться, но и пункты их сосредоточения. Последнее, впрочем, не представляло труда, так как в 1870 г. оперативное развертывание должно было происходить уже полностью по железным дорогам; в то же время развитие железных дорог еще не достигло такого уровня, чтобы железные дороги имели избыток транспортного могущества и позволяли бы неполностью использовать их. Для оперативного развертывания создались условия, лишенные всякой гибкости. Франция имела в пограничной с Германией полосе два больших железнодорожных узла—Мец и Страсбург. Каковы бы ни были соображения французского командования, немцы непременно должны были повстречать две группы французских войск, разделенные Вогезами и опирающиеся на Мец и Страсбург. Таковыми в действительности и оказались группы маршалов Базена и Мак-Магона.

Сокрушение Франции, выдвинутое Мольтке, требовало захвата Парижа: германские армии должны были стремиться к французской столице и по пути уничтожить живые силы Франции. Предстояло решить лишь вопрос об общем направлении операции: обходить ли французов правым крылом, чтобы отрезать их от Парижа и прижать к швейцарской границе, или обходить левым крылом, стремясь перехватить дорогу на Париж и прижать французов к бельгийской границе. Начертание границ, положение Парижа и местные условия говорили в пользу того, чтобы сделать ударным, заходящим, правое крыло вторгающихся во Францию немецких армий и поставить себе целью оттеснение и окружение французских армий у границы Швейцарии. Однако Мольтке должен был считаться с тиранией железных дорог, которые позволяли гораздо легче накопить большой кулак на границе Эльзаса, чем по соседству с Голландией и Бельгией,—и Мольтке построил свой план на систематическом обходе французов с юга и на оттеснении их к бельгийской границе. Этот план полностью не удался по отношению к армии Базена, которая не решилась оторваться от Меца и двинуться между немцами и бельгийской границей, была окружена и погибла в Мецской крепости; но он получил законченное осуществление под Седаном, против Шалонской армии. В 1914 г. немцы приступили к осуществлению противоположного плана, лучше отвечающего условиям начертания территории Франции,—к обходу правым крылом и оттеснению французов на юг; но этот план Шлиффена стал возможен лишь после двадцати лет специально ориентированного на эту цель железнодорожного строительства.

Оперативное развертывание намечалось Мольтке в недалеком расстоянии от границы, с тем чтобы скорее использовать преимущество немцев в подготовке, быстроте мобилизации и численности. Но план предусматривал, если французы перейдут в наступление ранее 17-го дня мобилизации, отход 2-й центральной армии, наиболее подверженной удару, от Нейнкирхена и Гомбурга, где ее предположено было высаживать, на 6 переходов назад, к Рейну. 16 июля было первым днем мобилизации; перевозки по сосредоточению должны были начаться только 24 июля, по окончании мобилизации; но немедленно после начала мобилизации стали поступать сведения о том, что французские войска в немобилизованном составе перевозятся к границе; в этих условиях высадка 2-й армии в Нейкирхене и Гомбурге, в одном переходе от границы, подвергала их опасности поражения побатальонно; поэтому Мольтке распорядился обрезать ее перевозку и высаживать ее на Рейне. Это укорачивание перевозки являлось единственным способом проявления гибкости развертывания в ту эпоху.

В конечном счете, свыше полумиллиона германцев развертывалось на фронте от Трира до Карлсруэ протяжением 160 *км*; это было очень тесное развертывание; если принять во внимание, что армии должны были двинуться в расходящихся направлениях, 1-я и 2-я—в Лотарингию, а 3-я—в Эльзас, то в этом развертывании можно усмотреть кажущееся отступление от данной нами характеристики оперативного искусства Мольтке. В действительности, прусские армии были подготовлены лишь к развертыванию на том узком участке, где прусская территория граничила с французской; Мольтке позаботился подтянуть к этому участку и южногерманские контингенты. Участие Южной Германии в войне с Францией являлось в известной степени условным; оперативная подготовка на нее распространялась в слабой


СЕВЕРО-ГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ
ГОЛЛАНДИЯ
БЕЛЬГИЯ
ЛАМАНШ
Р. РЕЙН
МАЙНЦ
Р. МАЙН
2 А
1 А
3 А
ТРИР
НЕЙНКИРХЕН
ЛАНДАУ
ГОМБУРГ
КАРЛСРУЭ
ВЕРТ
ВЕЙСЕНБУРГ
МЕЗЬЕР
СЕДАН
ВЕРДЕН
МЕЦ
ШПИХЕРН
Р. САР
Р. МОЗЕЛЬ
Р. МААС
СТРАСБУРГ
ЮЖНАЯ ГЕРМАНИЯ
Р. МАРНА
ШАЛОН
ПАРИЖ
Р. СЕНА
ЛУАНЬИ
БОН-ЛЯ-РОЛАНД
ЛЕ-МАН
ОРЛЕАН
ТУР
Р. ЛУАРА
ФРАНЦИЯ
БЕЛЬФОР
ШВЕЙЦАРИЯ
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
БОРДО
100 50 0 100 200 КМ

Черт. 17. Вторжение германцев во Францию в 1870 г.

степени. Мольтке выдвинул твердый вариант развертывания, который мог бы быть осуществлен и без южных немцев; южная Германия непосредственно не прикрывалась развертыванием Мольтке, но она прикрывалась косвенно: 3-я армия, на линии Ландау—Карлсруэ, занимала фланговую позицию и, в случае попытки французов из Эльзаса переправиться через Рейн, 3-я армия обрушилась бы на их фланг и тыл. Что Мольтке стремился возможно скорее выйти из оперативно-скученного положения и получить возможность действовать двумя раздельными группами, направленными по сходящимся направлениям, видно из того, что он торопил 3-ю армию скорее перейти в наступление от Ландау и вторгнуться в Эльзас; тем самым он создавал могучую охватывающую группу, которая могла бы перевалить Вогезы и обрушиться на правый фланг французов, если бы последние, как казалось вероятным, вступили в решительный бой с 1-й и 2-й немецкими армиями близ границы Лотарингии на р. Саар.

Немецкий тыл. Существенным пропуском соображений Мольтке являлся недостаток каких-либо указаний о работе тыла в предстоящих операциях. Опыт войны 1866 г. был еще недостаточно уяснен. Между работой генерального штаба, подготовлявшего операции, и работой военного министерства, организовывавшего продовольствие войск, никакой увязки не было. Мольтке намечал перейти в решительное наступление на 20-й день мобилизации; военному министерству следовало прежде всего обдумать и подготовить довольствие войск в районе развертывания с 9-го по 20-й день мобилизации. Между тем, у военного министерства не было там никаких запасов; с началом войны оно распорядилось, чтобы корпусные округа на Рейне произвели торги на заготовку продовольствия на 6 недель для всех развертываемых сил. Но продовольствие, законтрактованное таким путем, начало поступать только тогда, когда Рейн совершенно уже очистился от войск, и большей частью использовано не было. Повидимому, о переходе в наступление на 20-й день органы военного министерства не были осведомлены заблаговременно. Выручали немцев лишь богатые местные средства. Вместо того, чтобы стремиться организовать хлебопечение в районах, в которых находились войска, интендантство начало выпекать хлеб в крупных городах на Рейне и Майне; хлеб до войск не доходил; не понимая, что дело тормозится лишь условиями транспорта, на жалобы войск на отсутствие хлеба военное ведомство ответило нарядом Берлину—выпекать ежедневно для армии 100 тысяч порций хлеба и корпусным округам—даже I корпуса в Восточной Пруссии—выпекать побольше хлеба и высылать в действующую армию. Но железные дороги еще полным ходом работали по сосредоточению войск, хлеб залеживался и портился в пути.

Тогда как в 1914 г. в первую голову немцы перебрасывали в район развертывания этапные хлебопекарни и личный состав для этапных транспортов, чтобы войска прибывали уже на оборудованную в тыловом отношении территорию, в 1870 г. никакой аналогичной подготовки не было; несмотря на это, в первую очередь перевозились только войска; дивизионные, корпусные и армейские тылы следовали лишь потом. Переход в наступление был начат до прибытия большей части тыловых учреждений. Эта война заканчивала собой период развития военного искусства, втечение которого железные дороги расценивались, как технический шаг вперед, устраняющий всякую необходимость подготовки базирования, которой в эпоху Фридриха и Наполеона посвящалось так много внимания. Конечно, было бы ошибочно в век железных дорог оставаться с теми огромными складами в крепостях пограничной полосы, которые имелись в XVIII веке; в этом отношении понятие «база» растворилось ныне во всей территории государства; каждая железнодорожная станция может питать десятки и даже сотни тысяч солдат. Но операции и развертывание должны быть подготовлены в тыловом отношении; для ускорения сосредоточения важно часть запасов иметь заблаговременно в районе развертывания, и там же среди войск должно быть организовано хлебопечение.

В 1870 г. прусские войска сформировали себе из обывательских подвод «временные транспорты»; получился удивительный разнобой в тыловом отношении. Войскам разрешалось задерживать при себе обывательские подводы (в 1-й армии—по 2 на батальон и батарею и по 3 на эскадрон). Интендантский персонал оказался не на месте: из 12 корпусных интендантов только 3 по состоянию здоровья смогли выступить в поход; остальных пришлось импровизировать. Органы полевого интендантства, вместо того чтобы с первых же дней приступить к энергичной работе, формировались по плану мобилизации только на 10-й день. Интендантство попрежнему не умело использовать железные дороги. По железным дорогам к армии подвозились не обезличенные грузы, которые могли быть направлены туда, где в них была наибольшая надобность, а грузы отдельных владельцев по различным накладным, как в мирное время. Что делать станции, на которую сыпятся грузы, неизвестно кем посланные, неизвестно кому адресованные и ждущие предъявителя накладной? Замешательство и остановка работы станции являлись неизбежным последствием.

В 1870 г. уже начали функционировать этапные инспекции, которые должны были объединить работу тыла каждой армии и явиться единственным адресатом для железных дорог. Но только постепенно удалось перейти от корпусной анархии к организации армейского тыла. Подвоз в сущности функционировал весьма скромно, и преимущественно только в моменты остановок. При осаде Парижа главнокомандование предоставило маасской армии один продовольственный поезд в день, но фактически она получала не больше чем 1 поезд в три или четыре дня, а с 28 ноября по 28 декабря пришло всего только три поезда, и то почему-то со скотом, который имелся и на месте, а не с мукой. Для сбора местных средств для армии широко использовались кавалерийские дивизии. Маасская армия под Парижем в общем была сыта, а 3-я армия, также осаждавшая Париж, частенько голодала. Единообразной картины тыл не представлял. Хуже всего обстояли дела у баварцев, которые и голодали, и обижали местное население, и изводили много денег.

Подвоз огнестрельных припасов не стоял еще остро для полевых войск: за всю войну им было подвезено только 30 миллионов патронов и 362 тысячи снарядов, т. е. груз двух неполных десятков поездов. Полевая германская пушка за $5^1/_2$ месяцев операций израсходовала только по 190 выстрелов. Осложнения создавались лишь тогда, когда приходилось осаждать крепости. Осада Страсбурга за короткое время заставила израсходовать по весу столько же боеприпасов, сколько было израсходовано в полевых боях за всю войну. Таков закон позиционной борьбы. Бомбардировка Парижа задерживалась втечение двух месяцев отчасти из-за трудности подать осадные грузы по единственной железной дороге, недостаточно кормившей к тому же две армии.

Французы при отступлении весьма недостаточно портили железные дороги; повидимому, частные железнодорожные общества берегли свое добро. Но железнодорожные войска у немцев находились еще только в зародыше. Железные дороги во многих местах были преграждены крепостями. Как ни слабы были эти крепости и их гарнизоны, немцы долго возились с ними, так как в вопросе об атаке крепостей они были в 1870 г. такими же профанами, как русские в 1914 г., и вовсе не имели тяжелой полевой артиллерии. Атаку Страсбурга они вели еще приемами, выработанными в конце XVII века Вобаном и удерживавшимися среди русских военных инженеров до XX века включительно. А когда потребовалось немцам построить железнодорожную ветку в обход Меца на участке Ремильи—Понт-а-Муссон, протяжением всего в 30 *км*, что предусматривалось еще за год до войны, то тыл не скоро справился со сбором рабочей силы, материалов и инструментов; потребовалось 6 недель, чтобы закончить эту простую ветку.

Тактика. Тактические действия пруссаков в 1870 г. весьма отличны от действий 1866 г.; во многих областях мы видим у пруссаков сильные стороны в 1870 г. там, где у них были раньше слабые, и наоборот; изменение тактического облика армии за 4 года характеризует гибкость и неустойчивость, столь свойственные тактике. В 1870 г. Мольтке удается использовать кавалерийские дивизии в 2-3 переходах перед фронтом армии для оперативной разведки; ему удалось оторвать конницу от главных сил армии, вытолкнуть ее из хвостов походных колонн, где она следовала в 1866 г., как последний резерв для поля сражения. Однако большая часть конницы еще не была вооружена ружьем, совершенно не была способна к спешенному бою, и кавалерийские дивизии еще не имели оперативного оборудования для самостоятельных действий.

Точно так же и артиллерия, тащившаяся в 1866 г. в хвосте походных колонн пехоты, запаздывавшая вступлением в бой, побатарейно выезжавшая на позиции и враздробь вступавшая в состязание с австрийскими артиллерийскими массами, коренным образом отказалась от этого способа действий, основанного на преданиях наполеоновской эпохи, когда гладкостенный артиллерийский резерв выжидал позади решительный момент, чтобы выскочить на картечь и создать в короткое время брешь в том пункте неприятельского боевого порядка, куда устремляется пехотная атака. При Мольтке, в 1870 г., прусская артиллерия, имевшая дальнобойные пушки, перешла от тактики рода войск ближнего боя к тактике рода войск дальнего боя. Роль артиллерии приэтом значительно выросла.

Задача добиваться с самого начала решительного превосходства в количестве ведущих огонь батарей была формулирована совершенно отчетливо. В походной колонне корпуса корпусная артиллерия была передвинута в голову шедшей впереди дивизии. Как только начинали доноситься до слуха выстрелы, все батареи в походной колонне переходили в рысь и, обгоняя пехоту, неслись и пристраивались к стреляющим батареям. Мгновенно образовывались и продолжали расти могущественные артиллерийские линии—по 100 и более орудий, которые составляли костяк боевого порядка, лишь постепенно обраставший пехотой. Корпусная артиллерия стоявших во второй линии корпусов часто вливалась на эти огромные артиллерийские позиции. Развертывание артиллерии иногда оказывалось даже недостаточно прикрытым пехотой; но в общем этот метод делал немцев сразу хозяевами поля сражения.

Что касается прусской пехоты, то в 1870 г. она не является уже столь определенной представительницей огневой тактики, при помощи которой она пожала в 1866 г. ряд крупных успехов. Казалось бы, не было никаких оснований отказываться от столь успешно испытанных огневых приемов решения боевых задач. Но мы встречаемся здесь с огромным давлением, производимым на тактику качеством вооружения: в 1866 г. прусская пехота имела превосходное игольчатое ружье против австрийского штуцера, а в 1870 г. имела против себя такое же игольчатое ружье—шаспо, но еще более усовершенствованное, стрелявшее на в 2,5 раза большие дистанции. Естественно в прусской пехоте родилось стремление не задерживаться на удалении от 1 500 *м* до 600 *м* от французов, так как в этой полосе прусская пехота была беззащитна от огня шаспо. На близких дистанциях прусская пехота, благодаря своей превосходной стрелковой подготовке, могла рассчитывать успешно конкурировать с французским ружейным огнем. Однако нарастал соблазн—передать весь центр тяжести огневой подготовки своей артиллерии, решительно превосходившей французскую, выждать вдали от неприятеля, пока артиллерия закончит свое дело, и потом одним лихим ударом опрокинуть неприятеля. Старые ударные идеалы, имеющие за собой два тысячелетия господства в тактике, готовы всегда возродиться. В прусской армии их возрождению особенно содействовали плацпарадные тенденции, всегда существовавшие, а после усиления кадровой армии в шестидесятых годах и побед 1866 г. снова усилившиеся под влиянием феодальных тенденций короля Вильгельма.

Выжиданию результатов действия огня своей артиллерии препятствовала развивавшаяся в прусской армии традиция вести бой встречным образом, не давая неприятелю времени устроиться и осмотреться. В этом отношении тактика 1870 г. являлась непосредственным продолжением тактики 1866 г.

В эпоху Наполеона завязке боя предшествовало сосредоточение войск из походных колонн в резервный порядок. При недальнобойности гладкостенных пушек враждебные армии могли беспрепятственно массировать свои силы в очень небольшом удалении друг от друга. Сражению предшествовала пауза. Пока войска стягивались из коротких походных колонн, старший начальник имел возможность произвести личную рекогносцировку небольшого поля сражения, размеры которого для целой армии в эпоху Наполеона равнялись современному полковому или дивизионному участку. Эта пауза представляла во времени границу между оперативными и тактическими действиями. Составив себе ясное представление об обстановке, старший начальник принимал определенный план; если данных было недостаточно, он завязывал бой на фронте своим авангардом, соответственно подкрепляемым, и держал наготове массы своего резерва, чтобы в момент, когда обстановка назреет, принять решение и нанести свежей организованной массой сокрушающий удар.

Тактическая мысль втечение XIX века долгое время стремилась удержать эту схему, несмотря на те противоречия, которые вызывались изменившимися условиями. Создалось определенное противоречие между теорией и практикой, вызывавшее встречный бой в «диком» состоянии, представляющий большие опасности. Мы познакомились уже с условиями встречного боя, народившимися в 1859 г. Пауза в момент сбора войск из походных колонн в резервные порядки оказалась недостижимой: бой начал завязываться сразу, как только головы походных колонн сближались с противником на расстояние выстрела. Между тем пауза для сбора войск в новейшие времена должна была быть особенно значительной вследствие увеличения глубины походных колонн в несколько раз. Пауза отпала, отпал момент для рекогносцировки и принятия старшим начальником боевого решения, отпала граница во времени между оперативными и тактическими действиями,—они слились в одну неразрывную операцию. Войска стали непосредственно из походных колонн вливаться в бой.

Народилось новое обстоятельство, заставлявшее вместо прежней паузы торопиться со вступлением в бой. Новые условия заключаются в сильно увеличившейся действительности огня и быстроте, с которой войска возводят укрепленные позиции. Если в современных условиях принять двухдневную паузу, которая предшествовала Бородинскому сражению, то надо рассчитывать уж не на условия полевого боя, а на атаку сильно укрепленной позиции. Мы уже видели, как в 1863 г. под Гетисбургом южане проиграли операцию из-за неумения и нежелания вести сражение в духе встречной атаки, как того хотел генерал Ли. Теперь, с одной стороны, дальнобойность оружия и длина походных колонн заставляют головы колонн вступать в бой, не дождавшись подхода хвостов, а с другой стороны, скорострельность оружия, наличие лопат и умение ими пользоваться у противника, заставляют не дарить ему ни одной минуты на организацию фронта, если только мы не застаем уже противника на устроенной позиции.

Управление во встречном бою в значительной мере децентрализуется. Встречный бой нельзя рассматривать, как самостоятельные действия одной колонны; он порожден подходом к линии столкновения с противником по многим путям. Ведут бой старшие начальники в колоннах—командиры корпусов, начальники дивизий и командиры бригад. При недостаточной подготовке частных начальников встречный бой угрожает выродиться на поле сражения в анархию.

В 1866 г. за исключением немногих случаев успех давался пруссакам легко. Слабый огонь австрийцев и их неуклюжие массы поощряли прусскую пехоту продвигаться повсюду, подходить на дистанцию в 600 шагов и меньше и расстреливать густые беспомощные колонны неприятеля. В прусской армии быстро воспиталось понимание тактики, как стихийного броска всех вперед. Воскрес старый лозунг воспитателя прусской пехоты первой половины XVIII века фельдмаршала принца Леопольда Дессау: «Напролом!» В войну 1870 г. стихийное движение по прямой линии на обнаруженного врага, не ожидая распоряжений свыше и не вдумываясь в обстановку, становится законом для командного состава. Инициатива частных начальников, так толкующих тактику, крайне затрудняет управление и вообще какое-либо маневрирование. Редкий начальник вспоминает о желательности добиться или выждать результатов охвата. Артиллерии, превосходящей очень значительно французскую, часто не дают времени подготовить атаку. Прусские командиры помнят, что на дальних дистанциях французское шаспо сильно превосходит прусское игольчатое ружье, и рвутся скорее достичь дистанций, меньших 600 шагов, где шансы, даваемые оружием, сравниваются. При двойном превосходстве сил, при огромном количественном и качественном перевесе германской артиллерии, при пассивности французского командования, мечтавшего только о том, чтобы отсидеться на крепких позициях, и этот тактический хаос позволил немцам одерживать победы. Однако, тактика встречного боя, неосознанная, в диком состоянии, обходилась немцам дорого: за три боевых августовских дня под Мецом германская армия потеряла 40 тыс. убитыми и ранеными против 29 тыс. выбывших из строя французов; и таково соотношение потерь, несмотря на решительное превосходство немецкой артиллерии!

Рассмотрим два тактических эпизода из сражения при Гравелоте, характерных для прусской тактической подготовки к войне; оба наступавших здесь прусских корпуса были первый раз в бою, и опыт войны не ввел еще поправок в усвоенные войсками методы боевой работы. Один из этих прусских корпусов—IX—был в 1870 г. самым слабым; он был образован после кампании 1866 г. за счет территориального прироста северогерманского союза; одна его дивизия была гессенская, другая—укомплектована уроженцами оторванных от Дании в 1864 г. Шлезвига и Гольштейна; другой корпус—гвардейский—отличался наибольшей муштрой, высоким плацпарадным обучением; в воспитании его особенно прочно удерживались феодальные пережитки.

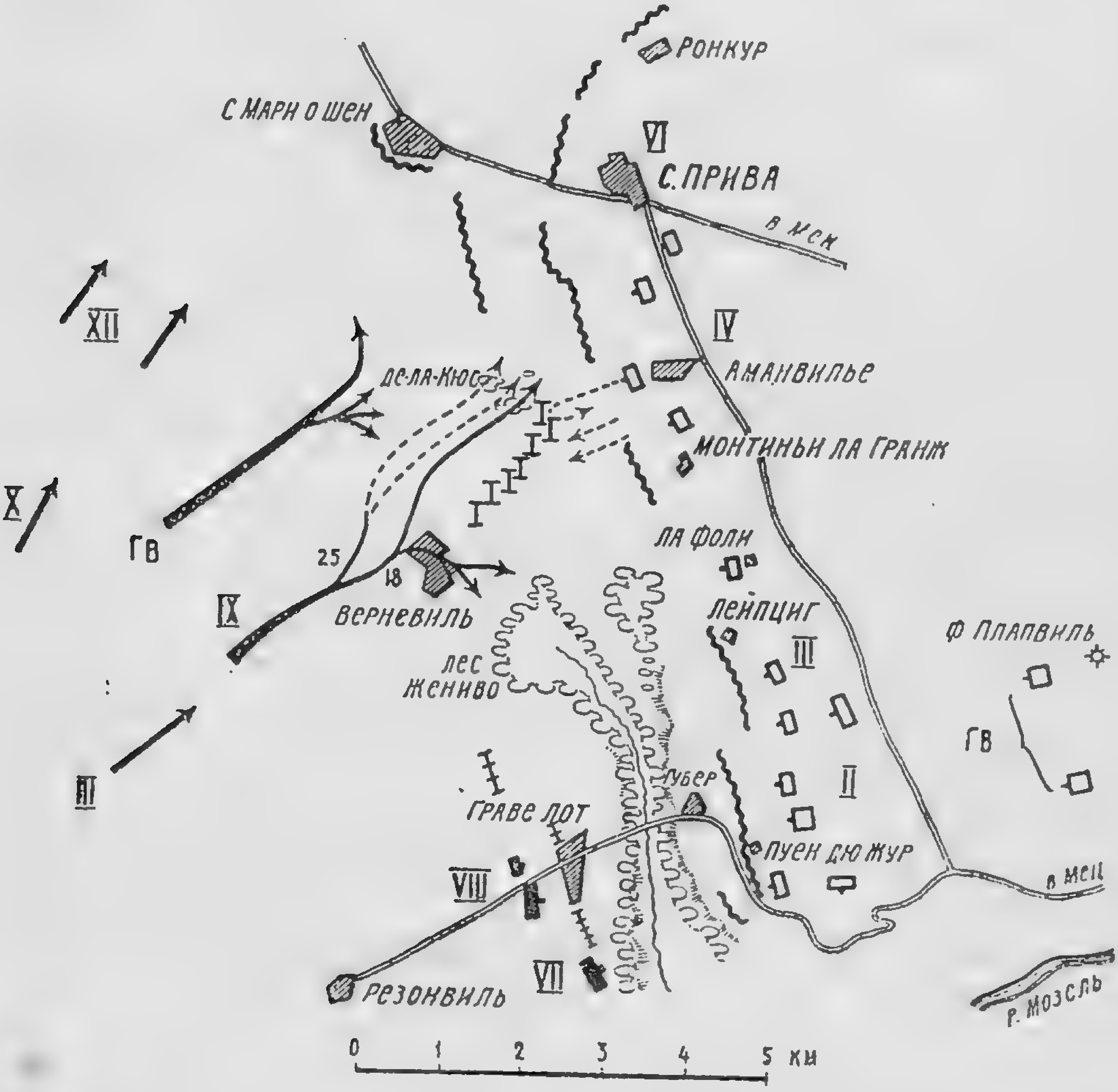
Атака IX корпуса 18 августа 1870 г. Французская армия Базена силой в 150 тыс. занимала позицию с фронтом, перевернутым к Франции, с тылом, обращенным к крепости Мец, протяжением 12 *км*—от высот левого берега р. Мозель до селения Рокур, с передовой позицией у Сен-Мари-о-Шен. 1-я и 2-я германские армии, перешедшие р. Мозель южнее Меца, силой в 230 тыс., имели целью стать на путях отступления французов; к утру немцы стояли фронтом на север под прямым углом к французскому фронту. Немецкое командование было очень плохо осведомлено о французах. Оно предполагало, что может быть большая часть французов попытается ускользнуть вдоль бельгийской границы и тогда их надо будет атаковать в северном направлении. Вероятнее же французы стоят впереди Меца, и их в таком случае надо будет атаковать с охватом их правого фланга с севера. Предстояло разрешить трудную задачу атаки одновременно с поворотом фронта, задачу, на которой еще в 1346 г. под Кресси разбилось французское рыцарство. Прусский генеральный штаб и в 1870 г., как и в 1866 г., еще плохо умел организовать разведку, и в этих условиях развертывание пруссаков 18 августа одновременно с переменой направления оказалось почти непосильной задачей.

Ряд ошибок и недоразумений привел к тому, что немецкое командование полагало, что французская позиция (на 150 тыс. бойцов) тянется только на 5 *км* и оканчивается у Монтиньи-ла-Гранж. 1-я армия (VII и VIII корпуса) должна была развернуться у Гравелота против французского фронта, а 2-я армия, наступая уступами слева, чтобы помешать отходу французов северными путями вдоль бельгийской границы и атаковать французов с охватом их правого фланга. В первой линии двигались IX, гвардейский и XII корпуса. Этим трем корпусам указывалось наступать не в походном, а в резервном порядке, так как принц Фридрих-Карл, командовавший 2-й армией, желал их иметь сосредоточенными для быстрого развертывания в любом направлении и предполагал, что противник будет встречен вскоре [1]. III и X корпуса, понесшие большие потери 16 августа, наступали во второй линии. IX корпусу указывалось «следовать в направлении на Вионвиль и Ля-Фоли. Если там расположен правый фланг неприятеля, то корпус должен завязать вначале бой развертыванием сильной артиллерии». Гвардейский корпус направлялся на Аманвилье, где уже во всяком случае ожидалось, что французский фронт оканчивается и можно завершить охват. Вследствие ошибочного представления о протяжении французского фронта, IX, гвардейский и большая часть XII корпуса, вместо охвата французского фланга, вышли разновременно против французского фронта.

---

[1] Фактически в жизнь это удалось провести только отчасти. Гвардейский корпус в действительности двигался широкой походной колонной, иначе он не успел бы пройти до начала боя 18 *км*. В этом сражении даже приказы по армии отдавались преимущественно устно — лично или через конных ординарцев. Бланков для донесений еще не существовало. Многие начальники разъездов писали донесения на своих визитных карточках, не указывая номера, времени, пункта отправления донесения. Много донесений и распоряжений были без подписи. В отношении штабной службы при наших современных представлениях это сражение рисуется, как резко отрицательный пример; небрежность штабной службы породила ряд крупнейших недоразумений. Количество письменных сообщений было, по современному масштабу, совершенно ничтожно.

Когда голова IX корпуса подошла к Верневилю, командир IX корпуса генерал Манштейн ясно увидел белые палатки французского бивака на высоте у Монтиньи-ля-Гранж. Он решил немедленно и энергично вступить в бой, хотя обстановка, казалось бы, позволяла осмотреться и выждать развертывания следующего левее гвардейского корпуса. 2 батальона авангарда были свернуты из Верневиля


РОНКУР
С МАРН О ШЕН
VI
С. ПРИВА
в Мец
XII
IV
АМАНВИЛЬЕ
де-ля-Кюс
МОНТИНЬИ ЛА ГРАНЖ
X
ГВ
ла фоли
25
18
IX
верневиль
лейпциг
III
ф Плапвиль
лес
женниво
ГВ
III
II
губер
граве лот
пуен дю жур
в Мец
VIII
VII
резонвиль
р. Мозель
0 1 2 3 4 5 км

Черт. 18. Развертывание IX корпуса 18/VIII 1870 г.

против леса Жениво, на опушку которого вылезли французские стрелки. Артиллерия, следовавшая в голове 18-й дивизии, а также корпусная была вызвана из колонны усиленным аллюром, чтобы занять позиции на гребне, идущем от Аманвилье к Верневилю. Развертываясь здесь уступами слева, батареи IX корпуса заняли охватывающую с севера позицию по отношению к Монтиньи-ля-Гранж. Для обеспечения левого фланга артиллерии головной полк главных сил был направлен на лесок де-ля-Кюс.

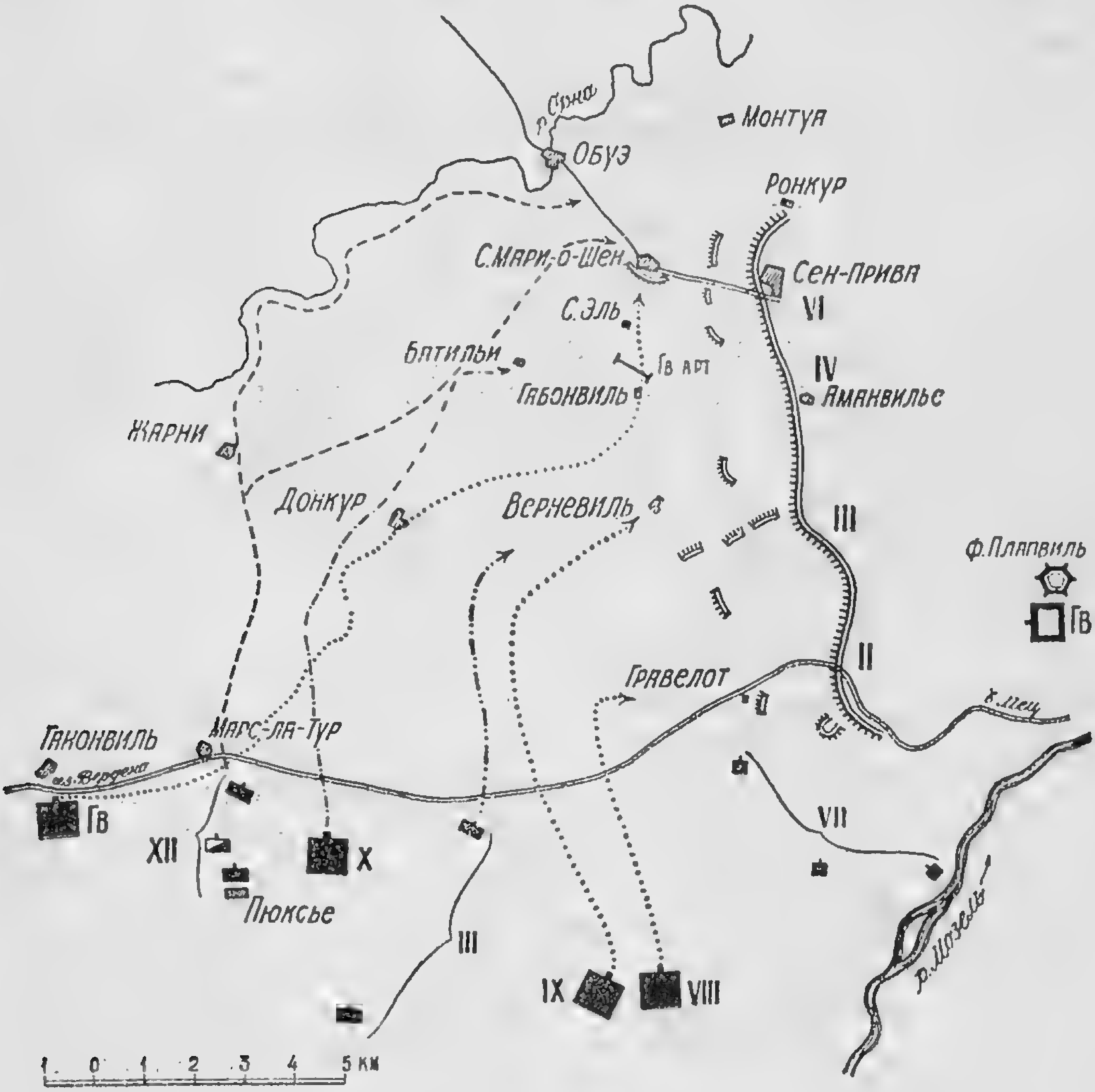
Когда около полудня батареи открыли огонь по Монтиньи, оказалось, что не немцы охватили французов, а далеко тянущаяся к северу позиция французов охватывает и анфилирует левый фланг немцев. Пушечный, пулеметный и ружейный огонь обрушились на немецкие батареи не только с фронта, но с близкой дистанции с левого фланга и даже отчасти с тыла. 4 левофланговые немецкие батареи пытались переменить позицию под прямым углом, фронтом к Аманвилье, но были вынуждены замолчать; часть батарей успела сняться с позиции и отъехать назад, часть была брошена прислугой; французские разведчики, вышедшие вперед, укатили на руках во французское расположение 4 пушки. Спешно бросаемые на север подходящие части из походной колонны—большая часть 18-й дивизии и вся 25-я дивизия—собрались в небольшом леске де-ля-Кюс. Под сильным огнем из окопов перед Аманвилье слабая пехота IX корпуса не могла держаться в поле, и почти два десятка батальонов укрылись в небольшом перелеске, где за каждым деревом пряталось по 6-7 человек.

Генерал Манштейн просил его поддержать. Командующий 2-й армией выделил на помощь ему за счет гвардейского корпуса, вступавшего в решительный бой за С.-Прива, 3-ю гвардейскую бригаду. Около 5 часов вечера генерал Манштейн приказал начать решительную атаку на Аманвилье. 25-я дивизия, разложившаяся под артиллерийским огнем в своем перелеске, обозначила это наступление только одиночными людьми. Но свежая гвардейская бригада бросилась на штурм, почти вовсе не подготовленный артиллерией; штурм был отбит с большими потерями—в гвардейском стрелковом батальоне выбыли все офицеры. Когда наступила темнота, выяснилось, что французы ушли к Мецу вследствие захвата С.-Прива совокупными усилиями гвардейского и XII корпусов.

Печальные действия IX корпуса развились из крайне неудачной, торопливой завязки боя. Вместо того чтобы в вопросе, где фланг противника, верить своим глазам, своим органам разведки, охватывающие части слепо ориентируются по идущим свыше приказаниям, основанным на недоразумениях. Полная бесцельность энергичного начала боя и тяжелых жертв вечернего штурма очевидна. При активном образе действий французов немцы здесь легко могли бы потерять свою артиллерию, и в центре армии сложился бы тяжелый кризис.

Такие же неудачные тактические действия можно отметить в тот же день и у частей 1-й армии Штейнмеца у Гравелота. Здесь немцы переоценили свой успех после открытия артиллерийского огня и начали бой с преследования противника, на самом деле непоколебимо занимавшего укрепленную позицию, бросив в дефилэ шоссейного перехода через Гравелотский овраг кавалерийскую дивизию. Паника и тяжелые недоразумения явились естественным следствием.

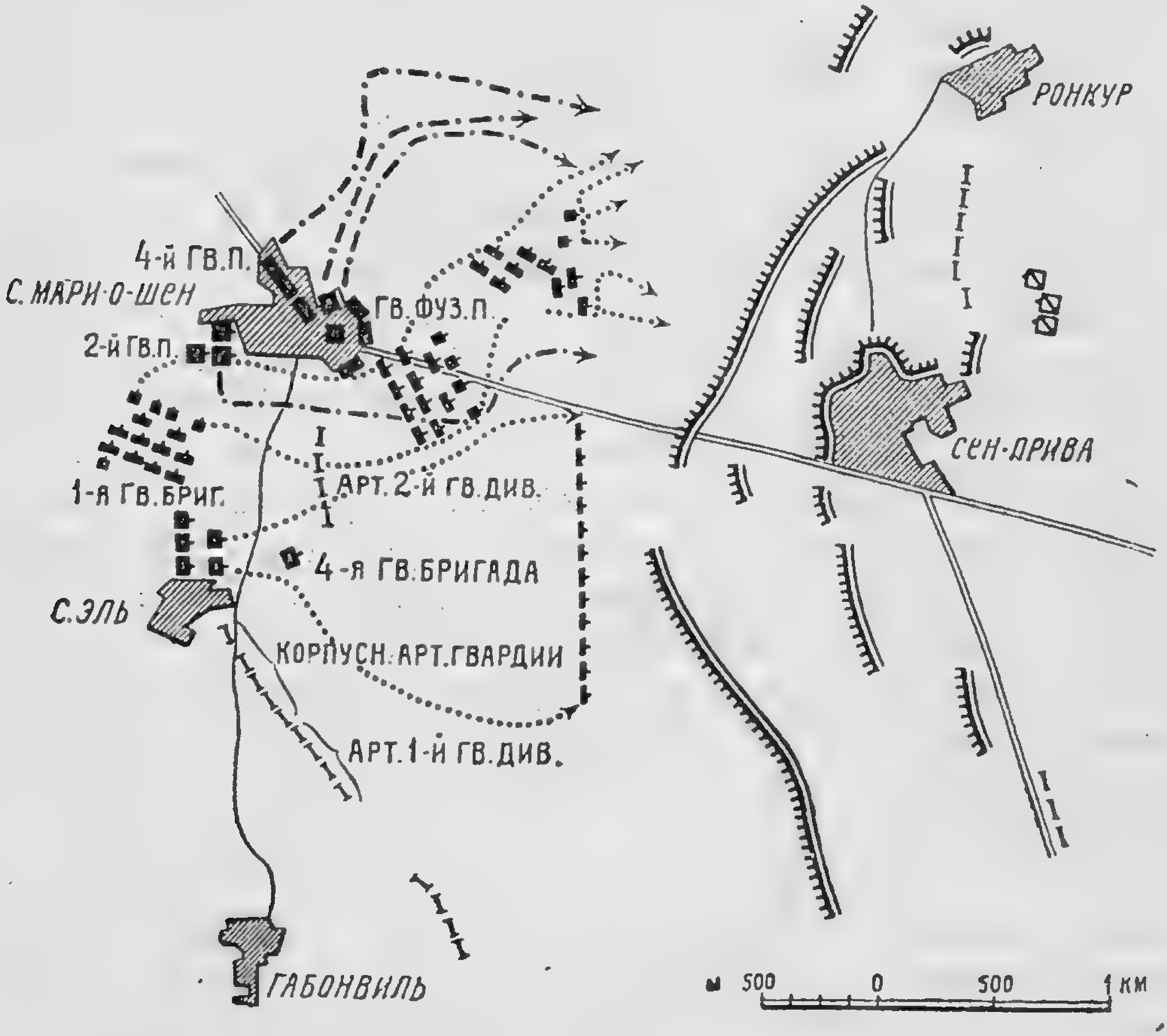
Атака 1-й гвардейской дивизии на С.-Прива. Гвардейский корпус ночевал западнее, у Габонвиля, а XII саксонский корпус—восточнее, у Пюксье; естественно было бы оставить гвардейский корпус и на западном, заходящем фланге, а саксонцев в центре 2-й армии; но в таком случае саксонцы и гессенцы, с которыми пруссаки воевали в 1866 г. и которых принц Фридрих-Карл расценивал, как не совсем надежных, оказались бы рядом и образовывали основу армии. В центре Фридрих-Карл хотел иметь надежный корпус. Поэтому он двинул гвардию на Донкур, а саксонцев на Жарни по перекрещивающимся направлениям. Гвардия получила приказ наступать через Верневиль на Аманвилье для содействия IX корпусу в его охвате. 1-я гвардейская дивизия, двигавшаяся в голове, взяла севернее указанного ей направления, на Габонвиль. Достигнув его, она увидела, что фронт французов тянется к расположенному на высоком холме селению С.-Прива, которое сильно занято. Поэтому командир 1-й гвардейской дивизии генерал Папе решил свернуть на север для охвата фланга французов у С.-Прива. Но на его пути оказалось селение Сен-Мари-о-Шен, занятое 2½ батальонами французов как передовой пункт. Генерал Папе решил овладеть этим селением совместно с саксонцами. Корпусная артиллерия и артиллерия 1-й гвардейской дивизии уже выехали на позицию к северо-востоку от Габонвиля и обстреливали участок от С.-Прива до Аманвилье. Выезд гвардейской артиллерии был так же рискован и стремителен, как и артиллерии IX корпуса, и не прикрыт пехотой. Но один гвардейский батальон успел занять селение Сент-Эль и тем прикрыть артиллерию на наиболее угрожаемом участке. Саксонская артиллерия обстреляла Сен-Мари-о-Шен, после чего 17 гвардейских и саксонских батальонов, развернувшиеся полукругом против Сен-Мари-о-Шен, почти без выстрела бросились на деревню и легко ею овладели, так как французы уже начали очищать этот передовой пункт. В само селение ворвалось свыше 10 батальонов, которые перемешались на тесном пространстве небольшой деревни (500 *м*×500 *м*). Саксонцы начали медленно собираться для продолжения своего обходного движения, а 1-я гвардейская дивизия была задержана и отдыхала около этой деревни втечение полутора часов. Теперь вся гвардейская артиллерия была развернута на фронте от Сен-Мари-о-Шен до Габонвиля; командир гвардейской артиллерии не возвращал командиру 1-й гвардейской дивизии его дивизионную артиллерию, несмотря на настояния последнего. 2-я гвардейская дивизия, выделив одну бригаду на поддержку IX корпуса, ввязалась другой бригадой в семнадцатом часу дня в атаку высот, которые тянутся от С.-Прива к Аманвилье. Северо-западнее Сен-Мари-о-Шен развертывались саксонские батареи. Генерал Папе полагал, что его дивизию двинут на северо-восток, на Монтуа, для совместного с саксонцами охвата


р. Орна
Монтуя
Обуэ
Ронкур
С.Мари-о-Шен
Сен-Привя
VI
С.Эль
Бятильи
Гв арт
IV
Габонвиль
Аманвильс
Жарни
Донкур
Верневиль
III
Ф.Пляпвиль
Гв
Гравелот
II
р. Мец
Таконвиль
Марс-ля-Тур
ш.з. Вердена
Гв
XII
X
VII
Пюксье
III
IX
VIII
р. Мозель
1 0 1 2 3 4 5 км

Чер. 19. Подход гвардии 18/VIII 1870 г. к полю сражения.

французов; он видел, что охватывающее движение саксонцев развивается очень медленно, что гвардейская артиллерия обстреливает французские батареи и стрелков, но селение С.-Прива, куда прибывали все новые французские батальоны, остается вовсе не обстрелянным.

Командир гвардейского корпуса, весьма ограниченный принц Август Вюртембергский, и его слабый начальник штаба генерал Даненберг, наблюдая французские позиции,


РОНКУР
4-й ГВ.П.
С. МАРИ-О-ШЕН
ГВ.ФУЗ.П.
2-й ГВ.П.
СЕН-ПРИВА
1-я ГВ.БРИГ.
АРТ. 2-й ГВ.ДИВ.
4-я ГВ.БРИГАДА
С.ЭЛЬ
КОРПУСН. АРТ.ГВАРДИИ
АРТ.1-й ГВ.ДИВ.
ГАБОНВИЛЬ
м 500 0 500 1 км

Черт. 20. Атака 1-й гвард. дивизии на С. Прива.

пришли к заключению, что французы начинают очищать свою главную позицию. В действительности многие французские батареи, не выдержавшие огня прусской артиллерии, снимались с позиции и отъезжали назад, а французские стрелки очищали некоторые передовые окопы и концентрировались на главной позиции. Но в общем 6-й французский корпус маршала Канробера, занимавший этот участок позиции, стоял еще твердо. В большом селении С.-Прива (площадью 1 000 $м \times 500$ $м$), с большими каменными многоэтажными домами и массой крепких каменных заборов, находилось до 14 батальонов. Такое нагромождение войск, конечно, являлось тоже ошибочным. Саксонцы обещали Августу Вюртембергскому начать в 17 часов атаку против С.-Прива с севера; правда, имелись данные, что их движение происходит с запозданием на полтора часа; тем не менее, когда саксонская артиллерия с дороги Сен-Мари-о-Шен—Обуэ открыла огонь, Август Вюртембергский решил, что охватывающая атака саксонцев начинается, и что их артиллерия уже подготавливает штурм С.-Прива; в действительности она обстреливала французские цепи к западу от Ронкура. Боясь, что саксонцы захватят на фронте стоящей на месте гвардии С.-Прива, что явилось бы скандалом, и так как уже вечерело, командир гвардейского корпуса приказал 1-й гвардейской дивизии наступать севернее шоссе, ведущего от Сен-Мари-о-Шен к С.-Прива.

Перед самым моментом отдачи приказа 1-й гвардейской дивизии к принцу Августу Вюртембергскому явился командир корпусной артиллерии шедшего во второй линии X корпуса и предложил выставить для обстрела С.-Прива 10 находившихся по близости (у Батильи) батарей X корпуса, на что требовалось только 20 минут. Август Вюртембергский отказал; с атакой нужно торопиться и нет больше времени усилять артиллерию и выжидать результатов ее огня... Поведение командира гвардейского корпуса является яркой иллюстрацией мысли Клаузевица, что на войне впечатления чувств оказываются сильнее выводов холодного расчета. Тщетно ген. Папе пытался доказать, что французы и не думают уходить, что саксонцы еще далеко, что С.-Прива совершенно еще не обстреляно,—бригада 2-й гвардейской дивизии уже наступала южнее шоссе, и 1-й гвардейской дивизии надлежало поддержать соседей. Генерал Даненберг, начальник штаба корпуса, всем встречным начальникам гвардейской пехоты указывал направление на самые высокие дома С.-Прива. В ту эпоху в теории тактики господствовало понятие тактических ключей, т. е. таких точек на позиции противника, которые представляют решительный тактический пункт, и со взятием которых оборона остальных участков неизбежно должна пасть. В России эта теория держалась до начала XX века. Таким тактическим ключом рисовалось и селение С.-Прива со своими многоэтажными постройками на холме и великолепным обстрелом. Но ведь французы, находившиеся против гвардии, занимали не только С.-Прива, но весь участок от Ронкура и до Аманвилье, протяжением около 4 *км.* Никакой попытки поделить участки между атакующими войсками не было сделано, за исключением установления разграничительной линии—шоссе—между 1-й дивизией и 4-й бригадой 2-й дивизии.

Генерал Папе утром 18 августа встретил командира III армейского корпуса генерала фон Альвенслебена, который вел 16 августа упорный бой под Марс-ла-Туром; III корпусу удалось преградить путь отступления французам ценой жестоких потерь. Альвенслебен предупредил генерала Папе, что «мы не дооцениваем огонь французских шаспо и пулеметов. Невозможно наступать так, как мы разучивали тактику на наших учебных плацах; надо больше маневрировать, необходимо разыскивать и использовать малейшие закрытия на местности; надо предоставлять артиллерии время долго и упорно поработать. К угрозе своему флангу французы очень чувствительны». Однако ударный успех под Сен-Мари-о-Шен заставил Папе забыть это предостережение.

1-я гвардейская дивизия была расположена таким образом: 2-я бригада (2-й, 4-й пехотные полки и фузилерный полк), принимавшая участие в атаке Сен-Мари-о-Шен, группировалась: 2-й полк—на западной опушке деревни; 4-й полк—на северной опушке деревни; фузилерный полк и гвардейский егерский батальон занимали позицию на обращенной к востоку опушке; 1-я бригада находилась в резервном порядке к юго-западу от деревни, фронтом на северо-восток; ее полки стояли рядом, имея впереди по одному батальону в строю поротно и за ним два батальона в полубатальонных колоннах. Части были разведены на самые скромные интервалы и дистанции. Полубатальонная колонна из середины еще рассматривалась как основной боевой строй. Положение огневой тактики, что основой ведения боя должен быть не сомкнутый, а рассыпной строй, не было еще усвоено прусской гвардией. Так как ружейные пули французов долетали до расположения бригады, то во избежание лишних потерь солдаты в резервном порядке лежали на земле. Генерал Папе решил двинуть в первую очередь 1-ю бригаду, еще не вступавшую в бой, а 2-ю бригаду вести затем вслед, уступом слева. Фузилерный полк и егерский батальон—всего 4 батальона—он оставил в Сен-Мари-о-Шен для прочного занятия исходного положения; это была соломка, подостланная на случай неудачи.

Так как селение Сен-Мари-о-Шен с узкими улицами было забито войсками, то 1-й бригаде при своем развертывании предстояло его обойти. Генерал Кессель, командир бригады, решил вопрос так, как его решали на тактических учениях: в 5 час. 45 мин., он двинул резервный порядок бригады левым плечом вперед на восток, чтобы обойти Сен-Мари-о-Шен с юга; головные роты выслали короткую стрелковую цепь (всего 4 взвода на всю бригаду), так как резервный порядок был очень скучен, а до захождения плечем нельзя было раздвинуть интервалы, чтобы не затруднить еще больше захождение; стрелки, несмотря на беглый шаг, не могли оторваться достаточно вперед; генерал Кессель трижды отдавал приказание направляющей 12-й роте 3-го полка «меньше шаг», но пули противника летели целыми роями, все прибавляли шаг и теснились массой, не находившейся уже в образцовом порядке, непосредственно за стрелками. Пройдя селение, генерал Кессель скомандовал направляющей роте изменить направление в полоборота налево, чтобы перейти к северу от шоссе, в пределы своего участка; другие части резервного порядка бегом выравняли резервный порядок в новом направлении; переход шоссе, обсаженного деревьями и имеющего глубокие канавы, затруднялся облическим движением; фактически движение в полоборота налево при переходе через шоссе обратилось в движение налево, перпендикулярно к шоссе, с фактическим направлением на Ронкур. Это маневрирование резервного порядка бригады представляло бы и в мирных условиях кунстштюк, высокое достижение плацпарадного искусства; а теперь его приходилось выполнять под жестоким огнем. Бригада переходила шоссе флангом к противнику, в густых сомкнутых строях, на удалении от его передовых цепей в 850 *м*, а от С.-Прива—1 650 *м*. Потери были велики; вдоль шоссе особенно свирепствовал огонь французов. Французские батареи стали возвращаться на позиции; но главные потери наносил беглый ружейный огонь, чрезвычайно действительный и на дальние дистанции по массивным целям. Правый фланг бригады переходил через шоссе бегом. Чтобы восстановить порядок и повернуть движение на С.-Прива, генерал Кессель остановил голову резервного порядка, как только она достигла ближайшей лощины, фактически почти не представлявшей укрытия; однако, следовавшие позади части резервного порядка стремились вперед, чтобы также воспользоваться этим обманчивым закрытием; остановка только увеличила столпление и беспорядок. Бригада уже проскочила на 400 *м* севернее шоссе. Генералу Кесселю удалось повернуть два головных батальона обоих полков на С.-Прива; остальная масса, уклоняясь от огня С.-Прива, продолжала устремляться к Ронкуру; осуждать это уклонение трудно, так как, организуя атаку, нельзя оставлять рядом с атакующими частями никем незанятый участок неприятельского фронта—он сможет своим огнем привлечь к себе внимание. 1-я бригада раскололась на две части. Началось движение перебежками. Перебежки совершали как цепи, так и некоторые поредевшие колонны, еще не развалившиеся; после перебежек солдаты и в колоннах бросались ничком на землю. Барабаны били, горнисты трубили, уцелевшие офицеры, начиная от ротного командира и выше, оставшиеся верхом, кричали: «вперед! вперед!»

При поддержке саксонской артиллерии удалось продвинуться на стрелковую позицию в 500 *м* от цепей французов и открыть огонь. Через 5 минут вслед за 1-й бригадой выступил 2-й полк. Назначение его было наступать уступом за левым флангом бригады. Конечно, проще всего было бы двинуть 2-й полк, стоявший к западу от Сен-Мари-о-Шен, в обход селениям с севера; но он двинулся южнее, чтобы и на пути не отрываться от 1-й бригады и представлять с ней общее строевое целое. 2-му полку пришлось проходить шоссе еще в более трудных условиях, чем 1-й бригаде. Генерал Папе, выехавший на шоссе, изменил назначение 2-го полка и приказал ему развернуться сейчас же после перехода шоссе, чтобы заполнить интервал между шоссе и 1-й бригадой.

К моменту открытия огня прусские батальоны насчитывали только треть того состава, который был двинут в наступление; часть была убита и ранена, часть отбилась от своих батальонов. Несмотря на это позади цепей офицеры энергично вновь формировали разбредавшиеся колонны, вели эти сомкнутые колонны к цепи и подталкивали ее вперед, усиляли ее огонь, сгущали цепь. С удаления в 500 *м* от французов удалось перейти на удаление в 300 и даже 200 *м*. Французская пехота, энергично обстреливаемая саксонской артиллерией, быстро начала сдавать, когда к артиллерийскому огню против нее присоединился и выдержанный пехотный огонь с небольших дистанций. Начало обрисовываться охватывающее Ронкур наступление саксонской пехоты. У французов боевые припасы были на исходе; во многих местах местность допускала ведение ими ярусного огня, и вторая линия французов частично также успела расстрелять свои патроны по благодарной цели—прусской гвардии. Батареи выпускали последние снаряды и отъезжали в тыл. Французы были далеки от того обильного снабжения стрелков патронами, которого достигли 7 лет спустя турки под Плевной. Передовые цепи французов стали отходить. Так как Базен не присылал Канроберу на помощь французский гвардейский корпус, то Канробер в 18 час. 30 мин. вечера решил ускользнуть от саксонского охвата и отойти к Мецу. Французская позиция сжималась до сильного арьергарда в ближайших окрестностях С.-Прива.

Таким путем, почти на плечах уходящих французов, остатки 1-й бригады прусской гвардии ворвались в оставленную французами стрелковую позицию [1]. Но французский огонь из окрестностей С.-Прива продолжался. На гребне между С.-Прива и Ронкуром появилось два французских эскадрона, намечавших прикрыть атакой отход своей пехоты; встреченные огнем, они повернули и исчезли. Но появление их глубоко взволновало прусскую гвардию: послышались крики «кавалерия»; цепи начали свертываться в кучки, один батальон перестроился в каре,—как было разучено на учебном плацу. Конечно, образованные сомкнутые построения сильно страдали под огнем французов, и уцелевшие офицеры с трудом рассыпали в цепь и успокоили прусских гвардейцев. Часть прусской пехоты попятилась назад. Уже в начале 19 часа генерал Кессель приказал своей бригаде остановиться, считая свои силы, ослабленные огромными потерями, недостаточными для штурма С.-Прива, и просил о поддержке.

В 18 час. 30 мин. 4-й полк получил приказание двинуться на поддержку. Сам командир корпуса заботился теперь, чтобы полк не проходил южнее Сен-Мари-о-Шен и не пересекал боком к противнику шоссе. Полк двинулся глубокой лощиной к северу от Сен-Мари-о-Шен, вышел за промежуток между двумя расколовшимися частями 1-й бригады и спокойно начал развертываться на восток. Артиллерия французов уже исчезла; полк, чтобы избежать лишних потерь, несмотря на то, что и ружейный огонь французов слабел, заблаговременно начал рассыпать целые роты в цепь. Полк осторожно влился на фронт 1-й бригады и начал наступать дальше, но около 19 час. пришло приказание командира гвардейского корпуса остановиться и выжидать подхода саксонцев. С разных сторон—и от командира 1-й гвардейской дивизии—летели теперь в боевую часть советы не торопиться, быть осторожным. Но как раз сейчас условия для энергичного развития атаки слагались благоприятно. 4-я гвардейская бригада (2-й дивизии), наступавшая южнее шоссе, овладела гребнем высот и располагалась против С.-Прива. Гвардейская артиллерия южнее шоссе переехала вперед; 11 гвардейских батарей, по требованию генерала Папе, громили С.-Прива с удаления в 800—1 000 *м*; их огонь направлялся с позиций южнее шоссе на южную часть С.-Прива; гвардейская артиллерия начала усиляться батареями X корпуса, втискивавшимися во все малейшие промежутки. Сзади начали надвигаться пехотные дивизии X корпуса. Слева 14 саксонских батарей с более дальних дистанций обрушили свой огонь на С.-Прива. Ординарец генерала Папе, ездивший с просьбой о содействии артиллерийским огнем к саксонцам, попал на их левый фланг, к северу от Ронкура, и свернул заодно половину боевой части саксонцев с крайнего заходящего крыла, не смежного с гвардией, на помощь гвардейцам у С.-Прива.

---

[1] За отсутствием носимого шанцевого инструмента французские окопы были только намечены; закрытия на них образовывались преимущественно ранцами, ящиками из-под патронов и сухарными мешками, наполненными землей.

Около 19 час. 30 мин. обстановка для штурма назрела. Южная часть С.-Прива была почти брошена своими защитниками. Штурм начался по инициативе стрелков в цепи 4-й гвардейской бригады, к которым присоединился и 2-й гвардейский полк севернее шоссе. С юга и запада врывались в селение гвардейцы, овладевали почти без сопротивления домами южной части; часть их проскакивала через все селение и устраивалась в домах на восточной опушке селения, что показывает хорошее тактическое самообладание. Французы удерживали дома на центральной площади с костелом и северную часть, где имелись два крепких кладбища и несколько массивных построек с садами, огороженными крепкими каменными заборами. Здесь штурм продолжался около часа; первая попытка 4-го гвардейского полка и остатков 1-й гвардейской бригады была отбита; хлынувшие назад гвардейцы наткнулись на 5 саксонских батальонов в колоннах, которым не было места, где развернуться; развивать фронт к востоку было нельзя, так как с востока стрелял французский уступ вне селения. Саксонские батальоны бросились, как были, в густых колоннах, на штурм, были отбиты, отскочили назад за гвардию. Все перемешалось; дым от выстрелов и разрывов снарядов и поднятая ими пыль мешали совершенно ориентироваться; у немцев создалось несколько цепей, которые стреляли друг другу в затылок, и 14 саксонских батарей били в кучу штурмующих и защитников С.-Прива. Все время уцелевшие начальники заставляли горнистов играть сигнал «прекратить огонь». Кое-как удалось унять пехоту, но артиллерия свирепствовала в потемках почти час.Тем временем отдельные бойцы накапливались у самых стен, через бойницы коих стреляли французы; пользуясь дырами, проделанными снарядами, или расширенными вручную щелями в заборах, немцы начали стрелять через те же стены; 25 французов, геройски защищавших кладбище, были таким образом застрелены; постепенно немцы начали и с севера просачиваться в С.-Прива. Около 20 час. 30 мин. окраины селения и центральная площадь были взяты; отдельные дома еще защищались—выстрелы слышались почти до утра.

В горевшем селении столпилось свыше 22 перемешавшихся самым причудливым образом батальонов; разобраться было трудно. Генерал Папе приказал гвардейскому фузильерному полку (пятый полк 1-й гвардейской дивизии), не участвовавшему в штурме, занять восточную окраину С.-Прива, прочим частям—выходить из С.-Прива к югу на шоссе и здесь разбираться по полкам. Но сюда как раз нахлынул X корпус; около С.-Прива выезжали на позицию несколько десятков батарей гвардейского, саксонского и X корпусов и посылали свои снаряды в темноту на юго-восток, куда отошли французы; вся ночь прошла, прежде чем удалось восстановить полностью порядок.

1-я гвардейская дивизия на 12 введенных ею в бой под С.-Прива батальонов потеряла 150 офицеров, в том числе 61 убитыми, и 3 717 солдат, в том числе 1 115 убитыми. Эти потери в наше время массового накачивания пополнений на фронт не кажутся чрезвычайными, но в свое время они сосредоточили на себе общее внимание; гвардейские полки остались почти без офицеров. Принимая во внимание сравнительную скоротечность боя и узкий фронт, на котором он разыгрывался, мы должны признать, что эти потери должны были произвести на войска сильнейшее моральное впечатление. Несмотря на конечный успех атаки, было очевидно, что ведение боя не стояло на уровне требований современности. Прусский король после этого боя подписал продиктованный Мольтке приказ, в котором значилось: «Я отношусь с полным признанием к храбрым атакам пехоты, для которой до сих пор ни одна задача не казалась слишком трудной, но ожидаю от разума офицеров, что им удастся в будущем достигать таких же успехов с меньшими жертвами посредством искусного использования местности, основательной подготовки наступления и применения соответствующих строев».

Вильгельм I крепко держался за свое детище—составленный под его редакцией устав 1847 г. и за предписанные им сомкнутые строи в боевом порядке; отменить этот устав удалось лишь через 18 лет, после смерти составителя. Однако атака на С.-Прива явилась решающей для дальнейшего воспитания немецкой пехоты: не прусская гвардия была расстреляна и пала костьми под С.-Прива, а уставные требования, попытка воспроизводить на поле сражения картинки с учебных плацов, маневрирование хотя бы под дальним ружейным огнем в сомкнутых строях, представление о наступлении пехоты, как о непрерывном ударном движении Под С.-Прива родилось представление о борьбе за огневой перевес и изменилась оценка вынужденных при атаке остановок пехоты: это явление не только перестало быть нежелательным, но само наступление пехоты стало расцениваться как перенос огня на все более и более решительные дистанции; пехота при наступлении работает производительно на остановках со стрелковых позиций, а движение ее является только способом повысить эту производительность, а не наоборот. Через два месяца, в бою у ле-Бурже (при осаде Парижа 30 октября), бригада прусской гвардии наступала, уже не подставляя совершенно неприятельскому огню сомкнутых порядков: за цепями двигались только разреженные, разомкнутые строи.

В русской армии, к сожалению, этот опыт пруссаков не был ни понят, ни усвоен. Скобелев, когда ему после русско-турецкой войны на месте, под С.-Прива, Верди дю Вернуа объяснял все перипетии наступления прусской гвардии, сравнивал его со своей атакой на плевненские редуты и вместо того, чтобы осудить оба удивительные образца ударной тактики, заплакал над тем, что усилия прусской гвардии увенчались конечным овладением С.-Прива, а ему пришлось очистить захваченные люнеты и тем свести к нулю усилия своих войск, уже нависших над жизненным центром турецкого положения. Нашлись глубокопочтенные военные специалисты, которые позавидовали пруссакам под С.-Прива.

Впрочем, и в Пруссии имелась обширная группа, отстаивавшая старые ударные взгляды и тактическую муштру (Шерф). В частности превосходство прусской артиллерии толкало мышление тактиков к игнорированию огня пехоты и к ограничению огневой подготовки артиллерийским огнем. Мудрствующий тактик ежеминутно готов обратить ружье пехотинца в ручку для штыка.

Прусской гвардии пришлось разрешать труднейшую задачу тактики—атаки по совершенно открытой местности. Она подошла к ней, как к тактическому бригадному учению. Отметим некоторые ошибки с нашей современной точки зрения: выделение в тылу части войск для занятия позиции, на которой можно было бы принять откатывающиеся при неудаче войска; назначение единственного пункта группы высоких домов С.-Прива, как цели для атаки всей дивизии; следовало расчленить участки атаки между полками и батальонами; направление 1-й бригады с самого начала на «штурм» С.-Прива, когда ей предстояло еще преодолеть многое—развернуться, занять стрелковую позицию, добиться перевеса в ружейном огне, овладеть передовыми позициями, оттеснить французов и затем только думать о штурме С.-Прива; в бою под дальним огнем прусские полки двигались в косом направлении к позиции французов; даже на близких дистанциях неоднократно прусские роты пытались совершать косые движения для занятия охватывающего положения, что, однако, не удавалось. На учебном плацу действия старших начальников гвардии были бы найдены образцовыми, но под огнем они никуда не годились.

Но если тактическая муштра гвардии оказалась никуда не годной, то надо высоко ценить значение вымуштрованности и дисциплинированности каждого солдата в отдельности; только дисциплина гвардии позволяла ей перебороть создавшиеся трудности, обойтись без паники, вступить в стрелковый бой и выйти в конечном счете победителем, хотя изрядно потрепанным.

В оперативном отношении атака С.-Прива являлась преждевременной; отход Канробера к крепости Мец был бы достигнут к вечеру 18 августа без всяких жертв, одним обходным движением саксонцев. Если бы французы предполагали упорно держаться, то атака на С.-Прива могла бы причинить немцам огромный вред: действительно, она заставила широкий обход саксонцев сузить до Ронкура, привлекла саксонцев к С.-Прива—на французский фронт вместо французского фланга и тыла. Находясь в маневренных условиях вблизи от неприятеля, нелегко, однако, проявлять необходимую выдержку и не ввязаться в решительный бой впредь до того момента, когда назревший охват или назревшие действия артиллерийского огня облегчат наступление. Неудачная атака—это почти всегда атака не во-время. Ошибочная оценка действительности своего артиллерийского огня сбила с толка не одного слабого Августа Вюртембергского.

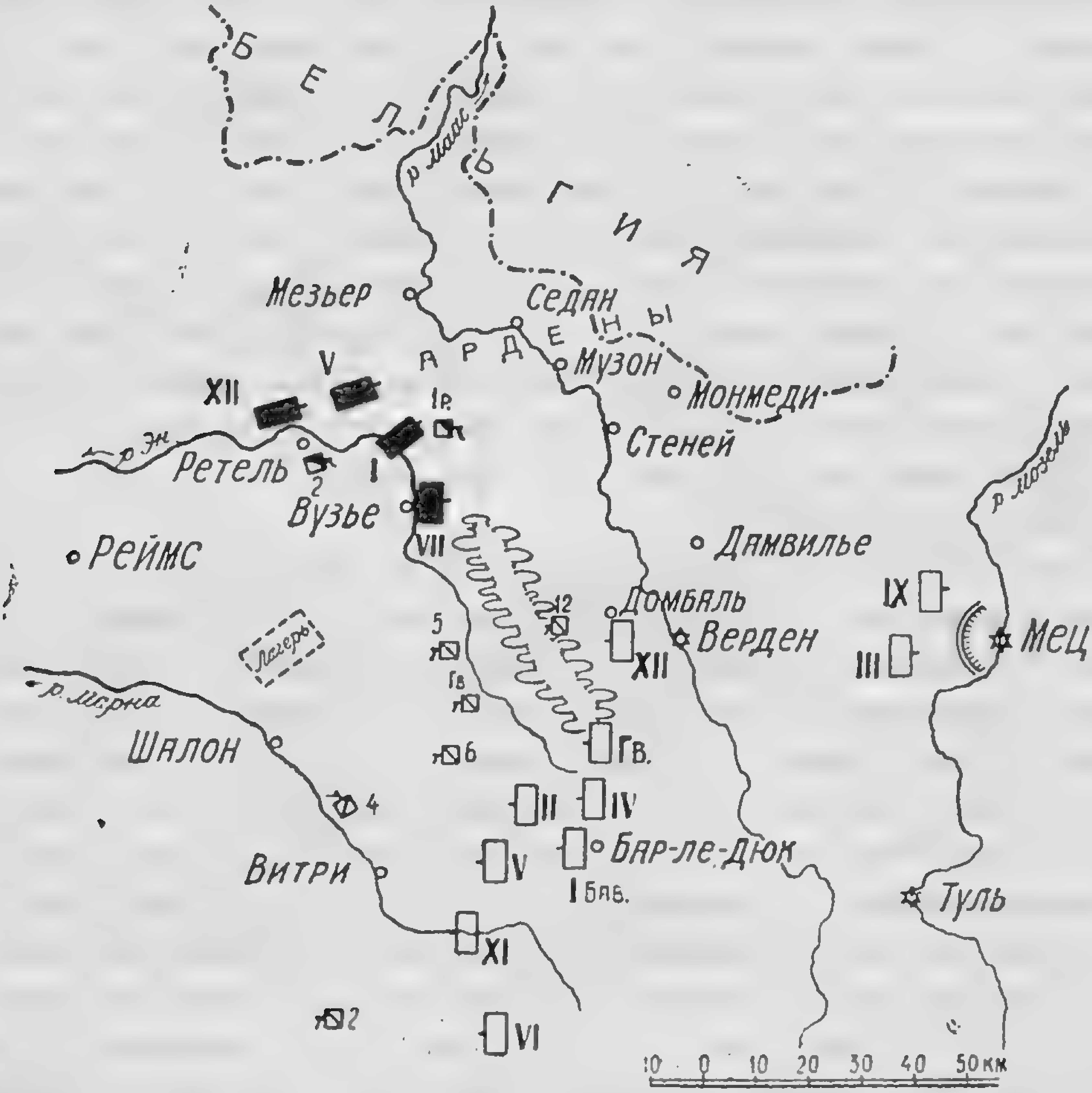
Седанская операция. 4 августа, на 20-й день мобилизации, немцы перешли границу Эльзаса и под Вейсенбургом нанесли поражение передовой дивизии Мак-Магона. 6 августа под Вертом поражение понесла группа Мак-Магона, не успевшая стянуться к полю сражения (корпуса Мак-Магона, Фальи, Дуэ); она форсированными маршами и используя железные дороги отступила к Шалонскому лагерю. В день сражения под Вертом немцы перешли и лотарингский участок границы и под Шпихером отбросили назад корпус Фроссара. Наиболее разумно для французов было бы отступать к Парижу, что дало бы выигрыш в три недели на формирование новых частей, позволило бы пополнить до штатного состава все части, заставило бы немцев ослабить силы выделением заслонов против крепостей и позволило бы в начале сентября вступить вновь в борьбу близ Парижа в выгодных условиях. Так в 1914 г. французы, начав отступление после пограничного сражения и очистив северную часть Франции, смогли через две недели вступить в выгодных условиях в операцию на Марне; но это было возможно лишь благодаря значительной прочности государственного устройства буржуазной республики. В 1870 г. отступательный маневр французских армий немедленно вызвал бы революцию в Париже и падение Второй империи; политика не смела признаться широким массам французов в несоответствии между силами французских и немецких войск, и должна была затягивать возможно дольше борьбу в пограничной области. Наполеон III передал командование 5 корпусами мецской группы французов маршалу Базену и уехал в Шалон. Базен предполагал медленно отойти через Мец к Вердену. Мольтке, располагая против 170 тыс. Базена двойным превосходством сил, решил обойти сильную крепость Мец с юга во исполнение основной идеи операции—отбрасывать французов к бельгийской границе. 1-я и 2-я германские армии в сражениях 14, 16 и 18 августа отбросили к фортам Меца армию Базена и окружили ее. Для блокады 130 тыс. Базена в Меце Мольтке оставил принца Фридриха-Карла с 200 тыс., представлявшими основную массу 1-й и 2-й германских армий, без трех корпусов (XII, гвардейского, IV) и 4 кавдивизий, которые были выделены в «Маасскую армию» под командой кронпринца саксонского [1]; эта армия вместе с 3-й армией, состоявшей из 5½ корпусов (V, VI, XI, I баварского, II баварского, вюртембергская див.) и 2 кавдивизий, продолжала наступать на Париж. Первоначальным объектом являлась формируемая Мак-Магоном в Шалонском лагере армия. В соответствии с общей идеей отжимания французов на север, к бельгийской границе, Мольтке направлял правое крыло на Шалон, а левое значительно южнее, выдвигая последнее уступом вперед. Желательный тактический охват подготовлялся уже организацией марша. К вечеру 25 августа фронт наступающих немецких корпусов протягивался от Домбаля до Витри (63 *км*).

Против наступающей массы в 8½ корпусов и 6 кав. дивизий Мак-Магон располагал 4 корпусами (I, V, VII, XII), и 2 резервными кавдивизиями, причем 3 из числа этих корпусов уже находились под гнетом поражения у Верта. В конце августа силы Мак-Магона могли увеличиться еще на один (XIII) корпус, оканчивавший формирование. Это неблагоприятное отношение сил вынудило Мак-Магона отойти 21 августа к Реймсу; 23 августа он полагал продолжать отход к Парижу, чтобы затруднить немцам операции под этой крепостью-великаном. Правительство Второй империи, имевшее чрезвычайно малую политическую устойчивость, видело в появлении неприятеля перед столицей как бы признание своей военной импотентности и опасалось революционного движения. Поэтому оно настаивало на выдвижении армии Мак-Магона в восточном направлении. Ему удалось побороть сопротивление Мак-Магона при помощи телеграмы Базена от 19 августа, доставленной окольными путями, в которой последний сообщал, что он не теряет надежды пробиться в северном направлении на Монмеди и оттуда или на Шалон, или в Мезьер. Чтобы подать Базену руку помощи, Мак-Магон согласился 23 августа двинуться не на Париж, а в обратном направлении, к р. Маас. 25 августа Шалонская армия достигла р. Эн, между Ретелем и Вузье.

---

[1] Мольтке ценил кронпринца саксонского и выдвинул его на пост командующего армией, как наиболее «послушного генерала». Послушание являлось особенно ценной добродетелью при том необузданном порыве к проявлению частной инициативы, которым отличалось германское командование в 1870 г.

26 августа правое крыло Мак-Магона (VII корпус) оказалось в соприкосновении с немецкой кавалерией. VII корпус расположился на позиции и ожидал немецкой атаки. Мак-Магон подтянул к нему главные силы. Каждый шаг к востоку делал положение Шалонской армии более угрожаемым, поэтому Мак-Магону было выгодно возможно ускорить момент столкновения с немцами, отбыть требуемый политикой номер, сделав попытку выручить Базена, и скорее отойти назад. Но так как немцы и 27 августа не атаковали, то Мак-Магон решил и без боя начать отход к Парижу. Когда войска уже начали отступательный марш, военный министр, граф Паликао, осведомившись об этом, телеграфировал Мак-Магону: «Если вы бросите Базена на произвол судьбы, то в Париже немедленно разразится революция... Настоятельно требуется ваше скорейшее соединение с Базеном». Совет министров присовокупил категорический приказ—спешить на помощь Базену. Мак-Магон подчинился безответственным стратегам; 28 августа дви-


Б Е Л Ь Г И Я
р. Маас
Мезьер
Седан
А Р Д Е Н Н Ы
Музон
Монмеди
Стеней
XII
V
1р.
р. Эн
Ретель
2
I
Вузье
VII
Реймс
Лагерь
р. Марна
Шалон
Дамвилье
р. Мозель
IX
III
Мец
12
Домбаль
Верден
XII
5
Гв
6
Гв.
4
III
IV
Бар-ле-Дюк
Витри
V
I Бав.
XI
Туль
2
VI
10 0 10 20 30 40 50 км

Черт. 21. Седанская операция. Положение в ночь на 26/VIII 1870 г.

гавшиеся на запад колонны были повернуты кругом, на восток, и Шалонская армия, очертя голову, двинулась к переправам на Маасе у Музона и Стенэя.

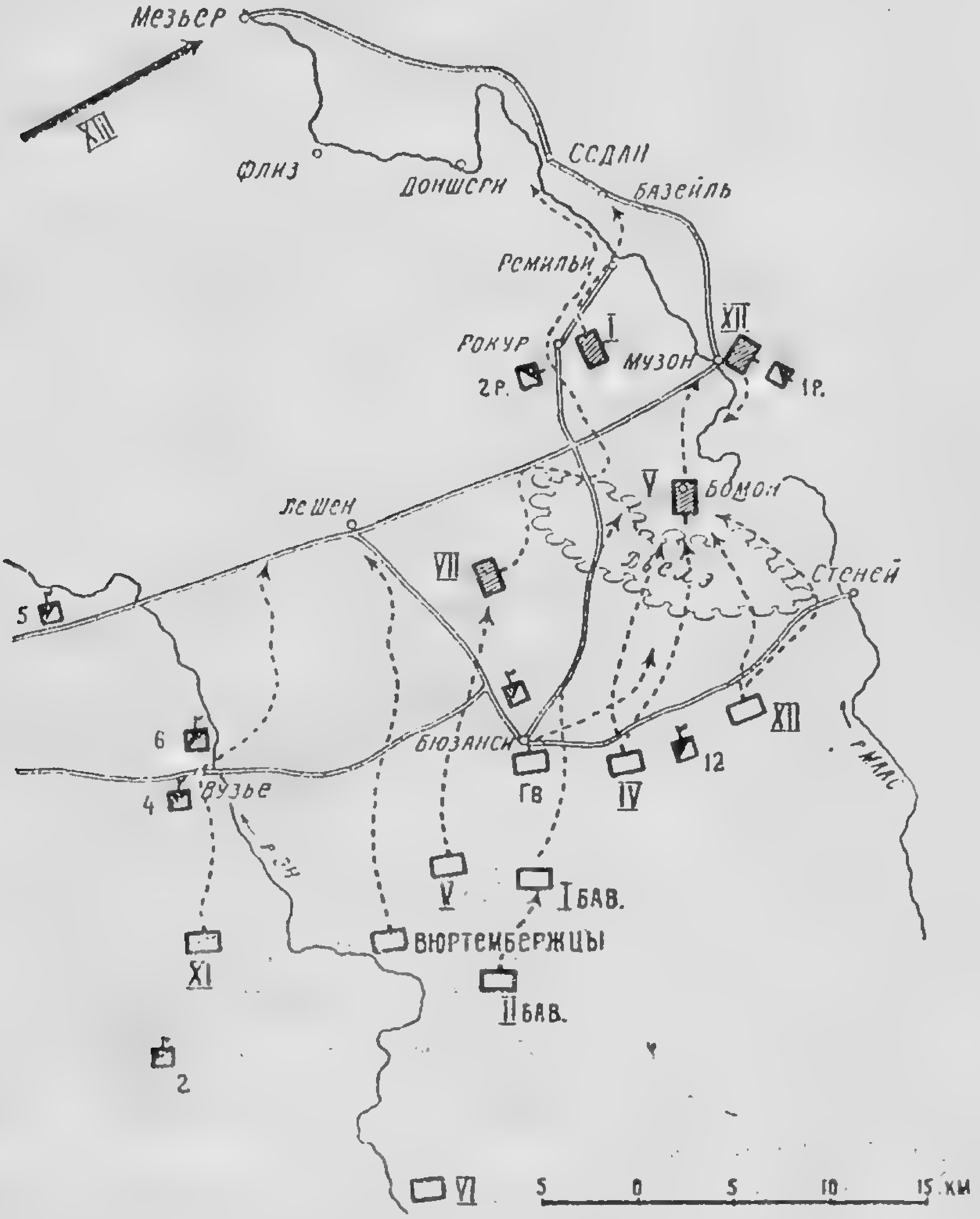
Пока Шалонская армия два дня толклась у северной оконечности Аргонского леса, немецкие армии круто изменили свою группировку.

25 августа Мольтке получил через Лондон от надежного агента из Парижа телеграмму: «Мак-Магон стремится к соединению с Базеном». Перехваченные на почте письма и газеты, общая молва подтверждали это сведение. Поскольку маневр Мак-Магона являлся политическим жестом, долженствовавшим воскресить доверие парижского населения к мощи Франции, руководимой людьми Второй империи, в печати формирование и движение Шалонской армии не только не скрывалось, но муссировалось. Взоры всех французов, устремленные на наступление Мак-Магона, окончательно связывали последнего. Шалонская армия являлась жертвой, принесенной для недостижимой политической задачи—спасения подгнившего и грозившего рухнуть политического режима.

Мольтке 25 августа предполагал, что движение Мак-Магона, имеющее характер прорыва между бельгийской границей и правым флангом немецких армий, будет иметь стремительный характер. Так как от Шалонской армии до р. Маас было такое же расстояние, как от ближайшего к пути ее следования XII саксонского корпуса, то Мольтке предположил, что на левом берегу Мааса Шалонскую армию немцы не смогут атаковать достаточно сосредоточенными силами, и поэтому решил преградить ей дорогу на правом берегу Мааса у Дамвилье. Сюда Мольтке рассчитывал в трое суток собрать массу из 7 корпусов (3 корпуса армии кронпринца саксонского, 2 баварских корпуса из 3-й армии, 2 корпуса из состава блокирующих Мец войск). Направление движения обеих армий на 26 августа было изменено на 135°. Армии, повернутые на северо-восток, оказались сразу построенными в узкую кишку. По одной дороге эшелонировалось до 3½ корпусов. Пришлось, чтобы сократить глубину походных колонн корпусов до 15 *км*, бросить все обозы, кроме обозов I разряда. А местность в районе Аргон и Арден очень бедная, мало населенная, и немецким войскам пришлось голодать.

Донесения конницы 26 августа свидетельствовали о том, что Шалонская армия не торопится на восток. Поэтому на 27 августа Мольтке считал уже возможным застигнуть

Шалонскую армию на фланговом марше еще до ее перехода через Маас и соответственно изменил направление марша с северо-восточного на северное. Главная масса немецкой армии наступала на 30-километровом фронте по лесисто-гористой полосе, между реками Эн и Маас, а головной XII корпус перехватывал переправу через Маас у Стенэя. Этот марш немцев на север продолжался и 28 августа.


Мезьер
XIII
Флиз
Доншери
Седан
Базейль
Ремильи
Рокур
I
2р.
Музон
XII
1р.
V
Бомон
Лешен
VII
Дьелэ
Стеней
5
6
4
Вузье
р. Эн
Бюзанси
Гв
IV
12
XII
р. Маас
V
I бав.
вюртембержцы
XI
II бав.
2
VI
5 0 5 10 15 км

Черт. 22. Седанская операция. Сражение при Бомоне 30/VIII 1870 г.

В этот день, убедившись, что переправа через Маас у Стенэя занята немцами, Мак-Магон решил уклонить движение Шалонской армии на небольшой переход к северу, чтобы перейти Маас на участке Музон—Ремильи. 29 августа голова Шалонской армии (XII корпус) начал переходить через Маас. Правый фланг марша Шалонской армии, 4 корпуса коей попарно группировались в 2 колонны, не был прикрыт французской конницей. Обе резервные кавалерийские дивизии, являвшиеся у французов еще тактическим, а не оперативным органом, двигались в приличествующей для резерва левой колонне. Разъезды немецкой конницы облепляли движение V французского корпуса; приказания последнему перехватывались; стремясь избежать боя, корпус часто вынужден был менять дорогу, а приходившие с запозданием приказы заставляли его делать петли. Только вечером 29 августа корпус ориентировался, что ему надлежит следовать не на Стенэй, как раньше было указано, а на Музон, свернул на север и утром 30 августа, после утомительного ночного марша, отдыхал у Бомона.

Блуждание корпусов французской правой колонны вызвали у Мольтке сомнения—не отказался ли Мак-Магон от своей задачи, и не уходит ли он на северо-запад. Однако он сохранил прежнее направление. 29 августа Маасская армия делала небольшой переход и должна была избегать нажима на большие силы врага, чтобы дать время подтянуться корпусам 3-й армии. 30 августа должен был последовать сосредоточенный удар на армию Мак-Магона.

30 августа армия Мак-Магона переходила через Маас: VII корпус направлялся вслед за I на Ремильи; V корпус, полагавший выступить из Бомона во второй половине дня, должен был переправляться у Музона, где XII корпус уже находился на правом берегу Мааса. Но Мольтке предполагал, что неприятель, встретив на Маасе задержку и с нависшей над флангом марша угрозой, остановился и повернулся лицом на юг примерно на фронте Ле-Шен—Бомон. Этот фронт для атаки был разделен дорогой Бюзанси—Рокур на две части; на восточную направлялось 5 корпусов—Маасская армия, усиленная обоими баварскими корпусами, и на западную—остальные 3½ корпуса 3-й армии, на левом фланге которой группировались, частью в затылок друг другу, 3 кав. дивизии.

Удар 3-й армии пришелся впустую; только ее правая колонна (V корпус) натолкнулась на арьергард VII французского корпуса, скоро исчезнувший на север, что заставило армию стянуться несколько к востоку. Кронпринц саксонский, имея 150 тыс. солдат, решил предоставленный ему участок—6 *км* по фронту—повидимому, не сильно занятый,—атаковать без охвата или обхода, так как таковой требовал бы выделения части сил на другой берег Мааса, а всякого разделения сил, по идеям старой школы, надо было избегать. В первой линии было двинуто 3 корпуса, в резерве за которыми двигались еще 2 корпуса. Так как Бомон представляет узел, к которому сходятся все дороги из лежащего в 2 *км* лесного массива Дьелэ, то кронпринц саксонский двинул все свои головные 3 корпуса по 5 дорогам, сходившимся к Бомону.

Сражение под Бомоном характеризуется внезапным обстрелом авангардными прусскими батареями бивака V корпуса, попыткой частного перехода в наступление последнего и затем отходом его с боем к Музону (9 *км*), где он перешел на правый берег Мааса, причем пострадал его арьергард. Очень тяжело было положение прусских масс при преследовании V корпуса: места для развертывания не было, прусские колонны спускались с высот в самую долину реки и здесь попадали под обстрел выдвинувшихся по правому берегу частей XII французского корпуса; французские митральезы работали успешно.

Громадное превосходство сил пруссаков не могло быть использовано; узкий фронт пруссаков даже охватывался французами; потери пруссаков убитыми и ранеными были почти вдвое больше потерь французов (3 000 и 1 800); правда, французы, уходя за Маас, оставили 3 000 пленных.

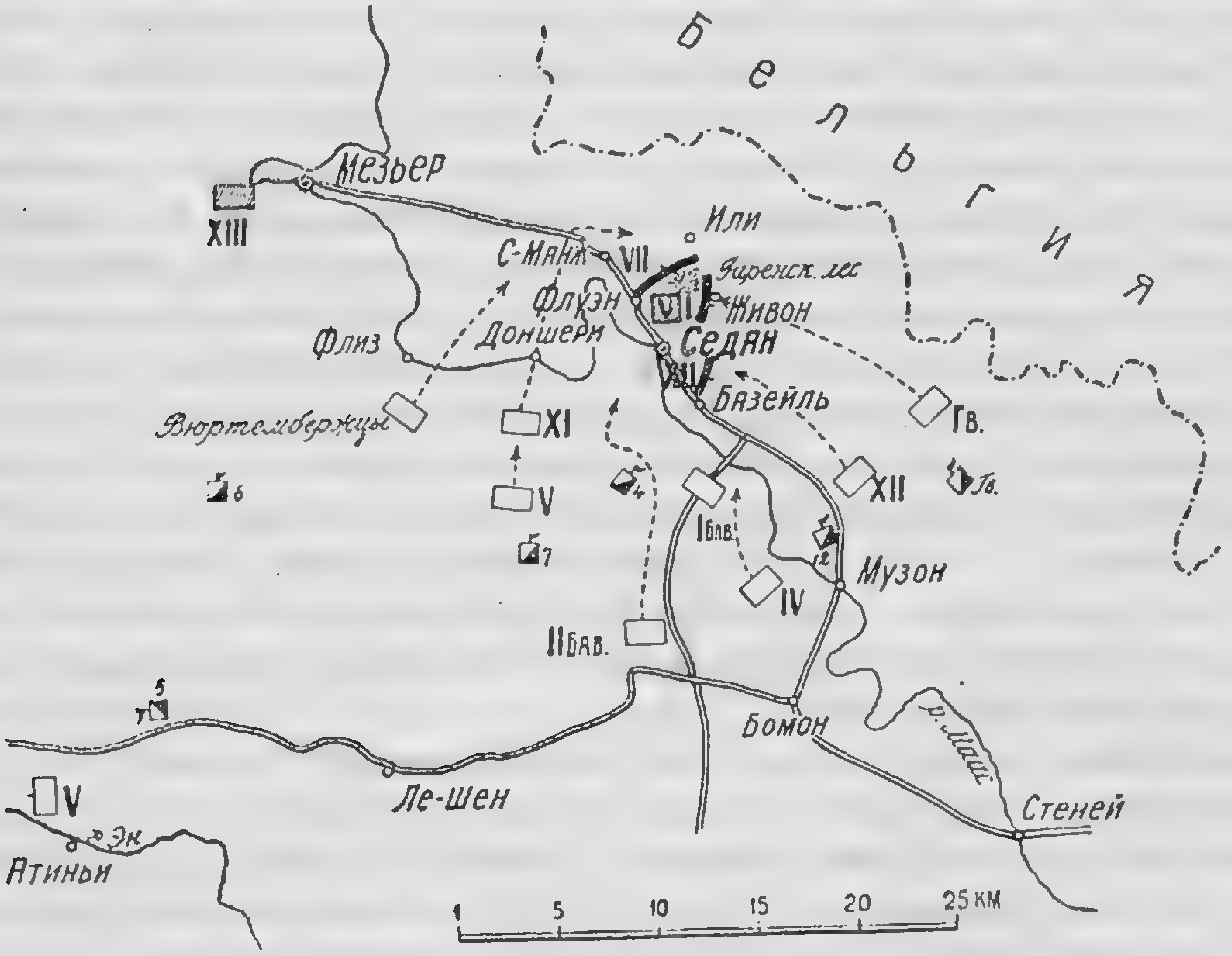
День 30 августа не принес Мольтке решения, которого он ожидал; оперативная обстановка скорее изменилась в пользу французов. Гибельная мысль пробиваться к Мецу была оставлена. 31 августа Шалонская армия собралась в ближайших окрестностях Седана. XIII корпус по железной дороге перебрасывался и сосредоточивался у Мезьера. Маасская армия у Бомона и Музона перешла на правый берег Мааса и развернулась между этой рекой и бельгийской границей; 3-я армия подтянулась к Маасу на участке Флиз—Ремильи, причем переправы у Базеля и Доншери, вопреки приказу Мак-Магона, остались неразрушенными. Быстрое, энергичное отступательное движение по единственной дороге Седан—Мезьер с движением частей войск колонными путями в обход теснины Сен-Манж, начатое в ночь на 1 сентября, могло бы еще спасти армию Мак-Магона. Требование общественного мнения—выручить Базена—можно было бы удовлетворить соответственной реляцией о сражении при Бомоне; можно было бы указать на пятерное превосходство числа немцев в этом сражении, что свело на-нет героические усилия Шалонской армии подать руку помощи Базену. Однако сражение при Бомоне не было использовано для того, чтобы найти выход из политического тупика: Наполеон III, находившийся при армии, был озабочен лишь тем, чтобы скрыть от Франции разгром еще одного корпуса, и телеграфировал об этом сражении, как о незначительной стычке. В обстановке общей апатии и развала Мак-Магон решил получить еще один козырь, прежде чем Шалонская армия начнет удаляться от Базена,— еще раз в большом армейском масштабе должно было произойти боевое столкновение, в котором немцы должны были помочь Мак-Магону найти достаточно убедительные для парижских политиков доводы в пользу изменения задач Шалонской армии. Мак-Магону, оперируя против Мольтке, приходилось вести одновременно политическую борьбу против Парижа.

Мак-Магон решил дать сражение в узкой полосе местности между Маасом и бельгийской границей. От Базейля до бельгийской границы всего 13 *км*, но Арденский лес, трудно проходимый, стесняет удобный для маневрирования район до ширины 8 *км*. Здесь, за ручьем Живон, от Базейля до селения Живон, XII и I корпуса образовали фронт. За ним стал в резерв V корпус; VII корпус, который должен был бы явиться головным в случае дальнейшего отступательного марша, бивакировал фронтом на север от Гаренского леса до селения Флуэн. Присутствие XIII корпуса в Мезьере явилось поводом для Мак-Магона перестать думать о безопасности тыла. Дефилэ Сен-Манж и переправа у Доншери не только не были заняты, но и не наблюдались. Общее положение французской армии напоминало треугольник, основанием которого являлась р. Маас с расположенной на ней незначительной крепостцой Седан. Возможность использовать запасы этой крепости, чтобы накормить и снабдить свои изголодавшиеся за 8 дней марша войска, являлась главным соблазном для задержки у Седана.

Во исправление сделанных при Бомоне ошибок, Мольтке указал уже на 31 августа продолжать наступать, причем атака должна была вестись в охват обоих флангов неприятеля. Маасская армия (3 корпуса) получала более пассивную задачу: помешать наступлению французов на правом берегу Мааса и действовать против левого фланга французов. 3-я армия (4½ корпуса) направлялась на фронт и против правого фланга Мак-Магона. Один корпус (VI) был оставлен для охраны сообщений у Атиньи. Эти распоряжения сохраняли свою силу и на следующий день.

1 сентября Маасская армия предполагала провести, как и французы, на дневке. Инициативу маневра взяла на себя 3-я армия. С высот южного берега Мааса были ясно видны

биваки французов в районе Седана. Штаб 3-й армии полагал, что в ночь на 1 сентября Мак-Магон непременно продолжит отступление к Мезьеру. Чтобы не дать ему уйти, 2 корпуса (V и XI) должны были перейти через Маас у Доншери по постоянному и понтонному мостам и атаковать его на марше; Вюртембергская дивизия переправлялась через Маас в нескольких верстах ниже и должна была принять меры против попыток XIII корпуса из Мезьера выручить Шалонскую армию. II Баварский корпус наблюдал р. Маас южнее Седана. Так как можно было предвидеть, что V и XI корпуса окажутся в трудном положении при атаке высот севернее Доншери, то представлялось желательным, чтобы предполагаемый отход Шалонской армии протекал не в спокойных условиях, а чтобы на ее арьергард был сделан максимальный нажим, который сковал бы часть сил Мак-Магона в окрестностях Седана. С этой целью I баварский корпус в 3 часа утра должен был перейти Маас по понтонным мостам, наведенным между Ремильи и Базейлем (железнодорожный мост французам также не удалось разрушить), и атаковать французский арьергард у Базейля. Командование 3-й армии обратилось с просьбой к Маасской армии


Бельгия
Мезьер
XIII
Или
С-Мянж
VII
Флуэн
Гаренск. лес
V
I
Живон
Седан
XII
Флиз
Доншери
Базейль
Вюртембержцы
XI
Гв.
V
XII
Гв.
6
4
I бав.
2
Музон
IV
7
II бав.
5
7
Бомон
р. Маас
V
Ле-Шен
Стеней
Эк
Атиньи
1
5
10
15
20
25 км

Черт. 23. Сражение под Седаном 1/IX 1870 г.

наступлением на правом берегу Мааса помочь I баварскому корпусу связать французские арьергарды.

Сражение под Седаном 1 сентября носило катастрофический характер. Еще в темноте баварцы ворвались в Базейль, но встретили здесь ожесточенный отпор. Только через долгое время, после 6 часов утра, начали подходить авангарды Маасской армии, наступавшей на фронте в 5 *км*, включая и участок, где уже I баварский корпус вел бой и куда II баварский корпус послал на помощь две бригады. Фронт 4½ немецких корпусов был короче фронта 2 французских корпусов, и быстрого успеха здесь ожидать было нельзя. Генерал Мак-Магон в начале сражения был ранен и сдал командование генералу Дюкро, который хотел скорее отступать к Мезьеру и отдал приказание очищать фронт по ручью Живон. Сменивший командира V корпуса Фальи после сражения под Бомоном только что явившийся в армию генерал Вимпфен имел секретные полномочия от военного министра—в случае убыли Мак-Магона вступить в командование армией. Дюкро немедленно уступил ему командование. Вимпфен имел данные предполагать, что дорога на Мезьер отрезана массами пруссаков, перешедшими Маас у Доншери, и видел спасение только в том, чтобы пробиваться на восток правым берегом Мааса; предпринятые им атаки против густого фронта кронпринца саксонского остались без результата.

Между тем XI и V прусские корпуса, наступая от Доншери, беспрепятственно поднялись на высоты и достигли дороги Седан—Мезьер. Первая задача была решена: путей отступления во Францию Шалонская армия больше не имела. Перед 3-й армией являлась новая задача—не позволить Шалонской армии уйти в Бельгию и сложить там оружие, а захватить ее полностью в плен. С этой целью надо было протянуться к северу и связаться с Маасской армией, чтобы создать кольцо. Сама Маасская армия, имея избыток сил на фронте, пыталась для окружения противника расшириться вправо, но это удалось выполнить только кавалерийским частям, рокировка же пехоты вдоль фронта оказалась слишком затруднительной.

XI прусский корпус беспрепятственно прошел теснину Сен-Манжа и начал развертываться против участка Флуэн—Или; его подкрепил V корпус. Завязался ожесточенный бой с VII французским корпусом. В момент неустойки левого фланга VII корпуса в атаку на немецкую пехоту была брошена резервная кавдивизия Маргерита, которого, когда он был убит, заместил генерал Галлифе. Блестящие повторные атаки французской конницы пронеслись вглубь на два километра за линию немецкого фронта; одиночные всадники достигали теснины Сен-Манжа; несколько немецких рот пострадало, несколько немецких пушек временно оказалось во власти французских кавалеристов; но поражающий кавалерию ружейный огонь немцев все нарастал из всех щелей, кустов и домов на поле сражения и вынудил остатки конницы к отступлению.

Взятие высоты южнее Или левым флангом 3-й армии и совместная атака его с правым крылом Маасской армии (гвардейский корпус) на Гаренский лес знаменует финал Седанского сражения. Наполеон III уже в 13 часов дня отказался принять личное участие в попытках Вимпфена прорваться в направлении на Базейль, признав их безнадежным предприятием, и поставил вопрос о капитуляции. Когда настояние императора стали известны войскам, Вимпфен был вынужден прекратить свои усилия. Начались переговоры, закончившиеся подписанной утром 2 сентября капитуляцией. 104 тыс. солдат, 549 пушек, обозы, госпиталя, 14 тыс. раненых перешли во власть победителя. Император Наполеон III сдался отдельно от армии.

Седанская операция свидетельствует о той крайне трудной обстановке, в которой приходится на войне действовать командованию. Успех немцев прежде всего объясняется тем, что Мак-Магон как бы играл в поддавки; приэтом честность Мак-Магона, отсутствие элемента измены не подвержены никакому сомнению. Плохая политика Второй империи могла явиться отправной точкой только для еще худшей стратегии. Седан являлся не только пленением Шалонской армии, но общим крушением Второй империи—политика и стратегия находились здесь в явной связи.

Как результат, Седанская операция является идеалом стратегии Мольтке—щипцеобразный зажим неприятеля с двух сторон, облегчаемый препятствием Мааса и бельгийской границей и переходящий в окружение. Такие обеспечения фланга, как граница нейтрального государства или большая река, легко могут стать роковыми для слабейшей стороны. Однако надо отметить, что Мольтке пожал под Седаном бо̀льшие лавры, чем действительно заслужил в этой операции. На марш Мак-Магона следовало бы с самого начала ответить образованием двух групп—Маасской армии, которая задерживала бы его с фронта, и 3-й армии, которая отрезывала бы его от Парижа и наседала на хвост.

В устремлении всех сил сначала на северо-восток, а затем на узком фронте на север, мы видим у Мольтке как бы измену его собственным идеям. Накануне сражения под Бомоном, 29 августа, седанская группировка должна была бы уже получить осуществление. Слишком много Мольтке передал на усмотрение штабов армий. Кронпринц саксонский под Бомоном оказался не на высоте задачи; начальник штаба 3-й армии Блументаль явился в сражении под Седаном вдохновенным исполнителем идей, долгое время проповедуемых Мольтке в генеральном штабе.

Даже при двойном численном превосходстве, имея против себя уже побитого врага, даже при таком безумном руководстве, которое было у неприятеля, немецкому командованию приходилось решать высокотрудные и сложные задачи. Нужно полное отсутствие моральной депрессии, чтобы ослаблять сомкнутость массы, разделяться для двойного удара на врага—это такой подвиг, на который Мольтке, находившийся на границе переутомления в период 25—29 августа, оказался не в силах. В эти дни им руководила слишком большая осторожность, слишком большое желание избежать риска, он уже напобеждался под Мецом, и вследствие этой осторожности добыча—Шалонская армия—могла легко ускользнуть из западни, в которую сама направлялась, а прусские войска были вынуждены к форсированным переходам, без обозов, в колоннах, вмещавших более 3 корпусов в затылок друг другу.

Что касается самого сражения под Седаном, то в тесном расположении французской армии на берегу Мааса с обращенными в разные стороны фронтами имеется известная аналогия с расположением армии Наполеона I в сражении при Ваграме на берегу Дуная. Эта аналогия была бы полнее, если бы, как то было указано эрцгерцогом Карлом, эрцгерцог Иоанн подошел с 20-тысячным корпусом с юго-востока, и Наполеону пришлось бы действовать в таком же состоянии тактического окружения, как и Мак-Магону под Седаном. Бернадот накануне Ваграма громко выражал опасения, что стремления Наполеона I действовать столь массированно, переправляя всю армию через Дунай в одном пункте, могут привести к катастрофе. Однако, если охватывающее положение австрийцев создавало для Наполеона I под Ваграном существенные тактические неудобства, то под Седаном, через 61 год, при увеличившейся втрое досягаемости артиллерийского огня, борьба в условиях окружения оказывалась для французов совершенно невозможной—их фронт простреливался с трех сторон насквозь. Мы должны себе представить несравненно бо́льшие трудности исполнения седанского маневра немецких армий при условии вооружения 1809 г., должны себе представить жестокую опасность подвергнуть поражению по частям отдельные группы немецких войск при их последовательном концентрическом подходе к полю сражения; должны себе представить, что могучий бросок конницы Маргерита—Галлифе мог привести при несовершенном оружии начала XIX века к крупным последствиям, даже, быть может, к разрыву кольца,—а в условиях войны 1870 г. это было только геройское самопожертвование, отчаянная попытка, которой требовала честь армии, над которой разразилась катастрофа, прежде чем капитулировать.

И Кениггрец и Седан не дают полного представления о всей силе стратегического мышления Мольтке: на поле сражения он выступал не как мастер, а как глава школы, и перекладывал главное бремя работы на своих помощников, на своих учеников. Операция является плодом коллективного творчества. Той сосредоточенности оперативной и тактической мысли, такого подчинения всех помощников и событий своей воле, как у Наполеона, мы не видим у Мольтке. Коллектив генерального штаба, предводимый Мольтке, работал, несомненно, с бо́льшими трениями и разнобоем, чем единая творческая мысль Наполеона. Однако децентрализация оперативной и тактической работы, работа коллектива, является знамением новейшей эпохи военного искусства.

Вторая часть войны. Политическая обстановка. Начав военные действия на 20-й день мобилизации, на 49-й день пруссаки покончили со всеми вооруженными силами Второй империи: лучшая армия Базена была заблокирована в Меце, армия Мак-Магона и сам Наполеон III капитулировали при Седане. Франция почти не располагала более кадровыми, прочно организованными войсками. 4 сентября в Париже, по получении извещения о седанской катастрофе, произошла революция; регентша-императрица Евгения бежала в Англию; в Париже левым элементам буржуазии, однако, удалось сохранить за собой власть. Было образовано правительство национальной обороны.

Король прусский при начале вторжения во Францию издал манифест, в котором объявлял, что он воюет не с Францией, а с режимом Второй империи. Теперь, казалось бы, с падением Второй империи, воевать было не с кем.

Однако военная клика в Пруссии к 1870 г. сплотилась несравненно прочнее, чем в 1866 г., выше подняла голову, требовала аннексии Эльзаса и Лотарингии и крупной контрибуции. Бисмарк понимал, что отторжение от Франции двух провинций на десятки лет создаст напряженное положение на франко-германской границе и свяжет во многом свободу Германии. Но он был бессилен смягчить требования победоносных генералов; последние тем громче требовали Меца и Страсбурга, что полагали, что серьезные военные действия окончены и теперь предстоит лишь короткая прогулка в Париж.

Трудная задача Бисмарка—принудить Францию к миру на тяжелых условиях—облегчалась, вопервых, строгим нейтралитетом, который соблюдали все европейские государства, устрашенные победами немцев, и, вовторых, внутренней политической борьбой во Франции. Революционные элементы Франции и прежде всего парижские рабочие энергично противились всякой попытке заключить мир с уступкой французской территории; продолжение войны связывалось с углублением революции, с социальным переворотом; заключение мира должно было явиться реакцией, переходом власти к консервативной буржуазии, разоружением парижских рабочих, державших теперь оружие в руках и образовывавших большинство в ряде батальонов национальной гвардии Парижа. Буржуазный патриотизм подвергался тяжелому испытанию. К революционным рабочим пока примыкало левое буржуазное правительство, стоявшее у власти с лозунгом «ни одной пяди нашей территории, ни одного камня наших крепостей». Большинство буржуазии было против продолжения войны, в успех которого оно не верило; буржуазия несла расходы на войну и растила приэтом силы революции; но революция в связи с патриотическими лозунгами представляла такую силу, что это большинство, имевшее за собой и зажиточное крестьянство, временно было вынуждено молчать и держаться на втором плане. Известие о прибытии в Париж представителя консервативного течения буржуазии, Тьера, стоявшего за мир, совпавшее с известием о капитуляции Меца, вызвало 31 октября 1870 г. энергичное движение рабочих; батальон национальной гвардии Флуренса захватил здание парижской ратуши с находившимся в нем правительством и приступил к созданию правительства коммуны; только с трудом его удалось удалить из ратуши. Наконец, четвертое течение представляли бонапартисты; они в стране потеряли всякое влияние, но на их стороне был осажденный в Меце Базен и часть пленных. Базен не признал парижской революции и остался верен исчезнувшей империи. Бонапартисты предлагали Бисмарку заключить мир с ними; задачу борьбы с революционной Францией они предлагали возложить на армию Базена; последняя с частью войск, взятых под Седаном в плен, могла бы восстановить во Франции империю. Торговая сделка не состоялась: Наполеон III не мог согласиться на уступку Лотарингии и Эльзаса, что лишило бы его династию всякой точки опоры во Франции, а Бисмарк не слишком верил в то, что армия Базена будет сражаться за императора против революционной Франции, и боялся, что если она будет выпущена, то присоединится к революции. Но эта мысль позволила Бисмарку нейтрализовать Базена в Меце переговорами до 27 октября, когда армия Базена съела в Меце свой последний сухарь и должна была сдаться. Таким образом, Бисмарк съэкономил прусской армии потери, которые были бы неизбежны при активных действиях Базена и попытках его прекрасных войск прорваться из Меца. Базен же до последней минуты думал, что его армия будет выпущена из Меца с оружием в руках, на условиях ее нейтралитета до конца войны; он ее берег, чтобы, как только замолкнут прусские пушки, стать хозяином Франции; он не верил в силы революции и рассчитывал, что Париж падет раньше и мир будет заключен, а Мец еще будет держаться. В этом и состояло его преступление, а не в той измене, за которую он был впоследствии осужден.

Вооруженные силы республики. Огромное значение Парижа заставило правительство национальной обороны стянуть для обороны Парижа все свободные силы, которыми еще располагала Франция. Ядро гарнизона образовали XIII корпус, не поспевший к седанской катастрофе и спасшийся из-под Мезьера, и XIV корпус, кончавший формирование. В составе XIII корпуса имелись 2 кадровых пехотных полка; в остальном XIII и XIV корпуса состояли из маршевых частей, собственно команд пополнений, и из запасных, не попавших при мобилизации в свои части. Вначале эти молодые корпуса имели невысокую боеспособность; они окрепли и сплотились лишь постепенно.

Наиболее устойчивую часть гарнизона представляли 14 тыс. военных моряков, которые с 200 тяжелыми пушками были выделены флотом для защиты Парижа. Моряки были распределены по фортам Парижа, что обеспечивало оборону от неприятных случайностей. Всего количество организованных регулярных войск, считая с маршевыми частями, достигало 80 тыс. Количество легких и тяжелых орудий достигало 3 300. Сверх того, в Париже из разных уголков Франции было сосредоточено 115 тыс. мобилей. Революция предоставила им право выбирать себе начальников, что крайне препятствовало установлению дисциплины среди этих необученных и воодушевленных различными настроениями «белобилетников»; они квартировали по обывателям и часто представляли малонадежный элемент; только через 3 месяца осады право выбора начальников было отнято у них. Мобили иногда дезертировали к неприятелю и многократно покидали под влиянием ложных слухов порученные им участки. Затем в Париже имелась национальная гвардия (немобилизуемое местное ополчение), численность которой достигала 344 тыс. В национальную гвардию, вследствие преимуществ (паек и жалованье), которые она имела, записалось много физически негодных для боя людей—детей, стариков, больных. Сверх того, в Париже имелись и партизанские части—франк-тиреры—и вспомогательные части для выполнения инженерных работ. Всего в распоряжении коменданта Парижа Трошю оказалось свыше полумиллиона вооруженных людей, из них до 300 тыс. относительно боеспособных.

Сосредоточение в Париже всех уцелевших военных сил Франции являлось ошибкой, так как крайне затрудняло военную организацию сил французской провинции. 19 сентября 1870 г., когда Париж был окружен немцами, вне его оставалось лишь одна неполная дивизия, только что переброшенная из Алжира, мобили Бретани, несколько батальонов у Лангра и всего 6 батарей. Немедленно в Орлеане было приступлено, используя все остатки, к формированию XV корпуса, который 11 октября был отброшен к югу II баварским корпусом. Но 9 октября в Тур прибыл с диктаторскими для провинции полномочиями Гамбетта, член осажденного в Париже правительства национальной обороны, вылетевший из столицы на воздушном шаре. Вместе со своим ближайшим помощником Фрейсинэ, Гамбетта энергично принялся за формирование новых частей. Как из-под земли постепенно выросли 11 новых корпусов—№№ XVI—XXVI. Три из этих корпусов были готовы лишь к концу января, когда уже было заключено перемирие, но 8 корпусов приняли горячее участие в боях республиканского порядка войны. Меньше чем в четыре месяца, с упорными боями на фронте, была создана новая массовая армия. Средний успех формирования равнялся 6 тыс. пехотинцев и 2 батареям в день. Этот успех был достигнут, несмотря на то, что военная промышленность и склады сосредоточивались преимущественно в Париже и в провинции приходилось все—начальников, оружие, лагери, обмундирование, патроны, снаряжение, обоз—импровизировать заново. В провинции вновь были созданы многие отрасли военной промышленности. Значительную пользу принесла свобода сношений с внешними рынками: удалось сделать крупные закупки на иностранных—преимущественно английских, бельгийских и американских рынках. Созданная Гамбеттой в 4 месяца артиллерия—238 батарей—в полтора раза превосходила по численности артиллерию императорской Франции и технически стояла выше. Негодную шрапнель императорской артиллерии заменили надежной на все дистанции гранатой; такой переход от шрапнели к гранате мы будем наблюдать и в Русско-японской и в Мировой войне; за время мира реакция, руководимая полигонными артиллеристами, вновь выдвигает шрапнель.

На вооружение пехоты поступили имевшиеся в провинции 350 тыс. ружей шаспо; пришлось их дополнить американскими системами Снайдера и Ремингтона, а также и другими. В армии Шанзи на вооружении одновременно было 15 образцов ружей; пополнение их патронами было затруднено, но драться все же было возможно. Производство патронов в провинции было доведено Гамбеттой до полутора миллиона патронов в день.

Полки Гамбетты образовывались или из маршевых частей (запасных старого режима), или из мобилей. В состав мобилей были включены все национальные гвардейцы, холостые или вдовые, моложе 40 лет. Мобили провинции оказались даже лучше маршевых полков; приэтом сказался территориальный метод формирования, при котором все мобили одной и той же роты, родом из одной округи, знали друг друга, дорожили своей репутацией, скорее сплачивались в одну часть.

Гамбетта встретился с двумя препятствиями. Первое—это полный недостаток офицеров и унтер-офицеров, который затруднял обучение частей и резко понижал их боеспособность; в трудных условиях зимней кампании молодые части с трудом переносили невзгоды биваков в чистом поле; они были наклонны к позиционной войне, тогда как их задача—выручить Париж—требовала от них высшей способности к операциям, к активному маневру; летом для них условия сложились бы много лучше; часто они терпели поражение больше от непогоды, чем от пруссаков; закаленные войска последних были гораздо меньше чувствительны к зимнему дождю, стуже и прочим климатическим неприятностям. Второе препятствие заключалось в высшем командном составе; последний хотя и имелся, но был настроен контрреволюционно, не верил ни в новые войска, ни в успешное продолжение войны, тянул к выжиданию и заключению мира. Недостаток военной выучки можно было бы попытаться заменить революционным энтузиазмом. Но Гамбетта, хотя и был далек от Тьера, пытался вести войну, не углубляя революцию, стремился к сотрудничеству всех классов и отбрасывал все, что имело характер сведения классовых счетов. Он добился бы вероятно больших военных результатов, если бы отказался от своей политической умеренности, от соглашательства с буржуазией, являвшейся во многих вопросах только тормозом. Некоторые генералы, например Бурбаки, бывший командир императорской гвардии, имевший блестящую военную репутацию, выдвинутый Гамбеттой на пост командующего армией, при своем отрицательном отношении к революции оказывались менее пригодными к решению оперативных задач революционной борьбы, чем любой дилетант [1].

Одновременно с этими регулярными формированиями на театре военных действий разрасталось партизанское движение франк-тиреров. Это движение приковывало внимание и значительные силы немцев к защите своих сообщений; но так как за войну стояли бедняки, за мир—зажиточные, и так как франк-тиреры совершали насилие на театре военных действий над кулаками, уклоняющимися от борьбы с немцами, то действия франк-тиреров получили отчасти характер классовой борьбы, еще более отпугивавшей крестьянскую буржуазию от продолжения войны.

Мощное развитие новых вооруженных сил, призыв и вооружение втечение короткого времени самой войны почти миллионной армии составляют новое явление в военной истории. При отсутствии железных дорог, телеграфа, огромных накопленных богатств Франции такое явление было бы невозможно. Если бы в Мецской и Седанской операциях вооруженные силы Франции не были уничтожены начисто, новые формирования могли бы скоро приобрести значительную боеспособность и сломить вторгнувшиеся во Францию немецкие войска. При некоторой подготовке, в Европе с 1870 г. оказываются в наличии предпосылки для формирования войск во время самой войны, для обращения мобилизации из единовременного в перманентное действие. Мольтке был положительно озадачен быстротой, с которой вырастали новые неприятельские войска; в декабре 1870 г. он писал наштарму 2, генералу Штиле: «В операциях, увенчавшихся беспримерными успехами, немецкая армия смогла взять в плен все силы, которые неприятель выставил в начале войны; тем не менее втечение только трехмесячного срока Франция нашла возможность создать новую армию, превосходящую по числу погибшую. Средства неприятельской страны представляются почти неистощимыми и могут поставить под вопрос быстрый и решительный успех нашего оружия, если наше отечество не ответит равным усилием». В дальнейшем Мольтке многократно повторял: «Эта борьба нас удивила с военной точки зрения до такой степени, что поставленный ею вопрос придется изучать втечение долгих лет мира».

---

[1] Конечно, наше замечание не касается командующих армиями Шанзи, Федерба и целой плеяды самоотверженных комкоров и начдивов.

Блокада Парижа. Пока Париж, главный центр революционного движения, держался, у Бисмарка не было шансов заключить мир, отрывавший от Франции Эльзас и Лотарингию. Бисмарк стремился к скорейшему овладению Парижем. Интерес дальнейшей кампании сосредоточился на Париже: немцы стремились его взять, армии французской провинции—заставить немцев снять блокаду Парижа. Немедленно после Седана 3-я и Маасская армии устремились к Парижу и 19 сентября закончили его блокаду. Поредевшие ряды обеих блокирующих армий насчитывали только 150 тыс. с 620 полевыми орудиями, которыми пришлось занимать и укреплять растянувшуюся на 90 *км* блокадную позицию. Прусский генеральный штаб ожидал скорого падения Парижа; однако, министерство Паликао [1] успело сосредоточить в Париже громадные запасы продовольствия; Париж, отрезанный от внешнего мира, оказался в состоянии держаться свыше 5 месяцев. Бисмарк предусматривал это и требовал, чтобы против укреплений Парижа была начата атака, к Парижу была бы доставлена осадная артиллерия и Париж был бы в кратчайшее время взят. Однако в немецком тылу порядка не было, железные дороги работали с перебоями, блокирующие войска, в особенности 3-я армия, голодали, и выделить средства транспорта для переброски осадной артиллерии было не легко. Кроме того, переход к активным действиям против Парижа требовал затраты по крайней мере трех лишних дивизий пехоты на фронте атаки, а взять эти дивизии было негде. Мольтке не шел навстречу требованиям Бисмарка, причем не договаривал основного своего соображения: Мольтке не считал положение двух германских армий под Парижем устойчивым и имел в виду возможность временного снятия осады. Действительно, две немецкие армии (1-я и 2-я) блокировали Базена в Меце и две армии (3-я и Маасская) блокировали Париж. Составленный из южных германцев корпус Ве́рдера осаждал французские крепости в немецком тылу. Для действия в поле почти ничего не оставалось. Против новых формирований Гамбетты удалось взять из состава 3-й армии только II баварский корпус, который оттеснил 11 октября XV французский корпус и занял Орлеан. Но 9 ноября вместо XV корпуса была уже целая армия Орель-де-Паладина—70 тыс. бойцов, которые обрушились у Кульмье близ Орлеана на 20 тыс. баварцев и нанесли им поражение. Это единственная победа французов в несчастную для них войну 1870 г. Если бы Мец продолжал держаться, немцы были бы принуждены снять блокаду Парижа; но Мец уже капитулировал, и Мольтке получил в распоряжение две свободных армии; 2-я армия Фридриха-Карла была 2 ноября направлена к Орлеану, на Луару, 1-я армия—против французских сил, сформированных северо-западнее Парижа. Середина ноября являлась наиболее критическим периодом, так как 2-я прусская армия еще не прибыла, а силы Орель-де-Паладина выросли с 2 до 5 корпусов и сдерживались лишь слабой группой великого герцога Мекленбургского (тот же II баварский корпус, усиленный до состава 4 пехотных и 2 кавдивизий). Развертывание войск Фридриха-Карла продолжалось с 17 по 27 ноября. Всего в его распоряжении оказалось 80 тыс. закаленных солдат против 200 тыс. французских войск—молодых, необученных, плохо управляемых. Однако лучший момент для наступательной операции по выручке Парижа был уже упущен Орель-де-Паладином. Напрасно Гамбетта настаивал на немедленном развитии успеха под Кульмье; у Орель-де-Паладина находились тысячи оснований задержаться, чтобы устроить получше свое воинство. В конце ноября Гамбетта и Фрейсинэ взяли на себя лично распоряжение частью корпусов Орель-де-Паладина, чтобы толкнуть их вперед; это было, конечно, неправильно и разгружало командующего армией от всякой ответственности. Наступление французов было отбито (Бон-ла-Роланд и Луаньи-Пурпри), и к 4 декабря центр Орель-де-Паладина был прорван армией Фридриха-Карла, Орлеан вновь взят, французская Луарская армия разделена надвое. В промежуток 30 ноября—2 декабря была отбита под Вильер (к востоку от Парижа) главная попытка парижского гарнизона прорвать линию блокады. В основном, в этот момент и вторая—республиканская—часть войны была уже проиграна [1].

---

[1] Граф Паликао — титул, полученный французским генералом Монтобаном за проявленные им высокие организаторские таланты в колониальных войнах Франции в Китае и Индо-Китае. Организационные таланты Паликао не помешали ему загнать армию Мак-Магона к Седану.

Только теперь Мольтке мог спокойно привлечь под Париж осадные средства. 27 декабря тяжелые орудия открыли впервые огонь; с 5 января осадная артиллерия успешно громила южные и восточные фронты и бомбардировала город; всего немцы выставили 502 тяжелых орудия. От бомбардировки пострадали только 375 парижан. Втечение трех недель атакованные форты Парижа были приведены к молчанию, полуразрушены и уже были бы неспособны отбить атаку открытой силой. С 23 января начались переговоры о капитуляции, вызванные начавшимся в столице голодом; 28 было подписано перемирие, закончившее военные действия, за исключением восточного театра, где продолжалась операция против армии Бурбаки, прижатой к швейцарской границе, которую ей и пришлось перейти 2 февраля.

Стационарность германских сил. Где лежат причины тяжелого кризиса, пережитого германскими войсками во второй половине ноября, несмотря на ряд экстраординарных одержанных ими побед? Очевидно, в недостаточной их численности. Если, как правило, бои императорского периода войны протекали при двойном превосходстве немцев, то бои республиканского периода протекали при двойном, иногда тройном превосходстве французов. Тогда как французы более чем утроили свои силы втечение войны, немцы фактически их не увеличили; количество мобилизованных в августе северогерманским союзом—888 тыс.—повысилось через 3½ месяца только на 2%, а к концу войны, через полгода, только на 15%, что даже не уравновешивало понесенные потери. Пруссия в 1870 г. совершенно не знала лихорадочной деятельности по перманентной мобилизации. Увеличение сил одной из сторон на 200%, при стационарности сил другой, и создало кризис на фронте.

---

[1] Впрочем, живучесть республиканских армий была удивительна. Разбитая при Божанси 7—10 декабря 2-я Луарская армия Шанзи (западный осколок армии Орель-де-Паладина) уменьшилась до 60 тыс., но через месяц, 10 января, она под Ле Мансом противоставляла вновь пруссакам массу в 150 тыс. бойцов.

Вместе с тыловыми частями в августе границы Франции перешло около 700 тыс. человек; количество находившихся во Франции вооруженных сил немцев не переходило этого предела втечение всей войны, но состав этой массы изменялся: количество полевых войск вследствие потерь, откомандирований, болезней, отправлений на поправку, уменьшилось, а количество тыловых войск росло. Военный министр Роон мобилизовал все 12 военнообязанных возрастов (20—32-летних) и частично, в нарушение закона, призвал даже 33—36-летних; внутри Германии оставалось только 33 батальона ландвера и 72 гарнизонных батальона из необученных военнообязанных, 60 пеших эскадронов из излишних кавалеристов ландвера и 12 200 крепостных артиллеристов. Эти силы признавались безусловно необходимыми для обеспечения гарнизонной службы и охранения 300 тысяч французских военнопленных. Крепостные артиллеристы, в которых армия терпела такую нужду для обслуживания осадных орудий, сохранялись внутри «по политическим причинам», хотя германским крепостям могло угрожать только германское население. И несмотря на это напряжение, военный министр Роон далеко не удовлетворял требований негодующих Мольтке, Блументаля и прусского генерального штаба. Почему? Разве в Германии, не потерявшей кадров своей армии в начале войны и свободной от чужеземного нашествия, не было таких же предпосылок для перманентной мобилизации, которая велась в то время во Франции?

Мы полагаем, что уже в 1870 г. имелись налицо те материальные предпосылки для перманентной мобилизации, для ведения войны не стотысячными, а миллионными массами, которые в полной мере характеризуют Мировую войну. Если же эти миллионные массы не были выставлены, то это объясняется политическими, а не материальными условиями. Воевавшая в 1870 г. Пруссия сохраняла еще в значительной степени феодальный характер. Эти феодальные черты были подчеркнуты военной реформой шестидесятых годов; феодальная природа Пруссии в особенности обозначилась после 4 сентября, когда прусским армиям приходилось сражаться с революцией, иметь против себя республиканские части, почти красные войска. В этих условиях прусский король и военный министр были озабочены прежде всего тем, чтобы прусская армия не потеряла своего юнкерского облика, продолжала бы оставаться послушным орудием в их руках. Военный министр направил на пополнение потерь полевых войск 120 000 человек из запасных частей. В числе этих укомплектований 10% должны были составлять унтер-офицеры и 2% офицеры. В действительности военному министру удалось включить в пополнение меньше 4% унтер-офицеров и меньше 1% офицеров. На демократизацию офицерского звания Роон не шел. Очевидно, это пополнение разжижало юнкерские кадры армии, делало ее политически менее стойкой. Через границу Франции перешли 129 батальонов ландвера, по 1 002 человека в каждом. Мольтке требовал образования новой сотни батальонов ландвера. Но Роон полагал, что уже достаточно тех 400 тыс. неподготовленных в мирное время военнообязанных, которые получили оружие втечение войны. Чем больше будет ландвера и ландштурма, тем прусская армия уйдет дальше от желательного феодалам облика. С точки зрения Роона, выгоднее было бы поставить на карту одержанные победы, чем поставить прусскую монархию в зависимость от широких масс, в руки коих будет роздано оружие, хотя эти массы и выглядели пока чрезвычайно законопослушными. И всемогущий прусский генеральный штаб с Мольтке во главе был бессилен против этой феодальной идеологии. Только революция 1870 г. могла направить во французском лагере вопрос о призыве широких масс в другое русло.

Итоги. Чисто военные издержки на войну 1870—71 гг. были почти одинаковы у французов (1 912 млн. франков) и у немцев (1 934 млн. франков). Франции пришлось заплатить сверх того контрибуцию в 5 миллиардов франков, что она и выполнила втечение трех лет. Это был грабительский мир, вызвавший в Европе длительное военное напряжение, приведшее в конечном счете к Мировой войне. Но этот грабительский мир вполне выливался из природы государств эпохи империализма. Об этом можно судить по заявлению Виктора Гюго с трибуны Национального собрания

1 марта 1871 г., перед ратификацией Национальным собранием условий мира. Знаменитый писатель, мотивируя свое решение голосовать против договора, говорил о ненависти, которая будет нарастать на почве этого договора, говорил, что рано или поздно час реванша пробьет, и пророчествовал, что Франция отберет Лотарингию и Эльзас, захватит весь левый берег Рейна, Трир, Майнц, Кобленц, Кельн. Но далее оратор жестоко ошибался, когда он описывал будущее благородство Франции: «И услышат тогда Францию, говорящую Германии: я все у тебя отобрала и отдаю тебе все, с одним условием—мы будем впредь единым народом, единой республикой; и пожмем друг другу руки, так как мы оказали взаимные услуги: ты меня освободила от моего императора, я тебя—от твоего». Какой насмешкой над всеми протестами французов против грабительского мира 1871 г. является Версальский трактат и его выполнение по сей день!

В результате заключенного с Германией мира французская буржуазия под руководством Тьера и при помощи вернувшихся из плена солдат Базена вступила в борьбу с революционными рабочими. Парижская коммуна без отчаянного боя не выпустила из рук оружия, которым рабочий класс завладел во время войны. Третья, консервативная по определению Тьера, французская республика была основана на костях защитников парижских баррикад. Это определило надолго французскую военную политику: массовые армии Гамбетты были названы луарскими разбойниками; Тьер снискал общее сочувствие консервативной Европы, установив пятилетний длительный срок обязательной военной службы, охватывавшей только половину пригодного к военной службе контингента. Боязнь масс, отвращение к формированиям, не имеющим сильного кадрового состава, презрение к резервным дивизиям остались характерными для французского военного строительства вплоть до начала Мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА.

Литература по войне 1870 г. огромна. Официальная германская история войны решительно устарела, содержит неверные цифры и уклоняется от обсуждения острых вопросов. Заслуживают полного внимания два следующих капитальных труда прусского генерального штаба, разработанных при Шлиффене, из серии Studien zur Kriegsgeschichte und Taktik:

1) Heeresbewegungen im Kriege 1870—71. Ценное исследование по оперативной технике.

2) Der 18. August 1870. Потребовался срок в 35 лет, чтобы можно было бы разобраться во всех тактических деталях сражения Гравелот—Сен-Прива. Монография, посвященная этому сражению, занимает 597 страниц; к ней приложены многочисленные схемы и таблицы. Помимо изучения всего архивного материала, составители изучали воспоминания тысячи участников этого сражения. По всем интересным тактическим решениям монография устанавливает ход мыслей, ориентировку начальника и все события, оказавшие влияние на его решение. Этот труд—крупный вклад в тактику.

3) Henri Welschinger. La guerre de 1870. Causes et responsabilitès. Paris. 1911. 2 тома. Новейшая дипломатическая история войны, с некоторым бонапартистским уклоном, основанная на тщательном исследовании огромной литературы и архивов; вносит новые данные по сравнению с прекрасным, но несколько устаревшим трудом: Albert Sorrel. L'histoire de la diplomatie de la guerre franco-allemande.

4) **Фридрих Энгельс.** Статьи о войне 1870—71 гг. Москва. 1924. Статьи эти писались во время войны. Во многих вопросах Энгельс проявил удивительную для газетного обозревателя зоркость, и иные мысли его и сейчас чрезвычайно любопытны для лиц, работающих над историей 1870 года. Ценный памятник марксистской мысли.

5) **Fritz Hoenig.** 24 Stunden Moltkescher Strategie. Берлин. 1891 г. Фриц Хениг—наиболее острый германский историк—в этом труде исследует стратегическую работу Мольтке втечение сражения при Гравелоте. Его труд о Кромвеле значительно слабее работ по кампании 1870 г. Капитальный труд по последней войне.—Der Volkskrieg an der Loire im Herbst 1870—представляет 6 томов и 2 добавочных выпуска. Ученая немецкая критика ставит труды Хенига очень высоко, официозная военная критика не рекомендует его чтение молодым офицерам. Как будто детский возраст, когда нельзя посещать кинематографа для взрослых, распространяется на молодых офицеров, берущихся за военную историю. Фриц Хениг не останавливается ни перед чьим престижем, если истина требует развенчать псевдогероя. Появление каждого его труда вызывало горячую полемику. Из официального лагеря, по добросовестности, можно поставить на один уровень с Хенигом только Кардиналь фон-Видерна.

6) **Von der Goltz, Colmar.** Leon Gambetta und seine Armeen. Берлин, 1877 г. Фон-дер-Гольц первый раз выступил с описанием Луарского похода в 1873 году (Feldzug 1870—71. Die Operationen der II Armee an der Loire), где он защищал своего бывшего командарма, принца Фридриха-Карла, от всех упреков—справедливых и несправедливых—и выгораживал его ошибки. Потом маститому автору пришлось краснеть за проявленное византийство. Через 4 года фон-дер-Гольц вернулся к той же теме, но перенес центр тяжести на исследование французской стороны, сделал свое изложение несравненно научнее и поучительнее; труд очень интересен и как характеристика Гамбетты и как характеристика милиционных армий вообще.

7) **Войде.** Победы и поражения в войне 1870—71 гг. и действительные их причины. Опыт критического описания франко-германской войны до Седана включительно. 2 тома. Петербург, 1889 г. Перу русского переводчика Клаузевица и второго председателя нашей исторической комиссии по описанию войны 1877—78 гг.

принадлежит один из первых трудов по 1870 г., в котором научная мысль начала прокладывать брешь в сказаниях официальной немецкой истории. Труд Войде в научном отношении стоит выше других русских сочинений по той же войне: Леер писал о ней, когда еще гремели пушки, а Михневич сочинял учебники, согласовывавшие описание войны с нашей стратегической и тактической теорией.

8) **Kraft Prinz zu Hohenlohe-Ingelfingen.** Aus meinem Leben. IV том, 506 стр. (6-е изд. 1907 г.). Четвертый том очень интересных воспоминаний принца Гогенлоэ относится к войне 1870 г. Гогенлоэ—один из выдающихся исследователей и обильнейших трудами военных писателей. Ему принадлежат Strategische Briefe 1887 г., т. 2 и Militärische Briefe, разбитые по родам оружия, причем наибольшей известностью пользуется том III его „военных писем“, посвященный артиллерии „Über Artillerie“, 1885 г. (переведен на русский язык в артиллерийском журнале). Эта работа является классическим памятником развития тактики артиллерии в эпоху франко-прусской войны.

9) На русском языке имеется перевод официальной германской истории „Война Германии с Францией 1870—71 гг.“, под редакцией Сухотина, 1890—93 г., 3 т.;

10) Из французских источников капитальный труд, впрочем несколько устарелый, принадлежит **Camille Rousset.** La seconde campagne de Françe. Во II выпуске уже приходилось указывать на талантливые работы этого историка, посвященные Лувуа. Выдающаяся работа того же историка „Les volontaires de 1792“, „Histoire de la conquete d'Alger“. „Histoire de la guerre de Crimée“. „La grande armée de 1813“. Кроме того, выдающуюся научную известность имеют труды Pierre Lehautcourt, Derrecagaix, отдельная монография по Вёрту Бонналя и много других.

Пьер Леокур—это псевдоним полковника, ныне генерала Пала (Palat). В промежуток 1893—1907 гг. он выпустил 14 томов—историю войны 1870—71 гг., обработанную с использованием выходившей в это время переписки Мольтке, а также трудов Хенига и Кардиналь фон-Видерна. Ему же принадлежит интересный труд: **Colonel Palat.** La stratégie de Moltke en 1870. Paris. 1907. В настоящее время этот военный историк выпустил уже полтора десятка крупных томов, в которых излагает историю борьбы на западном фронте: **Général Palat.** La grande guerre sur le front occidental. В глазу у немцев автор замечает малейшие соломинки...

Приведенные французские авторы, за исключением Руссе, относятся к числу правоверных сторонников французской доктрины. Во Франции изучение войны 1870 г. слилось с изучением стратегии, образцом чего может служить труд **Фоша** Ведение войны; начало этого труда приведено в т. I Стратегия в трудах военных классиков (стр. 279—341). Из французских авторов мы даем решительное предпочтение представителю оппозиции против французской доктрины полковнику (в отставке) Груару.

11) **Paul Deschanel.** Gambetta. Paris. 1919. Новейшая биография Гамбетты. Автор ее выдает себя за поклонника Гамбетты, но в последнем ему, повидимому, нравится более всего риторика.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Русско-турецкая война 1877/78 г.

Милютинские реформы. — Военные округа. — Воинская повинность. — Офицерский состав. — Высший комсостав и генеральный штаб. — Перевооружение. — Мобилизация. — Тактика. — Политическая обстановка. — Турецкая армия. — План Обручева. — Устройство тыла русской армии. — Переправа через Дунай. — Попытка сокрушения. — Первая и вторая атаки Плевны. — Переход к обороне. — Третья Плевна.—Атака Скобелева. — Плевненский кризис. — Блокада Плевны.—Переход через Балканы.—Марш к Адрианополю.—Перемирие и Сан-Стефанский мир. — Ход военных действий на Кавказском фронте. — Общие замечания. — Литература.

Милютинские реформы. В 1861 г. военным министром был назначен Дмитрий Алексеевич Милютин, остававшийся на этом посту втечение 20 лет и предпринявший обширные реформы. Армия крепостническая перестраивалась, руководствуясь идеалами либеральной буржуазии.

Россия в целом переходила на высшую ступень рационализации труда, на более экономное расходование человеческого материала. Резкий толчок русская экономика получила вследствие развивавшегося экспорта хлеба; в короткое время значение его в нашем вывозе поднялось с 5,8% до 35%. При крепостном труде стоимость хлеба являлась основной слагаемой стоимости труда. За десятилетие 1856—1866 гг. хлебные цены во внутренних губерниях возросли на 240%, что разоряло промышленность; себестоимость чугуна на уральских заводах повысилась также на 240%, но рыночная стоимость чугуна, под давлением ввоза из-за границы, оставалась прежней; промышленность, работавшая с дедовской техникой, на крепостном труде, сразу стала дефицитной, крепостной труд стал невыгодным для собственников. Уголь, конечно, не пришел на смену рабам, но эксплоатация человеческого труда стала возможной лишь в условиях широкого заимствования современной техники и перехода на паровые двигатели. 60-е годы являлись периодом чрезвычайно интенсивного железнодорожного строительства. С отменой крепостного труда и промышленность и сельское хозяйство переходили на новые рельсы.

Эта рационализация труда, экономия в человеческом материале, представляет лейт-мотив творчества Милютина и в военном строительстве. Его организационные достижения могут быть характеризованы следующими цифрами: николаевская армия, при мирной численности в 910 тыс., выставляла 29 пехотных дивизий; милютинская армия, при мирном составе в 666 тыс., выставляла 48 пехотных первоочередных дивизий; итого, в организационном отношении, личный состав армии использовался в 2,24 раза рациональнее (31,4 тыс. и 13,9 тыс. мирного состава на пехотные дивизии). В действительности коэффициент повышения рационализации использования человеческого труда в армии был еще выше, так как милютинская армия отказалась от сотен тысяч солдатских детей, крепостных рабочих военной промышленности, крепостных крестьян военных поселений [1].

Эти резкие организационные достижения стали возможными вследствие общего отказа государства от натурального хозяйства, игравшего в николаевскую эпоху еще крупную роль. Денежные расходы на одного солдата милютинской армии (мирного состава) повысились до 225 рублей в год (считая в том числе все расходы военного министерства), т.-е. больше чем втрое по сравнению с николаевской армией. Это повышение денежных расходов на армию стало возможным лишь благодаря переходу государства на новую ступень экономического развития, и в то же время оно освободило население государства от ряда тяжелых натуральных повинностей—по постою, набору, транспорту, фуражному довольствию, крепостному труду. Оно позволило резко повысить санитарное состояние армии, ежегодная смертность в войсках уменьшилась больше чем втрое, с 3,7% на 1,1%; начал накапливаться запас.

Крупным достижением являлось уничтожение корпуса внутренней стражи—значительной части армии, обслуживавшей местные интересы и являвшейся лишь балластом военного ведомства. Количество местных войск для внутренней службы было сильно сокращено. Однако оставались еще губернские батальоны, уездные и местные команды, исправительные роты; только дальнейшее повышение уровня русской жизни позволило провести еще более радикальное сокращение местных войск.

---

[1] Тот же процесс рационализации использования человеческого труда проходил и в русском флоте. Количество матросов флота Николая I достигало 80 тыс., а в момент Восточной войны возросло до 125 тыс., в том числе 63 тыс.—50%—в береговых командах. В 1880 г. количество матросов равнялось 26685, в том числе в береговых командах—822, т. е. 3%.

Как и все реформы эпохи Александра II, военная реформа Милютина, как мы увидим, носит характер незаконченности. Жизнь была направлена на новые буржуазные рельсы, но уйти по новому пути удалось не слишком далеко. Это объясняется слабостью—количественной и качественной—русской буржуазии, а также неблагоприятными условиями, в которых протекали реформы: с одной стороны, значительное экономическое расстройство, вызванное войнами 1853—1856 гг. и 1877/78 г., а с другой стороны—борьба с обострившимся революционным движением и с польским восстанием 1863 г., развязывавшая руки реакционным течениям, враждебным реформе.

Военные округа. Победитель, естественно, становится образцом, с которого копирует побежденный. Весьма последовательно прусская армия к концу наполеоновской эпохи заимствовала у русской армии покрой мундиров. Точно так же в эпоху Второй империи другие государства стремились подражать победителям Малахова кургана, Мадженты и Сольферино. Ничего нет удивительного, что русская армия после Севастополя облачилась во французские кэпи и длиннополые мундиры.

Милютин и в особенности его ближайший сотрудник Обручев являлись поклонниками всего французского и заимствовали во Франции, вплоть до военного провала Второй империи в 1870 г., организационные образцы. В последней в мирное время корпусной организации не было; территория Франции делилась в мирное время на маршалаты. Соответственно и Милютин уничтожил в русских войсках на мирное время организацию их в армии и корпуса и поделил Россию на военные округа. Все войска, находившиеся на территории округа, подчинялись командующему войсками округа. Окружная организация разгрузила военное министерство от работы по непосредственному руководству и контролю войсковой жизни, позволила центральному управлению сосредоточиться на программной работе, но в обучении войск представляла шаг назад: действительно, пехота, артиллерия, кавалерия и саперы получили объединяющего начальника только в лице командующего округом, и работа по спайке различных родов оружия, по обучению их взаимодействию замерла. После Турецкой войны 1877 г. в дополнение к округам была установлена и корпусная организация, удорожавшая расходы по администрированию армии, но парализовавшая наиболее невыгодные черты окружной организации.

Тогда как во всем мире окружная и корпусная организации ныне совпадают, Россия удержала «маршалаты», несмотря на громоздкость военно-административного управления и на перевес хозяйственных интересов над боевыми, который они обуславливают. Но в свое время военно-окружная система оказывалась полезной, так как являлась орудием подавления феодальных пережитков, концентрировавшихся в русской армии николаевской эпохи в лице командующих армиями, имевшихся уже в мирное время. Отсюда феодальные круги встречали реформы Милютина так же враждебно, как во Франции XVII века встречалась деятельность Лувуа. Феодалы подчеркивали тенденцию Милютина—возвысить административный элемент над строевым, дать военному министру решающее значение в жизни армии как в мирное, так и в военное время. Феодалы рассматривали военного министра, как скромного администратора, от которого можно не требовать командного ценза, военного опыта, который может представлять «неизвестное» армии лицо, и противопоставляли ему вождя армии, заменяющего царя во главе армии, «известного войску и армии своими доблестями и опытом». Критикуя положение о полевом управлении войск в военное время 1868 г., фельдмаршал князь Барятинский протестовал против того, что ни монарх, ни представитель его на войне в этом положении не упоминаются, что штаб главнокомандующего переименован из главного в полевой, и что установлена зависимость начальника этого штаба по отношению к военному министерству. «Армия на войне подобна кораблю на океане, снаряженному сообразно указанной ему цели; он заключает в самом себе все средства существования и успеха. Как корабль, армия составляет независимое целое, доверенное главнокомандующему на тех же основаниях самостоятельной отдельности, как корабль отдается капитану, посылаемому вокруг света. В этом уподоблении заключается та непогрешимая и священная истина, которая до сих пор служила основой нашего устройства на войне...»[1]. Как далеки эти феодальные верования от действительного направления эволюции военного искусства, приведшего ныне к перманентной мобилизации и ежедневно увеличивающего значение базирования и связей, соединяющих армию с тылом—всей страной!

---

[1] С. С. Татищев, Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. II, стр. 133, изд. 2-е, Петербург, 1911 г.

Воинская повинность. Втечение 6 лет после Восточной войны новых наборов не производилось. Подражание французам задержало введение общей воинской повинности. Вначале Милютин шел по пути улучшения старой системы комплектования; общий срок службы был понижен до 15 лет; после 7 лет действительной службы солдат уходил в отпуск, и, таким образом, при улучшившемся санитарном состоянии, начал накопляться запас. Производство набора было поставлено в культурные условия; бритье части головы, арестантские приемы конвоирования новобранцев были упразднены. В 1863 г. телесные наказания в армии юридически были сведены до минимума; началась борьба с рукоприкладством, продолжавшаяся после того и в XX веке; успех ее зависел от повышения культурности командного состава. В 1867 г. началось в войсках обязательное обучение грамоте. Если в утверждении Джаншиева, что в России «народная грамотность несравненно более обязана военному министерству, нежели министерству народного просвещения» [1], и заключается некоторое преувеличение, то все же надо отметить известный успех этой работы.

В 1870 г., однако, вся эта работа по улучшению комплектования ясно обрисовалась как паллиатив: победа увенчала, в лице Пруссии, усилия вооруженного народа. Всякие сомнения должны были отпасть: нужно было привлечь к воинской повинности и господствующие классы, сделать ее общей. Записка Милютина так мотивирует необходимость реформы: «Ваше императорское величество, обратив свое внимание на чрезвычайное усиление численности вооруженных сил европейских государств, на необыкновенно быстрый переход их армий, особенно германских, от мирного положения к военному и на обширно подготовленные ими средства к постоянному пополнению убыли чинов в действующих войсках, повелели военному министру представить соображения о средствах к развитию военных сил империи на началах, соответствующих современному состоянию вооружений Европы». Сопротивление господствующих классов установлению общей воинской повинности было побеждено, таким образом, императивным требованием равняться с военным строительством Западной Европы; к тому же громадные льготы по образованию, заключавшиеся в уставе о воинской повинности 1874 г., значительно ослабляли количественное представительство дворянства и буржуазии в солдатских рядах. Последнее в сущности почти только прокламировалось манифестом 1 января 1874 г., указывавшим, что не столько важно увеличение на 20% имевшихся до сего источников комплектования армии, как важно качественное изменение этого комплектования: «Сила государства не в одной численности войск, но преимущественно в нравственных и умственных его качествах, достигающих высокого развития только тогда, когда дело защиты отечества становится общим делом народа, когда все, без различия званий и состояний, соединяются на это святое дело». На подготовку к введению общей воинской повинности ушло 3 года. И здесь сказались воспитанные бонапартизмом французские тенденции к предпочтению долгих сроков службы. Срок действительной службы был установлен в 5 лет (номинально он даже достигал 6 лет), срок состояния в запасе—10 лет. Запас полностью русская армия могла накопить лишь через 15 лет после введения общей воинской повинности, к 1889 г.

---

[1] **Джаншиев**, Эпоха великих реформ. Общая воинская повинность, 6-е изд., стр. 501, Москва, 1896 г.

Офицерский состав. Особенные усилия надо было приложить, чтобы в корне изменить командный состав—больное место николаевской армии. Однако без военизации русской буржуазии добиться коренного перелома было нелегко.

Милютин, исходя из мысли отделения специального образования от общего, приступил в 1863 г. к реформе кадетских корпусов. Он изгнал из последних муштру, как препятствие для умственного развития кадет. Пятиклассные корпуса, в которых учебные занятия прерывались военными упражнениями, были преобразованы в семиклассные военные гимназии, программа коих охватывала полностью курс реального училища. В 1881 г., с уходом Милютина в отставку, реакция уничтожила название «военные гимназии»; но воскрешенные по названию кадетские корпуса остались, по существу, милютинскими гимназиями, с небольшими изменениями формального порядка.

Воспитанники военных гимназий переходили в военные училища, где получали втечение 2 лет (специальные—3 года) военную подготовку. Слабым местом этой системы являлась дороговизна подготовки офицера втечение 9—10 лет;

при обширной системе военно-учебных заведений армия могла получать в год не свыше 400—500 офицеров из числа окончивших военные гимназии—пятую часть требуемого на пополнение нормальной убыли. Средний срок службы офицера повышался туго—с 10 лет при Николае I до 12 к семидесятым годам и достиг 18 лет только в XX столетии.

По отношению к четырем пятым комплектования офицерского корпуса пришлось сохранить пониженные требования. Милютин установил правило, что без экзамена по минимальной программе никто не может быть произведен в офицеры. Для подготовки к этому скромному экзамену была развита сеть юнкерских училищ. Юнкер—филологически означает молодого человека из низших слоев дворянства .Вопреки этому филологическому значению, юнкерские училища были всесословными; они пополняли наибольшие зияющие пробелы в образовании своих воспитанников, имевших очень слабую общую подготовку, и давали практическую военную подготовку к командованию взводом.

Слабое развитие общего образования в России и отсутствие тяготения образованной буржуазии к военной службе заставило разделить русский офицерский корпус на белую и черную кость, семиклассников и четырехклассников; это вело к развитию самодеятельности одних, к принижению и ограничению горизонтов других. И в этом расслоении офицерского корпуса—правда, по нужде—мы шли по стопам французов, имевших офицерскую аристократию из Сен-Сирской и Политехнической школ и офицерскую демократию из унтер-офицерских училищ[1]. Мы были уже в конце XIX столетия в силах отказаться от юнкерских училищ, но нужны были неудачи Русско-японской войны, чтобы покончить с этим раздвоением офицерского комплектования.

К моменту войны 1877 г. сохранялась еще значительная часть офицеров, произведенных ранее без экзамена, т. е. не получивших подготовки и в юнкерских училищах. Только с 1874 г. было приступлено к мероприятиям по накоплению офицеров запаса; последних к 1877 г. еще не имелось, и покрыть разницу в 18 тыс. офицеров между мирным и военным составом армии (26 тыс. и 44 тыс.) можно было лишь путем избрания кандидатов среди унтер-офицеров. Замещение при мобилизации должностей военных врачей встречало также большие затруднения.

---

[1] **Во Франции наличие последних объясняется революционно-бонапартистской традицией—не закрывать офицерской карьеры перед малообразованным солдатом. Однако традиция гласила о проталкивании талантливых солдат в маршалы, а толкование ее задерживало их на обер-офицерских должностях.**

Высший комсостав и генеральный штаб. Высшие назначения по военному ведомству исходили непосредственно от Александра II, и Милютин не мог на них влиять. Политическая благонадежность попрежнему расценивалась много выше боевой пригодности. О состоянии генералитета можно судить по письму генерала Циммермана, командовавшего действовавшим, или, вернее, бездействовавшим в Добрудже XIV корпусом, к Милютину от 28 июля 1877 г. В очень мягких выражениях Циммерман так характеризует своих начальников дивизий: «командуют генералы, идущие в первый раз на войну», один из них «не имеет почти никаких сведений и вообще недалеких способностей», другой—«человек неглупый, но нерешительный»; третий «мало знает пехотную и артиллерийскую часть». При большей откровенности командир корпуса, вероятно, сказал бы, что все трое никуда не годны.

Милютин стремился вывести русский генеральный штаб из русла штабной работы на больший простор. В 60-х годах он установил требование командования полком до назначения на штабные генеральские должности, а в 1872 г.—и обязательного отбытия годичного ценза командования ротой или эскадроном. Таким образом постепенно подготовлялись более пригодные кандидаты для замещения высших должностей. Пока же приходилось считаться с недооценкой людей широкого кругозора.

Милютин предлагал на должность начальника штаба действующей на Балканах армии наиболее образованного генерала Обручева, составившего план войны с Турцией, целиком одобренный главнокомандующим—Николаем Николаевичем старшим. Наследник, будущий император Александр III, намеченный для командования важнейшей группой корпусов, хотел взять Обручева своим начальником штаба. Но так как Обручев имел репутацию либерала, то Николай Николаевич отказался вовсе допустить его в состав действующей армии. Вместо него начальником штаба действующей армии был назначен Непокойчицкий, уже 20 лет ушедший от строевой и штабной службы. Газенкампф аттестует Непокойчицкого так: подлинная канцелярская машина, простое соприкосновение с которой убивает всякое проявление жизни; для него не существует ни людей, ни требований войны, а только «входящие» и «исходящие». Помощником его, фактическим руководителем оперативной части был избран Левицкий, составитель рыночного справочника по тактике, впечатлительный, неуравновешенный командир гвардейского кавалерийского полка с ореолом учености сомнительного профессора тактики.

Перевооружение. После прусских успехов 1866 г., приписанных главным образом заряжающемуся с казны ружью, наши шестилинейные штуцера, которыми была вооружена армия после Восточной войны, были спешно переделаны, по системе Крнка, для заряжания с казны. В 1870 г. мы избрали лучший образец пехотного ружья того времени, системы американца Бердана; 30 тыс. винтовок Бердана было заказано в Англии, а с 1872 г. к валовому изготовлению их приступили наши заводы. Милютин переоборудовал заново Тульский, Ижевский и Сестрорецкий заводы, снабдил их паровыми двигателями и новейшими станками. При крайнем напряжении они могли изготовлять до 400 тыс. винтовок в год.

К началу мобилизации 1876 г. около 10% пехоты (гвардия и стрелки) и большая часть конницы закончили свое перевооружение; кроме того 230 тыс. винтовок Бердана имелось на складах. Превосходство берданки было очевидно: патрон крнки весил в полтора раза больше, экстракция гильз у крнки была неудовлетворительна; берданка давала удовлетворительный огонь на дистанцию вдвое большую, чем крнка. Для войны на Балканском полуострове намечалось всего 7 корпусов; с начала мобилизации до начала военных действий имелось полгода времени. В этих условиях, казалось бы, естественнее всего было перевооружить берданками части действующей армии. Этого сделано не было; высокое начальство скорее опасалось, чем приветствовало дальнобойность и скорострельность берданок, которые, по его мнению, могли привести к тому, что пехота окажется в критические минуты боя без патронов; указывалось также на невыгоды выступления войск в поход с оружием, не изученным в мирное время, с которым еще не проходили курса стрельбы, приэтом ссылались на будто бы неудовлетворительные результаты спешного перевооружения австрийской пехоты хорошим штуцером в кампанию 1859 г. Так русская пехота, оставив берданки в складах, и отправилась воевать с крнками. Наша военная промышленность в 1877/78 г. работала на склад, а не на обширный рынок, открытый войной.

Опыт войны 1866 г. заставил нашу полевую артиллерию поспешить перевооружиться нарезными, заряжаемыми с казны пушками. Дальность бронзовых пушек образца 1867 г. была недостаточная: 9-фунтовые пушки давали действительный огонь на 1 800 *м*, а 4-фунтовые—основной образец полевых батарей—только на 1 400 *м*. По укреплениям огонь их почти не давал результатов. Перевооружение прекрасными стальными орудиями образца 1877 г. стояло на очереди, но осуществлено во-время быть не могло.

Мобилизация. Осенью 1876 г. мы находились только на третьем году действия общей воинской повинности и не имели еще ни одного возраста запасных, уволенного на новых началах. Запас еще образовывался досрочно уволенными солдатами, призванными по рекрутским наборам. Вследствие санитарного благополучия этот запас превосходил в 2,6 раза запас начала Восточной войны и достигал 556 тыс. Но мирный состав—692 тыс. солдат и офицеров—в случае общей мобилизации должен был увеличиться до 1 800 тыс.; недостаток запаса в 1876 г. достигал, таким образом, 612 тыс., не считая необходимых укомплектований втечение самой войны. Государственное ополчение могло выставить в три очереди, по 200 тыс. каждая, 600 тыс. человек. К формированию ополченских частей в войну 1877/78 г. прибегать не пришлось, но, несмотря на частный характер мобилизации, пришлось позаимствовать 170 тыс. ратников ополчения для мобилизации полевых частей.

Сверх указанных 692 тыс. солдат в мирное время содержалось 57 тыс. казаков, число коих при мобилизации должно было возрасти до 161 тыс.; на льготе числилось 197 тыс. казаков, что с избытком покрывало мобилизационную потребность.

По действовавшему тогда мобилизационному расписанию № 6 мы выставляли обширные запасные части, в том числе 199 запасных батальонов,—как ни удивительно, но на десяток запасных батальонов больше, чем это было намечено, по явному недоразумению, перед Мировой войной.

Переходное состояние, в котором находилась армия, несколько затрудняло производство общей мобилизации. Последняя, однако, вследствие постепенного перехода от угроз к действию, а также первоначальной недооценки противника, развивалась поэшелонно, в виде ряда частных мобилизаций. В первом эшелоне мобилизовалось всего 20 пехотных дивизий с соответственной артиллерией и сильной конницей. Первым днем мобилизации было назначено

2 ноября 1876 г.; подлежало призыву 254 тыс., из них на пятый день мобилизации на призывные пункты явилось уже 75%; уклонившихся оказалось всего не более, 0,5%. Эта первая, в настоящем смысле этого слова, русская мобилизация свидетельствует о высоких достижениях военного ведомства при Милютине. Сосредоточение этих 5/12 русской армии (20 дивизий из общего числа 48) на юге России было закончено к концу второго месяца мобилизации.

С объявлением войны, в апреле 1877 г., было мобилизовано еще 7 пехотных дивизий. Прибытие их на театр военных действий закончилось лишь в конце августа [1]. Вторая неудача под Плевной заставила мобилизовать в начале августа третью порцию—еще 8 пехотных дивизий, в том числе гвардию и гренадер, и приступить к формированию 3 резервных дивизий, предназначенных для этапной службы. Боеспособность этих дивизий была очень слабая вследствие неудовлетворительного состава офицеров. Дивизии, мобилизованные в начале августа, к началу ноября закончили сосредоточение на Дунае. К концу войны оставались немобилизованными 12 пехотных и 6 кавалерийских дивизий со своей артиллерией и 3 стрелковые бригады—приблизительно четвертая часть русской вооруженной силы. Численность русской армии достигла летом 1878 г., к моменту демобилизации, 1 800 тыс. человек, в том числе действующих—707 батальонов пехоты и тыловых и запасных—491 батальон. За время войны и оккупации действующая армия получила 147 тыс. пополнений. По всем мобилизациям было призвано 1 225 тыс. человек и взято 300 тыс. лошадей, т. е. в пять раз больше, чем по первой частной мобилизации. Эта масса мобилизованных слагалась из 555 тыс. запасных, 100 тыс. льготных казаков, 170 тыс. ратников ополчения, 300 тыс. новобранцев. Тогда как в Восточную войну количество обученных при пополнении армии во время войны не превышало 14%, в войну 1877/78 г. оно достигало 60%.

Кампания 1877 г. была начата русскими на главном Балканском театре с 150 тыс., а закончена (зимний переход через Балканы) массой в 500 тыс. Эшелонность стратегического развертывания русских сил в 1877 г. объясняется ошибками русской политики и стратегии; но так как теперь объективные причины—необходимость новых формирований—толкают все государства на тот же путь перманентной мобилизации и эшелонного развертывания, то общее течение Русско-турецкой войны во многом сближается с современностью: энергичное начало, кризис, ведущий к позиционному сидению, и быстрая развязка по преодолению этого кризиса, связанного с полным военным истощением одной из сторон.

---

[1] Все даты—по новому стилю.

Тактика. Война застала русскую пехоту в момент перехода ее от трехбатальонной организации полков к четырехбатальонной. Основная масса пехоты выступила в трехбатальонном составе, чтобы вступить в бой в твердо устоявшихся организационных формах, хотя и забракованных уже теорией. Старая организация крайне невыгодно отозвалась на тактических действиях русской пехоты. Дело в том, что трехбатальонная организация сохраняла деление пехоты на легкую и линейную; батальон состоял из 5 рот, в том числе 1 стрелковой и 4 линейных. Штуцерные и застрельщики эпохи Севастополя были собраны в одну из рот батальона; она перевооружалась в первую очередь берданками, а если сохраняла ружья Крнки, то имела прицел на большую дистанцию, чем линейные роты, и проходила особый курс стрельбы. Стрелковая рота всегда рассыпалась в первую очередь; линейные роты наступали близко за ней в ротных колоннах, на небольших интервалах, не превышавших фронта развертывания ротной колонны; боевой порядок батальона растягивался по фронту не больше чем на 300 шагов. Такое деление на линейную и легкую пехоту вело к тому, что только 20% русской пехоты получили надлежащую боевую подготовку и разумно использовались в бою; остальные 80% представляли только массу для штыкового удара и использовали огонь своих ружей лишь эпизодически, залпами из сомкнутого строя. Эта организация была уже теоретически осуждена; на смену ей должны были притти четырехбатальонные полки с батальонами из четырех одинаково вооруженных и обученных рот. Однако помимо гвардии новая организация почти нигде не была введена—из страха перед новшеством, еще не переработанным в мирной жизни войск.

Боевой порядок русского батальона был очень скучен; четыре пятых батальона оставались под огнем в сомкнутом строю; никто не применялся к местности; муштра проникла и в действие стрелковых цепей, которые подравнивались. Основного выигрыша расчлененного порядка—несвязанности отдельных частей и возможности широкого проявления инициативы младшим начальникам—не получалось. Мы только формально отказались от линейного порядка,—механический порядок построения и залпового огня удерживался.

Ружье Крнки могло поражать неприятеля на дистанции до 2 тыс. шагов, но было снабжено прицелом только на 600 шагов. Несомненно, следовало заботиться о том, чтобы пехота не злоупотребляла огнем с дальних дистанций, что грозило оставить пехоту в решительные минуты боя на близких дистанциях без патронов. Но эта забота должна была бы выражаться прежде всего в надлежащем обучении и воспитании пехоты; механический подход к этой задаче в виде снабжения русских ружей Крнки, а потом и берданок, умышленно коротким прицелом раздражал войска, лишал их веры в свое оружие, неспособное состязаться с турецким на дальних дистанциях.

Подготовка русской пехоты в 1877 г. исключительно к ближнему бою была ошибочна и потому, что в эту эпоху тактического развития огонь артиллерии был еще слаб; от пехоты требовалась огневая подготовка со средних и дальних дистанций; того мощного артиллерийского огня, который в настоящее время заставляет рассматривать пехоту исключительно как род оружия ближнего боя, еще не было.

Пехота почти не имела представления об устройстве окопов и не располагала носимым шанцевым инструментом. В тылу шанцевый инструмент возился по расчету 10 лопат, 24 топора, 6 кирок и мотыг, 1 лом на роту, но во-время подвезти и использовать его не умели. Русская армия готовилась исключительно к наступлению; презрение к обороне и вытекавшая из него неуверенность в обороне приводили к тяжелым кризисам каждый раз, как наступление захлебывалось. А такие недоразумения должны были повторяться часто при недостаточном уважении к огню и ставке почти исключительно на штык.

Пехотинец нес на себе 60 патронов к Крнке; общий вес его снаряжения приближался к двум пудам; тяжесть снаряжения делала русскую пехоту не слишком пригодной к быстрым маршам. Тяжелые ранцы мешали стрельбе лежа, и перед атакой их обыкновенно снимали; в случае неудачи ранцы часто пропадали.

На 12 батальонов дивизии имелось 6 восьмиорудийных батарей; русская артиллерия была, таким образом, совершенно достаточна по количеству; в числе орудий на батальон мы превосходили турок втрое. Но это превосходство не было использовано нами решительным образом.

В техническом уровне материальной части мы несколько уступали туркам [1].

Наша артиллерия могла бы существенно разгрузить пехоту, если бы она, по примеру австрийцев в 1866 г. и пруссаков в 1870 г., выдвигалась всей массой в начале боя на решительные дистанции и подавляла бы огонь противника и передвижение его резервов. Этого, к сожалению, не было. Личный состав русской артиллерии решительно отстал от требований техники и тактики. Слишком много батарей удерживалось в резерве; батареи вступали в бой изолированно и не массировали своего огня; батареи часто занимали позиции на пределе досягаемости; батареи с развитием наступления забывали о том, что и им следует выноситься вперед; батареи несли малые потери, но углубление артиллеристов в хозяйственные интересы, их отрыв, неспаянность с пехотой последней приходилось оплачивать огромными потерями. Низкий уровень тактической подготовки артиллерии объясняется тем, что в мирное время она не входила в состав дивизий, корпусов же не было, и единственным начальником, объединявшим в одно тактическое целое роды войск, являлся командующий войсками округа. Такое объединение в мирное время могло быть только фиктивным.

Наша артиллерия плохо обучалась стрельбе в мирное время. В год на батарею отпускалось 128—200 снарядов, из них только 4 шрапнели и 4 гранаты; остальные снаряды были учебными, не рвавшимися, с дымовой трубкой. Обучиться стрельбе шрапнелью в этих условиях было трудно. Главное внимание обращалось на призовую стрельбу наводчиков по большим щитам с близкого расстояния, не имевшую никакого боевого значения. Стрельба батарей основывалась еще на «принципе самостоятельности наводчика», господствовавшем при гладкой артиллерии. Командир батареи назначал наугад дистанцию для первого выстрела, а дальше каждый наводчик должен был оценивать расстояние, на котором его снаряд лег от цели, и вводить соответственные поправки; на знакомом полигоне, на малых дистанциях, при стрельбе по огромному щиту-забору наводчик мог еще справляться с этим требованием; в боевых же условиях, с увеличением при переходе к нарезным орудиям дистанций стрельбы, оценка наводчиком интервала падения снаряда была явно невозможной. Народившееся в Пруссии в конце 60-х годов искусство пристрелки, основанное на единоличном управлении командиром батареи ее огнем, начало пропагандироваться у нас с 1873 г., но только через полтора десятка лет стало хотя бы отчасти усваиваться новым поколением командиров батарей. Офицерские школы для переучивания командиров, давно, уже при отжившей технике, покинувших военные училища, тогда еще не были известны; они представляют завоевание 80-х годов. В 1877 г. мы выступили с нарезными пушками, но гладкостенным командирским составом.

---

[1] **Низкий технический уровень материальной части нашей артиллерии и вопиющая техническая безграмотность наших командиров батарей в искусстве стрельбы совпали с золотым веком русской артиллерийской академии, профессора коей славились своей ученостью и энергично помогали своей консультацией Круппу.**

В назначении высшего комсостава руки у Милютина были связаны. Начальники дивизий были слишком необразованы, как утверждали в то время, чтобы им можно было подчинить в мирное время артиллерийские бригады. В результате начальники дивизий оставались в младенческом неведении относительно артиллерии и не умели ее употреблять, а в артиллерии росли цеховые и хозяйственные тенденции. Милютину приходилось строить армию снизу, подготовляя смену—новое, более просвещенное поколение начальников.

Образованные при мобилизации русские армейские корпуса состояли из двух пехотных и одной кавалерийской дивизий. Распределение нашей многочисленной кавалерии—в действующей армии насчитывалось всего 149 эскадронов и сотен на 100 батальонов—по корпусам представляло неудачное мероприятие. Опыт последних войн был истолкован русской конницей в общем правильно, как затрудняющий до крайности производство кавалерийских атак на поле сражения; наша кавалерия, имевшая решительное превосходство по качеству и количеству над турецкой конницей, охотно бросалась на конного, преимущественно нерегулярного противника, но участия в боевых действиях против турецкой пехоты и артиллерии вовсе не принимала. Мы должны были бы стремиться к широкому использованию кавалерии на театре военных действий; нам следовало бы иметь, по образцу пруссаков в 1870 г., самостоятельные кавалерийские дивизии, которые бы выбрасывались на несколько переходов перед фронтом армии для дальней разведки, для выполнения роли оперативного авангарда, для широких охватов и давления на тыл турецких отрядов.

Распределенная по корпусам, наша конница была сведена на скромную, вспомогательную роль дивизионной конницы. Она добросовестно втечение всей войны несла службу охранения, выставляя непосредственно впереди пехоты цепи конных постов и застав; кавалерийское охранение выставлялось перед пехотой на ночь и в тех случаях, когда пехота, не успев закончить боя, ночевала в соприкосновении с неприятелем. Конечно, это самый не экономный способ расходования кавалерии. Она несла службу связи, выставляя посты летучей почты, а также конвойную службу; каждый начальник стремился иметь свиту из нескольких конных, которые возили его пальто и на остановках сходили за денщиков. Такое крепостническое отношение к коннице в связи с отвратительным составом кавалерийских начальников развратило ее в крайней степени. В сентябре и октябре 1877 г. Плевна наблюдалась с тыла, на левом берегу р. Вида, 75 русскими эскадронами и сотнями; вследствие многочисленных откомандирований, они представляли массу не в 11 тыс., а только в 6 тыс. коней. Все же это была очень почтенная масса конницы. Турки провели через ее расположение по Софийскому шоссе 22, 23 сентября и 6 октября большие транспорты, по 8 тыс. повозок, под прикрытием пехотных бригад с артиллерией, много слабейшей наших конных батарей.

Несмотря на жалкий тактический уровень развития, русские войска представляли все же крупную силу; дисциплина была крепка, кадры были значительны, мобилизованные успевали за несколько месяцев, протекавших от призыва до прибытия на театр военных действий, вполне освоиться и уложиться в свои роты. В руках более искусных начальников—Скобелева, Гурко, Драгомирова, Радецкого—наши полки могли давать большое напряжение и достигать крупных результатов.

Политическая обстановка. Развивавшееся в Турции в середине 70-х годов национально-революционное движение младотурок, сопровождавшееся двумя дворцовыми переворотами, расценивалось недостаточно искушенными знатоками Турции, как распад турецкой государственности. Для вмешательства России в турецкие дела обстановка была более благоприятной, чем в эпоху Восточной войны. Франция после поражения 1870 г. стояла перед опасностью нового германского вторжения и не могла активно защищать Турцию. Австро-Венгрия, потеряв свое положение в германском союзе и свои итальянские владения, направила сама свои активные усилия в сторону Балкан, подготовляла аннексию Боснии и Герцеговины и поддерживала в них аграрные бунты сербских крестьян, католиков и православных, против помещиков-мусульман. В 1876 г. между Австро-Венгрией и Россией был заключен тайный договор, предусматривавший образование на Балканах не одного обширного славянского государства, а ряда самостоятельных государств [1], и расширение Австро-Венгрии за счет Боснии и Герцеговины, а России—за счет возвращения утраченных ею по Парижскому миру 1856 г. бессарабских уездов, прилегающих к устью Дуная, а также Батумского порта на кавказском побережьи. Благожелательный нейтралитет Германии был обеспечен. Англия, заинтересованная в том, чтобы отвлечь Россию от дальнейшего расширения туркестанских владений в сторону Индии, склонна была обнадеживать мусульманскую революцию в Турции на оказание сопротивления России, но была бессильна вступить с Россией в открытую борьбу. Русская дипломатия в начале войны с Турцией успокаивала англичан заявлением, что русская армия не предполагает переходить Балканы.

На попытку восстания болгар в Родопских горах турки ответили рядом погромов болгарского населения. Турция казалась столь слабой, что Россия, сама не выступая, выдвинула Сербию. Это вассальное турецкое княжество имело лишь зародыш армии в виде едва организованной милиции. Недооценка сил Турции была такова, что казалось, что выступление Сербии, связанное с общим восстанием всех христиан, покончит с господством турок на Балканском полуострове. Из России в Сербию отправился генерал Черняев во главе полутора тысяч добровольцев; 1 500 тыс. рублей было собрано в России по подписке в помощь Сербии. Серпо-турецкая война 1876 г., однако, показала, что борются несравнимые в военном отношении величины. 30 октября 1876 г. сербская армия была на-голову разбита под Дьюнишем.

Несмотря на потрясение революционным движением всего государственного организма Турции, оказалось, что турецкая мобилизация проходит успешно, и что турецкий солдат не утратил своих высоких боевых качеств. Дележ Турции требовал предварительной серьезной войны. Австро-Венгрия уклонялась от военного выступления. Русское правительство, сознавая экономическую, политическую и военную неготовность России к решению крупных исторических вопросов, сознавая, насколько большая война со связанными с ней затратами гибельно отзовется на экономическом развитии государства, попыталось также уклониться от военного столкновения с Турцией. Но это ему не удалось: славянофильская агитация, работавшая с 1875 г. полным ходом, первоначально—с одобрения правительства, успела слишком сильно сосредоточить внимание русского общества на необходимости помочь балканским славянам. Выступление Сербии всеми понималось, как выступление русского авангарда; предоставление ее на уничтожение туркам было бы принято, как прямая измена русским интересам. Турция в глазах русского общества рисовалась таким государственным гнильем, что достаточно будет нескольких русских дивизий, чтобы нанести ей смертельный удар.

---

[1] Балканизация стала нарицательным словом, под которым разумеется дробление крупных государственных образований на части, с особыми, противоречивыми местными интересами.

Русское правительство попыталось уклониться от войны, став на путь угроз: Турции был предъявлен ультиматум—заключить с Сербией перемирие на 2 месяца. Турки подчинились этому требованию, но английское правительство (лорд Биконсфильд) горячо поощряло их к сопротивлению. На провокацию англичан, связанную с сосредоточением английских морских сил в Средиземном море и небольшого десантного корпуса на Мальте, Россия ответила частичной мобилизацией, охватившей две пятых всей ее армии. Черноморское побережье было сильно занято, в Бессарабии и Закавказьи развернулись небольшие армии.

Угрозы, перегруппировки войск, оперативные развертывания, за которыми непосредственно не следует удар, как и всякие другие полумеры, являются признаком внутренней слабости и приносят один ущерб. Турецкая мобилизация, начавшаяся еще с 1875 г., под влиянием русских угроз, в зиму 1876/77 г. продолжалась еще с большим напряжением, и, по мере накопления мобилизованных частей, Турция становилась все неуступчивее. Тогда как многие полагали, что силы Турции уже истощены восстаниями и малой войной с Сербией, и что Турция будет не в силах воевать третий год подряд, оказалось, что Турция только на этот третий год подошла к полному стратегическому развертыванию своих сил.

Логика требовала от России, чтобы она перешла от угроз, перед которыми турки не уступали, к действию.

24 апреля 1877 г. русское правительство, наперекор своим желаниям, объявило Турции войну. Русская политика не сумела уклониться от войны, которая, естественно, должна была поднять исторический вопрос о владении Босфором, к решению которого русский империализм еще не созрел. И в то же время скептический подход русской политики к завязавшейся войне толкал стратегию на полумеры, на ведение дешевой войны лишь частью имевшихся сил.

Подготовка войны на фронте внутренней политики была проведена славянофильской агитацией; эта подготовка казалась блестящей, но была поверхностной и недостаточной для серьезной войны. Когда начались тяжелые испытания под Плевной, в обществе создалось критическое отношение к войне: о ней уже начинали говорить, как «о пикнике дома Романовых». Плевненские неудачи создали настроение, родственное с настроениями после ляоянской неудачи в 1904 г.; обозначались уже вехи, по которым революционное движение развилось бы и в 1878 г., если бы фронт счастливо не преодолел кризиса.

Моментом серьезного охлаждения славянофильского порыва явилось непосредственное знакомство русской армии с болгарским крестьянством. «Угнетенные» турками Болгары оказались много зажиточнее русских крестьян. Болгары громили турок в районах, очищенных русскими от турецких войск, но сами не торопились записываться в дружины и брать у русских ружья, чтобы завоевывать своими руками собственную свободу.

Англия сумела удержать Сербию и Грецию от вступления в войну до решительных побед русских. От содействия румын мы вначале отказывались сами, имея в виду предстоящее отобрание от них бессарабских уездов, потерянных нами по Парижскому миру 1856 г.

Эта затянувшаяся война обошлась России в 1 020 млн. рублей, так дорого—из-за нежелания раскошелиться в достаточной степени сразу. Военные расходы были покрыты преимущественно внутренними займами на сумму 1 057 млн. рублей и небольшим внешним займом в 73 млн.; к тому же было выпущено на 500 млн. бумажных рублей, что уронило курс бумажного рубля с 85 коп. золотом до 50 коп. Несмотря на ряд серьезных финансовых ошибок, русская финансовая система все же в общем выдержала тяжелое испытание этой войны.

Турецкая армия. Отсутствие буржуазии и вообще элементов городского населения, чисто крестьянский состав армии представлял черту сходства турецкой и русской армий. Турецкий крестьянин, честный, работящий, храбрый, легко подчиняющийся дисциплине, представлял элемент, из которого с необычайной быстротой мог быть создан солдат. Мусульманское духовенство, фанатичное, преданное султану и турецкой государственности, сторожило его сознание. Никакое образование не углубило его способности к самостоятельному суждению, к критической оценке событий.. Если это отсутствие критицизма в солдатской массе в огромной степени облегчало и ускоряло работу командного состава по воспитанию бойца, то оно имело и обратную сторону. В солдатской массе могли молниеносно распространяться самые невероятные слухи, и мышление и психика солдат не были вооружены для стойкой борьбы с ними. Панический страх легко овладевал солдатской массой; героизм последней был неустойчив, так как в основе его заключалась покорность фаталиста судьбе. Турецкие солдаты покорно выдерживали подчас сильнейший огонь, но порой они останавливались перед легким препятствием, если им казалось невозможным его преодолеть. «Олмас»—нельзя, не идет, ничего не выходит,—с этим турецким словом концентрируется представление о внезапном падении энергии, о бесполезности дальнейших усилий, о подчинении сложившейся обстановке; это сигнал к своего рода забастовке на поле сражения, к обращению героев в толпу беглецов или покорных пленников. «Олмас» встречался у турецкого крестьянина, одетого в солдатскую шинель, гораздо чаще, чем у русского крестьянина в той же шинели, вследствие того, что турецкий солдат имел несравненно слабейшую опору в командном составе армии и ее организации. Турецкие строевые офицеры на 90—95% представляли тех же крестьян—унтер-офицеров, иногда даже вовсе неграмотных, произведенных после экзамена только по уставам.

В штабах, в артиллерии, инженерных частях, отчасти в регулярной коннице служили офицеры, получившие образование в немногочисленных военных училищах или за границей. Эти кадры нараставшего младотурецкого движения были еще слабы и не охватывали войсковой массы. Высшее командование представляло пеструю смесь пашей—выходцев из иностранных армий, являвшихся представителями разнообразных доктрин, пашей—интриганов, выдвинутых дворцовым фаворитизмом, пашей—дряхлых стариков, и пашей—

толковых генералов, обостривших свое военное понимание в борьбе с рядом восстаний турецких провинций.

Организация турецкой армии представляла ставку на вооруженный народ, вернее—на часть вооруженного народа, так как воинская повинность не распространялась на многие провинции. На новый путь военного строительства Турция встала еще в 1826 г., после подавления бунта и упразднения корпуса янычар. В тяжелые годы приступа к новому военному строительству Турция вела неудачную для нее войну с Россией 1828/29 г. Образцом для турецкой реформы являлось прусское военное устройство; туркам помогали прусские инструктора, в том числе и Мольтке, выполнивший крупные работы. В эпоху Восточной войны турецкая армия имела комплектование, основанное на более современных принципах, чем армии русская, французская, английская. Мусульмане, взятые по воинской повинности, служили 12 лет: 5 лет на действительной службе и 7 лет в запасе. Помимо 6 перволинейных корпусов (низам) общей численностью в 118 тыс., излишек запасных позволял мобилизовать такое же количество корпусов ландвера (редифа).

Редиф имел в мирное время небольшие офицерские и унтер-офицерские кадры, по временам собирался на ученья; однажды в 7 лет состоящие в редифе созывались на маневры. Однако воинскую повинность в Турции не удалось распространить ни на христиан, уплачивавших особый военный налог, ни на ряд провинций с преобладающим нетурецким населением: часть Курдистана, вся Албания, Аравия, Ливан, Бассора, Триполи, Крит, острова Архипелага не участвовали в комплектовании турецкой армии. Эти провинции выставляли почти небоеспособную милицию. Слабым местом турецкого военного устройства являлось почти хроническое состояние банкротства турецкого казначейства. Бедность государства жестоко отзывалась на армии. Войска часто не получали жалованья, и даже паек переставал выдаваться. Одежда, обувь не получались во-время: дисциплина расшатывалась, и начинались грабежи. Мобилизационные запасы часто отсутствовали.

В 1869 г. Турция сделала дальнейший шаг на пути к вооруженному народу, увеличив длительность воинской повинности с 12 до 20 лет. Служба в низаме продолжалась 6 лет: 4 года действительной службы и 2 года состояния в запасе; затем 6 лет состояния в ландвере—редифе и 8 лет состояния в ландштурме—мустафхисе. Численность годового контингента низама была определена в 37 500 человек:

на самом деле вследствие финансовых трудностей она была меньше. Не попавшие на действительную службу зачислялись прямо в редиф. Часть мустафхиса решено было использовать как дополнительный призыв редифа. Низам, по мирным штатам, должен был насчитывать 150 тыс., после мобилизации—210 тыс.; редиф насчитывал 270 тыс. и мобилизуемый мустафхис—145 тыс.; итого получалась солидная вооруженная сила в 625 тыс. человек; число же всех мужчин, состоявших на военном учете, приближалось к миллиону. Кроме того курды, албанцы, выселившиеся из России черкесы выставляли нерегулярные вспомогательные части, занимавшиеся, впрочем, преимущественно грабежом мирного населения (баши-бузуки).

Мобилизация турецкой армии, вызванная восстанием в Боснии, началась в 1875 г.; в 1876 г., после предъявления Россией ультиматума, турецкая мобилизация получила характер крайнего напряжения сил; развертывание вооруженных сил тормозилось лишь государственным банкротством,—Турция прекратила платежи по своим долгам.

Командный состав редифа и мустафхиса был очень слаб; ротами командовали командированные из низама унтер-офицеры. Конница, особенно регулярная, была очень немногочисленна. Запряженных батарей в редифе и мустафхисе почти не формировалось; к началу Русско-турецкой войны насчитывалось 580 батальонов пехоты (в том числе 181 батальон низама), 147 эскадронов и 858 полевых орудий (в том числе 794 полевых орудий низама). В мобилизованной армии количество орудий, приходящихся на батальон, падало, таким образом, втрое—с 4,3 до 1,4 орудия.

Русским постоянным, крепко организованным полкам предстояло померяться силами главным образом с турецким ополчением. Турецкое ополчение—мустафхис—было, пожалуй, не худшей частью турецкой армии; контингент, выставленный вассальным Египтом—11 тыс., как будто и прочно организованный, по боеспособности был, вероятно, еще ниже.

В мирное время в Турции имелось 7 корпусных округов; в военное время организация высших соединений существовала, повидимому, только на бумаге. Произвольное число батальонов образовывало полк, произвольное число полков входило в бригаду и дивизию; в общем имелись преимущественно импровизированные из низама, редифа и мустафхиса отряды. Качество их было весьма различно. Части, мобилизованные первыми против босняков, сербов, черногорцев, сколачивавшиеся втечение года, уже обстреленные и одержавшие победы, были много сильнее новых формирований, начатых одновременно с русской мобилизацией в конце 1876 г. и стянутых в четырехугольник крепостей восточной Болгарии. Еще слабее были новые части, импровизированные турками из редифа и мустафхиса втечение самой войны, когда лучший солдатский материал и средства уже иссякали. Запасных войск не было, и первоначально мобилизованные, приобревшие боевой опыт батальоны постепенно вымирали, не получая пополнения. Численность батальона колебалась от 774 человек до 100 человек. Высшее военное управление образовывалось военным министром, морским министром, самостоятельным генерал-фельдцехмейстером, высшим военным советом—органом, утверждавшим решения военного министра, и тайным военным советом при султане, распоряжавшимся помимо военного министра. Главнокомандующий был свободен в приведении в исполнение только тех планов, которые получили в Константинополе одобрение перечисленных учреждений. Подчиненные военному министру генералы стремились иметь поддержку в Константинополе и представляли обходными путями свои контрпроекты. Создавалась удивительная анархия; у всех были связаны руки, и все были безответственны. Интриги и отстаивание колокольных интересов характеризуют высшее турецкое управление.

Для вооружения пехоты турки имели перед войной лишь 325 тыс. ружей Снайдера, типа нашей Крнки, но с прицелом на 1 300 шагов. Чтобы пополнить и улучшить вооружение, Турция закупила в Соединенных Штатах, у компании Пибоди, 600 тыс. ружей Пибоди-Мартини, несколько уступавших по качеству нашим берданкам, но имевших прицел на 1 800 шагов. Перевооружение турецкой пехоты началось в октябре 1876 г.; к началу Русско-турецкой войны 310 тыс. ружей Пибоди были розданы войскам. 70% турецкой пехоты получили лучшее оружие. Противоположное, по сравнению с Россией, отношение Турции к вопросу перевооружения дало ей крупный плюс.

В вооружении артиллерии Турция равнялась по Пруссии. Небольшая часть полевых орудий была бронзовая, устаревшего прусского образца Варендорфа; основная масса полевой артиллерии имела новые дальнобойные стальные орудия.

Турецкое правительство очень скупо отпускало в мирное время кредиты на содержание кадров армии, часто задерживало отпуск жалованья и пайка. Но оно охотно шло на материальные затраты по подготовке к войне. Много денег ушло на крепости; на сухопутных и береговых укреплениях имелось до тысячи крупповских стальных орудий.

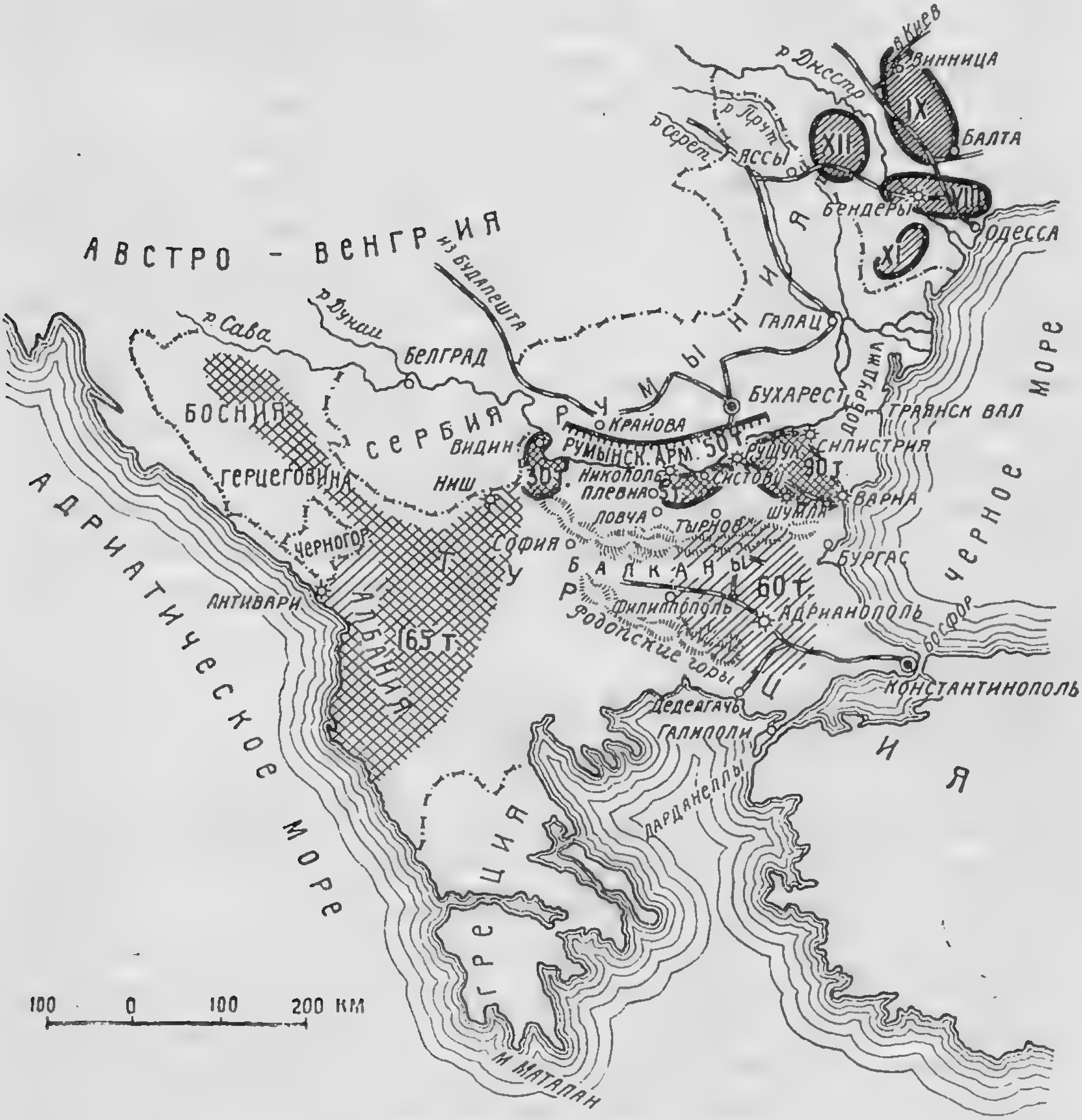
Ни обозов, ни госпиталей, ни полевого интендантства в Турции не было. Каждая рота получала примерно по четыре вьючных животных; остальной обоз должен был образовываться собираемыми в мере надобности обывательскими повозками. Снабжение шло от довольствующих органов военного ведомства, которые в каком-либо пункте позади частной армии нагромождали большой магазин. Каких-либо звеньев, которые соединяли бы этот магазин с войсками на фронте, в организации не было. Это стесняло до крайности способность турецких войск к маневрированию.

Малоподвижность войск мало смущала турецкое правительство. Поскольку русская армия получала одностороннюю подготовку к наступлению, постольку же турки односторонне готовились к обороне. Они умели с чрезвычайной быстротой возводить хорошо примененные к местности укрепления. Надежды и планы турок сводились к тому, чтобы втянуть русских в осадную войну, особенно в четырехугольнике крепостей Рущук—Силистрия—Варна—Шумла. Отстаивая ряд позиций, турецкая армия могла выиграть дорогое время и выказать себя с лучшей стороны.

Турецкий флот прочно господствовал на Черном море; он состоял из 17 броненосных и 14 неброненосных судов. По Парижскому миру 1856 г. России было запрещено иметь военный флот на Черном море. Александр II воспользовался войной 1870 г., чтобы декларировать отказ от этого обязательства, что произвело дипломатический скандал, но флота строить не стал. Между тем для удара на Константинополь господство на Черном море получало огромное значение. Турки имели и сильную речную флотилию на Дунае в составе до 60 пароходов, из которых десяток был вооружен пушками и имел слабую броню. Всего турецкий флот имел личный состав свыше 15 тыс. человек и 763 орудия.

При оценке боевых действий нельзя признавать равноценными турецкие и русские войска. Лишенные нестроевых и обоза, не могущие маневрировать, со слабой по числу артиллерией, анархически руководимые—турецкие, большей частью ополченские батальоны было бы ошибочно по числу штыков сравнивать с русскими постоянными батальонами, имевшими на своей стороне все преимущества организации и устроенного тыла, а также преимущества, вытекавшие из содействия сильной конницы и многочисленной артиллерии.

План Обручева. Составление плана операций выпало на долю профессора Академии генерального штаба и управляющего делами Ученого комитета главного штаба (ячейки русского Большого генерального штаба) генерала Обручева, образованнейшего офицера русского генерального штаба, мышление которого, однако, лежало в русле наполеоновской догмы.


АВСТРО - ВЕНГРИЯ
из Будапешта
р. Сава
р. Дунай
БЕЛГРАД
БОСНИЯ
СЕРБИЯ
ГЕРЦЕГОВИНА
ВИДИН
НИШ
Черногор.
АНТИВАРИ
АЛБАНИЯ
165 т.
София
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
в Киев
р. Днестр
ВИННИЦА
IX
р. Прут
р. Серет
ЯССЫ
XII
БАЛТА
VIII
БЕНДЕРЫ
ОДЕССА
XI
РУМЫНИЯ
ГАЛАЦ
БУХАРЕСТ
ДОБРУДЖА
ТРАЯНСК ВАЛ
КРАЙОВА
РУМЫНСК. АРМ. 50 т.
РУЩУК
СИЛИСТРИЯ
30 т.
90 т.
НИКОПОЛЬ
СИСТОВО
ПЛЕВНА
ВАРНА
ШУМЛА
ЛОВЧА
ТЫРНОВ
БУРГАС
БАЛКАНЫ
60 т.
ТУРЦИЯ
ФИЛИППОПОЛЬ
АДРИАНОПОЛЬ
Родопские горы
БОСФОР
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ДЕДЕАГАЧЬ
ГАЛИПОЛИ
ДАРДАНЕЛЛЫ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ГРЕЦИЯ
м. МАТАПАН
100 0 100 200 км

Черт. 24. Балканский театр в апреле 1887 г.

Обручеву принадлежат два проекта; первый был представлен 15 октября 1876 г., и в соответствии с ним была произведена первая частная мобилизация; второй проект относится к 27 марта 1877 г., и в соответствии с ним была произведена вторая мобилизация и начаты военные действия. Оба проекта покрывают друг друга во многих частях; они признают важнейшим Балканский театр и определенно второстепенным—азиатский театр войны. На балканском театре внимание Обручева в обоих случаях привлекает развитие операций через Дунай на участке у Систова; действительно, политическое соглашение с Австрией исключало распространение операций русских на запад, на территорию Сербии; а переходить Дунай восточнее, в районе его нижнего течения, как мы это делали в прежние войны с турками, теперь не было смысла: на Черном море господствовал турецкий флот, и русская армия ничего не выиграла бы в отношении снабжения, если бы держалась вдоль побережья; а между тем это восточное направление привело бы русскую армию внутрь турецкого четырехугольника крепостей и заставило бы ввязаться в осадную войну, что туркам было только на-руку. К тому же к востоку от меридиана Рущука большую часть населения Болгарии составляли тогда турки—мусульмане; действуя же западнее этого меридиана, русская армия направлялась по местности с резко преобладающим христианским населением. Расчеты на помощь этого населения—местными средствами, формированием дружин, разведкой, действиями на тылы турок—играли в плане Обручева крупную роль.

Первоначальный план преследовал скромную цель—оккупации части Болгарии к северу от Балкан для оказания давления на турецкое правительство. Силы Турции были еще развернуты преимущественно против Черногории и Сербии, а также в Боснии, на которую зарилась Австрия. К войне с Россией Турция была совершенно не готова. Обручев полагал достаточным, в этих условиях, направить для оккупации 4 корпуса плюс 1 резервную дивизию для тыловой службы. Глубокий тыл был прикрыт политическим соглашением с Австрией. Вопросы форсирования Дуная у Зимницы—Систова были прекрасно разработаны в этом проекте и впоследствии точно осуществлены: ряд минных заграждений и осадных батарей должен был стеснить турецкую дунайскую флотилию и очистить от нее нужные нам участки Дуная; в помощь им перевозились на Дунай по железной дороге легкие минные катера; мостовой материал и деревянные понтоны заблаговременно должны были быть заказаны на лесопильных заводах Румынии и сплавлены по притокам Дуная к месту постройки мостов; переправе главных сил должна была предшествовать демонстративная переправа у Галаца и т. д. После переправы намечалось для расширения базы на Дунае быстрое овладение слабо еще укрепленным Рущуком. Общий подсчет сил для первой мобилизации складывался у Обручева так: 8 пехотных дивизий, предназначенных в действующую армию на главный театр, развертывались в Бессарабии; 4 пехотных дивизии входили в состав кавказского действующего корпуса; 4 дивизии охраняли побережье Черного моря, и 4 мобилизованных дивизии собирались в пределах Киевского военного округа, как стратегический резерв. Сильное занятие Черноморского побережья и выделение стратегического резерва объясняются преувеличенным опасением выступления Англии. Наша стратегическая мысль находилась еще под впечатлением крымского десанта союзников в 1854 г. и упускала из виду, что Англия без союза с Францией была бессильна предпринять десантную операцию; сверх того соглашение с Австрией развязывало нам руки, а наличие железных дорог крайне затруднило бы и обратило бы в авантюру новую попытку захвата Севастополя. Да за отсутствием у нас морских баз на Черном море в 1877 г. на побережьи его нелегко было бы выбрать сколько-нибудь важный объект для десантной операции, за исключением Одессы.

Весной 1877 г. политическая обстановка обострилась уже настолько, что выдвижение оккупации части турецкой территории, как средства принуждения турок уступить нам, отпало. Несомненно, поставленной себе политической цели мы могли добиться только разгромом турецкой военной мощи. Обручев составляет уже план кампании, а не план оккупации, которым, по существу, являлся его первый проект.

Зима 1876/77 г. для начала кампании использована не была, турки успели вооружиться, предстояли серьезные боевые действия. Конечной военной целью Обручев выдвинул захват Константинополя. Однако эта военная цель совершенно не вытекала из предшествовавшей русской политики. Политика России, покушающейся на Константинополь, должна была бы перестроиться в корне и выдвинуть для подготовки войны и похода на Константинополь гораздо более крупные материальные средства, чем те, которые находились в распоряжении Обручева. Здесь, у истока обручевского плана войны находилась крупная трещина между политикой и долженствующей стать ее продолжением стратегией. Эта трещина проходит красной нитью через все течение войны. Захват Константинополя—это такой исторический акт, который не мог вместиться в фальшивую «чисто военную точку зрения» Обручева.

Обручев развивал блестящий проект сокрушения Турции. От среднего Дуная до Константинополя—500 *км*, от кавказской границы—свыше 1 400 *км*. На европейском театре кампания может быть закончена в короткое время, на азиатском она потребует не меньше 2—3 лет. Отсюда—главный удар надо наносить на Балканах; на кавказском театре надо ограждать лишь безопасность нашей территории и второстепенными действиями развлекать силы турок.

Нанесение сокрушительного удара на Балканском полуострове Обручев очерчивал так. Дунай, по указанным выше соображениям, форсируется у Зимницы—Систово. Вслед за Дунаем предстоит преодолеть второй рубеж—Балканский хребет, притом в более возвышенной его части. Однако представления о трудности форсирования Балкан сильно преувеличены; преодоление этого горного хребта не задержит русские войска; по пути они будут встречать болгарское население, на которое можно будет опереться. Вопрос заключается в том, чтобы перебросить через Балканы армию в составе не менее 100 тыс. человек—3 корпуса. Эти силы должны пройти 500 *км* от Дуная до Константинополя втечение 5 недель, еще лучше—4 недель, не отвлекаясь никакими побочными операциями—ни охранением тыла, ни осадой крепостей, ни даже «сторонними сражениями». Такое движение должно вызвать в Турции панику, развал государственности, восстание славян, растерянность государственного аппарата.

Выполнение этого сокрушительного похода приводило к фланговому маршу, опоясывающему турецкий четырехугольник крепостей Силистрия—Рущук—Шумла—Варна на протяжении 400 *км*, а в этом четырехугольнике сосредотачивались главные силы турок. Сообщения русских войск находились под ударами как из этого четырехугольника с востока, так и с запада, от Виддина, где также имелся турецкий корпус. Поэтому наши сообщения требовали особых мер для их охраны.

Пока одна армия будет двигаться и наносить Турции смертельный удар, вызывая своим маршем оцепенение во всех областях жизни турецкого государства, другая армия силой в 4 корпуса, также перешедшая Дунай у Зимницы—Систово, должна обеспечивать ее сообщения на пространстве между Дунаем и Балканами, как с востока, так и с запада. 1 дивизию можно оставить для демонстрации в Добрудже; 4 дивизии должны образовать заслон против Рущука—Шумлы; 2 дивизии—в заслон на запад, против Виддина; 1 стрелковая бригада с конницей будет обеспечивать за нами балканские проходы; 1 дивизия должна оставаться в общем резерве к северу от Балкан.

Вторжение в Турцию, базирующееся на единственный Систовский мост, может оказаться в трудном положении. Поэтому остающаяся для охраны сообщений армия должна расширить участок нашего базирования на Дунае. Для этого необходимо овладеть Рущуком и Никополем и увеличить количество находящихся в наших руках переправ.

Силы, действующие против Турции на Балканском полуострове, должны были по плану Обручева увеличиться с 4 до 7 корпусов. Обручев придавал особое значение быстроте этого наращения нашего оперативного развертывания. Он предлагал взять 1 дивизию из прибрежной обороны, 3 дивизии из находящихся наготове в стратегическом резерве, а 2 дивизии сформировать из состава гвардейского и гренадерского корпусов, чтобы дать боевую практику этим образцовым частям, рассадникам старшего командного состава.

Оценивая план Обручева, мы видим в нем подчеркнутые мотивы наполеоновской стратегии—занятие между Балканами и Дунаем внутреннего положения и стремительный удар из него по неприятельской столице. В условиях экономической отсталости Турции, бездорожья, несовершенства государственного аппарата Турции, внутренних болезней—применение наполеоновских приемов в 1877 г. могло явиться вполне уместным. Конечно, Обручеву лучше было бы не подсчитывать необходимые силы в обрез. Сокрушение требует вообще избытка сил, максимального перевеса. Обручев несколько преувеличивал трудности довольствия и маневрирования крупных сил в Болгарии, оказавшейся цветущей хлебородной страной; Обручев также опасался, что мобилизация более крупных сил задержит открытие кампании. Но в таком случае можно было бы шире воспользоваться дивизиями, мобилизованными для охраны Черноморского побережья. Сокрушение прикрывает все второстепенные направления самой угрозой наносимого смертельного удара. Если при ограничении нашей конечной военной цели оккупацией северной Болгарии, по первому проекту, еще можно было ожидать турецкого или английского десанта на наших берегах, то, конечно, возможность десанта отпадала вовсе при нашем движении к Константинополю.

Несомненно, на размах соображений Обручева в сторону сокращения потребных русских сил давили донесения «отца лжи», как называли балканские славяне русского посла в Константинополе, графа Игнатьева, рисовавшего развал Турции, донесения нашей агентуры о низком качестве турецкой армии, скромные достижения турок против сербской милиции в 1876 г., наконец соображения финансового характера—полное несочувствие министра финансов щедрому ведению войны,—а щедрость, быстрота и в конечном результате экономия в действительности смыкаются очень близко.

Но, самое существенное, наполеоновское ведение войны требует и крупного полководческого таланта, какого-то отображения Наполеона в оперативном искусстве. Сам Обручев был недопущен к выполнению своего замысла,—последний был передан в руки пигмеев. Обручев не учел, что замысел будет осуществляться Николаем Николаевичем и его штабом.

В обручевский план были введены небольшие изменения, обратившие, однако, его в блеф. Начальство не соглашалось ни на ослабление прибрежной обороны, ни на заимствование сводных частей у гвардии и гренадер. Вместо них мобилизовались новые дивизии, окончившие свое сосредоточение к Дунаю лишь в середине июля. Вместо дивизии, намеченной Обручевым для демонстрации в Добрудже, был выделен целый XIV корпус. В результате, хотя половодье на Дунае и задерживало намеченную переправу, но Дунай перешло не 6½ корпусов, как требовал Обручев, а лишь 4 корпуса. От расширения базы на Дунае операцией против Рущука главнокомандующий отказался, но марш на Константинополь был открыт немедленно, однако, не армией в 3 корпуса, как настаивал Обручев, а в 7 раз слабейшим отрядом Гурко (10½ батальонов). Сил Гурко для сокрушения, конечно, хватить не могло; кризис русского наступления должен был быстро и неминуемо нарасти, что и случилось в действительности.

Жалкое исполнение еще не является приговором над сомнительным планом Обручева; однако, учитывая слабую тактическую подготовку русской армии, мы должны признать в нем громадный элемент риска. План не имел почти никакого запаса устойчивости.

Устройство тыла русской армии. Штаб действующей армии имел все возможности изучить заблаговременно железные дороги дружественной Румынии, которые должны были явиться единственной связью русских войск на Балканах с отечеством. Однако квалификация русских работников военных сообщений была невысока; они считали, что от Бендер на Яссы—Браилов—Бухарест удастся организовать движение двенадцатью парами поездов. Действительность показала, что в начале кампании, совпавшем с весенним половодьем, железные дороги Румынии, плохо построенные, подверженные размыву, требующие ремонта, пропускали только четыре-семь пар.

Казалось бы, в этих условиях следовало немедленно принять все меры к усилению работоспособности румынских железных дорог, к развитию слабых, перегруженных станций и т. д.; надо было бы ожидать, что с наступлением сухого времени года и продолжением войны, железнодорожное движение должно выправиться. В действительности, мы наблюдаем обратное явление. В июле 1877 г. румынские дороги доставили из Ясс, где кончалась русская широкая колея и начиналась колея западноевропейской ширины, 198 поездов; в ноябре успех перевозок упал в 3,5 раза—до 58 поездов. Это катастрофическое падение работоспособности железнодорожного тыла совпало с увеличением действующей армии втрое—с 160 тыс. до 500 тыс.—и соответственным ростом потребностей. Железнодорожный кризис создавался из неорганизованности и вытекающего из нее беспорядка русского тыла.

В перевозках царствовал произвол. Начальник военных сообщений составлял графики и не интересовался родом и назначением грузов. Интендантство и другие снабжающие органы не имели первоначально на дорогах в тылу своих агентов и не знали, какие грузы поступают из России на румынские железные дороги. На стыке русских и румынских дорог образовался огромный завал грузов. В отправлении их царил произвол и хаос. Начальник военных сообщений стремился угодить высшему оперативному командованию в несравненно большей степени, чем довольствующим органам, и выделял для грузовых перевозок не больше $^1/_6$ графика; когда потребность в сухарях достигла 66 вагонов в сутки, интендантство с трудом добивалось получения 15 вагонов. В Бухаресте выбрасывались сотни вагонов беспризорных грузов, с которыми начальник военных сообщений не знал, что делать, а станционные пути втечение двух недель июля были забиты 450 вагонами с сухарями, которые плесневели и мешали работе этой слабой станции, а в армии в них была острая нужда. Никакой попытки предусмотреть затруднения, пробки, закупоривающие движение, и соответственно регулировать его, сделано не было.

Интендантство попыталось, правда, организовать подвоз в Румынию сухарей с другой стороны—через Галицию, Венгрию (Буда-Пешт), Крайову. Но на передаточной станции из Венгрии в Румынию (Роман) не было ни агентов, ни отданных распоряжений, и 130 вагонов с сухарями были выброшены на землю и сгнили.

Можно было бы попытаться купить продовольствие в Сербии и Австро-Венгрии и сплавить его по Дунаю прямо к Систову. Часть баржей была бы, вероятно, пущена ко дну огнем турецких батарей Видина, но многие бы проскользнули. Однако попытки использовать водный путь Дуная сделано не было.

Вопрос о новом железнодорожном строительстве был поставлен только по истечении пяти месяцев войны.

8 августа приступили к постройке железнодорожной линии Бендеры—Галац для разгрузки румынской магистрали. Эта линия могла снабжать XIV корпус, бездействовавший в Добрудже, а впоследствии, с взятием Силистрии и Рущука, могла продолжаться водной линией по Дунаю. Через 42 дня, 19 сентября, движение по ней было открыто.

Нанесение сокрушительного удара на Константинополь требовало, чтобы от Бухареста была проведена ветка к Зимнице—пункту переправы через Дунай—и было подготовлено все необходимое, чтобы немедленно уложить полевую узкоколейку в две колеи на 75-километровом участке Систово—Габрово. Между тем к этому делу было приступлено только в сентябре. Управление, сначала приводящее в тупик, а потом уже ищущее из него выхода, рекомендует себя с наихудшей стороны.

В нашем распоряжении, от момента вступления в Румынию до начала переправы через Дунай, имелось свыше двух месяцев; румынские войска прикрывали наш марш к Дунаю. Вместо того, чтобы втечение этого времени подвозить часть войск (IX корпус) по железной дороге, что не ускоряло приступ к операциям, следовало бы использовать этот промежуток на то, чтобы перебросить в район Бухареста массу запасов снабжения и организовать вблизи Дуная мощные базисные магазины.

Очевидно, что нельзя изолировать руководство железнодорожным тылом от руководства снабжением армии. Роли извозчика, которую играло управление военных сообщений, и пассажира, исполненную русским интендантством, оказывали весьма отрицательное воздействие на течение войны.

Если эта неналаженность тыла не погубила в корне наши операции, то мы обязаны этим лишь наличию на театре войны богатых местных средств. Румыния и Болгария, за исключением некоторых горных районов, по населенности и плодородию могут равняться с самыми богатыми черноземными губерниями России. Правда, там не сеют ржи, гречихи, овса, а наше интендантство исходило из предубеждения, что русский солдат не может питаться пшеничным хлебом, русские лошади—ячменем и кукурузой. В действительности пришлось на них перейти в широких размерах.

При организации использования местных средств красной нитью проходит недоверие к корпусным и дивизионным интендантам. В русской армии 1877 г. еще полностью сохранялось феодальное высокомерие дворянства XVII века, которое считало военную службу вопросом чести и презирало работников тылового аппарата, служивших за жалованье и всегда подозреваемых в корыстных мотивах. Русская буржуазия не сумела еще внести в армию деловой момент; презираемое интендантство поневоле могло пополняться только корыстолюбивыми людьми. Отсюда корпусных и дивизионных интендантов стремились удалить от всякой заготовительной деятельности и ограничить их круг действий раздачей заготовленных запасов. Так, когда явилась необходимость создать магазины в Болгарии за счет местных средств, то это дело было поручено не войсковым интендантам, а оккупационным властям. Последние, для успеха приобретения запасов для магазинов по умеренным ценам, прежде всего, воспретили всякую свободную продажу продовольствия, подлежащего заготовлению, что поставило в критическое положение многие части войск, жившие только покупкой продовольствия у населения. Идея централизации интендантской работы проводилась с чрезвычайным нажимом и приводила ко многим излишним затруднениям.

Другой мотив в организации использования местных средств заключался в утрированном стремлении главного командования щадить интересы местного населения. Последнее действительно было весьма важно, так как румыны являлись нашими союзниками, а расчет на содействие болгар, на их восстание и присоединение к нашим войскам входил важной слагаемой в наш план сокрушения Турции. Однако заботы о местном населении шли настолько далеко, что не только не допускалось реквизиций, но и не допускалась расплата с населением за продукты нашим бумажным рублем; хотя последний и котировался на иностранных биржах, но все же, вследствие падения курса рубля, с течением войны можно было предвидеть убытки местного населения, если бы последнее оказалось держателем не золотых, а бумажных рублей. Главное командование открыло поход против министра финансов и бумажного рубля; весь командный состав тоже был заинтересован получать жалованье золотом. А так как министерство финансов медлило с переводом крупных сумм золота в распоряжение штаба, а к заготовке базы впереди, на румынской территории, из румынских запасов следовало приступить еще до открытия военных действий, то найден был следующий выход: заготовка продовольствия в Румынии предоставлялась «торговому товариществу», состоящему из сомнительных дельцов, один из которых, Коган, являлся знакомым Непокойчицкого. Интендантство обязывалось за неделю указывать товариществу пункт и количество продовольствия, которое потребуют войска. Товарищество своими средствами обязывалось скупить и доставить необходимые продукты, выпечь хлеб и передать его войсковым интендантам; самостоятельная заготовка войскам была запрещена, за исключением мяса: скот повсюду был в изобилии. Товарищество указывало себестоимость снабжения, которую, впрочем, проконтролировать не было никакой возможности, и получало расчет— с накидкой на труд, риск, затрату капитала и организационные расходы—в размере 33%. Интендантство наметило в Румынии пункты снабжения войск на марше их к Дунаю через каждые три перехода. Но так как распутица задержала движение русских войск и не позволила точно выполнить маршруты, то войска голодали в одном месте, расходуя носимые запасы, а запасы товарищества, в особенности выпеченный хлеб, портились в другом месте.

Товарищество при всем желании не могло дать заготовкам нужный размах; главнейшие затруднения вытекали из ограниченности его гужевого транспорта. Оно работало преимущественно наемными подводами местных крестьян; когда же у последних наступал разгар полевых работ, например сбор урожая, они не поставляли товариществу подвод, и деятельность последнего не могла соблюдать темп, требуемый ходом обстоятельств. Высокое благоволение к товариществу видно из того, что договор, первоначально простиравшийся на территорию Румынии, достаточно неуспешно осуществлявшийся товариществом, был затем распространен и на территорию Болгарии, где перед товариществом открывались еще меньшие возможности. В то же время заготовительные действия товарищества вызывали на театре войны совершенно неконтролируемые движения огромных обозов. В случае необходимости отступательного маневра войскам пришлось бы столкнуться с этим хаотическим движением повозок и закупоркой путей. Подрядчики, игравшие до реформы Лувуа такую огромную роль в военном деле, пытались возродиться в 1877 г.; но опыт этой войны окончательно убил идею возможности частным лицам конкурировать с государственной организацией в деле снабжения действующей армии.

Полевых хлебопекарен в русской армии еще не было; число нестроевых в армии было еще скромно. Количество хлеба, получаемое от товарищества, было ничтожно: остальное войска должны были получать в виде сухарей, доставляемых из России. Довольствие сухарями связано с громадной экономией на тыле,—перевозка сухарей требует в полтора раза меньше подвод, чем перевозка свежего хлеба, но сухарный режим крайне повышает заболеваемость войск. Турецкая война 1877/78 г. была последней войной старой русской армии, в которой потери от болезней превышали боевые потери: из 100 тыс. человек, выбывших из строя во время войны на Балканском полуострове, 45 тыс. умерло от болезней, 35 тыс. уволено в неспособные (инвалиды вследствие ранения или истощения организма), 12 тыс. убито, 4,5 тыс. умерло от ран, 3,5 тыс.—пропавших без вести [1]. Очень часто втечение войны войскам приходилось довольствоваться половинной порцией сухарей; недоед сухарей возмещался усиленной мясной порцией; иногда не хватало соли.

Солдат был нагружен трехдневной дачей сухарей. Сухари и крупа еще на 5 дней должны были возиться в обозе:

---

[1] Эти цифры все же свидетельствуют об огромных успехах военной санитарии в русской армии за 50 лет. Мольтке в своей истории войны 1828/29 г. утверждает, что из 200 тыс. русских солдат, двинутых за Дунай, 180 тыс. пришли в негодность к бою от истощения и болезней. Дибич стоял перед Константинополем в 1829 г. с призраком армии.

в дивизионном обозе имелись тяжелые четверочные повозки, по расчету одна на роту, в которых возился провиант на 4 дня, и в полковом обозе—легкие парные повозки, также по одной на роту, возившие сухари на 1 день и крупу на 3 дня. Четверочные повозки, впрочем, были брошены уже при первых переходах в Румынии, так как были рассчитаны только на хорошие дороги. Наличие продовольственных повозок являлось все же крупным плюсом нашей организации.

Корпусных транспортов организация не предусматривала. Армейское интендантство имело 14 транспортов по 350 парных повозок, закупленных при мобилизации. С ростом армии эти транспортные средства представлялись недостаточными, и в России 23 мая 1877 г. был найден подрядчик, обязавшийся поставить еще 20 таких же транспортов с вольнонаемными подводчиками; эти транспорты переходили русскую границу с 5 июня по 24 июля и через 24 дня марша достигли дунайских мостов. 30 сентября был найден новый русский подрядчик на 9 800 подвод.

Интендантство не имело аппарата, которым оно могло бы регулировать работу этих транспортов. Имевшиеся первоначально транспорты были после некоторого колебания распределены по дивизиям. Пехотные дивизии получили по 312 повозок, кавалерийские—по 224. Дивизии давали этим транспортам наряды на работу, но транспорты оставались подчиненными армейскому интендантству. Низкий уровень начальников транспортов и отсутствие контроля над ними породили большие злоупотребления. Вольнонаемные подводчики часто в Болгарии не могли прокормить ни себя, ни своих лошадей (или волов) и уходили по истечении срока контракта или даже разбегались ранее.

За дорогами присмотр и уход был слабый. Большую часть войны наши войска провели на удалении не свыше трех переходов от переправы на Дунае. И все же никак не удавалось наладить подвоз по грунтовым дорогам на эти три перехода. Большое счастье, что Плевна, у которой мы застряли, оказалась не за Балканами,—замечали вдумчивые участники войны.

Переправа через Дунай. Несмотря на объявление войны Россией и немедленный переход румынской границы давно изготовившихся русских войск, турецкое сосредоточение в Болгарии подвигалось медленно. Через 2 месяца после начала войны, из 90 тыс. турок в четырехугольнике крепостей, не более 40 тыс. было пригодно к активным действиям в поле, до 30 тыс. представляли гарнизоны крепостей и 20 тыс.—еще несколоченные части. У Виддина из 30 тыс. турок около 20 тыс. Осман-паши были пригодны для действий в поле. Еще около 60 тыс. ополченских частей было разбросано мелкими гарнизонами в Балканах и на путях к Адрианополю и Константинополю. Лучшая половина турецких войск в Европе—около 165 тыс.—находилась еще в западной части Балканского полуострова.

Турецкий главнокомандующий, старик Абдул-Керим, располагавший только 60 тыс. хороших полевых войск, счел невозможным оборонять линию р. Дуная, тянувшуюся на 670 *км* от Сербии до Черного моря; он решил оставаться в районе крепостей, чтобы притянуть к ним русских после перехода через Дунай и вызвать их на позиционную борьбу. На весь 300-километровый участок между крепостями Виддин и Рущук была выделена из состава рущукского гарнизона только одна хорошая пехотная бригада с батареей, сосредоточившаяся у Систова, как раз против Зимницы—пункта, намеченного Обручевым для переправы. В Добруджу, исключительно для наблюдения, была выделена особая дивизия. Разброска турецких сил кордоном по Дунаю была бы, конечно, ошибкой, но еще более тяжелой ошибкой было предвзятое решение Абдул-Керима отказаться от всяких активных действий. Правда, наступательная сила турецких войск была невелика, но только активные действия, удобнейшим моментом для коих была переправа русских через Дунай, могли дать фланговой позиции четырехугольника турецких крепостей такое значение, которое принудило бы русских ввязаться в позиционную борьбу в его пределах.

В первый же день войны русские захватили Барбошский железнодорожный мост через р. Серет, близ Галаца, разрушение коего турками прервало бы железнодорожную связь с Россией. Это мероприятие[1], равно как и заранее разработанный Обручевым план борьбы с турецкой речной флотилией, было выполнено нами крайне успешно. Но движение наших войск по Румынии вследствие распутицы происходило с задержками; в интендантские четверочные повозки дивизионного обоза приходилось иногда впрягать по двенадцати волов. Опоздания в движении походным порядком против маршрута достигали 2—12 суток, а в перевозках по железным дорогам—30 суток. Не слишком успешно шла и заготовка на р. Ольте мостового материала для переправы через Дунай. На последнем высокая весенняя вода держалась в 1877 г. необыкновенно долго и задержала момент переправы до конца июня. Впрочем, все эти задержки шли нам на пользу, так как позволили подтянуть XI и XIII корпуса в район намеченной переправы главных сил. Если бы все шло гладко, возможно, что мы оказались бы на болгарском берегу Дуная всего с 3 корпусами вместо намеченных Обручевым 7 корпусов.

---

[1] Оно включало: посылку за несколько дней команды переодетых минеров для заграждения минами устья р. Серет, чтобы воспрепятствовать турецким судам подойти к мосту; пробег в первый день 85 *км* казачьего полка для захвата моста; отправление туда же по румынской железной дороге одной пехотной бригады с осадной артиллерией пассажирской скоростью.

22 июня началась переправа XIV корпуса в Добруджу. Главная переправа у Зимницы—Систово намечалась 24 июня и только в последний момент была отложена на 27 июня. Слишком короткий срок между этими переправами указывает, что на действия XIV корпуса нельзя смотреть как на демонстрацию. Нижнедунайский отряд у Галаца играл втечение марша главных сил к Бухаресту роль флангового авангарда. Теперь, выдвинувшись на линию Траянова вала (Черноводы—Кюстендже), он выполнял ту же задачу прикрытия по отношению к нашим сообщениям и несколько стеснял маневрирование турок в четырехугольнике угрозой со стороны Добруджи. Вообще же этот заслон был обречен на бездействие, и усиление его вдвое против намеченного Обручевым пошло во вред, ослабив нас в районе решительных действий.

Румынская армия охотно вторглась бы с нами в Болгарию. Но так как привлечение румын к активным действиям, обязывавшим нас, представлялось невыгодным, а румыны не соглашались играть роль этапных войск, то румыны отошли на запад и наблюдали Дунай выше устья р. Ольты.

27 июня началась главная переправа. Батареи осадных орудий и минные заграждения обеспечивали переправу от покушений турецкой флотилии и с верхнего и с нижнего течения Дуная. Понтоны были доставлены к Дунаю у Зимницы 4½ понтонными батальонами; число их позволяло навести мост до 426 сажен. длины [1]. Около 3 часов утра

---

[1] Мы не останавливаемся на сложной системе демонстраций, бомбардировок, распущения ложных слухов; вопервых, надувать было некого; вовторых, турецкое командование было осведомлено за 2 дня о пункте, избранном нами для переправы, но не-реагировало на эту данную.

понтоны высадили первым рейсом на турецкий берег 12 рот и 6 горных орудий. Турецкая бригада располагалась в 2,5 *км* от высадки русских и стояла, повидимому, совершенно беспечно. Высадка была обнаружена турками, отправившимися за водой к Дунаю. Сначала против русских было двинуто 2 батальона, затем постепенно развернулась вся бригада, стремившаяся охватить русских с трех сторон и прижать их к Дунаю.

Но уже около 6 часов при помощи сил, переброшенных вторым рейсом, наши войска сумели перейти в наступление. К 11 часам утра вся 14-я дивизия генерала Драгомирова и 4-я стрелковая бригада были на правом берегу Дуная и обеспечивали нам тройное превосходство в численности. Понтоны буксировались небольшим пароходом.

Около полудня турки, которые не могли рассчитывать ни на какую поддержку, отошли частью к Никополю, частью к Рущуку. Потери русских—812 человек, турок—640 человек.

Легкий успех 27 июня и утверждение русского авангарда на правом берегу Дуная не позволяют еще нам расценивать переправу через Дунай, как блестяще проведенную операцию. Переправа главных сил затянулась. Солидный мостовой материал, заготовленный на р. Ольте, был, правда, удачно сплавлен мимо Никополя под прикрытием наших батарей в две следующие за переправой ночи. К вечеру первого дня переправы на правом берегу Дуная собрался VIII корпус—29 батальонов, 30 орудий и только 60 конных. К вечеру четвертого дня переправы, 30 июня, наши силы на правом берегу р. Дуная возросли только до 40½ батальонов, 6 сотен, 78 орудий. Такая медленность дальнейшей переправы объясняется тем, что пароход и большая часть понтонов были отвлечены постройкой моста. Для решительной атаки турок складывалась выгодная обстановка; переброшенные через Дунай русские войска не укреплялись и не имели конницы для организации дальней разведки; к возведению предмостной позиции было приступлено только через неделю, и эта работа, столь важная и в дальнейшем, так никогда и не была закончена. А мост все не строился; длина его определилась в 579 сажен—значительно более, чем допускало количество штатных понтонных средств; в ночь на 30 июля часть железных понтонов была затоплена поднявшимся ветром и волнением. Только утром шестого дня переправы, 1 июля, было открыто движение по первому мосту, а второй мост, на плотах, был готов только на сорок четвертый день переправы, 9 августа. Втечение целой недели, вследствие плохой технической подготовки наводки мостов, турки могли в выгодных условиях атаковать находившиеся на правом берегу Дуная русские войска. Только полная пассивность турок позволила раздуть русскую переправу через Дунай в какой-то удивительный образец. Сам переход по наведенному мосту задерживался необходимостью его перестройки вследствие постепенного спада воды на Дунае, а также вследствие хаотического скопления обозов, ждавших очереди переправы близ моста и закупоривших подъезды к нему. Сначала надо было продвинуть артиллерию и обозы к VIII корпусу, обходившемуся целую неделю вовсе без повозок; 3 июля началась переправа XII и XIII корпусов; IX корпус смог перейти главными силами Дунай только 9 июля, а последней бригадой—только 12 июля. Итого—16 суток после восьмимесячной подготовки на переброску через реку небольшой армии в составе 4 корпусов. Наполеон перебросил накануне Ваграма через Дунай после шестинедельной подготовки двойные силы втечение одной ночи.

Как только явилась возможность перевести по мосту через Дунай конницу, следовало бы немедленно организовать оперативную разведку радиусом в 80 *км* от моста, чтобы можно было разумно нацелить переправившиеся части. Этого сделано не было; соприкосновение с турками было потеряно и еще 12 июля не было восстановлено.

Попытка сокрушения. Через Дунай пока перешло 106 батальонов вместо 176 батальонов, определенных в плане Обручева. Главное командование предполагало заслониться со стороны Балкан передовым отрядом генерала Гурко силой в 11 тыс. (наполовину конница) при 40 орудиях, а с остальными силами, в ожидании подхода с нижнего Дуная XI корпуса и IV корпуса из России, заняться расширением нашего исходного положения на Дунае, для чего XII и XIII корпуса направились для овладения Рущуком, а IX корпус—Никополем; VIII корпус сохранялся в резерве. Но это благоразумное течение мыслей было нарушено очевидной пассивностью турок и захватом без боя 7 июля отрядом генерала Гурко древней столицы Болгарии—Тырново; турки бежали, не оказывая сопротивления. Главнокомандующий решил использовать благоприятную обстановку и замахнуться по Константинополю. Переход русских через Балканы, хотя бы небольшими частями, мог вызвать панику; главнокомандующий надеялся, что войска из четырехугольника крепостей будут отозваны для непосредственной защиты подступов к Константинополю, и угроза флангу отпадет; поэтому он решил отказаться пока от операции против Рущука, поставить рущукскому отряду (XII и XIII корпуса под общей командой великого князя наследника с начальником штаба генералом Ванновским) пассивную задачу заслона против четырехугольника, а VIII корпус подтянуть к Габрово и направить его далее за передовым отрядом. Гурко должен был захватить балканские проходы и поднять восстание в южной части Болгарии. IX корпус предполагалось использовать в виде заслона на фронте Плевна—Ловча. Приближающийся XI корпус должен был взять на себя роль резерва к северу от Балкан.

Александр II с военным министром Милютиным находился в действующей армии, но командования на себя не брал; Милютин все же счел необходимым умерить оптимизм главнокомандующего; воздействие императора привело к обещанию Николая Николаевича задержаться с переходом VIII корпуса за Балканы до приближения не только XI, но и IV корпуса, последнего из 7 корпусов действующей армии.

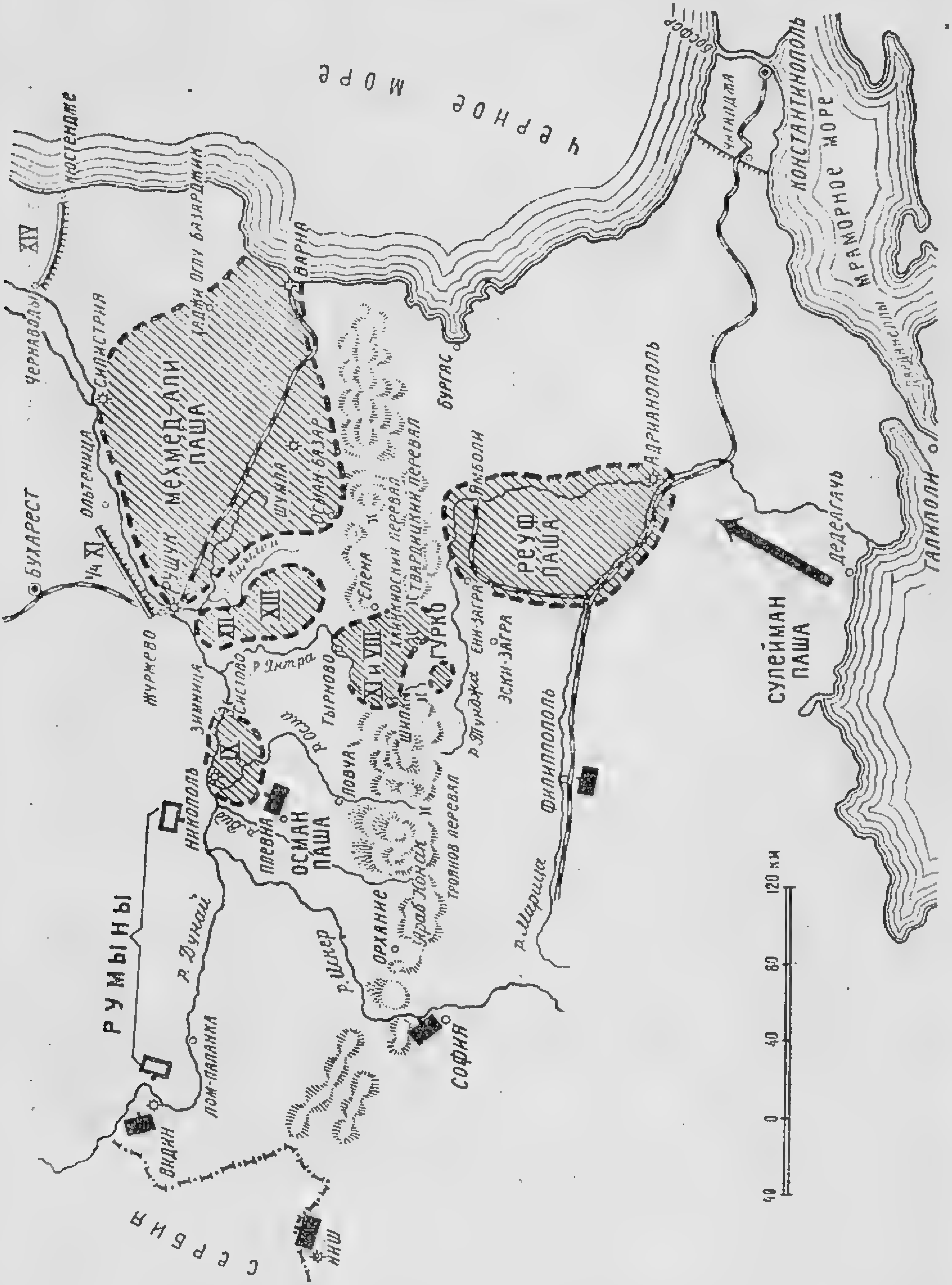
14 июля Гурко уже перешел по Хаинкиоскому перевалу за Балканы, нанес ряд отдельных поражений частям собиравшегося для защиты Балкан 20-тыс. корпуса Реуфа-паши; 19 июля лучший, шоссированный Шипкинский перевал был уже в наших руках вследствие действий Гурко на тыл оборонявших его турок. Верхняя долина р. Тунджи была уже захвачена нами; генерал Гурко собирался двинуться к Адрианополю.

У турок действительно поднималась паника. Болгарское население, если не спешило записываться в наши дружины, то все же любезно встречало наши войска и устраивало погромы мусульман. В Константинополе же распространилось беспокойство. Среди мусульман началось уже паническое беженческое движение; турецкое правительство трепетало. Три корпуса в руках Гурко действительно могли бы закончить в короткое время войну. Но силы Гурко были призрачны, и чтобы задержать их, не потребовалось отзывать турецкие войска, находившиеся севернее Балкан; последние начали давить на оба фланга русской армии. Этим-то давлением (первой Плевной) первоначально и был задержан поход Гурко на Адрианополь.

Первая и вторая атаки Плевны. Рущукский отряд до конца войны продолжал нести свою скромную, но тяжелую службу заслона против армии Мехмет-Али, сменившего первого турецкого главнокомандующего. Он растянулся на фронте в 65 *км* и удерживался на пространстве между р.р. Янтрой и Кара-Ломом. Туркам удалось достигнуть против него нескольких тактических успехов, но перейти в общее наступление им было не суждено.

Интерес дальнейшей кампании сосредоточился на нашем правом крыле и центре, где у турок появились новые силы. Уже 11 июля были получены штабом главнокомандующего две важные телеграммы, которым не было придано значения. Русский генеральный консул в Черногории доносил, что 45 батальонов Сулейман-паши, одержавшие над черногорцами ряд успехов, грузятся в Скутари на суда для переброски в Болгарию; тяжелые орудия уже отправлены в Константинополь; Герцеговина вовсе очищается от турецких войск. А посланник в Афинах доносил, что 11 турецких транспортов обогнули мыс Матапан, направляясь в Скутари за войсками Сулеймана. 14 июля пришла телеграмма князя румынского Карла: «Сторожевое охранение у Калафата доносит, что сильная неприятельская колонна, 25 батальонов с кавалерией, спешно двигается от Виддина к Лом-Паланке». Телеграммам от 11 июля никакого значения придано не было, а телеграмму Карла румынского, адресованную непосредственно главнокомандующему, последний даже не передал в штаб. Только расписка камердинера великого князя в получении этой важнейшей оперативной телеграммы свидетельствует о том, что она дошла по адресу.

IX корпус генерала Криденера, перешедший последним через Дунай и оставивший 3 батальона для охранения мостов через Дунай, атаковал 15 июля устаревшую крепость Никополь. Турки защищались в земляных укреплениях, возведенных перед старыми крепостными верками. Наши осадные батареи левого берега Дуная громили город, который пылал. 15 июля важнейшие опорные точки турецкой позиции были захвачены нами; после неудачной попытки в ночь на 16 июля ускользнуть из крепости, утром 16 июля турецкий гарнизон, в составе 7 тыс., сдался. Нам достались многочисленные трофеи. Наши потери достигали 1 300 человек. Главная квартира, заинтересованная в прикрытии марша за Балканы, требовала, чтобы IX корпус, для прикрытия этого марша с запада, занял скорее, хотя бы частью сил, Плевну—важный узел путей из Виддина, Софии, Ловчи, находившийся всего в 65 *км* от систовского моста. Выступление IX корпуса тормозилось желанием учесть трофеи, эвакуацией пленных, сдачей крепости румынскому гарнизону. Румыния не хотела брать на себя эту задачу; IX корпус хотел также предварительно пополнить израсходованные огнестрельные и продовольственные припасы; снабжение


Черное море
Босфор
Константинополь
Чаталджа
Мраморное море
Дарданеллы
Галлиполи
Дедеагачь
Кюстендже
XIV
Черноводы
Силистрия
Базарджик
Варна
Бургас
Мехмед-Али паша
Шумла
Осман-Базар
Бухарест
Ольтеница
1/4 XI
Рущук
Журжево
XII
XIII
Систово
Зимница
р. Янтра
Тырново
Елена
XI и VIII
Гурко
Шипка
Хаинкиойский перевал
Твардицкий перевал
Ямболи
Адрианополь
Реуф паша
Сулейман паша
Ени-Загра
Эски-Загра
р. Тунджа
Филиппополь
р. Марица
IX
Никополь
Плевна
Осман паша
Ловча
р. Осма
Троянов перевал
Араб Конак
Орхание
р. Искер
София
Румыны
р. Дунай
Лом-Паланка
Видин
Ниш
Сербия
40 0 40 80 120 км

Черт. 25. Положение на Балканском театре 21/VIII 1877 г.

корпуса совершенно не налаживалось. Только 18 июля генерал Криденер решил направить 3 полка 5-й пехотной дивизии генерала Шильдер-Шульднера с бригадой конницы для занятия Плевны, где, по имевшимся сведениям, находилось 2 тыс. турок—осколок никопольского гарнизона.

В составе IX корпуса имелось 1½ дивизии конницы, но ею не пользовались для дальней разведки. Соответственно и генерал Шильдер-Шульднер не сумел выбросить подчиненную ему бригаду конницы Тутолмина, которая, ссылаясь на позднее получение приказаний, плелась в хвосте пехоты.

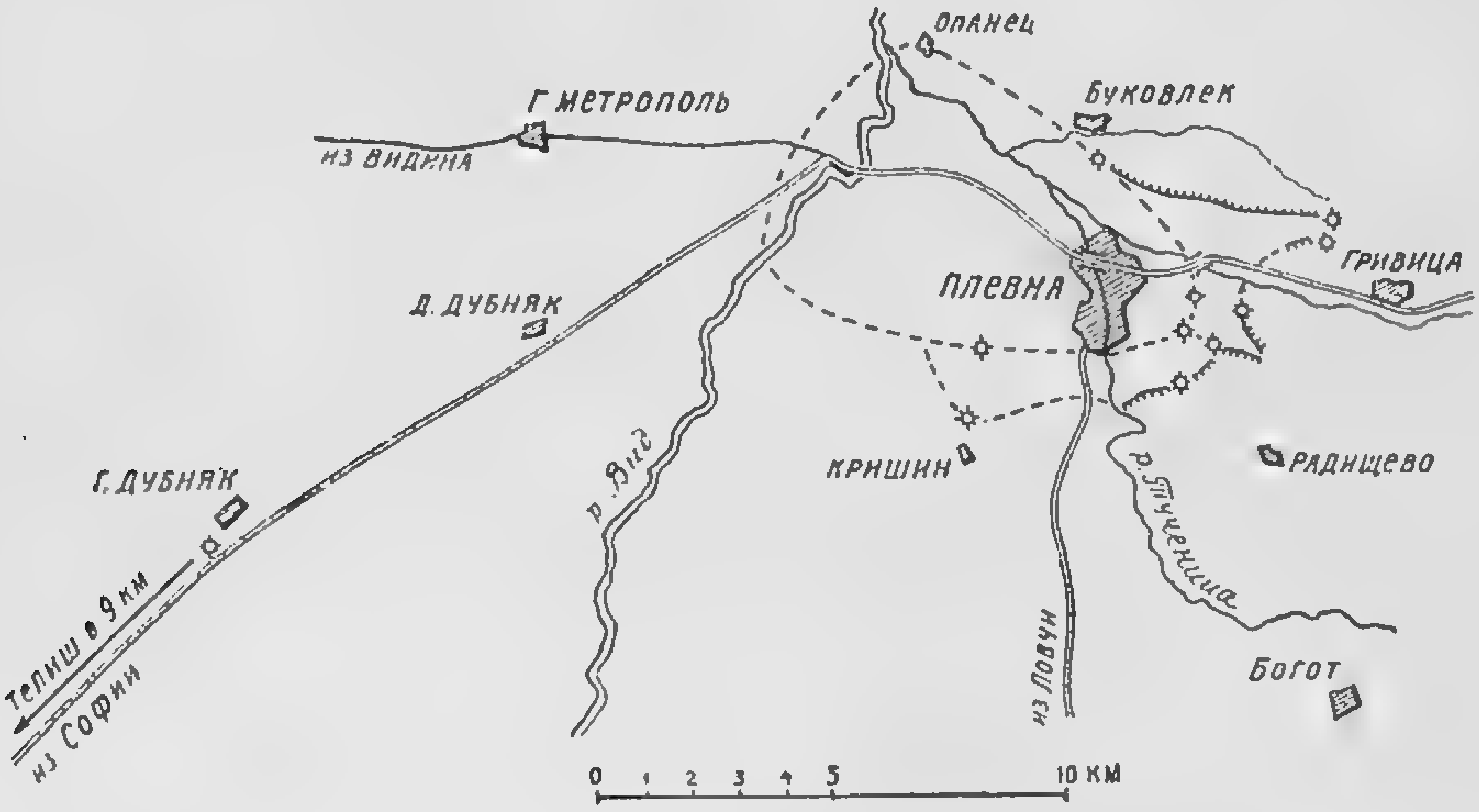
Между тем в Константинополе для фронтального противодействия наступлению Гурко было решено перебросить морем армию Сулеймана в Деде-Агач, откуда она направилась по железной дороге в Семенли, на помощь теснимому Реуф-паше. Чтобы задержать движение русских за Балканы и нажать на тыл страшного Гурко, командовавший в Виддине Осман-паша предложил перейти в наступление частью своих сил в направлении на Плевну—Ловчу, так как находившиеся против Виддина румыны явно не собирались действовать активно. По утверждении его предложения, Осман-паша 13 июля выступил из Виддина с 19 лучшими батальонами—ветеранами сербской войны, 5 эскадронами и 12 крупповскими орудиями, присоединил в Рахове 3 батальона и направился форсированным маршем к Плевне; он стремился успеть во-время поддержать угрожаемый Никополь и приказал коменданту последнего упорно удерживать крепость и занять Плевну до прихода Османа сильным отрядом в 3 батальона при 4 орудиях. 190 *км* от Виддина до Плевны Осман-паша прошел в шесть дней, но, как он ни торопился, он прибыл в Плевну лишь утром 19 июля, на четвертый день после падения Никополя.

Силы Осман-паши возросли до 26 батальонов с 16 орудиями, всего около 17 тыс. хороших войск. Сосредоточение этой массы в 30 *км* от IX корпуса прошло незамеченным для последнего. Для занятия Плевны направлялось 7 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы Шильдер-Шульднера с 46 орудиями. Втечение 19 июля турки, несмотря на усталость от форсированного марша, успели окопаться фронтом на север, на участке протяжением около 3 *км* между селениями Буковлек и Гривица. Вечером того же числа с севера к турецкой позиции подошли два полка Шильдер-Шульднера, долженствовавшие в этот день ночевать в полупереходе от Плевны; они были внезапно обстреляны дальним артиллерийским огнем и остановились. Третий русский полк (Костромской, полковника Клейнгауза) должен был подойти к Плевне с востока по рущукскому шоссе.

Утром 20 июля Шильдер-Шульднер, предполагая перед собой ничтожные силы турок, повел энергичную атаку. Канонада на севере началась в 4 час. 30 мин. утра, а в 6 часов утра развернулся с востока и Костромской полк с батареей. В 8 часов утра русские вели на всем фронте решительную атаку. На северном направлении русские, атакуя в лоб турецкую позицию, овладели несколькими окопами, но в 9 часов утра были вынуждены контратаками турок, охвативших наш правый фланг, к отступлению; за отсутствием резерва атака не могла быть возобновлена. Костромской полк нанес туркам жестокий удар с фланга, овладел Гривицким участком, выдвинул батарею на захваченные позиции и удерживался до 11 часов утра; но так как другие части уже вышли из боя, то и Костромской полк отступил, вовсе не преследуемый турками. Наша пехота потеряла свыше трети своего состава—2 400 человек; потери турок были несколько меньше—2 000 человек. Наши действия, в особенности атака Костромского полка, произвели такое сильное впечатление на турок, что Осман-паша утверждал, что ему не приходилось ни в одном бою с русскими встречать такого отчаянного натиска; у турок был момент начала паники, с которой они справились лишь благодаря энергии Осман-паши.

Основной ошибкой русских являлось отсутствие разведки, что повлекло к тому, что вместо целого корпуса к Плевне были двинуты только три четверти одной дивизии. Ничего удивительного не было в неудачном исходе атаки слабых сил русских против двойного численного превосходства турок, которыми командовал прекрасный генерал и которые успели уже окопаться на выгодной позиции. Ввиду отсутствия преследования со стороны турок материальное значение первой плевненской неудачи было ничтожно; она лишь раскрывала русскому командованию действительное положение на правом крыле армии. Но из этой неудачи, произведшей сильное впечатление на русское командование, было сделано два вывода, которые втечение трех следующих десятилетий извращали русское оперативное и тактическое мышление и резко понижали способность русских войск к наступательным действиям. Первый вывод заключался в том, что мы потерпели неудачу вследствие слишком решительного ведения атаки; резервов, которые бы не участвовали в этой атаке, почти не было. Второй вывод приписывал неудачу недостаточному согласованию двух наших атак и объяснял ее тем, что генерал Шильдер-

Шульднер накануне боя допустил войска ночевать в двух группах на удалении в 15 *км* одна от другой; он не собрал все назначенные для атаки войска предварительно в единый резервный порядок. Такая трактовка вопроса о первой Плевне встречается еще в русских военных учебниках издания 1908 г. [1]. Если события войны подвергаются недостаточно критическому исследованию, то на войне войска могут не научиться, а разучиться драться. Продумать так первую Плевну—это значило стать неспособными побеждать.



Черт. 26. Окрестности Плевны.

Нагромождение не участвовавших в атаке резервов обессиливало русские атаки еще в Русско-японскую войну, а стремление к предварительному сбору всех войск перед боем в одну массу делало для русских невозможным какое-либо развитие оперативной угрозы флангу и тылу неприятеля.

В ближайшие дни после первой плевненской неудачи на театре военных действий начали сосредоточиваться части XI и IV корпусов, прибытие коих должно было явиться сигналом к началу сокрушительного похода за Балканы. Но ввиду наличия победоносного турецкого корпуса у Плевны, всего в двух хороших переходах от единственного систовского моста через Дунай, естественно было сначала покончить с нависшей над правым флангом угрозой. IX корпус генерала Криденера был усилен сводной дивизией XI и IV корпусов под общей командой командира XI корпуса, князя Шаховского.

---

[1] М. Российский и С. Сухомлин, Военная история, часть 3, изд. 1908 г., стр. 100—111.

Для решительного удара по Плевне естественно было бы привлечь все свободные силы и действие их объединить непосредственно в руках главнокомандующего. Можно было также притянуть еще 16 дивизию IV корпуса и одну дивизию VIII корпуса и располагать, таким образом, 5 дивизиями для решительного боя с Осман-пашей, вместо 3. Но главнокомандующий захотел оставить в своем распоряжении резерв, который не принимал бы участие в операции (16-ю дивизию), и не хотел заставлять дивизию VIII корпуса, уже нацеленную на Константинополь, отклоняться назад с этого пути.

Вторая атака Плевны складывалась при дурных предзнаменованиях. Вопрос командования под Плевной был решен тем, что князя Шаховского, отстаивавшего свое право самостоятельно распоряжаться, подчинили Криденеру. Последний являлся тем более неподходящим руководителем этой операции, что он не верил в ее успех, преувеличивал силы турок и трижды просил главнокомандующего отменить данный ему приказ взять Плевну.

Силы Османа-паши в Плевне увеличились до 25 тыс. с 58 орудиями; кроме того Ловча была занята турецкой дивизией (8 тыс.), что несколько затрудняло русским свободное маневрирование у Плевны. Криденер определял силы Османа-паши в 50—60 тыс. человек; под командой Криденера находилось до 25 тыс. штыков, 3 тыс. сабель, 184 орудия. Турецкая позиция кроме фронта, обращенного на север, на котором дрались 20 июля, через десять дней имела уже сильно укрепленный фронт, обращенный на восток, на возвышенности между Гривицким и Тученицким ручьями. Генерал Криденер [1], атакуя 30 июля во второй раз Плевну, опасался перехода турок в наступление и потому из имевшихся в его распоряжении 3 дивизий развернул 8 полков к востоку от Гривицы, на направлении, ведущем к систовскому мосту, и только сводную дивизию князя Шаховского развернул между Гривицким и Тученицким ручьями. При этом 8 полков на главном направлении были развернуты в три этажа: 3 полка—боевой участок, 3 полка—частный резерв, 2 полка—общий резерв. Конница была поделена по флангам. Криденер, не сочувствуя атаке, повидимому, стремился ограничиться бомбардировкой и демонстративными действиями, чтобы иметь возможность «отписаться» о невыполнимости данного ему боевого приказа; но колонна князя Шаховского перешла в энергичную атаку, что вынудило и его, непосредственно объединявшего действия севернее Гривицкого ручья, также произвести, хотя и разрозненные, атаки.

---

[1] Весьма невыгодным обстоятельством являлась потеря генералом Криденером всякого авторитета среди войск; о нем солдаты передавали самые безобразные анекдоты. Одной из причин враждебного отношения войск к Криденеру являлась еге привычка обращаться за советом к двум молодым прусским офицерам (граф Ведель и фон-Филлауме), военным агентам, состоявшим при его штабе. Сам Криденер, немец родом, плохо говорил по русски.

Левое крыло колонны князя Шаховского атаковало вначале не без успеха, хотя и здесь половина пехоты и даже половина артиллерии была выделена в резерв. Огонь трех русских батарей все же заставил замолчать имевшиеся здесь 11 турецких орудий. Значительную помощь князю Шаховскому оказала конница Скобелева—кавалерийская бригада, усиленная 1 пехотным батальоном с 2½ батареями. Скобелев, наступая по ловчинскому шоссе, дважды втечение боя приближался на 900 шагов к предместьям Плевны, притянул против себя значительные силы и отошел только с выходом из боя прочих частей, обеспечивая все время левый фланг и ведя разведку к стороне Ловчи. Но силы всего нашего левого крыла были недостаточны. Артиллерийский бой начался здесь в 9 часов; около 15 часов мы перешли в решительную атаку, ряд окопов был взят; но после 18 часов истощенные части Шаховского, расстрелявшие свои патроны и понесшие большие потери, начали подаваться назад. Наши густые строи приводили к излишним потерям.

Что касается главного направления, на котором в первую атаку Плевны столь успешно подвигался Костромской полк, то здесь наши силы вводились в бой капля по капле. Из имевшихся 120 орудий разновременно стреляло от четырех до восьми батарей, притом с больших дистанций. Атака сильной турецкой позиции проводилась по полкам, а иногда и побатальонно. Резервы безуспешно расходовались на повторение неудавшихся атак.

Под прикрытием темноты началось отступление. Турки ожидали развития нашей атаки на следующий день и не преследовали. Однако в обозах колонны князя Шаховского разразилась паника. Начальник 30-й пехотной дивизии (IV корпуса) генерал Пузанов, совершенно неспособный появиться на поле сражения, был оставлен князем Шаховским при обозах; но когда и туда до него докатились слухи о неудачном исходе боя, генерал Пузанов поскакал в своей коляске к дунайским мостам, поднимая панику; с ним до самых мостов докатилось много различных повозок. Участвовавшие в бою войска отошли в сравнительном порядке.

Вторая Плевна представляла расплату не только за недостаточность назначенных для атаки войск, но и за ошибочные выводы из первой атаки. Мы отказались от атаки по сходящимся направлениям; мы не рискнули направить главные силы в охват правого турецкого фланга, на направлении, где действовал лишь слабый отряд Скобелева; мы обеспечили развитие атаки глубоким эшелонированием резервов, в том числе и массы артиллерии. Результат: наши потери превышали 7 тыс. человек—втрое больше, а потери турок были вдвое меньше (1 200 человек), чем при первой Плевне. Наша тактика резко ухудшилась. Вся тяжесть боя была свалена на плечи пехоты. Потери нашей многочисленной артиллерии и конницы были до смешного малы (85 артиллеристов, 14 кавалеристов).

Переход к обороне. Уже первая неудача под Плевной задержала подход подкреплений к передовому отряду Гурко и привела к остановке его в долине р. Тунджи. Между тем севернее Семенли сосредоточивались войска Сулеймана; с частями Реуфа-паши, группировавшимися у Ени-Загры, Сулейман уже имел до 30 тыс. бойцов. У Гурко имелось до 12—13 тыс. войск. Ввиду трудных условий обороны в долине р. Тунджи, в которой передовой отряд не имел возможности использовать своей конницы, 29 июля, в канун второй атаки Плевны, Гурко попытался разрешить свою задачу активно, перейдя в наступление против правого фланга Сулеймана, образованного у Ени-Загры 10-тысячным отрядом Реуфа-паши. В боях 30 июля у Ени-Загры и 31 июля у Джуранли Гурко нанес войскам Реуфа поражение, но правая колонна Гурко, из дружин болгарского ополчения, была у Ески-Загры подавлена главными силами Сулеймана. 3 августа Гурко отошел на Хаинкиоский перевал.

Вторая неудача под Плевной нанесла тяжелый удар оптимистическим взглядам русского главнокомандующего и заставила его отложить мечты о сокрушительном походе на Константинополь. Передовой отряд Гурко был расформирован. В начале августа последовали мобилизации гвардейского корпуса, 2 армейских дивизий, 3 дивизий гренадерского корпуса. На востоке, юге и западе—на всех фронтах мы перешли к обороне. Так как подкрепления из России могли подойти не скоро, то пришлось пригласить румын принять участие в активных действиях. 3 румынские дивизии, IX и IV русские корпуса под номинальным командованием князя Карла румынского, а фактическим—его начальника штаба, командира русского IV корпуса Зотова, прикрывали систовские мосты со стороны Плевны; VIII корпус—на Шипкинском перевале со стороны Балкан; XII, XIII и большая часть XI корпуса прикрывали те же мосты с востока, со стороны четырехугольника крепостей. Активно действовать было некому. Особенная неприятность нашего расположения по полукругу, с радиусом в три перехода, заключалась в нахождении в центре единственной переправы через Дунай, так и не прикрытой предмостным укреплением.

Такое неприятное «внутреннее» положение, в котором неустойка на любом участке русского фронта грозила катастрофой для всей оперативно охваченной русской армии, являлось естественным следствием стремления держаться локоть к локтю, отказа от расчленения нашей группировки.

Румыны предлагали переправиться через Дунай у устья Искера, чтобы сразу угрожать сообщениям Османа-паши, но Зотов не согласился на такое расчленение группировки. Силы Османа-паши преувеличивались до 80 тыс.—вдвое против истины.

Остановка наступления, рассчитанного на сокрушение, создает для наступающего опаснейший кризис. Это сознавалось и турками. Однако последние были мало годны к наступлению и не умели согласовать действий трех отдельных армий. Существенную опасность для нас составило бы соединение армии Сулеймана, возросшей до 40 тыс. хороших войск, с 70 тыс., которые бы смог собрать для активных действий Мехмет-Али в четырехугольнике крепостей (не считая 35 тыс. гарнизонов), и совместный удар их по рущукскому отряду ,что заставило бы нас, вероятно, очистить балканские проходы и еще более сжать наше расположение в Болгарии. На этом плане настаивал главнокомандующий Мехмет-Али, но он вовсе не соответствовал желаниям Сулеймана, который в этом случае перестал бы командовать самостоятельной армией.

Опираясь на друзей в Константинополе, Сулейман доказывал, что нельзя очищать прямую дорогу от Шипки на Константинополь; он сосредоточил все свои силы против Шипкинского перевала и упорно уничтожал лучшие турецкие батальоны в лобовых атаках на укрепленную и с фронта недоступную шипкинскую позицию русских. Осман-паша, не веровавший в способность своих войск к маневрированию и наступлению, не имевший тактически подготовленных помощников, довольствовался успехами пассивной обороны. Силы его достигали 35 тыс. при 70 орудиях; кроме того, ему подчинялись 6 тыс. в Ловче, и в его тылу, в Орхании, Софии, Филипполе, собирались еще 23 тыс. войск.

3 сентября для атаки турецкого отряда—6 тыс. с 6 орудиями, окопавшегося у Ловчи, был направлен отряд князя Имеретинского, в котором боевыми действиями руководил генерал Скобелев. Наши силы достигали 22 тыс. с 98 орудиями. Не было ничего удивительного, что наша атака, толково руководимая, опиравшаяся на в пятнадцать раз сильнейшую артиллерию и более чем тройные силы пехоты, после 10-часового боя привела к успеху. Турки были не уничтожены, но отброшены с потерей в 3 тыс., почти вдвое превышавшей нашу (1 700 человек). Этот успех настолько подбодрил наше командование, что оно решило в третий раз атаковать Плевну, не ожидая подхода вновь мобилизованных корпусов.

Третья Плевна. Для атаки Плевны было собрано 90 тыс. с 424 легкими и 20 осадными орудиями—более чем двойное превосходство в пехоте и шестикратное в артиллерии. 7 сентября началась бомбардировка плевненских укреплений; она продолжалась до 15 часов 11 сентября. Эта бомбардировка слабыми полевыми калибрами основательных земляных укреплений не могла дать серьезных результатов; впрочем, артиллерия направляла огонь, удивительнейшим образом, не на те укрепления, которые пехота впоследствии атаковала, а преимущественно на те, которые было удобнее обстреливать. Но как могла артиллерия рационально работать, если решение общей задачи по атаке откладывалось до выяснения результатов бомбардировки и пункты атаки оставались еще неизвестными?

План атаки окончательно сложился не до начала артиллерийского обстрела, а во время него. Александр II молился и плакал; главнокомандующий оставался при нем, чтобы не допустить его отправиться в сферу огня; генерал Зотов, непосредственно командовавший атакой, считал для себя невозможным отойти от главнокомандующего. Высшее командование оторвалось от войск. На тыл турок решено было действовать только конницей. Главную атаку сначала решено было направить вдоль ловченского шоссе, по которому Скобелев уже успешно продвигался во время второй Плевны; было выгодно вручить успех дела в руки генерала, только что одержавшего победу над Ловчей, отличавшегося энергией и пользовавшегося в армии наилучшей репутацией. Однако генерал Левицкий, помощник начальника штаба армии, ездивший на участок Скобелева, доложил, что те высоты на западном берегу Тученицы, на которые намечается атака Скобелева, будут непременно до крайности защищаться турками, так как с них можно обстреливать артиллерийским огнем город Плевну, все неприятельские резервы и весь тыл неприятельской позиции. Атака на этот пункт будет стоить много крови. Действительно, успех атаки Скобелева не только исключал отстаивание турками Плевны, но и ставил даже под сомнение возможность отступления войск Османа-паши за р. Вид. Мы не хотели проливать много крови, мы согласны были удовлетвориться меньшим успехом и охотно готовы были построить туркам золотой мост, лишь бы последние удалились из Плевны. Отсюда было окончательно решено вести главную атаку на турок с востока на запад, фронтально, на тех же участках, на которых мы наступали во время второй Плевны, а на атаку Скобелева смотреть как на вспомогательную; к северу от Гривицкого ручья на Гривицкий редут атаку должны были вести 48 батальонов, на участке от Гривицкого до Тученицкого ручья—36 батальонов, и только 22 батальона предоставлялись для атаки Скобелева на левом берегу Тученицы. 34 эскадрона и сотни, 18 орудий направлялись по левому берегу Вида к Дольному Дубняку для угрозы сообщениям турок.

Траурное настроение высших начальников, не веривших в успех, сообщалось частным начальникам и усиливалось очевидной бесплодностью бомбардировки, которая сначала намечалась продолжительностью в двое суток, затем была продолжена еще на двое суток. На пятый день надо было атаковать, так как снаряды были уже на исходе. Атака, первоначально намеченная на 9 сентября, окончательно была назначена на 15 часов 11 сентября. Зотов беспокоился главным образом о том, чтобы в тылу после неудачной атаки не разразилась паника, и считал необходимым удерживать возможно большие резервы. В этом отношении особенно примечателен боевой порядок центрального участка. Главной целью его действий был редут Омар-бей-табия. Из 100 полевых и 20 осадных орудий центра его обстреливали только три батареи, притом наиболее слабого, 4-фунтового калибра. 36 батальонов, входивших в состав центрального участка, были распределены так: 9 батальонов—общий резерв, 6 батальонов—частный резерв, 6 батальонов—прикрытие легких батарей, 3 батальона—прикрытие осадных батарей; только одна треть—12 батальонов—назначалась для атаки и была объединена в руках особого начальника, который также выделил из них свой резерв. Из этой боевой части 6 батальонов атаковали, по недоразумению, за 2 часа до назначенного времени [1], были отбиты и отошли. Главную атаку вели тоже 6 батальонов; после ее неудачи были повторены еще две атаки, каждый раз трехбатальонным полком. Итого в четырех атаках последовательно была израсходована половина сил, а 18 батальонов в бою не участвовали.

Точно так же и на правом участке была израсходована только половина сил. Гривицких редутов оказалось не один, как мы полагали после семинедельной возни под Плевной, а два. Румынские и русские войска удовольствовались взятием одного из них, что никакого значения не имело. 24 румынских батальона в бою не участвовали вовсе [2].

Атака Скобелева. Мы остановимся подробно на атаке Скобелева, который проявил большое мастерство и крайнюю энергию в приложении ударной тактики. Несмотря на конечную неудачу, созданный Скобелевым ударный идеал втечение трех последующих десятилетий вдохновлял составителей русских и французских уставов и уклонял военное мышление в русло ударной тактики. Тем самым этот эпизод заслуживает право на величайшее внимание.

Левое крыло князя Имеретинского образовывалось в общем из 22 батальонов, 18 сотен, 88 орудий. Пехота состояла из полков 2-й дивизии (Калужский, Либавский, Ревельский, Эстляндский), 3-й стрелковой бригады (батальоны IX, X, XI, XII) и впоследствии присоединившейся 1-й бригады 16-й дивизии (полки Владимирский и Суздальский). Так как решительная атака намечалась на 9 сентября, то накануне утром авангард Скобелева, в составе Калужского и Эстляндского полков и IX и X стрелковых батальонов, с 3 сотнями и 36 орудиями был выдвинут на ловчинское шоссе и занял селение Брестовец. На Красной горе были устроены окопы для трех батарей. Огонь последних, удаленных на 3 *км* от второго гребня Зеленых гор, оказался недействительным. Скобелев решил захватить в 15 часов второй гребень Калужским полком. Атака умышленно откладывалась на столь позднее время, чтобы у турок не оставалось времени для организации контратаки. Калужский полк двинулся, имея 2 батальона в боевой части, каждый из них по одной роте в цепи, и 4 роты—в колоннах, в две линии; третий батальон калужцев—полковой резерв—был задержан на первом гребне. Дистанции были скоро потеряны, и полк представлял густую массу, 800 шагов по фронту и 150 шагов в глубину. Несмотря на огонь 8 турецких орудий, калужцы счастливо прошли 3 *км* до второго гребня, сбили слабую пехоту турок и, увлекшись преследованием, овладели и третьим гребнем и в полном беспорядке бросились дальше. Наступление растянулось на 5 *км* в глубину. Турки с разных сторон бросили в контратаку резервы. Остатки потерявших 900 человек убитыми и ранеными калужцев покатились назад. На первом гребне батальон полкового резерва калужцев и эстляндцы задержали увлекшихся контратакой турок, опрокинули их и отбили попытку охвата со стороны Кришина. Эстляндский полк продвинулся вперед и занял второй гребень.

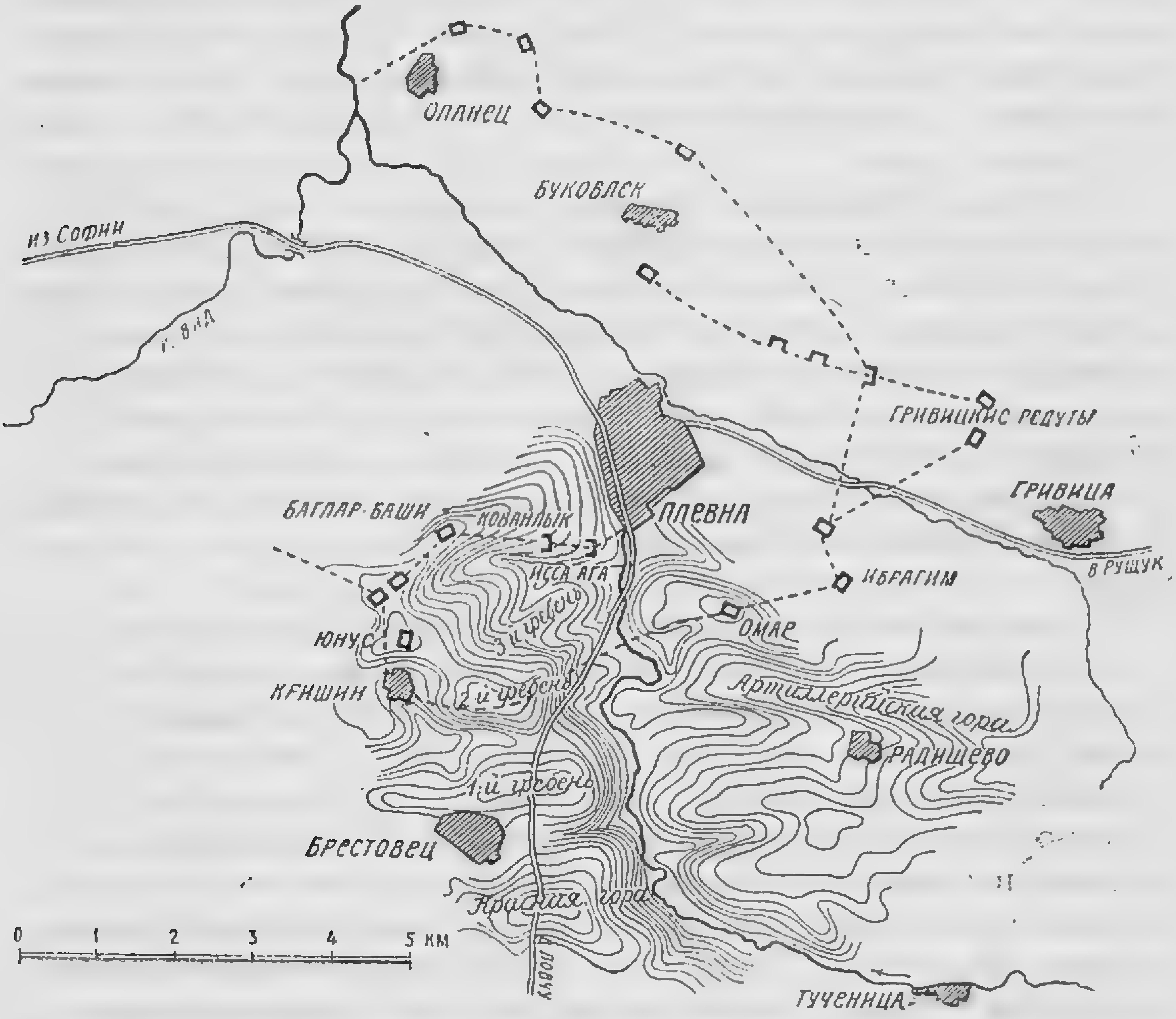
---

[1] Повидимому вследствие того, что Скобелев по соседству начал бой за исходные к штурму позиции с 10 часов утра.

[2] Генерал Криденер, командовавший здесь русскими, был весьма доволен общей неудачей третьей атаки и даже поместил в газетах радостное интервью: он, Криденер, всегда упорно доказывал, что не следует атаковать Плевну; на него, Криденера, свалили ответственность за две первые неудачи; теперь можно только любоваться лаврами, которые пожали другие, явившиеся атаковать Плевну.

Но так как в ночь на 9 сентября стало известно, что решительная атака откладывается, то в 3 часа утра 9 сентября Эстляндский полк был оттянут на первый гребень, так как позиция на втором гребне подверглась сильному фланговому огню со стороны редута Юнуса и имела закрытые подступы к фронту и правому флангу, облегчавшие туркам наступление. Отход Скобелева был понят турками как признак слабости, и в 5 и 8 часов утра они произвели энергичные атаки на первый гребень. Наступление турок облегчалось тем, что они спокойно вели охват вдоль тученицкого оврага. Этот охват стал бы невозможен, если бы средний участок выдвинул к оврагу для связи со Скобелевым хотя бы одну роту; но этого не было; средний участок не принимал никаких мер для обороны стыка с левым участком, проходившим по Тученицкому ручью. Все же Скобелеву удалось, подкрепив эстляндцев двумя батальонами, удержаться на первом гребне.

На 10 сентября Скобелеву было приказано выдвинуться на третий гребень. Скобелев, однако, чтобы не подставлять свою пехоту на расстрел с трех сторон за сутки до решительной атаки, принял решение пока не продвигаться дальше второго гребня. Для поддержки этого наступления и дальнейших атак Скобелев выбрал на Артиллерийской горе, в районе среднего участка, позицию для двух своих батарей. В полдень эстляндцы, X стрелковый батальон и батальон владимирцев выдвинулись на второй гребень. От Туленицкого ручья позиция Скобелева тянуллась на 2,5 *км*;


ОПАНЕЦ
БУКОВЛСК
из Софии
р. Вид
ГРИВИЦКИЕ РЕДУТЫ
ГРИВИЦА
в РУЩУК
ПЛЕВНА
БАГЛАР-БАШИ
КОВАНЛЫК
ИСА АГА
3-й гребень
2-й гребень
1-й гребень
ИБРАГИМ
ОМАР
ЮНУС
КРИШИН
Артиллерийская гора
РАДИЩЕВО
БРЕСТОВЕЦ
Красная гора
в Ловчу
ТУЧЕНИЦА
0 1 2 3 4 5 КМ

Черт. 27. Район атаки Скобелева на Зеленых горах 8—12/IX 1877 г.

селение Кришин Скобелев не занимал, чтобы не растягивать чрезмерно фронта. Пехота, за отсутствием шанцевого инструмента, окапывалась, применяя разнообразные металлические предметы; работа подвигалась плохо; за сутки не удалось создать даже сносных окопов для стрельбы лежа. С наступлением темноты, как и всегда, перед фронтом позиции на втором гребне были выдвинуты казаки для несения сторожевой службы.

Утром 11 сентября стоял густой туман. Князь Имеретинский предполагал вести атаку участком Скобелева в направлении на люнеты Кованлык и Исса-ага и уступом позади образовать другой участок для атаки редута Юнус, что разгрузило бы войска Скобелева от охватывающего артиллерийского и ружейного огня. Но главнокомандующий приказал, чтобы атака велась только Скобелевым. Диспозицией для атаки на левом крыле армии были созданы три самостоятельных начальника: Скобелев—13 батальонов и 4 батареи; Имеретинский—9 батальонов, 6 батарей—исключительно резерв для Скобелева; Леонтьев—1 кавалерийская бригада и 2 казачьих бригады с 3 конными батареями—для охраны левого фланга и действий против сообщений турок.

С турецкой стороны против Скобелева было развернуто 19 батальонов более слабого чем русские состава и 11 орудий. Из них 8 батальонов и 8 орудий составляли гарнизон турецких укреплений; люнеты Кованлык и Исса-ага, связанные ходом сообщения в 500 *м* длиной, на которые нацеливалась атака, занимались всего 2 батальонами и 2 орудиями; 11 батальонов оставалось в резерве; из них 8 батальонов с 3 горными орудиями находились под непосредственной командой Эмин-паши близ редута Баглар-Баши.

С рассветом 11 сентября 32 орудия Скобелева частью с Артиллерийской горы, частью со второго гребня открыли огонь, мало действительный вследствие тумана. В 10 часов утра Скобелев двинул 4 батальона (владимирцы и X стрелковой батальон) для занятия третьего гребня, как исходной позиции для решительной атаки. Владимирцы наступали в таком же построении, как 8 сентября калужцы. В тумане они продвигались по кукурузным посевам и виноградникам, внезапно набросились на слабые турецкие части на третьем гребне, овладели им, увлеклись преследованием, перешли через Зеленогорский ручей, овладели стрелковыми ложементами перед турецкими люнетами; кучка владимирцев ворвалась даже в Кованлык, а несколько кучек устремились к самому городу.

Турки оправились от момента паники, перешли в контратаку и отбросили слабые части владимирцев и стрелков на третий гребень. В 11 часов туман рассеялся. Третий гребень крылся сильным огнем с трех сторон. Эмин-паша бросил свои 8 батальонов в контратаку. Турки приблизились на кратчайшие дистанции. Завязавшийся здесь сильный бой спровоцировал преждевременную атаку среднего участка. Около 14 часов Скобелев, введя в бой IX стрелковый батальон и суздальцев и выдвинув одну батарею на 600 *м* впереди второго гребня, сумел отбросить турок на их основные укрепления.

В 15 часов началась решительная атака. Скобелев полагал, что захват люнетов и на среднем участке редута Омар приведет к общему отступлению турок, почему он стремился не расходовать сил на овладение линией редутов Юнус—Баглар-Баши. Весь фронт атаки Скобелева не превосходил 900 *м*. В начале наступления он уже получил уведомление, что атака среднего участка отбита. Скобелев решил все же продолжать атаку, заслонившись тремя ротами со стороны редута Омар.

Артиллерия Скобелева—всего 45 орудий—располагалась так: 13 орудий последовательно продвинулись на третий гребень, 22 орудия оставались на втором гребне, 10 орудий били с Артиллерийской горы. Кроме того, 6 орудий, остававшиеся на первом гребне, обстреливали редут Юнус, чтобы парализовать его фланговый огонь.

Раненого Эмина-пашу заместил Рифат-паша; в распоряжении последнего находилось всего 20 турецких батальонов, занимавших позицию полукругом. Скобелеву изнутри этой дуги предстояло пройти 1 000 *м*, спускаясь к Зеленогорскому ручью, и затем подняться на протяжении 400 *м*.

В 15 часов началась решительная атака. В первой линии, с играющими оркестрами музыки, двигались 8 батальонов: вдоль Тученицкого ручья—IX и X стрелковые батальоны; в центре—Суздальский полк на люнет Исса-ага; на левом крыле владимирцы на Кованлык; позади направлялись несколькими волнами резервы. Когда в долине Зеленогорского ручья наступление захлебнулось в первый раз под концентрическим огнем турок, в боевую линию влилась вторая волна—Ревельский полк, также с играющим оркестром. Эта волна подтолкнула атаку на 200—300 шагов вперед, после чего огонь турок опять пришил всех наступающих к земле. Скобелев, зная уже, что на других участках все атаки отбиты, бросил последнюю волну из резервов, предоставленных Имеретинским, — Либавский полк, XI и XII стрелковые батальоны. Атака сделала еще скачок вперед и опять замерла; турецкая контратака из города заставила даже правый фланг попятиться.

16 русских батальонов, представлявшие еще массу по крайней мере в 9 тыс. пехотинцев, образовывали одну «цепь» протяжением в 900 *м*. Густота этой «цепи» составляла не менее 10 человек на один погонный метр фронта. Скобе-

лев, израсходовавший все резервы, теперь поскакал верхом к фронту и увлек его за собой. Последним усилием около 16 час. 30 мин. Кованлык был взят. Князь Имеретинский и офицеры его штаба собрали 5 рот из отбившихся пехотинцев Либавского и Суздальского полков. Эти 5 сводных рот новым ударом овладели люнетом Исса-ага. Вечером в боевую часть, стеснившуюся в захваченных люнетах, влился еще Эстляндский полк. Калужский полк и казаки, занявшие в спешенном строю селение Кришин, охраняли фланги и тыл.

Результатом тактического прорыва Скобелева являлся захват важнейшего ядра турецкой укрепленной позиции. Дальнейшие успехи Скобелева привели бы к полному разгрому турецкой армии. Нельзя сказать, что у Скобелева в люнетах было мало солдат—напротив, здесь собралась целая фаланга, 10 человек на 1 *м* фронта; у них не было шанцевого инструмента, чтобы окопаться, захваченных турецких траншей было недостаточно, чтобы вместить эту массу, да и при наличии шанцевого инструмента едва ли можно было бы оградить этот кучный строй от больших потерь. Но в руках Скобелева были не войска, а толпа утомленных многодневным боем людей различных полков, все части перемешались; поэтому Скобелев просил для развития своей успешной атаки присылки свежих резервов; таковые были на среднем и правом участках в большом количестве, но Скобелеву лишь на другой день были высланы только 2 утомленных батальона, остававшихся у князя Имеретинского, и 1 полк, неудачно атаковавший накануне на среднем участке. Этих сил было достаточно только для прикрытия отступления Скобелева в исходное положение.

Так как 12 сентября на правом и среднем участках установилось полное затишье, то турки получили полную возможность сосредоточить против Скобелева все свободные резервы. С 6 часов утра на скученное расположение Скобелева в люнетах начались атаки с трех сторон. В 17 часов люнеты перешли в руки турок. 22 батальона, участвовавшие в наступлении Скобелева, потеряли 7 тыс. человек убитыми и ранеными, в среднем 47,5% их боевого состава. Потери турок были втрое меньше.

Пруссаки после успешной в конечном счете атаки гвардии на селение С.-Прива признали ударные приемы боя негодными и похоронили их раз навсегда. Русским и французам понравился пример Скобелева. Идеалом боя на грани XIX и XX столетий для русской и французской доктрины являлось упорное расшатывание фронта противника рядом атак, так называемый бой на изнурение, с широким применением самоокапывания и с явной целью истощить резервы неприятеля, расстроить его боевой фронт. Затем наступал час решительной атаки, выполняемой на узком фронте, являвшейся по преимуществу прорывом. Войска, предназначавшиеся для этой атаки, строились на узком фронте, во много линий в глубину; пример скобелевского боевого порядка перед атакой—1 *км* по фронту, 4 *км* в глубину—казался соблазнительным.

Конечно, при дальнейшей поддержке резервами Скобелева, и в особенности при возобновлении наступления на среднем участке, атака Скобелева могла привести не только к минутному бесплодному тактическому торжеству ударной тактики, но и к разгрому всего плевненского расположения турок. Однако можно ли рекомендовать этот идеал ударной атаки? Противнику наносятся ничтожные потери; здесь мы имели полуторные силы прекрасных русских войск с гениально умевшим владеть сознанием солдат вождем против турецких солдат, недостаточно организованных; если огонь 8 турецких слабых пушек и не слишком хорошо стрелявших ополченцев скосил половину наступавшего ударного порядка, то что бы можно было ожидать, если бы турки имели два десятка скорострельных пушек или несколько пулеметов? Что осталось бы от наступавшей на узком фронте фаланги Скобелева? К чему привел бы его прием, провозглашенный поклонниками ударной тактики гениальным, толкать залегший фронт вливанием в нее свежей волны резервов, не считаясь с получаемой густотой, хотя бы действие оружием 90% находившихся на фронте солдат и исключалось? К чему привело бы стремление бороться с силой неприятельского огня наращиванием густоты атакующей массы?

Ответ на эти вопросы, весьма ясный, дает Русско-японская война. Будь немного лучше турецкая пехота, немного сильнее ее огневое действие, Скобелев был бы жестоко наказан, и относительный его успех не задержал бы на 30 лет преодоление тенденций ударной тактики на полях сражений.

Плевненский кризис. 13 сентября состоялся военный совет под председательством Александра II. Главнокомандующий, Николай Николаевич, был настолько подавлен третьей неудачной атакой Плевны, что малодушно высказался за немедленный отход на левый берег Дуная, ввиду опасности оставаться на позициях перед Плевной и невозможности отодвинуться, что еще более стеснило бы полукруг нашего фронта перед систовским мостом. Большинство, павшее духом, уклонялось от определенных ответов. Жаловались, что война начата с недостаточными силами. Милютин указывал на прибытие втечение месяца крупных подкреплений из России и требовал, чтобы армия отстаивала свое расположение. Николай Николаевич отвечал, не хочет ли в таком случае Милютин вступить вместо него в командование армией. Александр II решил спор в пользу Милютина. Армия должна была окопаться на занимаемом фронте. Для объединения действий против Плевны был вызван маститый защитник Севастополя, генерал Тотлебен; последний, на случай новых капризов Николая Николаевича, должен был заместить его в командовании армией.

Создавшийся после третьей неудачной атаки Плевны кризис был преимущественно кризисом в сознании высшего командования. Перед Плевной оставалось за русскими все же двукратное превосходство в пехоте и десятикратное в коннице и артиллерии. У победителя, Османа-паши, не имелось даже свободных войск, чтобы вытеснить со своего тыла, из Дольнего Дубняка, русско-румынскую конницу. Единственно, что мог предпринять Осман-паша разумного, заключалось в поспешном отступлении от Плевны, чтобы перенести сопротивление за Балканы. Если русская армия с трудом существовала в трех переходах от Систова, под Плевной, то она была бы абсолютно не в состоянии организовать свой подвоз, если бы натолкнулась на такое же сопротивление где-либо за Балканами, в особенности если бы вступила в позиционную борьбу у Адрианополя. Однако турецкий султан был в таком восторге от успехов турок у Плевны, что и слышать не хотел о просьбах Османа-паши разрешить последнему отступление. Участь лучшей турецкой армии тем самым была решена.

Блокада Плевны. После третьей неудачи под Плевной 100-тысячная русско-румынская армия расположилась к северу и востоку от Плевны на фронте в 15 *км*; румыны быстро и хорошо окопались; русские войска окапывались чрезвычайно медленно; нужно было повсюду вмешательство и руководство сапер. На остальных участках Плевна вначале наблюдалась нашей конницей, оказавшейся, впрочем бессильной помешать движению больших турецких транспортов по софийскому шоссе к Плевне, под прикрытием пехотных бригад с артиллерией. Чтобы облегчить борьбу с нашей конницей на софийском шоссе, резервная армия Шефкет-паши, собиравшаяся у Орхание—София, возвела вдоль этого шоссе, на удалении 8—10 *км* друг от друга, пять укрепленных этапов—у Дольнего Дубняка, Горного Дубняка, Телиша, Радомирцы, Яблоницы; это были большие редуты с несколькими вынесенными вперед окопами, занятые каждый 4—7 батальонами, преимущественно мустафхиса, и 2—4 орудиями.

Прибывший в середине октября гвардейский корпус, объединенный вместе с массой русской кавалерии на левом берегу р. Вид под командой Гурко, решено было использовать, чтобы прервать эту коммуникационную линию и блокировать Плевну и с запада. 24 октября генерал Гурко окружил в редуте у Горного Дубняка 4 тыс. турок с 4 орудиями; в распоряжении Гурко находилось 36 свежих батальонов, 79 эскадронов, 154 орудия. Для непосредственной атаки Горного Дубняка было назначено 20 батальонов с 54 орудиями. В 10 часов утра гвардейская пехота, не дав артиллерии времени обстрелять турецкий редут, двинулась на него со всех сторон в атаку. Под сильным огнем турок наша пехота залегла в 100—400 шагах кругом редута, образовав круг, диаметром около тысячи шагов, стрелявший по направлению к центру. В 15 часов, по приказу Гурко, последовал новый штурм; наши цепи залегли в 40 шагах от редута; своим ружейным огнем мы поражали друг друга. Турки пытались сдаться; пытавшиеся высунуться турецкие парламентеры были убиты, прежде чем можно было разобраться, в чем дело. Надвигался вечер. Гурко уже отдавал приказание об отступлении, но инициатива перешла в стрелковые цепи; отдельные смельчаки переползли в ров редута, накопились там. Внутри редута бушевал сильный пожар—горели шалаши турок. Кучка бросилась на штурм редута, за ней—все; часть турок перекололи, 2 300 турок сумели сдаться в плен. Наши потери превышали 3 500 человек, т. е. почти равнялись всему турецкому гарнизону Г. Дубняка. Демонстративная атака на Телиш, которая велась в тот же день, обошлась нам в 937 человек.

Гурко понял, что такое истребление гвардии при столкновении с вдесятеро слабейшим турецким ополчением знаменует крупное тактическое недоразумение. 28 октября он окружил Телиш, воспретил его атаковать и подверг турецкий редут перекрестному огню 66 орудий. После трехчасовой канонады, втечение коей было выпущено 2 603 снаряда (половина гранат, половина шрапнелей, притом 87% девятифунтового калибра, коим были вооружены все гвардейские пешие батареи), турки сдались в числе 4711 человек с 4 орудиями. Наши потери—49 человек.

Раз мы нашли правильный способ действий против изолированных турецких редутов, туркам не оставалось ничего другого, как очистить остальные укрепленные этапы без боя. Плевна была обложена со всех сторон. Гурко с гвардией выдвинулся против Орхание, чтобы препятствовать Шефкету-паше, смененному вскоре Сулейманом, подать помощь Плевне; прибывший в начале ноября гренадерский корпус блокировал Плевну на левом берегу Вида.

Группировка русских сил на театре войны теперь была следующей: 40 тыс. турок Османа-паши блокировали на окружности в 48 *км* 12 русско-румынских пехотных дивизий, (120 тыс.), а 13 пехотных дивизий—Рущукский отряд, VIII корпус на Шипке, усиленный 24-й пехотной дивизией отряд Гурко—прикрывали эту блокаду. В резерве, несмотря на громадное численное превосходство русских войск, не оставалось никого. Так мот не может успокоиться, пока у него в кармане звенит хотя бы грош. Будучи на много сильнее турок, при проявлении активности их на любом направлении, наше высшее командование проявляло крайнюю нервность.

28 октября, в день падения Телиша, у обложенного со всех сторон Османа-паши имелось продовольствия только на 2 недели. Он сумел растянуть его на 6 недель, переведя гарнизон на голодный паек. Когда пришло известие с Кавказа, что Карс 18 ноября взят штурмом, Николай Николаевич захотел в свою очередь предпринять новый, четвертый штурм Плевны. Заслуга Тотлебена заключалась главным образом в том, что он отразил эти попытки главнокомандующего внести сумбур в действия блокирующих войск, поддерживал порядок, заставлял работать над укреплениями и дорогами. В ночь на 10 декабря, покончив с последними сухарями, Осман-паша вывел свой геройский гарнизон для последней попытки пробиться на левом берегу Вида. Гренадеры отразили эту попытку; 6 тыс. турок были убиты и ранены, русские потеряли 1700 человек. Раненый Осман-паша с 34 тыс. истощенных людей положил оружие [1].

---

[1] Попытка Османа-паши пробиться, вообще почти неосуществимая, была безнадежной, так как султан воспретил Осману оставить при уходе из Плевны в городе мусульманское население, дабы избежать его погрома болгарами. Масса мусульманского населения удлинила в огромной степени пробивающуюся колонну турок.

В Мировую войну 60 тыс. русских, преимущественно ополченцев, осаждали Перемышль, большую крепость с 120-тысячным гарнизоном. Под Плевной 120 тыс. лучших русских солдат облагали слабую техникой и организацией 40-тысячную армию турок, не опиравшуюся на какие-либо долговременные сооружения.

Переход через Балканы. Убыль в турецких рядах была сильнее притока новых сил. Турецкие армии в тяжелых условиях осени и начала зимы, чрезвычайно сурового, начали разлагаться. Весть о капитуляции Плевны усилила в большой степени этот процесс распада. Количество турецких войск, противопоставленных русской полумиллионной армии, достигало еще 160 тыс., но это было по большей части необстреленное ополчение, без командных кадров, не чувствовавшее себя в силах и не желавшее драться. Фланговая угроза четырехугольника крепостей, очевидно, не была способна больше удержать наступления русских. Но турки рассчитывали на труднопроходимость Балкан зимой. Войска, оборонявшие Балканы, начали получать подкрепления за счет главных сил в четырехугольнике крепостей. Это было ошибочное мероприятие. Турки поступили бы разумнее, если бы сосредоточили крупные силы и средства в Адрианополе, вокруг которого втечение войны были возведены обширные укрепления. Маневрирование в горах было не под силу турецким ополченцам и в особенности их разношерстным вождям; приходилось разбрасываться, действовать отдельными отрядами, а вождей, способных проявить инициативу, для руководства этими расчлененными в горах частями армии не было.

Русский главнокомандующий отдавал всегда внезапные, оторванные от целого приказы; он не считался ни с прошлым, ни с будущим ведения войны, отличался отсутствием школы, не умел спокойно, всесторонне и внимательно обсудить вопрос в целом и не желал выслушивать докладов (характеристика его сотрудника Газенкампфа); после сдачи Плевны он резко воспрянул духом и перешел к сокрушению. С громадной энергией двинул он теперь войска для выполнения обручевского плана—перехода через Балканы и марша к Константинополю.

Для перехода через Балканы назначались на направлении к Софии группа Гурко (80 тыс.), на направлении Шипки— группа Радецкого (46 тыс.), для связи между коими через Траянский перевал наступал отряд Карцева (6 тыс.). Турки имели против Гурко 17 тыс., против Радецкого

23 тыс.; до 30 тыс. войск перевозилось из Варны через Константинополь к Филиппополю, и до 10 тыс. следовало к Софии с сербской границы. Операция перехода через Балканы намечалась нами не в виде одновременного удара на всем фронте; так как Радецкий опасался, что не справится с сопротивлением турок, то сначала должен был спуститься за Балканы Гурко, а затем, в развитие его успеха, должен был двинуться Радецкий. Этот метод действия—последовательного вступления в операцию, в зависимости от предварительно одержанных успехов—таит в себе большую опасность вырождения в бессилие. В данном случае операция прошла гладко, но в Манчжурии, через 27 лет, мы обязаны этому методу крупными неудачами: неуспех на заходящем фланге заставлял бездействовать все остальные войска, и попытка перейти к активным действиям замирала в зародыше (например Сандепу, Мукден).

Гурко 25 декабря двинулся в Балканы на фронте в 30 *км*; с громадным трудом продвигались войска; переход через горы потребовал вместо предположенных 2 дней 6 суток напряженной работы войск. 4 января Гурко занял Софию и дал войскам отдых. У Татар-Базарджика Сулейман собрал против него к 12 января до 40 тыс. Отряд Карцева, действовавший в 120 *км* промежутке между Гурко и Радецким, счастливо перебрался через Балканы втечение 4—8 января, встретив лишь слабые силы турок.

Против Радецкого на фронте около 10 *км* стояло около 5 тыс. турок, заграждая Шипкинский перевал; движение вне шоссе могло производиться столь медленно, что под выстрелами являлось совершенно невозможным. Остальные 18 тыс. турок Весселя-паши отдыхали позади, на равнине, в укрепленном лагере у селения Шейново, высылая смену мерзнувшим на горных позициях частям. Радецкий выделил две колонны: левую, Святополк-Мирского, силой в 18 тыс., и правую, Скобелева, 16 тыс. Святополк-Мирский должен был перевалить через Травненский перевал, всего в 13 *км* восточнее турецких позиций у Шипки, а Скобелев—через очень плохой Иметлийский перевал—тропу в 2 *км* западнее турецкого расположения. 6 января обходные колонны двинулись. Святополк-Мирский не смог протащить с собой полевую артиллерию, но с 8 горными пушками, после 3 суток борьбы со снегом, спустился с Балкан и 9 января, на сутки позже условленного срока, атаковал с востока шейновский лагерь, занял передовые окопы, отрезал пути на юг. Войска Весселя-паши пали духом. Он просил разрешения отступить, но в Константинополе полагали, что удастся немедленно заключить перемирие с русскими и удержать за собой выход с Шипкинского перевала. Вессель-паша получил приказание держаться. Колонна Скобелева, встретившая огромные препятствия, запоздала на 2 суток и только 10 января повела с запада атаку [не всеми силами, одна треть застряла на перевале] на Весселя-пашу. На фронте Шипкинского перевала мы сделали тщетную попытку атаки по шоссе, обошедшуюся нам в 1 700 человек напрасных потерь. Несмотря на слабость нашего артиллерийского огня, войскам Скобелева под его энергичным руководством удалось ворваться в турецкий лагерь. Вессель-паша сдался с 22 тыс. человек и 24 орудиями. Нам удалось завершить шипкинское сиденье маленьким Седаном. Потери обходных колонн достигали 3 600 человек.

Марш к Адрианополю. Разгром отдельных турецких отрядов генералом Гурко, потеря Софии, капитуляция Весселя-паши—окончательно сломили волю турок к сопротивлению. 10 января русский главнокомандующий получил телеграмму турецкого военного министра с просьбой о перемирии. Одновременно на всех фронтах турецкие генералы получили приказание выслать парламентеров для установления условий перемирия. Эта идея остановить наступление русских перемирием дорого стоила туркам: дух турецких начальников и войск пал окончательно, погибла армия Весселя-паши и погибла также армия Сулеймана. С потерей Шипкинского прохода войска Радецкого оказались ближе к Адрианополю, чем армия Сулеймана у Татар-Базарджика. Только отступление форсированным маршем могло бы спасти Сулеймана. Последний же 8—11 января был задержан в Татар-Базарджике приказом не отходить, а установить перемирие с русскими. Турецкое правительство не хотело больше сражаться, но и не хотело итти на территориальные потери. Сулейман поздно начал отступление; у Филиппополя части Гурко нагнали и задержали его; 17 января дорога Сулейману на Адрианополь была окончательно отрезана, и ему пришлось, бросив артиллерию (108 стальных крупповских пушек), отойти без дорог через Родопские горы к Деде-Агачу. 20 января эвакуированный турками Адрианополь был занят русской конницей, а через двое суток—сильной колонной Скобелева.

Наши войска были одеты в лохмотья, без рубах, в турецких чалмах, без сапог. Масса отсталых разредила наши батальоны; обозы остались по ту сторону Балкан; войска кормились преимущественно за счет захваченных турецких складов; пехота наступала, не имея при себе даже патронных повозок, исключительно с носимым запасом патронов; кавалерия расковалась; большинство батарей было оставлено севернее Балкан; на 28 батальонов и 12 эскадронов колонны Скобелева имелось всего 12 орудий; приэтом задние ходы зарядных ящиков были оставлены позади, и батареи—на всю операцию преследования за Балканами—были ограничены только снарядами, возимыми в передках орудия и ящика. О флангах и тыле не заботились,—это было общее бегство вперед.

В условиях паники и паралича, охвативших весь государственный организм Турции, этот дерзостный марш к Константинополю являлся полностью оправданным. Общее беженское движение мусульман, спешивших уйти за турецкими войсками к Константинополю, запрудило все дороги, исключило всякую возможность маневра; улицы и площади турецкой столицы были заполнены шалашами, в которых ютились массы голодных и охваченных тифом беженцев.

Мы, однако, затруднимся назвать этот марш стремглав вперед стратегическим преследованием. Предпосылки его успеха заключались в политическом развале неприятеля; политически Турция неспособна была больше к вооруженному сопротивлению и могла искать себе спасение только в дипломатических ухищрениях. Воли воевать у турок больше не было. Турция слагала оружие. Наш марш к Адрианополю являлся не столько военным, как политическим актом. Это было политическое преследование; иных преследований, выходящих за рамки ограниченной операции, история XIX и XX веков не знает.

Перемирие и Сан-Стефанский мир. Переговоры нашей главной квартиры с Турцией привели к перемирию, подписанному в Адрианополе 31 января, и миру, заключенному в Сан-Стефано 3 марта 1878 г. Главнокомандующий переехал в Сан-Стефано—городок в ближайших окрестностях Константинополя, почти его предместье, в формальное исполнение повеления Александра II—занять Константинополь. Условия перемирия для турок были легкими, мира—очень тяжелыми.

Туркам было даже выгодно, чтобы подписанный ими мир заключал удовлетворение возможно крупных русских требований,—чем они были больше, тем вероятнее становилось вмешательство Европы и пересмотр Сан-Стефанского мира на европейском конгрессе.

По условиям адрианопольского перемирия, заключенным в момент, когда какое бы то ни было сопротивление для турок являлось немыслимым, и когда царствовал общий «олмас», турки обязывались очистить свои дунайские крепости—Силистрию, Рущук, Виддин и чаталджинскую позицию перед Константинополем. На Кавказском фронте наши войска занимали Эрзерум. Устанавливалась демаркационная линия; русские для довольствия получили возможность пользоваться портами Варны и Бургаса. На наш взгляд, следовало потребовать удаления турецкого флота из Черного моря в Средиземное или даже его разоружения; действительно, тыл русской армии, при господстве турок на Черном море (эскадры в Варне и Батуме), висел на ниточке; следовало потребовать демобилизации турецкой армии, воспрещения устройства укреплений перед Константинополем и на Босфоре; следовало ограничить гарнизон Константинополя небольшим числом, потребным для поддержания порядка; следовало потребовать полной передачи нам Батума, Шумлы и Варны; Батум, долженствовавший нам отойти по мирному договору, мы получили впоследствии лишь с трудом. Следовало во всяком случае настоять, чтобы турки прекратили производство новых наборов. Эти меры сделали бы нас фактическими хозяевами на Балканах и Черном море; мирные условия можно было бы выработать впоследствии.

Главнокомандующий действовал наоборот; английский блеф—появление небольшой английской эскадры в Мраморном море, разговоры об английском десанте, максимум 8 тыс. человек—заставил его воздержаться от занятия во-время Константинополя и Босфора. Русская армия без сколько-нибудь сносных сообщений, довольствуемая с фронта, из Константинополя, охваченная эпидемией тифа, быстро слабела; турки же понемногу оправлялись, усиливались у Константинополя, укреплялись. В Константинополе обучались 18 тыс. вновь призванных рекрут. Все искусство главнокомандующего было направлено на то, чтобы вырвать у турок клочок бумаги, именуемый Сан-Стефанским договором. И уже 21 марта главнокомандующий не считал возможным, на случай столкновения с Англией, захватить хотя бы только европейский берег Босфора. Сменивший его в апреле 1877 г. Тотлебен так же скептически оценивал положение наших войск.

Отсутствие в наших руках входа в Черное море—Босфора, господство турок на Черном море, наличие в нашем тылу занятых турками Шумлы и Варны, враждебная позиция Румынии—все эти невыгоды создавшегося из условий перемирия стратегического положения повели к тому, что Сан-Стефанский мирный договор остался клочком бумаги, и мы согласились на берлинском конгрессе отказаться от него. Из этих обстоятельств Фош, судя по взятой им линии в переговорах с Германией в конце Мировой войны, сумел сделать надлежащие выводы.

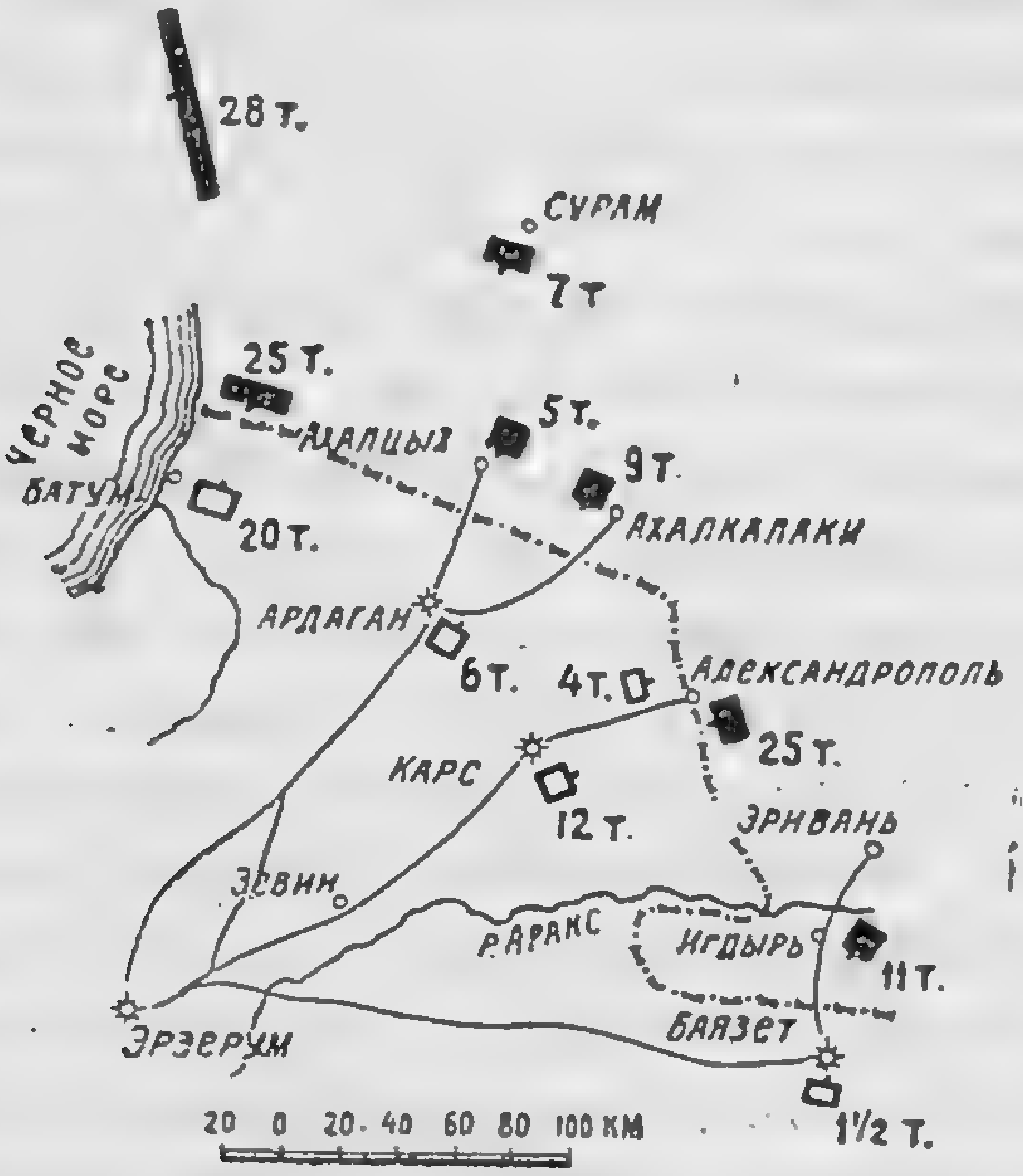
Ход военных действий на Кавказском фронте. Кавказский театр войны представлял три направления, изолированные друг от друга горами, сходившиеся у важного турецкого административного центра—Эрзерума, очень слабо укрепленного. В небольшом удалении от русской границы они заграждались крепостями Ардаган, Карс, Баязет. Из них только Карс был достаточно подготовлен к обороне и снабжен 12-тысячным гарнизоном; Ардаган имел гарнизон в 6 500 человек, Баязет—в 1 500 человек. Совершенно отдельным являлся приморский район, стратегически представлявший глухой тупик, но включавший в себя Батум—порт, захват коего являлся одной из целей русских в войне с турками. Последние поэтому выделили для обороны Батума 20 тыс.; для действий вне крепостей на остальном театре у турецкого главнокомандующего Мухтара-паши оставалось только 4 тыс. В тылу шли формирования ополченских и нерегулярных частей. Все лучшее отправлялось турками на Балканы. В Азии у турок не было ни хороших пушек, ни хороших ружей, и средства Мухтара были ограничены до крайности. А удерживать ему приходилось фронт Батум—Баязет, протяжением свыше 300 *км*.

Русские в самый день объявления войны имели 110 тыс., закончивших оперативное развертывание против турок. Впрочем, 28 тыс. из них было оставлено для защиты кавказского побережья от возможного турецкого десанта. Остальные силы, численно превосходившие турок вдвое и стоявшие по боеспособности несравненно выше турецких ополчений, прекрасно снабженные артиллерией, с очень энергичной кавалерией, развертывались так: против Батума—25 тыс., пропадавших для других операций; на главных направлениях: 14 тыс. против Ардагана, 25 тыс.—Александропольский [1] отряд—против Карса, 11 тыс.—Эриванский отряд—против Баязета. 7 тыс. сохранились в резерве за правым флангом. Ввиду того, что по нашему плану следовало на Балканах нанести Турции сокрушительный удар, от Кавказского фронта требовалось лишь защищать наши границы от вторжения; захват Батума, конечно, являлся желательным.

---

[1] Александрополь—ныне Ленинакан.

Наше командование хотело разрешить эту оборонительную задачу, перейдя границу и остановившись в недалеком от нее расстоянии; на приморском театре целью являлся Батум. 24 апреля мы перешли границу. Мухтар отошел с 4 тыс. полевых войск к Эрзеруму, где шла работа над новыми формированиями. Перед нами неприятеля вне крепостей не было, за исключением батумского направления; но на последнем местность представляла ужасные горные дебри, и наши войска, имевшие только небольшой численный перевес, медленно, шаг за шагом, продвигались вперед. 17 мая наши войска овладели атакой, подготовленной огнем осадных орудий, Ардаганом; Баязет был занят без боя еще 29 апреля. Решено было, за отсутствием противника, овладеть Карсом: окружить его, бомбардировать осадной артиллерией, затем штурмовать. 1 июня обложение Карса было закончено. Чтобы помешать Мухтару-паше явиться на выручку Карсу, Эриванскому отряду было приказано произвести против него энергичную демонстрацию. Эриванский отряд отважно двинулся вперед, разбил авангард Мухтара, но в бою у Даяра 21 июня вынужден был перейти к


28 т.
СУРАМ
7 т
ЧЕРНОЕ МОРЕ
25 т.
АХАЛЦЫХ
5 т.
9 т.
БАТУМ
20 т.
АХАЛКАЛАКИ
АРДАГАН
6 т.
4 т.
АЛЕКСАНДРОПОЛЬ
25 т.
КАРС
12 т.
ЭРИВАНЬ
ЗЕВИН
Р. АРАКС
ИГДЫРЬ
11 т.
БАЯЗЕТ
ЭРЗЕРУМ
20 0 20 40 60 80 100 КМ
1½ т.

Черт. 28. Оперативное развертывание на Кавказском фронте в 1877 г.

обороне; в тылу Эриванского отряда турецкие иррегулярные отряды и бывший баязетский гарнизон перехватили его сообщения. Чтобы помочь слабому Эриванскому отряду, из состава облагавших Карс войск 21 июня был двинут 17-тысячный отряд Геймана. Последний приблизился уже на полтора перехода к Эриванскому отряду, когда повстречался с 13-тысячным отрядом турок, занявших укрепленную позицию под Зевиным. Находившийся при отряде Геймана фактически командовавший Кавказской армией генерал Лорис-Меликов (номинально—великий князь Михаил Николаевич) не решился оставить турок у себя на фланге и приказал их атаковать. Вялая атака 25 июня на турецкие позиции у Зевина не была доведена до конца. Значительная часть наших сил не была введена в бой. Потери наши составляли только 5% всего отряда.

Нашим командованием овладел приступ паники. 27 июня началось отступление Геймана и Эриванского отряда по расходящимся направлениям, по которым они прошли. Приморский отряд, прошедший полпути к Батуму, отошел на ближайшие к границе высоты. Эриванский отряд, освободив осажденный в Баязете русский гарнизон, очистил последний и ушел в русские пределы. На карсском направлении, на котором за Гейманом чрезвычайно осторожно следовал Мухтар, решено было снять осаду Карса. В ночь на 10 июля наши главные силы отошли от Карса и расположились для обороны подступов к Александрополю, а 19 июля перед ними на Аладжинских высотах появилась армия Мухтара-паши—около 23 тыс. слабых войск сверх 12 тыс. гарнизона Карса.

Русское командование, располагая против Мухтара-паши 35 тыс., повсюду перешло к обороне и настойчиво требовало присылки подкреплений. Зевин явился своего рода Плевной для Кавказского фронта. И численностью и качеством попрежнему мы сильно превосходили турок, и все же на этот явно второстепенный театр были посланы значительные подкрепления из центральной России (40-я пехотная дивизия—в августе, 1-я гренадерская дивизия—в конце сентября). Против Аладжинских высот мы ограничивались рекогносцировками, а турки, атакуя большими силами наши передовые части, иногда достигали небольших успехов, дававших основу для очень неприятных для нас сообщений в европейской печати.

Силы нашего Александропольского отряда достигли 60 тыс. с 220 орудиями. Втечение лета и начала осени Мухтар-паша сумел притянуть на усиление своих главных сил еще до 15 тыс. только что мобилизованных людей; но снабжение турецкой армии было отвратительно, много людей заболевало и дезертировало; силы турок не достигали и 30 тыс.; турецкая артиллерия представляла всего около 40 орудий, частью очень плохих. Слабые силы турок были растянуты по фронту на 19 *км*; солдаты истощались в трудных позиционных работах, которые на каменистом грунте не могли получить такого развития, как под Плевной.

В этих условиях командированному на кавказский театр Обручеву удалось убедить Лорис-Меликова перейти в наступление. Первый наш переход к активным действиям 2—4 октября велся весьма неуверенно и скорее представлял рекогносцировку в армейском масштабе, а не решительную атаку; губительный плевненский опыт привел к тому, что мы ограничивались преимущественно артиллерийским обстрелом турецких позиций. Вследствие недостатка в воде и несвязности в действиях наши войска вернулись в исходное положение.

В отличие от плевненских неуспешных атак на этот раз турки-победители, плохо вооруженные, на каменистом грунте, понесли большие потери, чем мы, неудачно атаковавшие. Потери турок—4 680 человек—на одну тысячу превосходили наши. Маленькой ополченской армии Мухтара-паши эти огромные потери были не под силу. Процесс ее разложения ускорился. Мухтар-паша, опасаясь повторения нашей атаки, которую он был бы не в силах отразить, начал изготавливаться к отступлению. Как только наша разведка установила, что турки собираются отступать, генерал Лорис-Меликов ободрился и организовал энергичную атаку; при нашем двойном численном перевесе явилась возможность выделить свыше трети наших сил для глубокого обхода правого фланга турок. 15 октября обходящие части вышли в тыл турецкому центру; у Авлиара он был прорван с фронта, турецкая армия была разрезана надвое; левое крыло успело частью скрыться в Карс, правое крыло было частью взято в плен, частью рассеялось. Все успехи Мухтара-паши основывались на психологии русского командования, и как только мираж турецких огромных сил и непобедимости прошел, с его слабой армией было кончено. Наши потери не достигали полутора тысяч человек.

Непосредственного преследования организовано не было. Мухтар-паша, оставив в Карсе обломки армии, с отрядом в 4 тыс. двинулся к Эрзеруму, отозвав для организации обороны подступов к нему турецкие войска, находившиеся против Эриванского отряда, недалеко от Игдыря, и часть войск от Батума.

Оставив значительные силы для осады Карса, остальные силы Александропольского и Эриванского отрядов двинулись к Эрзеруму. На перевале Деве-Бойну, в 7 *км* восточнее Эрзерума, имелась заблаговременно укрепленная позиция, которую Мухтар-паша занял 15 тыс. с 40 орудиями. Наши силы под командой генерала Геймана превосходили турок в 3 раза. 4 ноября русские атаковали турок. Последние были разбиты и, оставив всю артиллерию, бежали в Эрзерум. Немедленное преследование решило бы судьбу Эрзерума; турки его эвакуировали и не собирались защищать. Но так как Гейман собрался брать Эрзерум только через 4 суток, то Мухтар-паша успел изменить свое решение, паника улеглась, турки изготовились к обороне города. После неудачной и вялой попытки штурмовать Эрзерум Гейман должен был отвести свой отряд на зимовку в весьма невыгодных условиях. Взятие Эрзерума привело бы и к сдаче Карса и к общему прекращению сопротивления турок на Кавказском фронте.

Теперь же предстояло брать Карс. Гарнизон его достигал 19 тыс. человек, но лучшие части ушли с Мухтаром к Эрзеруму; беглецы с Аладжинских высот влились в него; численность наросла, боеспособность пала. 25 октября было приступлено к постройке осадных батарей. Только 11 ноября началась бомбардировка, а в ночь на 18 ноября наши войска овладели крепостью штурмом, изобиловавшим, как и все ночные дела крупного масштаба, многими случайностями; успех штурма обусловливался упадком духа гарнизона, в чем нас заблаговременно ориентировали лихие действия наших разведчиков, врывавшихся внутрь крепости и забиравшихся с боем даже в город.

На этом действия на Кавказском фронте закончились: Эрзерум был оккупирован кавказской армией только по условиям адрианопольского перемирия, следовательно, вследствие наших успехов на главном театре, а Батум мы получили лишь после подписания мирных условий, поставленных нам на берлинском конгрессе.

Надо признать действия Мухтара-паши блестящими. С самыми жалкими средствами он сумел затянуть кампанию, первый одержал крупную стратегическую победу, каковой надо считать исход для турок Зевинской операции, усилил тем боеспособность Турции, оттянул на Кавказский фронт резервы из внутренних областей России, заставил понести русских в зиму 1877/78 г. крупные потери от сыпного тифа, удержал в руках Турции крупные залоги—Эрзерум и Батум, которыми Турция расплатилась за неуспехи на главном театре.

Жесточайшим упреком русскому командованию является замечание, что если бы оно оставило прекрасные кавказские войска в полном бездействии, то этим были бы достигнуты лучшие результаты, чем топтание втечение трех первых месяцев в пограничной полосе, из которого в июне случайно вылилось лишенное цели демонстративное наступление к Зевину двумя разрозненными, слабыми отрядами и после маловажной тактической неудачи—панический отход и переход на $3^1/_2$ месяца к обороне против слабейшего противника. Слабая воля к победе русского командования видна и в случайной постановке оперативных целей, и в развитии боев у Зевина, и при первой атаке Аладжи, в отсутствии тактического преследования после второй Аладжи и в особенности после взятия Деве-Бойну. В этих условиях командования слабое, плохо вооруженное, лишенное снабжения турецкое ополчение сумело держаться против двойных сил лучших полков русской армии.

Общие замечания. В войне 1877/78 г. мы наблюдаем временами чрезвычайно энергичные и успешные действия русских войск—например форсирование зимой, в первый раз во всемирной истории, Балканского хребта, приэтом в наиболее его труднодоступной части, и энергичное развитие операции к Адрианополю. Отдельные русские генералы—Гурко, Скобелев—выказали поразительную энергию. Но в целом мы едва сводили концы с концами. Концепция обручевского сокрушения оказалась явно не под силу русскому командованию. Если бы после перехода через Дунай у нас не было миража прямого похода к Константинополю, мы могли бы в первые 3 недели операций развить несравненно более осмысленные действия в северной Болгарии. Фактически же, мечтая об одном лишь движении на Константинополь, мы упустили очень выгодный период для нанесения туркам разгрома по частям и для расширения нашего базиса на Дунае.

Жалкое проявление оперативного искусства русских в эту войну, впрочем, было бы ошибочно объяснять только недостатками мышления нашего высшего командования. Существенное значение имела и ударная тактика русских войск, приводившая достаточно часто к полному бессилию двойных сил лучших частей русской армии против слабых турецких ополченцев. Тактическая беспомощность всегда является на сцену, когда ударная тактика натыкается на достаточное огневое сопротивление. Это ощущение тактической беспомощности отражалось самым подавляющим образом на ходе оперативной мысли.

Изучение этой войны могло бы оказать огромную помощь в поднятии тактического и оперативного уровня русских войск. Однако всякое исследование должно было столкнуться с многочисленными ошибками высшего русского командования. Последнее было слишком чувствительно к критике; всякая серьезная историческая работа над опытом этой войны оказывалась невозможной. В результате ошибочные линии в развитии оперативного и тактического мышления русской армии не были исправлены; нарастая, ошибки в подготовке войск и начальников привели к горестным поражениям 1904/05 г.

ЛИТЕРАТУРА.

1) *Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—78 гг. на Балканском полуострове.* 96 томов. 1898—1911 гг. Петерб. Богатейший документальный материал; т. № 8 содержит данные о турецкой армии; № 11—о мобилизации русской армии, № 35—о взятии Ловчи, № 41—по третьей Плевне, № 88 отчет полевого артил. управления.

2) *Описание русско-турецкой войны 1877—78 г.г. на Балканском полуострове.* 9 томов. 1901—1912 гг. Официальная история войны бесконечно запоздала; последние ее 4 тома вышли в 1911—12 гг., когда опыт турецкой войны ушел уже в прошлое. Официальная история не только не дает надлежащей критики событий, но и замалчивает важные документы.

3) **М. Газенкампф.** *Мой дневник* 1877—78 гг. Петербург. 1908 г. Ценнейшие записи очень способного офицера генерального штаба, прекрасно ориентированного по своему положению в штабе армии в общем ходе событий.

4) **М. Домонтович.** *Обзор русско-турецкой войны 1877—78 г.г. на Балканском полуострове.* Интересный лишь в отдельных частях краткий обзор, принадлежащий перу первого председателя официальной комиссии, собранной для составления истории войны. Последняя не увидела света; как ни осторожно подходили составители к критике важнейших решений командования, все же в истории найдено было оскорбление памяти Николая Николаевича и других важнейших деятелей.

5) **А. Н. Куропаткин.** *Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877—78 гг. Ловча и Плевна.* 2 тома. Петербург. 1885 г. Весьма интересный по изобилующим в нем тактическим деталям труд бывшего начальника штаба

Скобелева, впоследствии военного министра и главнокомандующего в 1904 году.

6) **Е. Мартынов.** Блокада Плевны. Петербург. 1900 г. Весьма любопытное и написанное с широкой точки зрения исследование.

7) **А. Пузыревский.** 10 лет назад. Петербург. 1887 г. Любопытный очерк, посвященный 10-летнему юбилею участия гвардии в войне. Интересные детали о Горном Дубняке.

8) **С. С. Татищев.** Император Александр II. Его жизнь и царствование. 2 тома. Петербург. II издание 1911 г. Труд имеет характер придворной историографии, но содержит интересные детали, которых нигде в других местах нельзя найти—например, о военном совете под председательством Александра II на другой день после неудачи третьего штурма Плевны.

9) **Frhrn. v. Freytag-Loringhoven.** Das russische Oberkommando in der europäischen Turkei im Kriege 1877—1878. Berlin. 1912. Первый выпуск труда Фрейтаг-Лорингофена о вождении войск в новейших войнах (Die Führung in den neuesten Kriegen. Operatives und Taktisches) представляет не плохой обзор решений высшего русского командования в эту войну. Автор—поклонник сокрушения—держится мнения, что если бы первый переход через Балканы был совершен не слабым отрядом Гурко, а стотысячной армией, война была бы немедленно закончена.

10) **H. Langlois.** Enseignements de deux guerres recentes. Paris. I изд. 1904 г. Знаменитый французский артиллерист и палладин французской военной доктрины, генерал Ланглуа, в своем труде пытается обосновать основные положения доктрины, опираясь на опыт русско-турецкой и англо-бурской войн. Выводы Ланглуа в основном противоречат нашим оценкам. Труд любопытен, как доказательство тесной связи французских представлений начала XX века о бое и о решительной атаке со своеобразным толкованием опыта плевненской атаки Скобелева (стр. 41—108 третьего издания).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Англо-бурская война 1899—1902 г. г.

Англия и бурские республики. — Театр войны. — Вооруженные силы буров. — Английская армия. — Наступление буров. — Действия лорда Буллера. — Реорганизация Робертса. — Паадербергская операция. — Паадербергский бой. — Капитуляция Кронье. — Бескровное маневрирование. — Партизанская война. — Общие замечания. — Литература.

Англия и бурские республики. Основанная в середине XVII века голландская колония Капленд была захвачена англичанами в период наполеоновских войн и по мирному договору 1815 г. осталась за Англией. Потомки голландских выходцев—буры—вели преимущественно скотоводческое хозяйство и широко пользовались трудом негров-рабов. Англичане, чтобы получить опору против враждебного настроения буров, начали проводить политику равноправия негров; а в 1833 г. рабство во всех английских колониях было отменено.

Отмена рабства была принята бурами, как враждебный по отношению к ним акт, и в период 1835—1848 гг. значительная их часть ушла внутрь Африки; ушедшие за р. Оранжевую основали Оранжевую республику; дальнейшие переселенцы, ушедшие еще далее на север, за р. Вааль, основали Трансваальскую республику. Попытки подчинить эти республики английскому влиянию привели к военным столкновениям 1881 г., в которых слабые силы англичан были разбиты ополчением буров; Англия была вынуждена удовольствоваться контролем над внешними сношениями Трансвааля, отказавшись от вмешательства во внутренние дела бурских республик.

Рабство в бурских республиках было отменено в 1859 г.; однако негры оставались в бесправном положении и не имели права владеть землей. Буры крайне стесняли в правовом положении и белых эмигрантов. Число последних особенно увеличилось в восьмидесятых годах, когда в окрестностях Иоганнисбурга были найдены богатейшие золотые россыпи, дававшие свыше четверти мировой добычи золота.

Крупнейшим представителем английского капитала в Южной Африке являлся Сесиль Родс; руководимые им акционерные компании скупили все предприятия по разработке алмазных копей в Кимберлее, на границе с Оранжевой республикой, иоганнисбургские золотые прииски, приступили к колонизации области, названной в его честь Родезией, подчинили английскому влиянию обширные негритянские территории к западу от бурских республик. Политическая независимость Трансвааля являлась препятствием для успешного развития капиталистических начинаний Сесиля Родса. В бытность свою первым министром Капской колонии Сесиль Родс пытался захватить в Трансваале власть, опираясь на банду авантюристов; однако организованный им набег Джемсона в 1896 г. потерпел полную неудачу.

Опираясь на недовольство бурским правительством европейских эмигрантов, Англия, покончив в 1898 г. с завоеванием Судана, выдвинула в 1899 г. требование об установлении равноправия эмигрантов с бурами, и для поддержки этого требования 8 сентября решила направить в Южную Африку 10 тыс. войск на подкрепление находившимся там слабым гарнизонам (всего около 5 тыс.). 7 октября Англия приступила к дальнейшим военным мероприятиям—мобилизации первого армейского корпуса и одной кав. дивизии. Бурские республики, решившие отстаивать свою самостоятельность, уже с 1896 г. закупали в Европе вооружение; на известие об английской мобилизации они ответили предъявлением ультимативного требования—не высаживать в Южной Африке новых английских войск и оттянуть имевшиеся войска от границ бурских республик. Ультиматум, 48-часовой срок которого истекал 11 октября, являлся для Англии очевидно не приемлемым. Утром 11 октября бурские войска, заранее мобилизованные, перешли границу Наталя. Началась война, которую можно характеризовать, как столкновение крупного капитала, воплощенного в английском империализме, с кулацкой крестьянской буржуазией буров. Все прошлое бурских республик воспитывало в их населении враждебные чувства к англичанам и сознание необходимости отстаивать до последней возможности свою независимость против мировых хищников. Буры дали в этой войне все, что в силах дать крепкое зажиточное крестьянство небольшого государства.

В завязавшейся борьбе буры могли рассчитывать на поддержку «африкандеров»—белых голландского происхождения, оставшихся в пределах Капской колонии. Англичане могли бы вызвать могучее движение негров против буров; однако такой политический прием являлся неприемлемым для Англии не только потому, что он до крайности осложнил бы дипломатические отношения англичан с европейскими государствами, открыто высказывавшими свои симпатии бурам, но и потому, что он крайне болезненно отозвался бы в других английских колониях. Негры не должны были играть активной роли в вооруженной распре между белыми. Обе стороны использовали негров только для устройства укреплений, для обслуживания обозов и для шпионской работы.

Театр войны. Территория Южной Африки, по мере удаления от морского берега, поднимается четырьмя террасам; степи бурских республик, по которым высятся отдельные крутые, но невысокие (50—200 метров) холмы, находятся на высоте около 1 500 метров над уровнем океана. Несмотря на то, что эти республики лежат на таком же удалении от экватора, как Египет, и северная часть Трансвааля пересекается тропиком Козерога, климат их является жарким только днем. В летние безоблачные дни жгучее солнце поднимает температуру до 40—50°; пролежать под таким солнцем целый день в цепи или совершить переход в 20 километров—это для европейца настоящий подвиг. Но за жарким днем, даже летом, следует холодная ночь. Лето— ноябрь, январь—отличается большой засушливостью; влаги вообще выпадает мало, так что земледелие здесь успеха не имеет; небольшие речки пересыхают, в колодцах у бурских ферм сохраняется весьма ограниченное количество воды; операции приходится строго сообразовывать с наличием воды, как при действиях в пустыне: крупные силы в летний период должны по возможности держаться вблизи больших рек. Зима, приходящаяся на наши летние месяцы, представляет дождливое время года, когда все дороги размокают и перестают быть проезжими, а реки вздуваются и представляют большое препятствие. Обратный период времен года, сравнительно с северным полушарием, отзывается чрезвычайно вредно на здоровьи привозимых лошадей: обросшие на зиму английские лошади попали в жару, а конские пополнения, шерсть коих вылиняла весной, попали на зиму. Для людей климат бурских республик надо признать здоровым, но лошади с трудом привыкали к климату и грубой, пересушенной солнцем траве Южной Африки, и гибли в огромном количестве от воспаления легких и истощения.

Европеец, привыкший к пересеченной местности Европы, к массе разбросанных на ней искусственных сооружений, плохо ориентируются среди пустынных и однообразных сопок и степей Южной Африки; чрезвычайная прозрачность сухого африканского воздуха скрадывает расстояние и ведет к крупным ошибкам при глазомерном определении дистанций.

Население в Южной Африке по своей плотности в 20—40 раз реже европейских норм; на квадратный километр приходится в Капской колонии и Оранжевой республике 2 человека, в Трансваале—3 человека, и только в Натале плотность населения поднимается до 11 человек. Основную массу населения—70%, а в Натале даже 90%, составляют негры. Театр богат скотом; при более внимательном его изучении английское интендантство в последующие периоды войны смогло почерпнуть в нем, кроме скота, много и других продовольственных ресурсов. Однако войска свое снабжение могли основывать исключительно на подвозе с тыла.

Пути в бурские республики с восточного побережья пересекаются диким, обрывистым Драконовым хребтом, вершины которого достигают 2 500 *м*; его пересекают две железнодорожные ветки и достаточное количество колесных дорог; все же он представляет большие удобства для обороны своих проходов.

Пять железных дорог соединяют бурские республики с морем. Все железные дороги Южной Африки—узкоколейки (ширина колеи 1,067 *м*, против 1,435 *м* ширины западно-европейской колеи). Важнейшая магистраль идет из Капштадта на Де-Аар, Кимберлей (28 тыс. жителей), Мэфкинг и далее в Родезию; она проходит вдоль самой западной границы бурских республик. Расстояние от Капштадта до Кимберлея—1 035 *км*; Капская колония, по которой она тянется, населена еще реже, чем бурские республики, и часть ее белого населения была враждебна англичанам; таким образом, она весьма неудовлетворительно могла выполнять роль промежуточной базы.

Вторая и третья железные дороги отходят от Порт-Елизабет и Ист-Лондона и сходятся к Спрингфонтейну; далее следует магистраль, пролегающая через бурские столицы—Блумфонтейн (12 тыс. жителей) и Преторию (40 тыс. жителей). Единственное рокировочное сообщение в пределах

Капской колонии образуется линией Де-Аар—Миддельбург—Стормберг.

Четвертая железная дорога начинается в Дурбане и пролегает по Наталю—сравнительно населенной и возделанной колонии, с дружественным Англии населением. В окрестностях Дунди разрабатывались лучшие угольные копи в Южной Африке, питавшие углем английские пароходы. У Ледисмита дорога раздваивается; важнейшая ветвь направляется к Иоганнисбургу (102 тыс. жителей). Это железнодорожная линия самая слабая; вследствие крутых подъемов состав поездов на ней не мог превышать 5—6 вагонов.

Пятая линия, Лоренцо-Маркез—Претория, представляла выход из бурских республик на нейтральную португальскую территорию и давала единственную связь буров с внешним миром во время войны.

Однако при зависимом положении Португалии от Англии последней удалось, с соблюдением международных приличий, установить в бухте Делагоа контроль над внешними сношениями буров и пресечь ввоз к ним оружия из Европы.

Колесные дороги на театре военных действий находились в естественном состоянии, без каких-либо искусственных сооружений. Мостов не было; в сухое время население пользовалось бродами. В степях Оранжевой республики и Трансвааля в сухое время дорога могла быть протоптана по целине в любом направлении, куда двинется значительная масса. Местные повозки представляли или тяжелые фургоны, запрягаемые 7 парами волов, или более легкие фургоны, запрягаемые 4—5 парами мулов. В дождливые периоды эти фургоны застревали в грязи и являлись малопригодными.

Вооруженные силы буров. Белое население бурских республик достигало 400 тыс. человек; в том числе буров имелось до 270 тыс. Военнообязанных мужчин в возрасте от 16 до 60 лет имелось около 50 тыс. Количество негров достигало 950 тыс. Буры жили отдельными семьями, на фермах, удаленных на много километров одна от другой; свою территорию они отвоевали у воинственных негров—базутосов; восстания и нападения негров, особенно до 80-х годов, следовали непрерывно, и каждый бур должен был быть ежеминутно готов отстаивать с оружием в руках свою семью и собственность или спешить на помощь соседу; каждый бур должен был быть охотником и защищать свои стада от диких зверей .Большие пространства, которые приходилось преодолевать, выработали из буров превосходных наездников. Военную подготовку буры получали исключительно в своих семьях. Тактика их выработалась в борьбе с базутосами. Последние скоро убедились, что натиск с холодным оружием против хороших стрелков не дает никакого результата [1]. Базутосы размыкались в редкую цепь, с интервалом в 20—25 шагов между стрелками; при обороне каждый стрелок вырывал себе индивидуальный окоп-яму и маскировал ее тщательнейшим образом, виртуозно, по-охотничьи. Против такого противника нужно было иметь зоркий глаз, нужно было иметь уважение к огневому бою, нужно было самому прятаться, окапываться, маскироваться, разбрасываться на широком фронте. Несмотря на отсутствие какой-либо организованной подготовки, буры в отношении искусства стрельбы почти равнялись с лучшими европейскими армиями; в отношении искусства применения к местности, маскировки, самоокапывания, проявления самодеятельности в стрелковой цепи—значительно превосходили наилучше подготовленных европейских солдат.

Англичане рассчитывали, что промышленное и экономическое развитие бурских республик, двинувшееся гигантскими шагами с середины восьмидесятых годов, разложило и ослабило их исконные боевые качества. Несомненно, буры 1899 г. были в боевом отношении слабее буров 1881 г., но силу разлагающегося процесса англичане переоценили.

Буры представляли конную пехоту; в случае мобилизации они должны были являться со своим конем, вооружением и продовольствием на две недели. Сражались буры в своей крестьянской одежде, преимущественно защитного цвета, без каких-либо форменных отличий. Военная подготовка государства заключалась в ведении списков военнообязанных, в закупке малокалиберных винтовок, в организации артиллерии. Каждый выборный округ—таких было 42—выбирал «коменданта»—своего военного вождя—на 5 лет и выставлял «команду»—от 300 до 3000 буров. Помощниками коменданта являлись «фельдкорнеты», выбиравшиеся на 3 года. Фельдкорнеты в мирное время являлись гражданскими администраторами, на войне—младшими начальниками.

---

[1] Уже в 1838 г., при переселении буров, атака 10 тыс. негров против бурского вагенбурга, защищаемого 500 стрелками, привела к тому, что 3 тыс. негров было застрелено, а буры потеряли только 4 раненых. Ружья же были еще гладкие и заряжались с дула.

Дисциплина у буров складывалась на чисто патриархальных основаниях. Элемент принуждения отсутствовал. Авторитет уважаемого вождя, уверенность в своем искусстве и сознательное отношение буров к защите своего господствующего положения играли главную роль в поддержании их боеспособности.

Вооружение состояло из 70 тыс. ружей, наполовину малокалиберных магазинок, системы Маузера, наполовину старых Генри-Мартини, стрелявших черным порохом и близких к русским берданкам. Количество патронов было заготовлено по расчету в 2 000 патронов на каждую магазинку, что при расчетливом отношении буров к каждому выстрелу должно было хватить надолго. Штыков буры не имели вовсе.

В 1896 г. буры завели артиллерию; к началу войны они располагали 19 скорострельными и 14 нескорострельными (дымный порох) полевыми пушками. Качество немногочисленных бурских пушек было превосходно; по своей мощи и дальности они значительно превосходили английскую полевую артиллерию, которая в заботе о подвижности и легкости материальной части упустила требование дальнобойности. Артиллерия буров обслуживалась профессиональными артиллеристами, которые вместе с небольшим количеством «полицейских войск» представляли единственные кадры армии, содержимые на действительной службе в мирное время.

Группировка орудий в батареи потребовала бы группировки конной пехоты в значительные массы; поэтому буры, чтобы сохранить свой метод ведения операций небольшими подвижными колоннами, приняли и соответственную артиллерийскую тактику: артиллерия действовала поорудийно; каждое орудие занимало особую позицию, тщательно маскировалось; на артиллерийский огонь англичан буры не отвечали; пушки их начинали стрелять лишь в критический момент боя. Сверх полевых пушек буры имели 28 «пом-пом»—37-миллиметровых особенно скорострельных пушек, и 37 пулеметов Максима на высоких лафетах; «пом-пом» и пулеметы открывали огонь лишь в решительные минуты пехотного боя; огонь их производил сильное впечатление на англичан. Кроме того, буры имели на вооружении укреплений столицы Трансвааля, Претории, 16 тяжелых (155-миллиметровых) пушек Шнейдера, «длинных томов» и 4 гаубицы Круппа 120-миллиметрового калибра. Эти тяжелые орудия, несмотря на отсутствие хороших дорог, были значительной частью использованы при наступательных действиях в начале кампании. При своем первом оперативном дебюте, несмотря на неуклюжую воловью запряжку, тяжелая полевая артиллерия выказала большую подвижность: в критические моменты отступления она совершала переходы по 50 *км*.

Тяжелые пушки буров, дававшие шрапнельный огонь на дистанции 8 *км*, оказались очень ценными в полевых боях и вынуждали англичан к осторожному, заблаговременному развертыванию. Пример буров толкнул Шлиффена на энергичное развитие германской тяжелой полевой артиллерии. Значительное количество снарядов перед войной было закуплено у Шнейдера и Круппа; кроме того завод Шнейдера организовал в Иоганнисбурге мастерскую для производства снарядов.

Бурская армия располагала и частями связи: телеграфными командами, поддерживавшими связь правительства с важнейшими группировками, и гелиографными командами, достигавшими прекрасных результатов в прозрачном воздухе Южной Африки.

Поскольку войска буров, за исключением артиллерии, не проходили в мирное время ни малейшей военной школы, мы не можем их считать даже милицией, в европейском толковании этого слова. Их боеспособность вытекала исключительно из великолепного источника комплектования, который представляло бурское население.

В общем ударная сила бурских ополчений была ничтожна, но в обороне они проявляли большое мастерство. Принятие важных оперативных решений задерживалось необходимостью созывать военный совет из представителей всех «командо», так как неподтвержденные военным советом приказы старшего командования, в особенности если обстановка складывалась неблагоприятно, являлись недостаточно авторитетными. Элемент уговаривания был присущ бурским ополчениям с их выборным командным составом. Отсутствие дисциплины приводило к тому, что при позиционном затишьи бурские лагеря обрастали огромным обозом, с женами и детьми призванных на войну буров. Охранение выставлялось в самых ограниченных размерах и несло свою службу плохо. Разведка была прекрасно налажена с помощью негров-шпионов. Лихие партизаны выработались лишь к концу первого года войны.

Английская армия располагала уставами, близкими к уставам германской армии; однако подготовка английских войск далеко отстала от подготовки других европейских армий. Английские войска имели обширный, но чрезвычайно пестрый и трудно поддающийся обобщению опыт колониальных войн в весьма различных условиях. Преимущественное значение для английской армии имел свежий опыт только что законченной Суданской войны.

В 1896—1898 гг., непосредственно перед бурской войной, Китченер в Судане разгромил Махди; противник—дервиши—сражался почти исключительно холодным оружием и фанатично бросался огромными толпами в атаку. Суданский опыт говорил за сохранение сомкнутого строя, за ведение огня залпами взводов, за развитие напряженного огня на небольших дистанциях, причем и артиллерия и пулеметы должны были на коротких дистанциях увеличивать мощность пехотного огня. В целом колониальный опыт подчеркивал, что неорганизованные, малокультурные народы выставляют ополчения, неспособные выдержать сомкнутого натиска европейских войск, и толкал английскую армию к ударной тактике.

Находившиеся в Англии войска являлись или запасными частями, или очередной сменой для колониальных гарнизонов; заботы о поднятии их подготовки на европейский уровень встречали массу преград: нельзя было устраивать маневров, так как перегороженная местность Англии крайне затрудняет их производство и так как нельзя было требовать больших усилий в мирное время от английского солдата, что отрицательно сказалось бы на успехе вербовки. Лагерные поля были тесны, пехота и артиллерия были вынуждены в мирное время вести свои занятия порознь, к совместной боевой работе они почти не подготовлялись. Высшим пехотным соединением являлся батальон, так как батальоны одного и того же полка посменно пребывали то в Англии, то в колониях; английская бригада, сводимая из четырех батальонов, соответствовала континентальному полку, но без его традиций и сплоченности.

Для быстрой поддержки колониальных гарнизонов предназначался 1 корпус трехдивизионного состава (24 батальона, 18 батарей, 9 эскадронов, с корпусными и дивизионным тылами), в состав которого входили части, имевшие в данный момент наибольшую мобилизационную готовность; таким образом, корпус не представлял постоянного целого. Отправление из Англии частей его начиналось на 13-й день мобилизации и заканчивалось для большей части войск на 24-й день мобилизации, а для тыловых учреждений—на 39-й день. Как видно, первые усилия Англии в то время могли быть очень скромны и растягивались весьма значительно во времени. Впоследствии потребовалась полная реорганизация английской армии, чтобы иметь возможность достигнуть скромных результатов августа 1914 года (два корпуса и одна кавдивизия—в две недели). Всего в войну с бурами, при широком использовании местных добровольческих формирований и при помощи других колоний, англичане сумели выставить 200-тысячную армию; но на это потребовалось 9 месяцев; для поддержания достаточной численности армии в продолжении затянувшейся войны англичане должны были отправить на театр военных действий свыше 400 тыс. человек.

В общем, английская армия 1899 г. недалеко ушла от эпохи Севастополя, хотя в количественном отношении Англия и сумела через 40 лет после Восточной войны выставить вчетверо большее количество человеческого материала. Главные успехи заключались в лучшей организации тыла и снабжения; армия являлась целиком парламентской, и разрешение всех касающихся ее вопросов объединялось в военном министерстве. Но вербованный солдат сохранял свои отрицательные качества, недостаточную самодеятельность и недостаточную заинтересованность в военных действиях. Стрелковая подготовка английской пехоты стояла на очень низком уровне; разыскивать цели в боевой обстановке, особенно на дальних дистанциях, английский солдат был вовсе не обучен и ждал команд для залпов; к работе в разведке, в дозорах, в охранении он был мало пригоден. Чтобы представлять в бою менее заметные цели, английская армия, подобно бурам, втечение войны переоделась в защитный цвет.

Кавалерия специализировалась на сомкнутых атаках; спешенный бой она игнорировала, тем более что после неудачной войны с бурами в 1881 г. в английской армии были сформированы части конной пехоты, на которые и ложились целиком задачи спешивания. К разведочной службе английская кавалерия была вовсе не подготовлена. Полное бездействие в отношении разведки в войну с бурами оправдывалось отсутствием приличных карт. Уход за лошадьми был плох; втечение одного месяца операций кавалерийские части теряли $^2/_3$ конского состава.

Полевая артиллерия не имела гранаты; шрапнельная трубка допускала дистанционную стрельбу только на 3 *км*; безвредная стрельба шрапнелью на удар могла вестись на $5^1/_2$ *км*; фугасное действие могли давать только гаубичные батареи, стрелявшие лидитными снарядами (калибр 12,7 *см*, вес снаряда 22,7 *кг*). Вввиду недостаточной дальнобойности легких подвижных английских батарей пришлось сразу прибегнуть к заимствованию длинных пушек морской артиллерии, поставленных на импровизированные лафеты; их перевозили запряжки из 14 пар волов; недостаточная их подвижность затрудняла маневрирование англичан; отсутствие шрапнели значительно ограничивало действительность морских пушек.

Повидимому, английская военная организация такова, что судьба ее—в начале каждой крупной войны наталкиваться на тяжелые разочарования. Средний командный состав мало интересовался службой и военным искусством и был чужд солдатской массе. Высший командный состав не имел в мирное время практики в управлении крупными войсковыми группами. Трудность вербовки солдат и возмещения понесенных в боях потерь резко давил на сознание высшего командного состава, заставляя его опасаться больших потерь.

Разбираясь детально в событиях этой войны, мы отнюдь не можем разделить той беспросветной отрицательной оценки высших английских начальников, которая давалась в европейской печати в момент самой войны. Мы встречаем ряд талантливых генералов—Робертса, Китченера, Френча, Кели-Кени и других; что касается до мужества, то английский комсостав прямо блещет им. Однако у него не было выработанных представлений о военном искусстве, определенной оперативной и тактической установки, и втечение войны английское командование прошло через все ступени оперативных и тактических воззрений, начиная от грубых ударных приемов и кончая чисто маневренными угрозами. Опасения больших потерь заставляли англичан, при неустойчивости их военных взглядов, отводить бою все менее и менее заметную роль.

Наступление буров. Английское оперативное развертывание намечалось на рокировочной линии Де Аар—Стромберг, в пределах Капской колонии; отсюда можно было, минуя препятствие, представляемое Драконовым хребтом, наступать степями вдоль железной дороги на Спрингфонтейн, Блумфонтейн и Преторию. Однако первые оказавшиеся под рукой силы англичане употребили не на прикрытие намеченного развертывания, а на защиту более ценных географических объектов, чем увеличили и их стратегическое значение. Прибывшие первыми из Индии войска, содержавшиеся в мирное время уже мобилизованными, лучшие по качеству и по втянутости в действиях под жгучим солнцем, были направлены в Наталь, представлявший значительную экономическую ценность. Здесь под начальством лорда Уайта, прибывшего из Индии, собралось до 15 тыс. англичан. Из войск, находившихся в Капской колонии, для защиты Кимберлея, его драгоценных алмазных копей и находившегося в нем Сесиля Родса, было собрано 2 500 чел.; гарнизон Мефкинга был доведен до 1 000 человек; всего только 4 тысячи человек составляли прикрытие района развертывания.

Буры смогли сразу выставить около 28 тыс. человек: главная группа—18 тыс. Жубера—направлялась в Наталь; другая группа—8 тыс. Кронье—сосредоточилась против Кимберлея; 2 тыс. буров развернулись на Оранжевой реке, чтобы вторгнуться в Капскую колонию и поднять в ней восстание. Другие силы буров предназначались для блокады Мефкинга, для охранения северной границы, для наблюдения за железной дорогой из Лоренцо-Маркез или охраняли спокойствие внутри республик.

В первые три недели военных действий буры на всех направлениях достигли важных результатов: Кимберлей и Мефкинг были обложены, рокировочная линия Де Аар—Стормберг перехвачена в нескольких местах, до 2 500 повстанцев из Капской колонии присоединились к бурам; важнейший успех был одержан бурами в Натале.

Лорд Уйат решил сосредоточить свои главные силы в важном узле—Ледисмите; здесь им были собраны большие запасы. Из этого центрального пункта, охваченного полукругом неприятельской границей, Уайт предполагал действовать активно, обрушиваясь по внутренним линиям на отдельные бурские колонны, дебушировавшие из гор. Только по настоянию гражданской администрации Уайт решился выделить отдельный отряд вперед, к угольным копям Дунди. 18 тыс. буров наступали по трем направлениям, четырнадцатью колоннами. 20 октября отряд в Дунди отбил внезапное нападение буров. Но в тот же день команда буров оказалась уже в его тылу, на полпути к Ледисмиту. Высланный из Ледисмита генерал Френч нанес ей поражение; однако отряд в Дунди счел свое положение угрожаемым и отошел 25 октября к Ледисмиту; это отвечало и намерениям генерала Уайта, который хотел иметь все силы в сборе для решительного удара.

Буры, между тем, на приличном удалении вокруг Ледисмита укреплялись. Попытка перехода Уайта в наступление, предпринятая 30 октября, успеха не имела; небольшая колонна (900 человек), высланная в тыл бурам, после упорного боя, оказалась без патронов, окруженной со всех сторон и сдалась бурам. Уайт прервал наступление, не обещавшее успеха. Теперь перед ним возник вопрос: отступить ли к Дурбану, бросив все огромные запасы Ледисмита, или остаться в последнем, сознательно отказавшись от сообщений. Уайт, опасаясь невыгодного морального впечатления, которое могло произвести в Капской колонии известие о взятии Ледисмита бурами, принял решение, принесшее англичанам большие невыгоды—остаться в Ледисмите. С первых чисел ноября 10 тыс. английских войск окапывались у Ледисмита на кольцевом фронте протяжением 28 *км*; около 3 тыс. с генералом Френчем ускользнуло из Ледисмита в тыл.

Буры оставили для наблюдения и бомбардировки Ледисмита 7 тыс. человек, с 6 тяж. орудиями, которые окопались вне дальности английской шрапнели, на обводе в 53 *км* кругом Ледисмита; а остальные силы буров продолжали вторжение в Наталь.

Удивительно, как легко удалось бурам преодолеть сопротивление лучшего английского корпуса, почти не уступавшего им в численности; в трех небольших боях, имевших место, англичане каждый раз наступали, дважды одержали успех, один раз бой остался нерешенным; в результате английский корпус был сведен к нулю. Мы видим объяснение этому явлению исключительно в том, что буры принципиально тяготели к оперативному охвату, а Уайт—к сосредоточению всех сил в одной точке. Собрав свой корпус в Ледисмите, Уайт отказался от всякой свободы оперирования, и так стесненной вследствие охватывающего базирования буров. Гнусность сосредоточения, провозглашенная Мольтке, сказалась здесь, при современном вооружении, в полной мере.

Действия лорда Буллера. Командир I (экспедиционного) английского корпуса, лорд Буллер, назначенный главнокомандующим в Южной Африке, прибыл 31 октября в Капштадт. Он застал ужасную оперативную обстановку. За исключением небольшого числа охранявших этапы войск, все вооруженные силы Англии в Южной Африке были заблокированы в Ледисмите, Кимберлее, Мефкинге. Север Капской колонии был охвачен восстанием. Ледисмит и Кимберлей, не укрепленные в мирное время города, оказались в положении крепостей. Значение этих географических пунктов увеличилось во много раз из-за сосредоточенной в них живой силы. Они настоятельно требовали выручки. В этих условиях нужна была железная сила воли, чтобы провести в жизнь намеченный план развертывания прибывавшего, начиная с 9 ноября, I корпуса.

Буллер решил помочь натальским добровольцам сдержать натиск буров и попытался освободить из Ледисмита Уайта. Одна бригада, прибывшая в Капштадт, была направлена морем дальше в Дурбан. Вскоре пришло известие, что эта бригада заблокирована бурами в Исткорте, в 80 *км* южнее Ледисмита. Для освобождения ее пришлось спешно направить в Дурбан первые прибывшие части всех трех дивизий. Но Сесиль Родс из Кимберлея также властно требовал выручки. В результате силы англичан раздробились по всем четырем железным дорогам. В районе намеченного развертывания оказались только: севернее Мидельбурга—генерал Френч с отрядом в 5 тыс., преимущественно конницы, и южнее Стормберга—генерал Гетекр с обрывками разных дивизий—4 тыс. Для выручки Кимберлея генерал лорд Метуэн собрал в направлении Капштадтской магистрали до 12 тыс., с головой у Де Аара; сам Буллер с главной массой в 16 тыс. человек находился в Натале, в полупереходе от р. Тугелы, за которую ушли при его приближении вторгшиеся в Наталь буры, освободив блокированную в Исткорте бригаду.

Итого: 13 500 англичан были осаждены, а 37 тыс., разбросанные по 4 направлениям на фронте в 840 *км*, стремились освободить их, группируясь на крайние фланги этой растянутой линии и борясь слабыми силами центра с восстанием. Крайне слабо снабженные обозом, англичане были связаны при своем наступлении железнодорожными линиями и могли от них лишь очень незначительно уклоняться. В середине декабря Буллер, Гетекр, Метуэн перешли в наступление; все они ударились в лоб об укрепленные позиции буров, понесли значительные потери и, не доведя до конца боя, отскочили назад. Это была «черная неделя» Англии: 10 декабря поражение Гетекра под Стормбергом, 11 декабря поражение Метуэна под Магерсфонтейном и 15 декабря поражение Буллера под Колензо.

Во всех случаях наблюдались аналогичные тактические явления: усиленная рекогносцировка накануне атаки, выражавшаяся в бесплодной бомбардировке незанятых участков неприятельской позиции и вялой демонстрации слабых пехотных частей, не приближавшихся к бурским окопам даже на дистанцию дальнего ружейного огня (1 500 *м*); развертывание веером от головной железнодорожной станции, против позиции буров, фланги которой не были установлены; злоупотребление ночным подходом к бурской позиции, что на незнакомой местности приводило не к внезапному нападению на рассвете на буров, а к внезапному огневому нападению последних на неразвернувшихся англичан; физические силы англичан, истомленных ночным маршем и не получивших в день боя горячей пищи, быстро падали; на охрану флангов ударного участка и тыла всего отряда расходовались большие силы, а на развитие натиска на направлении главного удара сил не хватало; вялое развитие наступления англичанами на второстепенных участках, позволявшее бурам сосредоточить достаточные силы против узкого фронта решительной атаки англичан; недостаточное наблюдение артиллерии за полем сражения и слабость артиллерийской поддержки атаки; недостаточное упорство английского командования, которое после потерь, достигавших 7-8% всего отряда, прекращало бой и отводило войска в исходное положение; робкое использование конницы — непосредственно на фланге пехотных частей, без широкого маневра на неприятельский фланг и тыл. Если впоследствии, при второй и третьей неудачной попытке Буллера выручить Ледисмит, и делались усилия, чтобы обойти главными силами позицию буров, то этот обход являлся недостаточно широким, выполнялся медленно, недостаточно скрытно и своевременно парировался выдвижением подвижных частей буров на новое направление удара, что вновь приводило англичан к бесплодной фронтальной атаке.

Оперативные ошибки англичан вели к тягостным тактическим недоразумениям; втечение первых десяти боев англобурской войны потери англичан убитыми и ранеными равнялись 4 438 против 530 буров; отношение 8 выбывших из строя англичан на 1 бура было еще более невыгодным, чем сложившееся в 1866 г. отношение трех австрийцев на 1 пруссака.

Буры, которых первоначально вожди с трудом могли уговорить не отступать, когда английская атака только предвиделась, осмелели и получили убеждение, что их стрелковая цепь всегда в состоянии отбить атаку неуклюже маневрирующих англичан. Однако успехи не всегда шли на пользу буров: в то время как под командой Луи Бота, успешно оборонявшегося против Буллера, или грозы английских тылов Девета или упорного Деларея, командовавшего трансваальским отрядом в составе войск Кронье, действовавших против Метуэна, складывался некоторый кадр надежных обстрелянных бойцов, другие буры уже насытились победой и толкать их на новые подвиги было нелегко. Многие уезжали в отпуск, чтобы навестить семьи; другие выписывали семьи к себе в лагерь. Отряд Кронье под Магерсфонтейном оброс огромным обозом с женами и детьми его бойцов; ни против Ледисмита, ни против Кимберлея нельзя было уговорить буров предпринять энергичные активные действия; даже Мефкинг, со своим слабым гарнизоном, смог выдержать 7 месяцев осады. Зачатки разложения были уже налицо в бурском ополчении, недостаточно спаянном крепкой организацией и не опиравшемся на четкие требования дисциплины.

Реорганизация Робертса. 18 декабря, как только события «черной недели» стали известны английскому правительству, последнее решило привлечь к руководству войной наиболее испытанные силы. Главнокомандующим был назначен лорд Робертс, бодрый старик, имевший 43-летнюю практику военной службы в Индии, герой афганских войн, пользовавшийся большой популярностью в армии и соединявший в себе широкий взгляд на организацию с бульдожьим упорством в исполнении. Начальником его штаба был назначен лорд Китченер, только что закончивший завоевание Судана, находившийся еще в цвете сил (49 лет) и отличавшийся крупнейшим организационным талантом.

Робертс и Китченер признали, что для одержания успехов над бурами необходимо в корне изменить предпосылки ведения военных действий в Южной Африке. Целью операции должны были явиться войска буров, их живая сила, а не географические пункты—Кимберлей и Ледисмит, к которым тщетно пробивались Метуэн и Буллер.

10 января 1900 г. прибывший в Капштадт лорд Робертс приступил к широкой реорганизации. Численность английской армии вскоре должна была значительно увеличиться: Англия с трудом заканчивала мобилизацию 5-й, 6-й, 7-й пех. дивизий, нескольких отрядов милиции (иоманри) и отправляла их в Южную Африку. Довольно скупо высылали помощь другие английские колонии (Канада). Робертс обратил существенное внимание на широкое использование англичан—уроженцев Южной Африки, знакомых с местными условиями; местные милиционные формирования обе-

щали принести английской армии значительную пользу. Численность последней к маю 1900 года должна была возрасти до 200 тыс. При бедности местных средств снабжение этой значительной армии должно было основываться на подвозе из-за океана. В Италии и Южной Америке закупались мулы и лошади; поставщики армии опирались на рынки всех частей света. Вначале цены, по которым английская армия получала снабжение, были очень высоки, так как английские интенданты, как и интенданты всех других армий, не были знакомы с условиями и обычаями мирового рынка, с разнообразием валют, фрахтов, форм заключения контрактов и расчетов и на всем прогадывали. Китченер пригласил ряд финансовых агентов из высококвалифицированных по внешней торговле специалистов; он утверждал, что результатом работы этих финансовых специалистов было снижение на ⅓ всех заготовительных цен. Громадные запасы снабжения начали сосредоточиваться на головном участке магистрали к Кимберлею, куда Робертс наметил перенести развертывание главной массы.

Основной недостаток английского ведения войны заключался в связанности движений войск направлением железных дорог, что обусловливалось недостатком обоза. На месте новые транспортные средства создавать было трудно; для выписки обоза из-за океана уже не оставалось времени, так как откладывать решительную операцию, по состоянию гарнизонов Ледисмита и Кимберлея, далее середины февраля не приходилось. Из создавшегося затруднения Робертс и Китченер вышли, как настоящие мастера в организационном искусстве, и пример их очень поучителен.

Английский обоз, по штатам, образовывался батальонным обозом I и II разряда, поднимавшим, помимо огнестрельных припасов, медицинских запасов, шанцевого инструмента, офицерских вещей, палаток и бочек с водой, три продовольственные дачи. Затем имелся бригадный, дивизионный, корпусной обозы, каждый из которых поднимал однодневную дачу. Должен был бы иметься на каждый корпус и продовольственный парк, поднимающий трехдневную дачу. Снабжение протискивалось по линии этих обозов к войскам. В лучшем состоянии находились батальонные обозы I и II разряда; их повозки, более легкого образца, были запряжены хорошими лошадьми и мулами; эти обозы имели надежный кадр начальников. Принятый в Англии тип организации обозов, близкий к организации и других армий, давал минимальный эффект полезного действия. Масса лучших повозок бездействовала в самое горячее время.

Робертс, имея в виду марш от Кимберлея на Блумфонтейн—на 150 *км* без железных дорог, должен был соответственно подготовить тыл. Он решился на героическую меру: все обозы от частей он отобрал, а личный состав, повозки и упряжных животных употребил на формирование армейских транспортов. Войскам была оставлена лишь часть обоза I разряда—патронные двуколки, бочки с водой, санитарные повозки. Из английской армии, достигавшей численности 150 тыс., в основной операции должно было принять участие только четверть—40 тыс.; другая часть (35 тыс.) нуждалась в обеспечении известных возможностей маневрирования, а остальная половина (75 тыс.) была разброcана по различным гарнизонам, на этапах около станций железных дорог и совершенно могла обходиться без обоза. Если обоза на 150 тыс. человек было мало, то для 40 тыс. его было достаточно, конечно, при использовании его как транспортного средства, а не как хранилища палаток, офицерских вещей и пр. Громадное повышение полезного усилия унификация транспортных средств всегда может дать.

Тыловые обозы, до Робертса, вследствие недостатка мулов и лошадей, включали и воловьи запряжки. От этого проистекали большие неудобства. Повозка с лошадиной упряжкой нормально передвигается в сутки на 30-35 *км*, а с воловьей—на 20-25 *км*; при составлении смешанного транспорта надо равняться по тихоходным волам. Вол может пастись только днем, а лошади—и днем, и ночью; вол требует после еды нескольких часов отдыха на жвачку, лошадь немедленно готова к работе. Понятно, какой огромный выигрыш получили англичане, когда их армейские транспорты разделились на два сорта: конские, по 49 легких повозок, запряженных каждая 6-8 лошадьми или мулами, и воловьи, по 100 тяжелых фургонов, запряженных каждый 12-14 волами. Погонщиками являлись негры. Глубина походной колонны воловьего транспорта достигала 5 *км*.

Реорганизация тыла происходила одновременно с реорганизацией войск. Робертс решил, чтобы получить превосходство над бурами в свободе маневра, создать крупную конную массу. Под командой Френча была собрана кавалерийская дивизия и усилена за счет отобранной от пехоты дивизионной конницы. Френч располагал 3 кавбригадами с 7 конными батареями и, сверх того, крупными частями (свыше бригады) конной пехоты. Количество последней Робертс увеличил с 2 до 6 полков. Каждый английский пехотный батальон должен был отдать $^1/_8$ своих хорошо обученых людей на формирование конной пехоты.

Буры входили в колею позиционной войны, неподвижно закреплялись в окопах, обрастали повозками и семьями, а Робертс и Китченер готовились оторваться от позиционного сидения, железных дорог и конкурировать в подвижности с противником...

Паадербергская операция. Выступление реорганизованных Робертсом английских войск в феврале 1900 г. ознаменовало собой крупный перелом войны.

Робертс остановился на развертывании главной массы войск на западном, равнинном направлении. На железнодорожной магистрали, ведущей к Кимберлею, где действовал отряд лорда Метуэна, было сосредоточено 40 тыс. солдат с 15 тыс. строевых и артиллерийских лошадей—1-я, 6-я, 7-я, 9-я пехотные дивизии и кавдивизия Френча. Английские войска не были подведены к головной станции на р. Моддер, а были вытянуты в глубину, до р. Оранжевой включительно. Предполагая наступать на восток, Робертс энергично очищал от бурских летучих отрядов местность к западу от железной дороги, чтобы обеспечить свой тыл; эти действия вождь буров Кронье рассматривал, как подготовку англичан к обходу его с запада, и растянул свою позицию еще вправо. Бурские окопы под Магерсфонтейном, запиравшие англичанам путь к Кимберлею, растянулись на 30 *км*.

Так как тайная разведка буров действовала до этого момента чрезвычайно успешно, вовремя осведомляя буров о замыслах английского командования, то Робертс и Китченер приняли решительные меры для сокрытия замысла операции. Даже ближайшие помощники главнокомандующего, начальники дивизий, не знали задачи операции и получали лишь приказ о движениях на ближайший день. Только Френч был частично осведомлен о замысле—о том, что кавалерийская дивизия должна первоначально пробиться во что бы то ни стало в Кимберлей и заставить буров снять осаду этого пункта. 11 февраля все дивизии заняли исходное положение.

12 февраля операция началась. 1-я дивизия должна была оставаться на станции Моддер-ривер против фронта Кронье. Остальная кишка английской армии поворачивалась на восток и двигалась—сначала на р. Рит, потом на р. Моддер,

далеко в обход левого фланга Кронье, положение которого вскоре должно было стать весьма серьезным.

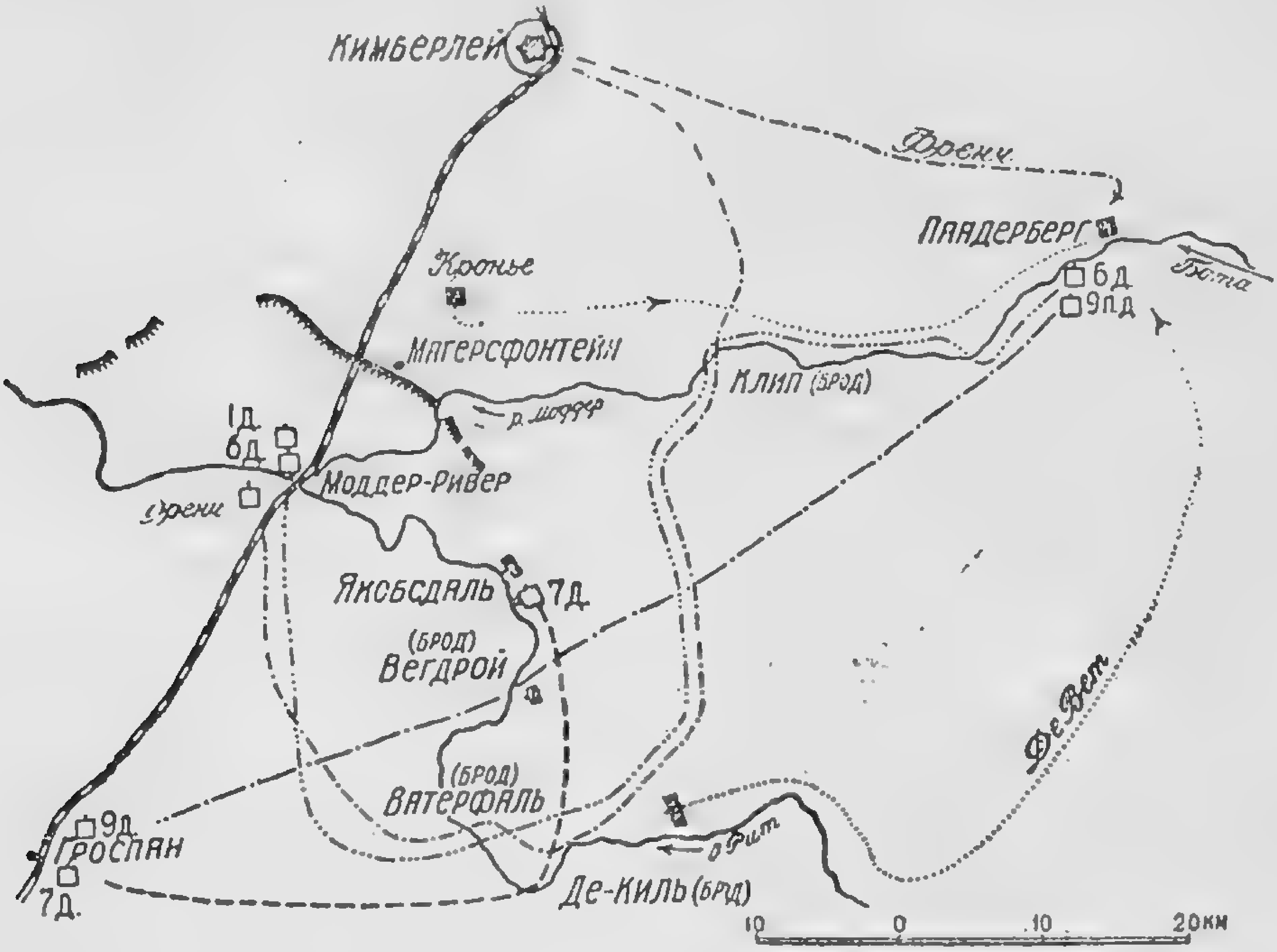
В первый день операции кавдивизия Френча и 7-я пех. дивизия подошли к р. Рит. У Ватерфаля находился конный отряд (500 стрелков) Девета. Конница Френча, обходом через Декиль, заставила Девета очистить переправы и отступить. Соприкосновение с Деветом было потеряно. 7-я пех. дивизия, только что прибывшая из Европы, была истомлена 25-километровым дневным переходом. Только в одной из ее бригад был насчитан 21 смертный случай от солнечного удара. Дивизия обратилась наполовину в отсталых. Нужно было дать ей несколько суток отдыха, прежде чем двигать ее дальше. Все палатки и лишние вещи остались на линии железной дороги.

На второй день операции, 13 февраля, кавдивизия Френча подошла к р. Моддер и, сбив небольшой отряд буров, овладела бродом у Клип. Лошади были уже сильно истощены; конные батареи насчитывали 59 павших на этом переходе лошадей. На р. Рит прибыла в хорошем состоянии 6-я пех. дивизия.

Третий день операции, 14 февраля, конница отдыхала на р. Моддер, поджидая 6-ю пех. дивизию, которая к вечеру, вместе с лордом Китченером, явилась сменить ее на захваченой переправе; Френч ожидал также обозов, которые бы позволили выдать лошадям дачу овса. Имевшиеся при кавдивизии две дачи овса были уже скормлены. Разведочных частей, вследствие утомления конского состава, Френч не высылал. На р. Рит, кроме находившейся там 7-й дивизии, прибыла 9-я дивизия и большой транспорт из 200 тяжелых фургонов с огромным гуртом порционного скота.

Утром четвертого дня операции, 15 февраля, Френч должен был оторваться от армии и следовать в Кимберлей. Перед его биваком, на дороге в Кимберлей, две сопки оказались занятыми отрядом буров (900 чел., 3 орудия). 10 батарей кавдивизии и 6-й дивизии (в том числе 1 тяж. морск.) с расстояния в 2 *км* энергично обстреляли буров, расположившихся недостаточно маскированно, после чего Френч, построив 3 бригады в затылок одну другой, с дистанцией между ними в 500 метров, повел их широким галопом в интервал между занятыми бурами сопками, достигавший 1 200 *м*. Густое облако тыла скрыло конницу; вопреки ожиданиям, прорыв удался с минимальными потерями (16 чел., 30 лошадей). Буры были так потрясены огнем артиллерии и видом скачущей массы всадников, что рассеялись. В полутора километрах позади позиции буров Френч собрал свою конницу и повел ее в Кимберлей. В 18 час. Френч въехал в город. Буры уже в предшествующую ночь очистили блокадную линию к югу и западу от города и теперь уходили в северном направлении, под прикрытием слабых конных арьергардов.

6-я пех. дивизия отдыхала на р. Моддер у Клипа; 7-я и 9-я дивизии подтягивались на р. Рит к Якобсдалю, куда намечал перенести свой штаб лорд Робертс, временно занемогший.


Кимберлей
Френч
Паадерберг
Кронье
Бота
6д
9пд
Мягерсфонтейн
Клип (брод)
р. Моддер
1д
6д
Моддер-Ривер
Френч
Якобсдаль
7д
(брод)
Вегдрой
(брод)
Ватерфаль
Де Вет
р. Рит
9д
Гроспян
7д
Де-Киль (брод)
10
0
10
20км

Черт. 30. Паадербергская операция 12/II — 28/II 1900 г.

Лихой вождь буров Девет, уяснив, что громадный обоз, перешедший у Ватерфаля р. Рит, остался под охраной слабого пехотного прикрытия (360 ружей), произвел на него неожиданное нападение, отбросил прикрытие, овладел обозом, частью уничтожил его, частью угнал с собой. Англичане потеряли 200 тыс. солдатских пайков и 48 тыс. дач овса,—чуть ли не третью часть армейских транспортных средств. Это был тяжелый удар, и поднимался вопрос: возможно ли продолжать развивать намеченную операцию. Лорд Робертс принял решение: операцию продолжать; войска перевести на половинный паек (лошадей на 1/3 дачи овса); 1-й дивизии, оставшейся у жел. дороги, нагрузить все свои повозки, до санитарных повозок включительно, продовольствием и немедленно направить их в Якобсдаль; саперным частям выгрузить из специальных повозок понтоны и шанцевый инструмент и отдать их под продовольствие. Английская армия оставалась на половинном пайке до конца февраля (2 недели), а затем еще две недели марта, до вступления в Блумфонтейн, получала три четверти пайка. Но операция продолжала планомерно развиваться...

Кронье, прославленный вождь буров, победитель при Магерсфонтейне, имел об оперативном искусстве более чем отвлеченное представление. Уже утром второго дня операции, 13 февраля, он получил подробное донесение Девета, очерчивавшее обходный маневр Робертса и рекомендовавшее возможно быстрое отступление с Магерсфонтейнской позиции. Кронье отвечал: «Опять у вас проклятый страх перед англичанами! Подбодритесь! Стреляйте их на смерть и ловите тех, которые будут бежать!» Втечение 13 и 14 февраля он не принял никаких мер для эвакуации семей и тяжестей. 15 февраля он узнал от панически настроенных беглецов из Клипа, что масса английской конницы прорвалась ему в тыл, в Кимберлей; что осада последнего более благоразумными руководителями буров уже снята; что восточнее его, на р. Моддер, собрались уже большие силы англичан.

Кронье решил отступить. Так как он не хотел и не мог бросить свой огромный обоз с семьями, то для него оставался только один путь—вдоль р. Моддер, так как на других направлениях не хватило бы воды для большого количества людей и животных. Вечером 15 февраля, не ожидая присоединения отдельных отрядов, Кронье снял свой лагерь и форсированным маршем двинулся на восток. Около 4 500 бойцов находилось при нем. В ночь на 16 февраля Кронье со своим огромным обозом проскочил в 3 *км* перед фронтом 6-й дивизии у Клипского брода.

Утром 16 февраля Китченер, выехавший к охранению 6-й дивизии, увидел большое облако пыли, удалявшееся на восток, и сразу сообразил, что важнейшая добыча операции, живая сила буров, грозит ускользнуть. Немедленно он направил конную пехоту для преследования, двинулся за ней сам с 6-й дивизией; обратился к Френчу с предложением обогнать буров, пересечь им дорогу у Кедесрандского брода и задержать до подхода английской пехоты, обратился к Робертсу с просьбой—скорее направить на поддержку 6-й дивизии 9-ю дивизию. Робертс опасался, не гонится ли Китченер за небольшой частью буров, но в полдень 16 февраля, получив от Метуэна подтверждение, что Магерсфонтейнская позиция очищена бурами, согласился с предложениями Китченера.

Преследование Кронье 16 февраля особого успеха не имело; лучшие бурские стрелки, выделенные в арьергард, задерживали конную пехоту, заставляли развертывать крупные силы пехоты и вовремя ускользали. Бурам, однако, пришлось бросить 78 повозок, и преследующие части нашли в них продовольствие, которого англичанам очень не хватало. Вечером части 6-й дивизии остановились на ночлег. Кронье, чтобы оторваться от преследователей, в ночь на 17 февраля продолжал отступательный марш; утром 17 февраля, пройдя Паадерберг, он остановил свою усталую колонну на четырехчасовой привал.

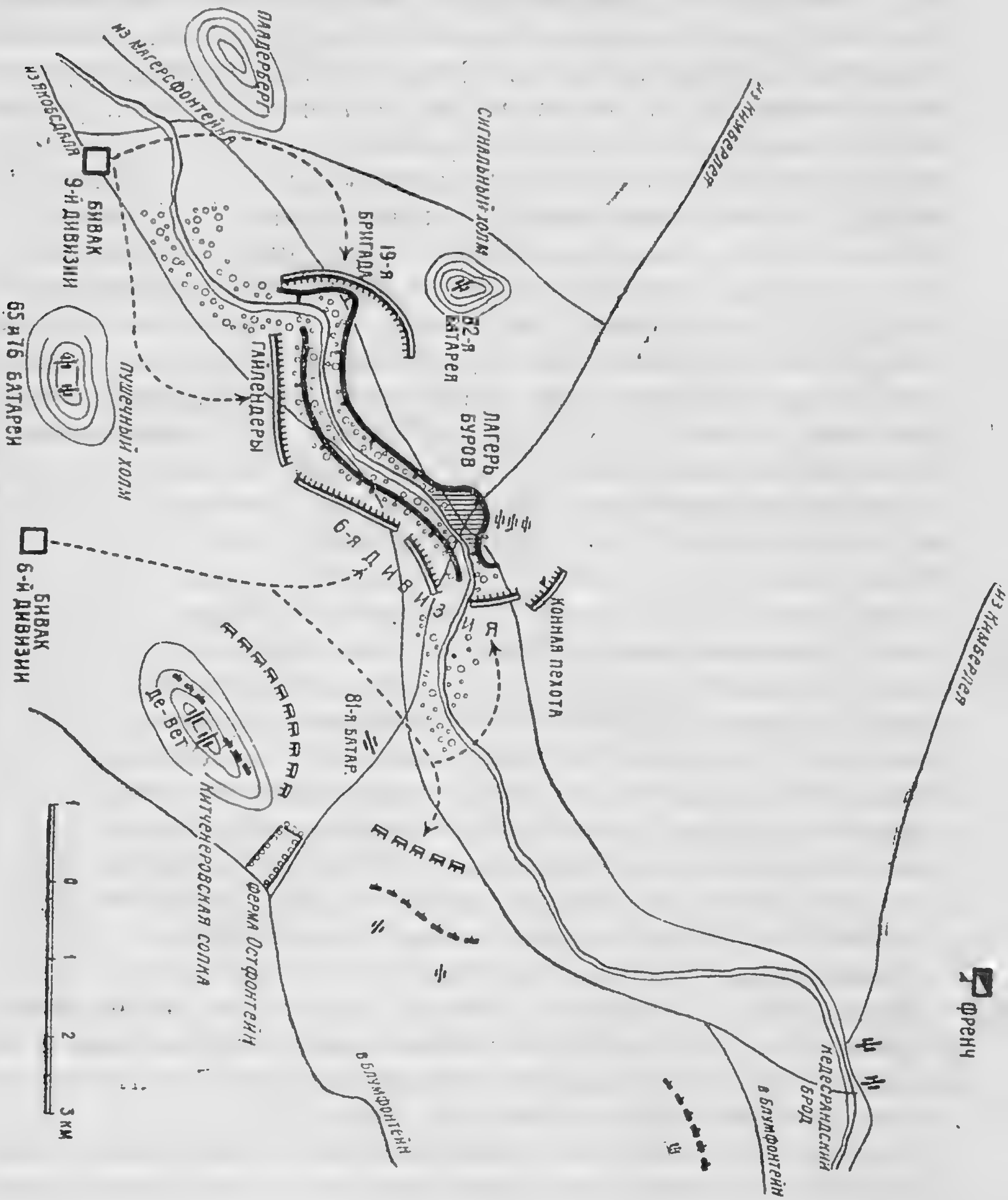
Френч поднял свою конницу 16 февраля в 4 часа утра. Инструкции его оканчивались освобождением Кимберлея от блокады. О дальнейшей цели операции Френч был не ориентирован. Было бы разумно, до получения указаний, дать отдохнуть крайне истомленному конскому составу, проделавшему уже за 4 дня операции—в три перехода, с тремя боями, при недостатке фуража—140 *км*. Но перед Френчем, с его кипучей энергией, было две цели: Кронье, находившийся у Магерсфонтейна, и слабые отряды буров с артиллерией, отступавшие от Кимберлея на север. Френч решил, по своей инициативе, преследовать последних. Одна кав. бригада (2-я) осталась у Кимберлея, а две бригады нагнали в 20 *км* севернее Кимберлея слабый арьергард буров; однако втечение целого дня, несмотря на огонь 24 конных орудий, они не могли его сбить. Вечером истощенная кав. дивизия вернулась в Кимберлей. Общая потеря в конском составе за 5 дней операции достигала 29%. Особенно губительно действовал на конский состав обычай Френча—выступать в 4 час. утра, с рассветом, когда лошади не были еще выкормлены. Правда, этим Френч избегал переходов в полуденный палящий зной. В одном из полков, имевших к началу операции блестящий конский состав, на осмотре 17 февраля оказалось только 28 коней, способных еще перейти в рысь.

Конница настоятельно нуждалась в отдыхе; но, вернувшись вечером 16 февраля в Кимберлей, Френч получил от оставшейся там бригады, разведывавшей к Магерсфонтейну, сообщение об отходе на восток большой колонны буров и приглашение Китченера—перерезать отступающим бурам дорогу у Кедесрандского брода. Френч, оставив для отдыха в Кимберлее большую часть своей неспособной двигаться кав. дивизии, 17 февраля в 3 час. 30 мин. утра выступил с одной (2-й) накануне отдыхавшей бригадой и 2 конными батареями по прямой дороге к Кедесрандскому броду.

В полдень, когда Кронье поднял свою колонну с привала, чтобы у Кедесрандского брода перейти на южный берег Моддера, среди его повозок начали разрываться снаряды: на высотах севернее брода конная батарея Френча, после перехода, на который ушло 7 час. 30 мин., успела занять позицию. Если бы Кронье сообразил, что перед ним только горсть истомленных всадников, он быстро бы их сбил и продолжал свой путь; но Кронье было известно, что английская кавалерия ушла к северу от Кимберлея, и он не допускал возможности, что Френч успел вернуться и загородить ему дорогу. Он решил, что перед ним английская пехота. Бурская артиллерия открыла огонь, бурские цепи осторожно перешли в наступление, женщины и дети укрылись в русле р. Моддер. Целый день продолжалась вялая перестрелка. Между тем 6-я пех. дивизия, собиравшаяся на южном берегу р. Моддер, делала в этот день также два перехода—от 3 час. 30 мин. утра до 10 час утра—и в 17 час. выступила вновь. При последних лучах заходящего солнца выехавший на названный впоследствии «пушечным» холм начальник дивизии, Келли-Кени, неожиданно увидел в двух километрах перед собой бурский лагерь. Буры находились между Френчем и 6-й дивизией; к последней втечение ночи подошла 9-я пех. дивизия, сделавшая втечение 36 час. 50 *км*. Отстала позади других конная пехота, потерявшая в предшествующую ночь соприкосновение с бурами. Она несколько не дошла до Паадербергского брода, и только утром 18 февраля поняла, что ночевала очень недалеко и от буров и от главных сил англичан.

Паадербергский бой. Кронье утром 18 февраля пришел к заключению, что ему с обозом, с которым он не хотел расставаться, не пробиться. В ожидании помощи извне он приказал своему отряду окопаться на два фронта вдоль кустов, окаймлявших долину р. Моддер.

Позиция Кронье, растянувшаяся на 4 *км* вдоль реки, была более чем оригинальна, но имела и свои достоинства. Река Моддер имеет ширину в 50 *м*; дожди делают ее временами непроходимой вброд; она течет в крутых берегах высотой до 15 *м*. Эти берега прорезаются рядом коротких глубоких рытвин, по которым в дождливое время стекает в реку вода. Вдоль реки растут деревья и кустики, маскировавшие расположение буров. В рытвинах и берегах реки буры с изумительной быстротой вырыли ряд пещер, отчасти соединенных между собой подземными ходами. Верхний слой почвы представлял мелкий песок, что в сильной степени понижало эффект разрыва бомб. В кустах притаились стрелковые ровики. Штаб Кронье располагался близ дороги, у брода, против лагеря, на южном берегу. У лагеря находилась и артиллерия. Высоты окружали позицию буров, но спуск с них к реке находился под обстрелом на полную дальность пехотного ружья.


Паадерберг
из Ягерсфонтейна
из Якобсдаля
Бивак 9-й дивизии
19-я бригада
Сигнальный холм
из Кимберлея
82-я батарея
Лагерь буров
Гайлендеры
Пушечный холм
65 и 76 батареи
6-я дивизия
Бивак 6-й дивизии
Конная пехота
81-я батар.
Де-Вет
Китченеровская сопка
Ферма Остфонтейн
в Блумфонтейн
из Кимберлея
Френч
Кедесрандский брод
в Блумфонтейн
1 0 1 2 3 км

Черт. 31. Бой у Паадерберга 18/II — 1900 г.

Утром 18 февраля Китченер произвел личную рекогносцировку расположения буров. Последнее, в низине, очень растянутое, окруженное командующими высотами, оцепленное англичанами, имевшими пятикратный перевес в числе, произвело на Китченера впечатление тактической безнадежности. «Сейчас 6 час. 30 мин.; в 10 час. мы захватим лагерь буров, а в 10 час. 30 мин. кавалерия Френча двинется на Блумфонтейн»,—заявил Китченер в результате своей рекогносцировки. На другой день он говорил военному агенту Соединенных Штатов Слокуму: «Если бы я вчера утром знал то, что знаю сегодня, я не атаковал бы буров в долине реки; это невозможно при современном оружии». События, приведшие Китченера к столь резкому изменению взглядов, были таковы.

Возможность прибытия других бурских отрядов на помощь Кронье, трудность довольствия собранных у Паадерберга английских сил и в особенности желание не дать времени бурам вырыть глубокие окопы—таковы соображения, побудившие Китченера, в связи с его оценкой тактической безнадежности бурской позиции, поспешно перейти в наступление. Усталая кав. бригада Френча оставалась у Кедесрандского брода, где вступила днем в перестрелку с небольшим отрядом буров, подошедшим со стороны Блумфонтейна. 9-я дивизия должна была атаковать буров с юга и запада, по обоим берегам р. Моддер. 6-я дивизия, имевшая высокую боеспособность, должна была атаковать с востока, главными силами на южном берегу р. Моддер, выделив два батальона на северный берег для атаки вдоль русла реки. 6-й дивизии были приданы части конной пехоты. Часть конной пехоты находилась к северу от р. Моддер, препятствуя продвижению буров вдоль реки на восток, а часть, в районе Китченеровской сопки, охраняла тыл 6-й дивизии.

Артиллерия подтянулась на поле сражения еще не полностью. Имелись только 3 полевые батареи 6-й дивизии и одна (65-я) гаубичная батарея 9-й дивизии. Одна полевая батарея (81-я) заняла позицию севернее Китченеровской сопки, чтобы препятствовать возможному прорыву буров на Блумфонтейн. Гаубичная и полевая батарея (76-я) расположились на пушечном холме, а одна полевая батарея (82-я) вместе с 19-й бригадой 9-й пехотной дивизии предназначалась для перехода через Паадербергский брод на северный берег реки Моддер для атаки буров с северо-запада.

На всех распоряжениях Китченера в день этого боя лежит печать торопливости; Китченер не стал ждать подхода новых артиллерийских частей, равно и окончания развертывания; имевшиеся части поспешно направлялись им в бой; между тем предстоял не встречный бой, а атака хотя и поспешно укрепившегося противника. Удобнее всего было бы сосредоточить усилия на атаке буров с запада, по обоим берегам р. Моддер, причем следовало бы употребить утро на планомерное развертывание, а к вечеру повести энергичное, дружное наступление. В создавшихся же условиях спешности атаки англичан получили разрозненный характер.

Первой начала наступление 6-я дивизия. Артиллерия буров была скоро подавлена английскими батареями и замолчала. Буры встретили англичан сильным ружейным огнем с дистанции 1600 *м*. Постепенно сгущая цепи, 5 батальонов, наступавшие южнее р. Моддер, израсходовав все свои поддержки, добрались до дистанции ближнего ружейного огня (400 *м*), где залегли в виде одной тонкой линии, растянутой на 3 *км*. 2 батальона, долженствовавшие перейти на северный берег реки Моддер, долго не могли выполнить эту задачу, так как на сопках севернее фермы Остфонтейн появились небольшие отряды буров с орудиями, явившиеся со стороны Блумфонтейна на выручку Кронье. 81-я батарея, вместо того, чтобы поддерживать наступление 6-й дивизии, должна была повернуть орудия на 180° и стрелять на восток. Не дождавшись подхода на северный берег р. Моддер частей 6-й дивизии, Китченер отдавал настойчивые приказания находившимся там частям конной пехоты решительным штурмом поддержать наступление 6-й дивизии по южному берегу. Полковник Ханней не мог протолкнуть своих спешенных стрелков далее 300—400 *м* от бурских окопов; дабы выполнить повторный категорический приказ Китченера, он собрал группу конных, 40 человек, и бросился с ними в конную атаку, все участники коей были застрелены бурами или—раненые—попали к ним в плен. Только после неудачи этой атаки подошла пехота 6-й дивизии, истомленная уже боем, выдержанным ею на походе; малоэнергичное наступление ее к вечеру успеха не имело.

Китченеровскую сопку в тылу 6-й дивизии сторожил полк конной милиции. Так как на солнце, в полуденный зной, оставаться было очень неудобно, то недисциплинированная милиция постепенно, под предлогом необходимости напоить лошадей, спустилась с сопки в близлежащую ферму Остфонтейн, не выставив никаких мер охранения. Этим воспользовался лихой Девет, внезапно окруживший ферму со своими 500 всадниками и 2 орудиями и заставивший милиционеров положить оружие. Девет занял Китченеровскую сопку и открыл огонь в тыл 6-й дивизии. Против него развернулся батальон резерва 6-й дивизии и части конной пехоты. 6-я дивизия вынуждена была действовать на два фронта и не имела никаких резервов, чтобы влить свежие силы в тонкую линию стрелковой цепи, ведшей огневой бой с бурами Кронье; огонь англичан здесь становился все более вялым.

Неожиданный подъем воды в р. Моддер задержал до полудня переход 19-й бригады 9-й дивизии через Паадербергский брод, и 9-я дивизия вела два самостоятельных боя. На южном берегу шотландская бригада (гайлендеры) начала наступление в 7 час. утра, без выстрела; под огнем буров эта бригада дошла до дистанции в 450-600 *м*, здесь плотно залегла и открыла огонь. Вся бригада была сразу развернута в одну стрелковую цепь; она расползлась на фронт в 3 *км*; втечение всего дня ее удалось подкрепить только полубатальоном, что было недостаточно для поддержания силы огня. Гайлендеры остались лежать до вечера на границе ближнего и среднего ружейного огня. Левое их крыло переправилось через р. Моддер и в долине реки смогло подойти к бурам на 300 *м*.

19-я бригада (3½ батальона и 1 батарея), задержанная подъемом воды на броде, вступила в бой только около полудня, когда наступление на других участках уже остановилось. Батарея заняла очень выгодную позицию на Сигнальном холме, всего в 1 300 *м* от окраины бурской позиции, и частично ее анфилировала. Ее огню очень мешали жалобы гайлендеров, что к ним попадают шрапнельные пули при перелетах (удаление гайлендеров—2 200 *м* на продолжении линии огня батарей). Пехота искусно охватила буров с севера, но буры успели образовать новый фронт. Все три батальона расползлись на фронте около 3 *км*; тонкая цепь не имела достаточно силы для питания энергичного огневого боя. Китченер резко настаивал на производстве штурма. Командир бригады двинул последний полубатальон, находившийся до сих пор в охране обоза. Резерв приблизился к боевой части, лежавшей на удалении в 650 *м* от неприятеля; последние сто метров до цепи резерв продвинулся ползком; не имея огневого перевеса, два батальона 19-й бригады, в которые влился резерв, проползли еще 200 *м* к бурам; на удалении в 450 *м* были примкнуты штыки; два батальона одновременно вскочили и с громкими криками бросились на штурм; им удалось пробежать 250 *м*; в 200 *м* от бурских окопов этот штурм, предпринятый без достижения перевеса в огневом бою и с слишком большого расстояния, захлебнулся: потери достигли 20 % атакующих, значительная часть офицеров выбыла убитыми и ранеными, цепи бросились на землю и оставались так до темноты. Вопреки ожиданиям, потери стрелковой цепи на близком расстоянии оказались незначительными, так как буры не так спокойно прицеливались, как при стрельбе на средние и большие дистанции.

Итак, на всем фронте атаки англичан были отбиты, хотя, по свидетельству германских офицеров, находившихся при отряде Кронье, на некоторых участках буры готовы были, при проявлении англичанами добавочного усилия, сложить оружие. Вечером пришлось отводить истощенные части и окапываться. Потери англичан достигали 1 200 чел., буров—200 чел. Неудачу англичан мы объясняем их недостаточной стрелковой подготовкой, недостаточным упорством в борьбе за перевес в огне, недостаточной поддержкой артиллерией, плохо разобравшейся в позиции буров и численно слабой, а главное—разбрызгиванием слабых огневых средств англичан на 10-километровый фронт наступления; 15 английских батальонов вытянулись в тонкую нитку, и нигде не имели позади поддержек для энергичного питания огневого боя; огонь английских стрелков повсюду замирал. Очень помешали 6-й дивизии действия Девета. Но очевидцы этого боя пришли к другому заключению: если здесь не удалось сломить буров, находившихся в немыслимо скверных условиях, то отсюда следует, что против современных магазинок фронтальное наступление вообще успеха иметь не может.

Капитуляция Кронье. Утром 19 февраля к Паадербергу прибыл выздоровевший лорд Робертс, принявший решение—прекратить попытки атаковать буров и вынудить их к сдаче бомбардировкой и блокадой. К вечеру того же дня прибыли одна бригада 7-й дивизии с артиллерией этой дивизии и четыре морские тяжелые пушки; воловья запряжка добросовестно протащила эти громоздкие тяжелые пушки на 50 *км* в 23 часа. Всего в дальнейшем собралось до 93 орудий. Привязной воздушный шар корректировал концентрический огонь английской артиллерии. Огонь перебил уже 19 февраля всех лошадей и волов в лагере буров; тысячи разлагающихся трупов этих животных отравляли своим запахом существование буров; повозки частью загорелись, взорвались все боевые припасы бурской артиллерии.

Кимберлей был обращен в главный магазин английской армии. Лорд Метуэн занимал его одной бригадой своей 1-й дивизии, починил железную дорогу до Кимберлея, перебросил в него все запасы из складов между реками Оранжевой и Моддер; сообщения между Паадербергом и Кимберлеем охранялись одной бригадой 1-й дивизии у Клипского брода и одной бригадой 7-й дивизии у Якобсдаля.

Очень беспокоил англичан Девет, продолжавший занимать в тылу 6-й дивизии Китченеровскую сопку; Девет притягивал к себе разрозненные бурские отряды, и силы его возросли до 2 тыс. Пока Девет удерживал Китченеровскую сопку, для Кронье сохранялась возможность, бросив семьи и обоз, прорваться с бойцами из английского окружения. Но Кронье отказывался расстаться с семьями, несмотря на настойчивые предложения Девета, сносившегося с ним по гелиографу. Трое суток Девет удерживал вплотную рядом с большими силами англичан Китченеровскую сопку. 20 февраля к Френчу подошла одна из его оставленных в Кимберлее бригад (последняя только к 22 февраля), и лорд Робертс предложил Френчу выйти в тыл Девету. 21 февраля кавалерия Френча выбралась к востоку от Китченеровской сопки. Девету грозило окружение. Он посадил свой отряд на коней и ускакал мимо конницы Френча, почти неспособной перейти в рысь.

На следующее утро, 22 февраля, подошедший от Блумфонтейна отряд Филиппа Боты (2 тыс.) сделал вялую попытку овладеть внезапным нападением Китченеровской сопкой, отбитую пехотой 6-й дивизии. 27 февраля, на десятый день своего обложения и на девятый день бомбардировки, Кронье сдался. 300—400 буров из его отряда успели прорваться. Капитулировало всего 4 048 здоровых буров и 195 раненых. Удивительным образом концентрическая бомбардировка англичан и некоторые наступательные попытки английской пехоты обошлись бурам всего в 70 человек.

Бескровное маневрирование. Паадербергская операция решительно отозвалась на всем театре войны. Пример Кронье, возведенного после успеха под Магерсфонтейном в герои, и затем капитулировавшего из-за нежелания расстаться с семьями и барахлом, подействовал на буров разлагающе. Отряды буров устремились частью по домам, а частью на защиту Блумфонтейна. Отряд Луи Боты, прикрывавший блокаду Ледисмита, обезлюдел, и Буллер смог довести четвертую попытку освобождения Ледисмита до конца. Капская колония была очищена от вторгнувшихся в нее отрядов буров.

7 марта лорд Робертс, усилив свою пехоту у Паадерберга до 3½ дивизий, начал марш к Блумфонтейну и в тот же день атаковал буров, укрепившихся неподалеку, на обоих берегах р. Моддер, у Поплар-Гров. Силы буров—около 7 тыс. с 7 орудиями—занимали позицию, растягивавшуюся на 15 *км*. Силы англичан достигали 32 тыс. и 116 орудий. Робертс рассчитывал на полное уничтожение буров. Кавалерия Френча должна была 28-километровым ночным маршем обойти позицию буров, напасть на их тылы, отрезать бурам путь отступления; появление массы конницы и конной пехоты с 42 конными орудиями в тылу буров должно было вызвать у них общее смущение; в это время фронт буров должен был быть атакован тремя пехотными колоннами с тяжелой артиллерией.

Замысел Робертса не удался; течение боя у Поплар-Гров характерно для всех дальнейших наступательных действий англичан. Английская пехота наступала очень осторожно, медленно приближаясь к дистанциям дальнего ружейного огня. Френч провел ночным маршем свои конные массы в тыл левого крыла буров; лошади отказывались далее следовать даже шагом. Конные батареи открыли издали, в тылу буров, огонь. Разлагающееся бурское ополчение, услыхав, что опасность грозит их коноводам, лагерям, обозу, бросило позицию и ускакало в паническом страхе в тыл. Френч, несмотря на свою энергию, должен был наблюдать, как буры ускользали мимо его спешившейся и отдыхавшей дивизии. Вместо намеченных Робертсом Канн получился бескровный маневр, дававший только выигрыш пространства, географического пункта, в стиле операций XVIII века, но не приводивший к уничтожению живой силы противника. Измотанная английская конница могла только грозить, а английская пехота после Паадерберга уклонялась от энергичного наступления.

Весь марш Робертса на Блумфонтейн и после двухмесячного отдыха дальше на Преторию не сопровождался кровавыми боевыми столкновениями. Громадный перевес английских сил, их широкий фронт, угроза охвата конницей заставляли ополчение буров очищать занимавшиеся позиции и жертвовать территорией. 5 июня англичане овладели Преторией, а к 26 сентября захватили на всем пространстве и железную дорогу от Претории к португальским владениям—бухте Делагоа.

Партизанская война. Все культурные районы бурских республик были на 12-й месяц войны оккупированы английской армией. Президент Трансваальской республики Крюгер эмигрировал в Европу. Уехал и лорд Робертс, оставив Китченеру задачу замирения занятой территории. Но война оказалась далеко не законченной. Живая сила буров не была уничтожена. Девет, после обозначенного боя у Поплар-Грова и панического бегства буров, принял героическую меру для борьбы с разложением в рядах буров-оранжистов; он распустил в отпуск на 3 недели по домам все ополчение Оранжевой республики. Не все вернулись из отпуска, но вернувшиеся принесли с собой новый запас моральных сил. Девет предпринял ряд энергичных действий на тылы англичан, испортил блумфонтейский водопровод, что вызвало вспышку тифозной эпидемии в армии Робертса, тогда еще не выступившей из столицы Оранжевой республики, уничтожал транспорты, окружал, брал в плен, разоружал и раздевал английские отряды. После занятия Трансвааля такую же настойчивую партизанскую войну открыли Деларей и Луи Бота. На лихие выступления партизан англичане отвечали репрессиями против местного населения, поддерживавшего их, до сожжения ферм включительно. Эти репрессии вливали в сопротивление буров новую энергию; в партизанской борьбе приняло участие до 23 тыс. буров, вынудивших англичан сохранить в Южной Африке 200-тысячную армию. Девет совершал лихие рейды, вновь вторгался в пределы Капской республики, захватывал поезда. Пленных бурам держать было негде, и они, раздев их, отпускали; легкие условия плена привели к тому, что английские солдаты не проявляли упорства и сдавались. Дух английских войск после захвата Блумфонтейна находился вообще на уровне, граничившем с разложением, что и обусловливало бескровность боев, плохую сторожевую службу и успехи бурских партизан.

Вначале борьба с партизанско-народной войной, вспыхнувшей летом 1900 года, велась англичанами по системе разброски гарнизонов в важных пунктах и производства рейдов сильными подвижными колоннами. Затем Китченер должен был создать гигантский аппарат для борьбы с партизанским движением: мирные буры и все семьи буров были арестованы в концентрационных лагерях, весь скот реквизирован, чтобы партизаны были лишены всякой опоры на территории; на последней были возведены линии блокгаузов протяжением до 5 тыс. *км.* Блокгаузы [1] на десяток бойцов, часто с пулеметом, возводились на дистанции не свыше километра друг от друга и соединялись проволочной сетью; линии блокгаузов первоначально протянулись вдоль железных дорог, а затем выдвинулись и частично оцепили участки территории с важнейшими партизанскими гнездами. До 50 тыс. солдат были рассеяны по этим блокгаузам и несли в них тяжелую сторожевую службу. Девету нередко приходилось преодолевать это препятствие; иногда ему удавалось захватить врасплох 1-2 блокгауза и спокойно пройти проволоку между ними, иногда приходилось невзначай, прорезав скрытно проволоку, проскакать между неприятельскими блокгаузами, отделавшись незначительными потерями.

Вместо рейдов подвижных колонн, Китченер приступил к устройству загонов (дрейвов); участок местности охватывался линией в несколько сот километров, состоявшей частью из неподвижных участков-блокгаузов и окопавшихся постов, а частью из подвижных—редкой конной цепи с сильными поддержками за ней; затем эта сеть постепенно стягивалась. Дрейвы позволяли вылавливать семьи буров и скот и уничтожать все запасы буров. На Девета было устроено подряд три дрейва; каждый раз ему удавалось выскочить из английской сети, но в результате он должен был покинуть свой родной район и перенести партизанскую деятельность на другие участки, что явилось крупным моральным успехом англичан. Дрейвы представляли целые сложные операции, к которым привлекались десятки тысяч войск.

Только под угрозой полного вымирания нации вожди буров пошли на подписание мирного договора 31 мая 1902 г., по которому они потеряли национальную самостоятельность. Затянувшаяся на 32 месяца война обошлась Англии 5 275 млн. франков. Победа над бурами стоила англичанам почти в три раза дороже, чем немцам их победы 1870 г. над Францией, и в результате создала Южно-африканский доминион, возглавляющий теперь борьбу за развал Британской империи. Президентом этого доминиона является Герцог, один из ближайших сподвижников Девета.

---

[1] Блокгаузы строились англичанами очень быстро; обыкновенно они собирались из заготовленных листов рифленного железа, образовывавших двойную стенку; внутреннее пространство между листами железа засыпалось песком. Постройка была стандартизирована.

Общие замечания. Война в Южной Африке явилась войной на измор. Английское командование уделяло слишком много внимания географическим пунктам, чтобы можно было достигнуть сокрушения. Для защиты географических пунктов были распределены все наличные к началу войны силы англичан, а когда они были заблокированы в Кимберлее и Ледисмите, Буллер опять поставил себе целью освобождение этих географических пунктов, значение коих неизмеримо возросло благодаря запертым в них гарнизонам. Только Паадербергская операция явилась ударом по живой силе буров. Дальнейшие победы англичан имели чисто географический характер. Живая сила буров была не уничтожена, а загнана в партизанское подполье и потребовала проведения методов измора еще втечение 20 месяцев.

Ярко выступает связь оперативного и тактического искусства. В начале войны оперативным методам действия изолированных отрядов вдоль железных дорог отвечали и ударные приемы тактики; это устаревшее в своей основе военное искусство потерпело ряд неудач. Робертсу и Китченеру удалось перейти к новым приемам широкого оперативного маневрирования, которые привели в тактике к топкому огневому окружению под Паадербергом.

Паадербергская неудача Китченера в бою 18 февраля имела в своей основе целый ряд тактических упущений— главным образом отсутствие поддержек для питания огневого боя, расплывание английской пехоты на слишком широкий фронт, недостаточную поддержку артиллерии. Но англичане из этого опыта пришли к признанию невозможности всякого фронтального наступления против современного оружия, а отсюда их военные действия в дальнейшем получили характер бескровных оперативных охватов-угроз. Они сумели помощью их захватить географические объекты, но не подорвали ими боеспособности буров. Если окружение и сдача Кронье произвела на буров такое впечатление, то можно полагать, что истребление — хотя под Поплар-Гров—новых сил буров могло бы привести к подчинению буров. Утрата англичанами веры в силу своего фронтального наступления, в возможность вести успешно фронтальный огневой бой при наступлении во многом поощрила буров к дальнейшему сопротивлению.

Англо-бурская война, в которой был применен впервые бездымный порох, и обе стороны облачились в одежду защитных цветов, выдвинула новые понятия—о пустоте полей сражения, о возможности занимать несравненно более широкие фронты для обороны, чем то предусматривалось европейскими уставами. Война подчеркнула трудность установления контакта с неприятелем, необычайную опасность первых минут боя, если неразвернутые колонны попадут под дальний огонь неприятеля, неспособность конницы дать достаточные разведочные данные; конная разведка должна быть дополнена пехотной и в особенности артиллерийской разведкой, наблюдение притаившегося неприятеля должно вестись чрезвычайно зорко, настойчиво, целым рядом специалистов, вооруженных хорошими оптическими приборами. Война показала, что методы тех массовых, ударных действий, которыми уставы французской и русской армий стремились вызвать в свою пользу развязку, неосуществимы при современном огне. Защитники французской доктрины (Ланглуа) поэтому яростно отвергали опыт Англо-бурской войны, сводя его целиком к ошибкам английского командования и недостаткам английского солдата.

В ожесточенной дискуссии сторонники огневого тактического идеала допускали увлечение в противоположную сторону. Атакуя французские уставы, наполненные пережитками эпохи Наполеона, генерал Негрие утверждал, что решительных массовых атак больше быть не может. Бои будут тянуться длинными, тяжелыми часами и успокаиваться только в молчании ночи. Вместо пароксизма ярости прежних штурмов современный бой становится холодным и размеренным. Смерть будет угрожать без ярости и гнева, но она будет ютиться на поле сражения за каждым камнем и в ямках безбрустверных окопов. Кавалерия в будущем не даст ориентировки, и только бой прольет некоторый свет на обстановку. Фронт неуязвим для массовых ударов. Укрытие неотразимо привлекает к себе стрелков и пригвождает их. Осторожность движения, необходимая для наступающего, затянет на долгое время будущие бои, и истощение победителя воспрепятствует преследованию. Высшее командование, как только войска серьезно ввяжутся в бой, окажется не в состоянии им руководить. Управление будет осуществляться только начальниками в цепи—отсюда решительное значение частной инициативы и индивидуальной подготовки бойцов. Малокалиберная пуля подорвала старый боевой порядок, разбила сражение на отдельные очаги, передала руководство из мозга начальника в сердце солдата. Война завес должна последовать за войной масс. Отряды завесы, слабого состава, состоящие из трех родов войск и включающие много конницы, независимые от главных сил, будут выдвинуты на всех путях; задача их—создать для главных сил сферу безопасности и свободного маневра; они должны уклоняться от решительного боя с крупными силами; конница может только намечать контуры неприятельского сопротивления, а разорвать эту вуаль в силах только отряды завесы. Лопата и кирка—в работе все время боя. Втечение дня необходимо рассмотреть слабые пункты неприятельского фронта, куда можно проскользнуть, чтобы развалить весь фронт. Решительное значение имеют конные охваты и захват путей отступления; «решение будет заслушано, когда раздадутся пушечные выстрелы в неприятельском тылу».

Основные вопросы завязавшейся тактической дискуссии вскоре получили освещение, почти исчерпывающее, в опыте русско-японской войны, в которой схватились несравненно более классные противники, чем те войска, которые сражались в Южной Африке.

ЛИТЕРАТУРА.

1) Kriegsgeschichtliche Einzelschriften. Heft 32, 33, 34, 35. Издание Большого прусского Генерального штаба, Берлин. 1903—1905 г. Прекрасное изложение важнейших моментов Англо-бурской войны. Авторы стремятся не задевать английское самолюбие. Партизанский период не освещен.

2) **А. Виноградский.** Англо-бурская война в Южной Африке. 3 тома. Петербург. 1901—1903 г.г. Довольно наивное, но систематическое изложение, составленное по первым опубликованным известиям. Автор не имел еще под рукой всех данных для достаточно точного освещения событий.

3) Воспоминания бурского генерала **Христиана Девета.** Борьба буров с Англией. Петербург. 1907 г. Девет участвовал во всех важнейших операциях бурской войны. Его воспоминания имеют особую важность для уяснения партизанского периода войны.

4) Официальный труд: History of the War in South Afrika 1899—1902. Compiled by the direction of His Majesty's Government. London. 4 тома.

5) Times' History of the War in South Afrika. London. 1900—1909.

Сверх того имеется несколько отчетов военных агентов нейтральных государств, находившихся при английской или бурской армиях, несколько выпусков материалов по войне, изданных В. Ученым комитетом Гл. штаба в 1900-гг., и обширная журнальная литература; интерес представляют статьи Мальчана в органе прусского Большого генер. штаба Vierteljahrshefte für Truppenführung und Heereskunde за 1909 (кн. 3) и 1910 (кн. 2) гг., дающие прекрасное освещение партизанскому заключительному периоду войны и являющиеся как бы продолжением монографий прусского генерального штаба, перечисленных выше под № 1.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Русско-японская война 1904—05 г.

Политическая подготовка войны. — Русская армия в начале XX столетия. — Система Обручева. — Дальний Восток. — Сибирская железная дорога. — Морские силы России. — Вооруженные силы Японии. — Театр войны. — Русский план войны. — Укомплектование. — Японский план войны. — Русский тыл. — Японский тыл. — Борьба за Порт-Артур. — Ляоянская операция. — Операция на р. Шахэ. — Мукденская операция. — Литература.

Политическая подготовка войны. Втечение четырех веков после разгрома Азии Тамерланом Россия располагала тылом, обеспеченным той политико-экономической прострацией, в которой находились азиатские народы, и могла уделять все свои силы и внимание европейским делам. Но в последней трети XIX столетия в Японии закипела энергичнейшая реформаторская работа, и в 1895 г. Япония, окрепшая и усвоившая завоевания европейской техники, совершила первую, весьма успешную пробу своих сил в войне с Китаем. Энергичное выступление русской, германской и французской дипломатии, опиравшейся на боевые эскадры, вырвало у Японии главнейшие плоды этой войны и не позволило Японии утвердиться на азиатском материке. Японцы склонились перед силой, пропитались еще большей ненавистью к белой расе, в особенности к русскому империализму, и принялись готовиться к новой войне, которая мыслилась как поединок с Россией. Японцы не могли рассчитывать найти себе союзника в Европе, но они сумели заключить с Англией перестраховочный договор: Англия являлась секундантом Японии, не вмешивавшимся в войну Японии с одним государством (Россией), но обязанным выступить на помощь Японии, если бы против нее вступили в войну несколько государств. Таким образом Япония гарантировала себя от нового проявления солидарности европейских государств. Свою армию она, по программе 1896 г., расширяла в 2,5 раза, свой флот—в 3,5 раза; в основном эта программа была уже выполнена к лету 1903 г. В Англии и Соединенных Штатах политика Японии подготовляла почву для размещения займов, от Китая японцы добились позиции дружественного нейтралитета, внутренняя политическая подготовка японского народа и армии была доведена до высокого совершенства.

Николай II, выдвинувший задачу спрямить Великий сибирский путь через Манчжурию, захватить на Великом океане незамерзающую гавань Порт-Артур, втянуть Манчжурию и даже, может быть, часть Кореи в сферу русского влияния и русских интересов,—направлял русское государство к столкновению с молодым японским империализмом. Предстоявшее столкновение с Японией являлось тем более опасным, что политически к этому не были подготовлены не только широкие русские народные массы, не только русская буржуазия, долженствовавшая, казалось бы, откликнуться на династическую попытку к экспансии, но и государственный аппарат—министерства финансов, путей сообщения и, прежде всего, военное министерство. Русский государственный аппарат и буржуазная общественность более чем когда-либо повертывались в конце XIX столетия спиной к Азии под влиянием другого исторического события—франко-русского союза. Русское общественное мнение и все усилия государственного аппарата обращались лицом против Германии, против Тройственного союза; ценой этого наша экономика обильно орошалась капиталами, занимаемыми нами во Франции, и давала обильные плоды. Темп промышленного оборудования России ускорился в огромной степени; железные дороги в 90-х годах строились протяжением до 5 тыс. *км* в год, капитальные вложения в промышленность и транспорт достигали за год 9% всего их основного капитала. Россия превращалась из земледельческого в полупромышленное государство; государственный бюджет быстро увеличивался, без особого нажима, за счет увеличившейся производительности народного труда.

Всякое уделение внимания, сил и средств Дальнему Востоку расценивалось, как досадная помеха нашим успехам в Европе. Экономически Россия уже переросла свои политические формы, и грозную обстановку, слагавшуюся на берегах Великого океана, русская буржуазия прежде всего стремилась использовать для того, чтобы ослабить феодальные пережитки и захватить себе долю государственной власти. Не было хуже подготовленной в политическом отношении войны; Николай II оказывался в положении политической изоляции; столкновение с японским империализмом сводилось к династической авантюре; только быстрые, сокрушительные успехи русского оружия могли бы спасти положение. Всякая затяжка, естественно, должна была толкать армию к разложению, государство—к революции. Между тем объективные условия, в которых начиналась война, неизбежно толкали ее на путь измора. Политически война была проиграна прежде, чем раздались первые выстрелы.

Положение не могло быть спасено цветущим состоянием русских финансов, искусно руководимых С. Ю. Витте. Не только территориально, но и экономически Россия в 1904 г. являлась гигантом в сравнении с Японией. Золотой запас русского государственного банка достигал 882,9 млн. рублей, он обеспечивал обращение лишь 580 млн. рублей кредитных билетов; а в Японии золотой запас достигал только 112,5 млн. иен (иена почти равна рублю) и обеспечивал уже значительную массу кредитных билетов—198 млн. иен. Внешние займы втечение войны, несмотря на ряд тяжелых поражений, царская Россия заключала во Франции (1904 г.) и в Германии (1905 г.) с действительной оплатой не свыше 6,2% в год; эти внешние займы нужны были России только для оплаты процентов по государственным займам и заказам за границей. Налоги в России были лишь незначительно увеличены. Только начавшаяся революция 1905 г. временно надорвала государственный кредит России, но к моменту заключения мира 1905 г. царская Россия, при условии принесения в жертву курса русского кредитного рубля, могла бы еще очень долго нести расходы на войну. Золотой фонд России за войну вырос до 1 166 млн. рублей. А Япония свои уже очень высокие налоги во время войны должна была увеличить на 90%; курс японской иены упал на 10%. Заграничные займы в Лондоне, Нью-Йорке, в конце войны—в Берлине японцам лишь при условии ряда беспрерывных побед удавалось размещать из оплаты 8-9% действительных. Из 1 280 млн. иен, потребовавшихся на войну, 800 млн. приходится на военные займы: на две трети Япония вела войну на заграничные средства, получаемые на кабальных условиях. Японское командование должно было сообразовать ход операций с размещением займов; японская экономика воспрещала стратегии японцев всякий риск, так как малейшая неудача японцев закрыла бы перед ними кошелек банкиров. И в конце концов Японии пришлось отказаться от контрибуции и пойти на легкие условия мира, так как банкиры потребовали заключения мира, а Япония была обеспечена денежными средствами только на три дальнейшие месяца войны.

Русско-японская война указывает на крупное значение цветущих финансов для ведения войны, но в то же время свидетельствует, что не большее или меньшее богатство решает участь войны—даже такой борьбы на измор, которой являлась Русско-японская война.

Русская армия в начале XX столетия. Гармонии между переходом политики в наступление и развитием вооруженных сил в России не было. Увеличившееся благосостояние государства отражалось на армии в слабой степени. К моменту Русско-турецкой войны военно-морские расходы составляли 33% государственного бюджета; через 20 лет они снизились до 22%. Расходы на одного военнослужащего повысились, правда, за период 1876—1900 гг. с 225 рублей на 300 рублей в год; но ввиду общего повышения цен, направления крупных средств на подготовку западного пограничного пространства, заготовки неприкосновенных запасов для резервных частей—военное ведомство с трудом сохраняло армию на том уровне благосостояния, который доставили ей реформы Милютина. А оставаться на одном уровне, когда благосостояние государства росло, значило итти назад. В 70-х годах не бросалось в глаза, что солдат не получает чайного довольствия, что мясная его порция—полфунта скверного мяса при двух постных днях в неделю—очень скромна, что казармы плохо оборудованы, солдаты не получают ни одеял, ни постельного белья. В XX веке это были уже очевидные минусы довольствия армии.

Но опыт турецкой войны, не исследованный нами научно, казалось, не требовал борьбы за повышение качества армии. Ведь дрались же прекрасно неграмотные турецкие крестьяне, плохо снабженные, под командой столь же невежественных и голодных офицеров. Мы стремились к большой дешевой армии. Лучшие достижения конца XIX века заключались в успешной борьбе военного министра Ванновского за изжитие феодальных взглядов на полковое и батарейное хозяйство, как на собственность хозяев—командиров полков и батарей; на кавалерию, защищенную своей инспекцией, эта борьба не распространялась, и она сохранила свои феодальные свойства вплоть до Мировой войны. Другим достижением являлась проповедь Драгомирова о приближении офицера к солдатской массе, об уничтожении мордобойства и более гуманном отношении к солдату. Однако Драгомиров, опираясь в своей проповеди на суворовскую школу воспитания XVIII века, заимствовал из нее и свои тактические воззрения: пуля—дура, штык—молодец. Драгомиров значительно усилил свойственное русской армии тяготение к ударной тактике. Идеалом наступления было движение без остановок в атаку; остановки стрелковой цепи во всяком случае должны были быть кратковременны; офицеры в цепи не ложились. Сомкнутые строи удерживались в черте неприятельского ружейного огня; стреляли преимущественно залпами, так как забота о сохранении стреляющих в руках командования перевешивала интерес к действительности ружейного огня в бою, на которую смотрели весьма скептически. Муштра проникала в стрелковую цепь.

Мирная численность нашей армии выросла и, перевалив к 1900 г. за миллион (1 020 тыс. офицеров и солдат + 60 тыс. казаков), превосходила на 45% численность 1876 г. Однако количество перволинейных войск увеличилось только на 17%; приращение пошло главным образом на образование самых дешевых и обеспечивающих на бумаге численное благополучие резервных войск. Вследствие продолжительного времени функционирования воинской повинности и увеличения мирной численности, общее количество подготовленных запасных, считая и сорокалетних бородачей, возросло по сравнению с 1877 г. в 5,5 раза и приближалось к 3 млн.

Офицерский запас накоплялся весьма медленно: несмотря на крайне легкое отношение к испытаниям на чин прапорщика запаса, количество ежегодно зачисляемых повысилось к 1903 г. только до 1 223, что давало накопление лишь десятка тысяч прапорщиков—не больше половины потребности в офицерах запаса при первой мобилизации армии; пополнение потерь являлось вовсе необеспеченным. В Манчжурии, где действовала только пятая часть русских войск, обеспечить их командным составом не удалось; в ротах часто не было ни одного младшего офицера; прапорщики запаса в Манчжурии еще не выступали в бою на первый план; вместо них действовали преимущественно зауряд-прапорщики, т. е. временные офицеры из сверхсрочных фельдфебелей и унтер-офицеров. Сверхсрочных было недостаточно по числу, и качество их было неудовлетворительно.

Россия уже имела экономические и социальные предпосылки для создания образованного и хорошо подготовленного кадрового офицерского корпуса, однако эти предпосылки не были использованы; офицеры получали жалкое вознаграждение; по крайней мере три четверти офицеров армейской пехоты состояли из лишенных всякого кругозора воспитанников юнкерских училищ, отнюдь не являвшихся представителями господствующих классов. Русская буржуазия была представлена в армии чрезвычайно слабо.

Сносное ведение занятий в пехоте допускалось количеством рядов в ротах только в пограничных округах; во внутренних округах, за выделением нарядов, оставались для занятий только новобранцы. Пехота стреляла плохо. По тактическим занятиям с офицерами велись только бумажные отчеты, в действительности они почти не производились. На маневрах войска внутренних округов выказывали свою совершенную неопытность в тактике; войска пограничных округов оставляли желать многого. Наша артиллерия с трудом переходила с рельс хозяйственных комбинаций, поглощавших ранее все ее внимание, на путь огневого и тактического совершенствования. Техника стрельбы с закрытых позиций находилась в зачаточном состоянии; новая скорострельная материальная часть изучена была плохо.

Вооружение армии было удовлетворительно; пехота имела трехлинейную винтовку, артиллерия перевооружалась трехдюймовыми скорострельными пушками образца 1900 и 1902 гг. Нам была известна система французской 75-*мм* пушки, прекрасной в техническом и тактическом отношениях; но для ее введения чинились неодолимые препятствия со стороны нашего артиллерийского комитета. Наши артиллерийские техники, сильные в вопросах баллистики и математики, дети в отношении боевых требований к артиллерии, слабо знакомые с современными производственными возможностями—создали с потерей времени свой, много слабейший образец. Граната для нового орудия вовсе не проектировалась, что сделало любой каменный дом почти неприступным для русских войск. Гаубиц вовсе не было. Плевненский опыт и настояния Драгомирова привели к введению полевых мортир образца 1886 г. Эти мортиры имели удовлетворительный огонь только на 1,5 *км* и в XX веке являлись совершенно устарелыми. Осадной артиллерии, перевооруженной образцом 1877 г., в дальнейшем оказывался минимум внимания.

Запасы огнестрельных припасов были рассчитаны на экономное расходование втечение короткой войны. Военная промышленность оставалась в размерах, установленных Милютиным. Производительность наших заводов оказалась недостаточной, чтобы обеспечить одну пятую часть армии, сражавшейся на Дальнем Востоке. Пришлось обобрать запасы, изготовленные для других частей армии, и дать заказы за границу. В Германии, Австрии, Франции было изготовлено—правда, с большим опозданием—по полмиллиона шрапнелей. Армия не имела никаких запасов обмундирования и обуви сверх неприкосновенных запасов частей войск; интендантство оказалось не в силах развить заготовки; если войска в Манчжурии остались одетыми и обутыми, то только за счет четырех пятых армии, остававшихся в Европейской России и пожертвовавших значительную часть своих мобилизационных запасов.

Система Обручева. В оперативном искусстве у нас господствовало схоластическое, оторванное от подлинной жизни учение Леера. Традиционное толкование военного искусства исключало возможность научного углубления в него. Эволюция XIX века оставалась неразгаданной. Академия генерального штаба замерла на эпохе Наполеона; толкование оперативного искусства Мольтке, данное Шлихтингом в ряде напечатанных трудов, оставалось для русских еще тайной.

В практике русской оперативной мысли дело обстояло еще слабее. Судьбами подготовки России к войне распоряжался Обручев, стратег сокрушения, с оперативным творчеством которого мы познакомились по плану войны 1877 г. Обручев, женатый на француженке и имевший во Франции недвижимую собственность, один из главных деятелей франко-русского союза, перестраивал всю систему вооруженных сил России под углом требований скорейшего завершения русского оперативного развертывания на Западе, дабы не позволить Германии обрушиться всеми силами на Францию в первые недели войны. Огромные русские пространства и слабая железнодорожная сеть, естественно, вызывали более продолжительные для России сроки мобилизации и сосредоточения. Поэтому Обручев в основу своей системы положил мысль о заблаговременном сосредоточении в западном пограничном пространстве двух третей русской армии. 29 армейских и 2 кавалерийских корпуса группировались в 1900 г. так: в Виленском, Варшавском, Киевском и Одесском округах—17 армейских и 2 кавалерийских корпуса; в столичных округах—Петербургском и Московском—по 3 корпуса; в Азии—на Кавказе, в Туркестане и Приамурьи—по 2 корпуса половинного по сравнению с нормальным состава, почему для статистических соображений правильно считать два азиатских корпуса за один. Итого на Западе—66%, близ столиц—21%, на трех театрах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока—13%. Ни одного перволинейного корпуса в пределах Поволжья и западной Сибири.

Для системы Обручева характерна ее антитерриториальность. Войска, квартировавшие в районах с преобладающим нерусским населением, оторвались от народных масс. Только 11% новобранцев оставались на службе в тех военных округах, где они родились и были призваны на военную службу. Перволинейные части, сосредоточенные на западе, при мобилизации должны были включить в свои ряды местных запасных—поляков, евреев, литовцев. Чтобы сохранить в этих частях во время войны преобладание русской национальности, приходилось их в мирное время комплектовать полностью из внутренних губерний, а всех поляков в мирное время отправлять на восток. Воинскую повинность 89% призванных приходилось отбывать в оторванных от родины условиях климата и быта, что отзывалось на них тяжело. В пограничных округах, несмотря на то, что войска содержались в усиленном мирном составе, запасных для мобилизации не хватало; приходилось прибегать к переброске 223 тыс. запасных из внутренних округов в пограничные. Так, в Варшавском военном округе нехватало 82 тыс. запасных, несмотря на призыв в первый же день всех сроков, даже 43-летних, пожилых людей, утративших уже физическую бодрость, забывших военную выучку и понижавших способность перволинейных частей к маршам и боевым действиям.

То обстоятельство, что значительная часть русской армии заблаговременно размещалась в мешке передового театра («царство польское») и легко могла быть ударами германцев на Белосток и австрийцев на Ковель отрезана от сообщений с внутренними областями России, не слишком смущало русских стратегов конца XIX века. Мы помнили плевненский опыт, когда только голод заставил капитулировать Османа-пашу, опиравшегося лишь на земляные укрепления, возведенные им втечение войны. Мы возвели на Висле укрепленный район Варшава—Новогеоргиевск—Зегрж и полагали, что отрезанные немцами русские войска сумеют отсидеться в нем и отвлекут на себя большие силы; продовольствие было заготовлено заранее, и успешность сопротивления возбуждала тем меньше сомнений, что в мышлении стратегии того времени допускалась лишь кратковременная европейская война. Крепости являлись существенным моментом обручевской системы.

Она представляла своеобразный флюс, вздувшийся в польских губерниях: там нагромождались войска, тратились большие деньги на строительство казарм (100 млн.), стратегических железных дорог (310 млн.), шоссе (28 млн.), крепостей (200 млн.) и интендантских заведений. В основном же материке русской территории—Московском и Казанском военных округах—размещалось только 10% войск, притом с жалкой организацией. Перволинейных частей после войны 1877/78 г. почти не формировалось; лишь в 1897 г. приступлено было к формированию новых 8 европейских дивизий, но и эта программа была сокращена вдвое. Наша армия, в начале и середине XIX века отличавшаяся многочисленностью своей артиллерии, теперь отставала от технического развития других армий; это были злые плоды Русско-турецкой войны, в которой полевая артиллерия сыграла скромную роль.

Творчество Обручева концентрировалось на создании резервной и крепостной пехоты—войск явно второго сорта; организация их стоила дешево, но в мирное время не давала сколько-нибудь сносной подготовки проходившей через нее части призыва; в военное время эти части были способны сильно расшириться и впитать большое число запасных. Мобилизация резервных частей затягивалась. Наша армия состояла как бы из двух частей: из 900 полевых батальонов плюс 135 батальонов крепостной пехоты, которые выставлялись в первую очередь на границе, и из 540 (в мирное время 128) резервных батальонов, второй линии организации, дрянного резерва, который должен был или усилить Западный фронт или удовлетворить все прочие направления и потребности государства, признаваемые второстепенными. Обремененные хранением и содержанием огромных неприкосновенных запасов и значительным караульным нарядом, резервные части по своему облику напоминали инвалидные команды корпуса внутренней стражи, уничтоженные после Восточной войны.

Принятая система давала для войны с Тройственным союзом бумажное благополучие значительного количества батальонов и эскадронов, быстро развертываемых на западе. Это кажущееся благополучие достигалось за счет резкого ухудшения качества войск и обеспеченности их техникой и тыловыми учреждениями. И эта система вовсе не отвечала требованиям борьбы на какой-либо другой границе России.

Выдвинутое в передовой театр развертывание находилось под большой угрозой и связывалось с огромным риском; вырвать из него какие-либо войска для других задач—это значило взять на себя ужасную ответственность, так как остающиеся части, в случае войны на Западе, обрекались на неизбежную катастрофу.

Дальний Восток. Как раз в тот момент, когда Обручев на основе безопасности азиатского тыла начал воздвигать свою одностороннюю военную систему, предпосылки неподвижности Азии в русском тылу прекращали свое существование. Наша тихоокеанская политика окрасилась в цвета империализма: спрямление Великого сибирского пути через Манчжурию, со сложными отношениями, вытекавшими из экстерриториальности полосы железнодорожного отчуждения и необходимости обеспечить ее русскими войсками; захват Квантунгского полуострова, постройка города Дальнего, намеченного на роль русского Шанхая, возведение укреплений Порт-Артура и перенесение на него базирования главных сил русского флота; попытки ведения активной политики в Корее,—все это находилось в резком противоречии с системой Обручева—поворотом русской стратегии спиной к Азии.

В 1885 г. Россия располагала за Байкалом всего 18 тыс. войск; по расчетам Приамурского военного округа, первый батальон, направленный к нему из Европейской России походным порядком, мог подойти на помощь только через 18 месяцев. Имевшиеся войска приэтом представляли по преимуществу линейные батальоны, т. е. части, предназначенные главным образом для удовлетворения местных потребностей правительственной власти в вооруженной силе и не получающие систематической подготовки для борьбы с внешним врагом. А Приамурскому военному округу приходилось защищать границу с Китаем, равную протяжению от Белого моря до Тифлиса, и сторожить огромную линию тихоокеанского побережья.

При оценке России как государства, борющегося на тихоокеанском побережьи, приходилось уже учитывать бесконечные пустыри Сибири; Россия оказывалась гигантской страной, но с населением всего в 6 человек на 1 *кв. км.* Наш противник—Япония имела в 55 раз меньшую территорию, но с населением в 19 раз более плотным (114 человек на 1 *кв. км*). Обширность нашей территории, оказавшая крупные услуги в 1812 г., невыгодно сказалась уже в войнах 1853—1856 гг. и 1877—1878 гг. и должна была повлиять особенно отрицательно на предстоявшее столкновение с Японией.

Рост русских вооруженных сил на Дальнем Востоке встречал весьма разнообразные препятствия: пустынность Приамурского края, отсутствие русского населения, которое давало бы запасных для мобилизации квартирующих там войск, отсутствие сообщений, за исключением немногих речных путей, необходимость обеспечивать предварительным казарменным строительством всякое усиление войск, дороговизна их содержания, сопротивление министерства финансов, нежелание военного ведомства пожертвовать в пользу Дальнего Востока какими-либо интересами оперативного развертывания на Западе. Обручев наотрез отказывался переводить на Дальний Восток какие-либо войсковые части, занимавшие хотя бы самое скромное место в плане западного развертывания. Если таковые части оказывались абсолютно необходимыми, то Приамурский округ должен был их формировать заново; для этого ему назначалась усиленная порция новобранцев. Пополнение командного состава встречало серьезные затруднения.

К моменту Японо-китайской войны (1895 г.) наши силы возросли до 30 тыс., в том числе уже 10 стрелковых батальонов; к 1900 г. (Боксерское восстание) численность увеличилась до 60 тыс., преимущественно за счет увеличения состава имевшихся уже частей; были сформированы I и II Восточно-сибирские корпуса; линейные батальоны, разрозненные по различным гарнизонам, обращались в стрелковые и сводились в полки и бригады; усиливался гарнизон Владивостокской крепости и развивались ее укрепления; было приступлено к усилению доставшейся нам от китайцев крепости Порт-Артур. Однако это были только полумеры, не находившиеся на высоте требований подготовки войны с Японией и не гармонировавшие с нашей политической активностью на Дальнем Востоке; ходатайство местного начальства о переброске, хотя бы на критический момент переговоров с Японией, двух европейских корпусов (X и XVII) было отклонено.

Военное министерство зашевелилось только осенью 1903 г., но было уже поздно. К 1 января 1904 г. численность русских войск была доведена до 97 тыс.; сверх того 24 тыс. Заамурского округа пограничной стражи охраняли Манчжурскую железную дорогу, тянувшуюся на 2 419 *км.*

Крупных сил не было, и сосредоточение их не являлось подготовленным образованием складов снабжения.

Сибирская железная дорога. В 1892 г., соблюдая требования крайней экономии, мы приступили к постройке железной дороги, долженствовавшей пересечь азиатский материк. В целях сокращения расходов железная дорога строилась не по типу магистрали, а по техническим условиям, допустимым для короткой ветки местного значения: одноколейная линия, легкие рельсы, узкое полотно, крутые подъемы и закругления, деревянные мосты, слабенькое водоснабжение, большие перегоны между станциями. Строители не ожидали особого развития движения по этому пути, пролегавшему по редко заселенной Сибири. Сибирская железная дорога являлась пугалом для держав, заинтересованных в тихоокеанских вопросах, но совершенно не отвечала размаху нашей империалистической политики: по заданию она в сутки должна была пропускать три пары поездов облегченного состава, ползущих со скоростью 12 верст и максимально—20 верст в час.

Дорога еще находилась в постройке, а станции ее были забиты грузами. В 1898 г. грузы на станциях ожидали своей очереди погрузки $3^1/_2$ месяца. Началось усиление дороги до семи пар в сутки, в 1900 г.—до десяти пар в сутки; эта норма на всем протяжении до Иркутска была достигнута только в 1903 г.; приэтом на горных участках поезда еще ходили с половинным составом вагонов. Переправа через Байкал происходила на ледоколах; в январе, вследствие толщины льда, ледоколы прекращали на 3 месяца навигацию, и в Сибирской железной дороге оказывался разрыв, подобно тому как в 1859 г. такие разрывы имелись в железных дорогах Ломбардии. К постройке Кругобайкальской железной дороги было приступлено в 1899 г., но готовность ее ожидалась только в 1904 г. Самым слабым участком Сибирской железной дороги являлась Забайкальская, которая пропускала только три-четыре пары облегченных поездов в сутки, а зимой и того меньше. На Китайскую восточную железную дорогу было истрачено много денег, но эта дорога, начавшая строиться в 1897 г., к 1904 г. обладала мощностью не свыше семи-восьми тяжелых пар поездов в сутки. Эта мощность особенно недостаточной являлась для участка Харбин—Порт-Артур; по этому участку должны были следовать в действующую армию все пополнения и все снабжение.

Военное ведомство, очень ревнивое ко всему, что имело отношение к ускорению развертывания на западе, чрезвычайно мягко предъявляло свои требования к постройке Сибирской и Китайской железных дорог; «щадя интересы народного хозяйства», оно делало скидки с требований, на которые было уполномочено царем. Годы 1899—1902 были потеряны для энергичного нажима на усиление Сибирской железной дороги; тревога была поднята только в 1903 г.

Втечение самой войны пришлось наверстывать потерянное время и более чем удвоить мощность Сибирской и Китайской железных дорог: с семи-десяти пар до двадцати-двадцати двух пар поездов. Чтобы развернуть станции и проложить новые разъезды, пришлось перебрасывать многие миллионы строительно-железнодорожных грузов по той же единственной линии, на которой каждый вагон был дорог для доставки войск. Чтобы обеспечить топливом разросшееся движение, пришлось развить в десятки раз добычу угля; путем прокладки новых больших шахт она была доведена, только в пределах Манчжурии, до 1,5 млн. *т* в год.

Начало русских перевозок по сосредоточению следует отнести на июль 1903 г., когда на Дальний Восток, под прозрачным предлогом поверки пропускной способности Сибирского пути, было двинуто 20 эшелонов—по одной немобилизованной бригаде X и XVII корпусов, без обоза, каждая с трехбатарейным дивизионом артиллерии. Половинчатость этого мероприятия бросается в глаза. С августа железная дорога была занята движением различных частей для Дальнего Востока; с половины ноября железная дорога приступила к спешной переброске 69 эшелонов новобранцев; на дороге уже образовался хвост из ожидавших своей очереди отправки железнодорожных, крепостных, понтонных, артиллерийских частей, команд пополнения для эскадры и усиливаемых воинских частей, скорострельной материальной части для перевооружения восточно-сибирских артиллерийских бригад и третьих батальонов для восточно-сибирских стрелковых полков. За три недели до начала войны, 18 января 1904 г., и интендантство раскачалось и предъявило к перевозке 64 млн. пуд. груза, требовавшего 146 грузовых эшелонов. Фактически удавалось проталкивать только по одной пятой грузового эшелона в сутки; так как указанных интендантством грузов и вовсе не следовало возить—это было преимущественно продовольствие для продовольственных пунктов на Сибирской железной дороге, коего в самой Сибири имелся избыток, то нераспорядительность интендантства, к счастью, дурных последствий не имела.

Пополнение и мобилизация войск Дальнего Востока, начатые за 3 месяца до начала войны, продолжались всего 7 месяцев и закончились к 28 мая 1904 г. В этот промежуток времени Сибирская железная дорога перевозила и 45 тыс. мобилизованных запасных Сибирского военного округа. С 9 февраля—начала войны—по 28 мая в Харбин прибывало по 2,6 воинских эшелона в сутки.

Первая частная мобилизация X и XVII корпусов, всего 3 пехотных и 2 кавалерийских дивизии, дала 287 эшелонов, которые прибыли к 22 июля со скоростью 3,5 эшелона в сутки. Вторая и третья частная мобилизация (V и VI сибирские, I армейский корпус) дала 402 эшелона, переброшенные к 5 октября со скоростью 5,7 эшелона в сутки. Эти 5,7 эшелона явились пределом быстроты накопления наших сил. Зима ослабила успешность работы железной дороги сначала до 5, затем до 4 и в апреле 1905 г. даже до 2,8 эшелона в сутки; весной 1905 г. мы почти вернулись к условиям работы железной дороги в начале войны. Летом 1905 г., несмотря на возросшую мощь железной дороги, суточное количество воинских эшелонов колебалось только около 5, так как перевалившая за полумиллион численность армии требовала выделения большого количества поездов под грузовое и санитарное движение. В 1904 г. поступало в среднем по 2,2 грузовых эшелона в сутки (за первые 5 месяцев войны даже только по 0,94 эшелона), а в 1905 г. количество грузовых эшелонов увеличилось вдвое—до 4,4 в сутки. Всего война потребовала направления по Сибирскому пути 2 698 воинских и 2 529 грузовых эшелонов (почти 1 млн. *т* груза). Война сложилась бы совершенно иначе, если бы Сибирский путь перебросил эти 5 227 поездов не в 20 месяцев, а в 5 месяцев, что вполне по силам хорошей двухколейной магистрали.

Морские силы России. До постройки Сибирской железной дороги, когда доставка подкреплений на Дальний Восток по сухому пути растягивалась свыше чем на год, Приамурский военный округ представлял в стратегическом отношении как бы отрезанную от основного материка русской территории колонию со своим отдельным небольшим гарнизоном; защита этой колонии была связана преимущественно с нашим господством на море. В момент Симоносекского мира протест России, Франции и Германии против японских захватов опирался не на сухопутные силы, а на морские эскадры, грозившие отрезать сообщения Японии с материком и нанести крупный ущерб этой островной державе. С 1902 г., когда сооружение железнодорожного пути через всю Сибирь, с выходами к Владивостоку и Порт-Артуру, начало приближаться к концу, флот перестал быть единственной опорой нашего положения на берегах Великого океана; однако успешные его действия могли чрезвычайно разгрузить трудности, с которыми приходилось считаться при действиях на сухопутьи. Флот являлся первой линией нашей обороны; его успешные действия могли или вовсе воспрепятствовать переброске японских войск на материк Азии или поставить ее под крупный риск и заставить отнести производство японского десанта к берегам Корейского пролива; театром борьбы могла стать Корея, а не Южная Манчжурия; кроме того Япония была бы вынуждена задержать значительные силы на островах для обороны своих берегов.

Уклон общей политики России, обратившей свое острие на грани XIX и XX веков не на Запад, а на Восток, отразился на том, что бюджет морского министерства начал расти значительно быстрее бюджета военного министерства. В царствование Николая I морской бюджет составлял 20% военного бюджета; при Александре II, после падения Севастополя, он уменьшился до 12,5% военного бюджета; при Александре III, с воскрешением Черноморского флота, морской бюджет вырос до 21%; а при Николае II, с обострением положения в Тихом океане, морской бюджет увеличился до 32% военного бюджета. Перед Русско-турецкой войной военный бюджет представлял 29%, а морской бюджет—4% всего государственного бюджета, а перед самой Русско-японской войной доля сухопутной армии уменьшилась до 18%, а флота—выросла до 6% государственного бюджета.

Подготовка наша к войне раздвоилась на морскую и сухопутную. Выделение крупных средств на флот являлось бы целесообразным, если бы на море мы добились превосходства над японцами. Все наши новые боевые суда направлялись в Тихоокеанскую эскадру. Наша программа постройки флота была шире японской, но тогда как она заканчивалась только в 1905 г., японская программа была завершена к лету 1903 г. Временно, казалось, морские силы Японии и России находились на одном уровне; Япония, купив перед самой войной строившиеся в Италии 2 броненосных крейсера, слегка перетянула численные соотношения флотов на свою сторону. В действительности на стороне Японии находилось значительное превосходство; тогда как Япония заимствовала у Англии лучшие типы боевых судов, наше морское ведомство, очень плохо руководимое, заимствовало во Франции очень скверный тип броненосца, создало ряд мало годных для боя, плохо бронированных больших крейсеров с артиллерией слабого калибра, выработало тип эскадренного миноносца, уступавшего японским по вооружению и скорости хода, отчего страдала наша разведка; качество снарядов и механизмов было неважно, личный состав флота не умел стрелять и плохо справлялся с требованиями современной техники; русская промышленность удорожала и затягивала постройку судов. При значительно превосходящих Японию затратах мы имели материально слабейший флот и хуже подготовленных моряков.

Другая причина превосходства японского флота заключалась в неизмеримо лучших условиях его базирования. Японский флот опирался на ряд прекрасных портов с оборудованными доками, арсеналами, позволявшими быстро ремонтировать пострадавшие суда. Стратегическое превосходство положения японских островов, со свободным выходом в океан, над положением Порт-Артура и Владивостока— континентальных портов, блокированных уже географическим положением Японии, таково же, как превосходство в Европе островных баз английского флота над базами по побережью Северного и Балтийского морей. Русский флот в Порт-Артуре должен был черпать во время войны свое снабжение по той же единственной Сибирской железной дороге и ремонтироваться кустарным образом. В случае, если бы в первые дни войны нам не удался сокрушительный удар на море, русская Тихоокеанская эскадра, лишенная корней, являлась обреченной: с каждым месяцем войны условия базирования должны были увеличивать перевес японцев на море.

Вооруженные силы Японии. В Японии наблюдалась полная гармония между решением завоевать себе положение великой державы с решающим голосом в тихоокеанских проблемах, утвердиться в Корее, вытеснить Россию из Южной Манчжурии, лишить русскую эскадру опорных пунктов, при помощи которых она могла бы оспаривать у японцев господство на море, и между напряжением всех сил государства по усилению армии и флота. Бедная еще в то время Япония увеличила за 8 предшествующих войне лет мирный состав своей армии с 60 до 150 тыс. человек, военный флот—с 79 тыс. *т* до 270 тыс. *т*. Втечение 8 лет перед войной с Россией издержки Японии на армию и флот поглощали 50—65% всего ее государственного бюджета—в 3 раза сильнейшее напряжение, чем в России.

Большим семейным праздником в Японии являлось отправление одного из членов семьи в армию; в противоположность пораженческим тенденциям, развивавшимся в России, в Японии все население приветствовало при каждом случае военных и поддерживало культ павших в бою; солдат, не выполнивший до конца своего военного долга, не нашел бы на родине возможности продолжать свое существование. Все это представляло прекрасные предпосылки для создания хорошей, боеспособной армии. В строительстве ее японцы отдали решительное предпочтение качеству над количеством. При общей численности населения в 45 млн. японцы содержали в мирное время 150-тысячную армию, т. е. втрое меньше, чем принятый в Европе мирный состав армии в 1% от населения. Зато в армию выбирались наиболее крепкие, здоровые люди, и армия была хорошо обмундирована и снаряжена; каждый солдат втечение 3-летнего срока действительной службы получал основательную индивидуальную подготовку. Стремление к высокому качеству видно из того, что мирный состав армии не разбрасывался по большому количеству частей; имелось всего 13 дивизий, но роты содержались в мирное время в составе 136 человек, и при мобилизации в роте 60% состава образовывали кадровые солдаты; запасные были не старше 27 лет и заканчивали действительную службу не дольше, как за 4 года до их призыва на войну.

В основном военная система Японии была заимствована у Германии. На год раньше, чем в России, в 1873 г. японцы установили у себя общую воинскую повинность. Успешному осуществлению воинской повинности весьма содействовала установленная в Японии в 1891 г. общая школьная повинность; в общеобязательном школьном обучении Япония намного обогнала Россию; как и в Германии, господствующие классы Японии сделали школу орудием политической подготовки школьников к призыву в войска.

Продолжительность действительной службы была 3 года, состояния в резерве—4 года, в ландвере—4 года, в ландштурме—8 лет. Не попавшие на действительную службу, но годные по здоровью, зачислялись в рекрутский запас. Количество вполне обученных людей в запасе, которыми располагала Япония, равнялось 350 тыс.; получившего лишь краткое обучение рекрутского запаса насчитывалось 180 тыс. Война с Россией потребовала призыва всего 1 185 тыс. человек; таким образом, к имевшемуся запасу пришлось добавить 655 тыс. необученных человек, которые во время войны получали тщательную четырехмесячную подготовку, прежде чем отправляться на театр военных действий. Война потребовала от Японии мобилизации 2,5% населения, что почти исчерпывало ее экономические возможности. Человеческий материал имелся в сравнительном изобилии, но прочно обученные солдаты становились все реже и реже; не было командного состава и кадров для вновь формируемых частей; пришлось усилять армию путем доведения рот до состава в 300 человек, что затрудняло управление в бою. К концу войны численность действующих японских войск, переброшенных из отечества в Манчжурию, Корею и на остров Сахалин, достигала 442 тыс.

Японская армия была воспитана в духе огневой тактики; особое внимание уделялось одиночной подготовке бойца; в разумных пределах применялась муштра. Учителем японского генерального штаба являлся прусский майор Меккель; японские начальники чрезвычайно последовательно стремились применять культивируемые школой Мольтке оперативные воззрения.

Вооружение японской и русской пехоты было почти равноценным; имея штыки во время огневого боя отомкнутыми, японская пехота могла давать несколько более меткий ружейный огонь; пулеметы у обеих сторон имелись еще в небольшом числе. Японская полевая артиллерия сильно уступала русской в дальности и скорострельности; к тому же 40% японских батарей имели на вооружении очень подвижный, но слабый по огню образец горного орудия; зато японцы, ученики немцев, имели небольшое число крупповских гаубиц, сохранили гранату для полевого орудия и компенсировали недостаточную дальнобойность своих батарей энергичным массовым введением их в бой; японские артиллеристы умели выбирать хорошо маскированные позиции.

Первоначально русский генеральный штаб оценивал Японию, как чрезвычайно серьезного противника. Однако донесения нашего военного агента вносили диссонанс в сочетание нашей политической активности и вялой военной подготовки. Он был сменен другим, который приноравливался к тому, что от него ожидали в Петербурге: японская армия обратилась в армию младенцев, с которой может справиться хороший конный отряд. Обращалось внимание на слабость религиозного чувства в японском народе, без чего будто бы невозможно создать хорошую армию; доказывалось ссылками на историю и экономику, что ни у японского народа, ни у японской армии нет будущего, что пройдут века, прежде чем японцы успеют внутренне усвоить сделанные ими так быстро внешние позаимствования европейского военного искусства. Нельзя сказать, что этим донесениям недалекого и угодливого военного агента верили, но они были удобны, так как не нарушали нашу безмятежность до начала военных действий. В общем мнения о японцах разделились.

Театр войны. Железная дорога делит Южную Манчжурию на равнинную—западную часть и на горную—восточную. Горы достигают лишь 600 *м* высоты, но имеют очень дикий и обрывистый вид; узкие хребты и узкие лощины, редкое население, отсутствие местных средств, стремительные, непроходимые горные потоки в случае дождя, перевалы с очень плохо разработанными колесными дорогами—существенно стесняют деятельность войск. Равнина заселена очень густо—до 300 человек на 1 *кв. км* и очень богата продовольствием. Север Манчжурии был заселен реже, не вся земля обрабатывалась, и местные средства не так изобиловали.

В дорожном отношении Манчжурия представляет колониальный ландшафт: развитие местной культуры не дошло не только до шоссированной дороги, но даже до самого жалкого моста на большаке—мандаринской дороге; а рядом с первобытным большаком протянулась уже навязанная европейцами железнодорожная магистраль с тяжелыми рельсами, огромными железнодорожными мостами—единственными в стране, просторными станционными постройками, приспособленными к обороне от мелких налетов. Климат осенью и зимой сухой; дороги в этот период превосходны; весной и особенно летом, представляющим дождливый сезон, дороги обращаются в море грязи.

Приамурский военный округ и в мирное время жил продовольствием, доставляемым Манчжурией. Развертывание русской армии в пределах Приамурья, вне Манчжурии, было немыслимо,—пришлось бы доставлять всю муку и овес по Сибирской железной дороге; последняя смогла бы прокормить имевшиеся на Дальнем Востоке 120 тыс., но от дальнейшего усиления их скоро пришлось бы отказаться. Продовольственные условия требовали выноса нашего развертывания в Манчжурию. По крайней мере на первое время надо было щадить ограниченные продовольственные ресурсы Северной Манчжурии и шире использовать богатства Южной Манчжурии.

При утрате нашим флотом господства на море южная оконечность Манчжурии—Ляодунский полуостров—представляла для русских крупные оперативные невыгоды. Ляодунский полуостров охватывается с востока Корейским, с запада—Ляодунским заливами; крайняя его оконечность, отделенная Цзиньчжоуским перешейком, носит название Квантунгского полуострова; на нем расположена крепость Порт-Артур—географический пункт, получивший чрезвычайное значение из-за укрывшейся в нем эскадры. Обязательная для русской армии задача—защита подступов к Порт-Артуру, тянула ее к южной оконечности Манчжурии. Между тем здесь она могла оказаться втянутой в боевые действия еще в начале своего оперативного развертывания; приэтом русская армия сковывалась базированием на единственную железнодорожную линию, отходившую от Харбина; по ней притекали новые силы, все снабжение, шла вся эвакуация, и она же являлась для русских единственным путем отступления. А японцы располагали на побережьи Ляодунского полуострова и в Корее охватывающей базой. Чем более выносилось бы на юг русское оперативное развертывание, тем более ему угрожало оперативное окружение.

Русский план войны. Русский план был проникнут стремлением к выигрышу времени; наши расчеты исходили из 210 тыс. перволинейных войск Японии и упускали, что последующие эшелоны японской мобилизации могут увеличить эту цифру в 2-3 раза. Если противник представлял только 200-тысячную армию, то, несмотря на медленный приток войск по железной дороге, при достаточном терпении мы могли выждать момент, когда у нас образуется достаточный перевес сил, и тогда вступить в решительное сражение. Развертывание выносилось к Ляояну, чтобы использовать богатые средства Южной Манчжурии и не уходить слишком далеко от Порт-Артура; ближайшей задачей являлось выжидание накопления крупных сил и выигрыш времени задержкой неприятеля на выгодных рубежах; приэтом мы должны были избегать всякого риска.

«Никакие местности, никакие пункты не должны иметь такое значение, чтобы, отстаивая их, мы могли бы доставить противнику победу над головными частями наших войск»,— писал Куропаткин.

Намеченные для Дальнего Востока подкрепления направлялись в следующем порядке: сначала IV Сибирский корпус, состоявший из резервных частей; затем X и XVII армейские корпуса—единственный внутренний резерв не лучших перволинейных войск, возможность снятия коих с развертывания против Тройственного союза была предусмотрена; эти корпуса имели уже по одной бригаде на театре военных действий; затем V и VI Сибирские корпуса, составленные из очень плохо обученных резервных частей Казанского военного округа. Мобилизации производились за 3 недели до отправления войск по железной дороге, причем части получали следуемых им по нормальному расписанию запасных.

Работа по подготовке укомплектований была возложена на 19 сибирских и дальневосточных запасных батальонов; на некоторые из этих батальонов Приамурский военный округ возложил и часть своих оборонительных задач.

Русская стратегия в этом плане путалась в учении Жомини о главном театре военных действий, которому надо приносить в жертву театры второстепенные, в представлении о наполеоновском сокрушении и о решительном моменте решительного удара. Манчжурия продолжала втечение первых 7 месяцев войны расцениваться как театр второстепенный по сравнению с западным. Куропаткин повторял ошибку Паскевича, расценивавшего в 1854 г. военные действия на Дунае, как второстепенные, и считавшего главной так и не состоявшуюся войну с Австрией. Куропаткин перед Русско-японской войной отказался пересмотреть наш план оперативного развертывания на западе с отнесением его на меридиан Минска [1],—а между тем это был первый этап, необходимая предпосылка для ведения войны на Дальнем Востоке. Только таким путем стратегия могла согласовать свои действия с требованиями политики. Первые же подкрепления на Дальний Восток следовало направить с берегов Вислы, где находились наиболее боеспособные русские войска; такая отправка подготовляла бы планомерную эвакуацию передового театра. Отношения с Германией в 1904/05 г. были вполне удовлетворительны; сохранить в неприкосновенности обручевское развертывание было невозможно; нельзя было вести большую войну на Дальнем Востоке, потребовавшую сосредоточения 800 тыс. войск, посылать туда лучший командный состав, старослужащих солдат, лучшие артиллерийские бригады, всю наличность снарядов и ружейных патронов, шинели и сапоги из неприкосновенных запасов, растаскивать по соломинке все, предназначенное для нанесения Германии сокрушительного удара, и продолжать верить в его осуществимость. Только тяжелые уроки поражения под Ляояном в августе 1904 г. заставили усвоить часть этой истины. Мы начали посылать, когда было уже поздно, наши лучшие части на Дальний Восток, но плана развертывания на западе мы не переделали и стояли в полном бессилии против Тройственного союза с руинами обручевского развертывания, переродившимися в план умышленной военной катастрофы.

---

[1] Соответственное указание было дано ему царем 26 октября 1902 г. Николай II не сумел настоять на проведении в жизнь этой основной предпосылки своей дальневосточной политики. Печальное торжество стратегии над политикой, хотя бы и ошибочной, готовившее горькое разочарование!

Достижение нами неизбежного решительного превосходства сил и ориентировка всего ведения войны на конечный сокрушительный удар являлись иллюзией, притом приносившей огромный вред.

Борьба за географические пункты, с которой должна была начаться война, утрачивала все предпосылки проявления войсками упорства, начальниками—решимости; а без этих предпосылок победы каждое боевое столкновение обязательно являлось нашим поражением. Даже не слишком углубленный анализ политического состояния России позволял предусмотреть, что стратегическое напряжение России не будет непрерывно нарастать, что кульминационная его точка не слишком удалена, что первые же неудачи разлагающе подействуют на нашу государственность, минированную с разных сторон; революционное брожение должно было неминуемо скоро начаться и отразиться прежде всего на боеспособности посылаемых на Дальний Восток войск. Действительно, мы наблюдаем наибольшую боеспособность в гарнизоне Порт-Артура, который еще до начала процессов распада был отрезан от России. Затем очень боеспособными показали себя сибирские полки, мобилизованные в первую очередь и не связанные слишком тесно с настроениями русских европейских губерний. Чем позднее мобилизовались части, тем менее удовлетворительно настроенных запасных получали они.

Война для России имела колониальный характер; воинская повинность вообще изобретена не для ведения колониальных войн; во всяком случае резервные части по своей организации отнюдь не приспособлены к дальним экспедициям. Нужно было оставить резервные части в покое; нужно было обратить особое внимание на мобилизацию отправляемых на Дальний Восток; для этого следовало использовать только три-четыре младших возрастных класса запаса; надо было смело итти на то, что такой отбор лучшей части запаса ухудшит условия мобилизации против Тройственного союза. Корпуса следовало мобилизовать последовательно, за 3 месяца до посадки в вагоны; войска следовало предварительно заставить отбыть трехмесячный лагерный сбор; они должны были бы тщательно, в полном составе провести усиленный курс стрельбы и повысить свои тактические качества учениями и малыми маневрами в полном составе военного времени; следовало войска перед отправкой на Дальний Восток экзаменовать и отчислять негодный командный состав; последний прием употреблялся лишь генерал-инспектором артиллерии по отношению к командирам батарей, не умевшим стрелять, а таковые оказывались в изрядном числе. Лучше, конечно, было бы расходовать наши средства в организованном виде, чем мобилизовать негодную резервную часть и пополнять ее затем командирами, солдатами, материальной частью за счет разрушения лучших полков.

Укомплектование. Нужно было готовиться к энергичному ведению военных действий с самого начала; конечно, надо было готовить сразу же и соответствующие укомплектования. От болезней и боев, не считая порт-артурского гарнизона, отрезанного от пополнений, армия понесла 230 тыс. потерь; для устройства тыловых учреждений и потребностей Приамурского военного округа требовалось 175 тыс., а всего нужда в пополнении достигала 405 тыс., или 22 тыс. человек в месяц войны. Возложение подготовки этих пополнений на 19 сибирских запасных батальонов, частично отвлеченных другими задачами, являлась насмешкой. Через 7 месяцев войны некомплект в армии оказался в 30 тыс., а через 9 месяцев некомплект возрос до 80 тыс. Только после ляоянского поражения военное ведомство сообразило добавить к существовавшим 19 запасным батальонам еще 123. Подготовленные ими укомплектования, исключительно запасные, двинулись в Манчжурию зимой 1904/05 г. Отбора запасных не производилось; на отдаленную войну призывались и сорокалетние крестьяне, физически ослабевшие, оставившие дома по шесть человек детей, отнюдь невоинственно настроенные и плохо подготовленные; 10% их дезертировали в пути. Они прибыли до решительной операции под Мукденом и испортили состав армии: в начале войны кадровых солдат в Манчжурии было 70%, а запасных—30%; к Мукдену отношение стало обратным—28% кадровых и 72% запасных; и все же некомплект в армии оставался в 50 тыс.

Когда судьба войны была уже решена под Мукденом, мы приступили к борьбе за качество; в составе 210 тыс. посланных после Мукдена укомплектований, запасных было только 17%, срочнослужащих 27% и 56% представляли подготовленные в европейских полках молодые солдаты для манчжурских армий. Сколько бед от непредусмотрительности! Управлять без предвидения нельзя.

Японский план войны. Мысль о том, что русские смогут собрать в Манчжурии свыше полумиллиона бойцов, была чужда японскому плану. Если русские упустили из виду второй эшелон японской мобилизации, то японцы исходили из существующей мощи Сибирской железной дороги и не предполагали, что русским удастся усилить более чем вдвое существующую ее пропускную способность. Вместе с тем японцы недостаточно учитывали возможности, имевшиеся у русской армии, довольствоваться местными средствами Манчжурии. Японцам представлялось, что русские, вынужденные вести с тыла большую часть снабжения и располагающие только тремя-четырьмя парами поездов для связи со своими центрами, за выделением одного корпуса для защиты Порт-Артура и одного корпуса—во Владивосток, не смогут сосредоточить в Манчжурии полевую армию силой свыше 100 тыс. человек. Борьба против этой слабой живой силы русских не выдвигалась японцами на первый план: у русских имелись безграничные возможности уходить внутрь материка, а японская армия имела слабую конницу, недостаточное количество обозов и очень мало железнодорожных частей, и потому не могла оторваться вслед за русскими на большое удаление от побережья.

Японское командование отдало поэтому решительное предпочтение географическим объектам. Важнейшим географическим объектом, на который нацеливались японцы, был

Порт-Артур. Овладеть базой русского флота можно было, лишь атаковав ее укрепления с сухого пути. Но высадка вблизи Порт-Артура, пока господство на море не было окончательно завоевано японцами, представлялась чрезвычайно рискованной и была связана с преодолением больших технических трудностей (большие приливы и отливы, тонкий лед в заливах, мелководье у берегов, заставлявшее морские транспорты останавливаться в нескольких километрах от них, и т. д.). Поэтому операция по высадке 2-й японской армии, предназначенной порвать сообщения Порт-Артура с Манчжурией, выдвигалась японцами только как второй этап войны. Первым же этапом войны являлся захват другого географического объекта—Кореи. Последняя была важна для Японии сама по себе; в войне с Россией на Корею выпадала роль промежуточной базы; высадка 1-й японской армии могла быть произведена здесь в спокойных условиях: войска в Корее могли устроиться, наладить свой тыл, организовать оккупацию, продвинуться к пограничной р. Ялу и форсировать ее. На р. Ялу, в 225 *км* горного пути от русской железной дороги, в начале войны японцы могли встретить только слабые силы русских. Переход через Ялу являлся уже некоторой угрозой русским сообщениям и должен был удержать русскую армию от поддержки всеми силами Порт-Артура. Тем самым достигалась предпосылка начала операции против Порт-Артура.

Тыл японской армии, атакующей Порт-Артур, должен был прикрываться со стороны полевой русской армии, собиравшейся в Южной Манчжурии. Богатая Южная Манчжурия, которую японцы стремились захватить под свое влияние в конечном результате войны, представляла третью географическую цель. Южная Манчжурия должна была явиться основным театром борьбы в поле с русскими войсками. Основу японского оперативного развертывания представляли 1-я и 2-я армии. Последняя должна была, после овладения Цзиньчжоуским перешейком, передать дальнейшее ведение операции против Порт-Артура 3-й, вновь высаженной армии, а затем повернуться на север. Операции 1-й армии от устья р. Ялу и 2-й армии—с юга, вдоль железной дороги, давали японцам выгоды оперативного охвата. Но так как эти армии были слишком удалены друг от друга и не могли оказывать взаимной поддержки, то на середине побережья между ними, у Дагушаня, намечалась высадка 4-й несколько более слабой армии.

Четвертым географическим объектом являлся ценный, главным образом для русских, Владивосток. По положению своему эта крепость была совершенно изолирована от южноманчжурского театра борьбы. Успешный и быстрый ход операций под Порт-Артуром и в Манчжурии позволил бы японцам попытаться захватить и Владивосток. Это был бы в их руках важный залог; при невозможности для японцев нанести России сокрушительный удар, владение таким залогом могло бы обеспечить им заключение выгодного мира и получение контрибуции. Просчеты, сделанные японцами в борьбе за Порт-Артур и на главном театре, вынудили их отказаться от атаки Владивостока и ограничиться захватом Сахалина, что представляло, однако, только слабое средство давления на русских при заключении мира.

Выдвижение японцами географических, ограниченных целей для сухопутных операций вполне отвечало характеру борьбы на измор, который должна была получить война между двумя государствами, лишенными возможности, ввиду удаления их центров, нанести друг другу смертельные удары. В завязавшейся борьбе географическим пунктам принадлежала важнейшая роль. Из того, что японцы уяснили это себе сразу, а мы отвергали,—сложились крупные выгоды для японцев.

Важнейшим недостатком японского плана являлась неосознанность необходимости быстрого развития стратегического напряжения. Для борьбы в Южной Манчжурии предназначались всего 3 армии общей силой в 8 дивизий (120 тыс.). Это должно было создать тяжелый для японцев кризис в конце лета 1904 г.

Мобилизация японцев началась за 54 дня до начала войны. Объявленная 17 декабря 1903 г., мобилизация являлась частной и охватывала только 23% японской армии— 3 дивизии, предназначенные войти в состав 1-й армии генерала Куроки. Момент объявления войны приурочивался японцами к разгару сибирской зимы, когда пропускная способность Сибирской дороги падала на трехмесячный срок вдвое по сравнению с летней нормой, Байкальская переправа замерзала и усиление паровозами и подвижным составом Забайкальской и Китайской дорог встречало огромные трудности. Несмотря на то, что в начале февраля дипломатические отношения были уже прерваны и неминуемость войны была для всех ясна, наша порт-артурская эскадра, вышедшая на внешний рейд крепости, чтобы быть готовой к активным действиям, по непростительной халатности морского командования стояла на якоре без достаточных мер охранения. В ночь с 8 на 9 февраля она была атакована 11 японскими миноносцами, которым удалось нанести минные пробоины 2 линейным кораблям и 1 крейсеру. Военные действия начались, причем японцы сразу же достигли значительного перевеса на море, что явилось первой предпосылкой осуществления сухопутной части плана войны.

Русский тыл. Несмотря на трудные условия снабжения русских войск на далекой окраине, все же удалось создать для них вполне удовлетворительные материальные условия. В создании этого материального благополучия большая заслуга принадлежит генералу Куропаткину, сначала командовавшему манчжурской армией, а потом, с отъездом наместника, адмирала Алексеева, назначенному главнокомандующим. Куропаткин, как и Паскевич, уделял огромное внимание вопросам довольствия войск; богатые средства Манчжурии и возросшие экономические и культурные навыки русских людей помогли ему справиться с этой задачей.

Конечно, русский тыл работал далеко не идеально. Театр войны не был достаточно разведан в продовольственном отношении; интендантство относилось с недоверием к заготовкам на месте и протащило-таки по загруженной Сибирской дороге 165 тыс. *т* муки и зерна, которые можно было достать на месте; интендантство тем самым мешало в мере своих сил накоплению живой силы. Интендантство порой обнаруживало вопиющую экономическую безграмотность; оно решило в начале войны щадить запасы зерна в Телине, в русском тылу, и скупать видимые запасы в порту Инкоу, на нашем фронте; отсюда между Телином и Инкоу образовался значительный разрыв цен; а так как эти пункты были связаны рекой Ляохе, судоходство по которой было свободно, то китайцы-купцы сплавляли зерно из Телина, где оно стоило дешево, в Инкоу, где они его продавали дорого; а наши интенданты покупали дорогое зерно в Инкоу и по железной дороге везли его в тыловые склады, в Телин; образовавшийся бессмысленный круговорот зерна был для нас явно убыточен. Расплачиваясь бумажными рублями, мы вовремя не заготовили серебра в слитках для поддержания курса нашей валюты и понесли большие валютные потери вследствие местного обесценения наших рублей. Были мошеннические заказы продовольствия в Америке, откуда оно не могло быть доставлено при господстве японского флота на море. Были перевозки соли на подводах, которые, по представленным счетам, обходились в 15 рублей с пуда; весной 1905 г., по нераспорядительности интендантства, сотни тысяч пудов мороженого мяса оттаяли и сгнили.

Однако армия хорошо кормилась, была обеспечена медицинской помощью, этапы были комфортабельно организованы. К зиме 1904/05 г. теплая одежда из России не была доставлена железной дорогой вовремя, но войскам была до холодов выдана импровизированная на месте теплая одежда полукитайского типа. Русский солдат показал себя в эту войну далеко не столь мало требовательным, как можно было бы ожидать; впрочем, армия, недостаточно подготовленная в политическом отношении, всегда должна кормиться особенно исправно.

Показателем нашего материального благополучия являются санитарные итоги: за 18 месяцев войны русская армия потеряла от болезней: умершими—7 368, исключенными в неспособные и эвакуированными—100 832, а всего—108 200 человек; мы не учитываем приэтом потерь порт-артурского гарнизона и на Сахалине [1]. Наши потери от болезней были значительно меньше потерь боевых—30 тыс. убитых и умерших от ран, 120 тыс. раненых. Тогда как в 1877 г. число умерших от болезней было втрое больше числа убитых, теперь отношение складывалось наоборот. 50% раненых возвращалось в строй; это показывает, что лечебные заведения уже справлялись со своей задачей. Другим показателем порядка в армии является ничтожная цифра (27 тыс.) пленных, потерянных за всю войну в поле (без Порт-Артура и Сахалина), несмотря на восемь крупных поражений, понесенных нами.

Эти достижения надо ценить тем более, что они были получены без чрезмерного разбухания нестроевого элемента: к концу войны из 844 073 человек, представлявших сосредоточенную на Дальнем Востоке вооруженную силу, в тыловых частях и учреждениях состояло 7,7%; в войсковом тылу имелось 13,8% нестроевых; наконец 10,2% строевых были откомандированы для хозяйственных целей. Итого количество оторванных от строя в целом равнялось 31,7%, т. е. на двух бойцов приходилось меньше одного нестроевого; это отношение для удаленного, почти колониального театра достаточно благоприятно.

---

[1] Общий итог для сухопутного фронта: 40 тыс. убитых и умерших от ран, 140 тыс. раненых, 13 тыс. умерших от болезней.

Если мы высоко оцениваем работу русского тыла в том, что он, хотя и дорого, полностью обслужил материальные нужды войск, то мы должны признать организацию его не выдерживающей самой снисходительной критики с оперативной точки зрения. Устройство тыла губило операции. Образцом для оперативной организации нашего тыла являлось как бы злосчастное положение лорда Метуэна в 1899 г. под Магерсфонтейном, когда он опирался на головную станцию железной дороги и веером от нее тыкался во все стороны, всюду встречая полукольцо укреплений буров. Наполеоновские методы сосредоточенного ведения войск жили не только в представлениях лордов Уайта, Метуэна и Буллера, но и в сознании русского генерального штаба и в частности в голове генерала Куропаткина. Уроков Мольтке и Шлихтинга для нас еще не существовало. Пережитки наполеоновского военного искусства вкладывались теперь в форму концентрации войск на узком фронте перед головной станцией железной дороги, исключавшую возможность оперирования против флангов и тыла неприятеля, толкавшую на применение ударно-таранной тактики и создававшую необычайную чувствительность русской армии к малейшей угрозе ее сообщениям.

Генерал Куропаткин вытребовал на театр войны 850 *км* узкоколейки (25% для паровой тяги, 75% для конной тяги); это могучее средство транспорта следовало бы применить для того, чтобы организовать транспорт из глубины по нескольким независимым направлениям и получить вместо базирования на одну точку—головную станцию ширококолейной дороги—широкий фронт из ряда узкоколейных головных станций. Имея так подготовленное базирование, мы могли бы хладнокровно относиться к оперативному маневру японцев, покушавшихся отрезать нам подвоз по одному из имеющихся направлений; мы получили бы сами возможность маневрирования против японских флангов. Для той же цели можно было бы использовать в полной мере и весь имеющийся колесный обоз, с помощью которого можно было бы также достигнуть отдельного базирования на самостоятельном направлении части армии.

Генерал Куропаткин, вместо достижения оперативных выгод, все средства транспорта обращал на повышение комфорта войск, на сокращение пути колесного подвоза; ни малейших усилий для достижения оперативной свободы, для расширения нашего базирования не делалось. Узкоколейки прокладывались веером от головной железнодорожной станции и дотягивались на 2-3 *км* до фронта почти всех корпусов. Такое же назначение—развозки снабжения вдоль фронта, устранения работы колесного обоза—получали и прокладываемые нами ширококолейные ветки. Летом 1904 г. армейские транспорты распределили свои повозки по полкам для возки солдатских шинелей. Достаточно было бы японцам охватить один из наших флангов на пару переходов в глубину или прорвать наш фронт близ магистрали на один переход в глубину, чтобы опрокинуть весь карточный домик таких комфортабельных сообщений и создать для русской армии катастрофическое положение. Военные действия в Манчжурии в оперативном отношении представляют с русской стороны эшелонную войну в гигантском масштабе: вылезли из поезда и рассыпались веером перед ним. Эшелонные потуги, конечно, являлись обреченными на неудачу перед лицом оперативно развернутого неприятеля. Необходимость упорной борьбы за широкий оперативный фронт еще не сознавалась.

Погоня за комфортом войск приводила к оперативным уродствам и другого порядка; так, конный корпус Мищенко, брошенный в январе 1905 г. в рейд на Инкоу, был обременен огромным колесным и вьючным транспортом с продовольствием, навязанным ему заботливым Куропаткиным; этот транспорт сковал нашу конницу по рукам и ногам; между тем на 12-й месяц войны мы должны были бы знать, что рейд будет происходить не в пустыне, а в одной из населеннейших стран нашей планеты, с урожаями, превосходящими в 5-6 раз самые плодородные территории России.

Японский тыл. У японцев плюсы и минусы тыла были обратные. Командование не слишком считалось с невзгодами, выпадающими на войска. Потери японцев на сухом пути в эту войну были значительны: 89 тыс. убитых и умерших от ран, 166 тыс. раненых, 26 тыс. умерших от болезней; эти потери больше русских в отношении убитых на 122%, раненых—на 19%, умерших от болезней—на 100%. Японские солдаты, чрезвычайно невзыскательные, получали вначале недостаточную мясную порцию, терпели от более сурового климата, чем тот, к которому они привыкли на родине; у них имели место эпидемии, не нашедшие себе почвы в русской армии. Огромные потери убитыми объясняются преимущественно наступательным характером их действий, в особенности штурмами Порт-Артура, и недостаточной поддержкой, которую давала слабая японская артиллерия.

Средства транспорта японского тыла надо оценить как жалкие. Лошадей в Японии было мало; приходилось выписывать лошадей из Канады и Австралии, чтобы обеспечить хотя бы наиболее насущные потребности перебрасываемых на материк войск. Японские войска грузились на морские транспорты с самым ограниченным обозом, запряженным неприхотливыми, но малосильными невысокими лошадками. Полковой обоз был исключительно вьючным и поднимал однодневный запас продовольствия. Дивизионный обоз состоял из легких одноконных двуколок и поднимал продовольствие на 4 дня. Солдаты несли на себе трехдневный запас продовольствия. Итого войска были обеспечены восьмидневным запасом. Армии своего обоза на родине не получили; они должны были, высадившись уже в Корею или Манчжурию, создать себе сами армейские транспорты, насколько это удастся, путем покупки подвод у населения. Создание таких транспортов, повидимому, удалось осуществить не скоро. Когда 1-я армия Куроки, перейдя р. Ялу, выдвинулась к Фынхуанчену, линия ее подвоза растянулась от Ялу на 70 *км*; за отсутствием транспортов, 1-я армия должна была организовать для доставки ей снабжения работу 60 тыс. кули с ручными тележками на этом протяжении. Подвоз на три перехода на ручной тележке—дальше этого нищете человеческой техники, кажется, итти некуда!

К началу войны японцы имели только один слабый железнодорожный батальон. Вместо того чтобы сразу использовать его для организации железнодорожной линии в ближайшем оперативном тылу, японцы вначале возложили на него постройку железнодорожной магистрали Фузан—Сеул; эта линия, начинавшаяся у Корейского пролива и пересекавшая вдоль весь Корейский полуостров, должна была бы обеспечить японским войскам связь с отечеством, если бы японцы утратили господство на море. С постройкой этой железной дороги во время войны японцы, однако, не справились и только даром отвлекли на нее втечение первых 6 месяцев войны свои слабые технические силы. Вместо обеспеченной связи с отечеством помощью этой железной дороги, на случай победы Балтийской эскадры или выступления в пользу России крупной морской державы, японцы затем решили сложить в городе Дальнем запасы в размере полугодовой потребности четырех переброшенных на материк армий. Железнодорожный батальон был направлен в тыл 1-й армии; к октябрю 1904 г., на 6-й месяц после форсирования р. Ялу, в тылу Куроки удалось построить железнодорожную узкоколейку протяжением в 50 *км*. Армия Куроки ушла уже от головы этой ветки на 150 *км*, но ветка продолжала строиться и сыграла значительную роль в решительной Мукденской операции.

Насколько было неопытно в железнодорожных вопросах японское командование—можно видеть из следующего. В середине мая 1904 г. японцы захватили южный участок Манчжурской железной дороги; приэтом им досталось 340 товарных вагонов и ни одного паровоза. Японцы попытались заказать в Америке паровозы русской ширины колеи, а пока, втечение 3 месяцев, поддерживали движение по захваченной магистрали доставшимися вагонами, передвигаемыми людской тягой. Только потеряв много времени на выяснение невозможности быстро получить в Америке паровозы требуемой ширины хода, японцы приступили к перешивке захваченной железной дороги на японскую колею и к доставке японских паровозов.

Как жители островов, японцы очень искусно пользовались для доставки войскам снабжения побережьем и устьями многих речек; на р. Ляохе они составили целую флотилию из джонок, и эта лодочная флотилия кормила 2-ю японскую армию, наступавшую поблизости, вдоль бездействовавшей железной дороги.

Японцы сильно уступали русским в средствах и технике транспорта, но в оперативном отношении японский тыл бесконечно превосходил русский. Японцы озаботились расширить свое базирование на все побережье Манчжурии, от р. Ялу до Инкоу включительно. Они с самого начала позаботились реализовать оперативный охват русских; за широкое базирование, за оперативный охват японцы держались крепко, хотя это им и обходилось дорогой ценой: с их жалким обозом им приходилось растягивать линии подвоза на 200 *км* отвратительных горных грунтовых дорог. Отрываться на четыре-восемь переходов от парового транспорта, протискивать ценой чрезвычайных усилий объемистые грузы по этим растянутым участкам, порой голодать и терпеть невзгоды, отказаться от всякого комфорта, но обеспечить себе оперативную свободу, подготовить оперативные клещи—таков основной мотив работы японского тыла. Он обеспечивал японским армиям возможность вести серьезные операции, тогда как русский тыл позволял русским войскам предпринимать от головной станции лишь лишенные всякого оперативного будущего вылазки. С жалкими средствами японцы ставили своему тылу широкие задачи, настойчиво работали и добивались своей цели. Их работа очевидно вдохновлялась идеями Шлихтинга.

Только после Ляоянской операции изголодавшиеся японские армии скучились в районе Ляоян—копи Янтай; немедленно последовало русское наступление, приведшее к операции на р. Шахе; это был единственный случай, когда русские и японцы находились, с точки зрения тыла, в равных оперативных условиях.

Борьба за Порт-Артур. Для обороны Квантунгского полуострова и крепости Порт-Артур Куропаткин выделил под командой генерала Стесселя крупные силы—43 тыс., в том числе 9 прекрасных восточно-сибирских стрелковых полков с 7 полевыми батареями. Военное ведомство располагало на Квантунге 452 орудиями и 48 пулеметами. Сверх того морское ведомство имело в Порт-Артуре огромные артиллерийские и технические средства; до 17 тыс. лучших, очень энергичных моряков приняли участие в защите крепости на сухом пути. Продовольствие и боевые запасы имелись в большом количестве. Сама крепость находилась еще в постройке, но по состоянию своих укреплений отнюдь не уступала лучшим старым русским крепостям [1].

К 1 мая, помимо сильных гарнизонов на Квантунге и во Владивостоке и охраны железной дороги, Куропаткин располагал в районе оперативного развертывания—в Южной Манчжурии—70 тыс. войск. Главные силы—45 тыс. собирались вдоль железной дороги от Ляояна до Гайчжоу; на нижнее течение Ялу был выдвинут Восточный отряд—18 тыс.; отступившая из Кореи конница Мищенко (2 500 сабель) наблюдала побережье у Дагушаня.

Армия Куроки (45 тыс.), подтягивавшаяся втечение 10 недель через Корею, 1 мая форсировала р. Ялу. Эта река течет в широкой долине и вместе с многочисленными островами имеет в своем нижнем течении до 5 *км* ширины; она образует преграду, почти равную Дунаю в 1877 г. Поучительно, что японцы стремились не только преодолеть препятствие, образуемое рекой, но и нанести поражение противостоящему русскому Восточному отряду втрое меньшей силы. Переправа японцев была связаны с широким маневром в охват русского левого фланга; некоторые японские части сразу после переправы совершили большой переход, и уже при отступлении, в 12 *км* от Тюренченского поля боя, один из русских полков резерва (11 Восточно-сибирский стрелковый) оказался окруженным и смог пробиться лишь ценой потери большей половины своего состава. Потери Восточного отряда втрое превышали потери японцев (2 800 человек и 1 000 человек).

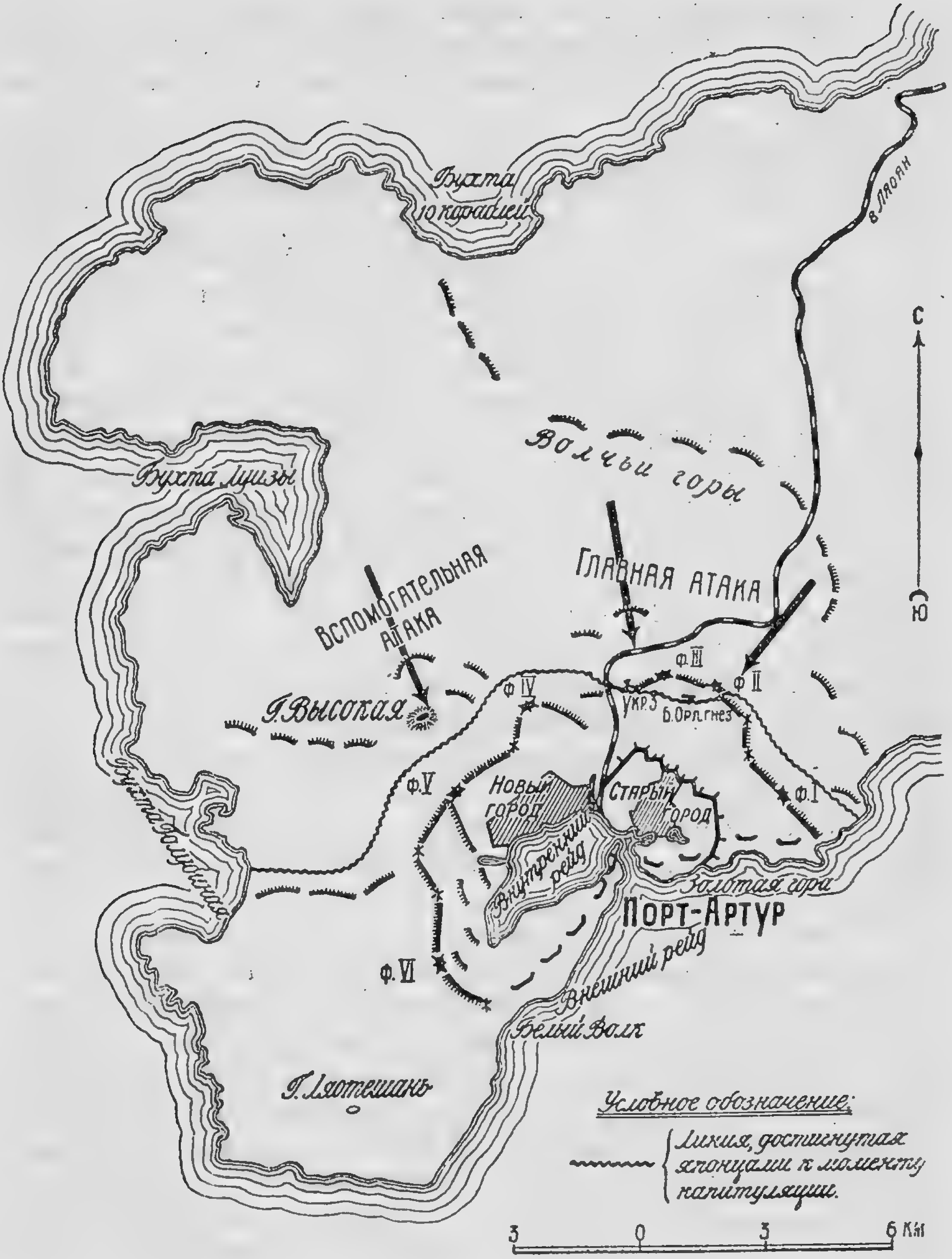
---

[1] Очень ценной являлась так называемая „китайская стенка“ — сплошная стрелковая позиция, выдвинутая почти на линию фортового объвода. Это китайское наследство не раз выручало оборону. Наши инженеры не додумались до развития широких стрелковых позиций в русских крепостях, что сильно бы разгрузило форты и создало бы истинный остров обороны. Заботы о подготовке фортовых промежутков в русских крепостях начались лишь с 1910 г. по настоянию генерального штаба.

Немедленно после получения известия об успехе Куроки, из Японии отплыла 2-я армия генерала Оку—40 тыс.; в промежуток между 4 и 12 мая боевые ее элементы высадились на манчжурском побережьи, в одном переходе к востоку от участка железной дороги Пуландян—Саньшилипу; потребовалось еще 2 недели, чтобы высадившиеся войска получили дивизионные тылы и приобрели некоторую способность к операциям.

Всякая крепость, изолированная от главных сил армии и базы, обречена на гибель; поэтому, ввиду высадки Оку, явно направленной против сообщений Порт-Артура, необходимо было напрячь все силы, чтобы по возможности отбросить армию Оку в море и во всяком случае затруднить ей маневрирование. Иначе величайшая географическая ценность — Порт-Артур — подвергалась крупной опасности. Необходимы были энергичное наступление с севера всех свободных сил и упорная защита Стесселем Цзиньчжоуского перешейка. Квантунгский полуостров надо было защищать в полном объеме, а не одну лишь крепость Порт-Артур. На этом полуострове, с затратой в 20 млн. рублей, был выстроен город Дальний—коммерческий порт Китайской восточной дороги, который представлял для японцев драгоценный пункт для базирования как дальнейшей атаки на Порт-Артур, так и действий в Южной Манчжурии.

В сознании нашего командования являлось недостаточно подчеркнутым, что крепость, утратившая связь с оперирующими в поле армиями, является только ловушкой для живых сил; мы еще жили пережитками, гласившими о самодовлеющей обороне крепости. Операция 2-й японской ар-


Бухта
Юкорадией
в Ляоян
С
Ю
Волчьи горы
Бухта Луизы
Вспомогательная
атака
Главная атака
Г. Высокая
Ф. IV
Ф. III
Ф. II
Укр. 3
Б. Орл. гнез
Бухта Голубиная
Ф. V
Новый город
Старый город
Ф. I
Внутренний рейд
Золотая гора
Порт-Артур
Ф. VI
Внешний рейд
Белый Волк
Г. Ляотешань
Условное обозначение:
Линия, достигнутая японцами к моменту капитуляции.
3
0
3
6 км

Черт. 33. Атака Порт-Артура в 1904 г.

мии по перерыву сообщений Порт-Артура не встретила ожесточенного отпора. Куропаткин боялся уклонить главные силы в мешок Ляодунского полуострова, к югу от Гайчжоу, и выдвинул с севера против японской армии только 1 батальон. Стессель выдвинул из Порт-Артура для обороны доступов на Квантунг 17 500 бойцов, но командовавший ими генерал Фок занял Цзиньчжоуский перешеек только 22%, а 78% своих сил выделил для наблюдения за побережьем, охраны своих сообщений с Порт-Артуром и в резерв.

Наш небольшой отряд—3 800 бойцов с 77 орудиями (преимущественно старыми китайскими) и 10 пулеметами—расположился в самой теснине перешейка; высоты, южнее его, на которых можно было развернуть большие силы, чтобы воспрепятствовать японцам дебушировать из перешейка, остались незанятыми. 26 мая 2-я японская армия (32 батальона, 200 орудий), поддержанная огнем 4 канонерок, обрушилась на слабые силы русских. Русские орудия, поставленные открыто, были подавлены огнем японской артиллерии в промежуток от 6 до 11 часов. В 10 часов утра японцы уже бросились на штурм, но нарвались на неподавленный огонь русской пехоты и пулеметов; японские канонерки молчали, так как начался отлив и они лежали на мели на боку. Около 16 часов прилив поднял канонерки, они возобновили огонь и подавили две русские левофланговые роты. Через эту брешь ворвались японцы; после упорного боя наш небольшой отряд, потеряв 36% своего состава убитыми и ранеными (пленных не было вовсе), отошел, бросив пушки и пулеметы. Потери японцев—4 200 человек—превышали наши втрое, но они достигли важной цели—получили доступ на Квантунг и откололи Порт-Артур от полевой армии.

Только две недели спустя генерал Куропаткин, уступая давлению опасавшегося за Порт-Артур наместника, адмирала Алексеева, и петербургских кругов, приступил частью сил к демонстрации, имевшей целью оттянуть внимание японцев от Порт-Артура. Корпус Штакельберга (33 тыс.) был выдвинут к ст. Вафангоу; но японцы высадили уже в Дальнем ядро 3-й армии Ноги, предназначенной для атаки Порт-Артура, и генерал Оку имел свою 2-ю армию (40 тыс.) свободной для наступления в северном направлении; 15 июня японцы нанесли Штакельбергу частное поражение и отбросили его в северном направлении. Порт-Артур остался предоставленным своим силам.

Уделив недостаточно внимания и сил для обороны Цзиньчжоуского перешейка, генерал Стессель в июне занял большей частью имевшихся войск позицию «на перевалах», на полпути между Дальним и укреплениями Порт-Артура; сознание необходимости оборонять дальние подступы к крепости пришло тогда, когда наиболее выгодное пространство, где Квантунгский полуостров стесняется и образует прекрасный Талиенванский залив, было уже отдано противнику. Позиция на перевалах была растянута на 23 *км* и вследствие своего горного характера крайне затрудняла использование обороняющимся артиллерии. Крутые обрывы на фронте создавали иллюзию неприступности нашего расположения.

В середине июля 3-я японская армия усилилась, 26 июля перешла в наступление и к 27 июля овладела одной из вершин, образовавших русскую позицию, что вызвало падение ее на всем протяжении. Попытка генерала Стесселя устроиться на Волчьих горах—возвышенностях в черте дальнего артиллерийского огня с основной позиции крепости—не удалась; уже 30 июля японцы овладели Волчьими горами, где русские не успели еще организоваться [1]; с этого момента в расположении японцев оказались уже превосходные артиллерийские позиции для атаки самого крепостного обвода; 9 августа японцы владели уже всеми исходными позициями для атаки крепости. Порт-Артур становился ненадежным убежищем для эскадры. 10 августа эскадра сделала попытку прорваться во Владивосток. Но после удачного начала боя с японской эскадрой наш адмирал Витгефт был убит, а его заместитель, князь Ухтомский, повернул в Порт-Артур, куда эскадра и собралась на следующий день, за исключением 1 броненосца, 2 крейсеров и 4 миноносцев, прорвавшихся в нейтральные порты и там разоружившихся.

Силы 3-й японской армии (46 тыс.) уступали численности прекрасного гарнизона крепости (с моряками); в распоряжении японцев находилась артиллерия, слабейшая по количеству и качеству артиллерии Порт-Артура; орудий калибром свыше 15 *см* у нее не было; за отсутствием тяжелых гаубиц, японцы были лишены возможности сколько-нибудь серьезно повредить бетонные казематы крепости [2]. Тем не менее генерал Ноги решил немедленно же повести ускоренную атаку на крепость и овладеть ею в несколько дней; главная атака направлялась на самый сильный в инженерном отношении фронт крепости—восточный.

---

[1] Несомненно, ошибкой было стремление русских устроить Порт-Артур, как традиционную крепость, с круговым обводом укреплений. Следовало отрезать часть Квантунгского полуострова—или по Волчьим горам к бухте Десяти кораблей или к бухте Луизы, что даже не вызвало бы удлинения фронта и дало бы более выгодные позиции для обороны. Но мы традиционно стремились к кольцевой крепости.

[2] Пароход с тяжелыми гаубицами для атаки Порт-Артура был потоплен русскими владивостокскими крейсерами.

После короткой, всего двухдневной, бомбардировки японцы 21 августа начали яростно атаковывать крепостную позицию. Японская артиллерия плохо подготовила штурм: вместо того, чтобы сосредоточить огонь на главном направлении атаки и в особенности на подавлении огня русских батарей атакованного фронта, японцы разбросали свой слабый огонь по всей территории крепости, в том числе по городу и по рейду со стоявшей на нем эскадрой. Батареи крепости были вследствие этого недостаточно подавлены. Несмотря на это, были моменты, когда участь крепости висела на волоске. Мы потеряли несколько второстепенных укреплений на фронте главной атаки и несколько высот (гора Угловая) на западе, где велась вспомогательная атака; японцам удавался уже прорыв внутрь крепостного обвода, и если бы не отборный состав гарнизона, Порт-Артур был бы взят с первого налета. Энергичные контратаки мелких частей гарнизона и огонь пушек, пулеметов и русских стрелков втечение трех дней штурма деморализовали японцев; последняя атака, в ночь на 24 августа, характеризуется уже отказом части измученной японской пехоты наступать. Командующий 3-й армией генерал Ноги, уложив за 3½ суток третью часть своей армии—14 тыс., должен был отказаться от поставленной цели—захвата Порт-Артура ускоренной атакой. Это был крупный успех гарнизона; потери последнего достигали 6 тыс.

На западном фронте крепости находилась гора Высокая, не имевшая долговременных укреплений. С вершины этой горы открывался обзор на весь внутренний рейд Порт-Артура. Захватив эту гору и выдвинув на нее артиллерийского наблюдателя, японцы могли бы расстрелять всю порт-артурскую эскадру. Скорейшая ее ликвидация была важна для японцев, так как 11 октября из Либавы должна была выступить вторая русская эскадра, и соединение двух русских эскадр могло бы поставить японцев в трудное положение. Поэтому в направлении японцами усилий против Порт-Артура замечается шатание: после каждой неудачи на фронте главной, восточной атаки японцы переносили свою активность на запад, против горы Высокой. С 19 по 23 сентября руководившему обороной горы Высокой генералу Кондратенко удалось отбить ряд яростных частных атак японцев.

К 1 октября японцы значительно усилили свою артиллерию под Порт-Артуром. Она была доведена до 112 орудий полевых калибров, 108 орудий горных, 122 орудий среднего калибра, 18 тяжелых гаубиц и 29 морских пушек— всего 389 орудий. Современных скорострельных образцов в их составе было только 20%, гаубиц и мортир—только 40%. Навесный огонь японцев был слаб; главную силу атаки представляли 18 гаубиц 27-*см* калибра, устаревшего образца, которые были сняты японцами с вооружения береговых батарей. Огонь этих гаубиц не отличался меткостью; их тяжелые чугунные бомбы несли разрывной заряд всего в 20 фунтов черного пороха; современная бомба полевой 15-*см* гаубицы имеет более сильное разрывное действие. Однако этим тяжелым гаубицам иногда удавалось пробить тонкие (4-футовые) своды порт-артурских казематов, что лишало гарнизон уверенного, спокойного отдыха.

В октябре и ноябре японцы приблизились сапными работами к гласисам фортов, устроились на них, начали подрывать минами контрэскарпы и оброняющие рвы постройки. Но попытки продвинуться ускоренным образом нами успешно отражались. 26 ноября японцы признали обстановку назревшей для нового общего штурма восточного фронта. Исходное положение японцев находилось всего в нескольких десятках шагов от линии огня штурмуемых укреплений. Но проскочить это короткое расстояние оказалось не легче, чем вести в августе атаку с большого удаления. Огонь русских втечение первых 30 секунд штурма смел на многих участках 50% атакующих пехотных частей. Японцы, уложив 5 тыс., были повсюду отбиты.

Эта неудача вновь направила энергию японцев против горы Высокой. С 28 ноября многочисленная артиллерия обстреливала гору Высокую; энергичные атаки следовали одна за другой .Ряды защитников Высокой таяли и не получали достаточного пополнения. Мы отбивали атаки, но несли от артиллерийского огня большие потери; артиллерийский огонь выкуривал защитников; в конечном счете русские скорее бросили свои разбитые окопы, чем японцы захватили их. За восемь дней боев на горе Высокой потери японцев достигали 10 тыс., потери русских—6 тыс. 6 декабря на вершине Высокой сидели уже японцы, а на следующий день оттуда артиллеристы корректировали огонь батарей по русской эскадре.

11 декабря эскадра была уже расстреляна и окончила свое печальное существование. Началась агония крепости. 15 декабря был убит генерал Кондратенко, подлинный вождь обороны. Гарнизон был обессилен громадными потерями;

вместе с моряками в Порт-Артуре насчитывалось 12 тыс. убитых и умерших от ран, 3,5 тыс. умерших от болезней, свыше 20 тыс. раненых; лучшие командиры, наиболее стойкие бойцы—уже не существовали; госпитали были переполнены; на крепостном фронте насчитывалось еще 14 тыс. бойцов, но это были физически и морально истощенные люди.

18 декабря японцы овладели одним из фортов (№ 2) главной крепостной позиции, через 10 дней—другим (№ 3); 31 декабря с взятием укрепления № 3 японцы овладели основным участком атакованного восточного фронта, и русские отошли на вторую оборонительную линию. Потеря участка линии фортов сама по себе не ставила гарнизон в безвыходные условия; оборону можно было бы продолжать дальше, но все желающие драться уже сложили свои головы на главной крепостной позиции. Поэтому, когда японцы 1 января 1905 г. повели атаку на вторую оборонительную линию, им удалось сейчас же овладеть важнейшей ее частью—высотой Большого орлиного гнезда. Можно было бы продолжать драться на последующих тыловых позициях, не сдавать крепость, а предоставить японцам забрать ее по частям, что представляло единственный почетный выход; но упавший духом генерал Стессель вступил в переговоры с японцами и 2 января капитулировал.

С 30 июля, когда японцы овладели Волчьими горами и вплотную приблизились к Порт-Артуру, оборона крепости продолжалась 155 дней; потери японцев в борьбе за Порт-Артур достигали 80 тыс. Этот совершенно исключительный успех обороны крепости был достигнут благодаря слабости японской техники, в особенности недостаточности—количественной и качественной—японской тяжелой артиллерии, а также отборного состава русского гарнизона. Русская эскадра после своей неудачной попытки пробиться помогла крепости своими богатыми техническими средствами и прекрасными молодыми силами.

И при всех этих исключительно благоприятных условиях Порт-Артур все же едва не был захвачен японцами в первые же дни, с налета.

Японцы исходили из совершенно правильной, заимствованной в Германии идеи, что при современной технике наступление в борьбе за крепость получило такой перевес, что овладение последней отнюдь не требует применения доставшихся нам в наследство от XVIII века традиционных методов постепенной атаки. Современные крепости не могут противиться методам атаки открытой силой, поддержанной хорошей артиллерией. Но японцы, усвоив верную идею, не озаботились подготовить соответственные средства, не обучили армию приемам атаки долговременных позиций, не создали заблаговременно необходимую артиллерию. При всех штурмах японцы прорезали проходы в проволочных заграждениях вручную; не было ни орудий, ни снарядов, чтобы снести проволоку; одно это уже свидетельствует о недостаточности японских артиллерийских средств. Руководство японской атакой Порт-Артура нагромоздило ряд тяжелых ошибок; только великолепная политическая подготовка японского народа и армии к войне позволила японским войскам выдержать без разложения ряд боевых приказов, коими генерал Ноги гнал свою пехоту на неподготовленные штурмы.

Успех обороны Порт-Артура, вызванный рядом случайных причин, позволил сохранить иллюзию возможности длительного сопротивления крепости, изолированной от полевых армий. Крепости с поясом фортов, находившиеся в конце XIX века уже накануне ликвидации, вследствие ошибочных заключений из опыта Порт-Артура [1] сохранились частью до Мировой войны. Их гарнизоны, составленные из слабых резервных и ополченских формирований, и отдаленно не напоминали по своей боеспособности прекрасную порт-артурскую пехоту и моряков; и в той сфере концентрированного применения самой ужасной техники, каковой является крепостная борьба, эти сильные числом, но слабые духом и обучением гарнизоны были обречены разлагаться и капитулировать в немногие дни. Крепости существовали в истории лишь при возможности использовать для обороны их мало годные к полевому бою части. Крепости, требующие отборного состава защитников, утрачивают всякий смысл.

Ляоянская операция. Втечение лета 1904 г. японцы медленно двигалась на Ляоян: с востока—1-я армия Куроки, 45 тыс., и с юга—2-я армия Оку, 45 тыс., и 4-я армия Нодзу, 30 тыс. Высаженная в Дагушане армия Нодзу с трудом снабжалась и сблизилась с армией Оку, чтобы воспользоваться ее лучшими условиями подвоза—вагонами, передвигаемыми вручную, и джонками. Неблагополучие тыла 1-й армии задерживало продвижение японцев. Преодоление 200 *км* бедной горной местности между р. Ялу и Ляояном потребовало 4 месяцев.

---

[1] Из успешной обороны французскими полевыми войсками позиционного фронта на территории крепости Верден в 1916 г., в которой верки крепости были непричем, современные адвокаты крепостей и ныне стремятся почерпнуть доводы в пользу строительства крепостей.

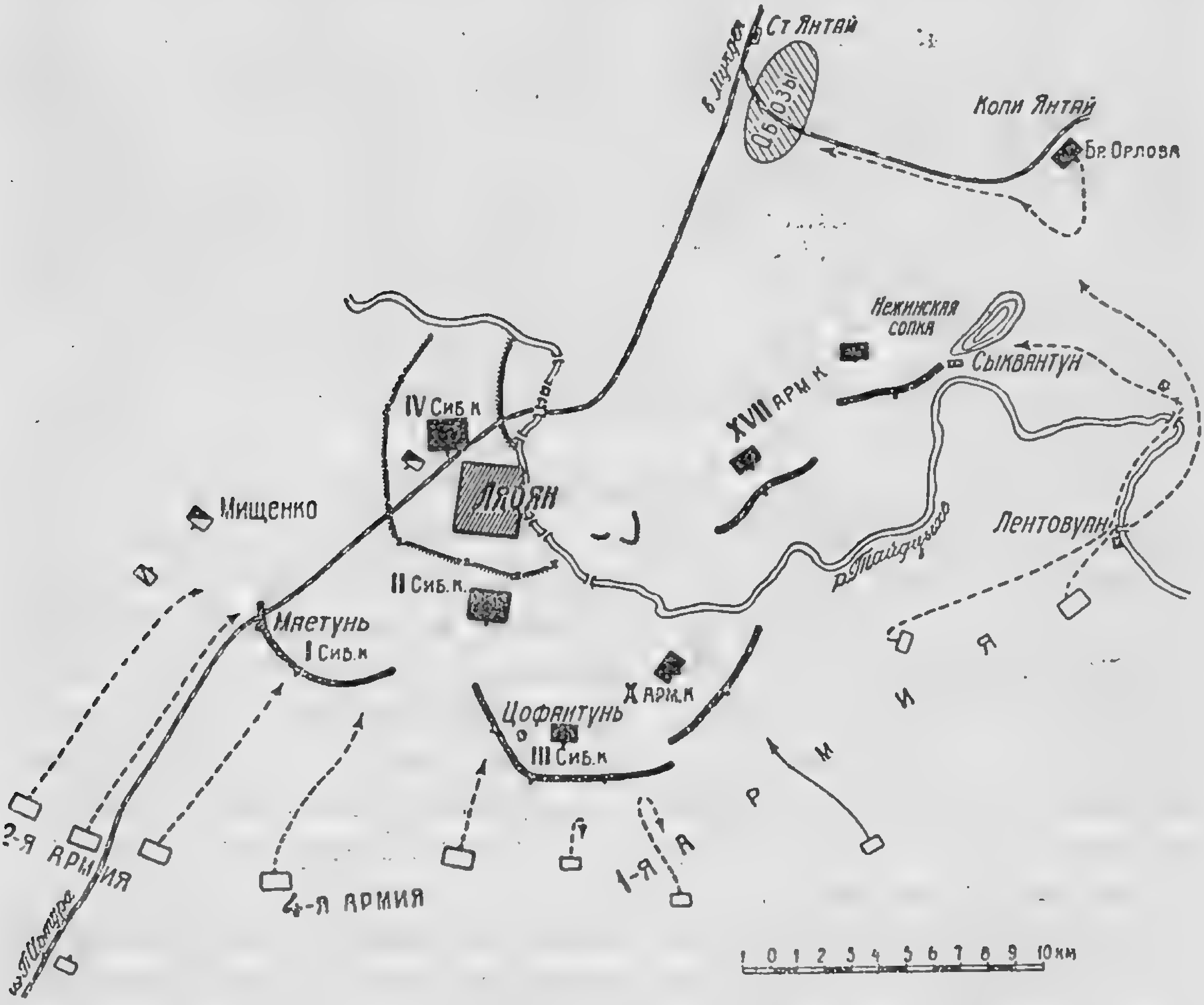
Куропаткин, верный своему плану—не рисковать армией до получения решительного превосходства в силах и приносить в жертву этому сосредоточению все географические интересы, предписывал начальникам войск, выдвинутых на все три направления, по которым наступали японцы, не доводить боев до кризиса, который бы мог повлечь полный разгром русской авангардной группы, и своевременно отходить. Поэтому ряд выгодных случаев, представлявшихся русским при обороне Ташичао, Симучена, р. Ланхэ, под Ланьдясанем, против наступавших в равных силах японцев остался неиспользованным; каждый бой неизменно не доводился до конца и завершался отступлением русских; искусство выхода из боя было доведено русскими до высокого совершенства, но войска морально ослаблялись этой систематической неустойчивостью командования.

Куропаткин не видел никакой беды в том, что по мере отхода к Ляояну восточной и южной групп русской армии расстояния между ними сближаются, и вся Манчжурская армия сжимается в один кулак. Пережитки наполеоновской стратегии заставили Куропаткина признать «недостаточно сосредоточенным» и расположение 23 августа, когда южная и восточная группы, силой каждая в 3 корпуса, находились всего в одном переходе к югу и востоку от Ляояна. 27 августа, при известии о частной неудаче в X корпусе, Куропаткин распорядился стянуть всю армию на ляоянские позиции.

Последние представляли предмостную позицию с двумя линиями редутов сильной профили, занимавшую площадь на 5 *км* удаления перед шестью мостами через р. Тайдцыхэ, и линию передовых позиций, вынесенных на 9-10 *км* от мостов. Эти передовые позиции, в секторе между железной дорогой и рекой, протягивались на 25 *км* по высотам, командующим предмостной позицией, и образовывали две группы—маетунскую, на пути отхода Южного отряда, и цофантунскую, на пути отхода Восточного отряда, с небольшим промежутком между ними.

Силы русских достигали 170 тыс. с 644 орудиями, силы японцев—130 тыс. с 400 орудиями. Куропаткин распределил свой полуторный перевес так: 43% пехоты (I и III Сибирские корпуса, X армейский корпус) он развернул на передовых позициях; 28% (II и IV Сибирские корпуса) составляли резерв в предмостном укреплении; 13% (XVII армейский корпус) были выдвинуты по северному берегу р. Тайдцыхэ для противодействия попыткам японцев обойти передовые позиции с севера и отрезать железную дорогу; 9% пехоты и сильная конница охраняли правый фланг и тыл и 7% несли этапную службу.

29 августа японцы установили соприкосновение с русскими по всему фронту передовых позиций. Силы их были явно недостаточны для предстоявшей им задачи. Японцам приходилось расплачиваться за неверную оценку мощности Сибирского пути и быстроты накопления сил Манчжурской армии. На родине у них еще оставались 2 полевые дивизии, обеспечивавшие оборону берегов и, вероятно, содействовавшие формированию многочисленных резервных частей; однако крупного усиления японский главнокомандующий мог ожидать только в начале октября. 24 августа была отбита ускоренная атака армии Ноги на Порт-Артур, и она оказалась прикованной к крепости еще на долгое


Ст Янтай
в Мукден
Обозы
Копи Янтай
Бр. Орлова
Нежинская сопка
Сыквантун
XVII арм. к.
IV Сиб. к.
Ляоян
Мищенко
II Сиб. к.
р. Тайдцыхэ
Лентовупн
Мяетунь
I Сиб. к.
Х арм. к.
Цофантунь
III Сиб. к.
2-я армия
4-я армия
1-я армия
в Ташичао
1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 км

Черт. 34 Ляоянская операция 27/VIII—4/IX 1904 г.

время. Между тем, к русским притекали ускоренным темпом, по 6 эшелонов в сутки, новые силы; с 21 августа выгружался V Сибирский корпус, а за ним непосредственно следовал I армейский. Так как в ближайшее время соответствие сил могло сложиться для японцев еще более невыгодно, то главнокомандующий Ойяма решился наступать.

Атаки всех трех армий должны были начаться 30 августа и направляться на передовые позиции русских. Однако генерал Куроки, наблюдая движение русских обозов, отходивших к ст. Янтай, чтобы не загромождать тесной внутренности предмостной позиции, составил себе внешне ошибочное впечатление, что русские уходят от Ляояна и будут только задерживать японцев своими арьергардами. Ввиду этого Куроки решил оставить для атаки передовых позиций совместно с IV и II японскими армиями только половину своих сил, а половину — полторы дивизии — перебросить у селения Лентоуван на северный берег р. Тайдцыхэ для непосредственного давления на сообщения русских.

Бои 30 и 31 августа представляют неуспешную фронтальную атаку 81% японских сил на 43% русских, удерживавших передовые позиции. Попытки Оку охватить передовые позиции западнее железной дороги отражались конницей Мищенко и небольшими частями общего резерва. Настроение русских войск было приподнятое; переданное на позиции сообщение об отбитом штурме Порт-Артура встречалось повсюду громким «ура». Перед левым крылом передовых позиций, занятым частями X корпуса, японцев почти не было вовсе.

В условиях громадного превосходства русских сил перед Куропаткиным открывался редкий случай добиться победы наполеоновским методом прорыва: переправившиеся севернее Тайдцыхэ части японцев можно было сдерживать войсками XVII армейского, V Сибирского и начавшего высаживаться I армейского корпуса. Бой же на южном берегу Тайдцыхэ, столь счастливо начатый, следовало развивать с полной энергией, используя прорыв, оказавшийся в расположении японцев против X корпуса, и перейти здесь в решительное наступление, бросив сюда и главную массу общего резерва. В этих условиях можно было рассчитывать захватить прорывом сообщения армии Куроки, нанести ей полное поражение и тем вынудить к отступлению и остальные японские армии.

Однако, при современной громоздкости ведения операции, прорыв, заставляющий рисковать своими сообщениями и стесняющий их в узком коридоре, требует огромной решимости. Куропаткин на него не пошел, тем более что его разведывательное отделение преувеличивало силы японцев в полтора раза против действительности. При последующем анализе сосредоточенное положение иногда оказывается представляющим благоприятные моменты, но предвидеть их заранее нельзя, и нет возможности к ним планомерно стремиться. И Бенедек в 1866 г., и Куропаткин в 1904 г., естественно, пропустили эти благоприятные моменты. Нормально удар из сосредоточенного положения у Ляояна на восток, вдоль южного берега Тайдцыхэ, мог явиться только вылазкой, без какого-либо оперативного будущего. Случайно обстоятельства сложились так, что эта вылазка могла обратиться в оперативный прорыв, но на такой случайности невозможно строить план действий.

Куропаткин избрал другой метод действий, который, казалось, должен был дать более скромные, но верные результаты: он распорядился очистить передовые позиции южнее Тайдцыхэ, занял предмостные позиции главным резервом; освободившиеся I и III Сибирские и X армейский корпуса должны были спешить на помощь XVII армейскому и V Сибирскому корпусам. Против трех четвертей японских сил Куропаткин оставил 28% русских войск, а 66% бросал против 25% японцев, перешедших реку и грозивших нашим сообщениям.

В ночь на 1 сентября начался маневр; русские войска незаметно ускользнули с передовых позиций; 2 и 3 сентября атаки 2-й и 4-й армии на предмостную ляоянскую позицию не имели ни малейшего успеха. Японцы понесли крупные потери и находились на пределе своих физических и моральных сил. Но на северном берегу Тайдцыхэ обстановка сложилась невыгодно для русских: японцам в ночь на 2 сентября удалось после упорного боя выбить части XVII корпуса из деревни Сыквантунь и Нежинской сопки. 2 сентября должно было начаться русское наступление. Первой двинулась с севера резервная бригада Орлова (V Сибирского корпуса), только что прибывшая на театр военных действий. В высоком гаоляне она столкнулась с японской бригадой и бежала, охваченная паникой. Настроение наших войск, находившихся с 23 августа или в бою или совершавших ночные марши, резко упало. У японцев почти не было снарядов; наше превосходство заключалось в артиллерии; между тем, усталые и начавшие нервничать X и XVII корпуса были двинуты в атаку в ночь на 3 сентября, что сводило на-нет наше превосходство в артиллерии; ночная атака выродилась в ряд разрозненных ударов; войска сталкивались друг с другом, местность была незнакомая, карт не было; I и III Сибирские корпуса прибыли на поле проигранного уже боя и с трудом сохраняли порядок. Последние усилия, на которые были способны войска, были растрачены на ночные марши; I и III Сибирские корпуса вложили все свои силы и надежды в оборону передовых позиций; им было обещано здесь решающее войну боевое столкновение; во имя этого боя у Ляояна наши войска были обречены на 3 месяца до того на отступательные маневры; отступление и теперь с передовых ляоянских позиций подорвало в войсках веру в свои силы и начальников и создало японцам ореол непобедимости [1]. Главная масса русской армии утратила всякую боеспособность и настоятельно нуждалась в двух-трех спокойных ночлегах. А победоносный противник, находившийся сам в очень жалком положении, висел в одном переходе на фланге наших сообщений.

Генерал Куропаткин хотел 3 сентября продолжать наступление против Куроки, но от всех командиров измотанных корпусов приходили печальные донесения: войска не могут наступать, да и драться сейчас неспособны, моральные силы их уже растрепаны, нет предпосылок для успеха дальнейших боевых действий. Под давлением этой общей усталости и развивавшегося пессимизма Куропаткин отдал приказ об отходе к Мукдену. Упорство при сохранении наполеоновских оперативных идей могло бы привести Куропаткина под Ляояном лишь к участи лорда Уайта под Ледисмитом. В ночь на 4 сентября началось отступление; истощенные японцы не пытались препятствовать. Русские не потеряли ни одного орудия, ни одной повозки. К вечеру 6 сентября русские арьергарды отошли за р. Шахэ. Потери русских 16 тыс., японцев—23 тыс.; для русской пехоты в среднем потери достигали 13%, для японской—28%.

---

[1] Мы отнюдь не считаем принципиально ошибочным стремление Куропаткина к производству резких перегруппировок во время самой операции; смена частей и перегруппировка весьма типичны для современного развития военного искусства; но маневрирование исключительно внутри оперативно охваченного района подрывает моральные силы войск и получает отпечаток безнадежности.

Ляоянское поражение русских складывается, вопервых, из превосходства японского базирования и наступления по скрещивающимся направлениям «над гнусным сосредоточением» русских у Ляояна с одной артерией снабжения и отступления. Вместо куропаткинско-наполеоновской системы сбора войск воедино следовало организовать самостоятельные группы. XVII корпус должен был бы представлять не загиб фронта севернее Тайдцыхэ, лицом на восток, а уступ, лицом к югу, с сообщениями на копи Янтай—Мукден. Более смелая оперативная мысль могла бы расширить базирование еще далее к востоку, на фушунскую ветку, направила бы отступление Восточного отряда не к Ляояну, а к Фушуну, и тем совершенно бы изменила губительные оперативные предпосылки Ляоянского сражения. Ляоян представлял готовый Седан, и упорная борьба около него была связана с огромным риском.

Вторым существенным слагаемым неудачи русских является крайне пассивное использование одержанных оборонительных успехов; русские войска кричали «ура» после отбитых японских атак, но из окопов вперед не шли. Эта пассивность являлась естественным следствием русской ударной тактики. Современный бой является состязанием в огне, и так как русская тактика умела использовать огонь только при обороне, а тактическое наступление русских вырождалось в штыковой бросок, то войска, естественно, отказывались от навязываемого им уставами неразумного наступления и тяготели к усвоенной ими разумной обороне. Увлечение движением вперед, ударом, натиском массы, становящееся в резкое противоречие с условиями боевой действительности, после нескольких экзекуций в бою толкает войска на путь пассивности. Чрезмерная активность в тактическом воспитании войск переходит в действительном бою в свою противоположность. Наша тактика исключала стремление к достижению скромных успехов при наступлении—к приближению к противнику на 400-700 *м* и к вступлению в огневой бой на дистанции хорошего ружейного выстрела; японцы всегда действовали активно, но умели часто довольствоваться этими скромными тактическими достижениями: большего при недостаточной артиллерийской поддержке, при хорошей организации обороны наступающий часто сразу достигнуть не мог. Дело оперативного искусства—из скромных возможных успехов тактического наступления создать оперативную победу. Но последнее возможно только для оперативного искусства, смело расчленяющего свои силы и угрожающего путям сообщений противника. Борьба из сосредоточенного положения, воскрешение наполеоновских приемов требует громоподобных тактических ударов, сокрушительных успехов тактического наступления, которых вообще не было в арсенале тактики начала XX века.

Операция на р. Шахэ. Удачный для японцев исход Ляоянской операции создал для японцев положение, в котором они могли спокойно выжидать падения Порт-Артура и накоплять силы и средства. Оперативная пауза диктовалась японцам необходимостью выждать освобождения осаждавшей Порт-Артур 3-й армии и завершения нового эшелона мобилизации государства, необходимость коей диктовалась соотношением сил, выяснившимся под Ляояном. Пауза нужна была японцам и потому, что у них остро ощущался недостаток снарядов: дравшиеся под Ляояном войска опустошили свои запасы; производительность японских заводов не могла удовлетворить даже требований осады Порт-Артура; заграничные заказы опаздывали.

К началу октября силы японцев значительно выросли за счет прибывших пополнений и резервных бригад и достигали 170 тыс. Все три японские армии отдыхали, собранные на фронте 36 *км*, по обе стороны железной дороги, в полупереходе к северу от р. Тайдцыхэ. Фланги наблюдались: правый—резервной гвардейской бригадой у Баньяпуза на дороге Мукден—Беньсиху; левый—1-й кавалерийской бригадой. Сторожевые части японцев протягивались в полупереходе перед японским фронтом на 60 *км*, из района Баньяпуза к селению Чжантань на р. Хуньхэ. Столь сосредоточенное положение японцев объясняется тем, что движение по железной дороге Дальний—Ляоян было наконец открыто, войска изголодались, и хозяйственным удобствам довольствия по железной дороге Ойяма временно, в этот восстановительный период, отдал предпочтение перед оперативными требованиями. Работы по постройке железной дороги на направлении от устьев Ялу продолжались, но как артерия снабжения это направление временно не работало.

Русская армия к моменту, когда она при отступлении достигла района Мукдена, пришла в полный порядок; как только войска выходили из района, оперативно охваченного японцами, и спокойно проводили две-три ночи, они оказывались вполне боеспособными. Первой мыслью Куропаткина было принятие группировки, обеспечивающей от обхода с востока Мукденский район, где столпилась вся армия. III Сибирский корпус был направлен на 45 *км* восточнее Мукдена, к Фушуну, откуда пролегали хорошие дороги на Телин. На полпути на р. Хуньхэ был поставлен I Сибирский корпус, в одном переходе южнее их был выдвинут II Сибирский корпус. Небольшие пехотные части и конница Гурко, Самсонова, Ренненкампфа выдвинулись еще на один-два перехода перед фронтом и флангом этой восточной группировки.

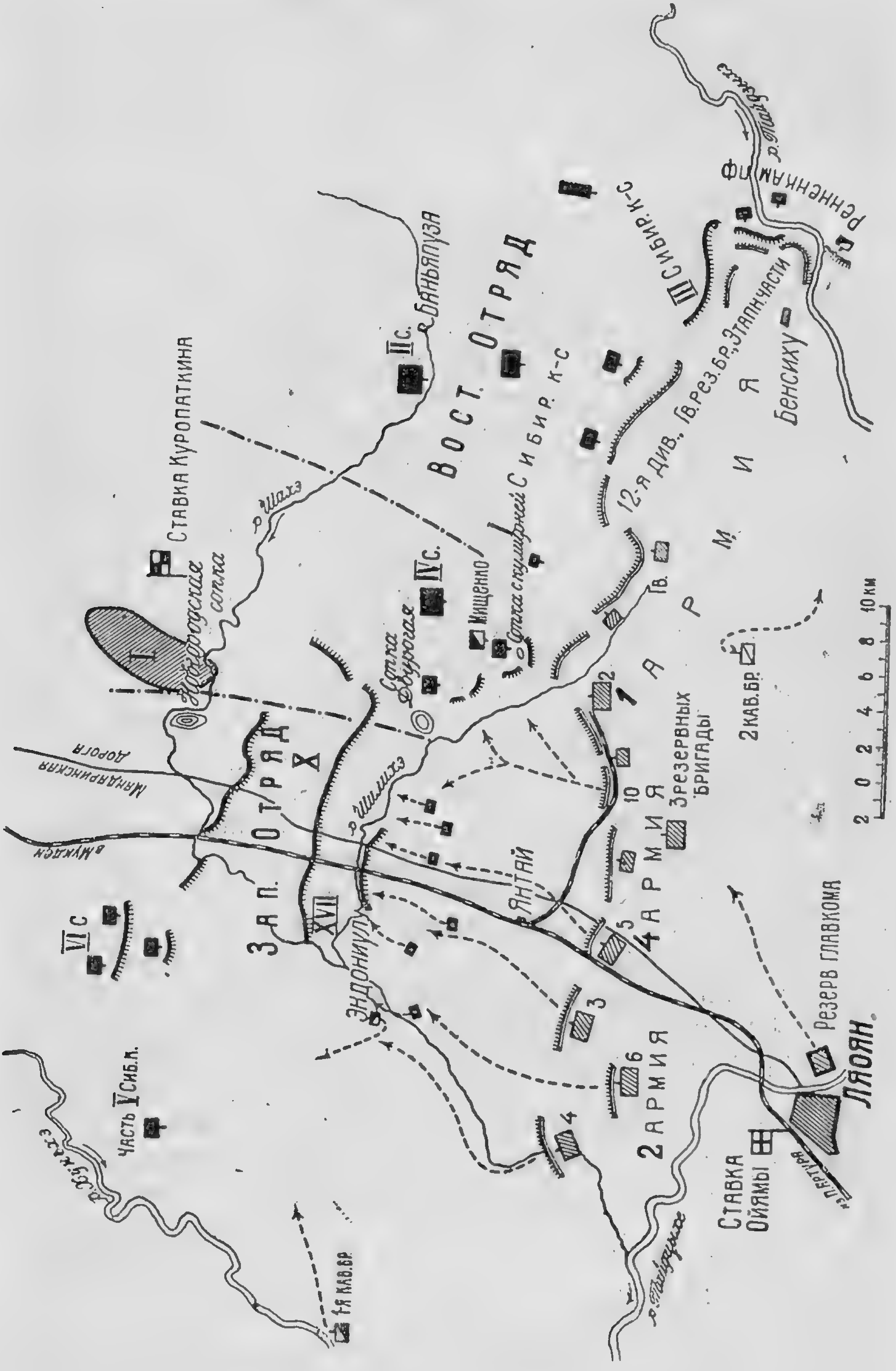
На западе группировка была такова. X корпус укреплялся на предмостной позиции на р. Хуньхэ, южнее Мукдена; XVII корпус стоял за ним в резерве и выдвинул ряд небольших частей на переход вперед к р. Шахэ для поддержки конницы Мищенко и Грекова. Возбуждавший сомнения V Сибирский корпус расходовался на укрепление позиции западнее Мукдена, фронтом к Синминтину, и на наблюдение р. Ляохэ. IV Сибирский корпус составлял общий резерв севернее Мукдена; этот общий резерв наращивался быстро прибывавшими I армейским и VI Сибирским корпусами. Через месяц после конца Ляоянского сражения наша армия насчитывала 270 тыс. войск; в том числе 70 тыс. представляли некрепкие и плохо обученные V и VI Сибирские корпуса. Фронт нашего охранения протягивался от Каулитуня на р. Ляохэ до Далинского перевала на 120 *км*.

У Куропаткина не было тех мотивов продолжать оперативную паузу, которые задерживали японцев в окрестностях Ляояна. Сухая манчжурская осень представляется выгоднейшим периодом для наступательных действий в Манчжурии. Положение Порт-Артура требовало энергичной попытки русской полевой армии выручить атакованную крепость. Нужно было вступить в серьезный бой с японцами. Куропаткин предпочел, чтобы японцы перешли в наступление, что позволило бы ему использовать оборонительные достоинства русских войск. По нужде ему самому приходилось перейти в наступление, но Куропаткину с самого начала хотелось, чтобы японцы вырвали у него инициативу.

Задачей наступления выдвигалась ограниченная цель— оттеснение японцев на южный берег р. Тайдцыхэ. Выдвижение этой ограниченной цели уже компрометировало предстоящее наступление: действительно, пока противник не взят за горло и операция не нацеливается на его уничтожение, пока наступающий не грозит оборвать важнейшие артерии его снабжения, до тех пор наступление оказывается в явно невыгодном положении вследствие преимуществ фронтальной тактической обороны. Решение Куропаткина выдвигало в р. Тайдцыхэ предел для всех наших обходных и охватывающих маневров и гарантировало японцам оперативно спокойный тыл.

План наступления Куропаткина вытекал из существующего развертывания русских сил. Наиболее надежные части—I, II, III Сибирские корпуса—находились на востоке, в горах. Переброска их на запад, на равнину являлась крайне нежелательной, так как эти корпуса уже несколько освоились с действиями в горах, и заменить их было некем. С другой стороны, V и VI Сибирские корпуса—плохо обученные резервные части—могли найти себе применение только на западе и только в условиях обороны. Отсюда Куропаткин пришел к решению создать четыре группы. «Восточный отряд»—29% всех сил, 3 лучших сибирских корпуса под командой барона Штакельберга—должен был нанести удар в охват правого фланга японцев. «Западный отряд»—25%, обстреленные X и XVII корпуса под командой барона Бильдерлинга — должен был продвигаться вдоль железной и Мандаринской дороги, окапываясь на каждом шагу и будучи готов упорно прикрывать эти важнейшие артерии сообщений. Общий резерв—22%, IV Сибирский и I армейский корпуса,—продвигался позади 15-километрового промежутка между Восточным и Западным отрядами. V и VI Сибирские корпуса (24%) расходовались для образования уступа за открытым правым флангом Западного отряда, для дальней охраны этого фланга и для этапных целей. Пассивность протягивавшегося на равнине нашего правого фланга характеризовалась тем, что лучшие силы конницы — Ренненкампфа, Самсонова и Мищенко — группировались на левом фланге и в центре.

План Куропаткина, несомненно, имел заднюю мысль— провоцировать японцев на атаку Западного отряда, что перенесло бы центр тяжести работы русской армии на оборонительные действия на равнине. Приэтом Куропаткин сразу же имел в виду привлечь на запад и часть хороших войск Штакельберга; чтобы сохранить возможность перебросок, он до крайней степени стеснил инициативу действий вождя нашей ударной группировки. Куропаткин писал 9 октября Штакельбергу: «Предваряю на будущее время, что отдача по вверенным вам войскам приказов для боя, имеющих решающее значение, ранее получения


Ставка Куропаткина
Новгородская сопка
р. Шахэ
Баньяпуза
II с.
IV с.
Вост. Отряд
III Сибир. к-с
I Сибир. к-с
12-я див., Гв. рез. бр., Этапн. части
Ренненкампф
р. Тайцзыхэ
Бенсиху
1 Армия
Гв.
Сопка с кумирней
Сопка Двурогая
Мищенко
Мандаринская дорога
в Мукден
Зап. Отряд
X
XVII
р. Шилихэ
Эндониулу
Янтай
4 Армия
3 резервных бригады
2 кав. бр.
Резерв главкома
Ляоян
Ставка Ойямы
на Порт-Артур
2 Армия
VI с
Часть V Сиб. к.
1-я кав. бр.
р. Хуньхэ
2 0 2 4 6 8 10 км

Черт. 35. Операция на р. Шахэ. Переход японцев в наступление 10/x 1904 г.

моего одобрения главных оснований приказа не может быть допущена в видах согласования с вашими действиями действий других корпусов...» Управление было, таким образом, централизовано в высшей степени. Такая централизация всегда создается при отсутствии доверия к войсковым массам.

В тайниках своей мысли Куропаткин, вероятно, возлагал на ударную группу Штакельберга демонстративную роль, рассматривая ее как свой скрытый резерв, и всячески тормозил ввязывание ее в бой. 6 октября группа Штакельберга вплотную надвинулась на резервную гвардейскую бригаду у Баньяпуза; естественно было бы нашей группе, располагавшей десятикратным превосходством сил и развернутой на впятеро более широком фронте, продолжать наступление и на другой день; это наступление неизбежно окончилось бы разгромом изолированной японской бригады, что явилось бы хорошим началом операции. Но Куропаткин приказал Восточному отряду посвятить день (7-го) на рекогносцировку и день (8-го) на подготовку атаки и произвести последнюю только 9 октября. В ночь на 8 октября японская бригада спокойно ускользнула от селения Баньяпузы. Для нас этот счастливый отход японцев являлся существенной неудачей, но Куропаткин отзывался о бескровном захвате нами позиции у Баньяпузы, как о крупном успехе. Уже 8 октября, наступая дальше, Восточный отряд надвинулся и охватил главную позицию правого японского крыла, занятую только отступившей резервной бригадой гвардии и этапными войсками. Естественно было бы сразу же покончить со слабыми силами японцев. Но Куропаткин воспретил 9 октября наступление, а на 10 октября указал атаковать лишь крайнюю оконечность японского фланга частью III Сибирского корпуса. Эта атака направлялась на очень трудно доступную гору Лаутхалазу; обрывы по 15 сажен высоты затрудняли продвижение атакующих частей; более широкого охвата не производилось, так как он был связан с переходом на южный берег Тайдцыхэ, что можно было выполнить беспрепятственно, но что вышло бы за пределы нашей слишком ограниченной операции; слабый фронт японцев, стоявший на легком рельефе, не атаковался, так как I Сибирский корпус ждал предварительного успеха III Сибирского корпуса для перехода в наступление; а II Сибирский корпус Куропаткин приказал удерживать позади в резерве. Таким образом, резко сдерживаемая Куропаткиным ударная группа оказалась не в состоянии преодолеть находившиеся в горах слабые силы японцев.

Развертывание наших сил было окончено 4 октября. С 5 по 9 октября происходило наше обозначенное наступление. Пока Восточный отряд терял время в горах, Западный отряд продвигался улиткой вдоль железной дороги. Его задача заключалась в том, чтобы сначала укрепиться на р. Шахэ, затем выдвинуть авангарды на 4 *км* на промежуточную позицию между речками Шахэ и Шилихэ; потом главные силы переходили на эту позицию и продолжали ее укреплять, а авангарды начинали укрепляться еще в 4 *км* впереди, на р. Шилихэ. В конечном счете главные силы Западного отряда выползли на р. Шилихэ, вытолкнув передовые части еще более к югу. VI Сибирский корпус еще не выдвинулся на один уровень с первыми позициями Западного отряда на р. Шахэ и находился в 12 *км* уступом за правым флангом Западного отряда на р. Шилихэ. Чтобы ускорить работы по укреплению авангарда X корпуса, Куропаткин начал еще до начала столкновения расходовать части IV Сибирского корпуса—свой общий резерв. Все внимание русского главнокомандующего было посвящено правому, оборонительному крылу, и к нему жался и общий резерв.

Важнейший период боевых столкновений пришелся на 11—12 октября. Ойяма—японский главнокомандующий—полагал, что медленный образ действий русских имеет свою причину в том, что русское сосредоточение еще не закончено; разведка его ориентировала весьма неполно, в особенности об эшелонированных позади русских силах, на фронте же обнаружились только слабые передовые силы русских; правый фланг русских был установлен в 4 *км* западнее железной дороги; уступ VI Сибирского корпуса ускользнул от внимания японцев. При значительном превосходстве русских сил в горах продолжение выжидания должно было привести к разгрому слабого крайнего правого японского крыла. Поэтому Ойяма 9 октября решился на всем фронте двинуться навстречу русским и энергично их атаковать. По правому берегу р. Шахэ в охват Западного отряда направлялась лишь крайняя левофланговая (4-я) дивизия армии Оку.

Решение Ойямы броситься во встречную операцию на всем фронте представляет проявление крайней энергии; но это решение представляет ошибочный уклон, обратный ошибкам русского военного искусства—постепенному вступлению в операцию в зависимости от достижения известных предпосылок на фронте переходящих первыми в атаку войск. Встречная операция не должна рассматриваться под углом ведения встречного боя, когда все войска, находящиеся в походной колонне, бросаются вперед и стремятся скорее развернуться и произвести энергичный нажим на неприятеля. Встречная операция требует руководства и дозирования; бои на фронте встречной операции могут иметь все оттенки тактической радуги, от встречного боя и атаки укрепленной позиции до планомерной обороны. В данном случае Ойяме следовало бы придержать правофланговую армию Куроки, которая могла нарваться на крупные силы и подставить им свой фланг; а поскольку Ойяма выдвигал целью операции полный разгром медленно наступающих русских сил и оттеснение их в горы, на восток от столь важной для них железной дороги, ему следовало бы позаботиться о выделении более крупных сил для широкого и глубокого охвата русских с запада. Вместо этого Ойяма наметил лишь мелкий охват русского фланга одной дивизией и свой резерв—3 резервных бригады—эшелонировал не за ударным флангом, а передал в центральную 4-ю армию Нодзу. В противоположность чересчур централизованному управлению Куропаткина, Ойяма придал встречной операции чересчур анархический характер; директивы его не останавливались даже на важнейших вопросах, предоставляя все усмотрению командующих армиями.

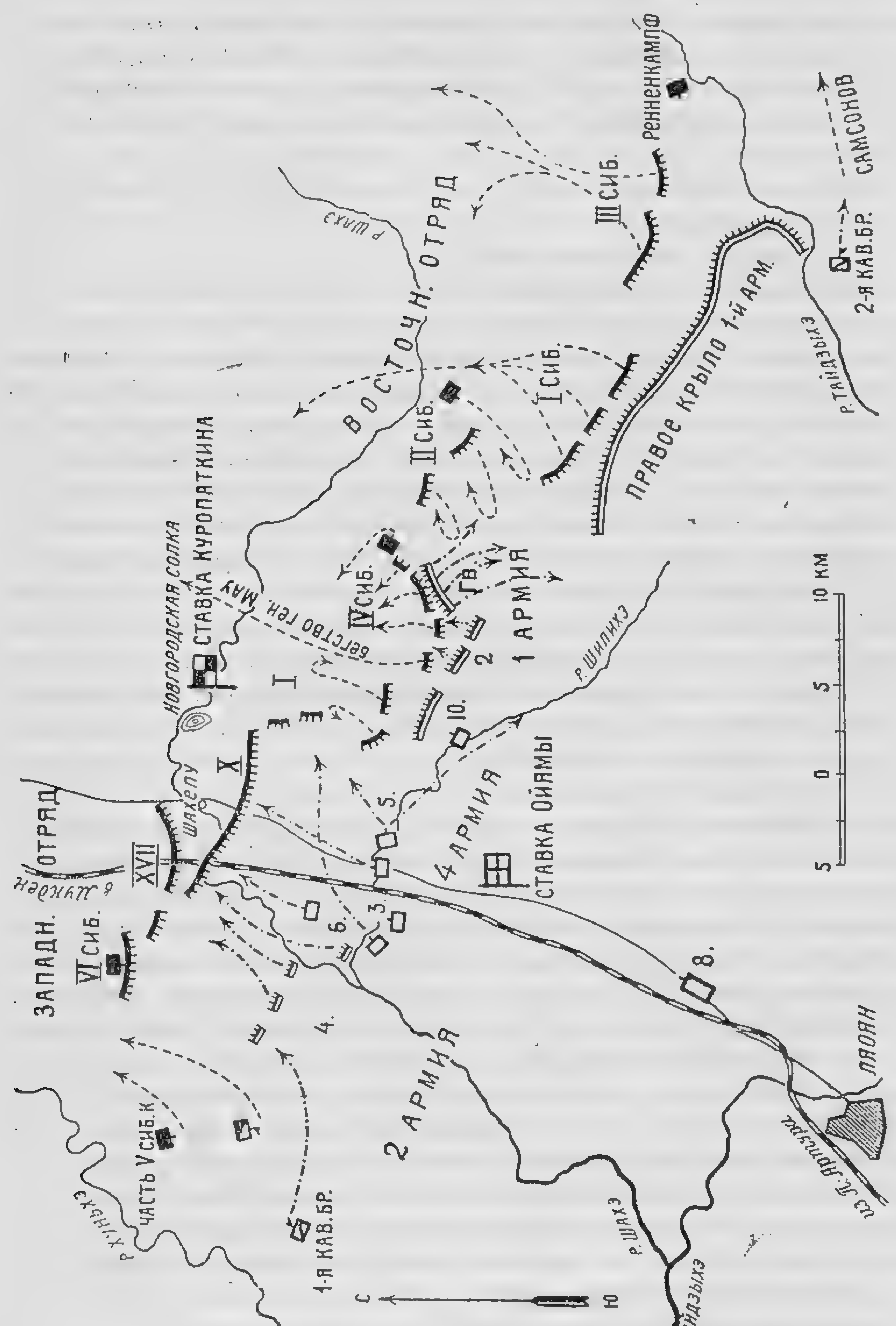
10 октября 1-я армия, по инициативе командующего армией Куроки, осталась в оборонительном положении. Крайнее правое крыло было усилено 12-й дивизией, которая позволила изнемогавшим резервным частям японцев сдержать обозначавшийся натиск Восточного отряда. IV и II армия, сделав небольшой переход, оттеснили передовые части Западного отряда к главным силам, на р. Шилихэ.

11 октября 2-я и 4-я армии вели наступление против Западного отряда. Так как здесь наши силы были упорядоченно развернуты, то японцы в этот день не достигли успехов. Однако положение становилось угрожающим, так как XVII корпус, чтобы удержаться на р. Шилихэ, ввел в бой почти все свои резервы, а на продолжение его фланга вышла 4-я японская дивизия. Вместо того, чтобы готовиться к отражению нависшего охвата, командование XVII корпуса бросило 6 свежих батальонов под командой полковника Мартынова в блестящую ночную атаку на утра-

ченное днем на фронте корпуса селение Ендониулу. Занимавший это селение японский полк, охваченный ночью с трех сторон, был наполовину переколот, селение осталось за нами, положение на фронте было восстановлено, но оголенный фланг корпуса, растратившего свои резервы, вопиял о своей беззащитности. X корпус занимал свой фронт только авангардом генерала Рябинкина, который лишь с крайним напряжением сил мог держаться против IV японской армии. Хуже складывались наши дела в центре, где не было планомерного развертывания IV Сибирского и I армейского корпусов. Положение их как общего резерва являлось, очевидно, фикцией; обстановка, естественно, требовала их вступления в бой в промежутке между Западным и Восточным отрядами; вместо того чтобы дружно вступить в бой на этом участке, корпуса выделяли отдельные полки и бригады с 1-2 батареями для занятия той или иной горы. Горная, пересеченная местность содействовала дроблению русских сил и затрудняла взаимную поддержку отдельных отрядов. А против отдельных русских отрядов здесь дружно наступали большая часть 1-й армии (2-я и гвардейская дивизии) и значительная часть 4-й армии (10-я дивизия, резервные бригады). При поддержке массированной артиллерии японская пехота на глазах у массы наблюдателей преодолевала под огнем русской пехоты обширную (до 2 *км*) равнину долины Шилихэ; огневой бой наступающих цепей складывался очень быстро—например 7 минут огня с главной стрелковой позиции на дистанции 700 *м*; иногда русская пехота начинала отступление, когда японские цепи приближались к ней на 300 *м*, но иногда русские держались упорно, что не мешало японцам врываться в их окопы; оглушенные канонадой, изолированные, не поддержанные достаточно серьезно своей артиллерией, не получающие помощи от соседей, слабые русские отряды, на которые разбились I армейский и IV Сибирский корпуса, вынуждены были после частичных рукопашных схваток отходить. В дневных столкновениях штыки, однако, почти не работали; даже там, где обе стороны оказывались внезапно в 20 *м* одна от другой, столкновение решалось огневым боем в упор. Неудача одного изолированного отряда вынуждала и другие к отступлению, несмотря на упорство, с которым сражались русские. Японцам здесь в общем удалось продвинуться на 4 *км*. III Сибирский корпус и отряд Ренненкампфа неуспешно штурмовали Лаутхалазу. Отход IV Сибирского корпуса в центре привел барона Штакельберга к решению перейти к обороне. Когда это решение было уже принято, I Сибирский корпус произвел в ночь на 12 октября частичную фронтальную атаку, имевшую успех, оставшийся только эпизодом, так как ударная роль Восточного отряда была кончена.

12 октября было тяжелым днем для русского оружия. Охват правого фланга Западного отряда еще накануне, очевидно, назревал, и барон Бильдерлинг просил об использовании VI Сибирского корпуса, стоявшего на уступе, чтобы отразить его. Куропаткин обещал. Но командир VI Сибирского корпуса, генерал Соболев, явно неуверенный в своих резервистах, отказался двинуться вперед. По мнению Соболева, задачу по обеспечению фланга Западного отряда VI Сибирский корпус выполнит лучше всего, если Западный отряд отойдет назад и сблизится с ним. Соболев выдвинул лишь авангард, который начал укрепляться в 8 *км* за флангом Бильдерлинга; когда же XVII корпус, глубоко охваченный 4-й дивизией с запада, начал отступать, расстреливаемый японцами с фланга, Соболев выслал на помощь один Куликовский полк, который, не зная местности, достаточно мужественно блуждал в густом резервном порядке под шрапнельным огнем японской артиллерии, потерял свыше тысячи человек и вернулся, оставаясь только потерпевшей стороной, не обидев ни одного японца. Судя по тактической подготовке Куликовского полка, прав был и Куропаткин, и в особенности Соболев, упорно не выдвигавший вперед на помощь товарищу свою тяжеловесную пехоту из окопов. XVII корпусу не удалось задержаться на промежуточной позиции. Остатки его полков, храбро отбивавшие наступление на р. Шилихэ, пока оно оставалось фронтальным, собирались на р. Шахэ. X корпус, более удаленный от района охвата и серьезно не атакованный, отошел в порядке.

Бывший общий резерв, беспорядочно развернутые I армейский и IV Сибирский корпуса находились теперь в 12 *км* впереди Западного отряда. На них устремились с запада, юга и юго-востока яростные атаки большей части 4-й и 1-й японской армии. 4-я армия вложила всю свою энергию в ночную атаку 10-й дивизии на Двурогую сопку, занятую одним русским полком с батареей. В этом ночном бою потери японцев достигали только 1 300 человек, русских — 800 человек. Сопка осталась за японцами. Но моральное истощение от ночного боя 10-й дивизии было таково, что ее пришлось вывести в резерв; серьезного участия в


ЗАПАДН. ОТРЯД
VI СИБ.
XVII
Шахепу
X
р. Хуньхэ
ЧАСТЬ V СИБ.К.
1-Я КАВ.БР.
2 АРМИЯ
4.
6.
3.
5.
8.
Новгородская сопка
СТАВКА КУРОПАТКИНА
бегство ген. Мау
I
IV СИБ.
ГВ.
2
10.
1 АРМИЯ
р. Шилихэ
4 АРМИЯ
СТАВКА ОЙЯМЫ
ЛЯОЯН
из П.-Артура
Р. ШАХЭ
Р. ТАЙДЗЫХЭ
р. Шахэ
ВОСТОЧН. ОТРЯД
II СИБ.
I СИБ.
III СИБ.
РЕННЕНКАМПФ
ПРАВОЕ КРЫЛО 1-Й АРМ.
Р. ТАЙДЗЫХЭ
2-Я КАВ.БР.
САМСОНОВ
5 0 5 10 КМ
С
Ю

Черт. 36. Операция на р. Шахэ. Бои и движения 13/х 1904 г.

боях до конца операции она не приняла, а заместившие ее резервные бригады не могли продвигаться вперед.

Крупную опасность для нашего центра представляла гвардейская дивизия, 12 октября очень успешно теснившая IV Сибирский корпус и начинавшая его охватывать с востока.

Восточный отряд прекратил атаки и группировался для начала отхода.

Несмотря на успешный в общем ход боев, японский главнокомандующий пришел 12 октября к убеждению, что поставленная им цель—общий разгром русской армии—недостижима. Общее направление линии фронта, имевшее 11 октября направление с северо-запада на юго-восток, начало выправляться в северном направлении. Хотя охват Западного отряда и удался, но сзади, на уступе, обнаружились густые массы VI Сибирского корпуса; японский охват имел, очевидно, скорее тактический, чем оперативный размах, и сам собой ликвидировался при успехе над правым флангом XVII корпуса. Лучшие японские части понесли крупные потери и измотались. Снарядов оставалось мало. Предстояло продолжить паузу, начатую после взятия Ляояна. Поэтому Ойяма отдал приказ, что преследование русских должно быть ограничено южным берегом р. Шахэ. Оперативное напряжение пошло на убыль.

13 октября обстановка сложилась частью в пользу русских. Восточный отряд в предыдущие дни атаковал правое крыло японцев с целью оказаться на фланге японцев, повернуть и устремиться вдоль их фронта в западном направлении. Восточному отряду продвинуться вперед не удалось, но отход русского центра под натиском японцев создавал ту самую обстановку, к которой стремились русские. Большая часть армии Куроки увлеклась на север; гвардейская дивизия, наступавшая особенно запальчиво, подставляла Восточному отряду не только свой фланг, но даже тыл. Маневр Восточного отряда мог бы получить теперь решающее значение. Препятствием этому маневру являлось желание Куропаткина выделить из состава Восточного отряда крупный резерв и передвинуть его позади фронта для непосредственной поддержки центра и правого крыла.

Маневр Восточного отряда получил поэтому только микроскопическое осуществление.

II Сибирский корпус, по приказу Штакельберга, образовывал на высотах юго-запада Баньяпузы фланговый арьергард, обеспечивавший отход I и III сибирских корпусов;

на последних, впрочем, никто не покушался, так как 12-я дивизия, резервная гвардейская бригада и этапные части, составлявшие крайнее правое крыло японцев, были настолько потрясены нашими атаками, что не последовали за отходящими русскими и остались на своих позициях до конца операциии. Оборотившись флангом и тылом к позиции II Сибирского корпуса, японская гвардия ожесточенно теснила части IV Сибирского корпуса и конницы Мищенко. Удалось уговорить Штакельберга двинуть вперед одну бригаду II Сибирского корпуса. Она совершила прогулку в тыл японской гвардии, не настаивала на получении всех выгод, вытекавших из положения, почти не вступала в бой. Но эта прогулка произвела паническое впечатление на японское командование. Японская гвардия откатилась на 4-7 *км* назад. Ойяма на поддержку гвардии отправил на восток большую часть 5-й дивизии с левого фланга IV армии, что крайне ослабило эту армию, а также одну резервную бригаду. В ожидании новых сюрпризов Ойяма не решился использовать в операции переброшенную из Японии и кончавшую сосредоточение к копям Янтай 8-ю дивизию; она осталась не израсходованной в общем резерве до конца. Но у нас правый фланг и центр были потрясены настолько, что переполох в японской гвардии был нами использован только для безболезненного отвода центра из его выдвинутого положения к реке Шахэ.

В ночь на 14 октября японские резервы перебрасывались на восточный участок поля сражения, а Куропаткин направлял 22 батальона и 4 батареи, взятые из Восточного отряда, в армейский резерв на западный участок. Это движение резервов в противоположных направлениях ликвидировало тот перевес, который японцы приобрели на западе. 14 октября 3-й дивизии японцев еще удалось атакой на рассвете прорвать X корпус в направлении на Шахепу, а 4-й дивизии—успешно отразить густые атаки VI Сибирского корпуса, наконец раскачавшегося перейти в наступление. Чтобы разгрузить тяжелое положение 3-й японской дивизии в образованном ее прорывом мешке у Шахепу, отряд генерала Ямада—остаток 5-й дивизии (5 батальонов, 30 орудий)—утром 16 октября отбросил слабые силы русских, еще державшиеся на Новгородской сопке, южнее р. Шахэ. Но Куропаткин бросил в ночь на 17 октября против отряда Ямада 25 батальонов своего, вновь образованного резерва. Мы выбили японцев с Новгородской сопки и захватили у них в ожесточенном ночном бою 14 орудий и 1 пулемет. Отряд Ямада находился всего на 2-3 *км* перед стыком 2-й и 4-й японских армий. И хотя охват отряда Ямада русскими начался засветло, на глазах японского фронта, никто не пришел ему на помощь—таково было истощение японцев.

Операция, начатая Куропаткиным 5 октября, привела к ряду упорных боев с 9 по 17 октября. Эти бои расползлись в пространстве на 60 *км* по фронту и во времени на 9 дней. Русские потеряли 40 тыс. убитыми и ранеными, японцы—30 тыс. Дорога русской армии, шедшей на выручку Порт-Артуру, оказалась прегражденной. Но ни большое количество сил, принимавших участие в этих боях, ни проявленное ими упорство, ни стратегическое значение исхода их не позволяют нам объединить их под понятием сражения. Сражения давались раньше на более тесных пространствах и протекали гораздо скорее, вследствие чего составляющие их бои были связаны воедино гораздо крепче. Сражения минувших эпох не знали таких перегруппировок, какие имели место на р. Шахэ; после Сольферино теория принципиально не допускала смены войск в бою; еще Ляоян, казалось, подтверждал правильность этих положений, но операция на р. Шахэ показала ложность этого утверждения и открыла собой ряд бесчисленных перегруппировок Мировой и Гражданской войн. Несмотря на неловкое маневрирование обеих сторон, на операции на р. Шахэ лежит удивительный отпечаток современности.

После операции на р. Шахэ Куропаткин полагал продолжать наступление; японцы и русские лежали на расстоянии ближнего ружейного огня, окопы с обеих сторон имели только слабое развитие, ни один фланг не был уперт ни в препятствие, ни в нейтральную территорию,—и все же самое настойчивое желание наступать оказалось неосуществимым; обе стороны в состоянии истощения остались неподвижными одна перед другой, и началась позиционная борьба. Причины последней лежат, таким образом, не в том, что фронт армии пересекает весь театр войны, опирается обоими флангами в нейтральные территории или моря, а в том истощении фронта, которое заставляет отказаться от преследования позитивных целей и апеллировать для дальнейшего продолжения войны к новым мобилизациям, военным и экономическим напряжениям общей базы.

В тактическом отношении ряд успешных фронтальных дневных и ночных атак и глубоких прорывов, осуществленных в операции на р. Шахэ, совершенно развеял тот мираж неуязвимости фронта, который был создан столкновением невысококвалифицированных армий в Англобурскую войну. Но вместе с тем операция на р. Шахе свидетельствует и о скромном значении большей части тактических прорывов; в масштабе современной операции тактические прорехи на фронте ликвидируются очень быстро, пока имеются налицо резервы, если нет предпосылок решительного морального или материального превосходства одной из сторон.

Операция на р. Шахэ блещет десятками крайне поучительных тактических эпизодов; большое распространение в ней нашли ночные бои; однако результаты даже успешнейших ночных атак имели определенно местный характер; после ночной успешной атаки войска повсюду переходили к обороне; войска, захватившие ночью какой-либо важный объект, усталые, перемешавшиеся, наутро оказывались не в силах развивать свой успех далее; огромное истощение японских войск к концу операции в значительной степени объясняется широким тактическим использованием ночи—или для подхода к русским окопам на дистанцию ближнего ружейного огня или для производства штыковой атаки. В дальнейшем течении войны японцы реже обращались к приемам ночного боя.

Мукденская операция. Позиционное затишье, установившееся после операции на р. Шахэ, продолжалось до середины января. Капитуляция Порт-Артура 2 января не оставляла никакого сомнения в том, что в ближайшее время находившиеся против на р. Шахэ японские армии усилятся 3-й армии, освободившейся от осады Порт-Артура. Куропаткин решил перейти в наступление до прибытия 3-й японской армии, а чтобы задержать переброску последней к Ляояну, бросил в рейд на Инкоу конницу—71 эскадрон и сотен, 22 конных орудия, 4 конно-охотничьих команды под начальством генерала Мищенко. Наша конница, обремененная большими обозами, в промежуток от 8 до 16 января совершила пробег к городу Инкоу, который взять не удалось, и вернулась обратно. Средняя величина переходов равнялась только 33 *км*; на питавшую японские армии железную дорогу выходили только немногие разъезды, которым удалось произвести крушение двух поездов и свалить несколько телеграфных столбов; капитальные сооружения остались в полной исправности; было разогнано несколько тыловых команд и захвачен небольшой транспорт. Результаты рейда были жалкие; даже если бы и удалось захватить станцию Инкоу и разрушить ее, что было поставлено целью рейда, то и это был бы удар по воздуху, так как порт Инкоу замерз и станция Инкоу не работала.

В промежуток от 24 до 28 января состоялся очень неуверенный переход наш в наступление, приведший к боям в районе селения Сандепу. Энергичное развитие активных действий могло бы привести к разгрому японских армий до подхода к ним 3-й армии. Наступлению не благоприятствовал 20-градусный мороз; зима была бесснежная, почва глубоко промерзла, новые окопы возводить было почти невозможно—их приходилось в земле вырубать, как в скале. Огромное значение при этом жестоком морозе приобрели населенные пункты, около которых сосредоточивались усилия обороны и атаки, а к борьбе за населенные пункты русская армия была особенно слабо подготовлена: артиллерия не имела гранаты, рядовой боец был плохо индивидуально подготовлен, младшие начальники почти не проявляли инициативы, старшие начальники, под влиянием испытанных неудач интриговали. Основной причиной неуспеха являлась боязнь фронтальных атак: наш план предусматривал полное бездействие фронта, пока обходящие части—I Сибирский и VIII армейский корпуса, конница Мищенко—не добьются успеха против слабого левого японского крыла; такой способ наших действий позволил японскому командованию направить все резервы, даже часть резерва 1-й правофланговой армии Куроки, на защиту узкого атакованного участка. Наша тяжелая артиллерия разгромила выселки перед селением Сандепу—главным опорным пунктом японцев, а само селение оставила нетронутым; только после неудачи штурма был использован привязной воздушный шар для съемки района Сандепу и был составлен для атаки блестящий план действий тяжелой артиллерии. Втечение 4 дней на жестоком морозе охватывающие части наши замерзли и вымотались, и Куропаткин был вынужден ликвидировать наступление, использовав едва ли и десятую часть имевшихся у него сил и средств. Всякое наступление, начатое без бесповоротной решимости победить или умереть, получает неустойчивый характер и вырождается в жалкую форму. Разновременный приступ к операции, нагромождение предпосылок успеха одних частей для вступления в бой других, сошедшие благополучно для нас при переходе через Балканы, сказались здесь самым злостным образом. Потери при этой наступательной попытке доходили, несмотря на небольшое количество вступивших в бой войск, до 12 тыс. русских и 9 тыс. японцев.

Во второй половине февраля 1905 г. началась окончательно решившая участь войны Мукденская операция. Русские силы достигали 330 тыс. бойцов, японские—285 тыс. Против 200 японских пулеметов мы располагали только 56 пулеметами; правда, наши пулеметы были лучшего образца Максима, а у японцев более слабые, французской фирмы Гочкисса. Эти пулеметы французская фирма предложила сначала купить нам, и только после того как Главное артиллерийское управление, дружившее с английской фирмой Виккерса, отказалось от них, они достались японцам. Технически наши артиллеристы, может быть, были правы, но стратегически—ниже всякой критики; пулеметы производились в ту эпоху во всем мире лишь десятками, на 2-3 заводах, и скупить все пулеметы на мировом рынке мы могли бы с ничтожными финансовыми жертвами. Против 892 слабых японских полевых и горных орудий мы располагали 1 089, несравненно более могущественными; против 160 японских тяжелых орудий мы располагали 240 тяжелыми орудиями; и японская и наша тяжелая артиллерия представляла по преимуществу старые осадные орудия, стреляющие с платформы и потому очень мало подвижные. Тяжелая артиллерия—оружие преимущественно наступления; тогда как японцы смогли использовать свои тяжелые орудия,—хотя, по недостатку их подвижности, в центре, а не на решающем охватывающем крыле,—мы были обречены снять нашу осадную артиллерию с фронта против Сандепу и без выстрела отправить ее, как барахло, в тыл. В коннице превосходство было на нашей стороне—150 эскадронов и сотен против 66 японских. Но русскую конницу нужно было уметь заставить драться; этим искусством обладал Мищенко, но он лежал раненый в тылу, и отчасти—Ренненкампф; но последний был отозван командовать сводным пехотным корпусом на крайний левый фланг против новой V японской армии, производившей чрезвычайно энергичную демонстрацию. Наша конница, оставшаяся без вождей, фактически участия в операции не приняла; на нее приходится менее 0,1% понесенных в операции потерь. Японская же конница очень активно работала на обходящем крыле и, сверх того, бросила в наш глубокий тыл 2 эскадрона, которые вызвали панику в тылу и сумели подорвать небольшой железнодорожный мост; последний был в несколько часов восстановлен, но для усиления тыловых гарнизонов (50 тыс. железнодорожной охраны) Куропаткин направил еще до 7% своих сил (8 батальонов, 36 орудий, 34½ сотни, 10 тыс. пополнений), что почти совершенно сравняло численность русских и японцев в предстоявшем решительном столкновении[1].

Боеспособность русской армии была несколько подорвана началом революционного движения в тылу и низким качеством поступившего массового пополнения; некомплект достигал 22% офицеров и 13% солдат. Но и в японской армии были свои минусы: 41% ее состава представляли резервные части, пригодные главным образом лишь для обороны; японская пехота сравнялась в численности с русской только путем расширения состава рот до 300 человек; только 263 японских батальона противостояли русским и включали то же количество бойцов, как и 377 русских.

Силы русских были поделены на 3 армии, силы японцев—на 5 армий. Но русские армии не имели при централизованном управлении Куропаткина никакой самостоятельности и питались из одной и той же артерии снабжения—железной дороги, проходившей через станцию Мукден. К югу от р. Хуньхэ от нее отделялась фушунская ветка, питавшая при помощи двух отходивших от нее конных узкоколеек 1-ю армию. 3-я армия, центральная, была развернута по обе стороны магистрали и питалась с ее головной станции. Для снабжения 2-й армии от станции Суятунь, в полупереходе от фронта, была проложена особая железнодорожная ветка к Даваньганьпу и, сверх того, специально для обслуживания осадных батарей—конная узкоколейка, отделявшаяся от той станции и пролегавшая в 3-4 *км* позади фронта. Таким образом, веер путей, снабжавший весь фронт, растянувшийся по воздуху на 135 *км*, расходился от магистрали на удалении 20 *км* от фронта, что делало наш тыл оперативно крайне чувствительным. Японский же тыл представлял более богатые возможности. Правофланговая 5-я японская армия имела слабую, но самостоятельную артерию снабжения, направлявшуюся от Чхосана на среднем Ялу к Цинхечену. Следующая, 1-я армия Куроки имела от устьев Ялу до Сиоматуня солидную узкоколейку. 4-я армия питалась с ветки к Янтайским копям и в отношении снабжения почти сливалась со 2-й армией, находившейся на левом крыле и питавшейся с магистрали. Обходящая 3-я армия, прибывшая из Порт-Артура, первоначально привязывалась также к магистрали, но южнее р. Тайдцыхэ; узкая полоса театра войны, до р. Ляохэ, за которой начиналась нейтральная китайская территория, не позволяла подготовить для III армии самостоятельной линии снабжения. Но японцы подготовили почву, чтобы начать пользоваться проходившим по нейтральной территории железнодорожным направлением Инкоу—Каупанцзы—Синминтинь; по этой железной дороге китайцы согласились доставить часть военного снабжения 3-й армии как частный груз. Таким образом японцы получили широко охватывающее базирование.

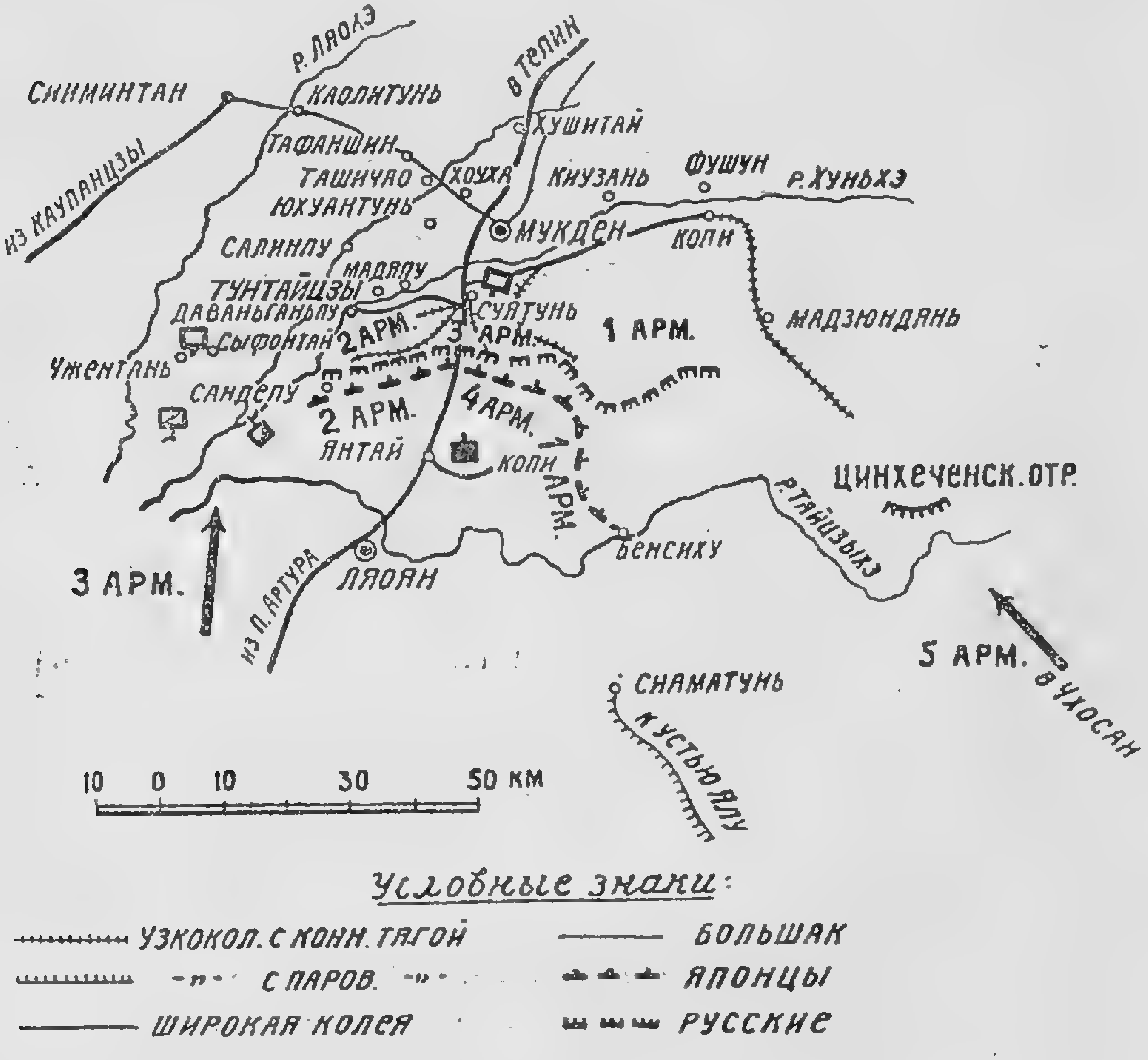
---

[1] Мы тоже произвели взрыв в тылу японцев железнодорожного моста у Хайчена отрядом известного спортсмена, полковника Гиленшмидта, 6 сотнями, которые прошли в 6 суток 400 *км*, и японцам пришлось затратить на починку этого моста, вероятно, более 17 часов, на которые железнодорожное движение в нашем тылу было прервано. Но тогда как мы реагировали на этот эпизод отводом в тыл больших сил, японцы примирились с неблагоприятным для них случаем и просто починили мост, на что у них, вероятно, потребовалось меньше энергии, чем Гиленшмидту на его порчу.

У нас шла подготовка к повторению набело неудавшейся операции к Сандепу, когда японцы захватили инициативу и начали свой маневр. Неблагоприятным обстоятельством для противодействия ему было густое занятие нами фронта и слабость резерва главнокомандующего. При переходе к позиционной войне, по мере усиления укреплений на фронте обеих сторон, создается возможность более жидкого занятия фронта, чем в маневренной войне; усиление резервов является необходимым и потому, что чем сильнее и недоступнее фронт, тем более чувствительными становятся скрытые и явные фланги.

Между тем, перейдя к позиционной борьбе, наши войска занимали весь фронт еще более компактно, чем в момент окончания операции на р. Шахэ, так как участки фронта оставались почти те же, а части войск получили крупные пополнения, и число стрелков в них удвоилось. Помимо 7% войск, находившихся в дальнем тылу, фронт поглощал 73% огромной массы русских войск, и в резерве Куропаткина находилось только 20% (XVI армейский корпус без одной бригады, I Сибирский корпус, одна дивизия VI Сибирского корпуса). Нам пришлось поплатиться за то, что командующие армиями и командиры корпусов прятали войска на своих участках, желая быть лично застрахованными против всяких случайностей, и неохотно отдавали силы в резерв главнокомандующего; авторитет последнего был уже существенно подорван.

Мукденская операция растянулась на время свыше 3 недель; бои происходили на протяжении 150 *км* по фронту. Ее можно разбить на три периода: первый период, 9 дней—демонстрация на востоке; второй период, 9 дней—с 27 февраля по 7 марта, решительная борьба на фронте японского охвата на западе; третий период, 4 дня—выход русских из операции.


Р. ЛЯОХЭ
СИНМИНТАН
КАОЛНТУНЬ
В ТЕЛИН
ХУШИТАЙ
ИЗ КАУПАНЦЗЫ
ТАФАНШИН
ТАШИЧАО
ХОУХА
КИУЗАНЬ
ФУШУН
Р. ХУНЬХЭ
ЮХУАНТУНЬ
МУКДЕН
КОПИ
САЛИНПУ
МАДЯПУ
ТУНТАЙЦЗЫ
ДАВАНЬГАНЬПУ
СУЯТУНЬ
1 АРМ.
МАДЗЮНДЯНЬ
СЫФОНТАЙ
2 АРМ.
3 АРМ.
УЖЕНТАНЬ
САНДЕПУ
2 АРМ.
4 АРМ.
ЯНТАЙ
КОПИ
1 АРМ.
ЦИНХЕЧЕНСК. ОТР.
Р. ТАЙЦЗЫХЭ
3 АРМ.
ЛЯОЯН
БЕНСИХУ
ИЗ П. АРТУРА
5 АРМ.
В ЧХОСАН
СНАМАТУНЬ
К УСТЬЮ ЯЛУ
10 0 10 30 50 КМ
Условные знаки:
УЗКОКОЛ. С КОНН. ТЯГОЙ
-"- С ПАРОВ. -"-
ШИРОКАЯ КОЛЕЯ
БОЛЬШАК
ЯПОНЦЫ
РУССКИЕ

Черт. 37. Мукденская операция 1905 г.

Демонстрация велась японским правым крылом в составе 5-й армии и половины 1-й армии. Чтобы произвести на русских впечатление, что сюда направляются все силы, осаждавшие Порт-Артур, в состав 5-й армии была включена 11-я дивизия, участвовавшая в осаде. Демонстрация велась с огромной энергией. Японцам удалось потеснить наш Цинхеченский отряд в окрестности Мадзюндяна, почти на два перехода назад. 10 дней продолжались ожесточенные атаки. На фронте III Сибирского корпуса ряд укреплений был нами потерян. Двойные шпионы, на жалованьи у японцев, сообщали нашей разведке о сосредоточении на востоке японских масс. Куропаткину представлялся в таком случае прекрасный выход—перейти в решительное наступление всеми силами на западе, где пролегали важнейшие сообщения; продвижение японцев на востоке еще долго могло нас не смущать, не грозило нашей железной дороге и только ухудшало условия транспорта для японцев. Но Куропаткин решил действовать более осторожно и ответить на нажим японцев на востоке соответственным усилением там наших войск; таким образом, он дался в обман. Помимо 13 батальонов резерва, которые 1-я русская армия нашла в своем составе, генерал Куропаткин бросил на восток частью из своего резерва, частью с крайнего правого фланга, из состава 2-й армии, 42 батальона, 128 орудий, в том числе и лучший I Сибирский корпус; Куропаткин собирался уже отправить на восток и остаток своего резерва—$1^1/_2$ дивизии XVI корпуса, когда выяснилась истинная картина японского наступления. Для приведения в порядок Цинхеченского отряда Куропаткин отозвал с запада генерала Ренненкампфа и обезглавил тем нашу конницу. Через 10 дней после начала наступления, к 27 февраля, японская демонстрация была в состоянии издыхания: потери были громадны, истощение людей полное, слабый тыл не в силах был питать слабевший фронт, окрепший русский фронт не пускал японцев продвинуться ни на шаг.

Но японская демонстрация уже сделала свое дело—разжижила русские силы на противоположном крыле, где предстояли решительные действия. Тем не менее трудно рекомендовать демонстративное наступление в большом масштабе, как средство подготовки операции. Слишком много отдается на произвол случайности, слишком много энергии теряется даром, и усложнившаяся операция может получить развитие, совершенно чуждое ожидаемому нами. В данном случае демонстрация отчасти объясняется трудностью обходного движения III японской армии в узкой полосе между русским флангом и нейтральной границей. Но если бы эта армия для решительного удара, вместо 3 дивизий, 2 резервных бригад, 2 кавалерийских бригад, могла быть увеличена вдвое за счет назначенных для демонстрации сил, операция получила бы более стройный и выдержанный характер. Японцам удалась их хитрость, но зато на участке решительных действий у них резко почувствовался недостаток сил.

26 февраля начался маневр 3-й армии; втечение 3 дней он развивался и привел к развертыванию ее у Сыфонтая

с продолжением оперативного охвата правого русского фланга на 10 *км* в глубину; русская конница без боя уходила перед японцами; но так как русские загибали назад свой правый фланг, уклоняясь от охвата, то охватывающее движение японцев продолжалось на пространстве между р. Хуньхэ и Пухэ. Куропаткин спешил собрать крупные силы на северном берегу р. Хуньхэ, на удобной позиции от селения Салинпу до селения Тутайцзы. I Сибирский корпус был спешно возвращен назад; был сформирован новый резерв главнокомандующего в составе 3 сводных дивизий от X корпуса, от VIII корпуса, от XVII и I армейского корпуса. Эта «творческая» организационная деятельность по составлению сводных резервов, включавшая в них и маршевые роты, продолжалась Куропаткиным весьма активно втечение всей операции; она влекла к ломке постоянной организации, к путанице, но, главное, не могла обеспечить немедленного притока свежих сил; сводные резервы собирались медленно. Под рукой у Куропаткина был только XVI корпус, уменьшившийся до состава одной дивизии: одна бригада была командирована в тыл из-за появления там японских разъездов, а другая бригада выдвинута по мандаринскому большаку, идущему из Мукдена в Синминтінь, к селению Каолитунь, на р. Ляохэ; последняя командировка бригады генерала Биргера была вызвана слухами о появлении японцев в Синминтине; действительно, оттуда японцы подготавливали снабжение продовольствием охватывающих частей 3-й японской армии.

На фронт Салинпу—Тутайцзы двинутые Куропаткиным резервы могли начать подходить только 3 марта, одновременно с выходом из него частей 3-й японской армии. Развернуться здесь мы могли бы только в условиях встречного боя. Таковой и был начат XVI корпусом утром 3 марта. Втечение дня он мог быть усилен еще 2 дивизиями, а к ночи мы располагали бы и I Сибирским корпусом. Командование севернее р. Хуньхэ объединял командующий 2-й армией генерал Каульбарс, оставивший свой штаб (начальник штаба генерал Рузский) при остатках 2-й армии на южном берегу р. Хуньхэ и прибывший осуществлять командование севернее р. Хуньхэ всего с одним офицером генерального штаба; а войска в его распоряжении к утру 4 марта должны были собраться в количестве 112 батальонов и 366 орудий, значительной частью в импровизированных сводных соединениях. Встречный бой не входил в багаж представлений о военном искусстве, которым располагал барон Каульбарс; для последнего встречный бой представлял только беспорядок, только возможность, предоставляемую неприятелю, бить нас по частям. Поэтому барон Каульбарс приказал XVI корпусу оборвать начатый встречный бой и отходить от Салинпу к Юхуантуню. На линии Мадяпу—Юхуантунь—Хоуха имелась укрепленная позиция, прикрывавшая Мукден с запада и северо-запада. Сбор войск на этой позиции действительно являлся обеспеченным, но она вовсе не преграждала путей для развития охвата 3-й японской армии. Загиб этой позиции ставил наши войска внутрь дуги, описываемой японским охватом, что представляло большую опасность.

Насколько наши начальники плохо отдавали себе отчет в опасности этого внутреннего оперативно-тактического положения, являвшегося первым шагом к допущению тактического окружения, видно из поведения генерала Биргера. 3 марта он возвращался из Каулитуня к своему корпусу, который вел тогда встречный бой у Салинпу. У селения Тафаншин дорога к Мукдену оказалась прегражденной генералу Биргеру кавалерийской бригадой, охранявшей левый фланг 3-й японской армии. Положение Биргера представляло огромные оперативные выгоды, так как он оказался в охватывающем японский охват положении. Надо было бы всячески усилять его бригаду, придать ей всю нашу бездействующую конницу, находившуюся поблизости; его бригада должна была стремиться во что бы то ни стало сохранять свои сообщения непосредственно на север или северо-восток, к Телину, так как она представляла именно тот драгоценный уступ, которого нехватало русской группировке. Биргер это не понял. Он вел бой не с тем, чтобы нанести японцам частное поражение, а только с тем, чтобы самому пробиться в Мукден; а пробиваться—это плохая тактика. Биргеру не удалось открыть себе прямой путь в Мукден; тогда в ночь на 4 марта он двинулся обходными, северными путями; его бригада частью разбрелась; все же 5 марта большая часть его бригады собралась внутри охваченного японцами пространства, близ Мукдена. Биргер увеличил собой количество окружаемых войск, но чувство локтя было восстановлено, что очень радовало как Биргера, так и Каульбарса.

В связи с отходом севернее р. Хуньхэ наш фронт южнее Хуньхэ также загнулся теперь от селения Мадяпу на станцию Суятунь и селение Шахепу. Охватывающее движение 3-й армии энергично поддерживалось фронтальными атаками частей 1-й, 4-й и 2-й армий, одержавших только небольшие успехи в западном секторе, между р. Хуньхэ и железной дорогой, где мы сражались уже не на заблаговременно укрепленном фронте. Сокращение линии нашего фронта южнее Хуньхэ, позволившее Куропаткину выделить большие силы генералу Каульбарсу, позволило и японцам перевести 2 дивизии 2-й армии на левый берег Хуньхэ; это открывало возможность 3-й охватывающей японской армии продлить свой охват далее на север. Ойяма, ввиду очевидной пассивности русских южнее р. Хуньхэ, получил возможность усилить 3-ю обходящую армию и своим резервом—3-й дивизией. Первоначальный охват 3-й армии оказался недостаточно глубоким. Перед ней обнаружилась сильно занятая укрепленная позиция русских. Недостаточность сил, направленных первоначально в охват, теперь приходилось искупать очень деликатным, медленным маневром—распространением вдоль русского фронта на север. Оставив жидкую завесу перед фронтом Каульбарса, местами даже допустив разрывы на фронте, командующий армией генерал Ноги выводил отдельные части с фронта и передвигал их позади боевой линии на север; каждый день приносил нам удлинение японского левого фланга; заботу о прорывах, оставляемых южнее, генерал Ноги возлагал на армию Оку и прибывавшие подкрепления.

Успех маневра Ноги, представлявшего своеобразный фланговый марш перед фронтом Каульбарса, был возможен только при условии полной пассивности русских. Самый вялый переход в наступление сковал бы японцев, лишил бы их возможности совершать боковые движения перед нашим фронтом, позволил бы нам выиграть время и упорядочить отпор. Японцы были уже сильно истощены. Куропаткин понимал это и в промежуток от 5 до 7 марта настойчиво требовал от барона Каульбарса, располагавшего большими силами, перехода в наступление.

Каульбарс мог бы перейти в наступление, только ударив на японцев на всем фронте. Но боязнь фронтальных атак заставила его изобрести сложный план выигрыша у японцев фланга на севере и контр-охвата японцев нашим правым флангом. Каульбарс считал крайний фланг Ноги еще у Салинпу, а он был уже у Ташичао, протянувшись почти на переход дальше. Каульбарс хотел нанести главный удар своим правым флангом, но направлял резервы на левый, где генерал Церпицкий хотя и успешно отбивал отчаянные атаки дивизий Оку, нагромождавших на замерзшей земле бруствера из своих трупов, но молил о помощи. Сам переход в наступление, согласно приказу Каульбарса, должен был состояться 6 марта, но был обставлен предпосылками: движение фронта зависело от успеха движения крайнего правого фланга ударной группы. На крайнем фланге наступал 1-й Восточно-сибирский стрелковый полк. Ему нужно было продвинуться до селения Ташичао, на 5 *км* вперед, чтобы создалось исходное положение для движения других частей в атаку. А так как этот прекрасный полк, несмотря на поддержку его 6 другими батальонами, смог только овладеть селением Цуанванчэ, т. е. пройти лишь половину указанного ему для занятияя исходного положения пути, то общий переход в наступление так и не состоялся. А продвинуться 1-й Восточно-сибирский полк не мог, так как при полном бездействии на других участках, японцы легко сосредоточили против единственно наступающего русского участка достаточные резервы. В штабе Куропаткина понимали причины неудачи и составили доклад: «Надо просить командующего 2-й армией (барона Каульбарса), чтобы он дрался действительно армией, а не очередными войсками на глазах прочих войск, стоящих, как говорят, свидетелями, прямо в изумлении от неполучения не только приказаний, но и разрешения итти вперед».

7 марта обстановка складывалась попрежнему выгодно для перехода войск барона Каульбарса в наступление, но последний, отчаявшись в успехе наступления, отдал приказ о переходе всего фронта севернее р. Хуньхэ к обороне. Между тем 3-я армия Ноги, взяв направление к северу, оторвалась весьма значительно от 2-й армии Оку, остававшейся близ р. Хуньхэ. Для заполнения этого промежутка была предназначена прибывшая из общего резерва 3-я дивизия. Весь фронт, занятый русским XVI корпусом у Юхуантуня (около 4 *км*), был поручен одной (5-й) бригаде 3-й дивизии под командой генерала Намбу. Последний решил выполнить свою задачу активно, атаковал на рассвете 7 марта и при поддержке огня 6 батарей овладел на фронте XVI корпуса южной частью селения Юхуантунь и тремя фанзами (домами) южнее—участком 6 наших рот. Вместо того чтобы сосредоточивать свое внимание на общих вопросах руководства, высшее начальство приковало в этот день свое внимание на изгнание японцев из Юхуантуня, где они приблизились на 6 *км* к станции Мукден. Против бригады Намбу сосредоточилось всего 35 батальонов с 13 батареями. Дома, из которых отстреливались япон-

цы, расстреливались нашей артиллерией; шрапнель не давала видимого действия против крепких каменных стен; 2 скорострельных орудия и 2 старых поршневых пушки, имевшие гранаты, были перекачены на руках на полсотни шагов и в упор громили занятые японцами строения. К вечеру уцелевшие 437 японцев из бригады, насчитывавшей утром 4 200 человек, отступили; наши потери здесь достигали 5 400 убитыми и ранеными.

Этот ожесточенный эпизод исчерпал энергию Куропаткина. Если не было сил двинуть Каульбарса вперед, а линия японского окружения надвигалась уже на севере на железную дорогу, то было ясно, что следует ускользать из японского кольца, пока еще пути на север не были заграждены. Начался третий период—выход русских войск из операции. В ночь на 8 марта русские покинули ту часть основного фронта, которую еще удерживали, и отошли на р. Хуньхэ. Фронт Каульбарса, обеспечивавший отход с запада, был продолжен отрядом генерала Лауница, достигшим постепенно силы в 46 батальонов и 128 орудий, собранных с разных сторон; еще севернее завесу перед 3-й японской армией продолжал отряд генерала Мылова (23 батальона, 80 орудий); еще севернее, к станции Хушитай собирался отряд генерала Зарубаева—новых 37 батальонов и 112 орудий. Всего Куропаткин собрал к северу от Хуньхэ, против японского охвата 218 батальонов и 686 орудий,—подавляющие, но вконец перепутанные силы, которые успешно отражали все попытки японцев прорваться к железной дороге. Однако выделение этих огромных резервов преимущественно из нашего центра, так как левое крыло, пользуясь своей удаленностью, сил на запад почти не давало, привело остатки нашей 2-й армии, 3-ю армию и правое крыло 1-й армии в полное расстройство. Уже 7 марта, с налету, японцы прорвали наш фронт на р. Хуньхэ у селения Киузань. Упадок духа, характеризующий армию, сознающую, что операция проиграна, сказался в том, что прорыв японцев не вызвал контратак с нашей стороны. На следующий день отступление русских продолжалось; оно было осложнено новым прорывом, непосредственно восточнее Мукдена. За исключением основной массы 1-й русской армии, спокойно отходившей от Фушуна к Телину, остальные силы русских должны были протискиваться на узком пространстве вдоль железной и мандаринской дорог. Южная часть войск генерала Каульбарса оказалась в наиболее критическом положении; японцам удалось отрезать остатки трех полков и захватить в городе Мукдене толпу отбившихся мародеров. Главные же наши силы, под прикрытием находившихся в порядке арьергардов, отходили к Телину, обращаясь по пути в потерявшую всякую дисциплину и организацию толпу. Состояние русских масс у Телина было таково, что нельзя было вступить с ними в бой; был начат дальнейший отход, на четыре перехода дальше к северу, на сыпингайские позиции, где русские пришли в порядок, усилились и оставались до конца уже проигранной войны.

Русские потери достигали под Мукденом 65 тыс. убитыми и ранеными, в том числе 2 тыс. офицеров, и 22 тыс. пленными. Японские потери оцениваются в 67 500 убитых и раненых.

Мукденская операция развивалась тем медленным темпом, который довольно характерен для современных позиционных операций. Большие силы, назначенные для охватывающего маневра, могли бы дать ему бо̀льшую решительность и быстроту. Ломка организационных соединений, произведенная Куропаткиным,—явление крайне нежелательное, но в современных условиях часто неизбежное. Войска должны уметь драться и вне обычных организационных рамок. Проигрыш операции лежал преимущественно в области оперативного искусства. Но наше бессилие во фронтальных атаках и вытекающая тактическая пассивность во многом объясняют оперативную упадочность. Ударная тактика подорвала веру войск в свои силы и создала у высших начальников недоверие к своим войскам. А в этих условиях не может быть разумного руководства. Впрочем, полностью проявляли себя и мощное разлагающее действие протянувшегося в конечном счете на три перехода в глубину японского оперативного охвата и органическое бессилие охваченных войск перейти к активным действиям изнутри дуги охвата.

После мукденского поражения Россия, охваченная революцией, должна была стремиться к скорейшему заключению мира. Посылка на Дальний Восток нашей второсортной эскадры Рождественского после гибели нашей лучшей Тихоокеанской эскадры являлась уже вовсе ненужным жестом отчаяния и привела только к Цусиме.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Русско-японская война 1904/05 г. Работа Военно-исторической комиссии, 9 томов, 1910 г. Общий тон официальной истории — стремление к выяснению истины, критическое сопоставле-

ние всех данных. В общем прекрасная официальная работа; однако не все части были составлены добросовестными работниками; описание операции на р. Шахэ, составленное Грулевым, — позорный и частью лишенный всякого смысла набор первых попавшихся материалов. Другие же тома производят гораздо лучшее впечатление. Этот труд имел крупное значение в тех успехах, которые сделала русская армия после 1905 г. Действия японцев почти не освещены. Как и большинство всех официальных исторических работ, этот ценный труд в конечном счете является только материалом, так как не исходит из цельного, определенного оперативного мировоззрения и предоставляет конечную оценку делать самому читателю.

2. **Александр Свечин.** Русско-японская война 1904/05 г., 1910 г. Тому же автору принадлежат: „Тактические уроки Русско-японской войны“, 1912; „В Восточном отряде“, 1908; „Предрассудки и боевая действительность“, 1907.

3. Kriegsgeschichtliche Einzelschriften. Herausgegeben vom Grossen Generalstabe, Hefte 37—48, 1909—1912 гг. 12 выпусков военно-исторических монографий, изданных прусским военно-историческим отделением, составляют в общем целое критическое исследование Русско-японской войны. Представляет интерес по широкому использованию японских материалов и по оценке действий японцев и русских с точки зрения учеников Мольтке и Шлиффена.

4. Издания официального австрийского военного журнала Штеффлера, представляющие работы австрийского генерального штаба: Einzelschriften über den Russisch-japanischen Krieg (свыше 50 выпусков) и Taktische Detaildarstellungen aus dem Russisch-japanischen Kriege (свыше 12 выпусков). Японские данные использованы еще подробнее; особенно интересны „тактические подробные описания“; они передают чрезвычайно жизненно, со всеми подробностями, действия мелких частей в бою и являются прекрасным пособием по тактике. Частью переизданы **В. Березовским** в русском переводе в его сборниках: „Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев“. Всего насчитывается свыше 30 таких сборников.

5. Труды военных агентов, присутствовавших на войне: у японцев — англичанина Яна Гамильтона („Из записной книжки штабного офицера“), у русских — пруссака Тетау.

6. **Центроархив,** Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича, 1925 г. Это источник, освещающий главным образом трения внутри русского правительства; еще более важными являются мемуары графа С. Ю. Витте и т. IV отчета о войне с Японией Куропаткина, написанный, в отличие от первых трех томов, им лично, и „Вынужденные разъяснения графа С. Ю. Витте по поводу отчета генерала Куропаткина“.

7. **Е. И. Мартынов,** Из печального опыта Русско-японской войны, 1907. Труд, ярко характеризующий непосредственную реакцию русской военной мысли на события в Манчжурии и рево-

люционизирующее воздействие поражений. Того же автора: „Воспоминания о Русско-японской войне командира пехотного полка“, 1910; „Участие зарайцев в бою при Ляньдясане и в сражении на Шахэ“.

8. Из ведомственных отчетов лучшим является „Война с Японией 1904/05 г. Санитарно-статистический очерк“ 1914 г., изд. Гл. военно-сан. упр. Наиболее карикатурное впечатление представляет „Сборник тактических указаний“, данных начальниками в Русско-японскую войну. Он был составлен по приказанию Куропаткина еще до Мукденской операции. Один из хороших командиров полков, Ласский, узнав, что от него требуют копию объявленных им полку тактических указаний и что в его приказах по полку нет никаких следов тактики, отдал в зиму 1904/05 г. в приказе по 21-му Восточно-сибирскому стрелковому полку случайно оказавшуюся у него брошюру о ночном штурме Карса в 1877 г. Так этот штурм Карса и попал в сборник, фиксировавший опыт Русско-японской войны.

9. **А. М. Зайончковский**, Подготовка России к Мировой войне, 1926. Заключает ценные архивные данные. По своему мировоззрению автор принадлежит к школе Леера-Обручева; что в настоящем труде признается белым, то Зайончковский оценивал как черное, и наоборот.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

XX ВЕК

Эпоха Мольтке и эпоха империализма. — Германская армия. — Французская армия. — Русская армия. — Новые материальные факторы. — Железные дороги.— Паровой флот.— Средства связи.— Новая экономика. — Перманентность мобилизации. — Культурная эволюция. — Рост обозов. — Механическая тяга. — Новое оружие; средства дальнего боя.— Средства ближнего боя. — Авиация. — Долговременные укрепления. — Оперативное искусство. — Оборона и наступление. — Ударная и огневая тактика.

Эпоха Мольтке и эпоха империализма. Войны, которые велись в Европе после свержения Наполеона до 1850 г., преследовали преимущественно цель подавления освободительных движений, вспыхивавших в разных углах Европы. Для этого периода господства реакции типичны кампании Австрии против Неаполя в 1821 г., Франции против Испании—1823 г., русских против поляков—1831 г., французская экспедиция в Бельгию—1831/32 г., борьба с карлистами в Испании—1834—1840 гг., походы пруссаков в Баден, русских в Венгрию, австрийцев—против Сардинии в 1848/49 г. Политические цели, преследуемые в этих войнах, вырастают в плоскости реставрационной политики Священного союза и определяют их полицейский характер. Это—борьба Интернационала государей со стремящимися сбросить узду народами, борьба вышколенных, постоянных армий против слабо организованного противника, иногда представляющего только неорганизованную милицию. Полицейская роль постоянных армий в этот период, скромный размах борьбы, относительно небольшое ее напряжение, отсутствие крупных следов в истории военного искусства—отодвигают изучение этого периода на второй план. Руководящим в первой половине XIX столетия остается опыт наполеоновских походов.

Существенное содержание новейшей эволюции военного искусства составляют два крупных этапа. Первый из них—это период, когда промышленный капитал скинул с себя оковы реакции и когда начались войны за национальное объединение немцев и итальянцев, характеризующиеся новым словом, которое сказал в военном искусстве Мольтке. В предшествующих главах мы стремились возможно резче подчеркнуть те новые материальные условия, которые Мольтке сумел гениально учесть—телеграф, железные дороги, увеличившуюся длину походных колонн, дальнобойное оружие; военное искусство Мольтке исходило из организованной мобилизации, представлявшей единовременный акт, из жесткого плана перевозок по сосредоточению и стремилось вести операцию раздельными массами, действующими по скрещивающимся направлениям; предварительное построение резервного порядка отпало, войска непосредственно из походных колонн стали вступать в бой.

Второй этап эволюции военного искусства вытекает из политического напряжения Европы, создание которого началось в результате аннексии Германией в 1871 г. Эльзаса и Лотарингии. Оно еще увеличилось после берлинского конгресса 1879 г., когда Бисмарк, которого с 1870 г. мучил «кошмар коалиций», решил взять инициативу на себя и связал Германию «с живым трупом», который представлял политический организм Австро-Венгрии. Формальное заключение Тройственного союза (1883 г.), естественно, вызвало образование в Европе враждебного лагеря; пока Бисмарк находился у власти (до 1890 г.), ему удавалось заключать с Россией перестраховочное соглашение; в 1890 г. Россия отказалась продолжить срок связывавших ее соглашений с Германией и вступила на путь союза с Францией. В 1893 г. продолжавшиеся уже два года переговоры привели к заключению формальной военной конвенции с Францией[1]. История всех государств вступила в последней четверти XIX века в полосу империализма, и в Европе создались предпосылки для ведения борьбы, превосходящей на много по размаху и углублению даже ту кульминационную точку, которая была достигнута при Наполеоне I, и развивающейся в настоящем мировом масштабе. Характеристикой эволюции военного искусства на этом этапе восходящего развития империализма мы и заканчиваем настоящий труд. Изучение заката империализма в военном искусстве, той эпохи, в которую историческая жизнь вступила на развалинах, оставленных Мировой войной, выходит уже из рамок настоящего труда.

---

[1] История военной конвенции изложена в статье Н. Валентинова „Военные соглашения России с иностранными государствами до войны“. Военно-исторический сборник, том II, стр. 94—128, Москва, 1919 г. Политическая обстановка в Европе с 1890 г. освещена в труде Karl Helfferich. Die Vorgeschichte des Weltkrieges, Берлин, 1919, стр. 230, представляющем I том его „Der Weltkrieg“, а также в составленном Фридъюнгом продолжении всемирной истории Шлоссера.

Для строительства вооруженных сил эпохи империализма чрезвычайно важны устойчивость и уверенность в себе государственной власти в важнейших странах в конце XIX века. Капиталистическое устройство общества, казалось, стабилизовалось. Рост общего благосостояния, колоссально увеличившаяся производительность труда, эксплоатация колоний и еще нетронутых сырьевых ресурсов позволяли буржуазии увеличивать заработную плату, в особенности для квалифицированных рабочих, и материально заинтересовывать их в судьбе своего государства; голод и нужда, так обостряющие классовые противоречия, казалось, должны были исчезнуть из обихода цивилизованных государств и при господстве буржуазии. Руководители буржуазного общества должны были преодолевать страх перед массами, явившийся в результате Великой революции конца XVIII века и вновь обострившийся вследствие массовых выступлений 1848 г. Полицейская роль вооруженной силы, вследствие кажущегося умаления значения внутреннего классового фронта, отодвигалась на второй план: уверенный в своей внутренней силе, империализм нуждался в широком напряжении всего того, что могли дать ему массы; при увеличивавшемся напряжении внешних противоречий между государствами, при нарастающем темпе конкуренции между ними, при методах решения экономических вопросов путем апелляции к силе—в эпоху империализма ни одно государство не могло рассчитывать сохранить свое место под солнцем, сохраняя те феодальные предрассудки по отношению к вооружению масс, которые еще ограничивали размер армий в эпоху Мольтке. Но, конечно, ни в одном государстве эта тенденция империализма не могла быть удовлетворена полностью.

Германская армия. Наиболее ярким выражением этой тенденции империализма является военная реформа, проведенная в Германии в 1888 г. Географическое положение в центре Европы Германии, окруженной наиболее воинственными нациями, являлось особенно угрожаемым. Непосредственными стимулами для этой реформы являлись сближение между Францией и Россией, которое в скором времени должно было привести к установлению между ними военной конвенции, и усиление этих обоих соседей Германии, заимствовавших у нее общую воинскую повинность. Прусский генеральный штаб выдвинул альтернативу—или превентивная война с целью разгрома Франции или большое военное усилие, чтобы оказаться на высоте требований борьбы на два фронта. Бисмарк высказался за сохранение мира и усиление вооруженных сил. Рейхстаг отклонил требования военного министерства, был распущен и в новом составе принял закон 11 февраля 1888 г. База для военного усиления Германии могла быть найдена только в возвращении к тем принципам, которые были попраны реформой 1860 г. Иронией судьбы является то обстоятельство, что император Вильгельм I, убежденный враг ландвера, видевший свою заслугу в том, что, не останавливаясь перед угрозой революции, провел его умаление, за 26 дней до своей смерти оказался вынужденным вновь утвердить его создание. Общий срок состояния военнообязанных в армии и ландвере был вновь поднят с 12 лет на 19; было восстановлено деление ландвера на два призыва и образован ландштурм с 17 до 45-летнего возраста.

Закон 1888 г. предусматривал 3 года действительной службы, 4 года—в резерве, 5 лет—ландвер первого призыва (27—32 года), 6 лет—ландвер второго призыва (32—39) и ввел новую категорию запаса призывных, в котором состояли 12 лет (с 20 до 32 лет) все годные к военной службе, но не попавшие на действительную военную службу. Кроме того этим законом был установлен числившийся раньше только на бумаге ландштурм первого призыва—лица 17—39-летнего возраста, не находящиеся в резерве, в запасе призывных или ландвере, но годные к военной службе, и второго призыва—39—45-летние. Таким образом, срок воинской повинности расширился вдвое—с 12 на 25 лет. С 1893 г. официально был установлен практиковавшийся уже ранее 2-летний срок службы в пехоте и ездящей артиллерии с соответственным увеличением срока службы в резерве до $5^1/_2$ лет. Уменьшение срока действительной службы с 3 до 2 лет, при сохранении постоянной армии в размере около 1% всего населения, приводило к увеличению в полтора раза размера контингента новобранцев, ежегодно зачисляемого в армию.

С расширением воинской повинности перед Германией встала задача демократизации командного состава; юнкерский класс уже не мог обеспечить империалистической политике выставление десятков и сотен тысяч командиров вооруженного народа. В 1887 г. циркуляр военного министра приглашал командиров полков открыть сыновьям средней буржуазии более широкий доступ в офицерский состав их полков. В 1913 г. военный министр с трибуны рейхстага уже призывал мелкую буржуазию заполнять вакансии прапорщиков запаса и предъявлял торговым кругам требование, чтобы они не стеснялись брать себе приказчиками преимущественно прапорщиков запаса.

Одновременно с этой военной реформой германская государственность пыталась возможно теснее связать с собой широкие массы. В эпоху Мольтке дело ограничивалось энергичным воздействием через обязательную школьную повинность. Но власть школьного учителя ограничивалась умами младших возрастов военнообязанных; дальнейшим наставником являлся личный жизненный опыт. Поэтому теперь само государство начинает вести социальную политику, воспринятую Бисмарком и затем Вильгельмом II от катедер-социалистов. Конкурируя таким образом с социал-демократической партией, государство напрягает свои усилия и к тому, чтобы приручить, втянуть на лоно буржуазной государственности социал-демократических лидеров, подготовить реформизм и социал-предательство. Знаменательно, что расширение воинской повинности в 1888 г. совпадает с приступом к ликвидации исключительных законов против социалистов. Последний перед Мировой войной министр внутренних дел, Клементий Дельбрюк, подвергался резкой критике за то, что он расшаркивается перед социалистами и поощряет их; знаменательно, что при отражении этих атак справа он получал поддержку от Большого генерального штаба. 4 августа 1914 г.—день голосования социал-демократии за войну и военный бюджет — явился оправданием этой империалистической политики. Социал-патриотизм и социал-шовинизм удивили только непосвященных. Измена германской социал-демократии заветам Карла Маркса составляла существеннейшую часть плана Шлиффена— развертывание против Франции таких масс полевых, резервных, ландверных, эрзатц-резервных войск, которые бы позволили продолжить германский фронт от швейцарской границы не только до Бельгии, но до самого моря, и тем создали бы предпосылку грандиознейшего охвата.

Германская экономика оправдывала план Шлиффена. Женщины много рожали, юношество было здорово, сыто и обработано в школах. Германский империализм делал ошибки не в избранной линии поведения, а в энергии ее осуществления в жизни. Он заинтересовал массы в своей судьбе, но недостаточно. Он чрезвычайно расширил объем воинской повинности, но не изжил до конца феодальных тенденций 1860 г. Из 460 тыс. молодых немцев, пригодных к военной службе, ежегодно в ряды армии зачислялось только 325 тыс., т. е. только 70%. Вооруженный народ в количестве 30% заблаговременного военного обучения не получал. Знаменателен мотив, по которому за 2 года до войны прусское военное министерство отказалось выполнить требование Людендорфа о сформировании трех добавочных армейских корпусов: избыток новых формирований разжижит и ослабит кадры армии; это почти повторение мотивов, по которым Роон оставил Мольтке воевать с численно слабейшими силами против армии Гамбетты.

В Мировую войну германцы вообще сконструировали свою армию по принципу вооруженного народа лишь на русском фронте. Здесь было 9 перволинейных, 8 эрзатц-резервных[1] и 9 ландверных дивизий пехоты, не считая 4 перволинейных дивизий, перекинутых в августе из Франции в Восточную Пруссию. 17 эрзатц-резервных и ландверных дивизий, которыми пруссаки нарастили свои войска на русском фронте,—это, по числу, вся прусская армия, действовавшая в 1866 г. на богемском театре и принудившая Австрию к миру. Одна из существенных ошибок русского генерального штаба при вторжении в Восточную Пруссию—это недостаточный учет второлинейных прусских формирований, расчет почти исключительно на борьбу с 9 полевыми и резервными дивизиями немцев.

Неискренность, с которой Германия шла по пути вооруженного народа, постоянный возврат к основной мысли реформы 1860 г. видны из формирования той массы, которая была предназначена в начале Мировой войны сокрушить Бельгию и Францию. Против 91 перволинейных дивизий Антанты (79 французских, 4 английских, 8 бельгийских) Германия двинула 77 своих перволинейных дивизий. Против второлинейных формирований Франции немцы располагали лишь 20 ландверными дивизиями. Несмотря на существенное качественное превосходство германских войск и первоначально одержанные ими победы, численность их оказалась недостаточной в обстановке стремительного наступления, вызывавшего большой расход войск как на фронте, так и для обеспечения тыла и правого фланга. Наличность лишнего десятка дивизий позволила бы немцам протянуть свой фланг до моря и исключила бы возможность марнского маневра. Этот десяток дивизий Германия могла бы легко иметь, так как, несмотря на то, что обучено было только 70%, внутри страны оставалось до 600 тыс. обученных, не использованных при первой мобилизации, вследствие отсутствия кадров.

---

[1] Т. е. сформированных из запаса призывных. Часть эрзатц-резервных дивизий представляла нормальные резервные части. Прибавка „эрзатц“ преследовала в таком случае только цели маскировки. Еще Наполеон в 1800 г. ложными названиями маскировал сосредоточение войск той армии, с которой он одержал победу при Маренго.

Германия хорошо обеспечила артилерией и техникой свои резервные и часть эрзатц-резервных дивизий.

Но ландверные части имели лишь немного батарей, притом вооруженных устаревшими орудиями; младшие классы ландвера уже при первой мобилизации были взяты на пополнение резервных дивизий; без техники, без скорострельной артиллерии, без пулеметов, даже без походных кухонь и с одними старшими возрастами—ландвер много сделать не мог. Однако, надо отметить высокую боеспособность в начале Мировой войны силезского ландвера Войерша и ландверной дивизии фон-дер-Гольца.

Весьма отрицательно на устройстве армии отражалось стремление германской политики подготовить почву и для борьбы с Англией за господство на морях. Из сумм, уделяемых по бюджету на оборону, военное ведомство в Германии получало только две трети, а одна треть шла на создание флота. Этого умаления средств сухопутная армия эпохи Мольтке не знала. Несомненной ошибкой Германии было выступление конкурентом Англии на морях, пока континентальные счеты не были еще приведены в ясность.

Французская армия. Господствующие классы Франции не кооптировали добровольно завоеваний революции, как прусские юнкера, а они были навязаны им насилием. До войны 1870 г. и легитимная, и буржуазная монархии, и бонапартизм уклонялись под любыми предлогами от общей воинской повинности. Французская буржуазия занимала оборонительную, исторически-реакционную позицию; у нее не было в XIX веке того наступательного стимула, который создавался в Германии сначала тяготением к национальному объединению, затем роскошным, избыточным развитием промышленности, в особенности тяжелой индустрии, электротехники и химического производства. Страна рантье, какой являлась Франция, представляла лишь узкую экономическую базу для империалистических устремлений. Наряду с многочисленной, патриотически настроенной, экономически тесно связанной с государством мелкой буржуазией французские народные массы образовывались рабочим классом, имевшим старые революционные традиции; недостаток рождений во Франции компенсировался многочисленными иностранцами, выполнявшими черную, плохо оплачиваемую работу и всегда революционно настроенными. Просветительное воздействие буржуазии на школы и массы было слабым; парижские рабочие исторически были наклонны к бланкизму. В этих условиях Франции нелегко было приспособиться к требованиям эпохи империализма. В широком масштабе она усвоила их лишь втечение самой Мировой войны.

Тьер, устраивавший консервативную буржуазную республику на костях Парижской коммуны, должен был ввести как результат грустного опыта войны 1870 г. общую воинскую повинность. Но он ее постарался в возможной степени обезвредить: длительность действительной службы в мирное время была установлена в 5 лет; при этих условиях французская армия, несмотря на большой наличный состав, могла вместить только половину ежегодного контингента. Эта линия, установленная Тьером, испытывала впоследствии значительные колебания; тем не менее реакционные тенденции остались чрезвычайно характерными и для французского генерального штаба, как это было раскрыто делом Дрейфуса, и для французской военной доктрины, родившейся в недрах своеобразной фашистской реакции—буланжизма.

В промежуток 1897—1907 гг. левые буржуазные вожди республики (например Комб), в связи с борьбой против политических баз католицизма, стремились побороть реакционные тенденции французской армии; целый ряд выдающихся представителей генерального штаба (Бонналь) был уволен в отставку; армия перешла к двухлетнему сроку службы; к действительной службе в мирное время были привлечены все молодые французы; не годные к строевой службе призывались на нестроевую. В строительстве вооруженных сил известное место заняли резервные дивизии, подготовке и организации коих уделялось некоторое внимание.

Но в 1907 г. Франция вернулась к своей основной линии. Внешний толчок дали волнения на юге Франции, «виноградный бунт»—протест и насильственные действия мелких собственников виноградников, считавших свои интересы недостаточно огражденными. 17-й пехотный полк, двинутый против крестьян, взбунтовался. Волнения во время учебных сборов резервистов были обычным делом. Реакция воспольпользовалась этими обстоятельствами, чтобы напугать французских рантье. Историки перерывали все архивы 1793 г., чтобы вскрыть все паники, скандалы, неустойки, безобразия, имевшие место в молодых волонтерных частях республики; поражение Наполеона в 1813 г. нашло объяснение в том, что его армия не имела солидных кадров и была переполнена новобранцами. Буланжизм и его наследники вели отчаянную агитацию за сроднившегося с мундиром и казармой полупрофессионального старого солдата, оторванного от народных масс и готового защищать порядок. Бонналь, покоривший военное мышление Франции и находивший последователей и далеко за ее пределами, доказывал, что мысль в бою оказывается банкротом, что деятельностью бойца в критические минуты руководят только рефлексы, что надежен только солдат-автомат. Ланглуа из опыта Англо-бурской войны, в которой бурская милиция так успешно сопротивлялась английским профессиональным солдатам, дал следующую оценку эволюции военного искусства: «а) Значение и легкость маневра теперь возрастают, откуда надо особенно заботиться о подвижности; б) современные условия требуют более тесного взаимодействия разных родов войск, а следовательно более солидной организации; в) современный бой требует от бойцов все большего морального закала; г) всякий прогресс вооружения уменьшает значение числа». Все эти выводы, вся работа французской военной мысли представляли лишь красноречивые доказательства того положения, что значение масс на войне ничтожно и с каждым годом идет убыль... А так как и надежда на помощь России, ослабленной войной с Японией и революцией, ослабла, а Германия бряцала оружием, то правительство капитулировало перед реакционными военными кругами; за массами была установлена репутация скандалистов, учебные сборы резервистов были сокращены, сборы территориальных частей—французского ландвера—были вовсе отменены.

Призыв Фоша, бывшего помощника Бонналя, на пост начальника Французской военной академии, и увольнение в 1911 г. главнокомандующего Мишеля обозначают этапы этой реакции. Мишель был опрокинут буланжистским генеральным штабом за свой план войны, в котором он предусматривал охват немцев через Бельгию и стремился парировать его выставлением французских масс, в которых существенное значение должны были получить резервные дивизии; на место твердого и ясно мыслящего специалиста Мишеля буланжисты выдвинули рыхлого, но послушного им, правоверного сторонника доктрины Жоффра. В 1913 г., когда обсуждались последние мероприятия для усиления боеспособности армии, Франция ничего не сделала, чтобы дать территориальным частям, или хотя бы только резервным дивизиям, артиллерию и технику. Жоффр, Бюат и весь французский генеральный штаб в своем презрении к массам проглядели германскую реформу 1888 г.; воистину, французское разведывательное отделение, поддерживавшее своими данными сторонников доктрины, проглядело слона в немецкой организации и расценивало силы, которые выставит Германия в Мировую войну, с точки зрения сохранения в Германии силы феодальными основами 1860 г. Немцы, по мнению знатока-разведчика Бюата, конечно, могли бы выставить несколько резервных дивизий, но не захотят скандалиться с ними в первой линии. На фронте немецкого вторжения будет только два десятка перволинейных корпусов; отсюда ясно, что немцы не смогут растянуть свой фронт через всю Бельгию; охват через последнюю может мерещиться лишь такому маловерному и нетвердому в доктрине генералу, как Мишелю. Отсюда французы перед Мировой войной за счет резервных частей направляли все усилия на погоню за качеством перволинейных войск: сохранив обязательность военной службы в мирное время для всех французов, они повысили ее длительность с 2 до 3 лет; мирный состав частей значительно увеличился, роль запасных умалилась; резервные части сокращались под предлогом увеличения артиллерии и уплотнения техники в перволинейных частях.

В результате Франция далеко не в полной степени использовала при отражении натиска германцев в августе 1914 г. те четырнадцать возрастов, которые по закону находились в распоряжении военного ведомства для пополнения армии и формирования резервных частей, и почти вовсе не использовала территориальные части. Предрассудки французского генерального штаба относительно резервных частей развеялись только втечение самой войны. Если довольно-таки жалкий, хромой французский империлизм не погиб в первые недели войны, то этим он обязан России, отчасти Англии, отчасти ошибкам Германии.

Русская армия. К моменту освобождения крестьян в 1861 г. в России насчитывалось всего 8 городов с населением свыше 50 тыс. жителей. Городское население не достигало и полных 8%. За истекшие затем полвека Россия сделала огромные шаги и обратилась в полупромышленное государство; население столиц начало исчисляться миллионными цифрами; буржуазия посредством Государственной думы приближалась к власти. Однако политическая устойчивость царской России была невелика; буржуазный класс был все еще очень немногочислен и политически малоопытен; ряд феодальных пережитков государственного устройства отбрасывал в лагерь оппозиции и даже революции ценные силы господствующих классов; крестьянство жило в чрезвычайной бедности и мало приобщалось к общим экономическим успехам государства; противоречия между городом, быстро шедшим к европейской культуре, и деревней, безнадежно отставшей, увеличивались. Властные требования эпохи империализма толкали и русское правительство к тому, чтобы дать оружие своим ненадежным массам и попытаться опираться на них в столкновениях с соседями. Однако хрупкость государственного устройства требовала чрезвычайно осторожной политики и лишь постепенного движения по пути к вооруженному народу.

Русско-японская война и революция 1905 г. привели к военной реформе. Втечение 7 лет перед Мировой войной количественное наращение мирного состава русской армии было задержано. Военный же бюджет увеличился в сильной мере; за десятилетие 1903—1913 гг. средства военного ведомства по обыкновенным и чрезвычайным ассигнованиям возрасли с 340 до 563 млн. рублей—на 66%. Русская армия располагала наибольшим военным бюджетом в мире, но значительно отставала от германской, если учитывать сумму ассигнований по бюджету, приходящуюся на одного солдата, содержимого в мирное время; это отставание окажется еще более существенным, если мы учтем меньшую покупательную способность денег в России, в особенности относительно оружия и технических изделий. Наша армия могла бы сравняться по технике с германской только в случае нашего отказа от постройки линейного флота; последний, в условиях чрезвычайно невыгодного расположения русских портов в глубине оперативных задворок морей, лишенный надлежащего базирования, был обречен на бездействие. Однако после Цусимы и первой революции мы вновь начали строить кораблики, что отвлекало крупную часть сумм, ассигнуемых на оборону, и еще более существенную часть нашей еще слабой промышленности. Последнее тем более стесняло подготовку обороны на сухом пути, что было принято разумное в основном решение отказаться от размещения военных заказов за границей в крупном масштабе. Все же явилась возможность обставить армию значительно лучше; армия получала почти роскошный паек (3/4 фунта мяса, чайное довольствие), казармы лучше отапливались и освещались, солдат получал одеяло и постельное белье, изобильный отпуск патронов позволил значительно поднять обучение стрельбе; явилась возможность расширить сеть военных училищ и закрыть юнкерские училища, снабжавшие до того армию суррогатом офицерского состава. Получилась возможность не только пополнить израсходованные в 1904/05 г. мобилизационные запасы, но и значительно их расширить (с 600 снарядов на орудие до 1 100, обмундирование для ополченских частей и т. д.). В техническом отношении удалось широко пополнить имевшиеся прорехи, используя опыт Русско-японской войны (пулеметы, телефонное имущество, автомобили). Наша промышленность за последние 7 лет перед Мировой войной работала полным ходом над исполнением военных заказов и значительно развилась и окрепла. Исключение составляло производство ружей, которое постепенно глохло за удовлетворением нужд армии. Последние были исчислены ошибочно слишком малыми; недостаточно учитывались утрата оружия на полях сражения и потребность запасных частей, война масс.

Одновременно с поднятием благосостояния, с накоплением мобилизационных запасов, с насыщением техникой реформа отбросила и основы обручевской системы, обанкротившейся в Русско-японскую войну. На место сосредоточения заблаговременно перволинейных войск в западной пограничной полосе и создания особых резервных частей внутри государства были выдвинуты территориальный принцип и начало создания скрытых кадров. 128 батальонов, приблизительно 10% всей русской армии, были выведены из Варшавского и Виленского военных округов и размещены во внутренних областях, ближе к источникам их комплектования и пополнения при мобилизации. 196 резервных и крепостных батальонов, приблизительно 15% нашей армии, были переформированы в полевые части; было сформировано 6 новых корпусов (всего 37) и 7 новых полевых дивизий (всего 70 дивизий и 17 стрелковых бригад). Одновременно удалось, без количественного увеличения армии в мирное время, добиться увеличения среднего мирного состава полков на 20 офицеров и 377 солдат; половина полков получила, сверх того, увеличение своего состава на скрытый кадр резервного полка—19 офицеров и 262 солдата. Увеличение мирного состава позволило значительно повысить энергию обучения. Скрытые же кадры обеспечивали формирование 35 второочередных дивизий. Одновременно достигались и значительное повышение качества и, при том же мирном составе, мобилизационное увеличение на 10% большее, чем при системе Обручева. Отказ от системы Обручева приводил к значительно высшей ступени рационального использования содержимых в мирное время кадров. В этом отношении реформа Сухомлинова, безусловно, продолжала линию милютинских реформ.

Русская армия при мобилизации должна была достигнуть состава в 1 812 батальонов, 835 батарей, 926 эскадронов и сотен, около 90 батальонов инженерных и железнодорожных войск+крепостная артиллерия+значительно развившиеся оперативные тылы; без запасных частей ее численность должна была достигнуть 3 300 тыс., т. е. увеличиться на 168% по сравнению с мирным составом—1 230 тыс. солдат.

Перед Мировой войной предположения русского генерального штаба следовали по тому же направлению, которое было избрано и во Франции: намечалось, по большой программе, увеличить главным образом мирный состав перволинейных дивизий и полнее обеспечить их артиллерией и техническими средствами. Мотивировка этой большой программы, долженствовавшей вызвать к 1916 г. увеличение русской армии в мирное время на 39%, гласила, что участь современной войны определяется результатами первых столкновений, успех коих зависит от качества перволинейных войск. Это намечавшееся развитие находилось под сильным давлением Франции, заинтересованной прежде всего в готовности и быстроте выступления русской армии[1].

---

[1] Конечно, большое значение имел и колониальный опыт Русско-японской войны; V и VI сибирские корпуса были очень памятны русскому генеральному штабу, так как генеральный штаб не знал куда их пристроить в операции на р. Шахэ, чтобы они своей паникой не мешали другим войскам. Да и французский генеральный штаб в своей борьбе против резервных дивизий опирался на этот опыт.

Условия Мировой войны толкнули русское командование встать на недостаточно политически подготовленный путь вооруженного народа. Обманчивое внутреннее политическое затишье, кажущийся гражданский мир, принесенный Мировой войной, твердивший, казалось, о мощи капитализма, позволили русскому командованию, зажмуря глаза, мобилизовать все новые массы, разжижать кадры армии, оставив всякую осторожность, и новыми сотнями тысяч прапорщиков и миллионами едва обученных и вовсе не воспитанных солдат. И в условиях империалистической войны были такие крепы, которые удивительным образом позволяли этому огромному ополчению не рассыпаться и даже неплохо сражаться, хотя всегда имелись опасения массовых сдач в плен и паник. Но достаточно было начаться революционному движению в тылу, как эта армия обречена была развалиться, обнажив свою крестьянскую классовую сущность; массовым исполнителем русской революции, в особенности ее первых стадий, явился замаскированный в солдатскую шинель крестьянин.

Новые материальные факторы. Чрезвычайно талантливый и прозорливый германский военный мыслитель Шлихтинг, давший теорию оперативного искусства Мольтке, полагал на склоне своих лет, что это оперативное искусство будет господствовать сотни лет, так как в основе его лежат новые великие области, которыми овладел человеческий гений—пар и электричество. У Наполеона не было железных дорог и телеграфа, у Мольтке они были, и пройдут, может быть, столетия, прежде чем человечество сделает от железных дорог и телеграфа новый шаг, который будет иметь в военном деле такое же значение. Шлихтинг поэтому не слишком интересовался Англо-бурской и Русско-японской войнами: тот же материальный базис, на котором действовал Мольтке, должен был, по его мнению, привести к тем же оперативным выводам.

Шлихтинг ошибался. Не говоря уже о новых изобретениях—авиации, радио, автомобиле, пулеметах, газах, те самые материальные факторы, знакомые Мольтке,—железные дороги и телеграф,—увеличились в количестве, в распространении, в своей мощи; этот количественный рост имел для военного искусства и качественные последствия.

Железные дороги. Эпоха Мольтке не знала еще таких примеров, как отправление в первые 4 дня летних каникул на север, на морское побережье, с Штеттинского вокзала по двум железнодорожным линиям 200 тыс. пассажиров в

297 поездах (1907 г.). Железные дороги позволили человечеству в XX веке вступать на месяцы отдыха как бы вновь в кочевой период существования.

Железные дороги перестали в XX веке играть первенствующую роль в один лишь начальный момент войны—перевозок по сосредоточению. В XX веке оперативное развертывание почти не ускорилось по сравнению с эпохой Мольтке; ошибочно было бы искать эволюцию в этом направлении. Но изобилие железных дорог, наличие рокировочных линий позволяют ныне отказаться от жесткого плана перевозок, допускают сохранение свободных линий, разработку нескольких вариантов, сохранение оперативного резерва, который может быть брошен по любому направлению. Генерал Мишель предлагал одну треть французской армии развернуть на германской границе, одну треть—на бельгийской и одну треть первоначально задержать у мощного парижского железнодорожного узла, чтобы затем распорядиться этим оперативным резервом в зависимости от обстановки. И этот план Мишеля был несравненно более планом XX века, чем принятый план Жоффра—жесткого развертывания на германской границе. Русский генеральный штаб перед Мировой войной вносил все большую гибкость в свои планы развертывания.

Но если железные дороги в период перевозок к границе представляют совершенно иное по гибкости орудие, чем они были в 1870 г., то роль их втечение самой войны радикально изменилась. Вместо одиночных поездов на фронт они теперь подают ежедневно сотни поездов снабжения и укомплектования; благодаря развитию железнодорожных войск и организации, совершенно незнакомой Мольтке, восстанавливаемая железнодорожная сеть теперь ползет за армией, принимает самое энергичное участие в оперативном маневрировании, заштопывает прорехи на фронте, удлиняет фланги; она вносит уравновешивающее начало, сдерживая наступающего, и, подпирая оборону, толкает к созданию позиционного фронта. Втечение самой войны производятся капитальные работы по проложению новых линий и развитию существующих. Новая роль железных дорог вызвала совершенно отличные отношения между фронтом и тылом; фронт стал крепче, тыл на него надвинулся и, выполняя втечение операции ответственную работу, стал чувствительнее.

В Мировую войну русская железнодорожная сеть поколебала знаменитое утверждение, которым Мольтке начинает официальную историю войны 1870 г.: «Ошибки в первоначальном сосредоточении принадлежат к числу тех, которые почти невозможно исправить». Когда выяснилась опасность правому флангу всего нашего развертывания против австро-венгерцев, железные дороги в короткое время высадили к западу от Люблина новую, 9-ю армию, что придало полную устойчивость пострадавшей в начале Галицийской операции 4-й армии; а прорыв, образовавшийся между 4-й и 5-й русскими армиями, был заполнен подвезенными подкреплениями, которые нанесли поражение забравшимся в него частям X австрийского корпуса. Точно так же наиболее удачные маневры Людендорфа в Восточной Пруссии против самсоновской армии, сосредоточение им же ударной группы против нашего правого фланга в Лодзинской операции, наконец, Марнская операция Жоффра—стали возможны лишь благодаря оперативным перебросками по железным дорогам.

О работе железных дорог по перегруппировкам и снабжению в конечном периоде Мировой войны дают представление следующие цифры: в кампанию 1918 г., начавшуюся 21 марта переходом немцев в наступление и закончившуюся 11 ноября, за 236 дней, фронт Антанты получил 17 тыс. поездов, высадивших резервы (максимум 198 поездов в сутки), и 50 тыс. поездов, обслуживавших снабжение (максимум 424 поезда в сутки). Напряжение железных дорог в критические моменты перегруппировок было даже большим, чем в период первоначальных перевозок по сосредоточению.

Паровой флот. Железные дороги эпохи империализма оказывали и другое могучее влияние на стратегию: они в сильной степени упростили задачу обороны берегов, сбор сил для противодействия десанту. Современный паровой флот достиг огромных размеров; перевозка большой английской армии в Южную Африку на войну с бурами встретила значительно меньшие затруднения, и не была подвержена тем случайностям, которые встречались при организации Бонапартом экспедиции в Египет или даже в Восточную войну, когда находившийся в младенчестве паровой флот все же выручал союзников в критические месяцы зимних бурь на Черном море. Однако морские державы все же являлись более опасным противником в прошлом, в период парусного флота. Парусные военные эскадры европейцев обеспечивали им в XVIII веке господство над берегами почти всех морей и океанов. В 1774 г. началось восстание английских колоний в Северной Америке, приведшее к созданию самостоятельных Соединенных Штатов; это восстание сигнализировало начало развития противоположного процесса, ослаблявшего силу морских держав, начавшего постепенную эмансипацию колоний, возводившего затруднения на пути заморских интервенций и завоеваний. В этом процессе крупное значение имели железные дороги, уравнивавшие шансы хинтерланда по отношению к приморской территории, на которой зиждились главные очаги как античной, так и современной цивилизации. При отсутствии железных дорог Наполеон III мог обсуждать, не сделать ли Крым французской колонией; в XX же веке попытка Врангеля воскресить ханство крымское была, по существу своему, уже не наивной, а дикой. По опыту Восточной войны, Россия, и обзаведясь железными дорогами, тратила в войнах 1877/78 г. и Мировой лишние силы и средства на защиту своих берегов, а в 1904/05 г. не сделала попытки оборонять берега Ляодунского залива, считаясь с неизбежностью японского дессанта. Между тем новейший военный опыт показывает возрастающие трудности дессанта. Уже Мольтке смотрел в 1870 г. чрезвычайно скептически на возможности французского десанта на берега Германии и уделял защите их скромные силы. В Мировую войну англо-французский флот не смог преодолеть сопротивление турок в Дарданеллах; с чрезвычайными трудностями происходило и завоевание германской колонии в юго-восточной Африке, обороняемой Летов-Форбеком. Автор Дарданелльской экспедиции, Черчилль, не был более счастлив в опытах десантов, связанных с интервенцией в гражданскую войну в России. В отношении бессилия Англии воздействовать на ход событий гражданская война 1918/19 г. являлась продолжением линии, начавшейся в 1774 г. в Северной Америке и имеющей обширные корни и вне появления железных дорог.

В настоящее время переброска морем крупных сил вполне возможна, но она приобретает обычно серьезное стратегическое значение лишь в том случае, если высаживающиеся войска находят для себя готовую промежуточную базу. Такова была переброска английской армии во Францию втечение Мировой войны, высадка союзного десанта в Салониках в конце 1915 г., причем Грецию насильственно заставили играть роль промежуточной базы, и гигантская переброска, с марта по октябрь 1918 г., полуторамиллионной американской армии через Атлантический океан во

Францию. Некоторые лимитрофные государства и в будущем, при ведении военных действий против СССР, могут сыграть незавидную роль Греции по отношению к салоникскому десанту во второй половине Мировой войны.

Наше скептическое отношение к чисто военным достижениям флота, исходящее из уверенности в силах, полученных материковой территорией в век железных дорог, отнюдь, конечно, не распространяется на давление, оказываемое морскими сообщениями на мировую экономику. То же сближение, которое железные дороги произвели между фронтом и тылом воюющего государства, паровой флот производит между находящейся в войне частью континента и всеми прочими пространствами нашей планеты. Паровой флот является именно тем фактором, который связывает мировую экономику в одно целое и который раздувает войны XX века до мирового масштаба. Втечение Мировой войны английский флот перевез в общей сложности 26 млн. солдат и 242 млн. *т* грузов для снабжения армии и населения. Недооценка транспортных возможностей Антанты Германией явилась крупной политической ошибкой, вылившейся в роковое для немцев решение о способах ведения подводной войны. Если прямая атака берегов теперь и затруднена, то ценность заморского союзника ныне следует котировать выше, чем раньше.

Средства связи. Мольтке пользовался электрическим телеграфом для управления развертываемыми на различных направлениях армиями. С началом операций телеграфная линия обыкновенно следовала только за главной квартирой. Распоряжения армиям, по крайней мере ближайшим, передавались конными ординарцами. Наибольшее применение телеграфа относится к моменту осады Парижа, когда Мольтке из Версаля руководил немецкими армиями на Луаре, на севере и востоке Франции. Но внутри армии технические средства связи не применялись. Командир полка эпохи Мировой войны имел более многочисленный и совершенный аппарат связи, чем командующий частной армией в 1870 г.

После сражения на р. Шахэ в 1904 г., когда началось позиционное сидение, стал распространяться телефон. Командующие армиями пожелали иметь провода к командирам корпусов. Отдельные батареи и полки начали обзаводиться телефонным имуществом. Из Русско-японской войны русская армия вышла с пониманием значения технических средств связи для управления и к моменту начала Мировой войны имела в этом отношении громадное преимущество. Французские полки и батареи еще почти не имели телефонов, германская армия располагала ими только в зародыше. С задачами управления немцы сносно справлялись в первые недели войны только на своей территории, в Восточной Пруссии, где имелась густая постоянная сеть телефонной связи; но план Шлиффена—военного охвата через Бельгию—был вовсе не продуман в отношении связи; неспособность Мольтке Младшего справляться с задачами управления во многом объясняется отсталостью в обеспечении телефонными и телеграфными средствами.

Конечно, и Мольтке Старший умел мгновенно передавать свою мысль на дальнее расстояние помощью электрического прибора. Но и в вопросе связи количество перешло в качество. Мольтке еще вел сражения на фронте в десяток километров; в настоящее время фронты расползлись на сотни и тысячи километров; эти растянутые фронты не были бы возможны без технических средств связи; как раньше войска, потерявшие сомкнутость и чувство локтя, сбившиеся в толпу или рассеявшиеся, оказывались совершенно бессильными, так бессильным является и современный фронт в случае утраты технической связи. Телефон в XX веке заменил чувство локтя; фронт сомкнут, пока связь работает. Потеря связи в августе 1914 г. с армией Самсонова и внутри этой армии сразу же дала событиям катастрофический оборот.

Современная техника связи влияет на все стороны ведения войны. В наполеоновскую эпоху воевали почти без такого общераспространенного теперь инструмента, как карманные часы; тогда они являлись еще предметом редкой роскоши. Какое расписание занятий, маневров, одновременного производства атаки возможно, однако, если время измеряется на-глаз, по солнцу? Сколько происходило недоразумений от применения в бою сигналов пушечными залпами. Еще под Горным Дубняком в 1877 г. у русских начальников гвардии не было выверенных часов, и пришлось обратиться к этому неверному средству сигнализации. Конечно, странно, что в XX веке часы не входят в снаряжение военнослужащих и они обеспечиваются теперь часами еще так же, как ландскнехты обеспечивались оружием в XVII веке.

Связь глубочайшим образом изменила методы управления. Фош, еще в начале XX века, упрекал Мольтке за то, что в 1870 г. он не скакал по-наполеоновски по полю сражения под С.-Привa—Гравелот, а держался в 10 *км* от участка решительной атаки. Еще в решительный момент операции на р. Шахэ, когда японские и русские войска не были достаточно пропитаны средствами технической связи, ставки главнокомандующих обеих сторон—Куропаткина и Ойямы—находились друг от друга всего в удалении одного перехода. Конечно, приэтом создавались менее устойчивые и спокойные условия управления, чем в Мировую войну, когда русская ставка правильно избрала себе место сначала в Барановичах, затем в Могилеве. Но и это являлось только промежуточным решением. Полностью оно было дано лишь к концу гражданской войны в России, когда высшее руководство военными действиями было перенесено в столицу—Москву. Только руководство из столицы, возможное благодаря техническим средствам связи, позволяет сразу обозревать положение фронта и тыла и соответственным образом координировать их усилия.

Новая экономика. Эпоха Мольтке еще не знала экономической мобилизации. Государство еще не являлось полномочным распорядителем всех финансовых и хозяйственных ресурсов страны. Если бы не быстрые успехи 1866 г. и 1870 г., Пруссия пережила бы тяжелый финансовый кризис, так как попытки выпуска государственных займов до одержания решительных побед никакого успеха не имели, и воевать приходилось за наличные деньги, которых было немного. Бедность в деньгах сказывалась и на организации прусского тыла в войнах Мольтке и на организации русского тыла в 1877 г. Промышленность едва заметно изменяла свое течение во время войны. Наибольший толчок получила русская текстильная и суконная промышленность втечение Восточной войны; но и этот толчок не давал никаких оснований говорить о мобилизации промышленности.

Исходя из представлений об этой экономике доимпериалистической эпохи и имея в виду колоссальный рост расходов на войну, вызванный увеличением масс и усложнением военной техники, многие исследователи приходили к выводу, что война будет разорительна и не может затянуться надолго; она будет продолжаться всего 2—3 месяца; 6—12 месяцев являются уже максимальным пределом. Эта кратковременность ожидаемой войны давила на образование запасов, на экономическую подготовку к войне, на устройство крепостей, на соображения всех генеральных штабов. Между тем история военного искусства знакомила нас с другим моментом в жизни Европы, началом XVI столетия, когда армии в сравнении с средневековым составом выросли, материальная часть их сильно усложнилась и расходы на войну дорогими наемными войсками сразу увеличились в несколько раз; этот момент явился исходным для эволюции не в сторону ускорения течения войн, а в сторону перехода к войнам затяжным, на истощение и измор противника. Действительно, чем грузнее ложится экономический гнет на обе стороны, чем неотразимее военные расходы грозят раздавить борющихся, тем мысль о выдержке, о возможности сохранить для своей армии последний в Европе пуд муки, последний пуд каменного угля и притти, таким образом, к победному концу, к полному торжеству над противником—настойчивее выдвигается жизнью. Неотразимость экономической катастрофы оказывала в истории на ведение войны затягивающее действие и приводила, как и в Мировую войну, к полному разорению победителя и побежденного.

Чем шире современная политика, экономика и техника открывают возможность—с затратой каменного угля, стали, меди, хлеба, мануфактуры, азотистых соединений и прежде всего золота—из каждого обывателя относительно скоро выработать сносного бойца, тем поверхностнее являются раны частных поражений; все они в Мировую войну переоценивались, и затем наступало горькое разочарование. Разведка теперь должна вести учет всем взрослым мужчинам и юношам; уничтожение 10 дивизий, потеря 100-тысячной массы заставляет сбросить со счетов противника только 1%. Потеря нефтяного или угольного бассейна, промышленного или хлебного района наносит более тяжелые удары, рубит под корень современные воюющие государственные организмы. Пока тыл работает исправно, современные армии проявляют удивительную живучесть. Приложение наполеоновской стратегии требует, чтобы в неприятельской армии была жизненная точка, сердце, удар в которое даст победу. А если сердца нет? Как была истыкана русская армия к осени 1915 г.—и через немногие недели она вновь ожила. И если Радецкий еще в революцию 1848 г. утверждал, что вся Австрия целиком, вся ее государственность сосредоточена в ее солдатских лагерях, то эволюция современной жизни государств все более и более обращает бойцов на фронте лишь в авангард, судьбы которого—лишь часть борьбы народа, хотя, может быть, и чрезвычайно важного значения.

Было забыто, что наполеоновская стратегия сокрушения, позволяющая достигнуть результата с минимальной затратой времени, а следовательно и с наименьшими расходами, оказалась в XIX веке применима только при наличии большого перевеса сил, какой был у Мольтке, и что две большие войны—Восточная 1853—1856 гг., и война за нераздельность Соединенных штатов—нашли свое решение только в плоскости фридриховской стратегии, в борьбе на выдержку.

Как раз американский Север, придававший такое огромное значение техническим средствам в войне против Юга, давший громадный толчок усовершенствованию оборудования армий, бросивший миллиарды долларов для достижения поставленной цели,—обратился к так называемому плану Анаконда. Удавная стратегия Севера выливалась в блокаду голода и удушения, в кампаниях, которые отрезали от Юга хлебные западные штаты, захватили жизненную артерию—реку Миссисипи, сомкнули около Юга кольцо северян и затем начали его сжимать; вместо принципа частной победы—торжества на одном важнейшем пункте—здесь у Юга ломались все кости, отмирали постепенно все возможности экономической и стратегической жизни, целые области заключались в тюрьму. Через 4 года такой борьбы Юг был раздавлен и сложил оружие. Была ли эта стратегия, связанная с такими культурными опустошениями, проявлением одного военного невежества или отсутствия энергии у янки? Почему же Англия с Китченером во главе, генералом, отличавшимся особо непреклонной энергией, так входит с начала Мировой войны в русло идей удавной стратегии по отношению к Германии (голодная блокада, расчет на выдержку и т. д.), и история увенчивает эти удавные идеи победой? Не давит ли вся современная техника и экономика в сторону этой стратегии измора?

Равно с этими уроками военного искусства была забыта и запротоколенная историей военного искусства речь 90-летнего старца Мольте; в заседании рейхстага 14 мая 1890 г. Мольтке, сам ведший только короткие войны по наполеоновскому образцу, пророчествовал: «Если война, которая уже свыше десяти лет, как дамоклов меч висит над нашей головой, если эта война разразится, то никто не сможет предугадать ее продолжительность и ее конец. В борьбу друг с другом вступят величайшие государства Европы, вооруженные как никогда. Ни одно из них втечение одной или двух кампаний не может быть сокрушено так, чтобы оно признало себя побежденным, чтобы оно вынуждено было заключить мир на суровых условиях, чтобы оно не могло вновь подняться и хотя бы даже через годичный срок опять возобновить борьбу; это, может быть, будет семилетняя, а может быть, и тридцатилетняя война».

Перманентность мобилизации. Экономика XX века дала в руки государства могущественные ресурсы для ведения длительных войн; современная финансовая система позволяет выкачать все средства народного хозяйства на потребности войны. Гигантская мобилизация промышленности придает современной войне совершенно новый облик и позволяет впродолжении войны снаряжать все новые войсковые части, что обращает войсковую мобилизацию из единовременного акта в перманентное явление, позволяет вести войну не на заготовленные заблаговременно запасы снарядов, патронов, оружия, снаряжения, а на запасы, изготовляемые втечение самой войны; последнее явление особенно отражается на длительности войны и ведет к большим жертвам—людьми и народным богатством. Строительство вооруженной силы Гамбеттой втечение самой войны 1870 г. являлось исключительным явлением для XIX века. В XX веке оно стало нормой; мы можем проследить его втечение Мировой войны у всех воюющих государств, особенно в Германии, Англии и Соединенных Штатах; вся гражданская война в России представляет сплошное строительство Красной армии, строительство, которое велось в гигантском масштабе, в труднейших условиях. Постепенность современных мобилизаций отодвигает высшую точку напряжения воюющих на несколько месяцев вглубь войны, когда и промышленность сумеет перестроиться в соответствии с требованиями войны; это обстоятельство дает начальным операциям характер прикрывающих действий; существующая в мирное время армия обращается лишь в авангард собирающегося выступить вооруженного народа.

Культурная эволюция. Французская революция выдвинула господство интересов целого, общего, коллектива над интересами частными, индивидуальными, и явилась основанием для необычайного развития мощи государства. Аппарат государственного управления заработал в XIX веке с неведомой раньше силой, точностью и отчетливостью; различие между бумажными и действтиельными данными, с нарождением честных и образованных чиновников, с установлением контроля и гласности, начало резко сглаживаться. Воинская повинность, поставляющая бесплатно военному ведомству человеческий материал, вызывала справедливые протесты лучших мыслителей XVIII века; она стала возможной в XIX веке. В XVIII веке военное ведомство в отношении поступавшего к нему человеческого материала еще являлось дырявым решетом. В начале Семилетней войны, в 1757 г., в России было собрано 43 088 рекрут; из них дошло до офицеров-приемщиков 41 374, отправлено в полки 37 675, а прибыло только 23 571 человек; 45% потерялось—умерло, дезертировало, пристроилось по дороге. Еще во время Французской революции около 35—40% мобилизованных по декрету французов не доходили до своих частей. Но в отсталой России через сто лет после Семилетней войны военный министр Милютин мог похвастаться, что к 1863 г. количество пропадающих на пути к полку рекрут уменьшилось по сравнению с 1757 г. в 750 раз (0,06%). Это уменьшение дырявости государственного аппарата за сто лет в 750 раз—очень существенная для истории военного искусства данная. Органическое перерождение государства в новейшее время является существенной предпосылкой новых массовых армий, нового комплектования, нового тыла, новой стратегии.

Процесс огосударствливания захватил дело изготовления планов и карт. В XVIII веке это было занятие частных лиц. Три поколения семьи Кассини разрабатывали карту Франции; это были представители «искусства»—географии и топографии. В 1740 г. государство организует работу по градусному измерению. Французская революция, выдвинувшая метрическую систему, имеющую в основе метр—одну десятимиллионную часть четверти меридиана, оказалась очень внимательной к топографии; во главе картографического делопроизводства Комитета общественного спасения пережил встречный политический вихрь Наполеон Бонапарт. В Саксонии в 1781 г. Леман начал триангуляционные работы и приобщил к лику наук новую дисциплину—ситуацию.

В начале XIX века очень отсталой в картографическом отношении являлась Пруссия. Это объясняется тем, что бюрократический гений Фридриха Великого усмотрел в планах местности существенный военный секрет; чтобы неприятель блудил, попав в Пруссию, велено было держать карты в тайне. Эта политика, относительно планов крупного масштаба, удерживалась в России до последнего времени. Пруссия уже в начале XIX столетия обнаружила обусловливаемую секретом отсталость в изготовлении хороших планов и отсталость войск в умении и в привычке часто обращаться к плану—и покончила с топографическими тайнами.

Культурный процесс обогатил военные дисциплины не одной ситуацией. В духе XX века лежит стремление к рационализации всякой практической работы, к разработке теории, которая подводила бы под нее научный базис. То, что раньше усваивалось простой практикой, перенималось молодыми у старших как традиция, в XX веке возводится почти в ранг науки; мы видим новую науку ухода за грудными младенцами, науку кормления молочной коровы, науку «хорошего тона»—правил тактичного поведения в обществе и сохранения приличий, и труды, посвященные этим новым «наукам», расходятся в десятках миллионов экземпляров. Протестовать против них—это значило бы итти вразрез с течением века. В военном искусстве, на том же основании, народилась в XX веке новая дисциплина—«штабная служба», ставящая себе задачи популяризовать рациональные приемы штабной работы, которые усваивались в XIX веке еще только по традиции и не подвергались теоретическому обсуждению.

В XIX веке на развитии военного искусства стало существенно отражаться влияние такого старого изобретения как книгопечатание. Военная книга в XVIII веке представляла редкость. Грамотность в армии была очень скромна. До Французской революции высказывались скромные пожелания, чтобы унтер-офицеры умели читать и писать; Карно находил в революционных батальонах неграмотных командиров; в первой половине XIX века прусские офицеры говорили еще не языком Шиллера и Гёте, а на народном диалекте. За столетие положение сильно изменилось; в Германии перед Мировой войной только 0,04% новобранцев были неграмотны; даже наиболее отсталые страны Европы—Румыния и Сербия—имели более пятой части новобранцев грамотными (31% и 20,4%; в России—38%).

В XIX веке народился читатель, народился военный книжный рынок, спрос на котором существенно поддерживался развивавшимися при каждом полку военными библиотеками. Мемуары и сборники анекдотов XVIII века заменились серьезными военными журналами, глубокими теоретическими и историческими военными трудами. Это движение в первой половине XIX века, однако, существенно задерживалась реакцией. Еще господствовал предрассудок, что не дворянское и не офицерское дело писать книги. Большинство военных трудов издавалось анонимно, без подписи автора. Сколько-нибудь пригодные для изучения военного искусства военно-исторические труды до конца XIX века были чрезвычайно редки. В эпоху Мольтке еще не существовало хороших трудов по кампаниям Наполеона, несмотря на истекшие 50 лет, и высший командный состав прусской армии в 1870 г. был в военно-историческом отношении почти полностью безграмотен. В XX веке это положение радикально изменилось; каждый офицер генерального штаба, даже при отсутствии склонности к научному или литературному труду, считает своим долгом напечатать хоть одну брошюру. Параллельно с частной инициативой и военная власть все охотнее обращалась к печатному станку; образовалось целое наводнение печатающихся приказов, инструкций, наставлений. Количество уставов в одной армии достигало до 500—600, одновременно действующих. Печатный станок ныне является до такой степени атрибутом военного командования, что теперь даже в маневренной войне немыслим ни один штаб армии без походной типографии.

Хотя устройство первой военной академии (в Стокгольме) относится к 1796 г. и хотя с 30-х годов подобия военных академий начинают функционировать в столицах важнейших военных государств, но они давали еще только жалкую подготовку. Лишь с конца 60-х годов начинается серьезная постановка высшего военного образования. Сотрудники Мольтке, собственно говоря, такового еще почти не получали.

Основание военно-научных обществ относится к 1802 г., когда в основанном Шарнгорстом кружке в Берлине насчитывалось до 300 членов; но иенская катастрофа и последовавшая реакция унесли это начинание. Бойен воскресил его, в не слишком ярком виде, в 1843 г. Другим государствам это учреждение казалось сомнительным, игрой в либерализм. Но победы Пруссии в 1866 г. заставили признать пользу общественного приступа к разработке военных вопросов, и военно-научные общества, с центрами в столице и с разветвлениями в крупных гарнизонах, начинают создаваться во Франции, Австрии, Баварии. К началу XX века в Петербурге живую струю вносит Общество ревнителей военных знаний, которое удается организовать Е. Новицкому. Постепенно требования военно-научной тренировки распространились и на строевых офицеров, которых начали привлекать к докладам в своих частях.

Точно так же физическая культура—занятия гимнастикой, штыковым боем, плаванием, другими видами спорта—начавшая проникать в войска в середине XIX века, получила широкое развитие в армиях к началу XX века. Установилась система сосредоточения войск на летние сборы в лагерях. Пруссия стремилась отдавать предпочтение перед большими постоянными лагерями, с вечным маневрированием на изученной местности, подвижным сборам—учениям и маневрам войск с переходом каждый день на новый ночлег. Для производства обычных учений войска значительных гарнизонов широко применяли систему выезда утром по железной дороге на незнакомую местность с возвращением таким же путем вечером в казармы; однако постоянные лагери и в Германии не заглохли, так как они являлись более удобными, чем казармы, для производства многочисленных учебных сборов запасных и эрзац-резервистов.

Стремление к рационализации всего военного обихода ясно отражается в эволюции солдатского обмундирования. Уже Ллойд и Потемкин открыли в XVIII веке борьбу с солдатским париком—рассадником паразитов, неудобным мундиром с высоким воротником, открытым на груди, лосиновыми штанами. Их идеи нашли полное признание только в XX веке, когда появился френч, с массой тех самых карманов, против которых ополчались плац-парадные гении реакции. Знаменательно, что существенный шаг в рационализации формы—применение защитного цвета—был впервые сделан крестьянским ополчением буров. Русская армия начала войну 1904 г. еще в ярких белых рубашках, но всем понятные условия стрелкового боя заставляли русскую пехоту пачкать и красить свои белые рубашки всеми доступными способами. Летом 1904 г. русская армия уже облачилась в защитный цвет, что явилось сигналом и для других континентальных армий. Тогда как еще в 1831 г. начальство озабочивалось тем, чтобы теплые вещи в зимнюю кампанию контрабандой не попадали в войска и не портили их внешнего вида, в XX веке организованное снабжение теплыми вещами является уже нормой, что значительно повысило способность современных армий вести зимние кампании.

Рост обозов. Общая воинская повинность, поставившая в ряды солдат и представителей господствующих классов, выдвинула необходимость улучшения материальных условий жизни солдата не только в казарме, но и на походе. Возраставшее политическое значение мобилизованных масс вооруженного народа заставляло уделять крупное внимание его нуждам на войне. Пожалуй, в этой стороне эволюции первое место до начала Мировой войны принадлежит России, которой приходилось стремиться усиленными материальными заботами о солдате возместить недостаток политической подготовки широких масс. Царский солдат в XX веке мог воевать только с хорошо наполненным желудком. Но заботы о солдате приводили к росту обоза. Переход на довольствие солдата свежим хлебом, вместо ржаных сухарей, совершонный к началу XX века, являлся очень желательным, так как представлял самое действительное средство борьбы с желудочными заболеваниями и сильно понизил смертность на походе, но этот переход вызвал крупное увеличение обоза, так как свежий хлеб в полтора раза тяжелее сухарей; одна эта реформа увеличила количество повозок русского трехдивизионного корпуса на 324 повозки, не считая необходимости большей работы армейских транспортов. Пришлось ввести и полковые продовольственные повозки, необходимость коих была наглядно засвидетельствована войнами эпохи Мольтке: при отсутствии их войска реквизируют неопределенное число крестьянских подвод. Походные кухни представляют огромное удобство для войск; без походных кухонь войска едва ли могли бы дать те многодневные усилия, которых требуют современные операции; но они значительно увеличили длину походных колонн; во введении походных кухонь безусловное первенство принадлежит России.

Значительно вырос и санитарный обоз. Положение, подобное создавшемуся после сражения у Сольферино, когда раненые втечение нескольких суток не получали помощи, теперь не может повториться. Раньше сквозное ранение почти наверно вело к смерти от заражения крови, а в Мировую войну до 88% раненых возвращались обратно в строй; в России этот процент был несколько ниже, но не от более слабого ухода за ранеными, а от недостаточной дисциплины и учета раненых в общественных лечебных заведениях. Эти военные достижения в области военной санитарии связаны, однако, с значительным ростом военно-санитарного тыла и с допущением к работе в тылу армии общественных организаций (Земский и Городской союзы). Эти общественные союзы в России открывали возможность значительной утечки военнообязанных и вели к дальнейшему изменению отношения строевых к нестроевым в пользу последних.

Помимо забот о комфорте и лечении войск, количество колес в войсках значительно росло вследствие роста артиллерии. В эпоху Наполеона на 1 000 штыков приходилось не более 2 орудий—всего 10 артиллерийских повозок с 50 лошадьми. В эпоху Мольтке на то же количество штыков приходилось 4 орудия—всего 28 артиллерийских повозок. Перед Мировой войной в германской армии на 1 000 штыков приходилось уже $6^2/_3$ орудия—всего 47 артиллерийских повозок, 280 артиллерийских лошадей. Артиллерия количественно выросла за столетие почти в 5 раз. К этому в XX веке прибавился энергичный рост пулеметного обоза.

Уже Мольтке обращал внимание на то, что длина походной колонны войск корпуса с той только частью обоза, которая нужна им в бою, выросла до 15 *км*, и на этой возросшей длине походных колонн строил переход к новым методам ведения операции. В 1910 г. длина походной колонны того же корпуса выросла уже вдвое, до 29 *км*; количество обоза на 1 000 штыков для прусских войск выросло с 18 в 1813 г. до 39 повозок в 1870 г. и 56 повозок в 1908 г. Русский обоз вследствие худшего качества дорог, меньшего расчета на местные средства, необходимости дальше отрываться от более редких железных дорог—был еще значительнее: на 1 000 штыков в 1908 г. против 56 германских повозок мы имели уже 90 повозок, правда, более легкого типа.

Такой рост в 5 раз количества колес в артиллерии и обозе за столетие оказался допустимым только отчасти благодаря улучшению европейской сети шоссейных и грунтовых дорог. Если бы рост тыла находил свое оправдание только в улучшении дорог, русские войска оказались бы в критическом положении, так как в пределах России шоссейные дороги представляли явление в 40 раз более редкое, чем в Западной Европе. В действительности рост тыла нашел свое оправдание, главным образом, в изменившихся условиях производства походных движений: вместо наполеоновского марша, захватывавшего фронт всего в 20—30 *км* для обеспечения сосредоточения к оперативной точке—полю сражения, Мольтке уже стремился вести походное движение на возможно более широком фронте, но с обязательством собраться к решительному моменту сражения на тесный фронт. Оперативное искусство Мольтке определялось положением—врозь итти, вместе драться. Этот лозунг уже не отвечает требованиям современной операции: она распространяет походное движение очень широко, но на том же широком фронте ведет и решительный бой. Если бы современная армия из 250 тыс. бойцов попыталась развернуться на том 10—12-километровом фронте, на котором Мольтке вел решительное сражение, ей пришлось бы выбросить из своего состава бóльшую часть артиллерии, пулеметов и обозов; этого не приходится делать только потому, что на том фронте, где при Мольтке сражались шесть корпусов, в настоящее время дерется всего один корпус или даже одна дивизия.

Механическая тяга. Еще в 1905 г. ни в русской, ни в в японской армиях не имелось ни одного автомобиля. С тех пор распространение автомобиля в войсках совершило гигантские шаги. Однако грузовой автомобиль, начавший распространяться в войсках с 1908 г., смог повлиять в период Мировой войны на уменьшение колесного обоза только на Западном фронте, где имелась прекрасная дорожная сеть. Без автомобиля Франция вышла бы из Мировой войны побежденной, так как ни ее население, ни ее коневые средства, ни ее народное хозяйство не смогли бы удовлетворить требованиям войны при коневом транспорте. В России же пользование автомобилями до сих пор не сказалось сколько-нибудь заметно даже на задержке роста обозов с конской тягой. Последний всюду уже дошел до предела возможности; самые богатые коневыми средствами государства испытывают теперь затруднения в пополнении конского состава артиллерии и обозов при мобилизации; для этих потребностей остается лишь крестьянская лошадь, так как лошадь как тяговая сила в городах, наиболее ценная, крупная и сильная, уже почти исчезла; да и тракторизация сельского хозяйства резко ослабляет конские ресурсы при мобилизации. Механическая тяга нашла уже широкое применение в Мировой войне, но масса артиллерии еще не перешла на нее. В будущем, несомненно, и всем армиям, вслед за городами и деревнями, неизбежно предстоит перейти на механическую тягу в артиллерии и обозах. Наша отсталость в области дорожного строительства в будущем может явиться серьезной угрозой, так как путь расширения фронтов, в котором мы находили до сих пор спасение, исчерпан с расширением его на все пространство между Балтийским и Черным морями, и более энергичная работа транспорта на грунтовых дорогах, которую, несомненно, потребует будущая война, может быть достигнута только улучшением этих дорог, обращением их в шоссе, без которых грузовые автомобили бессильны. Мы стоим перед требованием массового шоссейного строительства. Французский фронт уже к концу Мировой войны насчитывал до 100 тыс. автомобилей, позволявших не только обеспечивать потребности позиционного фронта, но и перебрасывать оперативные резервы—до 100 тыс. человек в сутки. Эти же автомобили позволяли французам сократить массу нестроевых на своем фронте в 3 и 4 раза по сравнению с разбухшим русским тылом. Крестьянская подвода в войсковом тылу—сильное средство разбухания тыла и увеличения военных издержек до катастрофических для народного хозяйства размеров.

Новое оружие; средства дальнего боя. Уже успехи прусской артиллерии в 1870 г. объясняются в значительной степени подготовкой ее к борьбе на больших дистанциях, тогда как обучение, тактика, материальная часть французской артиллерии еще носили сильный отпечаток стремления вступать в решительный бой на относительно малых дистанциях. Немецкая артиллерия в исключительных случаях вела огонь в 1870 г. и через головы своей пехоты. Однако вплоть до Русско-японской войны такой огонь являлся исключением; тактика учила оставлять широкие незанятые пехотой промежутки, как бы амбразуры боевого порядка, сквозь которые могли стрелять батареи; участок решительной атаки пехоты должен был поддерживаться массой артиллерии с фланга; артиллерия училась помогать пехоте косоприцельным огнем, чтобы избегать стрельбы через головы. Последняя являлась допустимой только в тех случаях, когда артиллерия стреляла с одних высот по другим, а в низине между ними продвигалась пехота, или в позиционных условиях войны. Таким образом, фронт батарей еще не маскировался пехотой; артиллерия еще оставалась в передовой линии, так как между нашими батареями и неприятелем своей пехоты не было.

Решительный сдвиг к тому, чтобы обратить артиллерию в род войск дальнего боя, был сделан в Русско-японскую войну, которая решительно отбросила тактические ухищрения, привела к созданию сплошного пехотного фронта и к принципиальной постановке организации артиллерийской стрельбы через головы пехоты. Мировая война еще углубила этот тактический процесс, требовавший приспособления пехоты к ближнему бою, а артиллерии—к дальнему бою.

Производство орудий уже в XVI и XVII столетиях сосредоточилось в руках государства, являвшегося единственным заказчиком артиллерийской материальной части; казенные заводы легко вышли победителями из конкуренции с частными мастерами. В конце XIX века мы наблюдаем обратный процесс—укрепление частнопредпринимательского начала в артиллерийской области; возникают гигантские фирмы Круппа, Эрхардта (Германия), Армстронга, Виккерса (Англия), Шнейдера (Франция), Скода (в чешской части Австрии), Путиловский завод (Россия). Казенные артиллерийские заводы по сравнению с ними хирели. Корни этого процесса лежали отчасти в мертвящем воздействии технических артиллерийских комитетов на находившуюся в сфере их влияния казенную промышленность, отчасти в выступлении всех крупных частных фирм общим фронтом против казенной промышленности и народного хозяйства[1]; впрочем, эта частная артиллерийская промышленность была вскормлена, главным образом, флотом, а не сухопутной армией.

---

[1] Любопытным примером такого интернационального сговора является договор между Шнейдером, Круппом и Путиловским заводом по поводу конкурса образцов на русскую тяжелую полевую артиллерию (1908—1910 гг.). Было известно, что независимо от того, какой образец будет выбран, заказ будет дан русской промышленности. Указанные фирмы договорились, что если заказ будет передан одной фирме, то она уплачивает 10% стоимости заказа другой фирме, если будет принят ее образец, и 5% другой фирме, если ее образец будет забракован; посторонние фирмы к производству их образцов не допускаются. Смысл этого договора был следующий. Путиловский завод гарантировал себе монополию фактического выполнения заказа по лучшему иностранному образцу и право повышать сколько ему понравится цены на одобренный образец. Крупп не имел возможности серьезно выступить на этом конкурсе, так как был связан секретами производства для германской армии и не хотел технически усилять русскую армию; в этих условиях он только обозначал свое участие на конкурсе и просто брал отступное в виде обложения 5% русских расходов на тяжелую артиллерию. А Шнейдеру победа на конкурсе и 10% стоимости заказа были обеспечены, так как серьезным соперником являлся только Крупп. Этот факт известен автору от многих соприкасавшихся с делом лиц; он был также известен всему главному артиллерийскому управлению. Этот изменнический разбой на большой дороге назывался гениальной финансовой комбинацией и пользовался высоким покровительством.

Маринизм открывает промышленности несравненно более широкий подступ к государственному бюджету, чем милитаризм. Тогда как военные министерства расходовали львиную часть своих бюджетов на содержание, воспитание и обучение призванных по повинности широких масс, морские министерства уделяли на них лишь крохи, передавая основные ассигнования целиком в руки своих монопольных поставщиков. На суше перевооружение новым ружьем, стоимостью на солдата в 30 рублей (не считая патронов), происходило реже, чем на море—перевооружение экипажа корабля новым дредноутом, с расходом на матроса в 30 тыс. рублей. Поэтому маринизм оказывал несравненно большее притяжение для частного капитала, гоняющегося за заказами, чем милитаризм.

Частные предприятия в конце XIX века еще плохо ориентировались в тактических требованиях к полевой артиллерии. Поэтому, несмотря на колоссальную энергию высококвалифицированных техников, находившихся на службе у мировых артиллерийских фирм, толчок к развитию скорострельной полевой артиллерии исходил не от них, а от государственной организации. Выдающийся профессор тактики артиллерии французской военной академии полковник Ланглуа разработал программные требования для новой пушки, а подполковник Депор технически их осуществил на французском казенном заводе. Французская 75-*мм* скорострельная полевая пушка образца 1898 г. оказалась до сих пор непревзойденной. Главной заслугой ее творцов было создание настоящего инструмента дальнего и массового боя; чем больше увеличивались за последние 30 лет дистанции артиллерийского боя, тем ярче выступало превосходство этого орудия; превосходство же его в отношении скорострельности становится особенно существенным, когда мы будем оценивать скорострельность не по количеству снарядов, которые можно выпустить в немногие минуты, а по количеству пушечных жерл, необходимых, чтобы выпустить десяток тысяч снарядов в несколько часов подготовки атаки; чрезвычайное удобство рассеивания снарядов обеспечивает этой французской пушке возможность обстреливать значительный фронт и быстро, равномерно поражать значительную площадь. Французская пушка—настоящий станок фабрики дальнего огня. В этом отношении Франция имела существенное преимущество перед Германией, установившей у себя скорострельный образец в 1896 г.; через 10 лет потребовалась капитальная переделка этого образца, снабженного Вильгельмом II многозначительным девизом: «Последнее средство убеждения монархов»; но и переделанный образец не являлся типичным орудием дальнего боя, так как орудие было излишне легко и подвижно. Русская полевая скорострельная пушка 1902 г. была массивнее и могущественнее германской, но замысел полигонных математиков, сочинявших ее, далеких от производственной техники и в то же время совершенно невинных младенцев в эволюции военного искусства, обратил это могущество полностью на достижение сильнейшего шрапнельного действия на близких дистанциях боя, на создание идеального орудия для расстреливания мишеней с удаления до 4 *км*; скорострельность русской пушки получила характер скорострельности револьвера, обеспечивающей только мгновенную вспышку огня, но не длительную огневую работу. Несмотря, однако, на противоречия между замыслом русской пушки и требованиями эволюции, русская артиллерия в общем выдержала испытание Мировой войны, так как личный состав артиллерии воспринял опыт Русско-японской войны и энергично подготовился к ведению дальнего боя; в этом отношении мы шли впереди французов, которые только в процессе боев Мировой войны овладели полностью заложенными в их пушке достоинствами.

Недостатки своей полевой пушки Германия с избытком окупила развитием навесного огня. Последнее получило особое значение, так как в последней четверти XIX века поле боя совершенно изменило свой вид; мы встречаем на нем уже не те укрытия из ранцев, ящиков и мешков, которые возводили защитники С.-Прива в 1870 г., а развитую сеть окопов. Появился новый неуклюжий термин «самоокапывание», проводивший, однако, резкую грань от существовавшей ранее «полевой фортификации», чисто саперного искусства, применявшегося только по приказу свыше, использовавшего возимый в тылу шанцевый инструмент, требовавшего потери значительного времени на централизованную организацию работ, почти не применимую в сфере соприкосновения с неприятелем.

В 1872 г. было сделано небольшое открытие: австриец Линнеман изобрел малую лопату. Технически это достижение—некоторое уменьшение размера знакомого человеку со времен каменного века инструмента—может расцениваться не слишком высоко, но оно глубоко отвечало направлению, в котором развивалась тактика. Малая лопата повсеместно вошла в снаряжение пехотинца и для побывавшего под огнем стала совершенно необходимым, тщательно сберегаемым предметом. При громадных достижениях техники истребления пехоты это был существенный дар техники для спасения ее от истребления. Невелико количество этих подарков пехоте,—заряжание с казны, позволяющее стрелку не вставать в цепи, малая лопата, позволяющая в бою окапываться, бездымный порох, не выдающий место производства выстрела, защитный цвет одежды, телефон, позволяющий сократить беготню начальников и посыльных под пулями, автоматическое оружие, позволяющее одному человеку являться мишенью вместо десятков стрелков,—и пехота умеет ценить их.

В XX веке, только атакуя в условиях встречного боя, можно рассчитывать в первые часы боя не встретить перед собой укреплений: небольшая задержка наступления—и оборона уже вкапывается в землю и делается значительно устойчивее. Настильный огонь становится бессильным против окопавшегося неприятеля; усевшихся в ямы бойцов можно достать только сверху. Отсюда все возрастающее значение навесного огня. Оно усиливалось и переходом артиллерии к методам дальнего боя. Гаубица—типичный инструмент дальнего боя, хотя ее досягаемость и несколько меньше, чем у пушки соответственного веса; дело в том, что действительность огня гаубицы, ее меткость, действие ее снарядов—почти одинаковы как на малые, так и на предельные дистанции, а действительность пушечного огня существенно уменьшается с каждым километром увеличения дистанции.

После слабой и скоро брошенной попытки русских, предпринятой в 1885 г., культивировать навесный огонь (полевые мортиры), за ту же задачу взялись немцы. Они перевооружили 25% полевых батарей легкими гаубицами и приступили, под настойчивым давлением Шлиффена, к организации могущественной полевой тяжелой артиллерии. Раз артиллерия становилась родом войск дальнего боя, было логично допустить в ее состав и более могущественные и тяжелые образцы; Англо-бурская война ясно засвидетельствовала возможность их использования. Милитаризация запряжки артиллерии, произведенная Французской революцией, касалась только легких, полевых калибров. Революция на грани XVIII и XIX веков оставила крупные калибры крепостной и осадной артиллерии с организацией старого порядка, и части крепостной артиллерии повсюду сохраняли одиозный оттенок инвалидных команд. Шлиффен, убедившись опытными стрельбами, что малые калибры ни при каких снарядах [1] не могут подготовить атаку сколько-нибудь укрепленного фронта, решил распространить недоделанное Французской революцией преобразование и на крупные калибры артиллерии.

Примечательно, что главным врагом тяжелой артиллерии были артиллеристы всех армий; во главе движения стоял известный германский писатель, артиллерист генерал Роне, который доказывал весь вред тяжелой артиллерии, которая скует маневроспособность, удлинит вдвое колонны артиллерии, и так безмерно выросшие после 1870 г., потребует огромных парков, так как без большого числа снарядов тяжелая артиллерия лишена всякого смысла; все это связано с огромными расходами, бесполезными, так как прошлое—история артиллерии—будто бы учит, что все, что идет в ущерб подвижности и единству артиллерии, на войне неприложимо и отбрасывается как балласт ходом событий.

Когда прусское военное министерство получило записку Большого генерального штаба об устройстве тяжелой полевой артиллерии, то на ней было поставлено три вопросительных и три восклицательных знака! Она вернулась при недоумевающей надписи: «Начальник генерального штаба уж не хочет ли сделать из тяжелой артиллерии полевые части?» На что Шлиффен кратко ответил: «Всеконечно». К началу XX века мысль уже превратилась в дело. Батальон 6″ гаубиц (16 орудий), приданный германскому корпусу, действительно, со своими муниционными колоннами занимал в походном порядке 9 *км* в глубину, тогда как 144 другие полевые пушки и легкие гаубицы занимали со своими муниционными колоннами всего 17 *км*. Перейти к орудию, которое вместо 30 шагов глубины в походной колонне, как это было при Наполеоне, или вместо 160 шагов современного легкого орудия образует с хвостом своих зарядных ящиков кишку в 850 шагов, при других условиях, разумеется, было бы ошибочно. Техники защищали перед лицом прусского генерального штаба кажущиеся интересы тактики и оперативного искусства. Но в современных условиях появление тяжелых калибров было не капризом, не увлечением, а оказалось глубоко обоснованным общими условиями.

---

[1] Попытка найти такой снаряд была сделана в Германии введением бризантной гранаты, снабженной дистанционной трубкой. Разрыв такой гранаты над окопом отвесно летящими осколками мог поражать стрелков, сидящих на дне его или прижавшихся к передней крутости окопа. Однако необходима чрезвычайно точная пристрелка, почти недостижимая в боевых условиях; кроме того самый легкий козырек спасает пехоту от поражения этим снарядом.

Тогда как у немцев в первой линии имелось 1 350 легких гаубиц, 656 тяжелых гаубиц и 1 400 тяжелых орудий (большей частью также гаубиц), мобилизуемых вместе с ландвером,—47% всей артиллерии, способной дать навесный и тяжелый огонь, во Франции число тяжелых полевых орудий достигало лишь 300—только 8% общего числа орудий; во время войны французы воспользовались в первую очередь русским заказом на тяжелые орудия и приняли для себя образцы, выработанные Шнейдером по русским заданиям. В России генеральный штаб, под давлением опыта войны 1904/05 г., ясно сознавал необходимость всемерного усиления навесного огня, но это решение лишь с трудом и постепенно удавалось осуществить в жизни. Не хватало революционного размаха. Пожалуй, наиболее крупной ошибкой было ограничение реформы Сухомлинова уничтожением крепостной пехоты; следовало уничтожить и артиллерию сухопутных крепостей, переформировав ее в запряженные тяжелые батареи и создав при них обширную систему скрытых кадров для формирования новых тяжелых батарей при мобилизации.

Войны эпохи Мольтке поражают нас ничтожным расходом снарядов: в войну 1866 г.—40 снарядов на прусскую пушку и 95,6—на пушку энергично руководимой австрийской артиллерии; в войну 1870/71 г.—190 снарядов на немецкую пушку за 5$^1/_2$ месяцев военных действий; в войну 1877/78 г. на каждую из 1 350 русских пушек приходится в среднем только 125 выстрелов; так как многие батареи прибыли только к концу войны, то фактически мы имеем близкую к 1870 г. норму. Обычная норма наполеоновской эпохи—200 выстрелов на орудие на всю войну—не была превзойдена.

Русско-японская война представляет уже другую картину. Средний расход снарядов на русскую полевую пушку в Манчжурии вырастает уже до 700; так как накапливание батарей происходило лишь постепенно, то для батарей, действовавших с начала войны, эта норма должна быть почти удвоена. Рост числа выстрелов, даваемых артиллерией, совершенно естественен с удалением ее из передовой линии и с введением стрельбы через головы пехоты; оружие, действующее с близкого расстояния, не требует обильного питания огнеприпасами; двух-трех десятков патронов на револьвер будет достаточно для самой ужасной, затяжной войны. Напротив, фабрика дальнего огня получает смысл только при обильном питании ее сырьем, в данном случае— орудийными патронами и запасными частями к орудиям на замен изношенных.

К Мировой войне русский генеральный штаб, пришпоренный манчжурским опытом, установил наивысший мобилизационный запас снарядов—1 500 на орудие, но фактически он был доведен только до 1 100, вследствие непонимания артиллерийскими органами всей остроты вопроса. Германия располагала запасом, приближающимся к 1 000, Франция—1 400; Австрия должна была в Галиции жестоко поплатиться за сохранение нормы конца XIX века—600 снарядов.

Позиционный характер войны, долгое нахождение лицом к лицу с неприятелем всегда резко повышало расход огнестрельных припасов. Мы уже наблюдали это явление при борьбе за Севастополь. Мировая война предъявила неисполнимые требования на артиллерийские снаряды. Имеется мнение, что активная борьба на французском фронте прервалась и перешла в позиционную борьбу вследствие того, что как французы, так и немцы израсходовали свои боевые комплекты и остались почти без снарядов. Военная промышленность даже богатой Франции могла изготовлять в начале войны не свыше 13-14 тыс. снарядов в день. Но, может быть, правильнее было бы утверждать, что снарядов не хватило потому, что оба противника выдохлись; когда войска не атакуют, они опустошают свои склады боевых припасов.

Масштаб расхода боевых припасов рос по мере возможности их пополнения. В 1917 г. противоаэропланные батареи, защищавшие Двинск, расходовали почти ежедневно по дежурному германскому аэроплану, прилетавшему осматривать вокзал, по несколько тысяч снарядов; приэтом за весь год эти 10-12 батарей не дали ни одного попадания. Введена была наиболее расточительная форма стрельбы— заградительный огонь—сводившаяся к тому, что по тревоге артиллерия начинала барабанить по определенной пустой полосе, чтобы не дать противнику возможности пройти через нее. На Западе, с усилением огневых средств пехоты пулеметами и автоматами, этот метод опустошения зарядных ящиков почти удалось преодолеть; мы же применяли его на одних участках и в те горькие дни, когда на других участках приходилось рассчитывать по 2-3 снаряда на пушку на целый день сопротивления. При отражении германского прорыва 21 марта—9 апреля 1918 г., пришедшегося главным образом на участок английского фронта, 1-я и 3-я французские армии успели израсходовать 4 млн. 75-*см* снарядов и 875 тыс. тяжелых снарядов—четвертую-пятую часть всего огромного запаса, накопленного французами для кампании 1918 г., и часть, почти равную количеству, заготовленному в мирное время по расчету на всю войну. Несмотря на то, что вся Франция к этому времени как бы мобилизовалась в одну огромную мастерскую для изготовления снарядов, в 1918 г. Франция пережила снарядный кризис.

Потребность в снарядах чрезвычайно растяжима. Если в маневренной войне войска по возможности не должны быть стесняемы, то в позиционной нужна железная дисциплина. В 1915 г. не тыл оставил русскую армию без снарядов, а дисциплина в армии оказалась не на достаточной высоте, чтобы координировать расход с возможностями пополнения. Не было дисциплины ни в войсках, ни у начальников; не хватало оперативной выдержки, так как Юго-западный фронт, будучи точно ориентированным о наших возможностях на ближайшие полгода, посылая отчаянные телеграммы об ужасном положении снабжения снарядами, не делал логического вывода о необходимости обождать и дать снарядам накопиться, а предпринял поход за Карпаты, поглотивший последние крохи боевого снабжения. Немцы, как это ясно подчеркивают воспоминания Людендорфа, уже строго сообразовали свои оперативные мероприятия с накоплением запасов снарядов.

Колоссальная потребность в снарядах заставляет, при постановке к материальной части требований, руководствоваться и экономическими соображениями. Дело в том, что чем длиннее пушка, чем современнее ее образец, тем он разорительнее. Он поглощает большое количество пороха, он требует много меди на унитарный патрон. Французы это сейчас же заметили, когда выкатили из крепостей на свой фронт пушки старых образцов: стрельба их обходилась много дешевле, мало расходовалось пороху, снаряды были из более дешевой стали или чугуна, так как подвергались более слабому толчку пороховых газов, стенки снарядов по той же причине были тоньше, и снаряды могли нести к неприятелю большее количество взрывчатого вещества.

Германская легкая гаубица оказалась очень экономным орудием, которое дешевле других выполняло боевые задачи. А самым разорительным полевым орудием является наша пушка 1902 г., прожорливо поглощающая, пропорционально весу снаряду, наибольшее количество пороха и достигающая приэтом выгод только на небольших дистанциях.

Широкое применение навесного огня давало немцам 15 тыс. *т* пороха экономии в год по сравнению с тем расходом, который потребовался бы, чтобы выпустить те же снаряды из пушек.

Ограничение применения шрапнели до последних пределов и широчайшая замена ее гранатой, несравненно более дешевой, также предписываются экономикой войны. Граната, не требующая ни сложной установки трубки, ни особой тщательности приемов стрельбы, представляет истинный снаряд массового дальнего боя, и только консерватизм артиллеристов удерживает за шрапнелью ныне ее положение в боевых комплектах. Артиллеристы XX века цепляются за шрапнель совершенно так же, как цеплялись их предшественники в середине XIX века за картечь, отказываясь даже от нарезов у пушки, чтобы не ослабить милое их сердцу картечное действие. Методы употребления артиллерии Наполеоном I живы еще посейчас среди старцев артиллерийских конклавов.

Валовая работа дальнего боя получила еще более подчеркнутый характер от введения снарядов, снаряженных ядовитыми газами. Борьба с помощью отравляющих веществ не является нарождением новой специальности, нового химического рода войск, а составляет одну из сторон эволюции артиллерийского огня. Попытки использования отравляющих веществ, как средств ближнего боя, в виде газовых балонов или ручных гранат даже в позиционных условиях не дали положительных результатов и отошли уже в прошлое. В условиях техники Мировой войны можно было рассчитывать на успешность газового обстрела только в обстановке позиционной войны; в будущем газовые снаряды, вероятно, проложат себе дорогу и в маневренной операции. Ядовитость газов втечение войны была повышена во много десятков раз. Изготовление газовых снарядов—легко разрешимая техникой задача; оно велось и будет вестись в миллионном масштабе (французы за войну—3 млн. тяжелых и 11 млн. легких газовых снарядов).

Несмотря на запрещение применения их международным соглашением, состоявшимся после Мировой войны, в первые же дни войска должны быть снабжены противогазами, так как с разновидностями дурных запахов придется встретиться сразу. Войска должны быть также освоены с мыслью о работе в атмосфере, отравленной ядом, как и в атмосфере, пронизанной свистом пуль.

Применять газы, в единичных случаях даже путем разброски бомб с аэропланов, будут уже хотя бы с целью использовать то паническое отношение населения к газам, которое порождено во многих государствах «желтой» прессой и даже «желтыми» специалистами. Положительные результаты такого обстрела сведутся не к большому количеству жертв, а к большим затратам средств и энергии в неприятельском тылу на заведение противогазов и устройство газоубежищ.

Средства ближнего боя. Поскольку пехота становилась все более родом войск ближнего боя, эволюция ее оружия шла обратным артиллерии путем. В эпоху Мольтке крупное значение имел дальний ружейный огонь. Уже на удалении 1,5-2 *км* сомкнутые строи гвардии под С.-Прива и русских батальонов под Плевной несли существенные потери от ружейного огня. Пехотный огонь компенсировал слабость дальнего артиллерийского огня. Выдвигалось в теории предложение устройства ружейных батарей. Русская пехота, имевшая под Плевной ружья с прицелами, допускавшими стрельбу только на ближние дистанции, после Плевны получила прицелы на 1,5 *км*, а с трехлинейной винтовкой образца 1891 г.—даже на 2 *км*. Эти усилия были неверно ориентированы. Наша офицерская стрелковая школа шла по ошибочному пути, пропагандируя массовый огонь с больших дистанций, в котором значение индивидуальной подготовки стрелков равнялось нулю, а все зависело от искусства управлявшего огнем командира; эта школа пехотного огня, руководимая полигонным артиллеристом-математиком, еще в XX веке не представляла себе нового распределения ролей в бою между пехотой и артиллерией; ее фальшивая стрелковая работа продолжалась и после Русско-японской войны, но уже под градом насмешек.

Серьезным шагом, совпадавшим с эволюцией тактики, явилось введение во всех армиях в первое десятилетие XX века легкой остроконечной пули. Преимущества легкой пули особенно значительны на близких дистанциях. Подобие с артиллерией должно было нарушиться: в артиллерии чем тяжелее был снаряд при данном калибре, тем было лучше, так как этим лучше обеспечивался дальний огонь; в пехоте легкая пуля лучше отвечала требованиям ближнего боя, хотя бы на больших дистанциях она скорее утрачивала свою начальную скорость.

Однако изменение баллистических качеств винтовки оставляет тактику в общем равнодушной. Тот неверный станок, которым в ближнем бою является человек, заставляет тактику лишь в слабой степени реагировать на повышение точности вкладываемого в него инструмента. Требуемый предел меткости ружья, повидимому, всюду достигнут. Качество стрелка в бою несравненно важнее качества ружья.

Но тактика резко реагирует на всякое повышение удобств стрельбы, доставляемых новым образцом, в виде ли бездымного пороха, позволяющего не демаскировать место производства выстрела, в виде ли магазина, допускающего заряжать ружье сразу пачкой патронов, что едва заметно повышает скорострельность, в виде ли автоматического ружья, устраняющего энергию, затрачиваемую после каждого выстрела на экстракцию гильзы и досылку нового патрона и позволяющего стрелку не отвлекать своего внимания от цели. Войска придают малейшему пустяку, облегчающему удобство стрельбы, чрезвычайную ценность.

Драгомиров на грани 80-х и 90-х годов, в момент, когда магазинная винтовка была введена уже в Германии (1888 г.) и только оканчивалась разработкой у нас (1891 г.), пытавшийся успокоить общественное мнение и внушить войскам, что и с имеющейся у них берданкой можно драться и побеждать,—казался резко идущим против течения, дон-Кихотом, вступившим в безнадежную борьбу с ветряными мельницами своего века.

Тенденции развития современного пехотного оружия ярко выступают на эволюции пулемета. Пулемет провалился в 1870 г., так как его выступление было организовано в стиле оружия дальнего боя, суррогата артиллерии. Он удержался в английской армии, где обстановка колониальных войн толкала и артиллерию на ведение боя с близких дистанций. В Русско-японскую войну, будучи поставленным еще на высокий, подобный пушечному лафет, пулемет оторвался от ушедших назад батарей, влился в передовые линии пехоты и хорошо поработал при обороне. В Мировой войне пулемет выступил уже на низких салазках или легкой треноге; но пулеметы были еще недостаточно многочисленны и являлись все же станковыми. С точки зрения пехотного ближнего боя у них был даже избыток дальнобойности, меткости, скорострельности, приводивший к излишней массивности и тяжеловесности. Тактика в одно и то же время требовала утяжелить материальную часть артиллерии и облегчить таковую пулемета; для ближнего боя и 40-50 *кг* являлись недопустимым весом. Появился и быстро начал размножаться легкий пулемет. К концу Мировой войны на западе приходилось на батальон 8 станковых пулеметов и такое же количество легких—на роту. Вторжение автоматического оружия в рамки пехотной организации вызвало необходимость его радикальной перестройки.

Бронированный автомобиль, могущий двигаться только по хорошим дорогам, в условиях большой войны уступил свое место танку. Последние, сначала отдельный род войск, массивные, скоро вошли в категорию средств ближнего боя, получили более легкое вооружение, меньшие размеры, начали перерастать в механизированную бронированную пехоту. Спайка с пехотой, приспособление к пехотным методам боя будут играть в боевом употреблении танков существенную роль.

Отчасти позиционные условия войны, а отчасти отрыв пехоты от артиллерийских масс вызвали нарождение значительной, довольно увесистой техники и непосредственно в рядах пехотной организации.

Развитие минометов в Мировую войну объясняется стремлением получить экономию, заменяя часть артиллерии упрощенными мортирками с дальностью в 0,5-1,5 *км*. Вместо дорогого снаряда, посылаемого крупным зарядом пороха из орудия, расположенного в 5 *км* за фронтом, брался дешевый снаряд с тонкими стенками из простейшего сорта металла, вмещающий в большом количестве суррогат принятого для начинки снарядов взрывчатого вещества; этот дешевый снаряд переправляется к противнику таким образом, что первые 5 *км* его несут на руках, а последний километр его перебрасывает миномет с минимальной затратой пороха. Экономия весьма значительна, но позиция миномета среди пехоты очень неприятна, так как навлекает на нее ответный огонь неприятеля. Поэтому действия минометов имеют успех лишь в том случае, если одновременно вступают в бой с нашей стороны и сильные артиллерийские массы; экономия в средствах дальнего боя получается исключительно за счет новых усилий и неприятностей пехоты, чаша которой и так сильно переполнена. Германская дисциплина позволила широко использовать это средство; русская—нет, отчасти, может быть, потому, что русские минометы были уже слишком экономны и бросали бомбы всего на несколько сот шагов, уж слишком на виду у неприятеля.

Полковая и батальонная артиллерия и станковые пулеметы, уцелевшие в пехоте, занимают порой какое-то среднее место между средствами артиллерийского и пехотного огня; иногда эти приданные пехоте средства представляют большие настоящие пушки. Поскольку они пытаются заменить артиллерийскую массу, исчезнувшую из передовой линии и оторвавшуюся от пехоты, едва ли им можно пророчить блестящую будущность. Но поскольку они врастут в пехотный бой, позволят расширить эшелонирование средств ближнего боя в глубину, они смогут оказать величайшие услуги. Но им нужно демократизироваться, приземиться, распылиться, маскироваться, научиться пользоваться малейшими укрытиями, войти целиком в психологию пехотного боя.

Авиация. Только авиация явилась новым родом войск; в Мировую и гражданскую войну она показала себя успешным конкурентом конницы в отношении производства разведки, а также налетов, и опаснейшим врагом тех же конных масс; авиация существенно уже связывается с руководством операциями, с совершением войсками и обозами походных движений, с методами артиллерийской стрельбы. Но мы присутствуем пока только при начале того революционного воздействия, которое, несомненно, авиация призвана оказать на военное искусство в целом. С нашей, земной точки зрения, считая от аэродромов, авиация является средством экстрадальнего боя, которое углубит полосу боевого напряжения за сотни километров от черты фронта. Перед авиацией бледнеют все успехи сверхдальней артиллерии.

Долговременные укрепления. Долговременная фортификация эпохи Мольтке находила свое выражение в ряде не слишком крупных крепостей, запиравших важнейшие железнодорожные узлы и переправы и требовавших для своей обороны не слишком значительных гарнизонов. Некоторые крепости имели форты, выдвинутые на ближайшие высоты; таковыми первоначально являлись прусские крепости в оторванной от основной территории Пруссии Рейнской провинции; назначение этих крепостей было—дать убежище прусским войскам на Рейне, где они могли бы отсидеться до прибытия главных сил из Пруссии. Поэтому эти крепости носили название «крепость-лагерь». Лучшие французские крепости—Мец, Бельфор, Париж—также имели вынесенные вперед форты; эти крепости брались немцами, неопытными в атаке крепостей, только голодом, частью же держались до конца войны. Крепости же, лишенные фортов, сопротивлялись относительно недолго, и часто капитулировали при первой бомбардировке.

Инженерное искусство ухватилось за, казалось, выдержавший опыт войны 1870 г. тип крепости с вынесенным поясом фортов. На увеличение дальности огня артиллерии инженеры отвечали постройкой новых, еще далее вынесенных вперед фортовых циферблатов; на изобретение снарядов, начиненных сильно взрывчатым составом, от которых кирпичные своды разваливались, несмотря ни на какую толщину их, инженеры отвечали применением бетона и брони, сильно удорожавших оборонительные постройки. Инженерная мысль вцепилась в старые формы и старалась удержать их ценой затраты сотен миллионов и доведения гарнизонов крепостей до состава сотни тысяч бойцов.

Типичным важнейшим элементом инженерной подготовки XIX века являлся долговременный форт; при растяжке крепостной позиции естественным являлось стремление инженеров обеспечить эту позицию сосредоточением средств обороны в немногих, безопасных от штурма точках с применением на них для укрытия больших толщ бетона и брони. Каждый форт представлял идеальную мишень; вопрос был лишь в создании достаточно мощного орудия, способного без труда разгромить имеющиеся покрытия. Голос тактиков, в том числе и автора настоящего труда, упорно настаивавших на необходимости расчленить собранные в одном форте элементы обороны на бо́льшую площадь, был услышан слишком поздно. Форты—это сомкнутый строй в фортификации, это отрицание реакционным инженером требований тактики, современных условий боя; конечно, они были обречены сыграть в Мировую войну печальную роль.

Россия уже заказала перед Мировой войной во Франции 42-*см* гаубицу; об этом были осведомлены русские, французские и бельгийские военные инженеры; почему же они выразили такое удивление, что таковые гаубицы, в небольшом количестве, оказались у немцев и вместе с 30-*см* австрийскими гаубицами начали ломать, как карточные домики, бельгийские крепости? Последние были рассчитаны только на 40-*кг* бомбы 15-*см* орудия, а получили бомбы в 8-20 раз более тяжелые. К концу Мировой войны и Антанта обзавелась гигантскими гаубицами; для разрушения целей, встречавшихся в позиционной войне, они представляли слишком громоздкий, невыгодный инструмент. Они обречены на исчезновение, но возможность нового появления их в любой момент образумит, вероятно, надолго военных инженеров от нарушения в долговременной фортификации постройкой фортов начал тактики и маскировки.

В оперативном отношении надлежащему использованию долговременной фортификации препятствовали предрассудки другого характера. При современной мощи средств атаки изолированная крепость не может долго держаться, если неприятель сколько-нибудь сносно подготовлен к атаке сильно укрепленных позиций; сверх того она имеет ничтожное пассивное значение, так как препятствие, представляемое ею на железной дороге, легко может быть преодолено постройкой обходной ветки; при наличии большого числа ландвера и ополчения блокада такой крепости не может затруднить наступающего; активное значение крепости, как тет-де-пона на речной преграде—ничтожно, вследствие недостаточных размеров крепости по сравнению с современными огромными фронтами. Долговременная фортификация может быть использована гораздо лучше для постройки не изолированной крепости, а для сооружения обширной позиции на границе, прикрывающей важнейшее направление, для обращения в крепость части государства или самого государства в полном объеме. После войны 1870 г. в ослабленной Франции родилась мысль создать род Великой китайской стены, которая прикрыла бы Францию от швейцарской границы до моря; увеличившаяся сила огня позволяла вырастить частокол из крепостей и фортов, находившихся в огневой связи между собой, вдоль всей границы с Германией и Бельгией. Новые экономические возможности позволяли придать такому фортификационному кордону значительную силу сопротивления.

Французский генеральный штаб, пропитанный наполеоновской доктриной, энергично боролся против этого проекта; быть может, втайне имелась и такая мысль, что Франция, обеспеченная крепостной позицией, будет уделять меньшее внимание вооруженным силам; официальными аргументами являлись ссылки на опасность кордона и пассивного образа действий. В результате выполнение этого предложения получило заостренную форму: бельгийская граница была оставлена открытой, на германской границе были возведены две долговременных позиции Бельфор—Эпиналь и Туль—Верден. Между Эпиналем и Тулем, Верденом и бельгийской границей было оставлено два свободных прохода шириной не свыше двух небольших переходов; вторжение миллионной армии немцев через такие узкие проходы ставило бы ее в чрезвычайно невыгодное положение. Применение долговременной фортификации позволяет канализировать наступление неприятеля, провоцирует его на нарушение нейтралитета соседей, подготовляет ответную операцию. Несмотря на то, что французский генеральный штаб враждебно относился к этому проекту даже по его осуществлении и лишил фортификационный частокол, за исключением четырех основных его крепостей, кредитов на содержание его на уровне современной техники, такое применение долговременной фортификации сыграло в Мировую войну крупную роль, обеспечив основные предпосылки для успеха на Марне. В России также была робкая попытка создать укрепленный фронт по Неману, Бобру и Нареву, который оцепил бы Восточную Пруссию, но предрассудки против кордона, тяготение русских инженеров к гигантским крепостям задушили эту попытку конца XIX века в зародыше.

В XX веке оперативному искусству придется встретиться неоднократно с такими участками Великой китайской стены; в последнем термине не слышится уже вовсе того презрения, с которым он употреблялся французским генеральным штабом перед Мировой войной.

Оперативное искусство. Уже в эпоху Мольтке преследование существовало только в теории. Три больших операции, которыми руководил Мольтке, не знали преследования как заключительного акта: из-под Кениггреца австрийцы ушли, не тревожимые пруссаками, под Мецом Базен отошел к крепости, под Седаном французская армия капитулировала. Железные дороги приходят ныне на помощь отступающему. Они помогли уже Мак-Магону собраться после поражения под Вертом в Шалонском лагере. После Мольтке мы не встречаем преследования чисто военного характера; в Русско-японскую войну не было ни намека на преследование вне операции. Наступающая сторона истощается теперь в операции значительно больше, чем раньше в однодневном сражении, а отступающая сторона быстро получает пополнения и совершает новое оперативное развертывание. Преследование имеет успех только в случае полного экономического истощения и политического разложения неприятельского государства. Таким было преследование русскими—марш к Константинополю в начале 1878 г., преследование болгарской армии, уже расходившейся по домам, в 1918 г.—единственный пример преследования в Мировую войну и преследования Колчака и Деникина в гражданскую войну.

Невозможность организовать преследование и пожать вне операции плоды успеха заставляет организовывать операцию так, чтобы в пределах самой операции окружить и захватить в плен всю или часть неприятельской армии. Канны и Седан являются основными руководителями оперативной мысли XX века. Не угроза сообщениям неприятеля, как это было в XVIII веке, а действительное давление и захват их является целью современных оперативных устремлений.

XX век ведет операции на очень широком фронте, но операции эти в большой войне все же отличаются большой массивностью. Еще в эпоху Мольтке вопросы устройства тыла являлись второстепенными, и руководство ими не интересовало даже начальника штаба, ведущего операцию, и передавалось в руки генерал-квартирмейстера; и для последнего оно подчас являлось делом не первой важности. В настоящее время тыл стал весьма массивным, успех работы его чрезвычайно отзывается на ходе операций, искусство руководства оперативным тылом выдвигается на первый план.

Зависимость армий от железных дорог увеличилась со времени Мольтке в десяток раз, так как соответственно или даже больше увеличилась потребность армии той же силы в подвозе снабжения. Отсюда отрыв армии от железных дорог чрезвычайно болезненно отзывается на состоянии и прочности фронта. Армии Мольтке свободно отделялись от головных станций на десяток переходов. В настоящее время отрыв и на пять переходов представляется почти недостижимым. Размах операций в глубину значительно сократился.

Оборона и наступление. Германия располагала превосходством в качестве и подготовке масс, в организации, в быстроте развертывания и маневроспособности, в тактической надежности командного состава. При общем характере наступательной экономики и политики германская военная мысль в борьбе на два фронта, естественно, стремилась использовать наступлением свои сильные стороны. Массы в условиях современного боя могут быть рационально использованы только при развертывании их на широких фронтах. Быстрое построение такого фронта требует оперативной линейности; наступательный оперативный порядок естественно создается при группировке корпусов и дивизий по всем ведущим к противнику сквозным дорогам.

Современная операция и бой представляют ту опасность, что они порождают тенденцию к разрыву тактической и организационной связи, к упразднению командования сверху. Немцы, опираясь на превосходство в политической и тактической подготовке своих масс в период подготовки к Мировой войне, сохранили за головкой командования только идейное, директивное руководство и делали ставку на самостоятельность, энергию и находчивость частных начальников; они верили в своих солдат, в их способность совершать переходы по 50 *км* без нарушения дисциплины, в их умение выкарабкаться из всякого положения и смело шли навстречу опасностям современной операции. Пусть из немецких и неприятельских солдат в операции образуется слоеный пирог и они перепутаются самым причудливым образом, пусть создается положение, при котором никакое управление со стороны высшего командования не окажется возможным. В этих диких условиях встречного боя и всех его осложнений и скажется вся добротность материала, из которого построена германская армия. Шлихтинг дал теорию встречного боя, и немцы провозгласили его своим национальным видом боя.

Мы оттенили существование прочной материальной базы под стремлениями немцев к наступлению и к его высшему проявлению—встречному бою. Однако, несмотря на наличность предпосылок наступления, германская военная мысль относилась к тактической обороне без всякого предупреждения; и когда за 3—4 года до Мировой войны в России и Франции (Гранмезон) обозначилась тенденция к переходу в наступление «во что бы то ни стало, при каких бы то ни было обстоятельствах», германская мысль сейчас же стала на путь предоставления противникам лавров тактического наступления, если последние обязательно гонятся за ними; на последних больших маневрах перед Мировой войной Мольтке Младший давал задания, пригвождавшие целые корпуса к оборонительным задачам. Германская армия быстро обучилась извлекать из современной техники все, что она может дать для упорной обороны. Из трех больших участков фронта пограничного сражения на Западе в

1914 г. немцы начали бои на двух участках с тактической обороны, и здесь неосторожно наступавшие французы были сильно огорошены; создалось такое впечатление, что французы нарвались на засады в армейском масштабе.

Известный материализм германского военного мышления, традиции Клаузевица и Мольтке Старшего спасли германскую армию от крайних увлечений в вопросах обороны и наступления. Во франко-русском военном мышлении мы видим в этих вопросах смесь осторожности, рекомендуемой обстоятельствами, с наступательной истерией на идеалистически-интеллектуальной подкладке.

Победы Мольтке Старшего имели место спустя полвека после побед Наполеона I. Тогда как немецкий исследователь задавал себе вопрос—что Мольтке внес нового в военное искусство, в чем его различие от Наполеона?—реакционная в основе французская военная мысль (Гибер, Бонналь, Фош и др.) выворачивала этот вопрос наизнанку: в чем Мольтке повторял Наполеона? В чем он выступает не как оригинальный стратег, а как ученик, копирующий Наполеона? Сама постановка этих вопросов заставляла одних итти вперед, других—пятиться. Недаром французское военное образование не включает в свои рамки такую чуждую реакционному мышлению военную дисциплину, как историю военного искусства.

Франция—страна централизации в противовес Германии. Наполеон I—величайший централизатор; он в высшей степени умел централизовать и управление сражением. Наполеон I, у которого французы продолжали искать тайну искусства побеждать, мог явиться только наставником централизации управления; нельзя было быть учеником Наполеона I и признавать учение о встречном бое.

Надо было быть настороже против анархических и хаотических тенденций современного боя, надо было выйти из-под их власти; и Бонналь создал такое оперативное искусство и тактику, которые сохраняли бы за старшим начальником возможность руководства приказом, позволяли бы централизовать управление. Формы операции и боя должны быть таковы, чтобы поставить всех частных начальников в определенные нормы. Конечно, проще всего было бы сохранять войска в руках старшего начальника, отдав ясное предпочтение обороне. Но опыт 1870 г. толковался во Франции как приговор над пассивной обороной. Выдвигать оборону как основу порядка и централизации управления—значило бы написать себе свидетельство об интеллектуальной бедности. Для проповеди решительного наступления, около которого можно было бы попытаться объединить все усилия, как это имело место в Германии, нехватало материальных предпосылок: дисциплина масс казалась сомнительной, в высшем командовании был развал. Поэтому Бонналь выдвинул тезис оборонительного наступления—или наступательной обороны. Военное искусство заключается в сохранении за собой свободы действий в том, чтобы не быть связанным волей неприятеля. Надо сохранять свободу фехтовальщика, стойка которого уравновешена и позволяет с равной легкостью прыгнуть как вперед, так и назад. Только в момент решительного выпада можно отказаться от требований осторожности, от сохранения возможности двигаться в любом направлении, от свободы принять или не принять бой. Централизовав управление и сохраняя свободу действий, можно всегда наказать опрометчивое наступление неприятеля. Бонналь прежде всего отрицал всякую мысль о том, чтобы перейти к применению приемов встречного боя.

Но как сохранить свободу действий? Бонналь рекомендовал для этого в оперативном искусстве те же методы, которые насаждались и во французской тактике. Тактический авангард, глубокое эшелонирование войск, сохранение тактического резерва—вот средства централизованного управления боем, создающие в то же время уравновешенный, как стойка фехтовальщика, боевой порядок. Сильный и удаленный на большое расстояние авангард является еще более важным, чем резерв, органом управления старшего начальника; авангард, вступив в бой с неприятелем, ориентирует старшего начальника в обстановке и обеспечивает ему время и свободное пространство для принятия любого решения. Главные силы могут маневрировать, прикрытые авангардом, как щитом, или даже вовсе уклониться от боя, если обстановка будет неблагоприятна. Резерв—это средство сделать, когда минута назреет, мгновенный выпад.

Для Бонналя оперативное искусство—только большая тактика. Если дивизия выделяет полк в авангард, а полк оставляет в резерве, то и армия из четырех корпусов должна выдвигать один корпус в оперативный авангард, два вести рядом за ним, а один корпус оставить в резерве. Когда Бонналь составлял план развертывания французских армий, он одну армию назначил в оперативный авангард, а одну армию сохранил в оперативном резерве, не считая массы резервных дивизий, от которых он «очистил» развертывание, убрав их в тыл. Централизованное руководство и свобода маневра являются обеспеченными; целая сеть охраняющих отрядов должна изолировать наши массы от неприятеля и связывать движения последнего. Вопрос о сторожевом охранении раздувается: дело идет не только о том, чтобы предупредить вовремя главные силы и обеспечить их от нечаянного нападения неприятеля, но о том, чтобы обеспечить им свободу маневра. Линия застав должна установить контакт с неприятелем и вести первую, вводную, особенно важную часть боя.

Всюду Бонналь шел на противопоставление неприятелю меньших сил; неуважение к массе лежит в основе его мышления; он открыто идет на постановку всех бесчисленных авангардов в невыгодное соотношение сил с неприятелем, с тем, чтобы старший начальник мог высмотреть слабое место неприятеля и в нужный момент распорядиться о производстве решительного выпада. Искусство маневрирования, в его представлении, это искусство жонглирования силами, получения экономии их на фронте, скупого первоначального развертывания, бедного начала боя, с целью сохранить крупный резерв для решительного акта.

Другой конек, выдвинутый Бонналем [1] для обеспечения централизованного управления, заключался в резком подчеркивании необходимости единства воззрений в армии на оперативные и тактические вопросы. Для победы нужно прежде всего единство доктрины—единство военного мышления всего командного состава армии. Вполне логично для идеалистической школы, выдвигающей первенство идеи над материальными факторами, признавать идейную сплоченность в вопросах военного искусства важнейшей предпосылкой победы. Тактика и стратегия нуждаются в скрижалях, на которых были бы выгравированы заповеди; и всякое идейное отступление от них, всякая ересь в толковании тактики и стратегии начинают рисоваться как измена. Нужны бичи и скорпионы, нужно беспощадное удаление инако мыслящих. Такова реакционная сущность единства доктрины, вызывающая ослепление в технических вопросах целого народа и являющаяся преградой для эволюции военного искусства.

---

[1] Очерчивая новейшую эволюцию французской военной мысли, мы умышленно опускаем крупного мыслителя Леваля; передовые позитивно-материалистические основы мышления этого представителя старшего поколения были вытеснены с корнем из французской доктрины Бонналем и Фошем; Левалю французский генеральный штаб обязан только своей технической грамотностью. О Левале в „Стратегии в трудах военных классиков“, т. I, стр. 140—194.

Идеи Бонналя блестяще иллюстрировались соответственно искаженным исследованием походов Наполеона; а помощник Бонналя, Фош, анализируя 1870 г., доказывал, насколько жалким в сравнении с наполеоновским является оперативное искусство Мольтке Старшего, опиравшееся не на сильный оперативный авангард, а лишь на слабые кавалерийские дивизии, которые одни шествовали впереди главных сил. Отметим здесь лишь одну существенную техническую ошибку Бонналя: оперативное искусство—не тактика в раздутом масштабе, и армия не представляет батальона в сто тысяч бойцов. Проповедь узкого фронта армии, построенной в виде карре или ромба, ведет к тому, что она теряет возможность двигаться и маневрировать. Батальон, разведя роты на широкий фронт, затрудняет себе маневрирование, а собрав их вместе—готов быстро двинуться в любом направлении. В армии же дело обстоит наоборот. Бонналь и вся французская школа проглядели «гнусную крайность сосредоточения»; углубление в наполеоновскую эпоху не позволило им учесть надлежащим образом современные тылы. Нельзя распространять на оперативное искусство положения тактики; верные в одном масштабе, они могут быть ошибочными в другом.

Русский подход к оперативным вопросам исходил, до Русско-японской войны, из очень сомнительных, сокрушительных наполеоно-обручевских идей, аналогичных с теми, с которыми мы познакомились на войне 1877 г. Непосредственно после каждой войны естественно складывается тяга к более материалистическому толкованию военного искусства. Такая тяга сложилась и после тяжелых испытаний в Манчжурии. Русская армия много выиграла на полученном опыте. Однако оборонительно-пассивные приемы Куропаткина вызывали в молодом поколении русского генерального штаба чрезвычайно энергичную реакцию против них; они отвергались как личное творчество Куропаткина—неудачника, не имевшего достаточно решительности. Без исследования тех материальных предпосылок, которые лежали в основе военного искусства Куропаткина, без исследования тех материальных предпосылок, которые лежали в основе решения тактических и оперативных вопросов в германской армии, мы вскоре оставили попытки итти самостоятельным путем и обратились в преданнейших учеников Шлихтинга; германская школа—штунда, как докладывал автор в 1912 г. на собрании ревнителей военных знаний в Петербурге,—распространилась в верхах русской армии с необычайной быстротой; они сделались больше католиками, чем сам папа, оторвались от своей материальной базы, от своих политически плохо сплоченных масс. Таковы были условия, в которых созрел план нашего вторжения в 1914 г. в Восточную Пруссию: роскошная теоретическая концепция, но катастрофическая по несоответствию теоретического замысла и подготовки реальных русских людей—начальников и масс к его осуществлению. Эта катастрофа имела турецкий тип: турки и в 1912 г. и в 1914 и 1915 гг. неоднократно брались за разрешение военных проблем «по Шлихтингу», несмотря на предупреждение данного им Германией «военрука» фон-дер-Гольца, и каждый раз жестоко расплачивались. Мы обязаны этим германским увлечениям Энвер-бея нашей крупнейшей победой на Кавказском фронте—под Саганлуком.

Лучше бы уже было воевать по методу Куропаткина. Но исследование его операций в Манчжурии вывело даже французов из рекомендованной им Бонналем уравновешенной стойки. За исключением немцев, готовившихся при случае спокойно использовать и проволоку и окопы, весь военный мир перед 1914 г. впал в наступательную истерию. Особенно ярко она, начиная с 1911 г., проявляется во французской армии. Вождь младотурок французского генерального штаба, Гранмезон, потребовал, чтобы на каждом действии лежала печать наступательного духа. Надо открыто итти на эксцессы в этом отношении. Надо всюду подчинять себе неприятеля, принуждать его к обороне—в этом должно заключаться охранение нас от его нападений. Чередование наступательных и оборонительных участков—это смерть для наступления вообще; последнее будет иметь место только в том случае, если все и всюду будут наступать. Эшелонирование сил в глубину надо отвергнуть вовсе, так как оно мешает их одновременному введению в бой. В духе Гранмезона во Франции давно уже работала целая школа французских последователей Драгомирова, переводивших на рельсы французского мышления суворовское—«пуля—дура, штык—молодец». Центр тяжести военного искусства был перенесен Бонналем из области материального соревнования войск в область интеллектуальной борьбы двух полководцев, и Бонналь стремился возможно расширить способы воздействия полководческого интеллекта. Он был еще учеником Густава ле-Бона. Следующее поколение было уже учениками Бергсона, порвало с интеллектуализмом и перенесло все внимание на моральный элемент. Война 1870 г. оказывалась уже проигранной не вследствие оперативного невежества высшего французского командования, а потому, по заявлению генерала Кардо, «что наши отцы были подлецами» и не выдержали морального экзамена войны. Имевший широкий успех подполковник Монтэнь утверждал, что военная наука не является положительной или экспериментальной наукой, а наукой морального порядка. «Скажу более: нет науки о войне, есть только мораль войны. Военная наука должна заимствовать у морали ее методы, ее правила, ее заповеди. Надо все наше солдатское мышление перевести из интеллектуального мира в мир моральный. Не доктриной почтения, прощения и соболезнования выковывается душа солдата, но доктриной суровой, хищной, которая поносит и поражение и побежденных».

Эти мысли окрасили вступление французов в Пограничное сражение; отголоском их являлся и переход Нивеля в наступление в 1917 г. Младо-верденская школа Нивеля и Манжена и теперь отцвела не навек. Проповедь морального учения о войне ласкает слух даже испытанных бойцов. Но не следует забывать, что и Теренций Варрон, противник Ганнибала, также стоял за безусловное наступление.

Ударная и огневая тактика. Каждая европейская армия, как видно из изложения новейших войн, имела возможность раскаяться, после принесенных тяжелых жертв, в своем следовании началам ударной тактики. При участии Шлихтинга германская армия в 1888 г. получила краткий и ясный огневой устав, рассматривавший наступление пехоты как перенос огневых позиций на все более близкие и решительные дистанции. Казалось, было покончено с существовавшим столетия положением, что тактика пехоты имеет две души — огонь и удар. Ударный идеал, имевший два тысячелетия истории, анализированный еще Ксенофонтом, казалось, безвозвратно канул в прошлое. Огневая тактика освободила пехоту от всяких забот о равнении и внешних формах, бесполезных после того, как отпала мысль об одновременном штыковом ударе на значительном участке фронта; для инициативы младших начальников открылся широчайший простор. Устав пехоты необычайно упростился. Шлихтинг настаивал на крайнем сокращении элементарной тактики пехоты; курсы объемом более трех десятков страниц должны быть изгнаны, по мнению Шлихтинга, так как могут явиться орудием попытки вновь ввести механический элемент в пехотное наступление, убить в пехоте дух, мышление и инициативу; стремление предусмотреть в деталях заранее, что придется делать пехоте, никому не может принести пользу, как учит новейший исторический опыт. Опасно желание командного состава щегольнуть мелкой, элементарной тактикой, не имеющей ничего общего с разумной подготовкой войск, и опасны увлечения инспектирующих начальников на смотрах, учениях, маневрах. Грозным явлением представлялся бы перенос на современный огневой бой плац-парадных навыков начальства. Разумно отказаться от детализации и уточнения того, что по своей природе не может быть уточнено; ведь картина боев будущей войны, определяющая полностью эти детали, может существенно измениться и далеко не ясна.

К удивлению, напряженная в середине XIX века борьба между ударной и огневой тактикой оказывается и посейчас неисчерпанной.

Какие источники питают ударную тактику? Прежде всего—мысль о необходимости применения принуждения в бою, которое при различных степенях сознательности бойца может получить различный облик. Наиболее энергичная форма принуждения—это установление уставной формы атаки.

В брошюре «Сон в летнюю ночь» анонимный немецкий автор высказывается, под влиянием опыта сражения под С.-Прива, очень сильно: «Страх бросает человека ничком и пригвождает его к земле, и этот же страх хотят обратить в тактический метод, в моральную привычку, в способ победить. Но эта мания—погоня за закрытием, которая проносится по полю сражения как зараза, эта мания и есть главный враг. Это с ней надо сражаться и ее победить. И для этого только один способ—сомкнуть, поставить бойца в рамки твердых построений, в железную арматуру, которая заставит его двигаться во что бы то ни стало и как бы он ни боялся. Потери будут велики. Да, но армия, которая боится потерь, никогда не должна вести войны: в поле только мужество дает победу, а человеческая жизнь в счет не идет». Фон-Шерф, весьма авторитетный германский писатель, подтверждал этот взгляд: бой должен развиваться автоматически, по уставу, как только старший начальник спустит войска со своры; в этом единственная гарантия против колебаний и неисполнения приказа. Он возражал против стремления разредить стрелковую цепь, что ведет к ее анемии, малокровию, и в конечном результате к бессилию огня. Редкое развертывание вначале ведет впоследствии к смешению частей и обессиливает командование. Местность, которая стремится нарушить нормальную школьную атаку и искушает войска закрытиями, презирается фон-Шерфом. «Старой школе противопоставляют формулу: единство взглядов должно заменить единство формы; приэтом упускают, что на практике взгляды могут проявляться только в формах». Без регламентации нет единства действия.

Нельзя думать, что мы свободны в выборе той или иной тактики пехоты. Известное недоверие к своим массам, как это отмечалось в период подготовки к Мировой войне во Франции и России, сейчас же отражается на известных ударных уклонах, на стремлении возможно позже рассыпать пехоту из сомкнутых строев.

С другой стороны, на тактику оказывают могущественнейшее давление наши оперативные воззрения. Ударная тактика естественно связывается с оперативными устремлениями к решительному удару. Эти решительные удары— грозное непрерывное движение густых, эшелонирующихся в глубину, физически подталкивающих одна другую масс— находятся в полном противоречии с требованиями огневой тактики. Огневая тактика исключает решительные атаки и центр тяжести боя переносит уже на начало боя, на развитие в первые же минуты боя огня максимальной силы; уже здесь начинается борьба за решение, выражающееся в огневом перевесе, а не ведется только подготовка к имеющему быть в конце боя удару. Огневая тактика очень внимательно относится к своим бойцам в передовой линии, так как только успешные действия их и ведут к тактической победе; эту передовую линию можно только питать, а не толкать резервами сзади. Тактический резерв за фронтом— для огневой тактики только поддержка. Уж из сказанного ясно, что огневая тактика никак не может быть скомбинирована с наполеоновскими приемами решительного удара-прорыва и ярко противоречит уравновешенным фехтовальным приемам французской доктрины, желавшей начинать бой полегоньку, чтобы высшее начальство осмотрелось и взяло бы управление в свои руки. Огневая тактика требует, по существу, упразднения всякого интервала между авангардом и главными силами, чтобы обеспечить скорейшее развертывание последних и богатое дружное начало огневого боя.

И мы видим сохранение ударных уклонов в России вследствие недостаточной подготовки масс, а во Франции—вследствие реакционных устремлений доктрины и высшего комсостава.

Новым моментом, выдвинутым позиционным периодом Мировой войны, является «выход из моды» пехотного ружья. Огромное развитие средств дальнего боя перенесло на них центр тяжести наступательной работы; бой, как говорили крайние новаторы, ведет артиллерия, а пехота только занимает очищенное ею пространство. Пулемет и ружье стали рассматриваться не только как оружие ближнего боя, но и как оружие оборонительного боя. Наступление пехоты обратилось в прогулку для захвата пленных и трофеев, борьба пехоты за огневой перевес развеялась. Наступление из огневого состязания обратилось в штурм, в удар, в работу штыком и ручной гранатой. Таковым в большинстве случаев бывает только неудачное наступление.

Вот некоторые корни воскрешения в XX веке ударных идеалов. Иностранцы часто объясняли ударные тенденции русской пехоты ее крестьянским составом. Конечно, ударные приемы легче всего позволяли небольшому количеству представителей господствующего класса толкать крестьянскую массу вперед, обращая наступление в приступ. Но многое объяснялось и тем, что не пехота писала себе уставы, а последние писались для пехоты.

Этот процесс борьбы ударных и огневых тенденций проходит на фоне продолжающегося мельчания тактической единицы пехоты. Строй поротно характеризует достижения эпохи Мольтке, строй по отделениям—современную. Наблюдая этот процесс мельчания, мы видели, как он приносил крупные результаты, но только в тех случаях, когда связывался с соответственным повышением подготовки младших начальников. К современному командиру отделения нельзя в отношении сознательности и тактической подготовки предъявить ни на йоту меньшие требования, чем те, которые предъявлялись к опытному профессионалу, командовавшему в эпоху Мольтке ротой.

Огневая тактика не ограничилась пределами пехоты. Конница благополучно, до начала XX века, оставалась при тактических приемах конного боя, унаследованных от XVIII века; мотивировалось это тем, что основное оружие конницы—лошадь, не эволюционирует так, как оружие пехоты или артиллерии. Это было, конечно, ошибочно. Конница должна была готовиться к самостоятельной оперативной деятельности, и для этого значительно усилить свои огневые средства и свое искусство спешенного боя. К началу Мировой войны только германская конница сносно удовлетворяла новым требованиям. В этом большая заслуга германского военного писателя Бернгарди. Русская конница выступила, в особенности в Восточной Пруссии, как привидение из другого века; выдвинувшись вперед, на ночь она должна была отскакивать за пехоту, чувствуя себя несамостоятельной и беспомощной, способной на отдельные эпизоды, но не на работу в операции. Ужасный подбор русских кавалерийских начальников—творчество великого князя Николая Николаевича, в бытность его инспектором конницы.

Решительное, революционное изменение тактики конницы, модернизация ее, влитие в конницу богатых огневых средств и широкое использование их в бою—это уже достижение 1919 года, завоевание гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА.

1) **Schlichting.** Taktische und strategische Grundsätze der Gegenwart. Берлин. 1897 г. 3 тома. В русском переводе имеется второй и третий том (перев. Лазаревича, под редакцией Незнамова, изд. 1909 г.). Шлихтинг—очень сильный диалектик. В своих выводах, стремясь порвать с прошлым, он хватил дальше цели. Требование сообразовать наступление с местностью ведет у Шлихтинга к тому, что сама цель боя отходит совершенно на второй план.

Огромную роль Шлихтинга, как вождя „новой“ школы в Германии, рисует имеющий громадный интерес труд генерала **E. Gayl.** General von Schlichting und sein Lebenswerk, Berlin, 1913. Он включает и подчеркивает все ценное, всю новаторскую деятельность Шлихтинга в стратегии, тактике и военной педагогике. Там же реферат о неизданных трудах Шлихтинга.

2) **W. von Scherff.** Der Schlachtangriff (2 тома); того же автора Vergleichender Rückblick auf die neuste Tagesliteratur über den Infanterieangriff. Берлин. 1906.

В германской литературе не раз высказывался упрек, что глава их старой школы, Шерф, представляет прусского Драгомирова и, будучи на словах последователем Клаузевица, на деле является представителем суворовского военного искусства. Шерфу принадлежит большое число трудов по тактике. Занимая кафедру в Берлинской Академии, он излагал тактику заимствованным у Верди методом, в виде последовательного анализа сражений франко-прусской войны. Приведенные здесь труды посвящены энергичной атаке учения Шлихтинга.

3) **Langlois.** L'artillerie de campagne en liaison avec les autres armes. Париж, 1892, 2 тома. Того же автора: Enseignements de deux guerres récentes, Париж, 1906. Генерал Ланглуа — выдающийся представитель французской военной мысли,

творец современной скорострельной артиллерии и ее тактики. Представляют также интерес оценки, данные Ланглуа швейцарской и английской милициям, в особых, посвященных им статьях (о швейцарской армии — „Стрелковый сборник“, 1920 г., № 1).

4) **Montaigne.** Vaincre. Esquisse d'une doctrine de la guerre. 1913, 3 тома. Подполковник Монтень выступил с сжатым в один том трудом „Победить“, имевшим огромный успех, что заставило издателей сознаться, что подлинник автора представлял 3 тома; издание в полном виде было немедленно повторено. Энергия его стиля прямо поразительна. Свою тактическую доктрину он базирует на широком психологическом фундаменте. Жестоким сарказмам подвергается официальная военная мысль. К немцам он добрее.

5) **Colonel de Grandmaison.** Deux conférences, faites aux officiers de l'état-major de l'armée, 1911, стр. 76. Значение этого труда, имеющегося и в русском переводе, отмечено выше.

6) **Ф. Фош.** О принципах войны. Перевод А. Апухтина. Петроград, 1919, Труд Фоша, представляющий лекции, читанные им в Париже в Высшей Военной Школе в первые годы XX столетия, много выигрывает, когда мы обращаемся к нему не с целью изучения военного искусства вообще, а с целью понять то направление, которое получило во Франции развитие тактической и стратегической мысли. Полное отрицание эволюции, гробовое молчание о встречном бое, стремление принять в оперативном искусстве и тактике такие формы, которые допускали бы в современных условиях применение наполеоновских методов управления,—вот основные точки французской доктрины, которым Фош остается верен на всем протяжении труда.

7) **Commandant G. Cognet.** Le problème des réserves. Ce qu'il faut pour réaliser la nation armée. Paris, 1914, стр. 333. Очень полная работа, дающая свежие данные об организации и использовании широких масс запасных перед Мировой войной.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ 1).

Абдул Керим — турецк. главвноком. — II. 373.
Август — король польский — I. 283.
Август Вюртембергский — II. 301, 311.
Август Гогенцоллерн — II. 221.
Август Октавий — римский импер. — I. 76, 82.
Австро-прусская война 1866 г. — II. 184, 201, 208, 211, 234, 294.
Агапеев А. — русск. воен. писатель — I. 175.
Агафокл — греч. полководец — I. 34.
Агриппа — римск. деятель — I. 70.
Адда — р. сражение 1799 г. — I. 294.
Адриан — римский император — I. 73, 76.
Азинкур — сражение 1415 г. — I. 121.
Аксаков — русск. общ. деятель — II. 44.
Аладжа — сражение 1-ое и 2-ое 1877 г. — II. 406, 409.
Алезия — осада 52 г. до н. эры — I. 75, 185, 240.
Александр I — русск. император — I. 342, 356, 378. II. 27, 172, 177, 212.
Александр II — русск. император — II. 27, 74, 236, 339, 344, 360, 377, 387, 395, 397, 402, 411, 463.
Александр III — русск. император — II. 344, 377, 463.
Александр Македонский — I. 8, 16, 22, 28, 34, 36, 39, 55, 57, 70, 146, 180, 290, II. 263.
Алексеев — русск. адмирал, наместник Дальн. Востока — II. 475, 484.
Алексей Михайлович — русск. царь — I. 131, 281.
Алжирская война 1830—1857 гг. — II. 34, 89.
Алкивиад — I. 30.
д'Аллегр Ив — вождь рыцарей — I. 171.
Альба — герцог — I. 169, 178.
Альбрехт — эрцгерцог — II. 247, 267.
Альвенслебен фон — пр. генерал — II. 303.
Альвинчи — австр. генерал — I. 347.
Альма р. — сражение — II. 49, 51.
д'Альмазон — герцог, военн. писат. — II. 122.
Альтер Вильгельм — австр. писатель — II. 271.
Амамфарет — спарт. начальник — I. 35.
Амон-ра — египет. святыня — I. 45.
Анабазис — или отступление 10 000 — I. 31, 35.
Анаконда — план — II. 141, 545.
Анахарсис — скиф — I. 269.
Английская революция — 1642—1651 гг. — I. 194, 200
Англо-бурская война — 1899—1902 гг. — II. 9, 411, 509, 532, 537, 539, 558.
Англо-китайская война 1857—1860 гг. — II. 274.
Ангора — сражение 1402 г. — I. 151.
Андрэ Луи — фран. писатель — I. 241.
Анжуйский граф — I. 115.

---

1) Римскими цифрами — том, арабскими — страницы. Указывается только первая из нескольких последовательных страниц, содержащих данное имя или понятие.

Анталкидов мир 387 г. до н. эры — I. 40.
Антипатр — макед. полковод. — I. 42.
Антиетам р. — сражение 1862 г. — II. 138, 151.
Антоний — римск. полков. — I. 43, 82.
Аракчеев — русск. военн. министр — I. 194.
Ардан-де-Пик — фран. военн. писатель — I. 22.
д'Аржансон — фран. военн. министр — I. 305.
Аржанто — австр. генер. — I. 344.
Ариан — римский историк — I. 42, 45, 48.
Аристобул — греч. историк — I. 54.
Аристотель — греч. философ — I. 27, 35, 39, 47, 70.
Арколе — операция 1796 г. — I. 348, 351.
Армстронг — англ. фирма — II. 555.
Арндт — пр. поэт — I. 375, 377.
Арно де Серволь — фр. патер — I. 22, 157.
Артаксеркс — персидск. царь — I. 31.
Артсфельде — вождь фламандск. революции — I. 123, 126. II. 267.
д'Артуа гр. Роберт — I. 124.
Асперн-Эслинген — сражение 1809 г. — I. 361, 367, 370.
Аусcиг — сражение 1426 г. — I. 130.
Аустерлиц — сражение 1805 г. — I. 333, 341, 353, 355, 370.
Ауэрштедт — сражение 1806 г. — I. 341. 360. II. 221, 231.
Ахенский мир — 1668 г. — I. 202.
Ахилес — легенд. герой — I. 25.
Ахимениды — династия — I. 43.
Баварское наследство (картофельная война) — 1777—1779 гг. I. 260.
Багратион — русск. генерал — I. 297, 356, 373.
Базанкур — фран. военн. писатель — II. 166.
Базен — фран. маршал — I. 331. II. 122, 283, 285, 295, 306, 311, 317, 323, 325, 334, 570.
Байленская капитуляция — 1808 г. — I. 319
Байов А. — русск. военн. писатель — I. 12, 19, 265, 299.
Баклер д'Альб — фран. топограф — I. 334.
Балдуин Фландрский — I. 97.
Банокбурн — сражение 1314 г. — I. 127.
Бапст Жермен — франц. историк — II. 122.
Барагэ д'Илье — франц. маршал — II. 113.
Барбезие — франц. военн. министр — I. 207, 241.
Барбиано Альберико — основат. военной школы — I. 156.
Барбу — франц. генерал — I. 319.
дю Бари Джеральд — англ. среднев. историк — I. 117.
Барклай де Толли — русский фельдмарш. — I. 373. II. 27.
Барсуков Б. — русский историк. — I. 278.
Бартельс — австр. военн. писатель — II. 122.
Барятинский — русский фельдмарш. — II. 340.
Басано — бой 1796 г. — I. 347.
Бастилия — штурм 1789 г. — I. 310.
Батый — хан — I. 146, 148.
Баур — русск. генерал — I. 290.
Бауцен — сражение 1813 г. — I. 339.
Баязет — султан — I. 151.
Баярд — рыцарь без страха и упрека — I. 24, 159.
Бебель — социалист — II. 277.
Безансон — осада 1674 г. — I. 229.
Бек фон-дер — пр. военн. писатель — II. 231.
Белая гора — сражение 1620 г. — I. 187, 211.
Бельгард — австр. генерал — I. 361.
Беляев — русский историк — I. 299.
Бем — венгер. рев. генер. — II. 35.
Бенедек — австр. гл. ком. — II, 86, 111, 119, 248, 258, 263, 267, 270, 493.

Бенедети — фран. посол в Пруссии — II. 277.
Берг фон Адольф — гр. Кельна — I. 106.
Берген — сражение 1759 г. — I. 309.
Бергсон — фр. философ — II. 578.
Бердан — конструктор винтовки — II. 345.
Березинская операция — 1812 г. — I. 374, 378.
Березовский — русский издатель — II. 522.
Беренхорст — герм. военн. писатель — I. 252, 256, 267, 327.
Берлинский конгресс — 1878 г. — II. 408, 525.
Бернадот — фр. маршал — I. 303, 357, 359, 369. II. 322.
Бернгард Веймарский — гр., протест. полководец — I. 202, 210.
Бернгарди Теодор — пр. историк — II. 243.
Бернгарди Фридрих — пр. военн. писатель — II. 582.
Бертье — фр. маршал — I. 333.
Бесьер — фр. маршал — I. 365.
Бецкий И. И. — русск. госуд. деятель — I. 289.
Биконсфильд — лорд, англ. министр — II. 354.
Бильдерлинг — бар., русск. генерал — II. 498, 504.
Биргер — русск. генерал — II. 516.
Бисмарк — герм. канцлер — II. 79, 183, 204, 231, 235, 244, 257, 267, 273, 324, 329, 525, 527.
Блейхредер — прусск. банкир — II. 240.
Блуме — герм. писатель — II. 231.
Блументаль — пр. генерал — II. 200, 258, 322, 332.
Блюхер — пр. генерал — II. 191, 216.
Бобровский П. О. — русск. писатель — I. 299.
Бовэ — епископ — I. 111.
Богданович — русский военный писатель — I. 299. II. 75.
Божанси — сражение 1870 г. — II. 331.
Бойен — пр. военный министр — I. 260. II. 173, 176, 188, 205, 207, 231, 549.
Боксерское восстание — 1900 г. — II. 459.
Болье — австр. генерал — I. 343.
Бомон — бой 1870 г. — II. 316. 322.
Бомон де Жан — феодал — I. 106.
Бон-Ла-Роланд — бой 1870 г. — II. 331.
Бонналь — фр. военн. писатель — I. 335, 383, II. 531.
Боргето — бой 1796 г. — I. 345.
Борегар — америк. генерал — II. 149.
Боринген — сражение 1288 г. — I. 100.
Борис Годунов — русский царь — I. 275.
Борк — америк. военн. писатель — II. 167.
Борнсайд — америк. генерал — II. 152.
Бородино — сражение 1812 г. — I. 374, 378. II. 53, 294.
Боске — фр. генерал — II. 52.
Бота Луи — вождь буров — II. 426, 442.
Бота Филипп — вождь буров — II. 441.
Бразид — спарт. полководец — I. 23, 29.
Брантом — фр. писатель — I. 166.
Брауншвейгский герцог — I. 312, 359.
Брейтенфельд — сражение 1631 г. — I. 188, 190, 192.
Бренди ст. — кавал. бой 1863 г. — II. 153.
Брента р. — бой 1796 г. — I. 347.
Брикнер — русск. историк — I. 299.
Брикс — нем. историк — I. 299.
Бриндизи — осада 49 г до н. эры — I. 79.
Бринье — сражение 1362 г. — I. 157.
Бролье — фр. генерал — I. 309.
Брюн — фр. генерал — I. 327.
Бувин — сражение 1214 г. — I. 108.

Буденный — вождь Красной конницы — II. 164.
Булавин — казак, вождь бунта — I. 283.
Буллер — лорд, англ. генерал — II. 424, 442, 445, 477.
Буль-Рен р. — 1-ое сражение 1861 г. — II. 144, 149.
Буль-Рен р. — 2-ое сражение 1862 г. — II. 151.
Булье — фр. генерал — I. 310.
Бурбаки — фр. генерал — II. 328, 331.
Бурбон — конетабль — I. 163.
Бурбоны — фр. династия — I. 233. II. 88.
Бургундские войны — 1476—1477 гг. — I. 20, 52, 137.
Бурдо Г. — франц. военн. писатель — I. 328.
Бурдо Э. — фр. военн. писатель — I. 318.
ле-Бурже — бой 1870 г. — II. 309.
Бурнонваль — герцог — I. 232.
Бутарик Эдгард — фр. историк — I. 105, 139, 306.
Бутру — фр. историк — I. 22.
Буфорд — америк. генерал — II. 157.
Буше Артур — фр. военн. писатель — I. 36.
Бушот — фр. рев. военн. министр — I. 315.
Быстроновский гр. — Арелан паша — II. 35.
Бюа — фр. генерал — II. 533.
Бюжо — маршал. — I. 22.
Бюлов Генрих Дитрих — I. 146, 228, 269, 326, 342, 373. II. 72.
Ваграм — сражение 1809 г. — I. 339, 367. II. 209, 266, 322, 376.
Валентинов Н. (псевдоним) — русск. писатель — II. 525.
Валериан — римск. император — I. 83.
Валленштейн — полководец — I. 19, 189, 203, 210, 244, 271. II. 84.
Валори — фр. посол в Берлине — I. 249.
Вальгаузен фон Иоган Якоби — нем. военн. писатель — I. 167, 174, 184, 186, 275.
Вальдштетен — австр. военн. писатель — II. 118.
Вальми — сражение 1792 г. — I. 128, 311.
Вандаль Альбер — фр. историк — I. 22.
Вандам — фр. генерал — I. 357, 362, 365.
Вандейская война — 1793—1796 гг. — I. 314, 328.
Вандом — маршал — I. 237.
Вановский — русск. военн. министр — II. 377, 452.
Варендорф — пр. артилл. — II. 359.
Варрон Теренций — римск. консул — I. 61. II. 578.
Вартенслебен — пр. оф. ген. шт. — II. 200, 202.
Васко де Гама — мореплаватель — I. 177.
Ватерлоо — сражение 1815 г. — I. 340. II. 39, 88, 209.
Ватиньи — сражение 1793 г. — I. 314, 327.
Вафангоу — бой 1904 г. — II. 484.
Вашингтон — глав. ком. С. А. С. Ш. — I. 315.
Вашэ — фр. военн. писатель — I. 330, 334.
Вегеций — римск. писатель — I. 48, 76, 183.
Ведель — гр., пр. военн. агент — II. 383.
Вейротер — австр. оф. ген. шт. — I. 356. II. 188.
Вейсенбург — бой 1870 г. — II. 311.
Вексей — австр. ген. — I. 363.
Велизарий — визант. полк. — I. 300.
Великая армия — I. 372, 377, 380.
Великая хартия вольностей — 1215 г. — I. 112, 116, 157.
Велингтон — англ. полководец — II. 37, 39, 177, 209, 216.
Вельфы — династия — I. 108.
Вельшингер — фр. историк — II. 335.
Венгерский поход — 1849 г. — II. 11, 81, 84, 524.
Венский конгресс — 1814—15 гг. — II. 169, 177, 186, 190, 194.
Верди-дю-Вернуа — пр. военн. министр — I. 8, 45, 69, 82. II. 203, 210, 270, 309, 582.

Верден — оборона 1916 г. — II. 489.
Вернек — австр. ген. — I. 355.
Вернер фон Урслинген — (Гварнерио) кондотьер — I. 156.
Версальский мир — 1919 г. — I. 69.
Верт — сражение 1870 г. — II. 307.
Верцингеторикс — вождь галлов — I. 75.
Веселицкий — русск. ген. — II. 45.
Вессель-паша — II. 400.
Вестфальский мир — 1648 г. — II. 169.
Видал-де-ла Блаш — фр. военн. пис. — II. 232.
Виккерс — англ. фирма — II. 511, 555.
Виктор — фр. ген. — I. 296, 372, 379.
Виксбург — осада 1863 г. — II. 162.
Вилагош — капитуляция 1849 г. — II. 84.
Вилани — средневек. истор. — I. 123, 155.
Виленская операция — 1812 г. — I. 335, 373, 383.
Вилеруа — фр. маршал — I. 233.
Вилизен В. — герм. стратег — II. 121.
Вильгельм I — герм. император — II. 177, 181, 186, 196, 204, 214, 216, 231, 237, 262, 292, 309.
Вильгельм II — герм. импер. — I. 41. II. 528.
Вильгельм Бретонец — средн. историк — I. 113.
Вильгельм Завоеватель — англ. король — I. 115, 117.
Вильгельм Людвиг — статхоудер — I. 183, 185.
Вильгельм Оранский — I. 206.
Вильгельм Телль — легендарный герой — I. 131.
Вильер — сражение 1870 г. — II. 331.
Вильямс — на турецкой службе — II. 35.
Вимпфен — нач. шт. эрц-герц. Карла — I. 369.
Вимпфен — австрийск. ген. — II. 108, 114.
Вимпфен — франц. ген. — II. 320.
Винкельрид Арнольд — легенд. герой — I. 131.
Виноградный бунт — 1907 г. — II. 531, 536.
Виноградский А. — русск. военн. писатель — II. 447.
Виппер Р. — русск. историк — I. 73, 179.
Витгенштейн — русск. генерал — I. 378.
Витгенштейн — пр. министр полиции — II. 177.
Витгефт — русск. адмирал — II. 485.
Витте — русский министр — II. 451, 522.
Владислав — король Богемский — I. 115.
Вобан — фр. военн. инж. — I. 218. II. 291.
Вобуа — фр. ген. — I. 347.
Войде — русск. военн. писатель. — II. 333, 335.
Воейрш — пр. генерал. — II. 530.
Война 1799 г. в Италии и Швейцарии — I. 294. II. 233.
Война 1813 г. за освобождение Германии — II. 173, 185, 233.
Война 1774—1783 гг. — за независимость С. Ш. — I. 18, 309.
Вольтер — фр. философ. — I. 249, 302.
Вольслей — англ. ген. — II. 247.
Вольф — польск. ген. — I. 279.
Вольцоген — пр. оф. ген. шт. — II. 188, 229.
Воронцов — русск. ген. — II. 21.
Восточная война (Крымская) — 1853—1856 гг. — I. 21. II. 9, 11, 77, 79, 95, 120, 215, 247, 357, 469, 539, 543, 545.
Восстание Нидерландов — 1567—1609 гг. — I. 182.
Врангель — пр. фельдмаршал — II. 187.
Врангель — вождь белогвард. — II. 540.
Врангель — русск. ген. — II. 67.
Вревский — русск. ген. — II. 69.
Вреде — баварск. ген. — I. 365, 382.

Вукасович — австр. ген. — I. 344, 365.
Вурмзер — австр. ген. — I. 345, 349.
Вязьма — бой 1812 г. — I. 380.
Габленц — австр. ген. — II. 219.
Габсбурги — династия — I. 132. II. 83, 268.
Гавгамелы — сражение 331 г. до н. эры — I. 42, 46, II. 267.
Гадомский Никита — русск. прапорщик — I. 278.
Газдрубал Барка — карфаг. полковод. — I. 56, 62.
Газенкампф — русск. ген. — II. 344, 399, 410.
Гайль — герм. ген. — II. 582.
Галиен — римск. импер. — I. 84.
Галифе — фр. ген. — II. 321, 323.
Гамбетта — фр. трибун — II. 164, 185, 326, 331, 334, 529, 546.
Гамилькар Барка — карфаг. полковод. — I. 56.
Гамильтон Ян — англ. генер. — II. 522.
Гамураби — вавилонск. царь — I. 92.
Гамурет — легенд. среднев. герой — I. 114.
Ганнибал Барка — карфаг. полковод. — I. 8, 16, 22, 47, 55, 66, 146, 154, 180, 382. II. 578.
Гарибальди — револ. вождь — II. 83, 100, 107, 143.
Гарэн — епископ Санлисский — I. 110.
Гвинегате — сражение 1479 г. — I. 160.
Гебен фон — пр. генер. — I. 21.
Гегель — философ — II. 233.
Гейман — русск. генер. — II. 406, 408.
Гейсман П. А. — русск. военн. писат. — I. 22, 48, 139.
Гектор — легенд. герой — I. 25.
Гельферих Карл — герм. экономист и политик — II. 525.
Генигштейн — нач. австр. ген. шт. — II. 247.
Генрике — мореплаватель, инфант португальский — I. 177
Генрих I — англ. король — I. 117.
Генрих IV. — фр. король — I. 182.
Генрих Гогенцоллерн — принц — II. 197.
Генэ Леон — фр. военн. ист. — I. 334.
Георг-Вильгельм — курфюрст Бранденбург. — I. 167, 245.
Геркулес — легенд. герой — I. 39.
Геродот — греч. историк — I. 27, 36, 42.
Герцог — вождь буров — II. 445.
Гете — герм. поэт — I. 313.
Гетекр — англ. генер. — II. 425.
Гетисбургская операция — 1863 г. — II. 146, 152, 164, 294.
Гетцен — пр. генер. — II. 188.
Гиббон — англ. историк — II. 197.
Гибер — фр. военн. писат. — I. 48, 301, 306, 308, 322, 328.
Гидаспес — сражение 326 г. до н. эры — I. 46.
Гиленшмидт — русский офицер — II. 512.
Гиллер — австр. ген. — I. 363.
Гиль — америк. ген. — II. 138, 153, 158.
Гильдбургаузен — герцог — I. 261.
Гинденбург — герм. фельдмаршал — I. 259.
Гирль — герм. военн. писатель — I. 333, 383.
Гиро — фр. историк — I. 22.
Гиртрунденбург — осада 1593 г. — I. 185.
Гиулай — австр. ген. — II. 87, 96, 99, 102, 104, 108.
Гладстон — англ. политик — II. 38.
Гнейзенау — пр. военный вождь — II. 169, 172, 178, 188, 190, 194, 204, 221, 226, 231.
Гогенлоэ — гр., нидерландский генер. — I. 185.
Гогенлоэ — прусск. ген. — I. 359.
Гогенлоэ-Ингельфинген — прусск. военный писатель — II. 336.

Гогенцоллерн. — пр. генерал — I. 294, 296, 298.
Гогенцоллерны — династия — I. 244. II. 197, 276.
Гогенштауфены — династия — I. 104, 109, 155.
Годар — фр. воздухоплаватель — II. 110.
Голицин В. В. — воевода — I. 279.
Голицин Н. С. — русск. воен. ист. — I. 22.
Гольц фон дер — фельдмаршал, пруск. военн. писат. — I. 269. II. 231, 335, 577.
Гольц фон дер — пр. майор — I. 376.
Гольц фон дер — герм. ген. — II. 530.
Гольштейн — Готорпская династия — I. 23.
Гомер — греч. поэт — I. 24, 213.
Горев Б. И. — русск. писат. — I. 9.
Горный Дубняк — бой 1877 г. — II. 397, 411, 542.
Горринг — англ. генер. — I. 196.
Горс де-ла П. — франц. историк. — II. 278.
Горчаков — кн., русск. генер. — II. 21, 24, 28, 41, 67.
Готце — австр. ген. — I. 290.
Гохштедт — сражение 1704 г. — I. 233, 241, 320.
Гочкисс — фр. фирма — II. 511.
Гош — фр. генер. — I. 22, 317, 327.
Гравелот-Сен-Прива — сражение 1870 г. — II. 220, 295, 335, 543, 557, 579.
Граверт — пр. генерал — I. 358.
Гражданская война в России 1918—1920 гг. — II. 163, 540, 543, 546, 562.
Гражданская война в С. Ш. — 1861—1865 гг. II. 9, 123, 275, 545.
Граник р. — сражение 334 г. до н. эры — I. 38, 43.
Гранмезон — фр. военн. писат. — II. 572, 577, 583.
Грансон — сражение 1476 г. — I. 138, 154.
Грант — америк. ген. — II. 141, 145, 150.
Грегг — америк. ген. — II. 157.
Греков — казач. ген. — II. 497.
Грибоваль — фр. артиллерист — I. 217, 302, 322. II. 94.
Гришинский — русск. редактор — I. 299.
Гродненская операция — 1706 г. — I. 283.
Грольман — пр. генер. — II. 176, 178, 188, 190, 194, 204, 232.
Гроций Гуго — правовед — I. 182.
Груар — фр. военн. писатель — II. 336.
Грулев — русск. компилятор — II. 526.
Грунер — прусск. министр — I. 375.
Груши — маршал — I. 317.
Грюндорф — австр. военный писатель — II. 122.
Гугенотские войны — 1562—1594 гг. — I. 175, 182, 209.
Гукер — америк. генер. — II. 152.
Гумбинен — сражение 1914 г. — II. 114, 266.
Гумбольдт Александр, немец. ученый — II. 197.
Гурко — русский генер. — II. 497.
Гурко — фельдмаршал — II. 352, 366, 376, 380, 385, 397, 409.
Гусситские войны — I. 128, 139, 219.
Густав Адольф — шведский король — I. 16, 180, 187, 210, 224, 226, 275, 300, 322. II. 223, 233.
Густав-Ле-Бон — фр. философ — II. 578.
Гюго Виктор — фр. писатель — II. 333.
Гюи — сын гр. Фландрского — I. 124.
Гюйон — (Куршид Паша) — II. 35.
Давидович — австр. генерал — I. 347, 349.
Давыдов Денис — русский партизан, поэт — II. 19.
Даву — маршал — I. 22, 317, 335, 339, 357, 359, 362, 369, 375.
Даненберг — прусск. генерал — II. 301.
Данненверк — прорыв укр. позиции, 1864 г. — II. 219.
Данилов Никита Глеб. — русский полковник — I. 279.
Даниэльс Эмиль — герм. историк — I. 21, 318. II. 76, 121.

Дарий Кодоман — персидский царь — I. 42, 126. II. 267.
Датская война — 1848 — 1849 гг. — II. 271.
Датская война — 1864 г. — II. 184, 198, 208, 218, 235, 271.
Даун — австр. генерал — I. 239.
Даун — австр. полковод. — II. 249.
Даяр — бой 1877 г. — II. 405.
Деве-Бойну — бой 1877 г. — II. 408.
Девет — бурский партизан — II. 427, 431, 440, 443, 447.
Девис Джефферсон — америк. презид. II. 134, 136.
Дего — бой 1796 г. — I. 344.
Дезе — франц. генерал — I. 317, 330, 353.
Делагарди — шведский военачальник — I. 275.
Деларэй — вождь буров — II. 427, 443.
Дельбрюк Ганс — герм. историк — I. 15, 20, 36, 45, 52, 55, 61, 69, 73, 112, 242. II. 76, 121, 232.
Дельбрюк Кл. — пр. министр — II. 528.
Демон — франц. ген. — I. 362.
Демосфен — аф. оратор — I. 38.
Дененская операция — 1712 г. — I. 218, 241.
Деникин — русск. генер. — II. 571.
Денисон — англ. историк — I. 103, 139.
Депор — фр. артилл. — II. 556.
Дерфлингер — пр. кав. вождь — I. 227.
Дефинген — сражение 1388 г. — I. 134.
Дешанель П. — фр. политик — II. 336.
Джаксон (Стонволь) — америк. генер. — II. 139, 150.
Джаншиев — русский писатель — II. 341.
Джемсон — авантюрист — II. 413.
Джонсон — америк. генер. — II. 160.
Джонстон — америк. генер. — II. 149.
Джустиниани — венец. посол при фр. дворе — I. 160.
Диац Варфоломей — мореплаватель — I. 177.
Дибич — фельдмаршал — II. 371.
Диодор Сицилийский — историк — I. 31, 42, 45.
Диоклетиан — римск. импер. — I. 84.
Дионис старший — тиран Сиракузский — I. 33.
Дирахиум — осада 48 г. до н. эры — I. 79.
Дирахиум — сражение 1081 г. — I. 108.
Дитерих — нем. историк — I. 105.
Дмитрий Донской — I. 272.
Долгорукий — кн., кригскомиссар — I. 281.
Долгорукий — кн., военн. министр — II. 21, 24, 75.
Домарат — легенд. спартанск. царь — I. 27.
Домартен — фр. генер, — I. 311.
Домбровский — фр. генер. — I. 297, 379.
Домиций — римский военачальник — I. 79.
Домонтович — русский генер. — II. 410.
Дохтуров — русск. генер. — I. 356.
Драгомиров М. — русск. генер. — II. 265, 271, 352, 375, 452, 565, 577, 582.
Дре — гр., феодал — I. 111.
Дрезден — сражение 1813 г. — I. 223.
Дрейзе — изобрет. ружья — II. 217, 280.
Дрейфус — фр. офиц. — II. 531.
Дризен — прусск. генер. — I. 264.
Дройзен — герм. историк — II. 232.
Дрисса — тет-де-пон — I. 373.
Дубровин — русск. писатель — I. 299, II. 75.
Дундональд — изобретатель — II. 60.
Дуэ — фр. генерал — II. 311.
Дьюниш — сражение 1876 г. — II. 353.

Дюкро — фр. генер. — II. 320.
Дюмурье — фр. генер. — I. 310, 312, 328.
Дюнан Анри — фр. врач — II. 121.
Дюпон — фр. генерал — I. 319.
Дюпюи В. — фр. военн. историк — I. 315, 327.
Дюрок — фр. генер. — I. 311.
Дюэм — фр. генер. — I. 301.
Евгений Савойский — полководец — I. 16, 218, 333.
Евгения — фр. императрица — II. 283, 323.
Египетская экспедиция Бонапарта — 1798 г. — II. 539.
Екатерина II. — русск. импер. — I. 291, 373.
Елизавета Петровна — русск. императр. — I. 275, 298.
Жакерия — крестьянский бунт — I. 123.
Жанна д'Арк — I. 122.
Жемапп — сражение 1792 г. — I. 314.
Женевская конвенция — 1864 г. — II. 121.
Жижка Ян — чешский полководец — I. 128, 164, 273.
Жильбер — осн. фр. военн. доктрины — II. 234, 573.
Жомини — военн. мыслитель — I. 48, 337, 340, 342, 351, 382. II. 21, 73, 75, 209, 223, 245, 247, 469.
Жорес — фр. социалист — II. 234.
Жофр — фр. маршал — II. 533, 538.
Жуоер — фр. генерал — I. 347, 350.
Жубер — вождь буров — II. 423.
Журдан — фр. генер. — I. 317, 325, 327, 347, 361.
Жюно — фр. маршал — I. 379.
Завоевание Кавказа — 1795—1864 гг. — II. 29, 89.
Зайончковский А. М. — русск. военн. писатель — II. 75, 523.
Закревский — москов. генер. губерн. — II. 45.
Зама — сражение 202 г. до н. эры — I. 67.
Зарубаев — русск. генер. — II. 520.
Заславский — русск. писатель — II. 167.
Захарий — папа римский — I. 98.
Зевин — сражение 1877 г. — II. 406, 409.
Зейдлиц — пр. кав. вождь — I. 225, 256, 262, 267.
Земпах — сражение 1386 г. — I. 137.
Зинцгейм — бой 1674 г. — I. 229.
Златолинский — русск. писатель — II. 232.
Золотая Орда — I. 147, 150, 271.
Зомбарт Вернер — герм. историк — I. 179, 241.
Зотов — русск. генер. — II. 286, 387.
Иван Грозный — русский царь — I. 273, 275.
Иванин М. И. — русск. писатель — I. 151.
Иванов А. Д. — русск. полковник — I. 279.
Иври — сражение 1590 г. — I. 152.
Игнатьев гр. — русский посол в Турции — II. 366.
Иелачич — австр. генер. — I. 104, 110.
Иелачич — австр. генер. — I. 355.
Иена — операция 1806 г. — I. 18, 269, 333, 336, 341, 358, 383. II. 171, 189, 224, 227, 255.
Иенс Макс — герм. военн. историк — I. 21, 27, 33, 45, 139, 143, 179, 227, 252, 269, 301, 306.
Иеремия — пророк — I. 29.
Израэль — герм. историк — I. 242.
Илиада — I. 24, 70.
Ильенко А. К. — русск. военн. писатель — I. 299.
Ильинский гр. — Искандер-бей — II. 35.
Инкерманское сражение — 1854 г. — II. 58.
Имеретинский — русск. генер. — II. 387, 389, 391.
Интернационал I. — II. 128, 277.

Иоанн — эрцгерцог — I. 354, 368, 371. II. 322.
Иоанн Безземельный — англ. король — I. 108, 112.
Иоган Фридрих — курфюрст саксонский — I. 164.
Ион — австр. генер. — II. 248.
Иорк — пр. генер. — I. 376. II. 189, 231.
Иорк фон **Вартенбург** — пр. военн. писатель — I. 45, 383.
Ирстон — англ. кав. нач. — I. 200.
Исайя — пророк — I. 29.
Испанская война — 1808—1812 гг. — II. 37.
Испанское наследство — (война за) — 1700 — 1714 гг. — I. 211, 233, 237.
Исса — сражение 333 г. до н. эры — I. 42.
Истомин — русск. адмирал — II. 70.
Итальянская война — 1859 г. — II. 77, 200, 293, 345.
Итальянская кампания — 1796 г. — I. 343.
Иуэль — америк. ген. — II. 153, 157, 159, 164.
Ификрат — вождь аф. наемников — I. 32.
Кавур — объединитель Италии — II. 31, 78.
Кадиссия — сражение 636 г. — I. 143.
Калишские маневры — II. 17.
Калугин Андрей — прапорщик — I. 278.
Кальвин — религиозн. реформат. — I. 179.
Кальдиеро — бой 1796 — I. 347.
Камон — фран. военн. писатель — I. 389, II. 234.
Кампо-Формио — мир 1797 г. — I. 338.
Канны — сражение 216 г. до н. эры — I. 49, 55, 59, 61, 69, 204, 378, 383. II. 442, 571.
Канробер — маршал — II. 32, 56, 66, 100, 114, 118, 283, 301, 306, 310.
Капрара — исп. генер. — I. 229.
Кардиналь-фон-Видерн — пр. военн. писатель — II. 335.
Кардо — фран. генер. — II. 578.
Кардона — испанский наместник — I. 170, 178.
Карл I — англ. король — I. 199, II. 39.
Карл V — император — I. 160, 201.
Карл VII — франц. король — I. 158, 161.
Карл IX — шведский король — I. 188, 226.
Карл XII — шведский король — I. 228, 280, 283, 336.
Карл — румынский — II. 378, 386.
Карл — эрцгерцог — I. 301, 326, 347, 354, 361, 369. II. 209, 212, 247, 322.
Карл Великий — I. 92, 102.
Карл Лотарингский — фельдмаршал — I. 263.
Карл Мартель — Каролинг — I. 107.
Карл Смелый — герцог бургундский — I. 137, 154.
Карлсбадский конгресс — 1817 г. — II. 226.
Карно — фр. военн. министр — I. 48, 305, 316, 322, II. 548.
Каролинги — династия — I. 107.
Каррэ-де-Вернейль — фран. писатель — I. 161.
Карс — осада 1877 г. — II. 398, 405.
Карцев — русск. генер. — II. 399.
Кассини — семья картграф. — II. 547.
Кастелан — маршал — I. 333.
Кастильоне — сражение 1706 г. — I. 240.
Кастильоне — сражение 1796 г. — I. 347.
Кастручио Катракани — кондотьер — I. 156.
Катон Порций — римск. писатель — I. 76.
Каульбарс — бар., русск. генер. — II. 516.
Кацбах — сражение 1813 г. — I. 223. II. 170, 187.
Кважданович — австр. генер. — I. 346.
Квашнин Самарин — русск. деятель — I. 276.
Кебар — фран. историк — I. 22.
Кейт — пр. фельдмаршал — I. 213.

Кели-Кени — англ. генер. — II. 422, 435.
Келлер — пр. военн. писатель — I. 98, 112, 139. II. 167.
Келлерман — фр. генер. — I. 343, 353.
Кембриджский — герцог — англ. ген. — II. 59.
Кемерер — герм. военн. писатель — II. 231, 233.
Кениггрец — операция 1866 г. — II. 200, 238, 252, 256, 275, 280, 570.
Кер Жак — фран. госуд. деятель — I. 158, 201.
Керченская экспедиция — 1855 г. — II. 64, 72.
Кессель — пр. ген. — II. 303, 306.
Кехли — швейцарск. филолог — I. 48.
Кильпатрик — америк. генер. — II. 156.
Кимберлей — осада 1899—1900 гг. — 423, 425, 427, 434.
Кинбурн — бомбардировка 1855 г. — II. 71.
Кинглэк — англ. историк — II. 75.
Кинмайер — австр. генер. — I. 355.
Кир — намест. Мал. Азии — I. 31.
Киропедия — ист. роман — I. 34.
Китченер — лорд, англ. фельдмаршал — II. 420, 422, 427, 433, 437, 443, 545.
Дон-Кихот — герой Сервантеса — II. 565.
Клам-Галас — австр. генер. — II. 84, 104, 106.
Клапка — венг. револ. генер. — II. 35, 238.
Клаузевиц фон Карл — пр. военн. мыслитель — I. 7, 21, 146, 228, 267, 269, 360, 383. II. 201, 204, 209, 213, 220, 271, 302, 335, 573, 582.
Клеванов А. — переводчик — I. 73.
Клейнгауз — русск. полковник — II. 380.
Кленау — австр. генер. — I. 294, 296, 298.
Климсон Оливье — конетабль — I. 126.
Ключевский — русский историк — I. 299.
Кметти — (Бейрам паша) — II. 35.
Кобург — принц — I. 318.
Ковиль — фр. историк — I. 22.
Коган — делец — II. 370.
Кокуэль — испанск. ком. креп. — I. 185.
Колэн Ж. — фр. военн. писатель — I. 22, 328.
Колензо — бой 1899 г. — II. 425.
Колин — сражение 1757 г. — I. 252, 254.
Колиньи — вождь гугенотов — I. 209.
Колли — пьемонтский генер. — I. 343.
Коловрат — австр. генер. — I. 360, 365, 369.
Колона Фабриций — исп. кав. ген. — I. 170.
Колумб Христофор — мореплаватель — I. 177.
Кольбер — франц. министр — I. 204, 216, 225.
Комароми — рук. венг. повст. орг. — II. 238.
Комб — франц. министр — II. 531.
Комитет общественного спасения — I. 315, 328, II. 547.
Коммуна парижская — 1871 г. — II. 324, 334, 531.
Кондурга р. — сражение 1391 г. — I. 151.
Кондэ — фр. полк. — I. 22, 228, II. 70.
Конрад фон **Гетцендорф** — австр. нач. ген. шт. — I. 371.
Конради — пр. военн. писатель — II. 232.
Константин — русск. вел. кн. — I. 356.
Константин Великий — император — I. 84.
Континентальная система — I. 375.
Конье — фр. военн. писатель — II. 583.
Корнилов — русск. адмирал — II. 40, 70.
Корнпут — нидерландский полковник — I. 181.
Кортец Фердинанд — конквистадор — I. 177.
Корфиниум — осада 49 г. до н. эры — I. 79.
Костанда — русск. гв. оф. — II. 44.
Коцебу — русск. агент — I. 375.

Край — австр. ген. — I. 294, 298.
Красная армия — II. 8, 13, 546.
Красное — бой 1812 г. — I. 380. II. 246.
Красносельский лагерь — II. 28.
Красс — римск. полковод. — I. 43.
Крейцингер — нем. военн. писатель — II. 233.
Креноль де — маркиз, франц. офиц. — I. 304.
Кресси — сражение 1346 г. — I. 118, II. 296.
Крестовые походы — I. 97, 100, 102, 107, 142, 157.
Криденер — русский генер. — II. 378, 382, 389.
Крисманич — австр. генер. — II. 247.
Кристе Оскар — австр. военн. историк — I. 361.
Крнка — конструктор ружья — II. 345.
Кромайер — герм. историк — I. 61, 69.
Кромвель Оливер — вождь англ. революции — I. 180, 194, 224. II. 39, 335.
Кронье — вождь буров — II. 423, 427, 430, 433.
Крупп — герм. фирма — II. 280, 350, 418, 555.
Крюгер — президент Трансваля — II. 443.
Крюниц — изд. энциклоп. — I. 306.
Ксантип — греч. стратег — I. 56.
Ксенофонт — греч. историк — I. 31. 33, 48, 77. II. 478.
Ксеркс — персидский царь — I. 42.
Кузен Виктор — франц. философ — II. 89.
Ку-кукс-клан — полит. организация — II. 126.
Куликово поле — сражение 1380 г. — I. 272.
Куль — герм. генер. — II. 272.
Кульмье — сражение 1870 г. — II. 330.
Кун — австр. генер. — II. 247.
Кунакса — сражение 401 г. до н. эры — I. 36.
Кунерсдорф — сражение 1759 г. — I. 264, 288, 292, 298, 323.
Куроки — японский генер. — II. 481, 489, 492, 494, 502, 506, 510, 513.
Куропаткин А. Н. — русск. генер. — I. 200. II. 410, 475. 477, 481, 490, 492, 497, 502, 504, 506, 510, 512, 515, 518, 576.
Куртрэ — сражение 1302 г. — I. 123.
Куртрэ — сражение 1587 г. — I. 152.
Кустоца — сражение 1866 г. — II. 248.
Кутузов — русск. фельдмаршал — I. 354, 374, 378, 380, II. 53.
Лагарп — фр. ген. — I. 344.
Лазарев — русск. адмирал — II. 40.
Лазаревич — русск. военн. писат. — II. 582.
Лаит — фр. артилл. — II. 95.
Лайон — американск. капитан — II. 135.
Ла-Каз — фр. генер. — I. 382.
Лангенбек В. — германск. историк — I. 213, 375.
Ланглуа — фр. генер. — II. 411, 446, 532, 556, 582.
Ландреси — сражение 1543 г. — I. 180.
Ланжерон — русск. генер. — I. 356.
Ланн — фр. маршал — I. 317, 357, 364.
Лантье — фр. поручик — I. 304.
Ланхе р. — бой 1904 г. — II. 490.
Ланьдясань — бой 1904 г. — II. 490.
Лапоип — фр. генер. — I. 296, 353.
Ларго-кагульская операция 1770 г. — I. 292.
Ла-Ротьер — сражение 1814 г. — I. 223.
Ласси — австр. генер. — I. 260. II. 249.
Ласский — русск. полковн. — II. 523.
Лаудон — австр. генер. — I. 255, 265.
Лауинген — австр. генер. — II. 114.
Лауниц — русск. генер. — II. 520.
Лаупен — сражение 1339 г. — I. 136.

Лафайет — фр. рев. генер. — I. 174, 310.
Ла-Фельяд — маршал — I. 228, 237.
Леваль — фр. военн. мыслитель — II. 575.
Левенгаупт — шведск. генер. — I. 284.
Левицкий — русск. генер. — II. 345, 388.
Левктры — сражение 371 г. до н. эры. — I. 253.
Ледисмит — блокада 1899—1900 г.г. — II. 423, 494.
Леер Г. — русск. военн. писатель — I. 22, 299, 355. II. 247, 336, 455, 523.
Лейбниц — философ — I. 74.
Лейпциг — сражение 1813 г. — I. 220, 332, 337, 375. II. 170, 205.
Лейтен — сражение 1757 г. — I. 225, 253, 262, 266, 321, 337, 351.
Леман Макс — герм. историк — I. 377. II. 232.
Леман — сакс. геодезист — II. 547.
Ле-Манс — сражение 1871 г. — II. 331.
Ленин Вл. Ил. — II. 164.
Леонтьев — русск. генер. — II. 391.
Леопольд — герцог авст. — I. 137.
Леопольд — герцог Габсбургский — I. 132.
Леопольд Дессау — фельдмаршал — I. 234, 239, 249, 256, 267. II. 294.
Лесли Александр — немецк. полковн. — I. 276.
Лесная — бой 1708 г. — I. 284.
Лесток — прусск. генер. — I. 185.
Летелье Мишель — фр. министр — I. 191, 204, 216, 222, 226, 241.
Летов-Форбек О. — германск. военн. историк — II. 270.
Летов-Форбек — германск. генер. — II. 540.
Лефевр — фр. маршал — I. 317, 362, 365.
Лех р. — сражение 955 г. — I. 108.
Леюгер — фр. историк — I. 22.
Ли — америк. генер. — II. 136, 139, 150, 164, 290.
Либкнехт Карл — социалист — II. 277.
Либрехт фон **Дормаэль** — рыцарь — I. 101.
Ливен — княгиня — II. 32.
Ливий Тит — римский историк — I. 52.
Ливонская война — 1554—1564 гг. — I. 274.
Лигниц — германск. военн. писатель — II. 231.
Лидекерле фон — рыцарь — I. 100.
Лильбурн Джон — англ. революц. — I. 119.
Линевич Н. П. — русск. генер. — II. 522.
Линкольн Авраам — президент С. Ш. — II. 125, 133, 135, 140, 142, 145, 148, 150, 164.
Линнеман — изобрет. мал. лопаты — II. 557.
Линь де — принц, австр. фельдмаршал — I. 76, 252, 308.
Липан — сражение 1434 г. — I. 131.
Липранди — русск. генер. — II. 29, 58.
Липсиус — нидерландск. филолог — I. 183.
Лискен и **Сован** — фр. издатели — I. 48, 322.
Лисовский — польск. кондотьер — I. 275.
Лист Фридрих — герм. экономист — II. 170.
Лихтенштейн — австр. кав. генер. — I. 297, 356, 363.
Ллойд — англ. мыслитель — I. 48,203, 268, 290, 292. II. 550.
Ловча — бой 1877 г. — II. 387, 410.
Лоди — бой 1796 г. — I. 345.
Лойола Игнатий — основатель ордена иезуитов — I. 178.
Лонгстрит — америк. генер, — II. 151, 153, 159.
Лорис-Меликов — русск. генер. — II. 406.
Луазон — фр. генер. — I. 382.
Луаньи-Пурпри — бой 1870 г. — II. 331.
Лувуа — маркиз (Франсуа Летелье) фр. министр — I. 17, 203, 211, 213, 217, 222, 224, 228, 233, 241, 250, 279, 281, 300, 307. II. 36, 39, 340, 371.

Луганский завод — II. 60.
Лузиньян — австр. генер. — I. 349.
Лундби — бой 1864 г. — II. 214.
Лучези — австр. кав. генер. — I. 264.
Льеж — атака крепости 1914 г. — II. 241.
Людендорф — герм. генер. — II. 158, 539, 562.
Людовик VI — фр. король — I. 106.
Людовик VII — фр. король — I. 157.
Людовик XI — фр. король — 138, 160.
Людовик XII — фр. король — I. 159.
Людовик XIV — фр. король. — I. 203, 208, 211, 216, 218, 222, 224, 229, 233, 238, 240, 242, 301.
Людовик — эрцгерцог — I. 363, 367.
Людовик Баварский — I. 132.
Людовик Баденский — I. 233.
Люксембург — фр. полководец — II. 233.
Люксембургская династия — I. 128.
Лютер — реформатор — I. 215.
Люцен — сражение 1632 г. — I. 189.
Ляоян — сражение 1904 г. — II. 355, 470, 489.
Маврикий — визант. император — I. 48.
Магерсфонтейн — бой 1899 г. — II. 425, 441, 477.
Маго — брат Ганнибала — I. 62.
Магомет — пророк — I. 141.
Маджента — сражение 1859 г. — II. 85, 98, 117, 265, 339.
Мазарини — кардинал — I, 204, 228, 233, 243.
Мазепа — гетман — I. 283.
Мак — австр. генер. — I. 320, 333, 337, 353. II. 188.
Мак-Дауэль — америк. генер. — II. 141, 148.
Мак-Клелан — америк. генер. — II. 136, 143.
Мак-Магон — маршал — I. 372. II. 70, 102, 113, 117, 283, 285. 311, 329.
Макдональд — маршал — I. 223, 294, 296, 339, 369, 378. II. 191.
Макиавелли Николло — мыслитель — I. 156, 159, 174, 183, 215, 251.
Макс Эмануэль — курфюрст Баварский — I. 234.
Максентий — римский император — I. 85.
Максим — изобретатель пулемета — II. 418, 511.
Максимилиан — император — I. 161, 220.
Максимилиан I — курфюрст Баварск. — I. 213.
Малахов курган — штурм 1855 г. — II. 64, 70, 339.
Мальборо — лорд, английский полковод. — I. 233.
Мальчан — герм. военн. писатель — II. 448.
Мамонтов — вождь белой конницы — II. 164.
Манжен — франц. генер. — II. 578.
Мансион — франц. военн. писатель — I. 328.
Мансфельд — исп. генер. — I. 185.
Мансфельд Эрнст — немец. полковод. — I. 203.
Мантинея — сражение 262 г. до н. эры — I. 33, 35, 253.
Мантуя — осада 1796 г. — I. 294, 298, 345.
Манчестер — гр., англ. главнокоманд. — I. 197.
Манштейн — пр. генер. — II. 200, 297.
Марафон — сражение 490 г. до н. эры — I. 29.
Марбо — фр. генер. — I. 220.
Марвиц — пр. кав. ген. — II. 177.
Маргарон — фр. генер. — I. 357.
Маргерит — фр. генер. — II. 320, 323.
Маренго — сражение 1800 г. — I. 337, 353, 355. II. 529.
Марий — римск. консул — I. 65, 76.
Мариниано — сражение 1515 г. — I. 178, 251.
Маркс Карл — II. 75, 128. 528.
Мармадук Ландгаль — англ, кав, нач, — I, 200.

Мармон — фр. маршал — I. 311, 369.
Марнская операция — 1914 г. — II. 311, 539, 570.
Марсель — вождь восстан. в Париже — I. 123.
Марсельеза — фр. гимн — I. 123, 318.
Марсен — фр. маршал — I. 234, 238.
Марстон-Мур — сражение 1644 г. — I. 196.
Мартини — констр. ружья — II. 359, 418.
Мартынов Е. И. — русск. военн. писатель — I. 48. II. 401, 502, 522.
Масловский Д. Ф. — русск. военн. историк — I. 14, 298.
Массена — фр. маршал — I. 303, 317, 333, 344, 351, 355, 362, 367, 370, 372.
Массенбах — пр. ген. ген. шт. — II. 188, 194.
Массиниса — нумидийский шейх — I. 67.
Маузер — конструкт. винтовки — II. 418.
Махарбал — карф. вождь кон. — I. 60.
Махди — вождь дервишей — II. 420.
Медави — герцог — I. 240.
Медем — русск. военн. писатель — I. 382.
Мейер Эдуард — герм. историк — I. 82.
Мейнеке Ф. — герм. историк — II. 232.
Мекель — пр. офицер — II. 466.
Мекленбургский — великий герцог — II. 330.
Мекленбургский — герцог, ком. гв. корп. — II. 177.
Мексиканская экспедиция — 1862—1866 г.г. — II. 236, 274, 281.
Мелас — фельдмаршал — I. 297, 351, 382.
Мелениано — бой 1859 г. — II. 107.
Мелинэ — франц. генер. — II. 103.
Мелюнский, виконт — рыцарь — I. 110.
Мемнон — греч. полковод. — I. 40, 44.
Меневаль — фр. генерал — I. 331.
Мениль-Дюран — фр. военн. писатель — I. 307, 309.
Ментор — гр. полководец — I. 40.
Меньшиков — сотрудник Петра Великого — I. 282, 284, 287.
Меншиков — кн., русск. адмирал — II. 21, 28, 49, 52, 67.
Меньков П. К. — русск. военн. писатель — II. 27, 76.
Мергеймб — герм. историк — I. 269.
Меринг Франц — историк марксист — I. 12, 23. II. 234.
Месссарош — австр. генер. — I. 346.
Меттерних — австр. канцлер — I. 376. II. 178.
Метуэн — лорд, англ. генер. — II. 425, 427, 430, 433, 441, 477.
Мехмет-Али — вице-король Египта — II. 197.
Мехмет-Али — главнком. — II. 377, 386.
Мецская операция — 1870 г. — II. 185, 311, 328, 570.
Мид — американ. генер. — II. 154, 156, 160, 166.
Микляев — русск. фабрикант — I. 225.
Милюков — русск. историк — I. 299.
Милютин — русск. военн. министр — I. 12. 299, II. 337, 347, 351, 377, 396, 452, 454, 536, 547.
Миних — руск. генер. — I. 292. II. 233.
Минье — изобретатель пули — II. 24.
Мирабо — деятель фр. револ. — I. 306, 308.
Мировая война — 1914—1918 г г. — I. 12, 19, 188, 260, 328, 336, 342, 360, II. 175, 201, 227, 231, 241, 332, 346, 399, 526, 531, 533, 548, 551, 557, 561, 566, 568.
Михаил Николаевич — вел. кн. — II. 406.
Михаил Федорович — русский царь — I. 130.
Михайлов Анисим — сост. русск. устава — I. 275.
Михайловский-Данилевский — русский историк — I. 299.
Михневич Н. П. — русск. военн. писатель — I. 22, 299 II. 247, 249, 336.
Мишель — фр. генер. — II. 532, 538.

Мишлэ — фр. историк — I. 123.
Мищенко — русск. генер. — II. 478. 481, 492, 497, 507, 509.
Молинари А. — австр. военн. писатель — II. 118.
Мольвиц — сражение 1741 г. — I. 256, 258.
Мольтке — старший, нач. герм. ген. штаба — I. 264, 362. II. 9, 73, 99, 115, 119, 162, 166, 184, 194, 207, 210, 215, 218, 231, 240, 244, 250, 255, 260,262, 283, 291, 308, 312, 314. 316, 321, 329, 335. 357, 371, 424, 466, 477, 525, 537, 540, 545, 549, 551, 560, 570. 573, 576.
Мольтке — младший, нач. герм. ген. штаба — II. 542, 572.
Монбрен — фр. ген. — I. 364.
Мондови — бой 1796 г. — I. 345.
Монлюк Блез — фр. маршал — I. 165, 168, 175, 181, 210.
Монморанси — конетабль — I. III.
Монреаль — капитуляция 1760 г. — I. 18.
Монришар — фр. генер. — I. 297.
Монсей — фр. генер. — I. 352.
Монтебелло — бой 1859 г. — II. 99.
Монтекуколи — австр. полковод. — I. 180, 202, 228, 240, 253, 309.
Монтеноте — бой 1796 г. — I. 344.
Монтескье — фр. мыслитель — I. 302, 311.
Монтолон — фр. генер. — I. 382.
Монтэнь — фр. военн. писатель — II. 578, 583.
Моран — фр. генер. — II. 89. 122.
Морган — америк. партизан — II. 139.
Моргартен — сражение 1315 г. — I. 132.
Мориц Оранский — нидерланд. полковод. — I. 17, 174, 180, 182, 201, 226, 240, 243, 276, 278, 300.
Мориц Саксонский — фр. полковод. — I. 48, 250, 252, 308, 319. II. 222.
Моро — фр. генер. — I. 294, 296, 298, 317, 325, 327. 347, 351, 361.
Моссеби — америк. партизан — II. 139.
Моцарт — композитор — II. 248.
Мукден — операция 1905 г. — II. 400, 509.
Муртен — сражение 1476 г. — I. 138.
Мухтар-паша — II. 404.
Мылов — русск. генер. — II. 520.
Мышлаевский А. З. — русск. военн. историк — I. 299.
Мюрат — фр. маршал — I. 223, 317, 355, 357, 383.
Мюфлинг — пр. нач. ген. штаба — II. 195.
Наварро Педро — вождь испанск. пехоты — I. 170, 172.
Намбу — яп. генер. — II. 519.
Нанси — сражение 1477 г. — I. 134, 138.
Нансути — фр. генер. — I. 362.
Нантский Эдикт — 1681 г. (отмена) — I. 206, 306.
Наполеон I — (Бонапарт) — I. 16, 19, 27, 55, 174, 222, 228, 259, 264, 268, 294, 298, 301, 319, 322, 325, 329. II. 9, 11, 26, 32, 39, 73, 77, 80, 84, 92, 94, 119, 166, 169, 172, 189, 205, 209, 221, 227, 234, 246, 250, 259, 272, 289, 293, 322, 366, 376, 446, 525. 532, 537, 539, 547, 563, 573.
Наполеон III — фр. император — I. 75. II. 30, 32, 46, 49, 65, 72, 77, 90, 98, 101, 109, 113, 117, 121, 170, 236, 242, 267, 269, 273, 283, 311, 317, 321, 323, 325, 540.
Наполеон — принц — II. 59, 93, 102, 107, 114.
Нарва — сражение 1700 г. — I. 280, 283, 288.
Нассау фон Иоганн — основат. военной школы — I. 174.
Нассби — сражение 1645 г. — I. 199, 200.
Нахимов — русск. адмирал — II. 70.
Наход — бой 1866 г. — II. 259.
Небукаднезар (Навуходоносор) — вавилонск. царь — I. 29.
Неверовский — русск. генер. — II. 246.
Негрие — фр. генер. — II. 446.
Неервинден — сражение 1793 г. — I. 314.

Незнамов — руск. военн. писатель — II. 582.
Ней — фр. маршал — I. 317, 327, 331, 339, 355, 381.
Нейрат О. — немец. историк — I. 31, 83.
Неккер — фр. министр — I. 306.
Непобедимая армада — I. 209.
Непокойчицкий — русск. ген. — II. 344, 370.
Нивель — фран. генер. — II. 578.
Нидерландская война — 2-я. — 1672—1678 гг. — I. 229.
Никий — афинск. стратег — I. 30.
Никифор Фока — император — I. 140.
Николаев — русск. писатель — II. 271.
Николай I — русск. император — II. 11, 18, 27, 43, 177, 463.
Николай II — русск. император — II. 450, 463, 469.
Николай Николаевич — старший, великий князь — I. 139. II. 344, 366, 377, 395, 398, 410.
Николай Николаевич — младший, великий князь — II. 582.
Никополь — сражение 1396 г. — I. 157.
Никополь — штурм 1877 г. — II. 378.
Ниэль — фр. маршал — II. 65, 113, 117, 278.
Новицкий Е. — русск. ген. — II. 549.
Ноги — яп. ген. — II. 484, 489, 492, 518.
Нодзу — яп. ген. — II. 489, 502.
Ну де-ла — гугенот. военн. писатель — I. 168. 180.
Ньюбери — сражение 1643 г. — I. 196.
Нью-пер — сражение 1600 г. — I. 187.
Обручев — русск. генер. — II. 71, 76, 339, 344, 361, 373, 376, 407, 455, 523, 536.
Ожеро — фр. маршал — I. 303, 319, 327, 344, 371.
Ойама — яп. генер. — II. 492, 496, 501, 507, 518.
Оку — яп. генер. — II. 482, 484, 489, 492, 501, 518.
Оливье — фр. генер. — I. 297.
Оливье — фр. министр — II. 276.
Ольмюц — осада 1758 г. — I. 255.
Ольтеница — бой 1863 г. — II. 42.
Омальский герцог — II. 89, 122.
Омер-паша — (Михаил Матос) — II. 35, 42, 50.
Омптеда — англ. уполн. — II. 190.
Орель де-Паладин — фр. генер. — II. 330.
Орлеанский принц — I. 238.
Орлов Н. А. — русск. генер., военн. писатель — I. 22. II. 493.
Орлов гр. — гв. офиц. — II. 44.
Орсини — террорист — II. 91.
Осман — основат. Турецкой импер. — I. 151.
Осман-паша — II. 373, 380, 383, 386, 396, 398, 456.
Отемар — фр. генер. — II. 107.
Отечественная война 1812 г. — I. 372. II. 233.
Отт — австр. генер. — I. 294, 296, 298, 351.
Оттон IV — император — I. 108, 110.
Оттон Великий — I. 108.
Паадербергская операция 1900 г. — II. 430, 445.
Павел I — русск. император — I. 294, 299. II. 27.
Павел Эмилий — римск. консул — I. 61.
Павзаний — спарт. царь — I. 35.
Павия — сражение 1525 г. — I. 178.
Павлов-Сильванский — русск. историк — I. 299.
Павловский — русск. военн. инж. — II. 55.
Пала (Пьер Леокур) — франц. военн. историк — II. 336.
Палестро — бой 1859 г. — II. 100.
Паликао — граф (генер. Монтобан) II. — 313, 329.
Пальмерстон — англ. министр — II. 79.
Панютин — русск. генер. — II. 28.

Папе — прусск. генер. II. 299, 302, 305, 307.
Папенгейм — имперск. генер. — I. 192.
Париж — осада 1870—1871 гг. — II. 325, 329, 541.
Парижский граф — Орлеанской династии — II. 166.
Парижский мир — 1856 г. — II. 275, 353, 355.
Парма Александр — исп. полководец — I. 178.
Парсиваль — легенд. рыцарь — I. 114.
Партуно — фр. генер. — I. 381.
Паскевич — фельдмаршал — II. 21, 27, 43, 469, 475.
Пеле-Нарбон — нем. изд. — II. 231.
Пелисье — фр. генер. — II. 65, 67, 79.
Пелопонесская война — 431—404 г. до н. эры — I. 29, 33.
Перемышль — осада 1914—1915 г.г. — II. 399.
Персидские войны — 500—449 гг. до нашей эры — I. 20, 52.
Пертц — герм. историк — II. 232.
Пескара — вождь исп. наемн. — I. 170, 173, 202.
Петерсон — амер. генер. — II. 148.
Петр Великий — русск. император — I. 17, 164, 180, 216, 225, 242, 278. 292, 298, 309. II. 24.
Петрарка — поэт — I. 215.
Петри — сакс. картограф — I. 333.
Петров Н. — русск. компилятор — I. 299.
Петрушевский — русск. историк — I. 299.
Пецнер — нем. полковник — I. 276.
Пибоди — амер. оруж. фирма — II. 359.
Пизаро — конквистадор — I. 177.
Пий II — папа (Энеа Сильвио Пиколомини) — I. 130.
Пикар — фр. военн. историк — I. 383.
Пикет — амер. генер. — II. 158, 160.
Пипин — мажордом — I. 98.
Пирнская капитуляция — 1756 г. — I. 248.
Пирр — царь эпирский — I. 46, 48, 57.
Пишегрю — фр. генер. — I. 303.
Плантагенеты — династия — I. 108.
Плевна — бои 1877 г. — II. 165, 306, 352, 355, 377, 406, 410, 454, 456, 564.
Плизантон — амер. генер. — II. 153.
Плиний — римск. ученый — I. 70.
Плишон — фр. министр — II. 278.
Погодин — русск. историк — II. 31, 45.
Пограничное сражение — 1914 г. — II. 266, 311, 578.
Повало-Швейковский — русск. генер. I. 297.
Поза маркиз — герой др. Шиллера — II. 190.
Покровский — русск. историк — I. 299. II. 76.
Полен — фран. капитан — I. 166.
Полибий — греч. историк — I. 48, 55, 60, 69, 183, 307.
Полиевкт — патриарх — I. 141.
Полк — амер. генер. — II. 139.
Полтава — сражение 1709 г. — I. 229, 285, 292, 298, 309, 336.
Польское восстание — 1863 г. — II. 236, 339.
Помпей — триумвир — I. 75, 77.
Пондишери — взятие в 1761 г. — I. 18.
Поп — амер. генер. — II. 150.
Поплар-Гров — бескровный бой 1900 г. — II. 442, 445.
Попов Н. — русск. писатель — I. 22.
Пор — царь индийский — I. 46.
Порт-Артур — осада 1904 г. — II. 458, 468, 470, 473, 479, 481, 491, 497, 509.
Потемкин — кн. Таврический — I. 26, 290, 299. II. 18, 26, 550.
Потоцкий — переводч. — II. 272.
Прага — сражение 1757 г. — I. 258.
Прейсиш-Эйлау — сражение 1807 г. — I. 339, 371.

Пренцлау — капитуляция 1806 г. — II. 221.

Пржибышевский — русск. генер. — I. 357.

Проб — римск. император — I. 84.

Провера — австр. генер. — I. 344, 349.

Птоломей Лага — диадох — I. 45.

Пуатье — битва 732 г. — I. 107.

Пугачевское восстание — 1773 — 1774 гг. — I. 291, 293, 374. II. 18.

Пузанов — русск. панич. генер. — II. 384.

Пузыревский А. К. — русск. военн. писат.— I. 21, 113, 139, 191, 242. II. 411.

Пуническая война 1-я — 264—241 гг. до нашей эры — I. 56, 58.

Пуническая война 2-я — 218—201 гг. до нашей эры — I. 19, 55.

Путиловский завод — II. 555.

Пфуль — пр. военн. теоретик — I. 373. II. 184.

Пюи-Сегюр — фр. военн. писатель — I. 48, 253, 302.

Равенна — сражение 1512 г. — I. 169, 178, 190, 216. II. 161.

Раглан — англ. главноком. — II. 36, 49, 75.

Радецкий — австр. полководец — II. 78, 86, 544.

Радецкий — русск. генер. — II. 352, 399, 400.

Рамбо — фран. генер. — I. 22.

Ранке — пр. историк — I. 45.

Рапп — фр. генер. — I. 376.

Реад — русск. генер. — II. 69.

Револь — фр. писатель — II. 75.

Революционные войны — фр. револ. — I. 301, 318, 328.

Регенсбургская операция — 1809 г. — I. 361, 383. II. 242.

Рейд фон-Эверард — сотрудн. Морица Оранск. — I. 183.

Рейер фон — нач. пр. ген. шт. — II. 196.

Рейнгард — гр. Булонский — I. 108, 111.

Рейшах — австр. генер. — II. 104.

Ренессе фон, Иоган — рыцарь — I. 124.

Ренненкампф — русск. генер. — II. 497, 503, 511, 515.

Ренье — фр. генер. — I. 380.

Реуф-Паша — II. 377, 380, 385.

Реффи — артилерист — II. 281.

Риволи — сражение 1797 г. — I. 349.

Риттер — переводчик — II. 166.

Ричард Львиное Сердце — англ. король — I. 102, 143.

Ришар Камиль — фран. историк — I. 328.

Рифат-Паша — II. 393.

Ришелье — кардинал — I. 203, 226, 228, 243. II. 169.

Роберт — гр. Фландрский — I. 117.

Роберт Малатеста — кондотьер — I. 156.

Робертс, англ. фельдмаршал — II. 422, 427, 432, 440, 445.

Робеспьер — фр. револ. вождь — I. 305, 316. II. 18.

Родс Сесиль — капиталист — II. 413, 423, 425.

Рождественский — русск. адмирал — II. 521.

Рожинский — польский кондотьер — I. 275.

Розебеке — сражение 1382 г. — I. 123, 125. II. 267.

Розенберг — австр. генер. — I. 366, 370.

Рок — фр. писатель — II. 234.

Роне — пр. артиллерист — II. 559.

Ронья — фр. военн. писатель — I. 16, 382.

Роон — пр. военн. министр — II. 182, 185, 198, 202, 332, 529.

Росбах — сражение 1757 г. — I. 225, 253, 261, 264, 269, 309, 318, 321, 356. II. 231.

Российский М. — русск. военн. писатель — II. 382.

Ротек Карл — герм. профес. — II. 178.

Ротная война — 1362 г. — I. 157.

Ротфельс Ганс — нем. историк — I. 269. II. 233.

Рузский — русск. генер. II. 516.

Руйе — фран. генер. — I. 326.
Румянцев — гр. Задунайский — I. 290.
Руперт — принц Пфальцский — I. 196, 200.
Руска — фр. генер. — I. 267.
Руско-польская война — 1830—1831 гг. — II. 13, 121, 524.
Русско-турецкая война 1828—1829 гг. — II. 13, 197, 272, 381.
Руско-турецкая война — 1877—1878 гг. — II. 9, 121, 337, 452, 457, 571.
Русско-японская война — 1904—1905 гг. — I. 260, 342. II. 9, 20, 121, 343, 382, 395, 447, 449, 534, 537, 541, 554, 560, 564, 570.
Руссо Жан-Жак — философ — I. 291, 302, 331.
Руссэ Камиль — фр. военн. историк — I. 203, 241, 328. II. 75, 336.
Ру-Фузильяк — фр. писатель — I. 202.
Руф Минуций — магистр конницы — I. 61.
Рюстов В. — герм. военн. историк — I. 15, 22, 48, 139, 174, 269, 301, 328.
Рюхель — пр. генерал — I. 252, 360. II. 171.
Рябинкин — русск. генер. — II. 503.
Рязанов Д. — русск. историк — II. 75.
Савойский герцог — I. 237, 239.
Саганлукская операция — 1914—1915 гг. II. 577.
Саймонд А. — историк — II. 167.
Сакен — русск. генерал — I. 380.
Саладин — султан — I. 143.
Салтыков — фельдмаршал — I. 265, 267, 302.
Сальдерн — пр. инсп. пех. — I. 250.
Сальери — герой поэмы Пушкина — II. 248.
Самсонов — русск. генер. — II. 260, 497, 542.
Сандепу — сражение 1905 г. — II. 400, 510, 513.
Сан-Стефанский мир — 1878 г. — II. 402.
Свечин А. — русск. военн. писатель — II. 233, 526.
Святополк-Мирский — русск. генер. — II. 400.
Священный союз — II. 33, 524.
Севастополь — осада 1854—1855 гг. — I. 18. II. 14, 24, 31, 38, 40, 43, 51, 53, 58, 73, 75, 94, 128, 139, 275.
Север Септимий — римск. император — I. 83.
Северная война — 1701—1721 гг. — I. 280, 282, 299.
Седан — операция 1870 г. — I. 372. II. 166, 185, 280, 286, 311, 325, 328, 401, 499, 570.
Седжвик — амер. генер. — II. 152.
Сейфедин — сарацинский полководец — I. 143.
Сельван — русск. генер. — II. 44.
Семилетняя война — 1756—1763 гг. — I. 18, 21, 208, 225, 247, 251, 255, 257, 260, 268, 288, 298, 305, 318, 320, 322. II. 84, 248, 547.
Семпер — осада форта 1861 г. — II. 134, 148.
Сен-Жермен — фр. военн. министр — I. 261, 306, 328.
Сен-Жюст — якобинец — I. 316.
Сен-Симон — фр. писатель XVIII в. — I. 318.
Сен-Сир — маршал — I. 317, 327, 378. II. 90.
Сент-Арно — фр. генер. — II. 31, 49, 56.
Сент-Иллер — фр. генер. — I. 357.
Сербо-турецкая война — 1876 г. II. 353.
Серюрье — фр. генер. — I. 303, 344, 350.
Сикст IV — папа — I. 156.
Сикст V — папа — II. 189.
Силезские войны 1741—1742 (1-я) и 1744—1745 гг. (2-я) — I. 261.
Силистрия — осада 1854 г. — II. 44.
Симплициссимус — сатирик — I. 227.
Симучен — бой 1904 г. — II. 490.
Синоп — морское сражение 1853 г. — II. 30, 41.
Сиракузская экспедиция — 415—413 гг. до н. эры — I. 30.
Скобелев — русск. генер. — II. 309, 352, 384, 387, 400, 409.

Скода — богемск. фирма. II. 555.
Скоропадский — гетман — I. 286.
Слокум — военн. агент — II. 437.
Смоленский поход — 1632—1634 гг. — I. 276.
Смоленская операция — 1812 г. — I. 373.
Снайдер — конструктор ружья — I. 359.
Собесский Ян — польск. король — II. 233.
Соболев — русск. генер. — II. 504.
Соймонов — русск. генер. — II. 59.
Сократ — греч. философ — I. 34.
Соловьев — русск. историк — I. 299.
Солон — законодатель — I. 269.
Сольсбери — гр. Длинная Шпага — I. 109, 111.
Сольферино — сражение 1859 г.—II. 79, 88, 95, 97, 107, 119, 121, 170, 339, 508, 551.
Сорель Альбер — фр. историк — I. 22. II. 335.
Сотэ Морис — фр. военн. писатель — I. 207, 214, 250.
Спиноза — философ — I. 152.
Ставучаны — сражение 1739 г. — I. 292.
Станкевич — русск. военн. писатель. — II. 270.
Стессель — русск. генер. — II. 481, 488.
Стефан Баторий — польский король — I. 274.
Стивенс Ричард — наемник-перебежчик — I. 276.
Стинвейк — осада 1592 г. — I. 185.
Столетняя война — 1337—1461 гг. — I. 106, 118, 122, 126, 157, 209.
Стонман — америк. генер. — II. 152.
Стормберг — бой 1899 г. — II. 425.
Сторожев — русск. историк — I. 299.
Стоффель — фр. военн. писатель — I. 82.
Стюарт — америк. вождь конницы — II. 138, 151, 153, 160, 162, 166.
Стюарты — династия — I. 200, 206.
Субиз — герцог, фр. полковод. — I. 208, 261, 318, 356.
Суворов — русск. полковод. — I. 22, 47, 241, 252, 260, 292, 294, 351, 356. II. 10, 18, 21, 456, 582.
Суданская война — 1896—1899 гг. — II. 420.
Сулейман-Паша — II. 378, 380, 386, 398, 400.
Сульт — маршал — I. 317, 328, 333, 357.
Сухозанет — русск. генер. — II. 21.
Сухомлин С. — русск. военн. писатель — II. 382.
Сухомлинов В. А. — русск. военн. министр — I. 139. II. 167, 536, 560.
Сухотин С. — русск. военн. писатель. — I. 22, 48, 268. II. 166, 336.
Сфорца — кондотьер — I. 156.
Сципион Африканский — полководец — I. 16, 56, 64, 69.
Сытин — русск. издатель — I. 22.
Сюшэ — фр. генер. — I. 351.
Таван — фр. военн. писатель — I. 180.
Таймс — англ. газета — II. 40, 451.
Талейран — фр. министр. — I. 342, 356.
Тальяр — фр. маршал — I. 234.
Тамерлан — (Тимур) полковод. — I. 7, 42, 144, 148, 271. II. 449.
Танервиль — гр., военн. начальник — I. 157.
Тарутино — сражение 1812 г. — I. 381.
Татищев — русск. военн. историк — II. 340, 411.
Таурогенская конвенция — 1812 г. — I. 376.
Таус — сражение 1431 г. — I. 130.
Тацит Корнелий — римск. историк — I. 73.
Ташичао — бой 1904 г. — II. 490.
Тевтобургский лес — сражение — 9 г. — I. 71.
Телиш — бой 1877 г. — I. 397.
Тетау — пр. оф. — II. 522.

Тибо — фр. военный писатель — I. 48.
Тильзитский мир — 1807 г. — I. 354. II. 172.
Тилли — баварск. полковод. — I. 178, 187, 191.
Тиртей — греч. поэт — I. 27.
Тичино р. — сражение 218 г. до н. эры — I. 59.
Толстой Лев — русск. писатель — II. 188.
Торгау — сражение 1760 г. — I. 21, 258.
Тормасов — русск. генер. — I. 374, 379.
Тотлебен Э. И. — русск. военн. инженер. — II. 44, 55, 64, 75, 396, 398.
Тохтамыш — хан — I. 150, 272.
Тразименское оз. — сражение 217 г. до н. эры — I. 59.
Траун — австр. фельдмаршал — I. 259.
Траутенау — бой 1866 г. — II. 259.
Трахтельфинген — бой 1805 г. — I. 355.
Трахтенбергский план — 1813 г. — II. 209.
Траян — римск. император — I. 76.
Требия р. — сражение 217 г. до н. эры — I. 59.
Требия р. — сражение 1799 г. — I. 294.
Тревизаго Джироламо — венец. посол в Нидерландах — I. 187.
Трейчке — герм. историк — II. 217.
Тривульцио — кондотьер — I. 215.
Тридцатилетняя война — 1618—1648 гг. — I. 187, 194, 202, 210, 224, 243, 276. II. 223.
Тройственный союз — II. 450, 469, 471, 525.
Трошке — фон, герм. военный писатель. — I. 20.
Трошю — фр. генер. — II. 46, 76, 122, 326.
Тугенбунд — тайное общество — II. 190, 192.
Тума — фр. генер. — II. 122.
Туринская операция — 1706 г. — I. 237.
Тутолмин — русск. генер. — II. 380.
Тьер — фр. политик — II. 75, 324, 328, 334, 531.
Тьери — австр. генер. — I. 363.
Тюренн — фр. полковод. — I. 16, 48, 180, 191, 206, 228, 282. II. 233.
Тюренчен — бой 1904 г. — II. 482.
Тюркгейм — бой 1675 г. — I. 232.
Тюро — фр. генер. — I. 352.
Тютей Луи — фр. писатель — I. 161, 166, 210, 241, 383.
Уайт лорд, англ. генер. — II. 423, 477, 498.
Удино — маршал — I. 362, 364, 369, 378, 380.
Ульмская операция 1805 г. — I. 330, 333, 337, 353.
Унгерн — фон, пр. оф. ген. шт. — II. 262.
Урбан — австр. генер. — II. 82, 87, 100, 102, 104.
Ухтомский — кн., русск. адмирал — II. 485.
Учение о хитростях ратного строения пехотных людей — I. 162, 166, 174, 183, 226, 275.
Уэльская война — 1272—1287 гг. — I. 118.
Фабер Федор — русск. писатель — I. 301.
Фабий Кунктатор — диктатор — I. 61, 66. II. 70.
Фальи — фр. генер. — II. 311, 320.
Фанти — сард. генер. — II. 111.
Фарагут — америк. адмирал. — II. 132.
Фарсал — сражение 48 г. до н. эры — I. 79, 174.
Фасман Давид — пр. писат. — I. 179.
Федерб — фр. генер. — II. 328.
Фейербах — герм. философ — II. 230.
Фекьер — фр. военн. писатель — I. 48, 302.
Фельдман — переводч. — II. 120.
Фердинанд II — император — I. 203.
Фердинанд — эрцгерцог — I. 354.
Фердинанд Брауншвейгский — пр. полковод. — I. 21, 300. II 233.

Фердинанд гр. Фландрский — I. 108, 111.
Ферфакс Томас — команд. англ. армии — I. 200.
Филипп VI — фр. король — I. 118.
Филипп Август — фр. король — I, 102, 106, 108.
Филипп Гессенский — I. 164.
Филипп II Македонский — I. 33, 37.
Филлаумэ фон, — пр. военн. агент — II. 383.
Финляндская война 1712—1714 гг. — I. 299.
Флерюс — сражение 1794 г. — I. 316, 318, 327.
Флойд — америк. военн. министр — II. 133.
Флуренс — фр. революц. — II. 324.
Фок — русск. генер. — II. 484.
Фолар — фр. военн. писатель — I. 48, 194, 253, 302, 307, 321.
Фонтенуа — сражение 1745 г. — I. 308.
Форей — фр. генер. — II. 74, 99.
Форест — америк. партизан — II. 139.
Формион — перипатетик — I. 47.
Фосс В. — герм. военн. писат. — II. 231.
Фош — маршал — I. 383. II. 336, 404, 532, 542, 577, 579.
Франко-прусская война — 1870—1871 гг. — II. 9, 121, 184, 201, 203, 211, 271, 273, 546, 576.
Франс Анатоль — франц. писатель — I. 122.
Франц — австр. император — II. 86.
Франц-Иосиф — австр. император — II. 96, 108, 114, 239, 242, 260, 267.
Францесский — пр. генер. — II. 263.
Франциск I — фр. король — I. 160.
Французская революция (Великая) — I. 8, 17, 194, 198, 207, 211, 243, 258, 300, 361. II. 11, 171, 547, 558.
Фредериксбург — сражение 1862 г., — II. 148.
Фрейсинэ — фр. политик — II. 326, 331.
Фрейтаг-Лорингофен — герм. военн. историк — I. 383. II. 166, 232, 411.
Френч — англ. фельдмаршал — II. 50, 422, 429, 437, 441.
Френч — генер. С. Ш. — II. 157, 162.
Фридланд — сражение 1807 г. — I. 342.
Фридрих I — пр. король — I. 245.
Фридрих II Великий — пр. король — I. 16, 48, 207, 213, 224, 227, 243, 288, 290, 293, 300, 327, 338, 340, 353, 359, 382. II. 80, 227, 229, 245, 285, 547.
Фридрих I Барбаросса — император — I. 98, 102, 157.
Фридрих Вильгельм I — пр. король — I. 227, 245.
Фридрих Вильгельм II — пр. король — II. 171.
Фридрих Вильгельм III — пр. король — II. 178, 212.
Фридрих Вильгельм IV — пр. король — II. 181.
Фридрих Вильгельм — великий курфюрст — I. 224, 227, 244, 255.
Фридрих II Гогенштауфен — император — I. 109.
Фридрих-Карл, Гогенцоллерн — II. 201, 216, 231, 257, 262, 266, 296, 299, 311, 330, 335.
Фридрих Р. — пр. военн. историк — II. 231.
Фридъюнг Генрих — австр. историк — II. 122, 270, 525.
Фриман — австр. генер. — I. 369.
Фролов-Багреев — русск. генер. — I. 299.
Фронтин — римск. военн. писат. — I. 76.
Фроссар — фр. генер. — II. 311.
Фруассар — средневек. историк — I. 106.
Фрунсберг фон Георг — вождь ландскнехтов — I. 163.
Фуа де Гастон — фр. полковод. — I. 22, 169, 172.
Фугеры — фирма. — I. 177.
Фукидид — греч. историк — I. 23, 30, 34, 48.
Фурнье Август — австр. историк — I. 383.
Фюрстенберг — нем. полковник — I. 192.

Хардег Юлиус — герм. военн. историк — I. 20.
Харди — фр. военн. писатель — I. 139.
Хелу фон Ян — среднев. писатель — I. 100.
Хениг — герм. военн. историк — I. 196. II. 202, 335.
Херикур — сражение 1474 г. — I. 138.
Херонея — сражение 338 г. до н. эры — I. 39.
Хет — америк. генер. — II. 159.
Хмельницкий Юрий — гетман — I. 278.
Хойер, Иоган Готфрид — нем. военн. историк — I. 15, 20, 98.
Хомутов — русск. адмирал — II. 49.
Хондшоте — сражение 1793 г. — I. 314, 327.
Хорстмар фон Бернгард — рыцарь — I. 111.
Хуйссен — русск. военн. советник — I, 241.
Цезарь Юлий — I. 8, 16, 47, 64, 70, 74, 90, 102, 146, 185, 240, 382.
Церпицкий — русск. генер. — II. 518.
Цзинь-Чжоу — бой 1904 г. — II. 484.
Циммерман — русск. генер. — II. 344.
Цорндорф — сражение 1758 г. — I. 225, 250, 258, 288, 292, 323.
Цусима — морское сражение 1905 г. — II. 521, 535.
Цыбышев — переводч. — I. 48.
Чаки — гр., представ. венгерск. повст. организ. — II. 338.
Ченслорсвиль — сражение 1863 г. — II. 152.
Черная неделя Англии — 1899 г. — II. 425, 427.
Черная речка — сражение 1855 г. — II. 69.
Чернышев — военн. министр — I. 378. II. 21.
Черняев — русск. генер. — II. 353.
Черчиль — англ. министр — II. 540.
Четати сел. — бой 1853 г. — II. 43.
Чикагомини р. — сражение 1862 г. — II. 150.
Чингиз-Хан — I. 7, 144, 151, 271.
Чириков — русск. генер. — I. 281.
Чичагов — русск. адмирал — I. 374, 378.
Шабран — фр. генер. — I. 352.
Шамиль — вождь Дагестана и Чечни — II. 29.
Шанзи — фр. генер. — II. 327, 331.
Шарнгорст — пр. военн. министр — I. 221, 301, II. 172, 186, 188, 204, 220, 231, 549.
Шаспо — изобр. ружья — II. 118, 280.
Шаховской — кн., русск. генер. — II. 382.
Шахе р. — операция 1904 г. — II. 496, 536.
Шварц — пр. военн. писатель — II. 233.
Шварц Мартын — вождь ландскнехтов — I. 165.
Шварценберг — австр. генер. — I. 378.
Шейново — бой 1878 г. — II. 400.
Шереметьев — воевода — I. 278, 288.
Шереметьев — русск. кав. генер. — I. 283.
Шерман — америк. генер. — II. 131, 141.
Шерф — герм. военн. писатель — II. 309, 580, 582.
Шефкет-Паша — II. 397.
Шиллер — поэт — I. 19, 361.
Шиль — пр. полковник — II. 190.
Шильдер Н. — русск. историк — II. 44, 75, 272.
Шильдер-Шульднер — русск. генер. — II. 379.
Шлейермахер — философ — I. 376.
Шленкер Павел — герм. издатель — II. 231.
Шлик — австр. генер. — II. 108.
Шлиффен — гр., нач. пр. ген. шт. — I. 264, 383, II. 230, 286, 334, 419, 528, 542, 558.
Шлихтинг — германск. военн. мыслитель — II. 120, 211, 270, 477, 481, 537, 572, 577, 582.

Шлоссер — герм. историк — II. 525.
Шмоллер — герм. историк — I. 242.
Шнейдер — фр. фирма — II. 418, 555, 560.
Шомберг — маршал — I. 229.
Шоссар — фр. писатель — I. 45.
Шостинский завод — II. 60, 73.
Шпек — немецк. историк — I. 83.
Шпихерн — сражение 1870 г. — II. 311.
Шрапнель — англ. полковник — II. 94, 327.
Штакельберг — бар., русск. генер. — II. 484, 498, 500, 504, 506.
Штауфахер — вождь швейцарцев — I. 132.
Штевин Симон — сотрудник Морица Оранского — I. 183.
Штейн — герм. политик — I. 376. II. 171, 189.
Штейнгель — русск. генер. — I. 378.
Штейнмец — пр. генер. — II. 187, 202, 299.
Штиле — пр. генер. — II. 329.
Шуазель — фр. военн. министр — I. 225.
Шувалов П. — гр., русск. генер. — I. 290.
Шульман — русск. писатель — I. 21.
Шульц Ульям — русск. прапорщ. — I. 278.
Шюкэ А. — фр. историк — I. 22, 328, 382.
Щеголев — фабр. — I. 225.
Щербатов — кн., русск. гв. оф. — I. 40.
Эврипид — греч. писатель — I. 36.
Эдельгейм — австр. генер. — II. 115.
Эджхед — сражение 1642 г. — I. 196.
Эдуард I — англ. король — I. 118.
Эдуард III — англ. король — I. 118.
Экмюль — сражение 1809 г. — I. 338, 365.
Эльзасская кампания Тюренна 1674—1675 гг. — I. 229.
Эльхинген — бой 1805 г. — I. 355.
Эмин-Паша — II. 392.
Эмская депеша — 1870 г. — II. 277.
Энвер-Бей — II. 577.
Энгельс Фридрих — I. 131. II. 75. 335.
Эндрес — герм. военн. писат. — I. 20.
Энезидем — греч. скептик — I. 269.
Эпаминонд — греч. полководец — I. 32, 37, 253.
Эрлах фон, Рудольф, рыцарь — I. 136.
Эрлон фр. генер. — I. 340.
Эрхардт — герм. фирма — II. 555.
Эрцгейм — сражение 1674 г. — I. 230.
д'Эстэ Альфонс — герцог феррарский — I. 169, 171.
Эссекс — гр., англ. главноком, — I. 195, 198.
Югурта — царь нумид. — II. 66.
Юрковский — русск. морск. оф. — II. 70.
Юхуантунь — бой 1905 г. — II. 519.
Яков из Эмса — вождь ландскнехтов — I. 169, 172.
Ямада — яп. генер. — II. 507.
Японо-китайская война 1895 г. — II. 449, 459.
Яффа — сражение 1192 г. — I. 143.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Авангард I. 136, 230, 272, 294, 363, 368, 380. II. 293, 375, 490, 574, 580 Арьергард — I. 136, 366. II. 138, 490, 492, 506.

Авиация — I. 69. II. 567. Воздухоплавание — I. 300. II. 110, 440, 510.

Автомобиль — II. 553; 554. Бронированный — I. 257. II. 566.

Авторитет — I. 35, 39, 43, 54, 65, 78, 87, 89, 98, 116, 141, 143, 166, 199, 238, 282, 306, 310, 315, 321, 323, 331, 340, 342. II. 419, 513.

Агитация — I. 61, 123, 198, 260, 375. II. 32. Солдатский совет — I. 199.

Анархия — I. 98, 119, 138, 181, 221, 342. II. 110, 117, 177, 211, 290, 359. 502, 573.

Антреприза — I. 202, 225, 244. II. 370. Кондотьер — I. 85, 155, 203.

Аракчеевщина — I. 18. II. 14, 18, 212. Военное поселение — I. 83, 152. II. 14, 16.

Артиллерия — I. 74, 127, 129, 138, 145, 154, 168, 172, 178, 190, 200, 203, 214, 222, 258, 267, 302, 312, 322, 323, 339. II. 22, 26, 94, 118, 146, 280, 349, 418, 421, 454, 456. Арсенал — I. 222. Батарея — I. 146, 217, 322. Войска дальнего боя — II. 291, 554, 567. Гаубица — II. 22, 94, 454, 466, 568. Граната — II. 94, 327, 454, 563. Заградительный огонь—II. 581. Запряжка — I. 120, 214, 216, 322. Массирование—I. 322, 339, 371. II. 115, 119, 220, 291, 350. Масштаб калибров — I. 216. Милитаризация — I. 190, 194, 217, 322. Артиллерийский комитет — II. 280. Картечь — I. 322. II. 26, 94, 146, 563. Навесный огонь — I. 216. II. 454, 557, 560, 563. Осадная — I. 240, 345, 350. II. 35, 48, 56, 99, 330, 362, 373, 378, 486, 510. Парк — I. 43, 202, 217. Прикрытие — II. 389. Полковая и батальонная — I. 217. 370. II. 567. Пристрелка — II. 351, 559, 563. Расход огнеприпасов — II. 54, 56, 61, 69, 254, 290, 397, 496, 506, 560. Сверхдальняя стрельба —II. 567. Стрельба по своим — II. 308. Стрельба через головы — II. 554. Тяжелая полевая — II. 291, 419, 422, 454, 555, 558. Химическая борьба — I. 118. II. 60, 563. Шрапнель — II. 90, 520, 563. Экономичность — II. 562.

База — II. 255, 289, 337. База впереди — I. 146, 284. II. 164, 370. Головная — II. 50. Общая — I. 41, 67, 70, 150. Оперативная — I. 44, 67, 146, 211, 326. II. 363, 477, 495, 513. Оперативная охватывающая — II. 424, 468, 480. Перемена базирования — I. 238, 356, 363. Политическая — I. 78. Промежуточная — I. 58. II. 47, 540. Расширение базы — I. 146. II. 365, 478. База флота—II. 41, 363, 464. Экономическая — I. 40, 70, 83, 152, 167, 177, 271, 274.

Бивак — I. 258, 324, 330, 361. II. 165. Расположение на отдых — I. 73, 99, 102, 152, 162, 178, 305. Табор — I. 130, 273. Лагерь — I. 83, 309, 332. Валленштейна — II. 178. Концентрационный — II. 444, 545.

Блокада — I. 33, 102, 317. II. 34, 130, 136, 139, 142, 148, 329, 396, 440.

Боевой порядок — I. 26, 31, 37, 52, 61, 65, 81, 84, 88, 100, 110, 120, 124, 126, 171, 186. Баталия — I. 17, 134, 136. Интервал — I. 51. Линейный — I. 17, 71, 81, 190, 192, 219, 256, 267, 288, 307, 319, 322. II. 209, 349. Косой — I. 33, 253, 264, 267. Методизм — II. 210. Нормальный — II. 26, 209. Плотность — I. 190. Прерывчатость — I. 31, 51, 65, 88, 183, 186, 194. Расчленение — I. 31, 64, 71, 143, 148, 168, 183, 186, 272, 292. II. 26, 28, 86, 215, 218, 348. Боевой участок — I. 340. Стык — I. 341, 343. II. 390.

Бомбардировка — II. 331, 384, 387, 425, 440.

Буланжизм — II. 234, 531.

Бунт (восстание) — I. 56, 73, 107, 122, 145, 149, 163, 184, 228, 248, 280, 310, 374, 376. II. 82, 142, 155, 162, 238, 243, 279, 377.

Буржуазия — I. 50, 106, 114. 131, 139, 159, 205, 241, 243, 279, 281, 303, 330. II. 39, 170, 178, 180, 189, 211, 216, 323, 337, 339, 342, 355, 369, 413; 450, 454, 526, 528, 534. Рантье — II. 530; 532.

Вагенбург — I. 129, 219, 273, 288, 292. Гуляй-город — I. 273, 288. Полкохождение — I. 130.

Варвары — I. 23, 31, 36, 39, 71, 83, 85, 89, 95, 140, 272. Варяг — I. 24, 108, 270, 274. Норман — I. 108, 270.

Вербовка — I. 31, 43, 72, 109, 116, 122, 163, 167, 197, 203, 206, 246, 250, 280, 302. II. 36, 39, 142, 421.

Взаимодействие родов войск — II. 335. Разнобой арт. подготовки и пех. атаки — II. 161. Расчленение сражения на подготовку и атаку — I. 173.

Виртуозность — I. 156.

Водный путь — I. 74, 93, 212, 338, 375. II. 82, 132.

Военная академия — II. 21, 188, 197, 220, 549.

Военная история — I. 11, 155, 342. II. 8, 253, 549. В истор. отд. ген. штаба — II. 195, 199, 270. Истор. искажения — I. 42, 76, 101, 131, 139, 148, 383. II. 201, 335. Опыт войны — II. 73, 92, 95, 117, 162, 201, 219, 288, 381, 452, 573.

Военная контрабанда — II. 127, 139.

Военная литература — I. 12, 15, 19, 22, 34, 36, 45, 48, 55, 69, 73. 76, 82, 122, 139, 151, 155, 164, 174, 215, 227, 240, 268, 298, 327, 382. II. 75, 120, 166, 188, 231, 270, 334, 447, 521, 525, 582.

Военная прогулка — I. 312. II. 140, 324.

Военная промышленность — I. 317, 328. II. 24, 60, 327, 345, 454, 464, 535.

Военная реформа — I. 64, 141, 154, 158, 182, 186, 189, 204, 209, 279. II. 175, 181, 184, 189, 198, 237, 333, 337, 526, 535. Рационализация—I. 291. II. 337.

Военный агент — II. 195, 199, 466.

Военный округ — II. 91, 339. Маршалат — II. 91, 281, 339.

Военный совет — I. 233. II. 395, 419. Маршальский совет — II. 240. Гофкригсрат — I. 202.

Воинская повинность — I. 18, 22, 72, 93, 144, 178, 206, 241, 246, 280, 307, 309, 314, 329, 332, 361. II. 40, 62, 89, 137, 142, 170, 175, 185, 219, 341, 465, 471, 531, 547. Даточные люди — I. 277, 280. Вольноопределяющиеся — II. 173. Вольные стрелки — I. 159. Заместительство — I. 12, 84, 167, 274. II. 333. Кантон-регламент — I. 247. II. 11. Кантонист — II. 15, 20. Комплектование — I. 28, 49, 71, 91, 142, 189, 197, 206, 246, 280, 291, 329. II. 15, 85. Рекрутский набор — I. 188. II. 15. Рекрутская квитанция — II. 16. Срок службы — I. 73, 102, 246, 329, 332. II. 16, 83, 85, 88, 120, 140, 153, 172, 175, 182, 204, 278, 334, 341, 465, 527, 531, 533. Сверхсрочная служба — I. 329, 334. II. 175, 278, 453. Территориальность — II. 327, 456, 535. Уклонение от повинности — I. 135, 313, 329, 372. Самострел — I. 330. Фрейвахтер — I. 245, 249, 291. II. 16. Псевдоним — I. 203.

Воля к победе — I. 264, 300. II. 117, 401.

Вооружение — I. 26, 28, 37, 52, 84, 87, 94, 96, 117, 136. Метательное оружие — I. 89, 122, 219. Лук — I. 28, 89, 97, 100, 118, 153, 194, 219. Арбалет — I. 118, 121, 219. Аркебуза — I. 160, 170, 219. Мушкет — I. 220. Ружье — I. 220. Пистонное — II. 25. Нарезное — I. 222, 321. Штуцер — II. 25, 35, 61, 94. Игольчатое — II. 213. Пистолет — I. 181, 189, 219. Холодное оружие — I. 34, 53, 89, 122, 134, 136, 160, Пика — I. 26, 37, 84, 88, 97, 119, 124, 127, 136, 160, 168, 186, 189, 195, 216, 219, 275. II. 174. Штык — I. 189, 220, 252. II. 418, 466, 503, 577. Автоматическое оружие — II. 558, 561, 565. Миномет — II. 556. Пулемет — I. 257. II. 146, 281, 303, 317, 418, 420, 511, 561, 565. Рогатка — I. 90, 122, 129, 292.

Вооруженный народ — II. 204, 211, 341, 357, 529, 541.

Встречная операция (сражение и бой) — I. 352, 364. II. 103, 106, 111, 116, 120, 158, 164, 216, 293, 501, 516, 572, 583.

Втородинейные войска — I. 206, 372. II. 242, 281, 347, 457, 529, 531, 536. Баши-бузуки — II. 354. Ландвер — I. 361. II. 173, 192, 205, 211, 214, 227, 241, 245, 279, 333, 527, 529, 532, 569. Ландштурм — II. 174, 179, 227, 333, 527. Милиция — I. 17, 29, 49, 56, 61, 64, 66, 69, 86, 102, 106, 110, 158, 183, 206, 222, 241, 246, 273, 280, 307, 311. II. 134, 142, 173, 177, 335, 353, 357, 419, 427, 438, 583. Мобили — II. 278, 326. Мустафхиз — II. 353. Национальная гвардия — I. 311. II. 83, 326. Ополчение — I. 87, 110, 116, 118, 154, 161, 176, 198, 219, 271, 273, 277, 288. II. 24, 242, 326, 346, 358, 397, 399, 409, 412, 419, 427, 442. Редиф — II. 41, 357.

Вылазка — I. 239, 350. II. 493.

Гарнизон — I. 59, 201, 209.

Гвардия — I. 71, 84, 151, 223, 250, 279, 288, 310, 331, 338. II. 23, 91, 113, 295, 397. Драбант — I. 163.

Генеральный штаб — I. 251, 302, 305, 334, 343. II. 21, 76, 90, 122, 187, 229, 232, 246, 253, 272, 323, 570. Большой — II. 121, 191, 193, 199, 202, 207, 361, 559. Колонновожатые — I. 251. „Младотурки“ — II. 577.

Города — I. 104, 106, 133, 244, 270. II. 534.

Гражданская война — I. 12, 36, 77, 79, 82, 107, 126, 135, 146, 155, 174, 190, 194, 206, 310, 314. II. 133, 140, 145, 154, 162, 173.

Грамотность — I. 91, 93, 145, 272. II. 15, 341, 548. Школьная повинность — II. 465.

Дальнобойность — II. 95, 294, 322.

Дезертирство — I. 161, 173, 213, 224, 248, 258, 273, 276, 313, 319, 325, 329, 372, 375. II. 17, 36, 64, 136, 140. Пасволант — I. 166, 205, 282.

Декабристы — II. 11, 18.

Демобилизация — I. 56, 155, 167, 201, 207, 246, 277, 303. II. 97, 403.

Демонстрация — I. 132, 232, 239, 260, 284, 296, 346, 351, 352, 370, 381. II. 69, 109, 362, 374, 384, 397, 409, 426, 500, 511, 514.

Десант — I. 42, 44, 80, 109, 209, 332, 353. II. 29, 46, 59, 109, 131, 149, 282, 363, 365, 473, 482, 539.

Диалектика — I. 21. II. 221, 225, 230, 270, 272, 582.

Дислокация — I. 258, 324, 361. II. 87, 239, 455, 535.

Дисциплина — I. 33, 52, 54, 66, 72, 89, 98, 100, 119, 130, 136, 144, 159, 161, 169, 176, 178, 180, 184, 187, 191, 196, 200, 209, 213, 224, 272, 305, 311, 313, 320, 323, 325, 328, 331, 380, 382. II. 19, 74, 88, 90, 137, 144, 146, 176, 211, 257, 310, 326, 352, 418, 438, 521, 567, 572, 574. Воспитание — I. 153, 161, 256, 291. Дисциплинарные наказания — I. 34, 54, 87, 98, 135, 153, 188, 250, 276, 320, 332. II. 19, 36, 144, 172, 341. Децимирование — I. 43, 145. Рукоприкладство — II. 341, 452. Шпицрутены — I. 188. Муштра — I. 31, 89, 249, 291, 332. II. 27, 182, 212, 295, 342, 348, 453. Тактическая муштра — II. 305. Палочная дисц. — I. 243, 247, 249, 255, 302, 306. II. 306. Дисциплина огня — II. 562. Дисциплина тактическая — II. 117. Добыча (грабеж) — I. 36, 66, 94, 100, 104, 130, 134, 137, 153, 157, 159, 163, 167, 173, 184, 204, 209, 298, 318, 325, 330, 375. II. 132, 158. Драгонада — I. 241. Погром — I. 163. II. 90. Заградительный отряд — I. 34. Суд — I. 165. Традиция — I. 319.

Добровольчество — I. 29, 65, 79, 93, 135, 246, 313, 316, 319, 328. II. 136, 144, 148, 353.

Доктринерство — I. 383. II. 230, 575.

Дороги колесные — I. 74, 114, 301, 338. II. 62, 131, 372, 416, 467, 552.

Дрейв — II. 444.

Железные дороги — I. 204. II. 9, 13, 81, 96, 99, 131, 198, 202, 245, 249, 255, 263, 285, 289, 328, 363, 367, 373, 415, 460, 480, 537. Железнодорожные войска — II. 131, 290, 479, 538. Железнодорожный маневр — II. 539. Частные — II. 81, 290. Постройка — II. 291, 368, 479. Узкоколейки — II. 61, 368, 477, 512. Бронепоезд — II. 146.

Женщины (семья) — I. 83, 85, 99, 122, 135, 153, 162, 166, 191, 208, 308. II. 427, 433, 441, 444. Обеспечение семей мобилизованных — II. 206.

Запасные части — I. 259. II. 23, 93, 108, 182, 241, 245, 278, 333, 346, 359, 420, 469, 471. Запас военнообученных — I. 329. II. 16, 89, 172, 186, 208, 278, 453, 465, 529. Маршевые части — II. 325, 516. Пополнение — I. 188, 206, 259, 373. II. 143, 341, 351, 471. Рекруты резерва — II. 176, 205.

Зимняя кампания — I. 228, 230. II. 59, 62, 327, 550. Зимние квартиры — I. 190, 211, 230, 232, 258, 262, 286.

Знамя — I. 99, 105, 110.

Измена — I. 232, 312, 376, 380. II. 74, 140, 145, 149, 190, 325, 354, 528, 575.

Империализм — I. 39, II. 450, 458, 525, 528, 531, 533.

Инициатива — I. 47, 239, 325, 367, 371. II. 28, 86, 106, 118, 159, 216, 227, 294, 312, 348, 397, 502.

Иностранцы — I. 119, 248, 275, 290, 302, 311. II. 36. Эмигранты — I. 40, 43, 155, 233, 247, 310, 314. II. 35, 144, 238, 243.

Интелигенция — I. 330. II. 18, 20, 216.

Интендантство — I. 31, 204, 211, 244, 279, 281. II. 37, 97, 253, 367, 372, 475.

Интервенция — I. 196, 228, 311, 313. II. 78, 127, 540

Иррегулярный боец — I. 26, 38, 90, 93. Казаки—I. 140, 148, 254, 272, 278, 293. II. 18. Граничары — I. 254. II. 85.

Ислам — I. 141, 153.

Казарма — I. 213, 332. II. 457.

Капитализм — I. 70, 104, 163, 177, 179, 182, 184, 201, 204, 214, 216, 241, 282. II. 176.

Капитуляция — I. 240, 355. II. 321, 331, 398, 401, 441, 488.

Караульная служба — I. 249. II. 17. Развод караулов — I. 207.

Карта — I. 70, 251, 265, 302, 333. II. 147, 195, 249, 421, 547. Проводник — I. 334. Топограф — I. 251.

Классовые противоречия — I. 96, 101, 125, 161, 195, 226, 288, 303, 310, 327, 329, 374. II. 126, 139, 144, 179, 186, 224, 328, 526, 528, 531, 534, 537. Фашизм — II. 79, 126. Чартизм — II. 39. Каста — I. 96, 103, 151. II. 188.

Коалиция — I. 109, 229, 234, 237, 283, 301, 312, 341, 353. II. 226, 284, 525 Объединение командования — I. 234. II. 49, 75. Сепаратный мир — I. 341. II. 32. Военная конвенция — II. 525, 527.

Колониальная война — I. 246, 281. II. 89, 91, 231, 420, 471.

Командный состав — I. 53, 64, 66, 72, 120, 145, 163, 185, 188, 197, 204, 206, 226, 251, 256, 277, 288, 303, 315, 318, 331. II. 18, 27, 86, 90, 137, 139, 143, 145, 180, 186, 327, 342, 356, 358, 399, 454, 466, 471, 527, 535 Частный начальник — I. 57, 64, 325. Выборный — I. 163, 184, 316. II. 142, 326, 417, 419. Награды — I. 73, 278. Запас офицерский — II. 343, 453. Зауряд-офицер — I. 241, 303. II. 453. Воевода — I. 278 Местничество — I. 277, 279. Капитан — I. 158, 164. Комиссар — I. 205, 209, 276, 281, 315. Амбозат — I. 164. Конетабль — I. 112, 126. Центурион — I. 52, 71, 83, 87, 164, 187. Фельдмаршал — I. 165, 177. Профос — I. 165. Фельфебель — I. 164. Юнкер — I. 207.

Конница — I. 28, 37, 42, 45, 53, 57, 88, 103, 150, 180, 189, 195, 197, 255, 341. II. 22, 114, 254, 315, 351, 396, 511, 567, 581. Атака — I. 62, 81, 90, 100, 112, 121, 124, 127, 172, 180, 189, 197, 200, 225, 235, 262. II. 58, 138, 261, 316, 319, 431, 438. Шок — I. 256. Спешенный бой — II. 162, 421. Спешивание рыцарей и начальников — I. 80, 117, 126, 137. Самостоятельная — I. 282. II. 138, 162, 216, 291, 351. Конная пехота — II. 417, 421, 429, 433, 437. Драгуны — I. 257, 283. Кирасиры — I. 25, 57, 62, 257, 293. Железнобокие — I. 180, 197, 200. Рейтары — I. 180, 255, 277. Шеволежеры — I. 180. Легкая конница — I. 140, 257, 272, 288, 292, 380. Гусары — I. 257, 293. Корволант — I. 283. Золотой век — I. 256. Резервная — I. 341, 366. Эскадрон — I. 38, 197, 225, 256. Ремонтирование — I. 94, 181, 225, 373. II. 87, 92, 553.

Кочевники — I. 141, 144, 271.

Крепость — I. 90, 102, 104, 123, 132, 161, 211, 217, 237, 246, 294, 302, 312, 327, 338, 345. II. 54, 82, 256, 290, 362, 456, 468, 481, 567. Укрепленный лагерь — I. 55, 74, 218, 265, 287, 292, 373. II. 383, 568. Постепенная атака — II. 64. Ускоренная атака — II. 56, 485, 569. Контрвалационная линия — I. 33, 185. II. 58. Циркум-валационная линия — I. 33, 61, 75, 155, 239. Летцина — I. 132. Осада — I. 39, 44, 58, 60, 74, 102, 140, 142, 145, 148, 185, 286, 338, 346.

Крестьянство — I. 128, 134, 144, 147, 156, 160, 188, 246, 270, 280, 291, 374, 380. II. 125, 356, 581. Смычка города и деревни — I. 49, 104, 159, 271. Крепостное право — I. 92, 291, 374. II. 12, 337.

Магазин — I. 74, 93, 191, 202, 209, 228, 245, 259, 292, 308, 325, 346. II. 97, 154, 254.

Маневренность — I. 57, 64, 69, 82, 254, 267, 298, 308. II. 118, 223.

Маскировка — II. 417.

Мобилизация — I. 58, 106, 135, 142, 330. II. 23, 46, 86, 91, 137, 176, 185, 193, 204, 234, 244, 279, 282, 284, 354, 358, 420. Количество мобилизуемых возрастов — II. 182, 184. Перманентная — II. 88, 326, 332, 347, 546. Промышленности — II. 546. Экономическая — II. 543. Частная — II. 346, 413, 462, 469, 574. Моб. запасы — I. 222. II. 454, 535. План — II. 92, 202, 205. Импровизиция — II. 201.

Моральные силы — I. 98, 188, 236, 243, 292, 294, 319, 327, 330, 335, 339. II. 222, 229, 242, 494, 520. Патриотизм — I. 319, 332. II. 167, 275, 320. Партийность — I. 197. Сломанные копья — I. 159. Скептицизм начальников — II. 21, 24, 28, 74, 80, 116.

Наемник — I. 18, 51, 56, 63, 85, 102, 106, 110, 115, 118, 121, 126, 131, 133, 155, 162, 165, 169, 177, 213, 276, 326. II. 36, 88. Брабансон — I. 111, 156. Ландскнехт — I. 24, 161, 169, 172, 178, 180, 183, 195, 210, 226, 274, 321. II. 90, 542.

Национальность — I. 72, 83, 128, 188, 203, 290. II. 19, 84, 379.

Нестроевые — I. 29, 50, 53, 71, 94, 97, 208, 212, 273, 318. II. 476, 554.

Обоз — I. 94, 120, 176, 190, 200, 202, 208, 212, 255, 284, 293, 318, 324, 326, 358, 364, 372, 380. II. 37, 48, 58, 62, 64, 66, 82, 93, 96, 131, 147, 158, 253, 256, 360, 372, 376, 402, 419, 428, 472, 477, 509, 550. Армейские транспорты — II. 98, 429, 431, 478. Багаж офицерский — I. 318. Корпусный — II. 96, 109. Обывательские подводы — II. 14, 253, 289. Полковой — II. 92, 429. Продовольственные повозки — II. 96, 253, 372, 551.

Оборона — I. 218. II. 227, 349, 360, 385, 571. Задача оборонит. — I. 232. Пассивная — I. 122, 125, 234, 236, 264, 369. II. 114.

Обучение — I. 27, 31, 36, 51, 73, 95, 98, 161, 169, 176, 180, 183, 189, 201, 207, 249, 268, 275. II. 28, 146, 420. Военная игра — I. 334. Всеобщее военное — II. 168. Маневры — I. 67, 309. II. 178, 212, 214, 572. Полевые поездки — II. 91, 193, 199, 271. Сборы лагерные — II. 471, 550. Сборы запасных — II. 168. Прикладной метод — II. 210, 270. Школа военная — I. 156, 174, 251, 288. Кадетский корпус — I. 227, 289. II. 20, 197, 342. Юнкерское училище — II. 343, 539. Школа офицерская — II. 351. Церемониальный марш — II. 27, 43, 212. Ружейные приемы — I. 174, 184, 222, 291. Шаг в ногу — I. 26, 136, 183, 221, 253. Караколе — I. 168, 181, 189. Фехтование — I. 96.

Одежда — I. 99, 115, 166, 179, 191, 199, 203, 223, 291. II. 17, 174, 339, 401, 476, 550. Защитный цвет — II. 417, 421, 446, 550, 558. Ливрея — I. 223. Форменная — I. 199, 224. Обувь — I. 223. Сукно — I. 223.

Оккупация — I. 103, 244, 372, 377. Генерал-губернаторство — II. 256.

Окружение — I. 33, 61, 63, 69, 75, 127, 143, 148, 172, 194, 236, 264, 338, 362, 369, 378. II, 160, 247, 322, 445, 468, 517, 520.

Оперативное искусство — I. 13, 113, 156, 335, 338, 344. II. 574. Внезапность — I. 361. Действия на фланг и сообщения — I. 43, 67, 124, 126, 150, 170, 174, 238, 259, 261, 264, 283, 287, 292, 348, 351, 356, 373, 378. II. 54, 492. Завеса — II. 138, 147. Заслон — II. 374, 377. Значение населенных пунктов — II. 164. Кордон — I. 260, 324, 336, 343, 345, 371. II. 247, 373, 569. Разброска сил — II. 153, 246. Подвижность — I. 367, 373. Концентрическое наступление — I. 338, 358, 369. II. 209, 251, 265, 268, 288, 382, 385, 495. Линейность — II. 572. Операционная линия — II. 246. Внутренние линии I. 337, 345, 351, 355. II. 67, 209, 258, 268, 285, 365, 386. Маневр — I. 236, 239, 265, 288, 298, 327, 345, 355, 358, 361, 372. Оборона — I. 229. Ограниченная цель операции — II. 497. Одновременность приступа к операции — II. 400, 510, 518. Охваченное пространство — II. 494, 496, 521. Пауза — I. 147. II. 496, 506, 508. Путь отступления — I. 77, 261, 337, 373. Развертывание — I. 327, 338, 358. II. 87, 93, 244, 266, 285, 404, 458, 467. Гибкость развертывания — II. 285, 287, 422, 538. Расчленение группировки — II. 249, 386, 496. Риск — I. 77, 80, 174, 238, 337, 358. II. 223, 366. Свобода — II. 477, 480. Охрана сообщений — II. 318, 364. Отказ от сообщений — II. 164. Темп наступления — II. 98, 571. Пятипереходная система — I. 209, 211, 326. II. 571. Эшелонная война — II. 147, 478.

Организация — I. 64, 75, 85, 141, 144, 152, 160, 176, 180, 198, 233, 271, 275, 314. II. 22, 38, 92, 338, 348, 354. Постоянная армия — I. 17, 29, 71, 158, 200, 213, 223, 225, 241, 244, 280. Рота — I. 31, 157, 163, 186, 206. Регимент — I. 163. Банда — I. 159, 165, 172, 201, 226, 255, 314. Батальон линейный — II. 458. Бригада — I. 168, 192, 208. Полубригада — I. 316. Дивизия — I. 207, 316, 324, 340. II. 214. Дружина — I. 24, 88, 91, 95, 147, 151, 270. Копье — I. 96, 100, 105, 130, 138, 154, 158, 180, 189 Корпус — I. 324, 340. II. 119. Ордонансовая рота — I. 158, 177, 201. Терция — I. 168, 186, 192. Местные войска — II. 18, 22, 338. Штат — I. 186, 209. Амальгама — I. 316.

Охрана побережья — II. 354, 363, 540.

Охранение — I. 97, 145, 270, 273. II. 147, 352, 391, 419, 439, 441, 475, 496, 575, 577. Пароль — I. 123.

Паника — I. 46, 77, 87, 138, 239, 312. II. 147, 154, 156, 299, 352, 364, 376, 381, 384, 388, 392, 402, 408, 433, 442, 493, 507, 511, 536, 564.

Парад — I. 163, 205, 267, 281. II. 27, 211. Плац-парадные тенденции — II. 27, 89, 180, 211, 215, 288, 579.

Партизанские действия — I. 255. II. 127, 134, 138, 166, 174, 201, 326, 328, 419, 443, 448. Малая война — I. 43, 140, 168, 213, 293, 319. II. 35. 64, 89. Фуражировка — I. 97, 229. Франк-тирер — II. 326, 328.

Перевозки по оперативному развертыванию — II. 88, 203, 207, 279, 461. Морем — II. 46. Транспортные средства на море — II. 50, 61, 63. На подводах — I. 333, 338. Не нагруженных транспортов — II. 255.

Переправа через реку — I. 366, 381. II. 152, 162, 362, 372, 481. Оборона реки — II. 373. Активная — I. 371. Предмостная позиция — II. 375, 386.

Пехота легкая — I. 28, 32, 38, 46, 53, 63, 68, 80, 89, 254, 258, 292, 301, 308, 319. II. 114, 348. Войска ближнего боя — II. 291, 349, 564. Егеря — I. 254, 292. Линейная пехота — I. 25, 37, 51, 65, 89, 105, 134, 136, 153, 254, 258, 292, 308. II. 114, 348. Гоплит — I. 29, 31. Средневековая — I. 90, 104, 111, 122. Сипаи — I. 151. Пиаде — I. 152. Янычары — I. 152, 177. II. 357. Возрождение — I. 26, 86, 107, 114, 125. Мушкатеры — I. 168, 186. Равнение — I. 23, 27, 51, 100, 136, 157, 169, 181, 184, 189, 293, 307, 340, 361. II. 28, 348, 578. Сомкнутость — I. 25, 32, 37, 87, 221, 224, 256, 323, 353. II. 215, 303, 305, 309, 348, 420, 453, 564, 580. Фаланга — I. 23, 25, 28, 30, 32, 37, 45, 50, 63, 65, 88, 123, 126, 134. II. 246, 394. Колонна — I. 88, 100, 134, 186, 194, 253, 301, 307, 319, 339, 371. Иноземный строй — I. 276, 279. Развернутый строй — I. 252, 307, 309, 319, 326. Каре — I. 292, 336,

359. II. 306. Плутонг — I. 253. Строй поротно — I. 31, 186. II. 26, 85, 215, 218, 303, 581. Рассыпной строй — I. 32, 88, 168, 254, 292, 301, 309, 319, 323, 329, 361. II. 28, 89, 303. Стрелковая цепь — I. 221, 321, 326, 370. II. 26, 118, 146, 214, 348, 453, 579. Ружейный огонь — I. 190. Индивидуальный огонь — I. 221. Коллективный — I. 221. Залпы — I. 127, 221, 235, 252. II. 348, 420, 453. Дальний руж. огонь — II. 26, 61, 95, 276, 292, 304, 345, 349, 438, 564. Ружейные батареи — II. 564. Стрелковый бой — I. 28, 34, 52, 101, 118, 121, 143, 148, 160, 168, 254, 272, 309, 320. Стрелковая позиция — II. 55, 305, 309, 503. Обучение стрельбе — II. 26, 96, 212, 218, 345, 348, 350, 417, 421, 440, 454. Огневой перевес — II. 309, 580. Огнепоклонство — I. 252. Наступление пехоты — I. 26, 33, 46, 53, 81, 88, 126, 133, 136, 138, 168, 172, 192, 252, 263, 275, 307, 320, 371. II. 309, 438, 503, 579. Перебежки — II. 305. Подталкивание цепи резервами — II. 393, 395. По совершенно открытой равнине — II. 115, 310. Атака без выстрела — I. 252. Штурм — II. 68, 113, 159, 161, 298, 307, 310, 392, 394, 397, 426, 439, 446, 486, 581. Штыковой удар — II. 35, 218, 348.

План войны — II. 204, 282, 468. Кампании — I. 68, 80, 317, 340, 357, 373, 378. II. 194, 199, 225, 267, 361.

Пленные — I. 124, 135, 188, 248, 341. II. 325, 332, 334, 443.

Подготовка к войне — I. 159, 293, 372. II. 198, 449, 455. Политическая — I. 374. По внешней политике — II. 449. Саботаж — I. 375. Во внутренней политике — II. 237, 355, 454, 469. Подготовка гражданской войны — II. 133. Материальная — II. 280, 360. Партия войны — I. 56, 354, 360. II. 277, 283.

Позиционная борьба — I. 218, 258, 308. II. 9, 73, 150, 290, 373, 396, 430, 508, 513, 541, 561, 581. Тыловая позиция — II. 116. Фланговая позиция — I. 238. II. 267, 399. Засечная линия — I. 273.

Политика и стратегия — I. 39, 60, 76, 130, 138, 191, 327, 341, 374. II. 126, 134, 153, 164, 221, 241, 321, 363, 469. Война на два фронта — II. 242, 571. Залог — II. 474. Лозунг — I. 374. II. 223, 237. Полит. оборона — II. 134. Полит. оружие — II. 32, 77. Полит. отступление — II. 243. Полит. ошибка — I. 57. II. 259. Полит. преследование — II. 402. Полит. разложение — I. 59, 147, 150, 199, 260, 310, 373, 379. II. 74, 268, 352, 399, 402, 407, 421, 431, 446, 455. Полит. устойчивость — II. 312. Кабинетная война — I. 252, 260. Превентивная война — II. 527. Нейтралитет — II. 135. Внутренний фронт — I. 158, 206. Федерация — I. 137. Иредента — II. 275.

Порох — I. 214. Бездымный — II. 418, 558. Греческий огонь — I. 214. Селитра — I. 214, 317.

Потери — I. 59, 64, 101, 112, 122, 173, 182, 256, 258, 323. II. 53, 59, 68, 163, 270, 295, 308, 371, 422, 426, 471, 476, 478, 550. Пиррова победа — I. 259.

Походное движение — I. 94, 283, 296, 337, 367. II. 106, 308. Глубина колонны — 246, 255, 262, 287, 429, 559. Расчленение походного порядка — I. 324, 361. Фланговый марш — I. 239, 262, 348, 362. II. 100, 151, 153, 364, 518.

Преследование — I. 44, 82, 88, 102, 113, 151, 174, 223, 259, 287, 294, 341, 360, 371. II. 53, 106, 115, 160, 162, 265, 317, 381, 384, 390, 402, 409, 506, 570.

Продолжительность войны — II. 543.

Пролетариат — I. 29, 50, 65. II. 79, 164. Люмпен-прол. — I. 208, 302, 310. II. 127, 143.

Профессиональный воин — I. 29, 35, 50, 56, 65, 69, 80, 83, 95, 122, 130, 155, 157, 162, 274, 280. II. 278. Ветеран — I. 73, 168, 184, 218, 331, 359, 382. Квалифицированный воин — I. 26, 31, 90, 92, 115, 138, 176, 182, 199. Деклассирование — I. 29, 35, 66, 156, 162. Обеспечение отставных — I. 73, 203, 208, 331.

Рабочий батальон — II. 64. Трудовая армия — I. 74, 241. Трудовая повинность — I. 317.

Разведка — I. 113, 251, 257, 272, 334, 359, 368. Агентурная — II. 40, 107, 227, 314, 366, 407, 414, 419, 430, 501, 514, 544. Войсковая — II. 90, 102, 110, 147, 154, 157, 220, 258, 296, 381, 389, 421, 446, 567. Оперативная — II. 291, 375. Цензура — II. 40.

Революция — II. 98, 107, 116, 206, 278, 311, 313, 323, 333, 339, 355, 521 Извне — I. 313. Контр-революция — I. 310, 314, 316. II. 144. Извне — II. 134, 164. Сочувствие населения — II. 48, 82, 138, 158, 362, 364, 370. Борьба с революц. движением в тылу — II. 82. Мертвящий центр — I. 79. II. 136. Террор — I 315. II. 129. Якобинцы — I. 315.

Резерв — I. 34, 101, 369. II. 105, 107, 116, 381, 384, 388, 394, 578. Артиллерийский — II. 291. Общий — I. 65, 81, 112, 234, 236, 340. II. 266, 383, 388, 498, 501, 503, 513. Сводный — II. 516, 520. Резервный порядок — I. 338. II. 251, 293, 303, 382.

Рейд — I. 132, 138, 151, 155, 164, 166, 443, 478, 509.

Рыцарство — I. 86, 95, 99, 103, 108, 110, 136, 142, 153, 176, 180. Сержант— I. 98, 110. Мамелюк — I. 27. Турнир — I. 96, 113.

Санитарное состояние — I. 347, 381. II. 47, 63, 71, 97, 121, 257, 338, 341, 346, 371, 476, 478, 551. Медицина — I. 166, 176, 202, 204, 208. Общественные организации помощи — II. 63, 121, 551. Красный Крест— II 121.

Связь — I. 284, 333, 338, 351, 362, 376, 379. II. 106, 262, 352, 419, 541. Гелиограф — II. 419, 441. Ординарец — I. 333. Радио — II. 158 Телеграф — I. 300, 333, 338, 351. II. 13, 65, 247, 328, 537, 541. Телефон — I. 338. II. 541, 548. Фельдъегерь — I. 251.

Случайность — I. 101, 113, 338, 341, 347, 371. II. 515.

Снабжение — I. 74, 93, 113, 152, 156, 158, 174, 191, 209, 213, 238, 273, 325. II. 14, 16, 37, 43, 98, 452, 535. Обезличенное — II. 289. Централизация — II. 207, 282. Комодитет — I. 184. Паек — I. 30, 50, 83, 115, 161. II. 131, 257. Жалованье — I. 50, 72, 115, 118, 159, 163, 168, 184, 187, 205, 209, 274, 276, 281. II. 451. Горячая пища — II. 16, 63, 96, 109, 111, 113, 426. Запасы в вагонах — II. 255. Носимые — II. 257, 371. Подвижные — I. 94, 326. Местные средства — I. 209, 211, 308, 325, 329, 373. II. 80, 82, 98, 130, 132, 154, 251, 256, 288, 290, 369, 415, 428, 467, 472, 475, 552. Подвоз — I. 74, 170, 210, 212, 308, 325. II. 61, 97, 131, 256, 290, 372, 396, 403, 489, 512. Реквизиция — I. 191, 209, 244, 375. II. 37, 82, 96, 154, 253, 444. Хлебопечение — I. 209, 293, 325. II. 63, 254, 257, 288, 370.

Сосредоточение — I. 76, 265, 325, 336, 338, 342, 351, 355, 358, 361, 367, 369, 372. II. 98, 423, 477, 496. „Гнусная крайность“ — 250, 424, 495, 576. Сосредоточенное движение — II. 98, 107, 258. В исходном положении — II. 98.

Сражение — II. 508. Значение — I. 43, 82, 102, 112, 124, 126, 173, 259, 335. Материальное — II. 73. Ординарное — I. 61, 337. Экстраординарное — I. 337. С перевернутым фронтом — I. 44, 239, 294, 312, 337, 339, 353. II. 223, 243.

Стратегия — I. 327. Азиатская — I. 146. Комуникационная линия — I. 93, 343, 355, 358. Насилие — II. 225, 228. Наступление — II. 227. Кульминационная точка — I. 146, 382. Обсервационная армия — II. 285. Перемирие — II. 401. Принцип частной победы — I. 33. Разброска сил — I. 58. Развертывание — II. 354, 470, 474. Нарастание сил — I. 146. Эшелонность — I. 360. II. 347. Максимальное напряжение — II. 285. Размах войны — II. 140. Реализм — II. 228. Резерв — I. 358, 360. II. 363. Сообщения — I. 238, 240, 259, 284, 294, 297, 326, 337, 339, 352, 363, 365, 370, 380, 382. Сокрушение — I. 59, 174, 188, 259, 284, 287, 327, 335, 342, 360, 373. II. 9, 34, 43, 49, 58, 65, 72, 109, 142, 184, 216, 225, 245, 268, 284, 364, 370, 376, 382, 385, 399, 409, 411, 445, 455, 470, 545. Измор — I. 174, 190, 228, 253, 260, 283, 335, 353. II. 34, 44, 58, 65, 72, 142, 163, 225, 444, 451, 474, 544. Цель — I. 58, 61, 78, 102, 109, 190, 336. II. 225, 362. Ограниченная — I 173, 232, 335. II. 29, 77, 126, 184, 225, 283, 365. Промежуточная—

II. 47. Географический пункт — I. 350. II. 34, 44, 53, 60, 65, 69, 73, 422, 445, 468, 470, 472, 482. Сокрытие замысла — II. 430. Чисто военная точка зрения — II. 222, 267, 364.

Тактика — огневая — II. 118, 215, 219, 292, 303, 417, 446, 578. Ударная — I. 321. II. 118, 215, 218, 270, 292, 309, 389, 394, 409, 420, 445, 453, 477, 495, 521, 578. Линейная — I. 64, 67, 69, 189, 251, 301, 309, 321, 329, 361. II. 36, 39, 52, 210. Перпендикулярная — II. 212, 214. Тонкая или глубокая — I. 34, 100, 107. Боеспособность — I. 84, 131, 319, 325, 337, 367. II. 352, 419, 421. Бой в болотах — I. 348. В горах — I. 349. II. 399. В лесах — II. 137, 139, 146. Громоподобный удар — II. 496. Умение использовать скромные достижения — II. 495. Вспомогательния атака — II. 338. Единица — I. 17, 57, 89, 95, 138, 153, 161, 173, 176, 178, 180, 219, 224, 255. Завязка боя — I. 69, 340. II. 293, 297. Развертывание — I. 62, 234, 340. II. 117. Засада — I. 132. II. 573. Ключ — II. 302. Косое направление неприятельской позиции — I. 119. II. 291. Местные предметы — I. 236, 254, 320, 361. II. 523. Неуязвимость фронта — II. 148, 440, 442, 445, 509. Боязнь фронтальной атаки — II. 442, 445, 510, 518. Ночной бой — II. 494, 504, 507. Обеспечение фланга — I. 27, 31, 69, 71, 81, 126, 136, 193, 363. Фланговый удар II. 105, 381. Уступ — I. 31, 46, 100, 136, 254, 257, 372. II. 266, 517. Охват — I. 43, 63, 69, 81, 111, 127, 143, 157, 172, 192, 239, 254, 257, 264, 287, 297, 339, 366, 369. II. 266, 294, 296, 300, 306, 310, 312, 390, 500, 502, 508, 514, 516, 520, 528. Применение к местности — II. 26, 28, 89, 214, 303, 309, 348, 417, 446. Перемешивание частей — II. 265, 300, 308, 394. Прорыв — I. 32, 39, 45, 51, 62, 88, 90, 187, 337, 339, 343, 371. II. 113, 394, 492, 508, 520, 580. Смена частей — II. 113, 494, 508. Таран — I. 37. II. 43. Чувство локтя — I. 52, 323. II. 252, 266, 517, 542.

Танк — I. 47, 69. II. 566. Боевая колесница — I. 46. Слон — I. 46, 48.

Театр военных действий — I. 233, 238, 287, 335, 339, 351, 354. Главный — II. 43, 49, 133, 245, 363. Второстепенный -- II. 43, 49, 133, 245, 406, 409, 469.

Теория военная — I. 47, 156, 174, 183, 290, 292, 308, 336, 351. II. 28, 119, 209, 229. Военно-научное общество — II. 188, 549. Софисты — I. 34. 47. Перипатетики—I. 47. Статистика—I. 251. Схоластика—II. 193,

Техника — I. 33, 74, 144, 215, 219, 271, 300. II. 9, 40, 110, 118, 220, 351.

Тыл — I. 44, 74, 94, 118, 124, 148, 166, 191, 208, 213, 238, 273, 302, 312, 339, 376, 379. II. 62, 97, 208, 249, 288, 360, 367, 429, 479, 571, 576, Этап — I. 102, 145, 148, 335. II. 397. Этапная инспекция — II. 290, Беженцы — II. 376, 402.

Уклонение от боя — I. 43, 74, 76, 80, 118, 126, 170, 229, 233, 283, 356. Отступление — I. 69, 173, 240, 309, 380. II. 278, 514, 520. Золотой мост — I. 77, 232. II. 388.

Управление — I. 47, 90, 101, 118, 134, 138, 143, 173, 176, 196, 200, 272, 321, 333, 355, 374. II. 116, 119, 246, 252, 294, 446, 500, 542. Директива — II. 119, 252, 502. Приказ — I. 87, 99, 173, 178, 333, 367. II. 252. Команда — I. 73, 100, 183, 321, 340. Сигнал — I. 73, 99, 184. Контроль — I. 49, 91, 116, 202, 205, 281. Инспекция — I. 207, 220. Адъютант — I. 267, 360. Адъютантура — II. 188, 193. Рекогносцировка — I. 110, 262, 265, 267. II. 293, 500. Рекогносцировка усиленная — II. 99, 406, 425. Ориентировка в обстановке боя — II. 116, 574. Уяснение результата сражения — II. 106, 265. Нормирование движений транспортов — II. 254, 371. Место ставки — II. 543. Трения — II. 229. Центральное военное управление — II. 38, 339, 359. Разряд — I. 277, 279. Номинальное командование — I. 238, 339, 354. II. 406. Положение о полевом управлении — II. 340. Военные сообщения — II. 193, 367.

Устав — I. 76, 98, 130, 161, 164, 166, 169, 174, 221, 227, 256, 275, 281, 300, 321, 361. II. 19, 26, 86, 92, 118, 120, 211, 419, 446, 578. Артикул — I. 164. Присяга — I. 91, 164.

Феодализм — I. 24, 28, 49, 86, 115, 123, 129, 133, 138, 140, 148, 154, 160, 195, 202, 204, 223, 272, 277, 279, 303. II. 11, 21, 84, 188, 333, 340. Вассал — 91, 95, 98, 102, 107, 110, 114, 117, 276, 377. Буцеларий — I. 91. Лен — 92, 98, 107, 115, 142, 151, 272. Поместная система — I. 272, 279. Рыцарство — I. 86, 95, 99, 103, 108, 110, 136, 142, 153, 176, 180. Сержант — I. 98, 110. Мамелюк — I. 27. Турнир — I. 96, 113. Сеньер — 91, 97, 114, 154, 377. Служилые люди — I. 278, 299. Боярский сын — I. 273, 277. Стрельцы — I. 275, 279.

Финансы—I. 245. II. 254, 370, 451, 543, 546. Денежное обращение — I. 29, 50, 83, 86, 103, 114, 116, 142, 177, 184, 274. Налоги — I. 50, 83, 93, 103, 116, 142, 158, 209, 271. Расходы на войну — II. 71, 130, 163, 270, 333, 444, 543. Субсидии — I. 244, 312. Бюджет — I. 301. II. 13, 40, 338, 450, 452, 463, 465.

Флот — I. 41, 44, 56, 74, 79, 109, 114, 243, 317. II. 29, 40, 45, 54, 56, 58, 81, 108, 128, 132, 136, 139, 282, 325, 338, 354, 360, 362, 462, 474, 479, 481, 485, 487, 530, 534, 539, 556. Речной — II. 132, 360, 373. Затопление — I. 53, 70.

Фортификация — I. 35, 54, 73, 90, 141, 145, 184, 217, 286. II. 147, 227, 349, 360, 380, 396, 569. Военный инженер — I. 218, 251, 302, 305. II. 192, 291. Блокгауз — II. 444. Форт — II. 481, 568. Окопное дело — II. 306, 417, 501, 557. Искусств. препятств. — I. 292. Шанцевый инструмент — II. 55, 306, 349, 391, 394. Мина — I. 185. Минная борьба — II. 64.

Централизация — I. 335. II. 22, 207, 252, 369, 500, 573. Децентрализация — I. 362. II. 91, 207, 252, 294, 323, 339.

Цех — I. 204, 215. II. 192, 351.

Численность — I. 42, 59, 61, 67, 71, 86, 94, 142, 165, 205, 211, 245, 255, 258, 265, 314, 336. II. 13, 181, 185, 280, 346, 421, 453, 466.

Чинопроизводство — I. 186, 226, 277. Продажа должностей — II. 36. Бюрократия — I. 115, 152, 176, 272. II. 192, 546. Дьяк — I. 272, 278, 282.

Шеренга — I. 23, 26, 33, 37, 50, 61, 100, 120, 134, 136, 168, 181, 184, 186, 189, 192, 340. II. 26, 92.

Ширина фронта — II. 430, 435, 442, 446, 553.

Штаб — I. 55, 202. Штабная служба — II. 22, 296, 548.

Эвакуация — I. 319. II. 68.

Эволюция военного искусства — II. 532.

Экономика крепостническая — II. 12, 73, 337. Натуральное хозяйство — I. 25, 82, 86, 89, 93, 96, 114, 140, 176, 272, 274, 278. II. 12, 14, 334. Хлебная торговля — I. 103, 191, 213, 241, 275. Экономическое истощение — II. 24, 80, 129, 174, 176, 339, 357. Экономическое оружие — I. 123, 260. II. 33, 81. Экономическое разложение — I. 45, 83, 89, 173, 260, 276.